РУССКОЕ СЛОВО.

V.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 мая 1861 года.

Ценсоры: *Е. Волковъ.*
Ѳ. Веселаго.

Редакція Русскаго Слова покорнѣйше проситъ Гг. подписавшихся по разсрочкѣ озаботиться своевременнымъ доставленіемъ слѣдующихъ за треть денегъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

Въ приложеніи: Монте-Бени, романъ *Натаніеля Готорна* (пер. съ англійскаго.)

НЕОЖИДАННОЕ БОГАТСТВО.

I.

Въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней, по одной изъ столбовыхъ дорогъ, верстахъ въ десяти отъ города, шелъ невзрачный старичишка, тяжело опираясь на палку; длинная нанковая его сибирка отъ долговременнаго употребленія изъ темнозеленой превратилась въ желтобурую; на шерстяномъ кушакѣ, опоясанномъ поверхъ сибирки, съ одного бока висѣли сапоги, между тѣмъ какъ ноги пѣшехода обуты были въ лапти. Черезъ плечо на спинѣ висѣлъ холщевой мѣшечекъ. Лице старика съ слѣповатыми и слезящимися глазами, было дряблое, сморщенное и потертое точно такъ же, какъ и его сибирка, и оканчивалось сѣдою рѣдкою клинообразною бородою. Изъ подъ суконнаго замасленнаго картуза, выползалъ на спину сѣдой тощій пучекъ, претендующій на названіе косы, который и изобличалъ въ путникѣ дьячка.

Несмотря на то, что по обѣимъ сторонамъ дороги густолиственныя березы давали тѣнь и прохладу, покачивая своими кудрявыми верхушками, крупный потъ обливалъ пѣшехода. Онъ безпрестанно останавливался, то утирая себѣ лице, какою-то грязною тряпкою, которую держалъ въ рукавѣ, то поправляя висѣвшіе сапоги, или подтягивая мѣшокъ. Словомъ, во всѣхъ движеніяхъ старика замѣтна была большая усталость и, казалось, онъ останавливался скорѣй для

того, чтобъ перевесть духъ, чѣмъ поправить что нибудь. Порою онъ спотыкался, съ досадою отбрасывалъ палкою хворостину или вѣтку, преграждавшую ему дорогу и дребезжащимъ голосомъ проговаривалъ бранное слово.

Наконецъ старикъ остановился, стукнулъ сердито палкою о землю и смотря на свои ноги сказалъ:

Нейдете, окаянные, нейдете! а много ли отошли-то... А? Не за что вамъ и отдыха-то дать. При этомъ онъ сдѣлалъ еще шаговъ десять, но далѣе идти не могъ и остановился.

Да, — продолжалъ онъ спокойнѣе, бранись—не бранись, а дѣлать нечего, отдохнуть надобно. Постой-ка попробую, разуюсь, ишь лаптищи то тяжелы, авось босому-то легче идти,— и тяжело опустившись на землю, старикъ досталъ изъ-за пазухи берестяную тавлинку, съ наслажденіемъ втянулъ въ себя за-разъ два пріема, крякнулъ и, спрятавъ опять табатерку, не торопясь принялся разуваться.

Эка, Господи! подумаешь, вотъ она и старость-не-радость пришла, охо-хо! говорилъ онъ самъ съ собою, прилаживая лапти къ кушаку по сосѣдству съ сапогами — да, а было времечко, по семидесяти верстъ въ сутки улепетывалъ, бывало, какъ на *вакацію* отпустятъ, идешь себѣ да пѣсни по нотамъ распѣваешь... да, было времечко, да прошло.... Эхъ, ты доля моя горемычная! старость да скудость послѣднія силы отняли... хотя и учатъ скудость почитать матерію, однако.... да что это въ самомъ дѣлѣ, хоть бы подъѣхалъ кто нибудь, и подвезъ до города мое грѣшное тѣло, примолвилъ бѣднякъ, тяжело вздохнувъ, и сталъ посматривать то въ ту, то въ другую сторону вдоль дороги. Но никого не было видно, кромѣ старухи нищей, идущей по другой окраинѣ дороги, съ кузовкомъ за плечами, да пастуха появившагося на небольшой полянѣ, виднѣвшейся сквозь деревья, который, хлопнувъ рѣзко своей плетью, опять скрылся въ кустарникѣ.

Во-на, пастухъ стадо собираетъ и солнышко садится на покой — заговорилъ опять нашъ путникъ, смотря изъ подъ руки на солнце опускающееся за лѣсъ — и тебѣ, Майскій, пора въ дорогу, отдохнулъ, шабашъ! Съ послѣднимъ словомъ старикъ опять понюхалъ табаку, крякнулъ, всталъ и побрелъ

медленно, опираясь на палку. Вскорѣ онъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ, остановился и ждалъ, стараясь разсмотрѣть, кто ѣхалъ. Телѣга, запряженная парою, въ облакѣ пыли поровнялась съ нимъ; пѣшеходъ нашъ хотѣлъ уже Христомъ–Богомъ умолять проѣзжаго, чтобъ его посадилъ, какъ вдругъ проѣзжій самъ, сдерживая лошадей, вскричалъ звонкимъ теноромъ:

— Миръ дорогою!

— Спасибо на добромъ словѣ — отвѣчалъ старый дьячекъ, кланяясь и подходя поспѣшно.

Куда тебя Господь несетъ, Васьянъ Яковличъ? Поди чай въ городъ, къ дѣтямъ!

—Да, въ городъ къ дѣтямъ — отвѣчалъ Васьянъ Яковличъ, смотря изъ подъ руки на проѣзжаго.

— Что глядишь, небось не узналъ? спросилъ послѣдній.

—Не узналъ, добрый человѣкъ, глаза плохи стали.

— Поди поближе, авось узнаешь,—да садись–ка со мною, я тебя подвезу въ городъ.

— А! Сократъ Прохорычъ! Совсѣмъ я тебя, братъ, не узналъ, вскричалъ Яковличъ, а тебя куда святые несутъ?

— Тоже въ городъ, — отвѣчалъ Сократъ Прохорычъ. — Садись ка, садись, Богъ съ тобою.

—Спасибо, благодѣтель! А ужъ я.... хоть на *карачкахъ* ползи, нейдутъ ноги, да и шабашь, говорилъ Майскій, карабкаясь на телѣгу, ну вотъ и слава Богу, и спасибо, посадилъ старика, добрый человѣкъ, — прибавилъ онъ, радостно потирая руки, когда лошади тронулись и побѣжали легкою рысью.

Сократъ Прохоровичъ, посадившій стараго дьячка, былъ не кто иной, какъ тоже дьячекъ, когда-то служившій вмѣстѣ съ Яковличемъ въ одномъ селѣ; но уже давно перешедшій въ другое. Прохорычъ былъ еще не старъ, высокій и рыжій, съ густою косою, связанною на затылкѣ, и съ выбритою бородою, говорившій всегда самымъ высокимъ теноромъ, и старавшійся изъ всѣхъ силъ пѣть на клиросѣ басомъ. Теперь на Прохорычѣ поверхъ рубашки былъ надѣтъ какой–то очень мудреный костюмъ, — что то среднее между камзоломъ и бабьей тѣлогрѣей, пуховая высокая шляпа съ помятыми полями довершала его нарядъ.

Лошади бѣжали бойко. Дьячки нѣсколько минутъ молчали.

— Что у васъ новаго въ Захарьинѣ? спросилъ Сократъ, первый прервавъ молчаніе.

— Ничего покуда, старое по старому.

— Сторожишь?

— Да, путаемся съ Дёмкою помаленьку, парень ловкій, хоть и нѣмой, только одна съ нимъ бѣда, одинъ въ сторожкѣ ни за что не ночуетъ, и церкви одинъ ночью не обойдетъ, на погостъ вечеромъ носу не покажетъ, до-смерти покойниковъ боится... Я, какъ пошелъ въ путь, такъ Аѳанасья лысаго просилъ, чтобъ ходилъ ночевать къ Дёмкѣ въ сторожку, а то и — и, бѣда, парень съ ума рехнется.

— Какъ ужъ это вы съ нѣмымъ то толкуете, удивляюсь я, право, замѣтилъ Прохорычъ.

Э, ничего, вѣдь онъ все слышитъ; онъ, Сократъ Прохорычъ, на десятомъ году языка лишился отъ испугу, а слухъ то Богъ сохранилъ.

— Такъ.

Опять помолчали. Майскій досталъ свою тавлинку и поподчивалъ товарища.

— Не нюхаю, отвѣчалъ Прохорычъ.

— А я употребляю, отъ глазъ, проговорилъ старый дьячекъ, протирая глаза отъ заслѣплявшей ихъ пыли. Ну, вы то какъ поживаете? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Потихонечку, ничего. Вотъ, думаю, въ городѣ эту сивую то продать, — отвѣчалъ соименникъ древняго мудреца, показывая кнутомъ на пристяжную, — лошадь-то хорошая, и жалко бы разстаться, да что дѣлать — нуждишка есть, — новую избу хочется осенью снарядить.

— Доброе дѣло, помогай Богъ.

— Да ужъ и ребятъ кстати взять, — продолжалъ Прохорычъ.

— Такъ, такъ, вотъ ужъ и *вакація* подоспѣла. Охъ, бывало, ждешь не дождешься... А сколько ихъ у тебя, ребятъ-то.

— Ну ихъ, много! отвѣтилъ махнувъ рукою Прохорычъ, три сынишка въ училищѣ да мальчишка съ двумя дѣвчен-

ками дома, да къ Успенью седьмаго ожидаю, Богъ дастъ! Какъ гдѣ они, Васьянъ Яковличъ, поведутся, такъ словно грибы въ дождливое лѣто.

— Благословеніе Божіе надъ твоимъ домомъ, Сократъ Прохорычъ; сказано: «раститеся и множитеся, и наслѣдите землю.»

Много ужъ лишнихъ... Вѣдь ты самъ знаешь, каково при нашихъ средствахъ воспитать такую араву. Покуда учатся, сыновья отцу не помощники, кончатъ курсъ мѣстъ нѣтъ, года два, три шляются—а тутъ смотришь, пожалуй, и съ ними бѣда нежданная на твою голову придетъ: набалуетъ который что нибудь, аль ученья Богъ не откроетъ, вотъ и нашейникъ отцу.... исключатъ,–и вой съ нимъ волкомъ. Дѣвки тоже, я тебѣ скажу, обуза, подростутъ, приданое готовь, деньги нужны. А гдѣ ихъ накопить, коли прихожане печенымъ хлѣбомъ да пирогами отдѣлываются. Возлагай все упованіе на урожай, а урожай-то весь своя семья съѣстъ, ну и сдавай зятю свое мѣсто; иногда нашъ братъ и плачетъ, да за мужика дочь выдаетъ, по-крайности мужикъ денегъ не спрашиваетъ, ему нужна работница. А тутъ, смотришь, старость придетъ, силы ослабѣютъ, нужда... Да что я толкую съ тобою объ эвтомъ, самъ ты лучше меня долженъ понимать; не такъ ли, старинушка, а?—Отецъ многочисленнаго семейства хлопнулъ спутника по плечу и, не дожидаясь отвѣта, нахлобучилъ шляпу на глаза, описалъ нѣсколько круговъ кнутомъ въ воздухѣ и пустилъ лошадей вскачь, какъ будто желая быстрою ѣздою разсѣять грустныя мысли внезапно его посѣтившія.

— Охъ, что и говорить,—какъ мнѣ нужды не знать—проговорилъ Майскій, когда уже лошади пошли ровнѣе, и тряска сдѣлалась менѣе. Но видя, что спутникъ молчитъ, онъ принялся внимательно глядѣть на пристяжную.

— Однако ничего, лошадка хорошая... ишь какъ бѣжитъ—замѣтилъ онъ.

— Я тебѣ безъ хвастовства говорю, что лошадь свойская, безпорочная, заговорилъ хозяинъ оживленно,—кто купитъ, не на вѣтеръ деньги броситъ, будетъ доволенъ.

— А что ты просишь за нее?

— Скажу безобидно, Васьянъ Яковличъ, сотнягу (ассигнаціями) съ хвостикомъ надобно взять.

— Хмъ! дорогонько!

— За-то золото—не лошадь, пятьдесятъ верстъ не кормя бѣжитъ.

— Еслибъ подешевле, я бы пожалуй покупателя тебѣ на нее нашелъ.

— Ищи ты только покупателя, а тамъ посмотримъ,—можно и уступить.

— Покупатель у меня недалеко, можетъ мой Иванко купитъ.

— А! вотъ и вправду! воскликнулъ Прохорычъ; ну, что? извозчичаетъ твой Иванъ Вассіянычъ?

— Ничего, извозчичаетъ... теперь пару завелъ, работника держитъ.

— Женатъ?

— Какъ же, ужъ четверо ребятъ.

— Ну, скажи ты мнѣ по душѣ, Васьянъ Яковличъ, дѣло прошлое,—за что у тебя Ванюшу-то изъ семинаріи выгнали?

— Да какъ тебѣ сказать-то, Сократъ Прохорычъ, конечно дѣло прошлое, хоть онъ сынъ мой, а умъ у него свой; лѣнивъ больно что ли былъ, али таланта Богъ не далъ къ ученью, кто его знаетъ, дурно учился, ну, и исключили.. Было-таки у меня съ нимъ хлопотъ какъ и въ мѣщане-то его приписывалъ.

— Ну, а теперъ помогаетъ-ли онъ тебѣ хоть сколько нибудь? любопытствовалъ Прохорычъ.

— И! Богъ съ нимъ, какая помочь, отвѣчалъ старикъ со вздохомъ, хоть Васютку-та кормитъ, и то спасибо ему.

— Ну, а Вася хорошо идетъ?

— Ничего, слава Богу. Въ философіи уже.

— Дай Богъ! Ты слышалъ, Васьянъ Яковличъ, въ Горкахъ дьячекъ-то Филистимскій померъ. Ты чай зналъ его?

— Ахти, неужели! зналъ, зналъ, какъ не знать, какой дородный былъ. Ухъ ты, Господи! какое дерево свалилось! Да онъ никакъ съ мѣсяцъ у нашего отца Тихона былъ, сватья были вѣдь межь собою-то,

— Померъ, да вѣдь вдругъ въ одночасье, вотъ дѣло то какое, да! вчера три недѣли минуло, какъ померъ, троихъ дѣтей оставилъ.

— Господи ты Боже мой, правда что дума за горами, а смерть за плечами.

— Старшая дочь невѣста... нродолжалъ Сократъ,—дьячиха хочетъ къ ней жениха просить, на мѣсто покойника.

Такъ! — произнесъ Яковличъ и замолчалъ, приложивъ палецъ ко лбу, словно внезапная мысль мелькнула въ его головѣ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ и прокашлявшись нѣсколько разъ, старикъ обратился къ товарищу.

— А не слышно эдакъ, еще дьячиха ни за кого не поладила дочь-та?

— Не слыхать... Говорятъ что уже три жениха приходили, только слышь голоса плохи, выбираютъ, приходъ богатый, князь Ермошкинъ прихожъ, а нынче онъ въ деревнѣ живетъ.

— Конечно богатый приходъ, женихъ хорошій пойдетъ къ этой невѣстѣ... А послушай ка, другъ любезный, какъ ты мнѣ посовѣтуешь, не сунуться-ли мнѣ туда съ своимъ Васюткою, а?—Яковличъ пристально глядѣлъ въ лице Прохорыча и ждалъ отвѣта.

— Хмъ! произнесъ послѣдній.

— Посвататься, переговорить съ дьячихою, можетъ Васютку то моего и приняли бы, голосъ у него ничего, чистый теноръ и современемъ еще выправится. Что ты на это скажешь, Сократъ Прохоровичъ?

— Что сказать то, попробуй, коль желаніе есть, только что это тебѣ вздумалось? говоришь самъ, что Вася учится хорошо, можетъ способности имѣетъ, кончитъ курсъ и священническое мѣсто найдетъ... сказалъ, помахивая кнутомъ Прохорычъ.

— Оно бы такъ по настоящему, заговорилъ Майскій, почесавъ за ухомъ, — да самъ ты посуди, еще три года тянуть осталось, легко сказать, онъ на братниномъ хлѣбѣ живетъ, можетъ братъ иной разъ и серчаетъ, говорятъ *одинъ и у каши не споръ,* у Ивана теперь своя семья,

а отъ меня Васюткѣ то взять все равно, что отъ козла молока. А Горки знаемъ мы,—въ Горкахъ дьяческое мѣсто лучше другаго-поповскаго.

— Правда твоя, Васьянъ Яковличъ. Однако дьячекъ все-таки какъ есть дьячекъ.

— Что дѣлать то...не такъ живи какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ! былъ бы только хлѣбъ *не ожурёной*, мало-ли что, батинька, я самъ не хуже Васютки былъ, въ попы тоже мѣтилъ, а какъ бывало разнымъ мечтамъ предашься, и чего, чего въ голову не лѣзетъ, протопопство даже грезилось, да вотъ привела судьба дьячкомъ быть, да въ добавокъ еще и отставнымъ, безъ голоса никуда не годенъ сталъ... Эхъ-ма!.. Яковличъ махнулъ рукою и принялся нюхать табакъ.

Прислушавшись къ его послѣднимъ словамъ, Сократъ улыбнулся. Онъ очень хорошо зналъ, что Майскаго отставили не за потерю голоса, какъ онъ самъ всѣмъ говорилъ, а за какія-то кляузы и частію за чарочку.

— Можетъ сынъ-то не согласенъ въ дьячки — замѣтилъ Прохорычъ.

— Легкое дѣло! не согласенъ! Не тѣ времена нонича, Сократъ Прохоровичъ, чтобъ много разбирать, надобно попробовать, авось Богъ дастъ, послѣ Успенья можно и свадьбу съиграть, Василью годы выйдутъ....

— Попробуй, сказалъ Прохорычъ, въѣзжая на пригорокъ, съ котораго путники наши увидѣли городъ какъ на блюдечкѣ. Во-на, показался; теперь въ этой хламидѣ не ладно въ городъ ѣхать.... гдѣ тутъ приличное-то мое одѣяніе, прибавилъ онъ, остановивъ лошадей и отыскивая мѣшокъ на днѣ телѣги. Изъ мѣшка Сократъ Прохорычъ вынулъ суконную жилетку и длинный сѣрый нанковый сюртукъ, и черезъ минуту замѣнилъ ими свою тѣлогрѣю, отеръ пыль съ лица и пригладилъ волосы. Между тѣмъ Яковличъ обулся.

Черезъ нѣсколько минутъ пріятели наши были уже въ городѣ на одной изъ многолюдныхъ улицъ. Сократъ остановилъ своихъ коней у одного небольшаго каменнаго дома самой грязной наружности, возлѣ воротъ котораго сидѣло

нѣсколько человѣкъ ямщиковъ, а подъ навѣсомъ крытаго двора стояло нѣсколько распряженныхъ троекъ.

— Ну вотъ и спасибо, ну вотъ и покорно благодарю, — говорилъ Майскій, слѣзая съ телѣги, — одолжилъ Сократъ Прохоровичъ, спасибо!...

— Ну, полно, Васьянъ Яковличъ.... Что-жъ такое, вѣдь по дорогѣ.... Да напомни Ивану-то Васьянычу про мою лошадку, — сказалъ Прохорычъ, отвѣчая на поклонъ старика.

— Безпремѣнно.... Прощенья просимъ.

Яковличъ пошелъ на дворъ, а его спутникъ, подхлеснувъ коренную, поѣхалъ на квартиру своихъ ребятъ.

II.

Въ домѣ, возлѣ котораго разстался съ своимъ пріятелемъ старикъ Майскій, находилась квартира его сына. Это была просторная изба въ нижнемъ этажѣ, какую можно встрѣтить на каждомъ постояломъ дворѣ, для ночлега мужиковъ. Та же огромная русская печь съ палатями, тѣ же широкія лавки кругомъ стѣнъ, и такой же большой чисто выскобленный столъ въ переднемъ углу. На одномъ изъ оконъ торчалъ горшокъ съ давно засохшей геранью, на другомъ стояла четвертная бутыль съ квасомъ и корзина съ печенымъ хлѣбомъ; третье окно, выходившее на дворъ и смотрѣвшее въ стѣну сарая, было завалено какими-то невзрачными книжками и исписанными тетрадями. Вдоль избы шла досчатая перегородка, заклѣенная на щеляхъ полосками изъ синей сахарной бумаги; кромѣ того, на ней красовались изображенія Ѳомы и Еремы сказочныхъ героевъ, образцевъ русскаго упрямства, и голландскаго лекаря, чуднаго аптекаря, въ колпакѣ и башмакахъ съ раздувательными мѣхами, печами и котлами, и со всѣми препаратами волшебнаго искуства, возвращающаго старухамъ молодость и красоту — и

еще нѣсколько другихъ въ этомъ родѣ образчиковъ русскаго народнаго юмора.

На другой день своего пріѣзда, часу въ двѣнадцатомъ утра, Васьянъ Яковлевичъ въ полосатой жилеткѣ, сидѣлъ на лавкѣ и вздѣвъ на носъ очки съ круглыми стеклами, усердно починивалъ свою желто-бурую сибирку, которая вчера при слѣзаніи съ телѣги дала подъ мышками порядочныя трещины. У боковаго окна бѣлокурый молодой человѣкъ что-то усердно писалъ, не обращая вниманія на то, что вокругъ него происходило. На немъ былъ съ продранными локтями полосатый халатъ, изъ той безъимянной матеріи, которую и теперь еще можно встрѣтить въ уѣздныхъ городкахъ на ученикахъ духовныхъ училищъ.

Жена Ивана, баба бойкая, въ холстинковомъ платьѣ, накрывала на столъ, держа на одной рукѣ ребенка; она то и знай покрикивала на тройку другихъ дѣтей, возившихся съ визгомъ на полу.

— Ванька! Мишка, щенята поганые! перестанете ли вы сестру-то душить?... вотъ я васъ!... кричала она, хотя ребята вовсе и не думали слушаться матери и отнимали у дѣвочки лоскутокъ бумаги,—Ваня, отступись отъ Дуни, ты умникъ.... Миша, уступи сестрѣ, не слушаешься.... вотъ я тебя прутомъ.... Смотрите: вонъ отецъ идетъ.... вотъ онъ васъ кнутомъ.... Эта послѣдняя угроза подѣйствовала нѣсколько на шалуновъ.... Ребята, испытавшіе не разъ ея дѣйствительность, на минуту притихли. Но видя, что отецъ нейдетъ, что мать ихъ обманываетъ — зашумѣли пуще прежняго.

— Ну вотъ и все готово.... сказала наконецъ хозяйка, ставя на столъ чашку со щами.—Ребята, по мѣстамъ!—крикнула она, батюшка садись, брось портняжество-то свое.

— Сейчасъ, Дарья Сергѣевна — сказалъ вставая старый дьячекъ, и принялся усаживать внучатъ за столъ.

— Вася, оставь ты писанье-то свое — обратилась Сергѣевна къ молодому человѣку.—Экой ты парень какой, гдѣ бы самому встать, да хоть хлѣба *нарушать*; такъ вѣдь нѣтъ же, не догадается — словно не видитъ, что я совсѣмъ завертѣлась.

Василій поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ такими глазами, какими смотритъ на васъ только что проснувшійся человѣкъ. Потомъ онъ потянулся, зѣвнулъ, поправилъ волосы, тщательно уложилъ тетрадь, которую писалъ, и не торопясь всталъ и сталъ молиться.

— Ишь торопишься за столъ-то, вѣрно я не тебѣ говорю: *нарушай* хлѣба-то — крикнула опять хозяйка.

Молодой человѣкъ досталъ молча ковригу хлѣба изъ корзины и принялся рѣзать.

— Что-жъ это мы Ивана-то не подождали сегодня? — спросилъ между тѣмъ старикъ, — сердиться будетъ на насъ.

— Какъ ему не сердиться, велика важность — не поспѣлъ такъ и одинъ отобѣдаетъ — отвѣчала Сергѣевна, — куда ты этакіе-то ломти рѣжешь? Господь съ тобою! Смотри-ка какая толщина! — вскричала она вдругъ обратясь къ Василью. — Ай, ай! Вѣдь здѣсь не деревня, Василій Васьянычъ, здѣсь все съ копѣечки.... Аль братнина-то кармана не жалко.... Василій положилъ хлѣбъ и ножикъ и, облокотясь на столъ, подперъ руками голову.

— Ну вотъ и осердился, и губу надулъ — продолжала невѣстка — нечего губу-то дуть, я правду сказала.

— На васъ никогда никакимъ образомъ не потрафишь, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Да никогда и не стараешься угодить-то. Ты не повѣришь, батюшка! — Сергѣевна обратилась къ свекру — ты представить себѣ не можешь, какой упрямый парень.... Напримѣръ: говоришь сдѣлай то-то, или, сбѣгай туда-то—такъ вѣдь не скоро поворотится, сидитъ себѣ, уткнетъ носъ въ книгу и хоть бы читалъ—не читаетъ, губами не шевелитъ, только такъ для *близеру*, будто молъ читаю.

— Слышишь, Васютка, что про тебя Дарья-то Сергѣевна говоритъ? — молвилъ отецъ. Это, братъ, нехорошо! должно слушаться.

Василій пожалъ плечами.

— Господи ты Боже мой! сказалъ онъ съ горечью, ужъ я право не знаю, что и дѣлать мнѣ.... Я ли не служу, напримѣръ: изъ за урока тебя двадцать разъ поднимутъ, и за водой бѣги, и въ лавку бѣги, и дровъ наколи, и ребенка

качай, и картофель чисти, и въ печь смотри, чтобъ молоко не ушло.. . Да ужъ и корову-то заставили бы доить, если бы умѣлъ.... Право, кажется окончательно меня запрягутъ какъ лошадь, и будутъ ѣздить на биржу....

— Вонъ куда поѣхалъ, сердечный — вскричала Сергѣевна въ азартѣ, перекладывая свою ложку съ мѣста на мѣсто, хотя перекладывать ее не было никакой надобности. — Однако сказать по правдѣ, такъ стыдно бы и жаловаться-то, братнинъ хлѣбъ кушаешь, такъ иной разъ не грѣхъ и снохѣ помочь.... Ты видишь, у меня четверка, мальмала меньше....

— Такъ что-жъ, я не помогаю вамъ? Скажите, не помогаю? сказалъ Василій поднявъ на сноху свои сѣрые выразительные глаза.—Я всегда готовъ работать какъ волъ, готовъ исполнять ваши приказанія — лишь бы не слышать попрековъ хлѣбомъ, каждый обѣдъ и ужинъ. Но несмотря на то, я слышу ихъ и какъ безчувственная свинья сажусь за столъ, пью и ѣмъ! Когда я дождусь исхода изъ этого горькаго положенія! — договорилъ молодой человѣкъ, грустно покачивая головою. Онъ пересѣлъ опять къ окну и занялся своей тетрадью.

— Ишь какой словесникъ! нечего, умѣетъ отвѣтить — молвила Сергѣевна.

Старикъ Майскій покачалъ головою, но что выражало это качанье? упрекъ ли сыну, за его дерзость или безсильное сожалѣніе къ его незавидному положенію?–неизвѣстно.

— Нечего сердиться... поди обѣдай, сказала черезъ минуту сноха, уже болѣе смягченнымъ голосомъ.

— Благодарствую, отвѣтилъ Василій, подавляя вздохъ и остался на мѣстѣ.

— Чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ нейдешь, Васютка, на хлѣбъ—на соль сердиться не должно, грѣшно! замѣтилъ отецъ.

Сынъ не отвѣчалъ.

— *Губа толще, брюхо тоньше,* сытаго гостя и подчивать нечего,–проговорила Сергѣевна, нарѣзала сама хлѣба и вскорѣ семья принялась за обѣдъ, исключая Василья, который все–таки не сѣлъ за столъ.

За обѣдомъ ребятишки на славу было схватились за

волосы, отнимая другъ у друга единственную красную ложку, но вскорѣ матерью и дѣдомъ разсажены были врозь, и успокоились.

Вотъ кончился и обѣдъ, Сергѣевна, прибравшись, вытолкала старшихъ дѣтей на дворъ, а сама съ младшими скрылась за перегородку.

Каморка за перегородкой служила для семьи спальней, дѣтской и гостиной, а иногда и неприступной крѣпостью, куда запиралась Сергѣевна, во время воинскаго нашествія своего супруга, когда онъ алкалъ потаскать ее за косы. Здѣсь стояла кровать подъ одѣяломъ изъ разныхъ лоскутковъ, здѣсь висѣла скрипучая зыбка, а также стоялъ шкафчикъ съ посудою, и комодъ, окрашенный подъ корельскую березу, и въ уголку на лежанкѣ самоваръ, который чистился ровно три раза въ годъ. Здѣсь же висѣли рядкомъ вдоль стѣны и платья Дарьи Сергѣевны, и длиннополая сибирка ея мужа, и новый праздничный армякъ его.

Уложивъ ребенка въ зыбку, Сергѣевна въ полголоса начала его прилюлюкивать и подъ этотъ монотонный напѣвъ ея старшая трехлѣтняя дѣвочка также уснула на постели матери.

Между тѣмъ Василій не переставалъ писать, перо поскрипывало, листы то и знай перевертывались. Васьянъ Яковличъ уже съ полчаса лежалъ на лавкѣ, подсунувъ подъ головы свою желто-бурую сибирку, ворочался съ боку на бокъ, ворчалъ на докучливыхъ мухъ, и взглядывая на сына вздыхалъ. Наконецъ онъ всталъ и подошелъ къ Василью.

— Васютка!—сказалъ онъ почти шопотомъ, что ты носъ то уткнулъ, брось ка, я хочу съ тобою поговорить.

— А?–протянулъ сынъ не поднимая головы.

— Знаешь ли что?—продолжалъ старикъ, въ Горкахъ, слышь, дьячекъ Филистимскій померъ.

— М... м... промычалъ Василій.

— Слышишь, дочь невѣсту оставилъ.

Василій молчалъ и писалъ прилежно.

— Не слышишь чтоль, что тебѣ говорятъ?—Филистимскій дочь оставилъ невѣсту... повторилъ родитель съ досадой.

— Слышу, слышу, отвѣчалъ отрывисто молодой человѣкъ. И сказать по правдѣ ровно ничего не слыхалъ.

— Ну такъ вотъ я и мѣкаю, не толкнуться ли намъ съ тобою туда. А? Понимаешь?...

— Понимаю, произнесъ машинально сынъ.

— Можетъ тебя и примутъ... голосъ у тебя ничего, чистый теноръ, еще выровняется... Ну мѣсяца три можно и на половинномъ доходѣ пожить, а тамъ передъ заговѣньемъ тебѣ годы выйдутъ и вѣнчаться можно. Васьянъ Яковличъ погладилъ свой пучечикъ.

— Что такое, кого хотятъ вѣнчать?.. спросилъ вдругъ Василій, поднявъ глаза на отца.

— Что буркалы то уставилъ! Аль въ толкъ не можешь взять, о чемъ тебѣ говорили? молвилъ отецъ, начиная сердиться.

— Ей-Богу, ничего не понялъ.

— Слышишь, въ Горкахъ дьячекъ померъ.

— Ну такъ чтожъ? Царство небесное, хоть я и не зналъ его, сказалъ сынъ, обмакивая перо въ чернилицу.

— Этакой дуралей! Толкуй поди съ нимъ!—и Васьянъ Яковличъ долженъ былъ опять пояснить сыну о своемъ предположеніи посвататься съ нимъ къ дочери покойника,—ужъ я и съ Сократомъ говорилъ о томъ вчерась—заключилъ онъ.

Василій улыбнулся какой то снисходительной улыбкою, какъ улыбаются взрослые на дѣтскія затѣи.

— Нечего зубы то скалить. Отецъ тебѣ добра желаетъ, приходъ богатый, не станешь безъ хлѣба сидѣть... Надобно подумать да съ Иваномъ посовѣтоваться,—сказалъ Яковличъ.

— Пожалуйста, не хлопочите напрасно, отвѣтилъ равнодушно Василій и принялся опять за работу.

— Отчего напрасно по твоему? Авось, Богъ и устроитъ, безъ хлопотъ ни что не дѣлается.

— По той причинѣ не безпокойтесь напрасно, что я ни жениться, ни дьячкомъ быть не желаю...

— Значитъ, ты дуралей, коли добра себѣ не желаешь... А спроси-ка брата, и онъ тебѣ посовѣтуетъ.

— Я даже увѣренъ въ томъ, что онъ посовѣтуетъ.

— Значитъ совѣтъ старшихъ и слѣдуетъ уважать, замѣтилъ нравоучительно родитель.

— Ну, не всегда, проговорилъ лаконически сынъ и такъ упорно замолчалъ, что ни увѣщанія, ни соболѣзнованія отца не могли его заставить отвѣчать.

— Упрямъ какъ оселъ, молчитъ какъ убитый, этакой дуралей, гдѣбъ подумать да потрактовать, а онъ... Что не говоришь, отсохъ чтоль языкъ то у тебя, а?—вскричалъ старикъ, входя въ паѳосъ родительскаго гнѣва. Но и на этотъ возгласъ Василій не отвѣтилъ.

Въ сѣняхъ послышались шаги, дверь шумно растворилась, вошелъ старшій сынъ старика.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, средняго роста, съ довольно большою рыжеватою бородою, съ подбритымъ затылкомъ и косымъ проборомъ, какъ слѣдуетъ городской извощикъ. Лице имѣлъ не совсѣмъ красивое и не совсѣмъ дурное, но какое то плутовское выраженіе въ его физіономіи, выраженіе ласкающейся кошки и въ ту-жъ минуту готовой броситься вамъ въ глаза, невольно отталкивало отъ Ивана Васьяныча.

Войдя въ избу, онъ бросилъ на лавку картузъ, перекрестился и, взглянувъ на отца, взмахнулъ головою. Былъ ли то поклонъ, или онъ этимъ взмахомъ хотѣлъ только поправить набѣжавшіе на глаза волосы, рѣшить было трудно. Наконецъ, распоясавшись поспѣшно и снявъ съ себя армякъ, онъ сѣлъ, или лучше, бросился на лавку и переведя духъ произнесъ удушливо:

— Ну, жара!

— Да-таки жарко, подговорилъ отецъ.

— Эй, баба, квасу! крикнулъ хозяинъ.

Сергѣевна мгновенно появилась въ дверцахъ перегородки.

— Что ты горло то дерешь! ребятъ переполошишь, словно не видитъ гдѣ квасъ то стоитъ... Вонъ возьми его! проговорила она, показывая рукою на окно, гдѣ стояла бутыль.

— Ты хочешь меня теплымъ щелокомъ поить, чтоль? сказалъ Иванъ, утирая пестрымъ платкомъ раскраснѣвшееся лице и не слишкомъ дружелюбно поглядывая на супругу,—сейчасъ маршъ на погребъ! живо!

— Какъ же, вотъ сейчасъ и брошусь со всѣхъ ногъ... Вонъ Василій сходитъ,—отвѣчала жена, спокойно садясь на лавку.

Василій, не говоря ни слова, взялъ бутыль и отправился на ледникъ.

— Мы, Иванъ, тебя и обѣдать-то сегодня не подождали, замѣтилъ какъ то робко отецъ.

— Разумѣется, къ обѣду не къ дѣлу, всѣ скоро готовы, только ты Иванъ Васьянычъ успѣвай припасать, сказалъ сынъ очень грубо.

Старикъ вздохнулъ.

— Такъ чтожъ ворчать то, коль хочешь обѣдать, я накрою молвила Сергѣевна.

— Не нужно, я въ харчевнѣ обѣдалъ.

— Значитъ ты хочешь въ ѣзду?—спросилъ отецъ.

— И не въ ѣзду, сегодня и Петрушкѣ нечего дѣлать на биржѣ, а вотъ подай ка мнѣ поскорѣй мою сибирку,—обратился Иванъ къ женѣ.

— Куда это въ сибиркѣ идти хочешь?—спросила она, а у самой глаза такъ и запрыгали отъ любопытства.

— Къ тещѣ иду.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ ни на есть, тебѣ дѣла нѣтъ.

— Отчего мнѣ дѣла нѣтъ? Слышите, что онъ говоритъ? вскричала Сергѣевна, обращаясь къ свекру—мнѣ дѣла нѣтъ, да что я ему чужая, съ боку припёка что-ли?-

Яковличъ махнулъ рукой.

— Ишь затрещала... А тебѣ сказано: подай сибирку, такъ и подай; а разсуждать не смѣй, замѣтилъ мужъ.

— А вотъ же и не подамъ, и не подамъ; а ей-Богу не подамъ, до тѣхъ поръ, покуда не скажешь: зачѣмъ идешь къ матушкѣ?

— Врешь, шалишь! подашь!

— Самъ возьмешь свою сибирку, а я не встану.

— А я хочу, чтобъ ты подала.

— До тѣхъ поръ съ мѣста не сойду, покуда не скажешь зачѣмъ къ матушкѣ идешь?

Васьянычъ, какъ говорится, ощетинился и, сжавъ кулаки, пошелъ къ женѣ.

Василій въ эту минуту принесъ квасъ.

— Опять споръ и содомъ? безъ крику минуты прожить не могутъ... замѣтилъ онъ про себя, прислушиваясь къ недружелюбному разговору брата съ невѣсткой.

— Такъ не подашь?.. спросилъ Иванъ, приступая къ женѣ.

— Не подамъ... Вѣдь я сказала, что съ мѣста не тронусь!

— Стало быть у тебя косы отросли... А?

— Чтожь ты, тиранствомъ то своимъ меня стращаешь, ну тирань, вѣдь тебѣ не въ первой,–проговорила слезливымъ голосомъ Дарья Сергѣевна.

— Что захныкала! А мужнина приказа слушаешься... а?

— И послушаюсь,—коли скажешь—куда идешь?

— Яжъ тебѣ сказалъ, что къ тещѣ иду.

— Изъ чего шумѣть то, сказалъ вдругъ Василій, понявъ въ чемъ дѣло, — коль къ тещѣ, братецъ, собираешься, такъ и хлопотать нечего, старухи дома нѣтъ, со двора ушла.

— Эка чортъ! а мнѣ бы нужно, молвилъ Иванъ, повернувшись отъ жены,—давно ушла?

— Сейчасъ, говоритъ, въ ряды не надолго, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну счастлива! прибавилъ супругъ, погрозивъ кулакомъ супругѣ, которая, потерявъ надежду удовлетворить свое любопытство, скрылась за перегородку, хлопнувъ дверцой и заперлась тамъ на крючокъ.

Иванъ сѣлъ къ столу, опорожнилъ залпомъ два стакана квасу, крякнулъ, и сказалъ не обращаясь ни къ кому: подожду, чортъ возьми, неужели старуха долго въ ряды проходитъ? Подожду часъ-другой, — но взглянувъ на брата, онъ вдругъ спросилъ:

— А ты напоилъ гнѣдка... А?

— Я забылъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Такъ и есть... Лежебокъ! дармоѣдъ, произнесъ вслѣдъ уходящему Василью старшій братъ, сжавъ кулаки.

Отецъ замѣтилъ это недружелюбное движеніе, но не сказавъ ни слова, только понурилъ голову и вздохнулъ глубоко.

Иванъ между тѣмъ, опорожнивъ еще третій стаканъ,

облокотился на столъ и сталъ смотрѣть какимъ то пытливымъ взглядомъ на потолокъ, лавки, окна и печь, можетъ быть для того, чтобъ придраться за что нибудь къ женѣ, которую ему хотѣлось сегодня поколотить, но не найдя ничего такого на сей разъ, чтобы могло повести опять къ ссорѣ, принялся тихо насвистывать, какъ насвистываютъ кучера, когда поятъ лошадей.

III.

Васьянъ Яковлевичъ, видя, что уже сынъ не щетинится, тихой кошачьей походкою подошелъ къ печи, и прижался къ ней спиною, ставъ противъ сына и заложивъ руки назадъ, повелъ съ нимъ рѣчь.

— Ну что, Ваня, видѣлъ у Сократа лошадь-то? спросилъ онъ.

— Видѣлъ. Лошадь хорошая, во всѣхъ статьяхъ,—отвѣчалъ Иванъ, то есть для нашего брата хороша, въ ломовую годится, семьдесятъ пудовъ поднимаетъ, ну, и бѣгъ ничего, ноги крѣпки... Только дорого проситъ, канальство....

— Сколько же?

— Меньше ста двадцати (ассигнаціями) не отдаетъ, жидоморъ.

— Такъ что-жъ ты думаешь?

— Что думать то.... безъ денегъ не купишь; семьдесятъ рублей есть... а доплачивать еще много придется.

— Онъ, можетъ, подождетъ остальныхъ.

— Да, дожидайся, подождетъ, да хоть-бы и подождалъ, откуда ко мнѣ золотая гора придетъ, вѣдь ты мнѣ не поможешь, какъ другіе отцы дѣтямъ помогаютъ; а ты все деньги копишь....

Иванъ Васьянычъ очень хорошо зналъ, что у родителя его денегъ не было и нѣтъ, и что скоро ему самому придется кормить старика, но онъ только хотѣлъ пошутить.

— Эхъ–ма, помогъ бы я, кабы было чѣмъ,—проговорилъ старикъ, и невольно запустивъ большой палецъ лѣвой руки въ карманъ своей полосатой жилетки—помогъ бы я не хуже другихъ, да вотъ участь то моя какая, едва самъ сытъ.

Оба замолчали.

Васьянъ Яковличъ переступилъ съ ноги на ногу, откашлялся, и высказалъ сыну свое предположеніе и желаніе женить Василья на дочери дьячка Филистимскаго.

— Ну вотъ и дѣло! отвѣтилъ Иванъ, выслушавъ отца.

— Онъ то, дуралей, не соглашается, вотъ что! замѣтилъ родитель.

— Это что еще!.. али въ попы мѣтитъ? Ишь, философъ, Платонъ, Аристотель, важная птица; а коли хлѣбъ дадутъ, такъ и разговаривать нечего, чѣмъ балбѣсомъ–то на братниномъ хлѣбѣ жить.

— Я то же говорилъ ему—подсказалъ старикъ.

— А вотъ погоди... онъ у меня по другому заговоритъ.

Вошелъ Василій.

— Скажи ка, отчего это ты не хочешь въ Горки въ дьячки идти... а́? обратился къ нему братъ.

— Желанія не имѣю, отвѣчалъ коротко молодой человѣкъ, открыто смотря брату въ глаза.

— То есть считаешь, что ты достоинъ лучшаго мѣста, замѣтилъ насмѣшливо старшій братъ.

Василій потупилъ глаза.

— Такъ я–жъ тебѣ вотъ что скажу—продолжалъ Иванъ, въ Горки пойдутъ и не съ твоею рожею: тамъ, братъ, даромъ что дьяческое мѣсто, а право лучше иного поповскаго.

— Пусть и идутъ кто хочетъ, а я съ своею рожей не пойду, сказалъ Василій, спокойно принимаясь за какую то книгу.

— Полно упрямиться, Васютка, мы, дуракъ, тебѣ добра желаемъ,—замѣтилъ наставительно отецъ.

— Почему–жъ ты упираешься? спросилъ Иванъ, сдерживая бранное слово, которое такъ и рвалось у него съ языка.

— Потому что черезъ три года я кончу курсъ, отвѣтилъ Василій.

— И три года проищешь мѣста...

— Что будетъ, то и будетъ, проговорилъ, подавляя вздохъ, молодой человѣкъ.

— Три года не три дня, Вася, вотъ что! тебѣ, я вижу, въ попы хочется. Да вѣдь какъ Богъ дастъ, каждый выпускъ столько вашего брата выходитъ, въ эпархіи и мѣстъ недостаетъ. Это мѣсто упустимъ, послѣ можетъ и покаемся. Подумай хорошенько—говорилъ старикъ Майскій.

— Ему что за дѣло, онъ эти три года у брата нахлѣбникомъ проживетъ, сказалъ оскаля зубы Иванъ—вѣдь онъ Платонъ, Аристотель! вотъ я напримѣръ: Ванька Майскій неучъ, за-то свой не ожурёный хлѣбъ ѣмъ, никто не упрекнетъ...

— Мать ты моя, зачѣмъ ты меня на свѣтъ родила! произнесъ какъ-то отчаянно Василій, у котораго рука съ книгой опустилась сама собою, и голова поникла на грудь. Двѣ самыя горькія и крупныя слезы выкатились изъ глазъ и упали на колѣни, но болѣе онъ ничего не могъ сказать, какъ будто признавая внутренно справедливость братниныхъ словъ, хотя эти слова терзали его сердце.

— Эхъ, Васютка!—прошепталъ отецъ, такъ-же повѣсивъ голову—упрямъ ты больно...

— А я вотъ посмотрю еще на его умничанье, заговорилъ опять Иванъ, да такую короткую резолюцію и положу: вонъ Богъ, а вонъ и дверь... коли старшихъ не слушается...

Василій бросилъ книгу и закрылъ лице руками.

Старшій братъ еще хотѣлъ что то сказать нравоучительное младшему брату, но, увидѣвъ въ окно, что теща идетъ домой, всталъ, и постучался въ запертую дверцу перегородки.

— Не зачѣмъ!—отвѣтилъ оттуда голосъ Сергѣевны.

— Иванъ стукнулъ кулакомъ и безъ дальнихъ разговоровъ, крюкъ соскочилъ и дверца отворилась. Онъ вошелъ.

— Ну, вломился! словно разбойникъ, того и гляди что ребятъ перебудитъ... Какой это отецъ, тиранъ!—проговорила жена.

— За этимъ упрекомъ послышался рѣзкій звукъ, похожій на звукъ, издаваемый хлопушкой, когда бьютъ мухъ... Дарья Сергѣевна взвизгнула, и пошелъ самый горячій речи-

тативъ. Но хозяинъ, не теряя болѣе времени, вышелъ оттуда съ сибиркою въ рукахъ, поспѣшно надѣлъ ее, пригладилъ волосы и отправился къ тещѣ. А старикъ отецъ все еще стоялъ у печки, понуривъ голову, а младшій сынъ его сидѣлъ, закрывши лице руками.

Домъ, гдѣ жилъ Иванъ Майскій, принадлежалъ его тещѣ, которая содержала постоялый дворъ. Старуха давала зятю вышеописанную квартиру даромъ. Другая половина нижняго этажа обращена была точно въ такую же избу для постоя мужиковъ. Въ верхнемъ этажѣ были подѣланы номера, для болѣе *чистыхъ* постояльцевъ, исключая небольшой горенки, которую занимала сама хозяйка, съ тремя дочерьми дѣвушками.

Значитъ переходъ Ивана къ тещѣ былъ не далекъ.

Войдя на лѣстницу, зять обдернулъ на себѣ сибирку, пригладилъ волосы и откашлявшись отворилъ дверь въ комнату тещи. Старушка только что успѣла снять съ себя шугай и, вооруживъ носъ очками, садилась за работу. Три ея дочери сидѣли подъ окнами, задернутыми на-половину миткалевымм занавѣсками, и усердно перебирали коклюшками, на кружевныхъ подушкахъ, выглядывая смиренницами, хотя можетъ быть которая изъ нихъ и была похожа нравомъ на сестрицу свою Дарью Сергѣевну.

— Какъ живете-можете? спросилъ зять скороговоркою, кланяясь на всѣ стороны.

— Слава Богу! отвѣчала старуха,—садись гость дорогой... побесѣдуй съ нами.

— Благодарствую, матушка, только мнѣ некогда сидѣть то съ вами, хоть бы и душой радъ.

— Вотъ тебѣ разъ! некогда! возразила теща. Посиди, чайку съ нами покушай... Ну-ка, Оля, поди, поставь большой самоваръ, прибавила она, обращаясь къ самой младшей дочери; мы и Дашу позовемъ чаю напиться...

Оля взяла молча съ лежанки ведерный самоваръ и вышла съ нимъ.

Оставшіяся сестры перешепнулись между собою, ихъ одолѣвало недоумѣніе: зачѣмъ пришелъ зять, который безъ приглашенія никогда не посѣщалъ тещу.

— Напрасно ты хлопочешь, матушка, съ самоваромъ то, право мнѣ некогда, а пришелъ то я къ тебѣ за дѣломъ, заговорилъ зять, принявъ самую ласкающую мину, переминаясь и смотря умильно тещѣ въ глаза.

— Что тебѣ, родимый мой, угодно?—старушка подняла очки на лобъ и смотрѣла вопросительно.

— Вотъ видите, одинъ сельскій знакомый дьячекъ продаетъ лошадь... Лошадь добрая, то есть, во всѣхъ статьяхъ, упустить мнѣ ее жаль,—продолжалъ Иванъ Васьянычъ, покручивая кончикъ своей бороды.

— Такъ, коль выгодна, такъ и не упускай, мой батюшка.

— Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ матушка съ просьбицей,–одолжи мнѣ рубликовъ шестьдесятъ, останусь покорнѣйше благодаренъ за такую милость. При этихъ словахъ зять отвѣсилъ поклонъ.

На лицѣ старушки изумленіе перешло въ какой то ужасъ.

— Что ты, родимый, шутить чтоль со мною вздумалъ? Какія у меня деньги, подумай ты самъ!—вскричала она.

— Какія же шутки, матушка, возразилъ зять, я не Богъ знаетъ сколько прошу у тебя, отдать такой долгъ въ силахъ, только подожди до осени... Сдѣлай милость.... Вторичный поклонъ.

— Напрасна твоя просьба, мой батюшка.... Ну гдѣ я возьму такую кучу! Какія деньги у сироты?

— Ужъ будто и не наберешь, коли захочешь. Слава Богу, постоялый дворъ держишь—копѣйка не переводится,—Иванъ Васьянычъ начиналъ уже терять терпѣніе.

— Ишь какую добычницу нашелъ! — воскликнула съ досадою старуха — постоялый дворъ! А поди-ка я много съ него получаю, за домъ по закладной внесешь проценты, глядишь — комитетскихъ требуютъ, а тамъ приступаютъ мостовую мости! и разныя повинности.... А вонъ посмотри ка, дворъ совсѣмъ валится, столбы подгнили, долго-ли до грѣха — грохнутся. Будущей осенью дворъ перекрывать безпремѣнно надобно — вотъ и припасай деньги. Кромѣ того, родимый ты мой, у меня три нашейницы на шеѣ сидятъ,—старуха показала пальцемъ на дочерей: всѣхъ, мой батюшка,

хоть за одинъ столъ сажай... денежки прикопятся: то на платьице купишь,—то платочекъ. Не равенъ часъ—женишокъ посватается,—чѣмъ я вдругъ-то за-разъ поднимусь.... Ой-ой! испытала я мой батюшка тяготу то эту,—какъ Дашу за тебя выдавала, — ничего готоваго не было, оборвалась, задолжала, а теперь, слава тебѣ Господи,—даромъ седьмой годочикъ живете, небось у тебя сердце-то не скребетъ та забота: что молъ за *фатеру* заплатить надобно, такъ-то... Кромѣ того: вѣдь живые люди, ѣсть хотимъ, *кажинный* день расходъ.... А ты у меня денегъ захотѣлъ, мой родной?... Охо-хо!... Старуха перевела духъ.

Иванъ, нѣсколько разъ порывавшійся прервать длинный монологъ тещи, и не найдя словъ,—стоялъ передъ старухой, словно ошпаренный. Всего болѣе укололъ его упрёкъ, что его держатъ на квартирѣ,—даромъ, изъ милости.

— Что-жъ такое! Коль фатера моя вамъ нужна,—такъ я хоть завтра опростаю,—на улицѣ жить не будемъ,—сказалъ онъ, одумавшись.

— Господь съ вами! Живите, я васъ не гоню, а такъ къ слову, не въ досаду сказала,—мнѣ всѣ дѣти равны, Даша тоже мое дѣтище—отвѣчала старуха,—а коли чего не могу сдѣлать,—такъ и не спрашивайте.

— Стало и моя просьба не въ просьбу, и надѣяться нечего?

— Чай знаешь поговорку, мой родимый: на нѣтъ и суда нѣтъ. Можетъ, какой добрый человѣкъ и ссудитъ тебя,—а коли не сподручно, такъ покупку лошади можно и до другаго времени оставить. Ты подумай, Иванъ Васьянычъ, какъ лучше-то,—подумай мой родимый....

— Спасибо за совѣтъ — сказалъ, оскаливъ зубы Васьянычъ.

— Не на чемъ.

— Однако тебѣ грѣхъ, старушка, такъ поступать,—смотри, умрешь, все оставишь, уже не скрывая досады, сказалъ зять.

— Вѣстимо, умру—коли Господь по душу пошлетъ, всѣ смертные, мой батюшка... А тебѣ смерти то желать тещѣ—тоже грѣшно,—она вамъ не лиходѣйка.... сказала прослезив-

шись старушка,—да не на что и зариться-то! умру, такъ не много богатства послѣ себя оставлю.

— Значитъ, больше и толковать нечего? спросилъ сквозь зубы зять, въ душѣ котораго уже кипѣла страшная злоба.

— Разумѣется, нечего изъ пустаго въ порожнее переливать,—замѣтила теща.

—Ну, коль такъ, прощенья просимъ,—прибавилъ Васьянычъ, пятясь.

Свояченицы поклонились. Теща, не говоря ни слова, насунула опять очки на носъ и сдѣлала видъ, что принимается за работу.

На порогѣ раздосадованный Васьянычъ столкнулся съ Олей, котороя тащила кипящiй самоваръ. Но ни старуха, ни дѣвушки не думали уже удерживать уходящаго гостя.

— Что это ушелъ скоро Иванъ Васьянычъ? спросила Оля, ставя на столъ самоваръ.

— Воръ Васьянычъ,—проговорила мать,—ишь съ чѣмъ подъѣхалъ—дай ему денегъ.... Да и дала бы другому: ей-Богу бы дала.... а то ему, разбойнику, шиша не дамъ!... Жаль только Дашутки-то,—погубила я ее, горемычную, ишь нахвалила сваха сахара-медовича: парень смиренникъ... вотъ и коротай мое дитятко вѣкъ съ азарникомъ,—старушка подняла опять очки на лобъ и утерла глаза.

— Какой онъ страшный Оля, глаза вотъ такъ кровью и налились, я ужъ и глядѣть на него боялась—того и смотри, что всѣхъ насъ ругать начнетъ, — сказала старшая сестра.

— Какъ же, ужасно страшенъ.... Да вотъ только бы онъ обозвалъ кого нибудь изъ насъ худымъ словомъ, вотъ только бы заикнулся—такъ я взяла бы кочергу, и не прогнѣвайся: ни его, ни кочерги бы ужъ не пожалѣла, ей-Богу, возразила средняя.

— Хмъ! хорошъ гость, нечего сказать,—заключила Оля, разставляя чашки.

Между тѣмъ Иванъ Васьянычъ бѣжалъ съ лѣстницы, земли подъ собой не слышалъ—все вертѣлось передъ его глазами.

— Вѣдь не задавитъ же чортъ этой старой вѣдьмы! —

проворчалъ онъ, стиснувъ зубы, и оглядѣлся кругомъ: на чемъ бы или на комъ взорвать свое сердце.

На дворѣ у крыльца полоскался въ лужѣ старшій сынъ его Ванюшка. Этой шалости достаточно было для взбѣшеннаго отца, чтобъ придраться къ мальчику.

— Ахъ ты щенокъ!... что ты тутъ рубаху себѣ пачкаешь? Я на васъ ничего напастись не могу на голопузыхъ!—заоралъ Васьянычъ и поймавъ сына за ухо, потащилъ въ квартиру. Мальчишка визжалъ, какъ поросенокъ подъ ножемъ.

Когда вошли они въ избу, старый дьячекъ, все еще стоявшій у печки, отскочилъ и сѣлъ въ уголъ. Василій всталъ, чтобъ освободить ухо племянника изъ подъ родительскихъ рукъ. Но въ эту минуту Сергѣевна выбѣжала изъ-за перегородки.

— Варваръ! Что ты парнишку-то тиранишь,—завопила она, бросаясь къ сыну.

— Какъ, я у тебя все-таки тиранъ!... вскрикнулъ мужъ и, выпустивъ сыновнино ухо, обратился къ женѣ: раздалось звучное: хлопъ, хлопъ.... Въ этотъ моментъ мальчикъ убѣжалъ.

— Ай разбойникъ! убьетъ, караулъ!—кричала Сергѣевна, недаровымъ матомъ, попирая ногами красный платокъ, слетѣвшій съ ея собственной головы и стараясь освободиться изъ супружескихъ рукъ.

— Вотъ тебѣ тиранъ! Вотъ тебѣ варваръ,—у тебя только и названія для меня—такъ вотъ тебѣ, вотъ!—Удары и неистовый вопль Сергѣевны раздавались страшно-оглушительно.

Васьянъ Яковличъ то вскакивалъ съ мѣста, то снова садился, желая рознять ссорящихся и боясь къ нимъ подойти. Разбуженные неистовымъ крикомъ, перепуганные малютки ревѣли за перегородкою.

— Братъ, братъ, что ты, побойся Бога! За что ты ее?—говорилъ Василій, стараясь отнять невѣстку.

— За что... я знаю!.. прохрипѣлъ Иванъ, не переставая учащать удары.

— Братецъ, нехорошо, смотри люди глядятъ... Не стыдно ли тебѣ.... уговаривалъ молодой человѣкъ.

— Молчи, мерзавецъ, — не тебѣ мужа съ женой разбирать.

Въ самомъ дѣлѣ въ окно съ улицы заглядывали прохожіе на эту семейную сцену. Со двора глазѣли два ямщика.

— Смотри-ко-сь, знать мужъ жену таскаетъ,—замѣтилъ одинъ другому,—эва! шибко расправляется—знать, провинилась?

— Извѣстно—у мужа жена завсегда виновата.... потѣшиться захотѣлъ — значитъ: руки расходились, заключилъ другой.

— Иванъ, Иванъ-ко!—говорилъ полушепотомъ отецъ — Иванъ, будетъ!.. Но Иванъ не слышалъ ничего.

Наконецъ Василью удалось схватить брата за руки, той порой разбитая Сергѣевна, со вспухшими щеками, громко рыдая, убѣжала наверхъ къ матери.

— Вотъ тебѣ и тиранъ, и знай тирана... проговорилъ натѣшившійся мужъ, бросаясь на лавку и переводя духъ.

— Вотъ адъ то кромѣшный! воскликнулъ Василій, уходя за перегородку, чтобъ утѣшить дѣтей, которые кричали источнымъ голосомъ. Дядя принялся качать племянника въ зыбкѣ и успокоилъ зарывшуюся въ подушки Дуняшу, которая тряслась отъ испуга всѣмъ тѣломъ и кричала съ плачемъ.

— Дядя... я боюсь тяти, онъ убьетъ всѣхъ насъ....

Между тѣмъ старикъ Майскій, собравшись нѣсколько съ духомъ, обратился къ сыну:

— Э, эхъ, Иванъ!.... Ну, за что ты бабу то.... а? Что она тебѣ сдѣлала?

— Ничего мнѣ она не сдѣлала—досадила мнѣ ея мать, старая вѣдьма, задушилъ бы ее, кажется, своими руками, да и со всѣмъ ея исчадьемъ.... Шестидесяти рублей зятю взаймы у нея нѣтъ, да еще покорила — что съ меня за *фатеру* не беретъ—а много больно дала за дочерью... Ктобъ у ней взялъ ее съ такимъ приданымъ.... ишь только дался дуракъ—Ванька Майскій.... Ну и окулали: поить, кормить тебя будутъ, во всякой нуждѣ пособятъ, сваха то каналья

говорила: только дескать женись — вотъ тебѣ и кормежъ, и помога.... А жена то, развѣ не одна душа съ матушкой.... Э!... всѣ онѣ за одно.... Иванъ произнесъ самое жестокое ругательство, причемъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Да я ей дамъ тирана... погоди она!.. прибавилъ онъ, переводя духъ.

Яковличъ уже не возражалъ, только порою вздыхалъ и проговаривалъ про себя:

— Поди ты... какъ ихъ разберешь! *Мужъ да жена — одна сатана.*

Наконецъ утомясь побоищемъ и ругательствами, Иванъ хотя сперва и не располагался, однако теперь вздумалъ ѣхать въ ѣзду и отправился запрягать лошадь. Тамъ онъ немилосердно отпоролъ невиннаго гнѣдка за то, что бѣдняку вздумалось почесать о косякъ свою шею, и обругалъ двухъ ямщиковъ, которые смотрѣли въ дверь конюшни на экзекуцію.

И вотъ Иванъ Васьянычъ, облекшись опять въ армякъ и низенькую кучерскую шляпу, съѣхалъ со двора, къ удовольствію напуганной семьи своей.

Въ это время Дарья Сергѣевна сидѣла вверху у матери, плакала и причитала: Зачѣмъ ты породила меня, родимая матушка, на бѣлый свѣтъ! Лучше бы ты бросила меня съ камнемъ въ воду, а не пускала меня на такое житье горемычное... не успѣла я накрасоваться въ дѣвушкахъ, точно за вину за какую — спихнули меня на семнадцатомъ годочкѣ, за этакого варвара, и живу я, каждый день слезами горючими умываючись....

— Что дѣлать, мое дитятко горемычное!... Знать судьба твоя такая!... замѣтила мать, утирая слезы.

— И какъ не хотѣлось-то мнѣ за извощика выходить! — продолжала дочь, — думаю себѣ: привыкли молъ они лошадей нахлестывать... знать сердце мое чуяло... А все Костылиха, (сваха) старый дьяволъ, улестила всѣхъ, чтобъ семь разъ въ гробу ей поворотиться!... Не ходите, сестры, замужъ, не губите своей дѣвичьей жизни — придется можетъ такую же участь испытать, — прибавила она, обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Всякому сестрица своя судьба—отвѣтила Оля наивно.

По уходѣ брата Василій сказалъ отцу:

— Что это, батюшка! ужъ вы совсѣмъ забыли власть то свою родительскую, хоть бы по крайней мѣрѣ слово замолвили за Сергѣевну... Ну скажите, за что братъ ее оттрепалъ?... А вы будто не видите и не слышите ничего... хоть бы немножко ему напомнили, что онъ поступаетъ не по человѣчески—можетъ—и постыдился бы....

— Эхъ-ма Васютка, Васютка! Ну что я языкомъ-то сдѣлаю — послушаютъ что ли меня... Я старикъ хилый, боюсь съ Иванкомъ то ссориться — ишь хворъ сталъ, можетъ скоро и на его хлѣбы приду... А разсорься-ка съ нимъ, такъ и косо поглядитъ, — отвѣчалъ старикъ вздохнувъ и махнувъ рукою:—ишь отъ него зависимъ мы....

— Однако, онъ на насъ никогда ласково не глядитъ— какъ къ нему не подслуживаемся... Для него все равно; сидимъ мы у него словно путы желѣзныя на шеѣ... Такъ ужъ за–одно бы....—замѣтилъ сынъ.

— Охъ! правда твоя... Однако между мужемъ и женою трудно быть судьей, сказано: «жены да повинуются мужемъ.»—

— И тамъ же написано: «да любитъ мужъ свою жену»— прервалъ молодой человѣкъ! Только у брата, къ несчастію, нетолько любви, да жалости то ни къ кому никакой нѣтъ...

— Да ужъ коль сказать по правдѣ, такъ и у невѣстки— дурной язычекъ.

— Къ несчастію, правда... Подъ этой кровлей ни любовь, ни повиновеніе, ни согласіе не имѣютъ пріюта,—заключилъ высокопарно будущій проповѣдникъ.

Когда Дарья Сергѣевна, наплакавшись вдоволь у матери, возвратилась въ свою квартиру, то нашла своего маленькаго сына сидѣвшаго въ подушкахъ — возлѣ дяди, который опять корпѣлъ уже за своей тетрадью; а остальная тройка окружала дѣда, складывающаго для нихъ изъ бумаги лодочки, ножницы и проч.

IV.

Глубоко вздохнулъ Василій, дописавъ послѣднюю строчку въ своей тетради, какъ будто свершилъ тяжкій трудъ, пересмотрѣвъ и свѣривъ съ подлинниками, съ которыхъ списывалъ, онъ совершенно остался доволенъ своею работою.

И въ самомъ дѣлѣ тетрадь была написана красиво и четко, однимъ словомъ великолѣпно и могла служить образцомъ каллиграфическаго искуства.

Но что содержала въ себѣ эта тетрадь, еслибъ вы знали?

Вѣроятно, что нибудь серьезное—скажетъ читатель—можетъ быть, лекцію, диссертацію, а можетъ и проповѣдь?

О нѣтъ,—далеко не то...

Это были стихотвореній всѣхъ родовъ и годовъ, начиная отъ Бахчисарайскаго фонтана до стишковъ изъ письмовника Курганова, сочиненія признанныхъ и не признанныхъ поэтовъ, зашедшія въ разныя времена въ семинарскій міръ; пѣсни, положенныя на ноты семинаристами и ими же распѣваемыя, разные стишки въ альбомы, собственной ихъ стряпни; риѳмованныя любовныя посланія, приторные мадригалы, тупыя остроты, плоскіе каламбуры, шарады въ стихахъ и даже сатира на учителя — словомъ невообразимый венегредъ.

— Ничего, не дурно написано, довольны будутъ.... сказалъ самъ себѣ молодой человѣкъ, запирая свою работу въ скудный сундучокъ, стоявшій на полатяхъ. И самодовольная улыбка мгновенно озарила грустное лице Василья.

Не дождавшись ужина, Василій забрался на сѣновалъ, гдѣ постоянно спалъ лѣтомъ. Зарылся по горло въ сѣно и принялся по обыкновенію раздумывать о своемъ незавидномъ положеніи, среди родной семьи.

А куда я уйду, разсуждалъ онъ, отъ ежедневной *суматовщины*, отъ вѣчныхъ попрековъ,—къ отцу въ Захарьино?... Старикъ и самъ едва сытъ—куда ужъ ему на шею садиться? Эхъ ты, житье мое каторжное... То досадно, что *кондиціи* никакой не выходитъ на уроки. О, еслибы такъ, какъ прошлою зимою.... Помянешь, сто разъ помянешь, и Марью

Карповну, и ея матушку, и даже Акулину... добрые люди, дай имъ Богъ здоровья...—у Василья навернулись слезы на глазахъ,—а родные-то мои! а вѣдь еще три года придется коротать съ ними... развѣ ужъ была не была,—идти въ Горки въ дьячки... сглупить, что жъ за бѣда, хоть однимъ богословомъ и меньше будетъ... Или въ приказные выдти... и тутъ трудно: дьяческому сыну долго трубить до чина придется... Нѣтъ, ужъ лучше потерплю... стерпится — слюбится, что дѣлать... зато кончу курсъ...

Одинъ за однимъ умолкали городскіе звуки, все замѣтнѣе и замѣтнѣе воцарялась ночная тишина. Василій слышалъ какъ возвратились Иванъ и его работникъ, выпрягши лошадей, и вскорѣ послѣдній, помѣстясь на томъ же сѣновалѣ, по сосѣдству съ Васильемъ, захрапѣлъ что есть духу.

Вотъ уже на соборной колокольнѣ и полночь пробила, двѣнадцать ударовъ отчетливо прозвучали другъ за другомъ и замерли; но Василій еще не спалъ.

Полный мѣсяцъ ласково глядѣлъ на него сквозь широкое окно сѣновала, которое также служило и дверью, и въ то же время обливалъ матовымъ свѣтомъ ветхій навѣсъ, поросшій плесенью. На застрехѣ сидѣла кошка и жалобно мяукала, изъ-подъ навѣса слышался говоръ двухъ мужиковъ. Гдѣ-то вдали дребезжали по мостовой запоздавшія дрожки, гдѣ-то громко перекликались часовые. Но вотъ ушла неугомонная кошка, затихъ и мужицкій разговоръ, въ окнѣ старухи-хозяйки замелькала лампадка, Оля въ одной сорочкѣ подошла къ окну и задернула его занавѣской,—все предалось покою.... Только лошади порой фыркали съ-просонья, либо принимались чутко похрупывать душистое сѣно, да безотвязный комаръ докучливо тянулъ свою безконечную пѣсню, кружась надъ головою Василья, словно сговорясь съ его грустными мыслями. Есть у насъ пословица, что дескать: *по привычкѣ и въ аду живешь.* Не знаю, насколько это правда, только къ Василью она не могла быть примѣнена, потому что грубость родныхъ и ежедневныя ссоры между собою у мужа и жены, вмѣсто того чтобы сдѣлать молодаго человѣка равнодушнымъ, все болѣе и болѣе возмущали его

кроткую и любящую душу. Онъ страдалъ и не могъ скоро ожидать исхода своему положенію.

Прошедшее тоже немного оставило ему послѣ себя свѣтлыхъ воспоминаній: сиротское дѣтство прошло, лишенное материнской ласки. Бывши семи лѣтъ, Василій увидѣлъ уже своего отца отрѣшенымъ отъ должности дьячка и, только по доброжелательству священника и старосты, остался Яковличъ сторожемъ при церкви. Василій не помнилъ матери, которой его рожденіе стоило жизни. Онъ помнилъ только старую, добрую просвирню, которая ради–Христа обшивала и обмывала сироту. И вотъ, десяти лѣтъ, онъ очутился въ городѣ, на квартирѣ у какой-то солдатки, съ десяткомъ другихъ подобныхъ себѣ дѣтей. Послѣ женитьбы брата Ивана Василій перешелъ къ нему, и вотъ, шесть лѣтъ его бранятъ и корятъ, а онъ все терпитъ и живетъ.

Въ матеріальномъ отношеніи положеніе бѣдняка было едва ли не хуже. Мы видимъ, что при всемъ своемъ желаніи заработать копѣйку, онъ не имѣлъ случая. Братъ ему ничего не давалъ на платье, у отца онъ не могъ требовать.

Прошлой осенью старикъ и то кой–какъ сколотилъ ему на сапоги и какую-то бекешь подъ которой, вмѣсто мѣха, находилась одна шкура, и вмѣсто теплоты сообщала тѣлу необыкновенную прохладу. А между тѣмъ Василій получилъ замѣчаніе отъ ректора: «что худо одѣтъ, что *стыдитъ* собою классъ». При этомъ замѣчаніи хотѣлъ-было бѣднякъ объяснить свое безпомощное состояніе и попросить, нельзя ли ему поступить на *казну,* но оробѣлъ... Начальникъ стоялъ передъ нимъ такой сановитый, смотрѣлъ такъ строго... что у Василья невольно прильнулъ языкъ къ гортани...

Однако, казалось, сама судьба сжалилась надъ Васильемъ, хоть и не надолго.

Въ началѣ декабря пріѣхала изъ деревни въ городъ одна помѣщица, вдова, Марья Карповна Бѣлугина, съ маленькимъ сыномъ и старухой матерью. Они остановились въ верху, въ номерахъ, до пріисканія удобной квартиры. Узнавъ случайно, что внизу живетъ семинаристъ, барыня рѣшила пригласить его покуда учителемъ къ маленькому Колѣ, и послала за Васильемъ.

Скромный, нѣсколько застѣнчивый и симпатичный видъ молодаго человѣка понравился Марьѣ Карповнѣ, и Василій сдѣлался учителемъ ея сына. Онъ давалъ ему уроки въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и гардеробъ Василья той порой немного поправился. Вмѣсто помянутой бекеши явилась съ кошачьимъ воротникомъ чуйка на ватѣ, и сюртучокъ, если не тонкаго сукна, зато новенькій, съ иголочки. Въ семьѣ ученика всѣ были довольны Васильемъ, безъ исключенія.

Сама госпожа Бѣлугина, лѣнивая, сонная и расплывшаяся дама, никогда не читавшая прозы, до страсти любила стихи, какого бы рода они ни были; заставляла Василья ихъ для себя выписывать изъ разныхъ періодическихъ изданій, взятыхъ у знакомыхъ. Мать ея, старая сутяга, извѣстная всѣмъ судамъ и палатамъ, протягавшая все свое имѣніе,—поручала Василью переписывать просьбы и разныя дѣловыя бумаги, которыхъ смыслъ онъ никакъ не могъ себѣ усвоить. Даже Акулина, колина нянька, она же и ключница, просила учителя то списать какую-нибудь молитву, то поминанье по усопшимъ написать,—за что и поила его у себя въ дѣтской чаемъ съ сухарями и тихонько отъ барынь подарила три пары бѣлья, послѣ покойнаго барина. Но четыре мѣсяца пролетѣли для Василья короткимъ, хотя и пріятнымъ сновидѣніемъ, — въ апрѣлѣ Бѣлугины уѣхали въ деревню, приглашая учителя погостить къ себѣ въ каникулярное время.—«Пріѣзжайте къ намъ», картавила при прощаньи Марья Карповна, развалясь въ креслахъ, съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ,—«можетъ, вамъ опять придется у насъ съ Колинькой заняться, если къ той порѣ учителя не пріищемъ. Да смотрите же: если гдѣ увидите какіе стишки, непремѣнно для меня спишите, и привезите, али хоть перешлите ко мнѣ: мои мужики часто бываютъ въ городѣ».

Василій кланялся, благодарилъ за приглашеніе и обѣщалъ исполнить желаніе госпожи Бѣлугиной. Также привѣтно простилась съ нимъ и старуха, сожалѣя вслухъ: что у ней теперь не будетъ подъ рукой такого послушнаго писца. Акулина тоже прослезилась и поцѣловала его при прощаньи въ обѣ щеки. Въ это время маленькій Коля смотрѣлъ въ окно,

стараясь скрыть слезы, то и знай набѣгавшія на его глазки.

Изъ этого можно заключить, что Василій не дурно зарекомендовалъ себя въ семействѣ Бѣлугиныхъ. Но онъ, по природной скромности, такое обращеніе приписывалъ необыкновенной добротѣ Марьи Карповны и всѣхъ окружающихъ ее, которые казались ему какими-то геніями добра, едва ли не съ облаковъ слетѣвшими, въ сравненіи съ его братомъ и невѣсткою.

Теперь читатель можетъ догадаться, для кого онъ переписывалъ стихотворную дребедень.

— Напрасно я робѣю, продолжалъ думать Василій, все еще не смыкая глазъ: Марья Карповна такъ добродушно меня приглашала, притомъ и стихи ей не дурно переписалъ, я увѣренъ, что она довольна будетъ. Со старухою тоже полажу, а съ Колинькой стану рыбу удить, въ лѣсъ за ягодами ходить... А ужъ какъ Акулина-то обрадуется!... И всѣ эти образы предстали его воображенію въ самомъ радужномъ свѣтѣ.

— Пойду къ нимъ... произнесъ онъ вслухъ рѣшительно,—пробуду недѣлю-другую, хоть отдохну, а можетъ и Колю опять придется поучить...

Но вотъ, черезъ минуту, темныя сомнѣнія налетѣли на душу Василья.

— Съ какими въ самомъ дѣлѣ глазами пойду я къ Бѣлугиной? раздумывалъ онъ,—что они мнѣ за родня? Конечно, ласкали меня, какъ дитю ихняго училъ... а теперь, можетъ у нихъ ужъ и есть учитель, какой-нибудь Французъ-фанфаронъ, или Нѣмецъ-выжига; ну и стихи представлю, вотъ-молъ, сударыня... пятьдесятъ верстъ прошелъ, чтобъ вамъ ихъ поднесть... А Марья-то Карповна можетъ только посмѣется... вотъ, скажетъ, сумасшедшій-то... Нѣтъ, глупо!.. стыдно!.. не пойду...

Но несмотря на всѣ эти разсужденія и предположенія, какое-то неопредѣленное предчувствіе тянуло молодаго человѣка въ усадьбу Марьи Карповны.

Вдругъ размышленія Василья были прерваны топотомъ лошадей и брячаньемъ бубенчиковъ. Еще минута—раздался

стукъ въ ворота, шумъ смѣшанныхъ голосовъ, брань, и вскорѣ какой-то тяжелый экипажъ, средина между тарантасомъ и коляскою, съ громомъ вкатился на дворъ.

— Дворникъ! Что это у васъ и фонаря то нѣтъ? прибавилъ мужской голосъ изъ экипажа.

Василій подвинулся поближе къ окну. Голосъ показался ему знакомымъ.

— Помилуй, судырь, зачѣмъ фонарь! Посмотри-ко-сь, мѣсяцъ то за десять фонарей отвѣтитъ,—отвѣчалъ благоразумно, въ видахъ экономіи, дворникъ.

Однако на лѣстницѣ появилась старуха-хозяйка со свѣчкою въ рукахъ.

— Ой ты бестія!.. Отвѣтъ сейчасъ готовъ,—проговорилъ опять басистый голосъ, вѣроятно обращаясь къ дворнику.

— Онъ.... Мина Егорычъ...—замѣтилъ самъ себѣ Василій.

— Еремка, подлецъ! Чтожъ ты меня не высаживаешь?—раздался рѣзко-сухой женскій голосъ, — Сонька, мерзавка! Куда жь ты кулечекъ съ пирогами дѣвала, а?

— Я, сударыня, за подушки кулечекъ положила-съ... Да вѣрно онъ попалъ подъ барина-съ...—отвѣчала дѣвочка изъ экипажа.

— Ахъ ты тварь этакая! Я приказала тебѣ на рукахъ держать, а ты...—вопила барыня уже стоя на крыльцѣ.

— На дѣвчонкѣ много спрашивать нельзя, матушка Аграфена Титовна,—отозвался Мина Егорычъ.—Какая слуга Сонька,—я говорилъ, что нужно-бы Ѳеколку взять...

— Вы свою Ѳеколку вѣчно бы на глазахъ желали имѣть... Боже мой! стыда въ васъ нѣтъ... безстыдникъ!

— Ну пошла... на тебя матушка и здѣсь угомону нѣтъ—хоть бы вспомнила, что съ нами Фаничка...

— Ахъ я и забыла совсѣмъ про Фаничку,—язвительно, какъ то сквозь зубы, произнесла Аграфена Титовна.

Но Мина Егорычъ уже не продолжалъ болѣе разговора съ супругою. Онъ обратился къ своимъ слугамъ, дюжему лакею Еремкѣ, и бородатому кучеру Филькѣ, приказывая себя освободить поскорѣе изъ мягкой перины, въ которую погрузла его фигура чудовищной толщины. Наконецъ,

послѣ нѣсколькихъ минутъ пыхтѣнья, онъ, ведомый подъ руки слугами, вступилъ на крыльцо.

— Не хорошо, матушка Аграфена Титовна, выдумала по ночамъ ѣздить... Ну долго ли въ потьмахъ оступиться, не хорошо, не хорошо—замѣтилъ онъ, переводя духъ.

— Все для васъ же... Какъ васъ такую тушу въ полдневый жаръ повезешь, упаритесь, раскиснете, и изъ экипажа васъ не вытащишь—сказала Аграфена Титовна, и чета начала взбираться по лѣстницѣ. Между тѣмъ въ тарантасѣ долго еще копалась маленькая десятилѣтняя служанка и Фаничка, дочь Мины Егорыча, барышня лѣтъ шестнадцати, забирая узлы, узелки и картонки. Потомъ и онѣ ушли наверхъ,—а вслѣдъ за ними потащилъ Еремка и огромную перину, безъ которой Мина Егорычъ не могъ обойтись въ дорогѣ. Потомъ Филька кучеръ побранился съ Еремкою, выпрягъ лошадей и завалился въ экипажѣ. Вскорѣ все затихло... а ночь уже уходила; на дальнемъ востокѣ появилась блѣдная полоса, мѣсяцъ тускнѣлъ, вѣтерокъ потянулъ утренней прохладою; но какъ ни закутывался Василій въ свой ветхій халатъ, какъ ни зарывался въ сѣно, сонъ бѣжалъ отъ него... Пріѣздъ Мины Егорыча навелъ его снова на печальныя мысли (такъ онъ грустно былъ настроенъ).

Мина Егорычъ Тетеринъ былъ помѣщикъ, прихожанинъ села Захарьина и самый близкій сосѣдъ. Василій зналъ его съ дѣтства, потому что бывши еще семилѣтнимъ мальчикомъ, онъ охотно бѣгалъ по воскресеньямъ въ Тетерино, гдѣ добрая барыня, первая супруга Мины Егорыча, кормила сироту сладкими пирогами.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Добрая барыня уже давно лежитъ подъ бѣлою пирамидой на захарьинскомъ погостѣ. Мина Егорычъ женился на какой то мелкопомѣстной Аграфенѣ Титовнѣ, и чудовищно растолстѣлъ. Василій той порою дошелъ до философскаго курса.

Проведя безсонную ночь, часовъ въ пять утра, Васьянъ Яковлевичъ вышелъ тихонько изъ избы и отправился на сѣноваль.

— Васютка, ты спишь? — произнесъ онъ, ложась возлѣ Василья.

Желанная дремота только–было начала смыкать глаза сына, но онъ ихъ открылъ.

— Нѣтъ, батюшка; а что вамъ?

— Мухи въ избѣ спать не даютъ.

Василій опять задремалъ.

— Послушай-ка, Васютка,—продолжалъ старикъ,—вѣдь я братъ всю ночь не спалъ, все думалъ... Э-эхъ!... Какъ ничего не видалъ, такъ и сердце мое не болѣло... а теперь, охо-хо, больно тебѣ, Васютка, плохое житье,—да помочь не могу... Яковличъ вздохнулъ.

— Мнѣ не первый день здѣсь жить-то, отвѣчалъ грустно молодой человѣкъ, у котораго отъ словъ отца сердце опять болѣзненно защемило.

— Право легче было, какъ не видалъ.

— Кто же вамъ велѣлъ идти сюда, и зачѣмъ?

— Эхъ, дуракъ ты, Васютка! Ну, разумѣется, первымъ долгомъ я желалъ провѣдать васъ, повидать, потомъ купить табачку, сапоги, котелокъ, соли да еще кой-чего... А теперь я расчиталъ: денегъ то и недостаетъ у меня... Развѣ у Ивана попросить, да боюсь, осердится...

Василій повернулся внизъ лицемъ и не отвѣчалъ.

— Эхъ Васютка, Васютка—и я, и ты, оба знаемъ, что плохо, братъ, приходитъ... да! Съ Божіей помощью пустимся-ка въ Горки–то, а? Богъ съ нимъ съ ученьемъ-то, хорошо кабы на казну приняли, а то ой! ой! еще долго тянуть—а тамъ, братъ, въ Горкахъ–то зажилъ бы безъ горя, да! И меня бы на старости успокоилъ—не ужъ ли бы меня хлѣбомъ то укорилъ, а?

Василій молчалъ, но замѣтно было во всемъ тѣлѣ какое то содроганіе.

— Знаю, что не укорилъ бы,—продолжалъ старикъ,—а! дуракъ, да чтожъ ты ничего не отвѣчаешь, спишь чтоль, а?—Яковличъ наклонился къ сыну—ахъ ты, глупый, да ты въ слёзы!—Василій въ самомъ дѣлѣ глухо рыдалъ.

— Ну, полно... Коли въ самомъ дѣлѣ желанія нѣтъ, Богъ съ тобою, я не неволю, учись... Ахъ, Васютка, кабы на казну–та тебя приняли—словно бы гора съ плечъ у меня свалилась! Нѣтъ такихъ благодѣтелей..! просить не кому...

Эхъ-ма... Къ кому сунешься... Въ умъ старика пришли всѣ лица, къ кому бы могъ онъ обратиться съ просьбою за Василья... Но лица эти все были ему неблагопріятствующія, которыя нѣкогда настояли на томъ, чтобъ отрѣшить его отъ мѣста.

— Батюшка... произнесъ сынъ, утеревъ глаза и повернувшись къ отцу,—не говорите мнѣ больше про Горки, не желаю я быть дьячкомъ... Однако иногда изъ нужды поступаешь и противъ желанія... И такъ не говорите мнѣ лучше объ этомъ мѣстѣ! Что дѣлать—надо потерпѣть: надѣюсь, что курсъ кончу хорошо... тогда, батюшка, какъ бы ни были скудны мои средства, я не забуду, что у меня есть отецъ... Но теперь прошу васъ объ одномъ: возьмите меня къ себѣ на каникулы..... голосъ Василья былъ рѣшителенъ.

Старикъ Майскій покачалъ головою, ему не хотѣлось прямо сказать сыну, что онъ будетъ ему въ тягость.

— Ты соскучишься у меня, Вася—а то я бы радъ—отвѣтилъ отецъ, подумавъ.

Сынъ какъ будто понялъ мысль старика и сказалъ:

— Вы, можетъ, думаете, батюшка о томъ, что мнѣ тѣсно будетъ у васъ въ сторожкѣ, то вы не безпокойтесь, я у васъ не буду.... Я той порой схожу въ М—й монастырь на богомолье, повидаюсь съ крестнымъ, побуду у него, отдохну.... Мнѣ только нужно, чтобъ вы брату сказали: что вы меня берете съ собою, къ себѣ... (Надобно замѣтить, что крестный отецъ Василья былъ монахомъ М—го монастыря).

— Не знаю, не знаю какъ, Васютка, быть то,—бормоталъ старикъ, и тебя мнѣ жаль.... Да боюсь, Иванко-то осердится... Ну какъ одна то Сергѣевна съ четверкою останется? трудно ей безъ тебя....

— Вѣроятно, обойдутся безъ тунеядца, котораго шесть лѣтъ корятъ кускомъ хлѣба.... А можетъ еще и обрадуются моему уходу, отвѣчалъ грустно Василій.

V.

На другой день подъ вечеръ старикъ Майскій сидѣлъ у окна и тѣшилъ самаго маленькаго внука; подъ другимъ

Сергѣевна что-то работала. Василій въ заднемъ углу копался, укладывая въ дорожную котомку свою сюртучную пару, перемѣну бѣлья, и нѣсколько книгъ, между коими находилась тщательно обвернутая въ бумагу, пресловутая тетрадь.

— Напрасно ты, батюшка, у насъ не погостилъ, продолжала начатый разговоръ невѣстка, придешь изрѣдка насъ навѣстить, да и то словно на угольяхъ.

— Нельзя, Дарья Сергѣевна; отпросился ишь не на долго; и то, я чаю, безъ меня, нѣмой-то мой товарищъ — взбѣленился не на шутку,—отвѣчалъ Яковличъ.

— Положимъ, что и такъ... а вотъ Васю-то съ собой берешь,—такъ ужъ право Бога не боишься, батюшка! Подумай-ка.... Вѣдь я безъ него что безъ рукъ останусь; выйду на часъ изъ избы, такъ ребятишки безъ присмотра, или головы другъ-другу посломаютъ,—или глаза повыколютъ....

— Что дѣлать, что дѣлать.... проговорилъ чуть слышно свекоръ, не зная что сказать болѣе, потому что сознавалъ справедливость невѣсткиныхъ словъ.

— Что вы на одиночество-то жалуетесь? отозвался вдругъ Василій, боясь, чтобъ отецъ не уступилъ. Ваши родные въ одномъ домѣ съ вами живутъ — они могутъ помочь вамъ и въ хозяйствѣ...

— Нечего тебѣ о моихъ родныхъ то толковать.... самъ то о себѣ говори—безшабашная твоя голова! Подумайка хорошенько—куда ты идешь, а?—почти закричала Сергѣевна, по обыкновенію, входя уже въ азартъ.

— Куда иду? Въ Захарьино, отвѣчалъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— А что въ Захарьинѣ дѣлать будешь? по-міру что-ль ходить? разсудить того не хочешь,—что батюшка и самъ-то съ горемъ пополамъ живетъ.

Послѣднія слова Сергѣевны сильно укололи сердце Василья. Онъ быстро отбросилъ въ сторону книгу, которую хотѣлъ-было уже положить въ котомку, но ничего не сказалъ.

— Такъ и выходитъ, съ батюшковой-то стороны баловство одно, — продолжала сноха,—а съ твоей стороны упрям-

ство: дескать, поставлю на своемъ, досажу и брату и снохѣ, уйду... Вѣдь, голубчикъ Василій Васьянычъ! въ Захарьинѣ-то, не вѣкъ пробудешь—къ намъ же придешь... Надѣяться то больше не на кого!..

У молодаго человѣка навернулись слезы... Ему представилась горькая необходимость возвращенія подъ тотъ же братнинъ кровъ, и онъ прошепталъ едва слышно:

— Да, ваша правда, не на кого мнѣ надѣяться кромѣ Бога....

— Ну, *на Бога надѣйся, а самъ не плошай,* пословица говоритъ, возразила сноха.

Вошелъ Иванъ и искоса всѣхъ окинулъ глазами, молча раздѣлся и сѣлъ возлѣ отца.

— Иванъ Васьянычъ, батюшка домой завтра уходитъ, заговорила жена.

— Что-жъ не гостишь у насъ? не нравится? молвилъ Иванъ, обращаясь къ отцу и не взглянувъ на жену.

— Спасибо, Ваня... будетъ, нагостился, пора и ко дворамъ, отвѣчалъ старикъ.

— На два дня не зачѣмъ было и приходить, продолжалъ сынъ.

— Пришелъ то я, по правдѣ сказать, за тѣмъ, что думалъ кой что купить для себя въ городѣ; примѣрно, какимъ нибудь балахономъ обзавестись. Сибирка то моя, увы! почти каждый Божій день ушиваю; да ужъ такъ проклятая истлѣла, что и на ниткахъ не держится.... Видѣлъ, продавала сегодня баба на рынкѣ, сибирочка синенькая, и какъ разъ мнѣ въ пору...

— Ишь, щегольство въ головѣ, прервалъ Иванъ отца: въ синюхѣ походить желается, а по-стариковски бы — купилъ овечій смурякъ захарьинской фабрикаціи да и все тутъ!.. Лишь бы старое тѣло пригрѣто было.

— Такъ и придется сдѣлать, потому что за сибирку то два цѣлковыхъ просятъ; а въ карманѣ то у меня всего-на-все три четвертака.... куда ихъ подернешь? проговорилъ грустнымъ тономъ Яковличъ и вздохнулъ, прижавъ руку къ лѣвому карману своей полосатой жилетки.

— Значитъ — попустому нечего было и ноги въ городъ забивать—замѣтилъ старшій сынъ.

— И Вася тоже въ Захарьино съ батюшкой идетъ,— воскликнула Сергѣевна.

— На всѣ четыре стороны дорога, отвѣтилъ мужъ сквозь зубы, взглянувъ изъ-подлобья на Василья.

— Хорошо тебѣ такъ говорить, когда домашнее дѣло до тебя не касается — закричала уже хозяйка, каково то мнѣ одной съ ребятишками остаться?

— Слышишь, Васютка! Дарьѣ Сергѣевнѣ значитъ желается, чтобъ ты не уходилъ, сказалъ старикъ,—ну и останься... ссориться съ родными не годится. Вѣдь я тебя силой не тащу.... самъ же ты....

— Такъ и есть.... у насъ подслуживаньямъ и конца никогда не будетъ, подумалъ Василій и сказалъ вслухъ, стараясь казаться какъ-можно покойнѣе: Для чего же я останусь, когда мнѣ на всѣ стороны дорога? По крайней мѣрѣ я мѣсяца полтора не буду ѣсть братцева хлѣба....

Молодой человѣкъ сознавалъ, что окончательно ссорился съ братомъ, но въ сердцѣ его столько накипѣло горечи, что онъ не могъ удержаться, чтобъ не высказать этихъ досадныхъ словъ.

— Полтора мѣсяца, а можетъ и больше, кто знаетъ.. . замѣтилъ братъ язвительно.

У Василья сердце облилось кровью; но несмотря на то, что не предвидѣлъ покуда и за братнинымъ порогомъ ничего для себя утѣшительнаго, онъ ни на шагъ не отступилъ отъ своего рѣшенія, и не переставалъ укладывать своей котомки, стараясь казаться совершенно спокойнымъ.

Въ это время маленькая Дуня влѣзла на лавку и подошла къ нему.

— Дядя, сказала она, ты уйдешь отъ насъ?

— Уйду.

— Куда же ты уйдешь? Далеко?

— Далеко, Дуня, отсюда не видно.

Дуня обняла Василья и повисла у него на шеѣ.

— Не уходи, голубчикъ дядя! Безъ тебя тятя насъ всѣхъ

прибьетъ...и меня, маму, всѣхъ... лепетала дѣвочка съ плачемъ. Не уходи, миленькій дядя...

У Василья навернулись слезы. Онъ хотѣлъ ее отстранить, но Дуня крѣпко держалась и плакала.

— Пошла прочь, Дунька! крикнулъ отецъ. У Дуни опустились ручонки; она отошла, сѣла въ уголокъ и тихонько хныкала.

— Ай, упрямый парень! Ишь котомку-то увязываетъ, проговорила между тѣмъ Сергѣевна, покачивая головою и смотря *не совсѣмъ пріязненно* на деверя.

Въ этотъ вечеръ, улегшись спать, Сергѣевна долго бранилась съ мужемъ, настаивая на томъ, чтобъ онъ остановилъ брата. А Иванъ, какъ и всегда, потому только и не хотѣлъ остановить Василья, что этого непремѣнно хотѣлось женѣ.

Старикъ Майскій также отправился на сѣновалъ, урезонивать младшаго сына — *покориться* и остаться въ городѣ; въ чемъ однако Василій отказалъ отцу наотрѣзъ. И вотъ на слѣдущее утро, часовъ въ семь, отецъ и сынъ вышли за городскую заставу. Василій, въ томъ же ветхомъ, полосатомъ халатѣ, согнувшись подъ тяжелою котомкою, которая висѣла у него за спиною, молча шелъ широкими шагами. Вслѣдъ за нимъ, едва поспѣвая, семенилъ его родитель мелкою рысью. Онъ бережно перекладывалъ порою съ руки на руку холщевый мѣшечекъ, въ который при прощаньи ворчливая невѣстка положила краюху хлѣба и пирогъ съ лукомъ.

Чистъ былъ утренній воздухъ, прохладный вѣтерокъ шумѣлъ въ вѣткахъ придорожныхъ березокъ. Подъ его капризными порывами стлался волнами колосистый ячмень и высокая рожь, между колосьями которой лазоревые васильки граціозно покачивали своими миловидными головками. Возлѣ ближняго лѣса, на широкой полянѣ сушилось скошеное сѣно. Крестьянки, въ однѣхъ рубахахъ, съ выстроченными красною бумагою подолами, переворачивали сѣно граблями; ихъ смѣхъ и звонкіе голоса доносились вѣтромъ до ушей нашихъ путниковъ.

Свѣтлоголубой куполъ неба широко обнималъ плоскія

окрестности и солнце потоками свѣта обливало эту простую, мирную картину. Но пѣшеходы наши не обращали на нее особеннаго вниманія, потому что Яковличъ давно уже къ ней приглядѣлся, а Василья тяготили такія грустныя мысли, что онъ, какъ будто стараясь размыкать ихъ, все болѣе и болѣе ускорялъ шагъ, такъ что отецъ уже не вытерпѣлъ и вскрикнулъ своимъ дребезжащимъ голосомъ:

— Васютка, стой, дуракъ! Вѣдь ты меня совсѣмъ этакъ уморишь... что бѣжишь больно, съ цѣпи что-ль сорвался?

— И въ самомъ дѣлѣ похоже на то, сказалъ молодой человѣкъ, останавливаясь; вы устали, батюшка?

— Еще бы... *у стараго коня не по-старому ѣзда*,—ноги, братъ, совсѣмъ отказываются... Сядемъ-ка лучше, да перекусимъ. Пятнадцать верстъ отшагали, ну и ладно,—продолжалъ старикъ, показавъ рукою на верстный столбъ, стоявшій по другую сторону дороги, я думаю, ужъ полдень, ишь какъ солнышко-батюшко жаритъ.

Старикъ опустился на траву, въ тѣни кудрявой развѣсистой березки. Василій, снявъ съ себя тяжелую котомку, также послѣдовалъ его примѣру.

И въ самомъ дѣлѣ солнышко страшно пекло, въ воздухѣ сдѣлалось спокойнѣе, вѣтерокъ все рѣже и рѣже волновалъ высокую зеленѣющую ниву, деревья не шумѣли, пестрое стадо переходило черезъ дорогу на свою полдневную стоянку.

— Спасибо Сергѣевнѣ.... ишь какой славный пирогъ-то испекла, проговорилъ Яковличъ, съ наслажденіемъ разламывая пирогъ и подавая одну половину сыну, который, полулежа, грустно глядѣлъ вдоль песчаной дороги.

— Ну, Васютка! Хоть сердись, хошь нѣтъ, а ты не ладно, дуракъ сдѣлалъ, что ушелъ отъ брата, сказалъ черезъ минуту старый дьячекъ,—да, не ладно... Худы ли, хороши ли, а все, братъ, родные — пригодятся...

Василій не отвѣчалъ и только усердно кидалъ кусочки пирога появившейся близъ него воронѣ.

— Не ладно...—продолжалъ Васьянъ Яковличъ—и я-то, старый дуракъ, лѣшій меня обошелъ.... послушалъ тебя и взялъ съ собою. Знаю, что Иванко и на меня губу надулъ...

Эхе.... хе... походишь, да къ нимъ же, братъ, придешь... да!

Василій вздохнулъ и удвоилъ порціи воронѣ.

— Иной разъ и самъ вижу, что напрасно тебя обижаютъ, да что будешь дѣлать, коли такой нравъ у Иванка; да и у снохи-то не лучше, какъ слѣдуетъ въ ладъ слова не молвитъ: завсегда взрываются... На всякое чиханье, вѣрно, Васютка, не наздравствуешься, да!... А все бы лучше въ Горки-то, а? Старикъ взглянулъ на сына и увидя, что послѣдній усердно кормитъ ворону, вскричалъ:

— Что ты, баловень... съ ума что-ль спятилъ! ишь вздумалъ пирогомъ птицъ кормить! шишь! шишь!—и Васьянъ Яковличъ поднялъ какую-то чурку и пустилъ ею въ незваную гостью.

Ворона встрепенулась, отлетѣла въ сторону, но чрезъ секунду уже опять прыгала на старомъ мѣстѣ.

— Ишь, нахальная! чтобъ тебя ястребъ унесъ!—повторилъ старикъ, бросивъ уже камнемъ.

Василій грустно улыбнулся. Отецъ замѣтилъ это.

— Чему ты, дуракъ, смѣешься? спросилъ онъ съ досадою.

— Ничего... такъ.. мнѣ пришло на умъ, что вотъ, скоро и меня погонятъ, какъ эту нахальную гостью,—когда я ворочусь къ брату, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ктожъ виноватъ?—ты ужъ не маленькій, долженъ самъ разсудить; коль не хочешь въ Горки, такъ не слѣдовало брата раздражать, и свою волю тѣшить...

— Покуда дѣло сдѣлано, а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ, произнесъ сынъ.

— Ну, братъ: *самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ,*—замѣтилъ отецъ нравоучительно.

Василій отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ. Это правило большей части людей практическихъ, или слишкомъ самонадѣянныхъ, — успѣло привиться къ его свѣжему любящему сердцу, которое волновалось только горемъ безвыходнаго положенія; но еще въ немъ ниразу не кипѣла желчь, или безсильная злоба. Василій только удивлялся, отчего такъ люди злы, но не умѣлъ еще ихъ презирать или ненавидѣть за это.

Послышалось звяканье бубенчиковъ и телѣга парою вскорѣ поровнялась съ нашими пѣшеходами. На телѣгѣ сидѣло человѣкъ шесть ребятишекъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, или въ ветхихъ халатахъ, взмостясь на мѣшки и котомки, наваленныя грудою. Лошади шли лѣнивымъ шагомъ по глубокому песку, помахивая хвостами. Вслѣдъ за телѣгою, по окраинѣ дороги, въ сопровожденіи троихъ маленькихъ семинаристовъ, выступалъ знакомый намъ Сократъ Прохорычъ, въ длинной рубахѣ, жилеткѣ и шляпѣ; сапоги его были повѣшены на палку, которую онъ несъ на плечѣ.

— Ишь гдѣ выбрали мѣстечко... Добраго здоровья! прозвонилъ Сократъ надъ самымъ ухомъ старика Майскаго.

— Добро пожаловать... Да, что это ты никакъ цѣлый уѣздъ къ себѣ на телѣгу посадилъ! сказалъ Яковличъ, показывая на возъ.

— И то, около того... Да что будешь дѣлать—сивку не продалъ... давай, думаю, чѣмъ порожнему ѣхать, — хоть живье повезу; къ своимъ-то и чужихъ присадимъ; да и не радъ—ишь жара, лошадей съ ними умучилъ, просили только котомки положить, а всю дорогу сами на телѣгѣ, словно тетеревы сидятъ... Эй, грамматика, долой! надо пожалѣть лошадушекъ! прибавилъ Сократъ такимъ зычнымъ голосомъ, отъ котораго невольно трое старшихъ пассажировъ спрыгнули на землю.

— Это Вася-то твой?... Э! братъ, ничего, молодецъ! выросъ! Давно правда я его не видалъ, продолжалъ Прохорычъ, смотря на Василья, который уже всталъ и подвязывалъ свою котомку.

— Выросъ.... Молодое растетъ, Сократъ Прохорычъ.... Помнишь, о чемъ мы съ тобою прошлый разъ толковали, я и уговариваю дурака, — Яковличъ показалъ на сына, — такъ нѣтъ, упрямъ какъ козелъ...

— О чемъ-бишь мы толковали... насчетъ лошади-то? такъ несподручно, — Иванъ то твой ужъ очень дешево давалъ....

— Насчетъ лошади — не мое дѣло,—перебилъ старикъ, мы толковали насчетъ мѣста въ Горкахъ...

— Э, братъ, Васьянъ Яковличъ! Опоздалъ любезный! воскликнулъ Прохорычъ, прищелкнувъ языкомъ, — слышь,

какъ только провѣдалъ о томъ архангельскій дьяконъ въ городѣ, такъ туда съ сыномъ и свиснулъ... да! Конечно, парень безобразникъ, не знаю, какими судьбами въ семинаріи удержался, сколько разъ выгнать хотѣли, — а ужъ насчетъ голоса—басъ то есть богатѣйшій... Примутъ, знаю что примутъ: князь хорошее пѣніе любитъ.

— Не наше, не наше счастье и есть! произнесъ старикъ Майскій, почесавъ въ затылкѣ; вотъ, дуракъ, какъ люди то мѣста ловятъ, обратился онъ къ сыну.

— Чтожъ? Давай Богъ всякому! молвилъ послѣдній.

— А ты!... Эхъ-ма... горе мое съ тобою! Яковличъ махнулъ рукою и принялся завязывать мѣшокъ съ остатками съѣстнаго.

— Тужить покуда не о чемъ, Васьянъ Яковличъ! Вася, Богъ дастъ, кончитъ курсъ; такъ не та дорога впереди... молвилъ Сократъ. — А вотъ мнѣ досадно, что тебя, старца, подвезти не могу, телѣга полнымъ-полна...

— Не хлопочи, пріятель, и за прошлый разъ спасибо... Теперь, слава Богу, отдохнули...

Вскорѣ всѣ встали и пошли.

Минутъ черезъ десять ихъ объѣхалъ Мина Егорычъ Тетеринъ, въ своемъ огромномъ экипажѣ. Несмотря на понуканья и подхлестыванья кучера Фильки, дюжая тройка едва тащила массивную *махину*, половину которой занималъ, собственною особою, не менѣе массивный хозяинъ. Старикъ Майскій привѣтствовалъ экипажъ своего прихожанина низкимъ поклономъ, чего впрочемъ дремлющій въ подушкахъ помѣщикъ не замѣтилъ. Яковличу отвѣтилъ только съ высокихъ запятокъ дюжій Еремка.

Пріятели поднялись на пригорокъ, гдѣ Прохорыча поджидали лошади и его спутники и дьячки разстались. Сократъ повернулъ съ своимъ возомъ влѣво по узкому проселку, Майскіе держали путь прямо. Они молчали попрежнему, и только порою отирали струившійся по лицамъ обильный потъ. Пройдя версты три, они подошли къ большому мосту, который былъ перекинутъ черезъ глубокій оврагъ, поросшій ивнякомъ. На днѣ оврага таился чуть слышный журчавшій ручеекъ; перебѣгая по камешкамъ, онъ, кой-гдѣ

между густой травой, сверкалъ на солнцѣ своею чистою и холодною струйкой. По другую сторону оврага, не далеко отъ моста, стоялъ тетеринскій экипажъ. Лошади были отпряжены и кормились; почти у самыхъ ихъ ногъ, на травѣ, въ тѣни экипажа, лежалъ кучеръ; самъ Мина Егорычъ и его семейство расположились также на отлогомъ склонѣ къ ручью, въ тѣни кустарниковъ, подъ тѣнью растянутой на деревцахъ простыни. Тучная фигура Мины Егорыча, въ шелковомъ яркомъ халатѣ и соломенной фуражкѣ, лежала на подушкахъ; возлѣ него сидѣла сухощавая его сожительница, и забавлялась ягодами. Въ сторонѣ Фаничка, въ черномъ платьѣ, вмѣстѣ съ маленькой прислужницей копались въ корзинкѣ, выбирая оттуда чайную посуду. Внизу у ручья Еремка раздувалъ самоваръ.

— Васютка, смотри-ка, какъ господа-то *проклажаются*, чай вѣрно хотятъ пить... Оно и хорошо, и кустики, и травка... разсуждалъ Яковличъ, съ завистію посматривая на счастливцевъ.

— Вѣдь это Мина Егорычъ! развѣ вы не узнали? молвилъ сынъ.

— И впрямь онъ, — заговориль старикъ, не переставая глядѣть, пріосѣнивъ старые глаза рукою; вонъ и Еремей съ самоваромъ возится... Пойдемъ-ка, Вася, баринъ то добрый, можетъ и насъ напоятъ чайкомъ.... А куда бы хорошо, съ устатку-то!

— Какъ хотите, а ужъ я не пойду, отвѣчалъ сынъ.

— Дуракъ ты упрямый, не пойду!.. Ну отчего не пойти? Ну, отчего?.. пойдемъ да и разъ.

— Къ какой стати? Не пойду, а вотъ я сойду внизъ, къ ручью, пить, смерть, хочу.

И Василій побѣжалъ по крутой, едва замѣтной тропинкѣ, хватаясь на бѣгу за листву кустарниковъ.

— Этакой козелъ упрямый... не по мнѣ, вовсе не мой нравъ, замѣтилъ съ досадою отецъ, слѣдуя осторожно за сыномъ въ глубину оврага.

И оба, присѣвши къ ручью, принялись пригоршнями черпать освѣжающую влагу и утолять жажду.

— *Не пей нападкой, убьетъ лопаткой* — грянулъ съ про-

тивуположной стороны Мина Егорычъ и захохоталъ во все горло. Яковличъ поднялся на ноги и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Апрѣль Майевичъ! аль Май Апрѣлевичъ!—все забываю! продолжалъ помѣщикъ; ну, просто старый хрѣнъ... Куда путь держишь?..

— Изъ города въ Захарьино, отвѣчалъ старикъ, вертя картузъ въ рукахъ.

— Гряди сюда!—прибавилъ опять Тетеринъ, помавая Яковличу своею жирною десницей.

Старый дьячокъ, согнувшись самымъ почтительнымъ образомъ, словно виноватая кошка, приподнялъ свою сибирку, перешелъ бродомъ ручей, и вкарабкался до Мины Егорыча, оставивъ за собою оторопѣвшаго сына, который не зналъ что ему дѣлать: идти-ли за отцомъ, или подождать....

VI.

— Многолѣтняго здравія, Мина Егоровичъ! продребезжалъ старый дьячекъ, съ низкимъ поклономъ очутившись передъ помѣщикомъ.—Какъ васъ Господь Богъ милуетъ, сударыня Аграфена Титовна?—прибавилъ онъ дѣлая такой же поклонъ барынѣ.

— Ничего, Яковличъ, помаленьку—отвѣтила благосклонно Аграфена Титовна, которая, несмотря на свой строптивый характеръ,—всегда благоволила къ бѣдному приходскому сторожу; потому что каждый разъ, когда она бывала въ церкви,—Яковличъ съ поклономъ подавалъ ей на тарелкѣ просфору или раболѣпно разстилалъ передъ мадамъ Тетериной ея коврикъ.

— Хочешь чаю, старый хрѣнъ? вопросилъ Мина Егоровичъ, выпуская изо рта огромную струю дыма (Мина Егорычъ курилъ) которая пошла гулять, по огромнымъ полусѣдымъ бакенбардамъ.

— Если ваша милость будетъ, отвѣчалъ смиренно Яков-

личъ, поглядывая завистливымъ окомъ на двѣ пивныя опорожненныя бутылки, которыя валялись около Мины Егорыча, и на третью, еще нераскупоренную.

— Аль водки хочешь? спросилъ опять толстякъ, хохоча во все горло.

— Да будетъ по вашему милостивому усмотрѣнію—проговорилъ дьячокъ.

— Каковъ, ха, ха, ха! ахъ ты Май Апрѣльевичъ, аль Апрѣль Маевичъ! чортъ тебя знаетъ,—все забываю, какъ тебя зовутъ?

— Васьянъ Яковлевъ, сынъ Майскій, отвѣчалъ съ поклономъ Яковличъ—однако какъ, сударь, не зовите,—только хлѣбомъ—солью кормите.

Мина Егорычъ выпустилъ чубукъ изъ зубовъ, опрокинулся на подушку, и что называется покатывался со смѣху, трясясь тучнымъ тѣломъ, словно въ припадкѣ падучей. Тетеринъ былъ отъ природы страшный хохотунъ. Но потѣшаться надъ старымъ дьячкомъ находилъ особенное удовольствіе, хотя въ наружности старика скорѣе было болѣе жалкаго, чѣмъ смѣшнаго. И, несмотря на то, Яковличъ даже въ церкви не избѣгалъ отъ шутки Мины Егорыча, когда послѣдній пріѣзжалъ въ церковь по праздникамъ.

Можетъ быть потому трунилъ Тетеринъ надъ сторожемъ, что трунить ему болѣе было не надъ кѣмъ. Сосѣди были люди все такого сорта, что шутить надъ собою никому бы не позволили; такихъ мелкотравчатыхъ, *необидчивыхъ*, по близости не было. Затрогивать свою супругу онъ боялся, а шутить надъ прислугою считалъ непозволительной фамильярностью. Правда, иногда Мина Егорычъ, подъ веселый часъ, порывался потрунить надъ Ѳеклой, горничной, хорошенькой, румяной дѣвушкой; но за этимъ Аграфена Титовна зорко слѣдила и всѣми средствами старалась подавить развитіе такой неприличной фамильярности между бариномъ и крѣпостной дѣвкой. Былъ когда то въ домѣ Тетериныхъ большой, сѣрый котъ, котораго Мина Егорычъ звалъ заморскимъ, и потѣшался надъ нимъ, сколько душѣ было угодно, привязывая къ хвосту его бумажку, или вѣшая бубенчикъ на шею,—отчего, разумѣется, котъ фыркалъ и, рас-

пустя хвостъ, какъ бѣшеный, носился по комнатамъ; а довольный баринъ хохоталъ во все горло. Но всему свой чередъ; давно уже заморскій котъ зарытъ въ саду подъ густою липою, а Мина Егорычъ трунитъ надъ Васьяномъ Яковлевымъ, сыномъ Майскимъ.

— Мина Егорычъ, вы, кажется, рѣшились сегодня животы себѣ надорвать, сказала Аграфена Титовна, видя, что ея супругъ не перестаетъ хохотать—маленькій вы, что-ли?

— Ей-Богу, матушка, удержаться не могу.... ой, мочи нѣтъ!... уморилъ меня старый чортъ—совсѣмъ уморилъ... духу перевести не могу.... отвѣчалъ прерывающимся голосомъ Тетеринъ.

— Никакой уморы нѣтъ.... дурачитесь вы, больше ничего...—Эй, Еремка, поспѣетъ-ли у тебя сегодня самоваръ-то, каналья! — прибавила Аграфена Титовна, смотря внизъ. Но раздувавшій самоваръ Еремка не заблагоразсудилъ отозваться.

— Садись, старый хрѣнъ,—гость будешь, проговорилъ, нахохотавшись до-сыта толстякъ.—Аграфена Титовна, напой его, матушка, чаемъ и водочки дай—обратился онъ къ женѣ.

— Вотъ еще вздумали.... куда такому старику водки... онъ и ногъ, пожалуй, до Захарьина не дотащитъ — отозвалась хозяйка. Потомъ, видя, что Яковличъ, какъ-то безпокойно поглядываетъ за ручей, гдѣ дожидался его Василій, сидя подъ кустомъ, она спросила:

— На кого ты смотришь, кто это такой?

— Это, сударыня, мой сынишко—отвѣчалъ Яковлевичъ.

— Гдѣ твой сынишко? подавай его сюда! подхватилъ Мина Егорычъ.

— Если вашей милости угодно, сейчасъ онъ придетъ,— и Яковличъ принялся махать Василью.

Дѣлать было нечего. Молодой человѣкъ перешелъ ручей, робко подошелъ къ группѣ и несмѣло поклонился. Аграфена Титовна обвела его съ ногъ до головы своимъ не слишкомъ симпатичнымъ взглядомъ, чѣмъ еще болѣе заставила Василья сконфузиться.

— Твой сынъ! который же это у тебя? пробасилъ Мина

Егорычъ, уставивъ на Василья свои заплывшіе жиромъ глаза.

— Младшій, судырь, Васютка, который, если ваша милость припомнить изволите, завсегда къ вамъ въ Тетерино бѣгалъ, при жизни Лукерьи Ивановны, вашей покойной супруги,—царство ей небесное, ангельской душѣ—проговорилъ какимъ то умиленнымъ голосомъ старый дьячекъ.

Аграфена Титовна непріязненно взглянула на него, какъ будто похвалу покойницѣ ставила въ обиду своей особѣ.

— Помню.... помню... какъ будто вспоминая что то, проговорилъ Тетеринъ, онъ былъ такой пухлый и бѣлый словно заяцъ.... Давно это было... ну а теперь выросъ.... Садись!—прибавилъ онъ, ласково взглянувъ на Василья.

Послѣдній что–то не внятно пробормоталъ, оглянулъ свой нищенскій костюмъ и, спустивъ съ плечъ котомку, сѣлъ подъ кустъ.

— И азъ многогрѣшный, съ позволенія милостивыхъ господъ, тому же послѣдую—проговорилъ Яковличъ, опускаясь на траву возлѣ сына.

Той порой дѣвочка служанка разостлала передъ барыней скатерть, за что въ награду получила нѣсколько тычковъ въ зубы, оттого что послѣдней показалось, будто скатерть постлана была косо. (Аграфена Титовна начала уже входить въ свой характеръ). Боясь заплакать, дѣвочка сдѣлала гримасу; за что опять получила отъ щедрой господской ручки звонкую пощечину.

Василій робко оглядѣлся и съёжился, съ полнымъ желаніемъ, какъ бы нибудь поскорѣе улизнуть.

Подошла стройная, высокая барышня, дочь Мины Егорыча, кивнула головкою на поклонъ нашихъ бѣдняковъ, подала Аграфенѣ Титовнѣ банку съ вареньемъ и сѣла возлѣ отца.

Еремка подалъ самоваръ и получилъ за медленность хорошую нотацію отъ барыни, и вдобавокъ названіе канальи.

Наконецъ Аграфена Титовна, бросая на всѣхъ недовольные взгляды, принялась наливать чай

— Ну чтожъ ты теперь, риторъ, что-ль?—спрашивалъ между тѣмъ Василья Мина Егорычъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, на философскомъ курсѣ состою-съ— отвѣчалъ молодой человѣкъ, привставъ.

— Значитъ перещеголялъ отца... Молодецъ!—замѣтилъ помѣщикъ; впрочемъ, чортъ его знаетъ, можетъ и онъ философъ?

— Только, сударь, до грамматики дошелъ, отвѣчалъ смиренно дьячекъ.

— И возвратихся вспять.... подговорилъ Мина Егорычъ, залившись опять оглушительнымъ хохотомъ. Потомъ спросилъ дочери, показывая на Василья:

— Помнишь-ли ты этого мальчугана, Фаничка, а?

— Не знаю, папенька... какъ будто что-то знакомое припоминаю.... отвѣчала дѣвушка, и устремила на Василья свои большіе глаза, которые имѣли грустное выраженіе. Отъ этого пристальнаго взгляда семинаристъ чрезвычайно сконфузился и не зналъ куда дѣвать ему свои руки.

Но вотъ Фаничка вдругъ отвела глаза отъ Василья и прикрыла ихъ рукою, какъ будто защищаясь отъ хаоса воспоминаній, внезапно нахлынувшаго на ея молодую душу.

— Забыла, душенька, забыла; а еще играла вмѣстѣ съ нимъ—я думаю что играла,—да? повторилъ отецъ.

Фаничка ничего не отвѣтила; но въ ея памяти мало по малу выяснилась давно забытая, живая, свѣтлая картина дѣтства. Передъ ней явился широкій балконъ ихъ деревенскаго дома. На балконѣ ея мать—молодая, красивая женщина, съ круглымъ, улыбающимся лицемъ, съ густою, русою косою, сама варитъ на жаровнѣ варенье. Передъ ней стоитъ на заднихъ лапкахъ маленькая желтенькая собачка; на порогѣ въ гостиную, сидитъ няня Фанички и штопаетъ чулки. На одной изъ ступенекъ лѣстницы, ведущей съ балкона въ садъ, стоитъ мальчикъ въ грязной рубахѣ и ѣстъ большое красное яблоко. Онъ несмѣло посматриваетъ на большую куклу, которую держитъ въ рукахъ Фаничка.

— Вспомнила, папенька,—молвила дѣвушка, отнявъ руки отъ глазъ. Но папенька не слыхалъ ея словъ, онъ допрашивалъ Василья.

— Ну что, мальчуганъ—пьешь водку, а?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, конфузясь.

— Похвально..... а табакъ куришь?

— И того не употребляю-съ.

— И то похвально,—замѣтилъ Мина Егорычъ. Ну матушка, Аграфена Титовна, напой его чаемъ. А что жъ ты старому-то хрѣну еще не поднесла?

— Шибко приказываете, Мина Егорычъ! Вы вѣрно вообразили, что говорите съ служанкой; позвольте вамъ напомнить, что я ваша жена,—проговорила съ неудовольствіемъ Аграфена Титовна.

— Ну ужъ сейчасъ, матушка, и обидѣлась—Богъ знаетъ чѣмъ?... пошла теперь... Эй, Еремка! тамъ въ коляскѣ, въ лѣвомъ карманѣ, моя плетеная фляжка—подай ее сюда,—приказалъ лакею Мина Егорычъ.

Явился Еремка съ фляжкою и стаканчикомъ. Помѣщикъ собственноручно налилъ живительной влаги и поманилъ дьячка. Послѣдній не подошелъ, а какимъ-то кубаремъ подкатился по травѣ къ милостивому барину, съ наслажденіемъ вытянулъ стаканъ—и облизнулся.

— Дай вамъ Богъ.. Мина Егорычъ, дай вамъ Богъ многолѣтняго здравія! отвели мою старую душу, оживили...совсѣмъ оживили, благодѣтель... проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Фавста Минишна, вы не хотите папенькѣ и чай подать! Словно не видите, что чашка давно налита, воскликнула придирчиво Аграфена Титовна, обращаясь къ падчерицѣ.

Фавста Минишна подошла, протянула руку, чтобъ взять огромную чашку папеньки. Но, задѣвъ рукавомъ одинъ изъ налитыхъ стакановъ, опрокинула его.

Мачиха окончательно вышла изъ себя. Голова ея качалась сама собою, словно у маріонетки.—Что вы, внѣ себя что-ли? Замечтались, кричала она, брызгая слюною, у васъ все изъ рукъ постоянно валится, самаго простаго дѣла сдѣлать не умѣете; а еще въ столицѣ воспитывались, еще на насъ грѣшныхъ свысока смотрите.... А сами-то.... Эхъ, горе-горькое!...

— Что дѣлать, немножко виновата, не остереглась,— отвѣтила сконфуженная дѣвушка.

— Да полно, виноваты-ли вы въ самомъ дѣлѣ? Я знаю, что въ душѣ-то вы нисколько въ томъ не сознаетесь, продолжала насмѣшливо мачиха.

— Стаканъ не разбился.

— А вамъ хотѣлось-бы чтобъ онъ разбился? Но не о стаканѣ рѣчь, а о томъ, что молодая дѣвица должна все дѣлать ловко и осторожно...да-съ....

— А чтожъ тутъ за важное дѣло такое сдѣлалось!... Ужъ ты, матушка, какъ нападешь ни съ того ни съ сего на ребенка, такъ и рада цѣлыя сутки пилить, — отозвался глава семейства, принимая чашку отъ дочери, у которой рука страшно дрожали.

— Значитъ, по вашему Фавста Минишна ребенокъ?—право я и не знала... А я думаю, этого ребенка завтра же можно замужъ выдать... да по моему и пора бы... Только жаль бѣдняка, который намъ попадется,—совсѣмъ пропадетъ съ такой женой–хозяйкой.

— Чтожъ я такое сдѣлала? Чѣмъ заслужила такое оскорбленіе, проговорила Фаничка, едва удерживаясь отъ слезъ.

— Я васъ оскорбляю? вонъ какъ!—воскликнула Аграфена Титовна; напрасно такъ понимаете; я только говорю правду, что вы хозяйкой, какъ слѣдуетъ, никогда не будете... да–съ... Вы даже прислугѣ приказывать не умѣете... Вы свою Ѳеколку до–нельзя избаловали; не понимаю я, чему только васъ почтенная ваша тетушка выучила?

— Сдѣлайте милость, оставьте мою тетушку въ покоѣ, она вамъ ничего худаго не сдѣлала, сказала падчерица дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. На лицѣ ея, постоянно блѣдномъ. выступилъ яркій румянецъ, ноздри раздулись, грудь высоко поднималась. Она хороша, прекрасна была въ эту минуту,

— Конечно, продолжала мачиха, только съ вами-то покойница худо поступила, что даже и того не внушила вамъ, какъ должна благородная дѣвица держать себя со старшими.

Какъ будто разрозившись потокомъ нравоученій и досадныхъ словъ, Аграфена Титовна послѣднія слова произнесла уже обыкновеннымъ голосомъ и спокойно принялась

за наливаніе чая. Но Фаничка не дотронулась до своей чашки, встала и пошла бродить между кустами.

— На что это похоже, матушка... Ты цѣлый день пѣть готова; какъ у тебя языкъ не устанетъ? — замѣтилъ женѣ Мина Егорычъ, прихлебывая чай и смотря вслѣдъ уходящей дочери.

— Не устанетъ же у васъ горло хохотать каждую минуту, хоть вовсе ничего смѣшнаго нѣтъ, отозвалась мадамъ Тетерина; чтожъ касается до меня, то развѣ я не вправѣ была все это высказать по обязанности матери? Хотя Фавста Минишна, какъ воспитанная барышня, и равняетъ меня, какъ необразованную деревенщину съ послѣднею служанкою, ну да что-жъ? Богъ съ нею, былъ бы съ моей стороны долгъ исполненъ!.. Аграфена Титовна закусила губы и вздохнула.

— Пошла, матушка, пошла рацеи читать!—сказалъ самъ себѣ Мина Егорычъ, перевернувшись на подушкахъ.

— Балованное, сударь, дитя ваша Фавста Минишна, продолжала супруга, нѣсколько помолчавъ, что, напримѣръ, я ей сказала? а она сейчасъ и въ слезы. Право, посторонніе невольно подумаютъ, (при этомъ Аграфена Титовна вскользь взглянула на Майскихъ) подумаютъ, что ей у насъ самое горькое житье. Насъ и не такъ старшіе учили, да мы плакать не смѣли.

Тетеринъ кашлянулъ, словно поперхнулся чѣмъ, и вскричалъ:

— Эй, Еремка, подай барынѣ мою чашку и скажи, чтобъ налила.

Изъ-за куста выскочилъ Еремка и исполнилъ приказаніе барина.

Василій сидѣлъ словно на иголкахъ и проклиналъ случай, который ихъ натолкнулъ быть свидѣтелями этой вовсе не нѣжной семейной сцены. Онъ не помнилъ, какъ выпилъ свой стаканъ чая и дѣлалъ тайные знаки отцу, что ужъ время оставить гостепріимныхъ хозяевъ. Но старикъ не замѣчалъ знаковъ сына, едва успѣвая опоражнивать свой стаканъ, который то и знай доливала Аграфена Титовна, совершенно сама того не замѣчая въ пылу своихъ монологовъ.

Потъ градомъ катился по морщинистому лбу стараго дьячка, а онъ все продолжалъ пить, не смѣя отговориться. Наконецъ видно не въ мочь стало Васьяну Яковличу, онъ поспѣшно накрылъ стаканъ ладонью, въ который Аграфена Титовна уже снова готовилась налить чая.

— Премного благодаренъ, сударыня—продребезжалъ старикъ—за милостивое ваше угощеніе, приношу мою нижайшую благодарность.

Сердитая хозяйка взглянула на него изподлобья.

— Пора ко дворамъ, продолжалъ Яковличъ, вставая; Васютка, дуракъ, благодари господъ-то.

Василій поспѣшно вскочилъ, закинулъ за плечи свою котомку и кланялся безмолвно.

— Ну что-жъ не пьете чай?—пробасилъ Мина Егорычъ.

По горло довольны, благодѣтель, — пора и ко дворамъ... Ваши кони, Мина Егорычъ, побыстрѣе нашихъ—вамъ не куда торопиться; а наши еще не разъ отдыха запросятъ, проговорилъ Яковличъ съ поклономъ.

Ну, какъ хочешь, чортъ съ тобою! Однако и намъ пора... Эй, Еремка, скажи Филькѣ, чтобъ закладывалъ лошадей!

Но Аграфена Титовна воспротивилась намѣренію супруга, доказывая, что если теперь Мину Егорыча насилу вытащили изъ экипажа, да еще въ такую жару продолжать путь до Тетерина, то супругъ ея такъ раскиснетъ, что и бѣда.... до ночи еще успѣемъ доѣхать—заключила она.

— И тутъ мнѣ воли нѣтъ, подумалъ вслухъ Мина Егорычъ, и безнадежно спустилъ голову на подушку. Но потомъ прибавилъ, обращаясь къ Василью:

— Я помню, какъ разъ ты у меня объ Рождествѣ славилъ, шепелявилъ страшно, шельма! Мы съ покойной Лушинькой не мало смѣялись надъ тобою.... да.... помню— Тетеринъ словно спохватился чего-то, пошарилъ въ карманѣ халата, досталъ оттуда кошелекъ, изъ кошелька полтинникъ и, подавая его Василью, примолвилъ:

— Ну вотъ тебѣ покуда,-возьми на бѣдность.

И Василій взялъ, пробормоталъ невнятно что-то въ родѣ благодарности и покраснѣлъ... Но покраснѣлъ онъ только отъ робости; никакое другое чувство при этомъ не ше-

велило его сердце. Онъ былъ полонъ тѣхъ убѣжденій, что лучше принять милостыню, чѣмъ украсть. Яковличъ замѣтилъ блескъ серебряной монеты и какъ-то радостно вздрогнулъ.

— Васютка, дуракъ, благодари милостивца... ручку, дуракъ, поцѣлуй, бормоталъ старикъ.

— Куда, что вы... не надо!-произнесъ Мина Егорычъ, махнувъ своею жирною десницею, и поспѣшно спряталъ ее въ карманъ.

— Василій отдѣлался только поклономъ.

Тетеринъ такъ раздобрился, что еще наградилъ дьячка на дорогу бутылкою пива, на которую послѣдній такъ завистливо поглядывалъ.

Наконецъ, съ пожеланіемъ всѣхъ благъ добрымъ господамъ, Яковличъ оставилъ супруговъ и побрелъ вслѣдъ за сыномъ, по широкой, пыльной дорогѣ.

Смотря сквозь густыя вѣтки ивняка, Фаничка долго провожала глазами бѣдняковъ. Крупныя слезы капали съ ея густыхъ рѣсницъ; ей было горько и стыдно, что ее оскорбили при чужихъ...

Отойдя настолько отъ привала Тетериныхъ, что никто не могъ слышать, Яковличъ не утерпѣлъ и догналъ сына:

— Васютка, а Васютка! Сколько тебѣ баринъ далъ! цѣлковый, а?—спросилъ онъ.

Василій показалъ монету.

— Полтинничекъ! ну и на томъ спасибо! годится... Шутникъ, право, этотъ Мина Егорычъ, а баринъ добрый... Эхъ, кабы супруга-то была по немъ... не по немъ она.... Вотъ покойница первая-то была такъ истинно ангельская душа!...

— Васютка! продолжалъ старикъ, не много помолчавъ, что ты намѣренъ на эти деньги купить, а?... Я бы тебѣ совѣтовалъ фуражку, или нѣтъ, жилетку—у тебя и жилетка плоха, а! какъ ты думаешь?

— У меня носовыхъ платковъ нѣтъ, отвѣчалъ сынъ, не переставая шагать.

— Что ты сказалъ? носовыхъ платковъ нѣтъ; а зачѣмъ

тебѣ они, вѣдь ты табаку еще не нюхаешь? Не надо, лучше жилетку купи, слышишь?

Василій не спорилъ, и молча тряхнулъ головою какъ будто соглашаясь на совѣтъ отца, хотя его занимали вовсе другія мысли.

Онъ не могъ надивиться тому, что ему сейчасъ привелось видѣть и слышать. До сихъ поръ Василій былъ убѣжденъ, что только люди такого сорта, какъ его братъ и невѣстка, въ состояніи между собою грызться, какъ собаки; что между господами этого быть не можетъ. Бѣдный молодой человѣкъ слова *воспитаніе* не понималъ совершенно. (Хотя, сказать мимоходомъ, самъ очень легко могъ попасть въ наставники юношества.) Званіе барина и барыни были для него авторитеты, изнанку которыхъ теперь онъ такъ нечаянно увидѣлъ.

— Батюшка, заговорилъ противъ обыкновенія Василій, укорачивая шагъ,—видно, очень жуткое житье барышнѣ-то отъ мачихи?

— Съ чего ты взялъ? спросилъ въ свою очередь отецъ.

— Да развѣ не видно этого? По всему видно.

— Безъ этого нельзя, Васютка; молодымъ надобно иной разъ и острастку дать. Впрочемъ сказано: *Мачиха*, значитъ не мать родная... Кто ихъ знаетъ....

— Не узналъ бы я барышню, кабы встрѣтилъ одну — продолжалъ сынъ — не похожа она на мать; та бывало завсегда весела... Ишь какая высокая выросла Фавста Минишна; а какъ теперь помню—когда ее нянька за ручку водила.... А должно быть эта жена Мину Егорыча держитъ въ ежёвыхъ рукавицахъ?

— Что тутъ говорить, просто въ чортовыхъ когтяхъ держитъ... А ужъ какая нравная съ дворнею-та, и!.. бѣда... не въ кулакъ, а въ пригоршни отъ нея плачутъ.... Добрый человѣкъ Мина Егорычъ, а ослабъ совсѣмъ ослабъ... я думаю, не то бы было, коль-бы сынокъ при нихъ былъ....

— Гдѣ жъ онъ у нихъ?—спросилъ Василій.

— А Богъ его знаетъ—говорятъ, въ полку.

Путники опять замолчали. Васьянъ Яковличъ поглядывалъ на горлышко бутылки, которую онъ несъ подъ мышкою, и не зналъ, какимъ бы образомъ ее раскупорить, Василій же раздумывалъ о томъ, что барышня, можетъ быть, терпитъ отъ мачихи не менѣе того—за что онъ ропщетъ на своихъ родныхъ. Что иной разъ, можетъ быть, Фавстѣ Минишнѣ и кусокъ въ горло нейдетъ, (какъ и сегодня чаю не пила) даромъ, что у отца родного живетъ. И какая она нѣжная; ну въ чемъ она можетъ быть виновата, такая смирная.... Словомъ, Фаничка казалась Василью такой безотвѣтной, интересной жертвой, достойной всевозможнаго участія и сожалѣнія. Но, раздумывая такимъ образомъ, молодой человѣкъ невольно мирился съ своей незавидной долей.

— Не одинъ я на свѣтѣ, эхъ!... не одинъ!—прошепталъ онъ и вздохнулъ глубоко.

Не доходя верстъ десяти до Захарьина, дорога двоилась—столбовая, шла прямо въ гору; между тѣмъ какъ другая—не широкая, круто поворачивая вправо, пролегала мѣстами по плоскому берегу какой-то безъимянной, скудной рѣчки. Или, отходя не много въ сторону, вилась по низменнымъ лужейкамъ—до самаго Захарьина.

Василій при разбѣгѣ дорогъ остановился и сѣлъ.

— Ты отдыхать вздумалъ! ну ладно... Эка, не знаю, какъ мнѣ бутылку раскупорить—жажда мучитъ... Развѣ горлышко отбить?—сказалъ старикъ, садясь возлѣ сына и нянчась съ бутылкою.

— Я не для отдыха.... такъ... мнѣ поговорить съ вами хотѣлось—молвилъ сынъ, перебирая рукою траву, и не глядя на отца.

— Поговорить.... ишь дуракъ! Развѣ дома не наговоримся?...

— Батюшка—прервалъ Василій,—я иду не въ Захарьино....

— Въ монастырь? такъ еще до него тридцать верстъ, сегодня не дойдешь; ночуешь у меня... А завтра Богъ съ тобою... посѣти крестнаго—дѣло благое—говорилъ дьячекъ.

— Нѣтъ, не то... конечно, крестный!... Ну да я и оттуда къ нему зайду; а теперь я...

Яковличъ сдернулъ съ себя картузъ, и вопросительно глядѣлъ на сына.

— Я не хочу васъ обманывать.... я собрался—продолжалъ молодой человѣкъ, смотря въ сторону,—вы знаете, что я прошлой зимой барченка училъ... барыня меня приглашала къ себѣ...

— Чтожъ, въ учители? Ну дай Богъ!—воскликнулъ старикъ радостно.

— Не знаю, попаду-ли въ учители, можетъ у нихъ ужъ нанятъ другой; только она меня приглашала....

— И не въ учители, такъ зачѣмъ-же? Яковличъ опять уставилъ на сына свои слезящіеся глаза, и вся его скудная фигура дышала недоумѣніемъ. Но вотъ какая то мысль мелькнула въ его старой головѣ. Онъ погрозилъ сыну пальцемъ и проговорилъ:

— Смотри у меня, Васютка... смотри!..—Но какъ будто опомнился и спросилъ:

— А молода барыня-то?

— Марья-то Карповна? Я думаю, имъ лѣтъ сорокъ есть; и матушка у нихъ старушка,—отвѣчалъ простодушно Василій.

— Хмъ! зачѣмъ-бы это? Ты смотри, дуралей, тово.... держи ухо востро....—повторилъ родитель, не переставая смотрѣть въ лице сыну. Послѣдній поднялъ на старика свои свѣтлые, кроткіе глаза. Яковличъ погладилъ свой скудный пучечекъ, и заключилъ, покачивая головою:

— Ну что-жъ? ступай... можетъ и счастье ожидаетъ!

Еслибы Василій могъ знать, что думалъ въ эту минуту его отецъ, то покраснѣлъ-бы, какъ говорятъ, до корня волосъ, и пошелъ-бы—или въ Захарьино, или назадъ въ городъ къ брату; но ужъ никакъ не къ Марьѣ Карповнѣ. Но онъ не подозрѣвалъ, что въ старой головѣ его родителя бродили не совсѣмъ чистыя мысли.

— И такъ прощайте.... я не знаю, можетъ я и завтра

приду къ вамъ въ Захарьино... Какъ еще примутъ меня Бѣлугины!—сказалъ Василій, вставая; простился съ отцомъ и пошелъ по столбовой дорогѣ. Долго старикъ сидѣлъ и глядѣлъ вслѣдъ сыну; послѣдній нѣсколько разъ оглянулся—и махнулъ шапкою. Наконецъ Яковличъ всталъ, понюхалъ табаку, и прошептавъ:

— Можетъ и счастье ожидаетъ....—побрелъ по дорогѣ въ Захарьино.

А. КОБЯКОВА.

Неизданныя стихотворенія А. Пушкина (*).

I.

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ,
И мыслю о порѣ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжины элегій
Въ такіе-жъ пестрые листы;
Когда на клятвы грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ, и былъ охотникъ
До упоительныхъ грѣховъ.
Теперь не то,—не тѣ ужъ грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой —
Увы!—гожусь лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

(*) Эти стихотворенія доставлены редакціи Н. П. Грековымъ.

II.

Весь день, отъявленный лѣнивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ-жъ тотъ счастливецъ
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцалуяхъ этихъ губокъ —
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ,
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земнаго счастья осушитъ!
Къ кому уста твои и очи,
И замирающая грудь
Прильнутъ во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ тебѣ заснуть!

. . . .

Кляну заранѣ Гименея
И грѣшную мечту лелѣя,
И ею образъ твой чертя
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ любуюсь втайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любуется дитя.

. . . .

МЫСЛИ ФРАНЦУЗА О ХАРАКТЕРѢ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ ГЕРМАНСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Одна нѣмецкая пословица говоритъ очень справедливо, что слишкомъ много деревьевъ мѣшаютъ видѣть лѣсъ. Дѣйствительно, чтобы хорошо судить о пейзажѣ, надо разсматривать издали главныя линіи и общій видъ. На разстояніи 1000 километровъ, запутанное положеніе Германіи можетъ быть разъяснено и приведено къ своему простѣйшему виду. Иностранцу нечего бояться ни національнаго самолюбія, ни патріотическаго пристрастія. Надѣемся, что нашъ очеркъ будетъ справедливъ и въ то же время проникнутъ сочувствіемъ, потому что мы любимъ отъ души Германію, какъ отечество Шиллера, Гете, Канта, Окена и Гумбольдта.

По какому-то взаимному соглашенію въ Европѣ вопросъ о національностяхъ подвергнутъ фундаментальному обсужденію. Этотъ вопросъ рѣшается удивительно просто, сравнительно съ соціологіею, являющейся дѣломъ точной науки, и съ политикою, для которой необходимъ инстинктъ и здравый смыслъ. Этотъ вопросъ слишкомъ поздно возбужденъ для Германіи. Италіянское движеніе взволновало Германію и обратное дѣйствіе будетъ еще сильнѣе, когда дѣло дойдетъ до Венгріи. Судьбы германскаго народа разбирались при Мадженте и при Сольферино; объ нихъ идетъ дѣло въ Пес-

тѣ и Дебречинѣ; дѣло Германіи рѣшить, были ли эти битвы для нея побѣдами или пораженіями, начнутъ ли онѣ собою новый рядъ униженій и страданій, или эпоху правосудія и свободы.

Въ наше время, вопросъ о національностяхъ былъ впервые пущенъ въ ходъ самою Германіею въ отношеніи къ Франціи. На сраженія при Аустерлицѣ и Іенѣ, она отвѣтила Лейпцигскими и Ватерлооскими ядрами, и на прочномъ основаніи построила принципъ національностей. Формула была дана, и затѣмъ Англо-Саксонцы, Панслависты и Палатинисты захотѣли въ свою очередь воспользоваться выгодною теоріею; въ концѣ концовъ дѣло повернулось противъ Германіи; Франція, Италія и Венгрія убѣждаютъ ее провести послѣдовательно выработанную ею доктрину.

I.

Національный характеръ.

Съ перваго взгляда Германія покажется страною, наиболѣе способною сдѣлаться жилищемъ могущественной, крѣпко сплоченной національности. На однородной почвѣ поселились племена, происходящія отъ одного корня и говорящіе на одномъ языкѣ. Земля ихъ не разрѣзана поперечными значительными горными хребтами; разсѣянные внутри территоріи холмы и возвышенности не достигаютъ высоты вулканическихъ группъ Оверни и французскихъ Севеннъ; климатъ — ровный и умѣренный; обработка почвы, промыслы и обычаи жителей не представляютъ значительнаго различія. Въ географическомъ отношеніи тевтонская раса отдѣлена отъ галло-римской, и между тѣмъ эти два враждебныя племени до сихъ поръ не могутъ забыть взаимныхъ обидъ и столкновеній. Впродолженіи 2000 лѣтъ они нападали другъ на друга и завоевывали другъ друга. Въ эпоху римской республики Германцы Аріовиста вторгаются въ Галлію, къ которой приходитъ на помощь мнимый избавитель, Цезарь. Вторженіе Франковъ основало въ Галліи чисто германскую

державу подъ скиптромъ варварскихъ династій Меровинговъ и Карловинговъ; съ теченіемъ времени побѣжденные поглотили побѣдителей въ новой политической организаціи, принявшей имя Франціи. Это сліяніе было завершено французскою революціею 89 года, когда дворянство, основывавшее свои права на завоеваніи, потеряло всѣ свои политическія и гражданскія преимущества. Впродолженіи тысячи лѣтъ, сначала Германія напирала на Галлію, потомъ Франція тѣснила Германію и послѣ безчисленнаго ряда взаимныхъ насилій и оскорбленій, мы можемъ наконецъ надѣяться на окончательное рѣшеніе нашего вѣковаго процесса; что же касается до Италіи, то она не должна прощать Нѣмцамъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній нѣмецкій солдатъ не очиститъ ея территоріи до Альпъ и до рѣки Изонцо; Нѣмцы вмѣстѣ съ дикими Пандурами срыли Миланъ, задушили Венецію и не разъ рѣзали и насиловали женщинъ прекрасной Ломбардіи. А между тѣмъ, не было недостатка въ географическихъ препятствіяхъ; двойная стѣна, Вогезы и Шварцвальдъ вмѣстѣ съ бассейномъ Рейна отдѣляли Францію отъ Германіи; чтобы спуститься въ роскошныя долины, въ которыхъ цвѣтутъ миртъ и апельсины, германскіе отряды должны были перебираться черезъ снѣжныя вершины Альпъ, отдѣляющія другъ отъ друга два міра—сѣверъ и югъ.

На востокѣ, между Славянами и Нѣмцами нѣтъ естественной границы, а на сѣверъ великая континентальная равнина простирается отъ песковъ Голландіи до подошвы Уральскихъ горъ. Пески, лѣса, степи и болота не представляютъ рѣзкихъ граней и потому оба племени выходили за предѣлы родной страны и переливались одно въ другое. Слѣды ихъ передвиженій остались до сихъ поръ; на каждомъ шагу въ теперешней центральной Германіи встрѣчаешь цѣлыя поселенія съ славянскимъ типомъ и съ славянскими чертами лица, живущія въ деревняхъ съ славянскими названіями. Но Нѣмцы были предпріимчивѣе домосѣдовъ Славянъ и скоро съ излишкомъ возвратили себѣ занятыя земли. Галиція, Богемія, Моравія, Силезія, сильныя государства, обширныя провинціи были поглощены ненасытнымъ германскимъ желудкомъ. Пруссія въ особенности, составленная

*

изъ разныхъ кусочковъ, существуетъ только тѣмъ, что она отняла у Славянъ. Примемъ эти границы, какъ они есть, чтобы разсмотрѣть Германію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. До сихъ поръ хваленое господство человѣка надъ физическою природою не дошло до той степени, чтобы почва не дѣйствовала сильнѣе на обитателя, чѣмъ обитатель на почву. Мы позволимъ себѣ упомянуть здѣсь о глубокомъ различіи, существующемъ между сѣвернымъ и южнымъ Германцемъ, напримѣръ, между Ганноверцемъ и Швабомъ. Первый степеннѣе, мужественнѣе и разсудительнѣе, одаренъ болѣе свѣтлымъ и точнымъ умомъ, направленнымъ преимущественно на практическіе интересы; Швабъ, напротивъ того, Нѣмецъ по преимуществу, отличается большею сентиментальностью и страстностью. Замѣтимъ однако, что первый, несмотря на нѣкоторую сухость характера, умѣетъ наслаждаться тихою и нѣжною семейною жизнью, и что второй, при всей теплотѣ своего сердца, при всей своей беззавѣтной откровенности, обнаруживаетъ въ денежныхъ дѣлахъ такую хитрость и алчность, которая обратилась въ пословицу. Обитатель юга склоненъ преимущественно къ поэзіи, а житель сѣвера къ философіи; можно было бы найти такого же рода различіе между мыслителями сѣвера и мыслителями юга, разсматривая съ одной стороны Канта и Фихте, съ другой Гегеля и Шеллинга.

Это послужитъ указаніемъ на то обстоятельство, что Германія по самому географическому положенію раздѣлялась во всякое время на два стана, надъ которыми развѣвались и развѣваются до сихъ поръ два различныя знамени; особенно во время исполинской средневѣковой борьбы, когда брунсвикскіе Гвельфы служили представителями сѣвера, швабскіе Гогенштауфены являлись представителями юга.

Сильнѣе вліянія почвы, климата и мѣстоположенія оказывается вліяніе отечественнаго языка. Существуетъ полное соотвѣтствіе между личностью человѣка и языкомъ, на которомъ онъ выражаетъ свои мысли. Языкъ есть совокупность мыслей, дѣйствій и чувствъ народа. Каждое недѣлимое есть воплощеніе какого нибудь слова отечественнаго языка. Каковъ слогъ, таковъ человѣкъ, каковъ языкъ, та-

ковъ народъ. Нетрудно замѣтить, что языкъ не есть простое орудіе. Каждое слово представляетъ собою извѣстный взглядъ на предметъ, и система словъ предполагаетъ систему воззрѣній или идей. Въ языкѣ выражается цѣлая нравственная философія, теологія, космогонія, преимущественно же поэзія; въ немъ заключаются даже политическія и экономическія идеи. Духъ народа отражается въ созданіи словъ, а созданныя слова въ свою очередь оказываютъ обратное дѣйствіе на движеніе мысли.

Нѣмецкій языкъ безспорно богаче всѣхъ европейскихъ языковъ; съ необыкновенною гибкостью онъ соединяетъ удивительную простоту синтаксиса. Представляя послушное орудіе въ рукахъ писателя, примѣняясь къ строю всѣхъ остальныхъ языковъ, онъ чрезвычайно удобенъ для переводовъ, такъ что Германія обладаетъ почти въ оригиналѣ всѣми замѣчательными произведеніями иностранныхъ литературъ. Импровизаторъ можетъ смѣло пускаться въ періодъ, ворочать его во всѣ стороны и всегда свести концы съ концами, не оскорбляя правилъ грамматики. Сверхъ того нѣмецкій языкъ звученъ, богатъ согласными и тѣ же слова, смотря по діалектамъ, могутъ быть произносимы чрезвычайно мягко или совершенно грубо. Онъ по прямой линіи происходитъ отъ санскритскаго языка, а филологическія изслѣдованія доказали, что языки бѣднѣютъ съ развитіемъ просвѣщенія, и что строй первобытныхъ языковъ былъ гораздо богаче, поэтичнѣе, правильнѣе и полнѣе, чѣмъ строй языковъ производныхъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что нѣмецкій языкъ, составляющій видоизмѣненіе готскаго, по близости своей къ первобытному корню, сохранилъ до нѣкоторой степени обиліе и непочатую силу дѣвственнаго лѣса.

Какая разница съ французскимъ языкомъ!—восклицаютъ нѣкоторые филологи; французскій — первенецъ латинскаго, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ ни гибкости, ни легкости, онъ такъ капризенъ и взыскателенъ! Въ немъ нѣтъ долгихъ и краткихъ слоговъ, нѣтъ ритма и музыкальности, нѣтъ разнообразія звуковъ и яркости красокъ; это языкъ прозы, а не поэзіи. Несмотря на свою бѣдность, онъ такъ труденъ, что

рѣдкій Французъ успѣваетъ совершенно овладѣть имъ. При всей своей бѣдности, этотъ языкъ такъ ревнивъ, что по мнѣнію знатоковъ, не можетъ совмѣщаться въ одной головѣ съ знаніемъ другаго языка, не теряя своей свѣжести; онъ въ этомъ отношеніи похожъ на дыни, которыя теряютъ свой ароматъ, если бываютъ пересажены на одну почву съ невинными тыквами.

Но взглянемъ теперь на другую сторону медали.

Богатства нѣмецкаго языка до такой степени превышаютъ потребности ума, что Нѣмцы до сихъ поръ не могли вполнѣ воспользоваться имъ и заблудились въ лабиринтѣ сокровищъ. Множество словъ остались мѣстными и областными; множество другихъ не были достаточно пущены въ оборотъ; народный умъ и разсудокъ отдѣльныхъ лицъ не могли проникнуть въ самую сущность ихъ значенія и закрѣпить за ними опредѣленный смыслъ. Изъ этого произошла для всего языка какая-то неплотность и рыхлость; мысль улетучивается вмѣстѣ съ словами, и оставляетъ въ умѣ легкій и неопредѣленный слѣдъ. Между тѣмъ и въ искуствѣ и въ ремеслѣ, дѣйствительная красота произведенія измѣряется тѣмъ сопротивленіемъ, которое первоначальный матеріалъ противупоставлялъ работнику. Чтобы воздвигнуть статую, художникъ беретъ не пробку, а черное дерево, не мягкій камень, а мраморъ, не свинецъ или олово, а желѣзо, бронзу или сталь; только дѣти строятъ замки изъ песку и лѣпятъ фигуры изъ снѣга. Вообще, природа сопротивляется намъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ легче она повидимому поддается нашимъ прихотямъ; видимое же сопротивленіе, которое она оказываетъ человѣку, составляетъ для него величайшее благодѣяніе.—Пирамиды и города, высѣченные изъ идумейскихъ скалъ, простояли нѣсколько десятковъ вѣковъ и до сихъ поръ кажутся новыми зданіями; что же касается Вавилона, выстроеннаго изъ сушеныхъ кирпичей, то онъ развалился и обратился въ рядъ глиняныхъ холмовъ. На этомъ основаніи нѣмецкій языкъ остался такъ мало художественнымъ въ сравненіи съ французскимъ.

Поэтому, такое множество посредственныхъ писателей злоупотребляютъ легкостью языка и выражаютъ варварскимъ

слогомъ мелкія мысли, проходящія черезъ ихъ слабую голову. Съ другой стороны, люди, подобные Гете, Шиллеру и Ленау, дѣйствительные поэты въ душѣ, стремясь къ изящному, стараются выработать себѣ форму, достойную задуманной идеи.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что нѣмецкая публика, слѣдящая за литературою, считаетъ нестоющими своего вниманія тѣ произведенія, которыя не зарекомендовываютъ себя красотами ученаго языка и философскихъ терминовъ. Мы, Французы, напротивъ того, говоримъ, что запутанность противна французскому языку, и что ясность выраженія составляетъ необходимое слѣдствіе логической вѣрности мысли.

«Герои философіи!» говорятъ въ насмѣшку о Нѣмцахъ. Но почему же дѣйствительно не назвать ихъ героями? На Вормскомъ сеймѣ, Лютеръ былъ героемъ философіи незамѣтно для самого себя и вопреки своей собственной волѣ. Экартъ, Яковъ Бёме, Лейбницъ, Лессингъ, Кантъ, Фихте, Гегель, Шеллингъ и Шопенгауэръ были конечно героями мысли, повыше всѣхъ полководцевъ тридцатилѣтней войны. При этомъ невольно приходитъ на умъ удачная параллель, которую Кине провелъ между героями французской революціи и героями нѣмецкой философіи; конечно, онъ не оскорбилъ послѣднихъ сравненіемъ съ нашими офиціальными философами, носящими красную ленточку въ петличкѣ. Это значило бы сравнить стадо куръ, кудахтающихъ на птичномъ дворѣ, съ стаею орловъ, рѣющихъ надъ снѣжными вершинами Андовъ. Конечно, г. де-ла-Ромигьеръ—человѣкъ образованный, а г. Ройе-Колларъ принятъ въ лучшемъ обществѣ; кромѣ того, г. Кузенъ отлично владѣетъ латинскимъ языкомъ; но тѣмъ не менѣе эклектическая теорія нашихъ профессоровъ, полуханжей, полу-вольтеріанцевъ, красующихся на каѳедрахъ парижскаго университета съ 1814 года, рѣшительно никуда не годится.

Въ германской народности синтетическій умъ составляетъ одну изъ главныхъ способностей. Энциклопедическія работы и приведеніе разныхъ отраслей наукъ въ систему доставили

многимъ нѣмецкимъ ученымъ самую громкую извѣстность. Занимаясь подобными работами, Нѣмцы вносятъ въ свои занятія изумительное терпѣніе и замѣчательную добросовѣстность въ отдѣлкѣ подробностей; замѣняя порою талантъ, эти свойства служатъ дѣйствительному таланту самымъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Достаточно будетъ назвать Александра Гумбольдта, автора космоса и Лаврентія Окена, автора физіологіи; слава того и другаго такъ велика, что не допускаетъ даже похвалы.

Равняясь со всѣми націями въ спеціальности каждой, Германія стоитъ несравненно выше всѣхъ по общему объему своихъ знаній. Философія, миѳологія, богословіе, метеорологія, лингвистика и педагогика—науки почти исключительно принадлежащія Германіи; и еще недавно Гауссъ Геттингенскій стоялъ въ головѣ новѣйшихъ математиковъ.

Обладая удивительною философскою организаціею, нѣмецкій умъ больше всякаго другаго умѣетъ изслѣдовать начала, разбирать происхожденіе, отгадывать зачинающіяся формаціи. Этотъ общій характеръ замѣчается въ безсмертныхъ физіологическихъ работахъ Окена, Каруса, Іоанна Мюллера, въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ Бонна, Вильгельма Гумбольдта и братьевъ Гримовъ, въ историческихъ трудахъ Нибура и Моммзена, въ астрономическихъ открытіяхъ Энке, Гершелля, Медлера и Струве. Сколько славныхъ именъ пропущено въ этомъ перечнѣ!

Ежедневно дѣлаются удивительныя открытія, благодаря тому содѣйствію, которое находятъ историки со стороны лингвистовъ. Подобно геологу, опредѣляющему природу прежнихъ материковъ по прихотливымъ узорамъ, которые оставили на песчаномъ берегу морскія волны, бушевавшія за нѣсколько десятковъ тысячелѣтій тому назадъ; подобно ботанику или зоологу, созидающему цѣлые исчезнувшіе міры по обломкамъ костей, по чешуѣ рыбы, по микроскопическимъ окаменѣлостямъ; подобно имъ, наши нѣмецкіе этнологи въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ таинственной надписи, вырѣзанной на камнѣ, въ именахъ лѣса, долины или болота, въ предыханіяхъ и удареніяхъ, лежащихъ на извѣстныхъ словахъ,—распознаютъ сродство племенъ, исторію

переселенiй, религiозныя вѣрованiя; словомъ, цѣлый ископаемый мiръ доисторическаго быта.

Къ этому высокому развитiю философскихъ способностей присоединяется очень естественно космополитическiй духъ, который превращаетъ даровитаго Нѣмца въ гражданина мiра; уму такого человѣка доступны всѣ идеи, его сердцу доступны всѣ чувства и онъ испытываетъ на себѣ отраженiе всѣхъ великихъ событiй, волнующихъ Индiю, Китай и обѣ Америки.

Можно предположить, что голодъ и стремленiе къ добычѣ не были единственными причинами, побуждавшими германскiя племена покидать свои лѣса и наводнять западную и восточную имперiи. Стремленiе видѣть и узнавать играло въ этомъ случаѣ свою роль. Въ наше время тысячи нѣмецкихъ эмигрантовъ отправляются въ Канаду, въ соединенные штаты, въ Бразилiю, въ Алжиръ, на мысъ Доброй Надежды, въ Австралiю и въ Калифорнiю; ихъ побуждаютъ къ этому нетолько голодъ, тяжелые налоги и печальное положенiе родины;—въ этомъ есть еще стремленiе къ новизнѣ, героическая потребность испытать невѣдомое, и нѣжное побужденiе сердца, жаждущаго обогатиться новыми симпатiями.

Отвѣчая на эти пылкiя космополитическiя стремленiя, Германiя высылаетъ смѣлыхъ изслѣдователей и великихъ путешественниковъ къ краснокожимъ дикарямъ, къ Патагонцамъ, на гималайскiя горы и въ татарскiя степи. Она приводитъ въ систему документы и свѣдѣнiя, доходящiя до нея изъ отдаленныхъ земель. Она переработываетъ ихъ и превращаетъ въ науку сухую и безплодную номенклатуру; ея трудамъ образованный мiръ обязанъ происхожденiемъ географiи, возвысившейся уже въ новѣйшее время до степени науки.

По духу космополитизма Германiя даетъ право гражданства въ своей литературѣ всѣмъ дѣятелямъ человѣческой мысли, на какомъ бы полѣ они ни работали; она переводитъ на свой гибкiй языкъ всѣ замѣчательныя произведенiя человѣческаго ума и переноситъ на свою родную почву литературы всѣхъ временъ и народовъ. Вотъ почему она

съ благородною гордостью можетъ назваться новѣйшимъ отечествомъ человѣческаго духа.

Въ дѣлѣ искуства, Германія, достигшая совершенства въ музыкѣ, представляетъ разительную противуположность Италіи. Италіянская музыка блеститъ свѣжестью и веселостью; нѣмецкая — отличается задушевностью, глубиною мысли и меланхолическимъ настроеніемъ; первая—остроумнѣе, вторая—сентиментальнѣе, первая ласкаетъ, вторая нѣжитъ, первая ищетъ мелодіи, вторая гармоніи, въ первой выражаются страсти, во второй говоритъ душа. Нѣмецкая музыка связана съ германскимъ романтизмомъ, а итальянская съ языческими преданіями счастливой Греціи. Первая воплотилась въ Мейерберѣ, вторая въ Россини.

Мы полагаемъ, что Итальянцы и Французы превзошли Нѣмцевъ въ остальныхъ областяхъ искуства. Нѣмцы производятъ пейсажи и картины быта (tableaux de genre), которые часто дѣйствительно художественны; но большею частію грѣшатъ излишнею мрачностью тѣней и ненужнымъ накопленіемъ подробностей. Скульптура Нѣмцевъ отличается несчастною наклонностью къ массивнымъ тѣламъ, къ цилиндрическимъ членамъ и къ круглымъ и мясистымъ лицамъ.

И такъ въ музыкѣ Нѣмцы занимаютъ первостепенное мѣсто, въ живописи они пользуются заслуженнымъ уваженіемъ; въ скульптурѣ къ ихъ произведеніямъ надо относиться съ крайнею осторожностью.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ преимущества германскаго характера, мы можемъ остановиться теперь на менѣе свѣтлыхъ чертахъ его, вредящихъ цѣлостной опредѣленности общаго впечатлѣнія.

Каждое хорошее качество нѣмецкаго характера, доведенное до крайности, переходитъ въ недостатокъ. Сложный рядъ противорѣчій придаетъ общественной физіономіи Германіи странную неопредѣленность и превращаетъ ее въ неразрѣшимую загадку. Гейнрихъ Гейне выражаетъ эту черту нѣмецкаго характера, говоря, что каждый философъ современемъ опровергаетъ самого себя и каждый реформаторъ необходимо превращается въ ренегата.

Ни въ одной странѣ самая идеальная поэзія не стал-

кивается такъ часто съ самымъ грубымъ матеріализмомъ растрепаннаго филистерства. Космополитизмъ совмѣщается съ самымъ узкимъ и исключительнымъ духомъ прихода. Смѣлая философія стоитъ рядомъ съ самымъ тупоумнымъ аскетизмомъ. Гегель и де Ветте, философъ абсолютнаго и знаменитый критикъ церковнаго закона, были совершенными піитистами въ частной жизни. Высшая и основательная образованность уживается страннымъ образомъ съ самымъ грязнымъ обскурантизмомъ.

Удивительное дѣло! Тихая религіозность, патріархальная простота нравовъ, духъ семейственности и задушевности является рядомъ съ жестокостью грабителей, средневѣковыхъ солдатъ, людей, подобныхъ Тилли, Гайнау и Виндишгрецу. Прелестныя Вероники, томныя Теклы, которыхъ голубые глаза отражаютъ лазурь неба, оказываются родными сестрами ужасныхъ ландскнехтовъ; нѣжность и наивная красота стоятъ рядомъ съ самою грубою, чисто нѣмецкою дерзостью; одна изъ слабостей этого сентиментальнаго народа заключается въ обожаніи грубой силы, и въ этомъ можно убѣдиться, изучая его литературу или пробывъ нѣсколько времени въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Тайная мечта этихъ космополитовъ заключается въ томъ, чтобы управлять міромъ силою кулачнаго права. Считая себя по разнымъ болѣе или менѣе несостоятельнымъ причинамъ предводителями человѣчества, Нѣмцы требуютъ себѣ матеріальнаго господства, и утверждаютъ, что ихъ императоры прямые наслѣдники имперіи Цезарей, принявшіе свое наслѣдство отъ Карла Великаго, который въ свою очередь получилъ его отъ варварскихъ ордъ Одоакра и Ѳеодорика.

Въ географическомъ отношеніи у Германіи слишкомъ много границъ внутреннихъ и слишкомъ мало внѣшнихъ; Нѣмецъ слишкомъ стѣсняетъ свою практическую дѣятельность и не знаетъ предѣла своимъ теоріямъ. Его страсть къ синтезу встрѣчаетъ себѣ противудѣйствіе въ его подчиненіи мелочамъ. Онъ иногда смѣшиваетъ одно съ другимъ, частное съ общимъ, и принимаетъ солнце за мыльный пузырь. Онъ хочетъ совмѣстить въ себѣ оба совер-

шенства и подвергается двойной опасности. Если умъ его тяжелъ на подъемъ, то съ нимъ можетъ случиться то, что случилось съ честолюбивою черепахою, которую услужливыя утки подняли на воздухъ: держась зубами за палку, которую несли въ клёвѣ обѣ утки, черепаха долетѣла до облаковъ и, собираясь праздновать свое торжество, уже открыла ротъ, но вдругъ свалилась съ страшной высоты и разбила себѣ черепъ о камень; слишкомъ смѣлый умъ часто бываетъ поставленъ въ положеніе кондора, опустившагося на плоскую почву. Огромнымъ крыльямъ его недостаетъ простора, чтобы размахнуться, и онъ истощается въ безплодныхъ усиліяхъ подняться на воздухъ. Вообще этотъ народъ не умѣетъ примѣняться къ своей средѣ и къ дѣйствительной жизни. Владѣя телескопомъ и микроскопомъ, онъ видитъ чудеса луны и водяной капли, но не умѣетъ пользоваться простыми очками для чтенія ежедневнаго журнала.

Ему говорятъ объ эмансипаціи пролетаріата, онъ отвѣчаетъ на это веселыми фабричными пѣснями или разсказываетъ исторію аугсбургскихъ и нюрнбергскихъ корпорацій. Ему говорятъ о гражданской свободѣ, а онъ начинаетъ толковать о привилегіяхъ орденовъ, о преимуществахъ сословій, о хартіи вольныхъ имперскихъ городовъ. Дѣло идетъ о свободной торговлѣ, а онъ разсказываетъ славную исторію Ганзы. Заходитъ рѣчь о единствѣ Германіи и объ общественномъ устройствѣ, основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ, а онъ возражаетъ, что это несогласно съ преданіями Гогенстауфеновъ: попробуемъ лучше, думаетъ онъ, основать священную прусскую имперію и возложить на Фридриха Вильгельма мантію славнаго Барбароссы.

Съ другой стороны, если рыцари креста, если Сталь, Герлахъ, Мантейфель и компанія хотятъ подвергнуть себя всему безславію среднихъ вѣковъ, если Савиньи въ 1847 году предлагаетъ возстановить въ Берлинѣ кнутъ, пытку и колесованіе; если хотятъ внести въ лютеранство еще больше католическихъ элементовъ, чѣмъ сколько существуетъ въ немъ теперь, то является опозиція и общество Густава Адольфа гордо поднимаетъ свое знамя противъ Генг-

стенберга, отца Бекса и кардинала Раушера. На печальную мистификацію обскурантовъ Германія отвѣчаетъ движеніемъ друзей свѣта.

Очевидно, немного подвинешься впередъ, если будешь дѣлать два шага впередъ, три назадъ, пять влѣво и восемь вправо. Непослѣдовательности политики и законодательства также очевидны въ Англіи, какъ и въ Германіи; но въ Англіи онѣ касаются только теоріи; что же до отечества новѣйшаго новоплатонизма, то въ немъ противорѣчія выражаются именно въ практикѣ.

Французы и Англичане удивляются тому, что имъ приходится ввозить мануфактурныя издѣлія къ сосѣдямъ, которые лѣтъ десять тому назадъ излагали процессъ производства по толстымъ книгамъ, напечатаннымъ на сѣрой бумагѣ. Трудно также понять, какъ въ родинѣ Жанъ Поля Рихтера, написавшаго Левану, золотую книгу Педагогики, какъ въ странѣ, обладающей полнѣйшею системою народнаго образованія, воспитаніе еще не преобразовало населенія. Дѣйствительно, молодой прусскій крестьянинъ, знающій ариѳметику и алгебру, знакомый съ исторіею Германіи и вытвердившій наизустъ священную исторію, навѣрное не перевернется въ жизни такъ ловко, какъ какой нибудь бѣдный Италіянецъ, который ничему не учился и умѣетъ только креститься передъ чудотворнымъ образомъ Мадонны.

Противорѣчіе, лежащее въ германскомъ народномъ характерѣ проявляется въ безъисходныхъ колебаніяхъ, въ невозможности на что нибудь рѣшиться и слѣдовательно что нибудь сдѣлать. Нѣтъ въ исторіи народа великихъ и рѣшительныхъ событій, и потому народъ не растетъ и не развивается.

Сравнить ли это германское племя съ плодомъ, который кисловатъ и пріятенъ на вкусъ пока зеленъ, но который становится приторнымъ, по мѣрѣ того, какъ солнце золотитъ его оболочку, и можетъ сгнить, не достигши полной зрѣлости? Нѣмецкая молодежь чиста душою, добродушна и склонна въ энтузіазму; она пылаетъ святою любовью къ наукѣ, къ справедливости, къ свободѣ, къ родинѣ, къ пиву, къ музыкѣ и гимнастикѣ. Она поетъ свою студенческую пѣснь: «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus.

Пусть поетъ и веселится въ годы юности и любви!

Когда пройдетъ первый цвѣтъ тѣла, перебродитъ первый пылъ крови, тогда могучій и ретивый быкъ превратится мало по малу въ смиреннаго вола; изъ пылкаго студента сдѣлается **Hochwohlgeborener**, **Herr Doctor** и **Oberhofgeheimrath**; лихой малый (**burschikos**) и славный товарищъ (**Freues Haus**) обратится въ толстобрюхаго и тупоумнаго бюргера и сдѣлается экземпляромъ изъ породы пережевывающихъ.

А между тѣмъ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ ума соотечественниковъ Виланда, Тика, Гофмана, Берне и Гейне; часто у нихъ бываетъ слишкомъ много ума. Жители Берлина и Вѣны слывутъ за очень умныхъ людей и на себя самихъ обращаютъ прежде всего свой юморъ и свою иронію.

Нельзя также упрекнуть Нѣмцевъ въ недостаткѣ сердца; они даже навязываютъ себѣ слишкомъ много чувствительности. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія разные джентльмены и дамы вздумали сгруппироваться въ *общества прекрасныхъ душъ*. Они офиціально давали другъ другу это названіе въ рѣчахъ и въ перепискѣ, а публика въ простотѣ сердечной восхищалась ихъ достоинствами. Въ наше время Нѣмцы хвалятся тѣмъ, что имъ однимъ принадлежатъ *Gemuth* и *Gemüthlichkeit*, которыя Французъ иронически переводитъ словомъ *Sensiblerie* (жеманная чувствительность).

По словамъ Нѣмцевъ, эти выраженія совершенно непереводимы и означаютъ собою неопредѣлимую способность, встрѣчающуюся только на почвѣ родины. По этой теоріи *Gemüthlichkeit* оказывается растительнымъ проявленіемъ химическихъ составныхъ частей той почвы, которая породила другіе любопытные продукты, какъ-то: *вѣчныя чувства*, *міровую печаль* и *Ueberschwenlichkeit* (избытокъ души).

Единственное качество, котораго бо̀льшую дозу мы пожелали бы видѣть у нашихъ добрыхъ друзей Нѣмцевъ, это—*простой здравый смыслъ*. Здравый смыслъ относится къ уму, какъ необходимое къ избытку, какъ кусокъ хлѣба къ ананасному варенью; но избытокъ не всегда предполагаетъ при-

сутствіе и умъ не всегда совмѣщается съ здравымъ смысломъ. Назовемъ для примѣра великаго піитиста Неандера, Нѣмца изъ Нѣмцевъ по характеру. Что можетъ быть изумительнѣе его богословскаго ясновидѣнія, его громадныхъ историческихъ работъ, сіяющихъ фосфорическимъ блескомъ могущественной мысли. А между тѣмъ поручитесь ли вы за то, что этотъ философъ и діалектикъ одаренъ достаточною долею здраваго смысла?

Нарисуемъ въ нѣсколькихъ чертахъ портретъ Нѣмца, и если выйдетъ каррикатура, пусть она будетъ по крайней мѣрѣ похожа:

Вотъ идеалистъ блондинъ, который съ лѣтами превратится въ рыжаго матеріалиста. Онъ такъ много куритъ, что это усыпляетъ его могучій мозгъ; онъ пьетъ слишкомъ много пива и у него ростетъ животъ; онъ широкъ въ плечахъ и крѣпко сложенъ; близорукъ или дальнозорокъ — средины нѣтъ; умъ его склоненъ къ синтезу и къ угадыванію причинъ; характеръ его занятъ мелочами; космополитъ или поклонникъ роднаго городка и мелкій хлопотунъ; смѣлъ въ теоріи, слабъ въ практикѣ; онъ тонкій цѣнитель музыки, и глубоко понимаетъ ее; онъ любитъ природу; добръ въ душѣ, нѣженъ по привычкѣ и сантименталенъ порывами или по претензіи. Въ борьбѣ онъ храбръ, какъ разъяренный вепрь; въ мирное время онъ передъ сильнымъ терпѣливъ и кротокъ не въ мѣру, а передъ слабымъ грубъ; съ равнымъ онъ щекотливъ и придирчивъ.

Слѣдующій разсказъ можетъ показаться незначительнымъ, но онъ можетъ замѣнить собою много отвлеченныхъ формулъ. Дѣло идетъ о юбилеѣ Шиллера. Этимъ праздникомъ Германія, неспособная узнать самоё себя въ политическихъ и географическихъ проявленіяхъ, хотѣла основать свое единство въ поэзіи, и показать міру, что у нея есть умственная отчизна, философская гражданственность.

Дѣйствіе происходило въ Лондонѣ. Нѣмецкая колонія положила собраться въ Сайденгамскомъ хрустальномъ дворцѣ. Произошелъ великолѣпный концертъ. Произнесены прекрасныя рѣчи. Поэтъ Кинкель напомнилъ, что этотъ юбилей былъ днемъ рожденія Мартина Лютера и днемъ смерти Роберта Блума;

онъ соединилъ въ одну мысль славу прошедшаго, грусть настоящаго и надежды на будущее. Затѣмъ слѣдовали увѣщанія основать единство родины на единодушіи и добромъ согласіи сердецъ. Затѣмъ Нѣмцы и Нѣмки пошли попарно гулять по аллеямъ парка, озареннаго сентиментальнымъ свѣтомъ луны. Зажглись факелы и статую Шиллера увѣнчали лаврами и иммортелями; раздались радостныя восклицанія; составились патріотическіе хоры; послѣдовалъ слишкомъ обильный пиръ; пива было выпито не въ мѣру; завязался споръ о германскомъ единствѣ; спорящіе вцѣпились другъ другу въ волосы; пошла перепалка и при всеобщемъ смущеніи произошелъ разъѣздъ.

Картина этого національнаго праздника представляетъ вѣрное отраженіе Германіи и мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Гейне:

Es ist eine alte Geschichte
Aber sie wird immer neu!
(Это старая исторія,
Но она постоянно нова!)

II.

Историческій обзоръ.

Каковъ характеръ, какова физіономія, такова и исторія; это вѣрно для отдѣльныхъ личностей и еще вѣрнѣе для цѣлыхъ народовъ, которыхъ вѣковое развитіе менѣе стѣсняется совокупностью безконечно малыхъ причинъ, называющееся случаемъ.

Посмотримъ, насколько исторія Германіи въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ нарисованному нами нравственному образу.

Уже разсказы Тацита описываютъ намъ Германцевъ какъ народъ охотниковъ и воиновъ, отличавшихся изумительною храбростью. Между прочими качествами ихъ онъ упоминаетъ вѣрность данному слову, благоговѣніе передъ свя-

тынею семейства и дружбы, и глубокую религiозность. Религiя должна была ввести ихъ въ философiю и служить приготовленiемъ къ ихъ энциклопедiи. Ихъ воинственный характеръ и любящее сердце проявились въ учрежденiи военнаго братства, котораго связь въ ихъ глазахъ стояла выше отношенiй къ любимой женщинѣ. Среди этихъ храбрѣйшихъ изъ храбрыхъ, существовало соперничество между Швабомъ и Баварцемъ, отличавшимися колоссальнымъ мужествомъ. Они дрались для удовольствiя драться; онѣ боролись на смерть, чтобы привести въ движенiе свои слишкомъ крѣпкiе мускулы. Возбужденiя ихъ сангвиническаго темперамента успокоивались только обильнымъ кровопролитiемъ.

Для Аларика, опустошителя Рима, величайшимъ наслажденiемъ было вносить свой окровавленный мечъ въ ряды бойцовъ; чѣмъ гуще были эти ряды, тѣмъ веселѣе становился Аларикъ.

Этимъ Германцамъ нравился красный цвѣтъ на поляхъ битвы; имъ нужно было рѣзать и рубить другъ друга по простой физической потребности, подобно тому, какъ лошадямъ необходимо бѣгать во всю прыть, а козамъ и быкамъ — бодаться рогами.

Приведемъ любопытную выписку изъ сочиненiя доктора Эвербека («Германiя и Нѣмцы»).

«Мускулистая храбрость этихъ германскихъ язычниковъ соразмѣрялась съ удивительною нервностью нѣмецкихъ женщинъ. Мужчины соперничали между собою въ силѣ мускуловъ; они были очень высокаго роста, большею частью полны, бѣлы цвѣтомъ, съ румянцемъ во всю щеку; во время сраженiя они подвергались совершеннымъ припадкамъ бѣшенства, которое называлось *Berserkerswuth* (волчье бѣшенство). Эта воинственная ярость (furia tedesca) мало по малу исчезаетъ съ наступленiемъ среднихъ вѣковъ, но она сохранилась гораздо дольше у ихъ единоплеменниковъ, у Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ. Герулы (народъ сѣверной Германiи) еще въ VI-мъ столѣтiи, переселившись въ Италiю, сохранили свои языческiе обычаи; они убивали стариковъ и заставляли вдовъ сжигать себя живьемъ на кострѣ умершаго мужа; у нихъ это бѣшенство сохранилось въ выс-

шей степени. Въ одномъ сраженіи противъ Лонгобардовъ они сбросили съ себя платье и стали драться голые. Они потерпѣли однако пораженіе и начали валяться на полѣ, засѣянномъ льномъ и покрытомъ голубыми цвѣтами, потому что это поле показалось имъ рѣкою.

Цивилизація и время угомонили понемногу эту непомѣрную пылкость. Уже 2000 лѣтъ продолжается взаимная рѣзня и полнокровіе успѣло поубавиться до нормальныхъ размѣровъ.

Послѣ окончанія войны съ Маврами, испанскіе Готы, не находя себѣ гигіеническаго упражненія въ родѣ крестьянской или тридцатилѣтней войны, выпавшей на долю ихъ германскимъ одноплеменникамъ, считали нужнымъ пускать себѣ кровь по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ. Эту обязанность отправлялъ мѣстный цирульникъ, который и получилъ характерное названіе *Sangrador'а*, публичнаго кровопускателя.

Но нельзя довѣрять видимому успокоенію крови у Нѣмцевъ; до сихъ поръ Голштинецъ или Виртемберженъ разражается иногда неудержимымъ порывомъ гнѣва, который внезапно нарушаетъ долгую апатію. Въ сущности Нѣмцы до сихъ поръ восторгаются красною кровью и блескомъ стали, сверкающей надъ головами бойцовъ. Прочтите *пѣснь меча* и *дикую охоту Люцова* Кернера; это славный малый, онъ сразу перенесетъ васъ во времена Валкирій и мистической ярости.

При воинственныхъ наклонностяхъ, Нѣмцы рано обратили войну въ ремесло. Генералы и солдаты продавали себя тому, кто дороже платилъ; Германія была человѣческимъ рынкомъ, со временъ Стиликопа до Валленштейна и съ Валленштейна до австрійскихъ, баварскихъ и швейцарскихъ наемниковъ, служащихъ нынѣ папѣ и королю неаполитанскому. Цѣлыя германскія племена шли на службу священной имперіи, а позднѣе король французскій и императоръ австрійскій напускали другъ на друга своихъ Швейцарцевъ, подобно тому, какъ они натравливали своихъ собакъ на кабана.

Показавшись на порогѣ историческаго міра, это воинствен-

ное племя тотчасъ же пустилось въ завоеванія. Оно германизировало всю Европу своими набѣгами и переселеніями. Саксы, Датчане, Норманы, Франки, Вестготы, Остготы, Лонгобарды, Вандалы, Бургунды и Герулы наводнили Испанію, Алжирію, Францію, Италію, Шотландію и Англію. Они разселились отъ Исландіи до Сахары, отъ Пиреней до Малой Азіи. Средиземное море называлось Вандальскимъ, и Гензерихъ хотѣлъ основать въ Карѳагенѣ новый Римъ и гордо называлъ себя царемъ морей. Теперь Нѣмцы наполняютъ своими колоніями Соединенные Штаты, Бразилію и Австралію.

Сынъ Германіи прежде всего гордъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, какъ Англичанинъ гордъ своимъ «я», а Французъ тщеславится тѣмъ, что составляетъ часть великой націи. На этомъ основаніи Германецъ чувствуетъ страстное влеченіе къ личной свободѣ; это влеченіе передано Американцамъ и Англо-Саксонцамъ вообще, и передано въ такой пропорціи, что его осталось кажется слишкомъ мало на долю собственной Германіи. Какъ бы то ни было, первобытный Германецъ могъ съ законною гордостью назвать себя свободнымъ человѣкомъ. Онъ не терпѣлъ тѣлесныхъ наказаній, введенныхъ впослѣдствіи; его могли судить только равные и единственною мѣрою наказанія былъ денежный штрафъ; кто не хотѣлъ платить этого штрафа, тотъ преспокойно удалялся изъ общины. Отъ времени до времени эти свободные люди собирались для совѣщаній, въ которыхъ господствовало полнѣйшее равенство. Начальники признавались только въ военныхъ предпріятіяхъ. Этого начальника выбирали въ семействѣ, извѣстномъ по храбрости или по богатству, но этотъ выборъ никогда не былъ обязательнымъ. Точно также санъ императора *de jure* никогда не былъ наслѣдственнымъ.

Эта абсолютная свобода, принадлежавшая сначала всѣмъ членамъ племени, перешла мало по малу въ руки военнаго сословія, которое воспользовалось своимъ досугомъ и преобладаніемъ физической силы, чтобы расширить свои привилегіи въ ущербъ рабочимъ классамъ вообще, и земледѣльческому въ особенности. Явлось рабиство крестьянъ. Впрочемъ

въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр. въ Вестфаліи, въ Фрисландіи и въ Дитмарсенѣ крестьяне мужественно отстояли свою свободу и выдержали нѣсколько открытыхъ сраженій съ рыцарями, аббатами, баронами и епископами. Большею частью однако свободные земледѣльцы, принужденные обратиться въ ремесленниковъ, отступили подъ защиту зубчатыхъ стѣнъ, въ города (burg) и составили сословіе горожанъ (bürger). Кто остался въ полѣ, того безъ состраданія обратили въ раба прежніе братья,–рыцари и новые горожане.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражается нѣсколько вѣковъ еще неразъясненной исторіи германскаго народа.

Долгое время Нѣмцы подобно американскимъ піонерамъ ненавидѣли города, въ которыхъ личность, по необходимости стѣсненная сосѣдними личностями, чувствуетъ недостатокъ свободы и простора. Несмотря на обезпеченіе, которое представляли стѣны и укрѣпленія, свободный крестьянинъ предпочиталъ свою хижину и независимость сельской жизни; дворянинъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ городскимъ комфортомъ, чтобъ удалиться въ свой мрачный за́мокъ, въ которомъ онъ царилъ одинъ, какъ орелъ въ гнѣздѣ. По силѣ обстоятельствъ, одни рыцари сохранили первобытную свободу, составлявшую достояніе всякаго Германца. Триста лѣтъ тому назадъ, мелкіе владѣтели, подобные Гёцу фонъ-Берлихингенъ, объявляли себя свободными отъ всякихъ обязанностей и считали только нужнымъ немножко уважать императора, да немножко помогать ему въ военное время. Отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ они могли только Богу. Бить горожанъ, грабить купцовъ, душить крестьянъ — это все считалось невинною шалостью. Одинъ изъ такихъ господъ называлъ себя офиціально *другомъ Бога и врагомъ всѣхъ*.

А вотъ случай, который покажетъ, насколько эти владѣльцы уважали личность императора, отвлеченнаго представителя безсвязной общины.

Барбаросса, бывши на берегахъ Констанскаго озера, заѣхалъ въ Тёгскій за́мокъ, принадлежавшій мелкому барону Кренкингу. Баронъ не счелъ нужнымъ встать передъ славнымъ Гогенштауфеномъ. «Извините, сказалъ онъ, что я не

встаю передъ вами; я у себя хозяинъ. Я ни отъ кого не нахожусь въ вассальной зависимости и получилъ свой феодъ отъ Бога и отъ солнца. Впрочемъ, я уважаю васъ, какъ владѣтеля имперіи».

Германская раса не могла овладѣть міромъ, потому что не произошло соглашенія между противорѣчащими другъ другу индивидуальностями, которые постоянно старались развить свои частныя права въ ущербъ общему праву; Германіи недоставало сборнаго пункта, географической столицы, такого центра политическаго управленія, какимъ въ свое время былъ Римъ; она, не устроившись внутри себя, разлилась наружу; въ ней въ одно и то же время было слишкомъ много индивидуализма и космополитизма.

Борьба между папою и императоромъ внесла въ этотъ хаотическій міръ новый элементъ безпорядка. Это раздѣленіе верховной власти было, можетъ быть, полезно для Европы, но оно погубило двѣ великія націи, изъ которыхъ одна стояла за папу, окруженнаго процессіею монаховъ, а другая за императора, поддерживаемаго толпою рыцарей. Въ самой Германіи женщины и крестьяне были на сторонѣ папы; остальное населеніе держало руку императора, за котораго стояли также итальянскіе рыцари. Иннокентій и Григорій, Максимиліанъ и Карлъ V поочередно старались осуществить идею всемірнаго господства; но никто изъ нихъ не побѣдилъ противника. Гвельфъ мучилъ Гибелина и Гибелинъ уродовалъ Гвельфа, не добиваясь положительнаго результата.

Вотъ образчикъ тѣхъ любезностей, которыми обмѣнивались папа и императоръ. Въ 1239 году, 90-лѣтній старикъ, Григорій IX, еще полный энергіи и ненависти, за обѣднею въ праздникъ пасхи вторично проклиналъ Фридриха II Гогенштауфена, заимствуя образы изъ апокалипсиса. «Звѣрь лютый и безобразный, говорилъ онъ, вышелъ изъ волнъ морскихъ; своею зіяющею пастью онъ хулитъ Бога и пускаетъ въ небо и въ святыхъ отравленныя стрѣлы. Онъ стремится все сокрушить зубами и желѣзными когтями.» На это отвѣчалъ императоръ: «Самъ ты адскій звѣрь. Ты лошадь, выскакивающая изъ

моря, и на тебѣ ѣдетъ дьяволъ, отнимающій миръ у земли».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производила на всѣ умы эта смертельная вражда между двумя верховными главами человѣческаго рода. «Каждый мужчина, говоритъ одинъ старый саксонскій лѣтописецъ, каждая женщина, и каждая дѣвушка, богатые и бѣдные, дворяне, горожане и крестьяне приняли сторону нашего государя, императора германскаго, или нашего государя, папы Римскаго.» — (Эвербекъ, Германія и Нѣмцы, стр. 171). Между тѣмъ Англичане и Французы были заняты своими безъисходными войнами, Испанцы дрались съ Маврами и оставляли полную свободу дѣйствій императору германскому, который потратилъ это драгоцѣнное время на перебранки съ папою, вмѣсто того, чтобы раздавить бароновъ своимъ всемогуществомъ; благодаря спорамъ императора съ папою, принцы, герцоги, города, графы и бароны отстояли свои привилегіи и права, то есть свою тираннію рядомъ съ верховнымъ правомъ императора.

Тѣмъ не менѣе мечта о всемірномъ владычествѣ почти осуществилась въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ царствованіе Карла V, могущественнѣйшаго государя Стараго и Новаго свѣта, въ огромныхъ владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце. Онъ владѣлъ священною имперіею и Испаніею, и былъ сюзереномъ Богеміи, Фландріи, Нидерландовъ, Эльзаса, Лотарингіи и Франшъ-Конте; онъ предъявлялъ притязанія на Бургундію и Сицилію; онъ съ трехъ сторонъ сжималъ Францію и уничтожилъ ея военныя силы въ сраженіи при Павіи. Его побѣдоносныя войска именемъ короля римскаго покоряли Италію; онъ взялъ Римъ и думалъ даже объявить себя папою, когда вдругъ одинъ изъ его ничтожнѣйшихъ подданныхъ, виттенбергскій монахъ, подалъ сигналъ всеобщаго переворота, напавши прямо на папскую власть, на принципъ средневѣковой жизни, служившій противувѣсомъ императорскому могуществу.

Это происшествіе было бы для Карла V неожиданнымъ благодѣяніемъ судьбы, еслибы онъ не былъ человѣкомъ съ узкимъ умомъ и съ обширнымъ брюхомъ, человѣкомъ, не-

достойнымъ понять и исполнить важную историческую роль. Еслибы Карлъ V понялъ новую эру, начинавшуюся для Европы, еслибы на великомъ Вормскомъ сеймѣ онъ объявилъ начало новаго порядка вещей, то въ награду за такой подвигъ геній эпохи конечно вручилъ бы ему господство надъ міромъ. Но этотъ дюжинный умъ, этотъ «дипломатъ слишкомъ хитрый, чтобы понять свою эпоху», ухватился за дряхлую старину. Въ Испаніи, Фландріи и въ Германіи онъ сталъ защищать то, на что нападалъ въ Италіи; несмотря на попутный вѣтеръ и морское теченіе, онъ посадилъ-таки на мель корабль своего счастія. Раздосадованная его тупоуміемъ судьба оставила его, и онъ удалился въ монастырь Св. Юста обжираться осетрами и жирною свининою.

Нанося смертельный ударъ папству, реформа Лютера въ то же время навсегда подорвала прочныя основы императорской власти. Возмущенная безобразнымъ развратомъ западной церкви, упивавшейся плотью и кровью еретиковъ, человѣческая совѣсть объявила себя свободною. Но свобода, утвердившаяся въ отношеніи къ папѣ, могла современемъ обратиться противъ императора. Что бы было, еслибы реформа осталась вѣрна своему принципу?

Но въ виду возмущенныхъ крестьянъ, анабаптистовъ, социніанъ, требовавшихъ царства правосудія и окончательнаго преобразованія древней церкви и древняго государства, Германія попятилась назадъ. Объятая ужасомъ, она была не въ состояніи измѣнить еще разъ физіономію міра, силою разума и правосудія, какъ она уже одинъ разъ измѣнила его силою оружія. Напротивъ, она, насколько возможно, подновила старый религіозный принципъ и отдала своимъ государямъ духовную власть и огромныя богатства церкви. Кромѣ того, она образовала крупное и мелкое мѣщанство, вышедшее изъ рядовъ дворянства и народа и составившее главный элементъ новѣйшаго государства. Въ этомъ дѣлѣ ей сильно помогало возстановленіе римскаго права, вызванное возрожденіемъ. Вначалѣ папа и императоръ оба поощряли развитіе этого языческаго права и противупоставляли его феодальному или христіанскому. Каждый изъ нихъ видѣлъ

только непосредственный вредъ, который оно наносило его противнику и никто не предвидѣлъ погибели, которую оно готовило тому и другому.

Между тѣмъ масса требовала отъ реформы, чтобы она изъ догмата перешла въ дѣйствительность, и водворила царство Бога на землѣ.

На это требованіе отвѣчалъ грозный голосъ Лютера, раздавшійся подобно набату и призывавшій сильныхъ міра сего убивать возмутившихся крестьянъ: «идите, истребляйте этихъ крестьянъ всѣми орудіями, находящимися въ вашемъ распоряженіи! Явно и тайно убивайте этихъ бѣшеныхъ собакъ, убивайте скорѣе, скорѣе! Христіанское крещеніе не даетъ свободу смертнымъ тѣламъ, а только освобождаетъ безсмертныя души! Князь тьмы, вышедши изъ ада, вселился въ душу крестьянъ. Убитый бунтовщиками, каждый воинъ изъ божьяго стана пойдетъ прямо въ рай, а каждый крестьянинъ по смерти отправится въ адъ.... Горе тѣмъ, кто проповѣдуетъ умѣренность въ отношеніи къ этимъ проклятымъ крестьянамъ; крестьянинъ—оселъ; его надо бить, чтобы заставить его идти. Просите пощады, бездѣльники, или тѣла ваши будутъ истерзаны божіими воинами, а души адскимъ дьяволомъ.»

Эти отвратительныя воззванія всполошили вѣнценосцевъ и владѣльцевъ; католическіе епископы, дворяне протестантской и императорской партіи помирились на минуту и всѣ вмѣстѣ обрушились на несчастныхъ крестьянъ, разрозненныхъ, безоружныхъ, непривыкшихъ къ военному дѣлу и расчитывавшихъ не столько на свои цѣпы и косы, сколько на заступничество небесныхъ воинствъ. Сколько ихъ перерѣзали, перевѣшали, изжарили, сожгли и посадили на колъ — это превышаетъ всякое вѣроятіе.

Эта рѣзня еще не была самымъ большимъ несчастіемъ. Хуже всего было то, что съ этой минуты прекратилось прогрессивное дѣло реформаціи, которая явилась такимъ образомъ освященіемъ старыхъ несправедливостей, сдѣланныхъ подъ новою формою. Германія потеряла долю своей славы,

и человѣчеству пришлось ждать еще три столѣтія, до новой попытки водворить на землѣ царство справедливости.

Кромѣ того, избіеніе протестантовъ повело за собою ужасы и гадости 30-лѣтней войны. Съ этого времени реформа-лишилась своего букета, потеряла свѣжесть и идеальный блескъ, перестала говорить сердцу народа и превратилась въ политическую партію, которая въ сущности была не лучше и не хуже іезуитовъ. Германія раздѣлилась на два стана; повторилось явленіе, прошедшее черезъ всѣ средніе вѣка и живущее до нашихъ временъ. Лишенная народнаго сочувствія, протестантская буржуазія едва успѣвала держаться въ равновѣсіи съ католическимъ имперскимъ дворянствомъ; она бы не выдержала борьбы съ послѣднимъ безъ содѣйствія короля шведскаго и французскаго кардинала Ришлье. Въ теченіе тридцати лѣтъ, обѣ религіи доказывали правоту своихъ догматовъ сабельными ударами, грабительствомъ и пушечными выстрѣлами. Когда Германію опустошили, выжгли и разграбили изъ конца въ конецъ, тогда возстановили миръ посреди развалинъ и война прекратилась отъ недостатка силъ.

Эта беззаконная война останется вѣчнымъ памятникомъ послѣдней борьбы между звѣрствомъ среднихъ вѣковъ и духомъ новѣйшей цивилизаціи, запѣвшемъ слишкомъ рано побѣдный гимнъ. Злодѣяній, совершенныхъ однимъ ужаснымъ поколѣніемъ, достало бы на цѣлыя столѣтія. Принципъ среднихъ вѣковъ воплотился въ любимомъ воспитанникѣ іезуитовъ, въ графѣ Тилли. Постоянно мрачный и задумчивый, этотъ злодѣй никогда не любилъ и даже не зналъ женщины, не пилъ вина, помнилъ наизустъ Энеиду, носилъ на рукѣ четки, а на остроконечной шляпѣ огромное красное перо; лобъ его былъ запрокинутъ назадъ и покрытъ морщинами, глаза маленькіе, тусклые и неопредѣленные по выраженію, усы торчали щетиною, щеки впалыя и поблекшія. Таковъ былъ тотъ человѣкъ, который торжественно въѣхалъ въ развалины Магдебурга на большой бѣлой лошади, спотыкавшейся объ окровавленные трупы. 14 мая 1631 года онъ писалъ къ Фердинанду II Габсбургскому: «Его императорскому величеству,

благочестивѣйшему государю. Мы недавно присутствовали при мадгебургской свадьбѣ, которая ни въ чемъ не уступала Варѳоломеевской, отпразднованной за Рейномъ. Мы имѣемъ безконечную честь положить къ августѣйшимъ ногамъ вашего величества обстоятельный отчетъ объ этомъ завоеваніи, которое не имѣло себѣ подобнаго со дней Трои, Карѳагена и Іерусалима. Я жалѣю только о томъ, что благородныя придворныя дамы не могли присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, какъ при великолѣпномъ рыцарскомъ турнирѣ.»

Въ другое время онъ избилъ 2000 Шведовъ, несмотря на ихъ капитуляцію. На это Густавъ Адольфъ отвѣчалъ тѣмъ, что перебилъ 2000 Кроатовъ, которые только-что передъ тѣмъ отрѣзали груди у 600 молодыхъ крестьянокъ.

Соперники Тилли, австрійскіе коменданты Гацфельдъ и Перузи отмстили за пораженіе жителямъ Меклембурга; они содрали съ нихъ кожу и живыхъ сварили въ дегтю. Они захватывали женъ и дочерей протестантскихъ горожанъ, привязывали ихъ къ лошадиному хвосту, продавали ихъ сотнями или сжигали ихъ живьемъ въ церквахъ, заложивъ наглухо двери. За каждымъ лагеремъ находился рынокъ плѣнныхъ; красивую молодую дѣвушку можно было купить за пару сапогъ со шпорами. Въ Богеміи человѣческое жилище встрѣчалось только въ 9-ти миляхъ другъ отъ друга; въ Силезіи было больше волковъ, чѣмъ людей; въ Виртембергѣ, по Дунаю и по Рейну образовались шайки людоѣдовъ, которые, не находя ни хлѣба, ни скота, ни дичи, стали охотиться за людьми.

Чего не истребилъ мечъ, то сдѣлалось добычею моровой язвы; ко всему этому присоединился голодъ. Когда Фердинандъ II вступилъ на престолъ, въ Богеміи, не считая католиковъ, было три милліона однихъ протестантовъ.

Въ эпоху его смерти, во всемъ королевствѣ было только 780,000 разоренныхъ жителей, но зато всѣ были католики; меньше чѣмъ въ два года погибло 90,000 человѣкъ въ Саксоніи; въ богатомъ городѣ Аугсбургѣ изъ 80,000 человѣкъ осталось только 18,000. Чтобы сократить перечень этихъ

опустошеній, достаточно будетъ сказать, что цѣлая половина Германіи погибла въ этой жестокой войнѣ.

Эти страшныя потери имуществъ, людей, національной чести не излечиваются такъ скоро, какъ могутъ думать забывчивые люди. Пораженная въ сердце, въ самый источникъ жизни, эта благородная страна томилась съ тѣхъ поръ постыдною и мучительною болѣзнью. Историки затрудняются охарактеризовать то столѣтіе, которое послѣдовало за подписаніемъ Мюнстерскаго мира; его можно назвать сатурналіею глупости. Нація была поражена несчастіемъ, превышавшимъ ея силы, потеряла сознаніе и впала въ идіотизмъ.

Деморализація была полная; болѣе, чѣмъ когда либо, крестьянинъ былъ обращенъ въ раба, мѣщанинъ былъ слугою дворянъ, а дворяне лакеями королей. Солдаты были совершенными злодѣями или несчастными жертвами, которыхъ воровали насильно, которые подъ пыткою давали присягу въ вѣрности и подъ ударами палки учились военному дѣлу. Представителями нѣмецкой науки были господа, подобные Шелленбаріусу, Триббельгорніусу, Цопфіусу и Книпстровіусу.

Послѣ войны, моровой язвы и голода появляются нравственныя эпидеміи, дѣти мрака и страданія овладѣвающія ослабленными и смущенными умами. Суевѣріе и нечестіе шли рука объ руку; одинъ и тотъ же человѣкъ вызывалъ дьявола, чтобы защитить себя отъ пуль или отъ висѣлицы и хвалился тѣмъ, что читаетъ азбуку вмѣсто молитвъ, и замѣняетъ звуками a, b, c, d всевозможныя кантаты и литаніи. Лихорадка колдовства овладѣла страною; во многихъ деревняхъ не было ни одной женщины, которая бы не объявила себя колдуньей. Соборы, консисторіи и судилища отличались другъ передъ другомъ добродѣтельною ревностью; тысячи несчастныхъ женщинъ были повѣшены, высѣчены на площади или сожжены на кострѣ.

Въ этотъ вѣкъ строгой религіозности, шутить съ судомъ было мудрено. Колесовать, пытать и драть кожу было его главнымъ занятіемъ. Въ маленькомъ королевствѣ Саксон-

скомъ, какой-то Карпцовіусъ хвасталъ тѣмъ, что одинъ подписалъ 22,000 смертныхъ приговоровъ. Въ законодательствѣ была страшная неурядица; тутъ мѣшались каноническое право, имперское, гражданское, феодальное, мѣстное, муниципальное, поземельные обычаи, римское право, не говоря уже о привилегіяхъ, объ указахъ, корпораціяхъ, капитуляціяхъ, конкордатахъ и отдѣльныхъ договорахъ между городами, сословіями, общинами и дворянами. Могло ли правосудіе подчинить себѣ всю эту путаницу? Только произволъ и несправедливость могли властвовать въ этихъ потемкахъ.

Среди этого разврата и всеобщей нищеты, каждый князекъ прикидывался Лудовикомъ XIV или XV-мъ, воздвигалъ себѣ Версаль или Parc-aux-Cerfs, хотя бы онъ, подобно графу Лимбургъ-Стирумскому, былъ главнокомандующимъ гусарскаго полка, состоявшаго изъ двухъ солдатъ, шести офицеровъ и одного полковника, и укрывавшагося подъ воротами въ случаѣ сильнаго дождя. Епископъ Бамбергскій и Вюрцбургскій въ одинъ годъ употребилъ на свой сераль 60 милліоновъ франковъ. Императоръ австрійскій приказалъ отпускать ежедневно 2 бочки токайскаго вина для попугаевъ ея величества. Эти птицы получали сравнительно большія порціи, чѣмъ августѣйшая особа императрицы, которой подавалось на ужинъ только 12 литровъ.

Но пальму первенства въ дѣлѣ сумазбродства получилъ король саксонскій Фридрихъ. Онъ, по словамъ своихъ придворныхъ, былъ силенъ какъ Геркулесъ и красивъ какъ Аполлонъ. Онъ держалъ 120 любовницъ и оставилъ послѣ себя 352 незаконныхъ дѣтей. Графиня Козель стоила казнѣ около 80 милліоновъ франковъ. Неизвѣстно, сколько денегъ пошло на Аврору Кенигсмаркъ и на графиню Орсельку, которая была дочерью и любовницею короля. Для забавы этихъ дамъ давались *загородные праздники*, въ высшей степени безвкусные, но чрезвычайно дорого стоившіе. Одинъ изъ такихъ праздниковъ обошелся въ 20 милліоновъ. Тысячи голодныхъ крестьянъ были принуждены присутствовать при нихъ въ шелковыхъ и бархатныхъ костюмахъ; цѣлые полки

въ фантастическихъ одеждахъ играли въ нихъ извѣстную роль.

Желая сдѣлать что нибудь въ этомъ родѣ, дѣдъ Гайнау, герцогъ гессенскій выжалъ изъ своего народа послѣднюю копѣйку и рѣшился наконецъ продавать своихъ подданныхъ поштучно; цѣлые полки пошли въ цѣпяхъ черезъ всю Германію къ Гамбургу, гдѣ ихъ сажали на англійскіе корабли и увозили въ американскія колоніи. Фердинандъ Брунсвикскій, гроссмейстеръ масоновъ, торговалъ такимъ же образомъ; точно также поступали князья Вальдекскій, Ангальтскій и другіе.

Приложенное къ совокупности этихъ мерзостей, самое имя Германіи сдѣлалось позорнымъ и оскорбительнымъ. Даже въ Германіи нѣмецкій языкъ былъ вытѣсненъ изъ тѣхъ кружковъ, которые причисляли себя къ хорошему обществу. Фридрихъ II прусскій, былъ неспособенъ понимать нѣмецкій переводъ трагедіи Расина, который ему читали вслухъ, между тѣмъ какъ самъ онъ слѣдилъ по французскому подлиннику. Разсказываютъ, что какой то Гессенскій, или Баварскій баронъ вызвалъ на дуэль дерзкаго человѣка, принявшаго его за Нѣмца.

Наконецъ это униженіе было пріостановлено Фридрихомъ II прусскимъ и Іосифомъ II австрійскимъ; они спасли Германію отъ позора и, можетъ быть, отъ совершенной погибели. Если они и не были великими геніями, какъ говоритъ о нихъ благодарность соотечественниковъ, то они конечно были людьми съ замѣчательнымъ умомъ, съ здравымъ смысломъ и съ хорошо направленною волею.

Дѣйствительно, гражданское возрожденіе Германіи было приготовлено ими и ихъ поколѣніемъ, но совершилось оно позднѣе и его виновниками были Кантъ и Лессингъ, умственные родители Гёте и Шиллера, Гегеля, Фихте и Гумбольдтовъ. Возрожденіе Германіи произошло въ одно время съ возрожденіемъ Франціи и съ выступленіемъ на сцену демократическаго принципа.

Не намъ отвергать достоинство тѣхъ начинаній, которыя стоили нашимъ отцамъ такъ много страданій и усилій, но

мы должны сознаться, что эти задатки новаго порядка вещей до сихъ поръ оставались еще очень незначительными, если принять въ соображенiе огромность цѣлой задачи. Въ сущности, эти французскiя революцiи, о которыхъ такъ много шумѣли, которыя сравнивали съ работою Титановъ, наваливавшихъ Пелiонъ на Оссу, продолжались безъ вмѣшательства реакцiи, нѣсколько мѣсяцевъ въ 1789 году, нѣсколько недѣль въ 1830 и нѣсколько дней въ 1848 г.

Въ Германiи умственная работа была гораздо значительнѣе, чѣмъ во Францiи, но зато сдѣланное дѣло было еще меньше, и всѣ успѣхи, совершенные въ теорiи, вдвойнѣ даютъ намъ чувствовать всю отсталость практической жизни.

Подобно египетскому сфинксу, котораго человѣческая голова смотритъ на лазурное небо и на золотое солнце, но котораго звѣриное тѣло еще на-половину погружено въ вязкiй илъ, — Германiя мыслью и чувствомъ живетъ въ эѳирной области будущаго, а инстинктами, привычками и воспоминанiями вязнетъ въ грязи прошедшаго.

Германiя отличается нравственною двойственностью, безъисходнымъ противорѣчiемъ; но двойственность еще не большая бѣда; всякiй человѣкъ представляетъ въ себѣ противорѣчiе между стремленiемъ и осуществленiемъ. Но къ несчастiю, двойственность Германiи дробится на множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ оттѣнковъ двойственности

Во-первыхъ, Германiя распадается на сѣверную и южную; протестантская Пруссiя, наслѣдница Гвельфовъ, противоположна католической Австрiи, преемницѣ Гибелиновъ. Католическая Баварiя служитъ противовѣсомъ протестантскому Виртембергу; но самая Баварiя раздѣляется на двѣ половины, противуположныя между собой по стремленiямъ и интересамъ, на юговосточную и на сѣверозападную. Точно также Бранденбургская Пруссiя расходится съ одной стороны съ Польскою Пруссiею и съ другой стороны — съ Рейнскою Пруссiею, въ которой господствуетъ католическая религiя и кодексъ Наполеона. Протестантская Саксонiя упра-

вляется католическимъ королемъ. Протестантизмъ Пруссіи разъединяетъ ее съ Баваріею и въ то же время возбуждаетъ подозрительность правительствъ саксонскаго, брауншвейгскаго и ганноверскаго, которыя боятся, чтобы ихъ народы не пожелали присоединиться къ Прусскому королевству, завоевавшему Силезію силою оружія и религіозныхъ симпатій. Дѣйствительно, въ 1815 году Пруссія проглотила бы Саксонію, еслибы этому не воспротивился императоръ Александръ. Королевство Саксонское живетъ не ладно съ герцогствами Саксонскими, герцогство Саксенъ-Кобургское недоброжелательно смотритъ на Саксенъ-Веймаръ и на Саксенъ-Готу. Гессенъ-Дармштатъ караулитъ богатое наслѣдство Гессенъ-Касселя; Мекленбургъ-Шверинъ посягаетъ на Мекленбургъ-Стрелицъ и Шаумбургъ-Липпе враждуетъ съ Шаумбургъ-Рудольштатомъ.

Бранденбуржцы называютъ себя Прусаками и не считаютъ себя Нѣмцами; недавно Австрійцы высказывали ту же претензію. Саксонцы и Баварцы называютъ себя прежде Саксонцами и Баварцами, а потомъ уже Нѣмцами. Вслѣдствіе этого господствуетъ невыразимый безпорядокъ въ нарѣчіяхъ, въ вѣсахъ, въ монетѣ, въ мѣрахъ; каждый вершокъ земли подверженъ особымъ повинностямъ и особымъ законамъ. Подданные князька, получающаго милліонъ гульденовъ годоваго дохода, презираютъ подданныхъ князька, получающаго ежегодно только сто тысячъ дохода.

На свѣтѣ живетъ 40 милліоновъ Нѣмцевъ, но Германію вы нигдѣ не найдете. «Гдѣ отечество Нѣмца?» (des Deutschen Vaterland). Да и какое отечество выбрать, когда въ вашемъ распоряженіи ихъ 36, и въ томъ числѣ государство Рейссъ-Шлейсъ-Крейцъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфъ и княжество Бюкебургъ, которое въ дождливый день Гейне нечаянно унесъ вмѣстѣ съ грязью, прилипшею къ его сапогамъ. По расчету, сдѣланному на основаніи готскаго альманаха 1851 года, въ Германіи считалось 1936 членовъ царствующихъ фамилій!

Между тѣмъ, владѣнія въ наше время сдѣлались въ десять разъ меньше, чѣмъ были 50 лѣтъ тому назадъ. Съ

тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги въ десять разъ сократили разстоянія, а телеграфъ ихъ совершенно уничтожилъ, съ тѣхъ поръ Мюнхенъ въ десять разъ ближе къ Берлину, потому что жители обоихъ городовъ въ десять разъ скорѣе могутъ посѣщать другъ друга.

Теперь пароходы ходятъ почти не останавливаясь отъ Генуи до Палермо; теперь изъ Турина можно мгновенно переговариваться съ Палермо, и потому никто не скажетъ, что форма Италіи осуждаетъ ее на вѣчное раздробленіе. Въ былое время Германская имперія была достаточно велика, чтобы вмѣщать въ себя королей, герцоговъ, князей, графовъ, маркизовъ, курфирстовъ, духовныхъ владѣльцевъ, вольные города и военные ордена; теперь въ ея предѣлахъ уже становится тѣсно двумъ такимъ государствамъ, какъ Пруссія и Австрія.

Не все плачевно въ этой неурядицѣ: она не можетъ дать мѣсто добру и свободѣ, но зато зло и рабство также не могутъ въ ней окончательно утвердиться. — — —

Каждая изъ 36-ти державъ порождаетъ нѣсколько дворянскихъ фамилій, отстаивающихъ свои права на взиманіе десятины, на охоту, на рыбную ловлю, на судъ и расправу. Чтобы обозначить свои привилегіи, швабскіе дворяне въ былое время ставили даже висѣлицу передъ своимъ крыльцомъ.

Вотъ почему эта великая Германія, которой физическія, умственныя и промышленныя средства кажутся неистощимыми, играетъ въ Европѣ роль второстепенной державы; это происходитъ именно оттого, что она заключаетъ въ себѣ двѣ первостепенныя державы, да 34 державы разныхъ категорій и названій. Вотъ почему императоръ Наполеонъ I сказалъ, отправляясь къ Іенѣ: «Еслибы Германія не существовала, ее нужно было бы нарочно выдумать!»

Въ этой странѣ неуклюжихъ ученыхъ ни что не удается. Еще больше, чѣмъ во Франціи, самый великолѣпный энтузіазмъ разрѣшается печальнымъ разочарованіемъ. Этотъ народъ, котораго громадныя умственныя силы засвидѣтельствованы языкомъ и миѳологіей, послѣ 2000 лѣтъ историче-

ской жизни вовсе не дошелъ до тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать отъ той удивительной энергiи, отъ той героической честности и отъ той безпримѣрной задушевности, съ которыми онъ вступилъ на свое поприще.

Насъ приводитъ въ негодованiе то, что реформа Лютера перестала быть величественнымъ возмущенiемъ человѣческаго ума, сознавшаго свое совершеннолѣтiе и привела къ какому-то тибетскому абсолютизму. Можно тутъ же упомянуть о войнѣ за независимость 1814 года, окончившейся пресловутою системою князя Меттерниха.

Мудрено ли, что разочарованная несчастнымъ исходомъ столькихъ великихъ движенiй, Германiя дошла до сомнѣнiя въ себѣ, до отвращенiя къ себѣ. Мудрено ли, что она сама надъ собою смѣется, какъ мы видимъ это въ поэзiи Гейнриха Гейне. Выселенiя, производящiяся толпами, объясняются отчасти тѣмъ, что народъ отчаялся въ самомъ себѣ. Въ Гессенѣ и въ Палатинатѣ трудно найти молодыхъ людей для конскрипцiи: они пробираются за границы, несмотря на меровъ и жандармовъ, которымъ поручено ихъ задерживать. Въ Виртембергѣ пустѣютъ цѣлыя деревни; мужчины и женщины, старики и дѣти толпами покидаютъ свою родину.

На Итальянскомъ бульварѣ, въ Тюльерiйскомъ саду, среди Парижа вы встрѣтите сотни бѣдныхъ Нѣмцевъ, пробирающихся въ Гавръ, чтобы плыть въ далекiя земли. Мужчины, женщины и дѣти смотрятъ удивленными глазами на великолѣпный городъ и, толпясь тѣсными кучками, крѣпко держатъ другъ друга за руку.

Бѣдные люди! Ихъ предки связывались между собою желѣзными цѣпями, чтобы не отступить и не разорваться въ сраженiи; они тоже нуждаются теперь во всей совокупности своихъ силъ, чтобы бороться съ злою нищетою и съ неизвѣстнымъ будущимъ! —

Э. РЕКЛЮ,

(Продолженiе будетъ.)

34

Аѳинской дѣвушкѣ.

(Изъ Байрона).

Часъ разлуки бьетъ: прости,
Аѳинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь навѣкъ съ собой.
Вотъ обѣтъ мой — знай его:
Ζώη μοῦ, σάς ἀγαπῶ.(¹)

За румянецъ этихъ щёкъ,
Что Эгейскій вѣтерокъ
Цѣловалъ тайкомъ не-разъ,
За огонь газельихъ глазъ,
За кудрявое чело:
Ζώη μοῦ, σάς ἀγαπῶ.

Поцѣлуемъ устъ твоихъ,
Зыбью персей молодыхъ,
Рѣчью тайною цвѣтовъ,
Говорившихъ больше словъ, —
Всѣмъ клянусь, что душу жгло:
Ζώη μοῦ, σάς ἀγαπῶ.

Аѳинянка! обо мнѣ
Вспомни ты наединѣ...
Въ Истамболъ уѣду я,
Но Аѳинъ душа моя
Не покинетъ для него:
Ζώη μοῦ, σάς ἀγαπῶ.

Л. МЕЙ.

14-го октября 1859 года.

---

[1]) *Зоэ му*, *засъ агапо* значитъ: *жизнь моя, люблю тебя!*

ВОСПОМИНАНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Сонце гріе, вітеръ віе
Зъ поля на долину,
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калину;
На тій вербі одиноке
Гніздечко гойдае,
А де дівся соловейко —
Не питай — не знае.

Т. ШЕВЧЕНКО.

(*Кобзарь. На вічну памьять Котляревському*).

Какъ матеріялъ для біографіи Шевченка, я представляю эпизодъ моего съ нимъ знакомства въ то время, когда нашъ поэтъ былъ еще молодъ, кипѣлъ вдохновеніемъ, стремился къ самообразованію и, не смотря на грусть, постоянно щемившую его сердце наединѣ съ собою, увлекался еще порой и веселымъ обществомъ и сочувствіемъ, которое вызывалъ симпатичной своей личностью. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію моего знакомства съ Шевченкомъ, считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на эпоху, близкую къ намъ, но почти перешедшую въ область исторіи, по тѣмъ совершившимся фактамъ, которые одинъ за другимъ вели наше общество къ развитію. Это было въ 1843 году. Находясь въ годовомъ отпуску въ Полтавской губерніи, я

ожидалъ отставки изъ военной службы, съ цѣлью заняться изученіемъ украинской народности, что было завѣтной моей мечтой.

Въ то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу и патріархальное гостепріимство не теряло ни одной черты изъ своего почтеннаго характера. Молодое поколѣніе было уже болѣе или менѣе образовано. Женщины высшаго сословія, собственно молодыя, всѣ уже были воспитаны въ институтахъ, пансіонахъ, или дома подъ надзоромъ гувернантокъ, и французскій языкъ не только не казался диковинкой, какъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной бесѣды. Говорили на немъ бѣгло и порядочно однѣ впрочемъ женщины, а кавалеры по бо̀льшей части не умѣли вести разговора на этомъ языкѣ, но каждый щеголь считалъ обязанностью пригласить даму на танецъ — непремѣнно по французски. Хотя у многихъ помѣщиковъ выписывались журналы т. е. «Библіотека» и «Отечественныя Записки», но критическія статьи Бѣлинскаго оставались неразрѣзанными, на томъ основаніи «что въ нихъ все начинается отъ Адама» и жадно читалась литературная лѣтопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики; заучивались наизустъ драматическія фантазіи Кукольника, и я зналъ одну очень милую барышню, которая могла проговорить безъ запинки всего Джакобо-Санназара. Богатые паны жили открыто, и было нѣсколько домовъ въ разныхъ пунктахъ, окруженные штатомъ прихвостниковъ, куда въ интимный кружокъ допускались лишь избранные; но въ извѣстные урочные дни и праздники стекалось до трехъ и четырехсотъ гостей изъ разныхъ концевъ Малороссіи. Тамъ помѣщики почерпали и новыя моды и обычаи, тамъ самый гордый богачъ своего околодка дѣлался «тише воды — ниже травы», потому что громадное богатство магната давило его своими размѣрами. Вельможный хозяинъ старался принимать всѣхъ одинаково, исключая двухъ, трехъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на равныхъ, и иногда, за обѣдомъ, для приведенія всѣхъ къ одному знаменателю, отпускалъ фразу въ родѣ слѣдующей:

— Напрасно NN взялся за это предпріятіе—оно ему не по силамъ. Жаль, онъ можетъ разориться, потому что, имѣя какихъ нибудь тысячу душъ, трудно будетъ ему выдержать.

И тотъ ежился, у кого было тысяча душъ, а у кого нѣсколько сотъ, тому оставалось только слушать подобострастно. Тогда еще у насъ сильно цѣнилось въ человѣкѣ богатство, и хоть оно цѣнится не менѣе и теперь, однако этого не выражаютъ такъ цинически и не говорятъ: «ты бѣденъ, такъ ступай къ порогу». Въ это блаженное время говорили и поступали иначе. Но у магнатовъ, какъ я уже сказалъ, всѣхъ принимали одинаково и не дѣлалось у нихъ, какъ у большинства при съѣздахъ, что однимъ гостямъ подавали хорошія иностранныя вина, а другимъ мѣстнаго уѣзднаго производства. Съѣзды эти преимущественно можно было назвать танцовальными, потому что нѣсколько дней сряду каждый день дамы наряжались по бальному, и плясъ продолжался до двухъ и трехъ часовъ за полночь. Львами баловъ обыкновенно бывали военные, да изрѣдка какой нибудь заѣзжій изъ столицы, который и пожиналъ лавры, и на котораго съ завистью посматривали самые отъявленные сердцеѣды.

Но въ то время уже, какъ отрадные оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства съ новымъ направленіемъ, отличавшіяся и образованіемъ, и гуманностью. Ихъ было не много, но проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ, вы были увѣрены встрѣтить и умную бесѣду, и интересную книгу, поспорить не объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ, и услышать истинную музыку. Между женщинами этихъ семействъ начиналось стремленіе къ національной литературѣ; онѣ наперерывъ читали «Кобзаря» Шевченка, изданнаго въ Петербургѣ, и встрѣченнаго критикой единодушнымъ глумленіемъ. Что Украинки читали роднаго поэта—казалось бы дѣломъ весьма обыкновеннымъ и по видимому естественнымъ; но кто знаетъ строй тогдашняго общества, тотъ не можетъ не подивиться. Дѣти достаточнаго сословія, особенно дѣвочки, отъ кормилицы поступали или къ иностраннымъ нянькамъ, или къ такимъ, которыя говорили по русски, и каждое украинское выраженіе вмѣ-

нялось имъ въ проступокъ и влекло за собою наказаніе. Еще мальчики могли научиться по украински, но дѣвочкамъ предстояло много труда понимать «по мужицки», хотя ничто не мѣшало сохранять родной акцентъ и до глубокой старости. Въ то время, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которой дѣвицамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтова и Приказки Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артемовскаго; но все это читалось какъ-то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе «Кобзаря» мигомъ разбудило апатію и вызвало любовь къ родному слову, изгнанному изъ употребленія не только въ обществѣ высшаго сословія, но и въ разговорѣ съ крестьянами, которые старались, и конечно смѣшно, выражаться по великорусски. Смѣло могу сказать, что послѣ появленія «Кобзаря» большинство принялось за повѣсти Квитки. Въ 1843 году Шевченка уже знали украинскіе паны; для простолюдиновъ поэтъ и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, хотя всѣ произведенія его доступны крестьянину и доставили бы ему большое наслажденіе. Къ этому же году относится и первая моя встрѣча съ Шевченкомъ въ Полтавской губерніи. Былъ іюнь на исходѣ. На Петра и Павла въ одномъ старинномъ домѣ у Т. Г. В....ской съѣзжались помѣщики не только изъ Полтавской, но изъ Черниговской и даже изъ Кіевской губерніи, и празднество продолжалось нѣсколько дней. Домъ этотъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ; осьмидесятилѣтняя хозяйка его явленіе тоже невозможное въ настоящее время, и потому читатель не посѣтуетъ, если я очерчу слегка бытъ знаменитой нѣкогда Мосевки. 12 января день имянинъ хозяйки и 29 іюня, кажется, день имянинъ покойнаго В...го праздновались со всевозможною пышностью; и въ эти дни собиралось въ Мосевкѣ до 200 особъ, изъ которыхъ иные паны пріѣзжали въ нѣсколькихъ экипажахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Все это нужно было размѣстить и продовольствовать. Въ послѣднее время хозяйка была почти слѣпая; страстная охотница до картъ, она уже не могла играть сама и только просиживала далеко за полночь возлѣ игравшихъ, услаждая слухъ свой пріятными игорны-

ми возгласами и утѣшаясь какимъ нибудь казусомъ. Старушка мало уже и помнила, зная только самыхъ близкихъ гостей, а о большой части посѣтителей, особенно изъ молодежи, никогда и не слыхала; она не входила ни во что, и пріемъ гостей лежалъ на обязанности экономки и дворецкаго. У послѣднихъ люди по-важнѣе пользовались еще вниманіемъ по преданію, но мы номады должны были размѣщаться по собственому разумѣнію и по утрамъ бѣгать въ буфетъ добывать съ боя стаканъ чаю или кофе. Разумѣется, четвертакъ или полтинникъ играли роль; но иногда гостей было такъ много, безпорядокъ доходилъ до такого хаоса, что и подкупленные лакеи ничего не могли сдѣлать для своихъ кліентовъ. Но эти житейскія неудобства выкупались разнообразнымъ и веселымъ обществомъ, которое съ утра собиралось въ гостиныхъ комнатахъ, гдѣ дамы и дѣвицы, одна передъ другой, щеголяли любезностью, красотою, изысканностью и роскошью туалета. Балы Т. Г. В—ой были для Малороссіи своего рода Версалью: туда везлись на показъ самыя модныя платья, новѣйшія фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры, — и тамъ же бывалъ иногда первый выѣздъ дѣвицы, которая до того ходила въ коротенькомъ платьицѣ и кружевныхъ панталонцахъ. Тамъ завязывались сердечные романы, происходили катастрофы, провозглашалась красота и установлялась слава танцоровъ и танцорокъ. Да, подобные балы уже не повторяются, потому что теперь не много найдется охотниковъ ѣхать за полтораста верстъ съ семействами на трехдневный плясъ, да и врядъ ли отыщется помѣщикъ, готовый бросить нѣсколько тысячъ рублей на подобныя удовольствія. Огромная въ два свѣта зала едва могла помѣщать общество, хотя не малая часть гостей занимала другія комнаты и много мужчинъ играло въ карты по своимъ квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты, прошловѣковыя зеркала и занавѣсы все это при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подъ звуки музыки, представляло необыкновенно интересный видъ.... И вдругъ среди толпы разряженныхъ дамъ и расфранченныхъ кавалеровъ является истопникъ въ простой крестьянской одеждѣ, въ дегтяныхъ сапогахъ, съ длинной кочергой, и рас-

талкивая раздушенную толпу, отправляется къ печкѣ, садится на паркетѣ на корточки и, помѣшивая головни, понюхиваетъ себѣ табакъ изъ рожка, вынутаго изъ-за голенища. Дождавшись флегматически времени, истопникъ полѣзетъ на лѣсенку, закроетъ трубу и, сложивъ на плечо свои доспѣхи, отправляется обратно тѣмъ же порядкомъ, не обращая вниманія на происходящее, какъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою обязанность. Зимніе балы были блистательны, но лѣтніе гораздо веселѣе, потому что послѣ танцевъ, на разсвѣтѣ, общество выходило на лужайку передъ домомъ, уставленную цвѣтами, гуляло по саду, и тутъ договаривались при блескахъ утренней зари тѣ рѣчи, которыя какъ-то замирали въ душной бальной атмосферѣ. Въ описываемое время встрѣтилъ я въ Мосевкѣ С. А. З — ую, которая тогда напечатала въ От. Зап. свою «Институтку» и затронула въ ней нѣсколько лицъ, обыкновенно посѣщавшихъ старуху В — ую. Она же сказала мнѣ, что ждали изъ Петербурга Гребенку, который, нѣтъ сомнѣнія, пріѣдетъ въ Мосевку. Съ Гребенкой мы были знакомы, какъ воспитанники одного заведенія, и хотя онъ вышелъ гораздо прежде меня, но мы жили съ нимъ на одной квартирѣ. Онъ тоже въ своихъ разсказахъ описалъ не одну личность изъ общества, собиравшагося въ Мосевкѣ. Въ особенности нападали они съ З — ой на одну барыню, —типъ уже исчезнувшій, извѣстную въ Малороссіи подъ именемъ всесвѣтней свахи.

Общество собралось многочисленное. По протекціи одного пріятеля я имѣлъ комнатку не уютную, но отдѣльную, такъ что, несмотря на неудобства, все таки я былъ помѣщенъ лучше многихъ. Помню, что послѣ шумнаго завтрака, я отправился къ себѣ покурить и почитать. Проходя мимо главнаго подъѣзда, я услышалъ голоса: «Гребенка! Гребенка» и остановился. Е. П. подъѣзжалъ къ крыльцу въ сопровожденіи незнакомца. Они вышли. Спутникъ его былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе. Гребенка тотчасъ же поздоровался

со мною, взялъ за плечи и, толкнувъ на своего спутника, познакомилъ насъ. Это былъ Т. Г. Шевченко. Послѣдній зналъ меня по стихотворному посланію къ нему, напечатанному въ «Молодикѣ» и крѣпко обнялся со мною. Дорожнымъ надо было умыться и привести въ порядокъ костюмы. Я пригласилъ ихъ въ свою комнату. Гребенка скоро ушелъ внизъ, а Тарасъ Григорьичъ остался со мною. Я упомянулъ о своемъ стихотвореніи не изъ самолюбія, напротивъ, я считаю его слабымъ, но потому что это было первое печатное заявленіе сочувствія и уваженія Украинца къ народному поэту, и Шевченко нѣсколько разъ произнесъ мнѣ свое искренное «спасибі», которое, какъ извѣстно всѣмъ знавшимъ его близко, имѣло особенную прелесть въ устахъ славнаго Кобзаря. Но не долго мы разговаривали. Вѣсть о пріѣздѣ Шевченка мигомъ разлилась по всему дому, и квартира моя вскорѣ наполнилась почитателями, приходившими познакомиться съ роднымъ поэтомъ. Пришелъ и Гребенка и мы отправились въ залу. Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя барыни, которыя иначе не говорили, какъ по французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали появленія Шевченка. Поэтъ видимо былъ тронутъ блистательнымъ пріемомъ, и послѣ обычнаго представленія хозяйкѣ, которая рѣшительно не понимала кого ей представляли, Шевченко усѣлся въ кругу дамъ въ обществѣ С. Л. З—ой. Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя не признавали не только украинской, но и русской поэзіи, и бредили только Гюго и Ламартиномъ. Скоро Шевченко сдѣлался какъ свой со всѣми и былъ точно дома. Многія хорошенькія особы читали ему наизустъ отрывки изъ его сочиненій, и онъ въ особенности хвалилъ чистоту полтавскаго нарѣчія. Вліяніе этой чистой рѣчи отразилось на его послѣднихъ произведеніяхъ, а въ первыхъ замѣтно преобладаніе заднѣпровскаго говора. Послѣ ужина одна веселая мужская компанія увлекла Шевченка въ свои комнаты, куда услужливый буфетчикъ отпустилъ приличное количество увеселительныхъ напитковъ. Среди шумныхъ тостовъ и привѣтствій Тарасъ подсѣлъ ко мнѣ и сказалъ, что

онъ не надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ, и что ему очень нравились иныя «молодиці и дівчата». Вообще онъ былъ въ духѣ и не говорилъ иначе, какъ по украински.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о небольшомъ кружкѣ, который овладѣлъ Шевченкомъ. Тѣсный кружокъ умныхъ и благородныхъ людей, преимущественно гуманныхъ и пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ собутыльниковъ, которые, не находя ли дѣятельности въ тогдашней средѣ, не успѣвъ ли отрѣшиться отъ юной разгульной жизни, единственнымъ наслажденіемъ находили удовольствіе похмѣлья и девизомъ своимъ избрали извѣстную латинскую пословицу «in vino veritas.» Слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала однакоже членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечеромъ нализывались до того состоянія, когда языкъ прилипаетъ къ гортани и въ глазахъ двоятся предметы. Кружокъ этотъ носилъ названіе «общества мочемордія» вслѣдствіе того, что на языкѣ его не существовалъ глаголъ пьянствовать, а замѣнялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питухъ назывался «мочемордой» или по крайней мѣрѣ имѣлъ право на это названіе. Въ противоположность—неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось «сухомордіе или сухорыліе». Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Въ награду усердія у нихъ существовали отличія: сивалдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни, или просто при съѣздахъ, они совершали празднества въ честь Бахуса, и вотъ какъ сзывались мочеморды на эти празднества: басъ гудѣлъ: «ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ!», тенора подхватывали «полпиво! полпиво! глинтвейнъ! глинтвейнъ!» а дисканты выкрикивали: «бѣла, красна, сладка водка!» Великій магистръ произносилъ приличную рѣчь, и мочеморды предавались своимъ возліяніямъ. Всѣ горячіе напитки считались достойными, но существовало одно условіе, вслѣдствіе

котораго истый мочеморда, для поддержанія чести общества, не долженъ былъ употреблять простой водки, а непремѣнно настойку, если не дѣйствительную, то хоть прикрытую этимъ названіемъ. Такъ напр. въ случаѣ сильнаго недостатка мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за неимѣніемъ подъ рукою никакой специіи, вбрасывался гривенникъ. Старѣйшиной тогда былъ В. А. З—ій, носившій титулъ высокопьянѣйшества и получившій большой штофъ черезъ плечо. Умный и благородный человѣкъ, гусаръ въ отставкѣ, З—ій цѣлый день бывалъ душею общества, и всѣ, кто слушалъ его разсказы о похожденіяхъ мочемордъ въ обоихъ полушаріяхъ, хватались за бока отъ смѣха, и въ тѣ минуты отъ него нельзя было оторваться. Съ крестьянами онъ обходился необыкновенно кротко и иначе не отзывался къ нимъ, какъ съ какою нибудь шуткой. Однажды при мнѣ гдѣ-то на балѣ, послѣ ужина пошли мы въ свои комнаты. З—ій горевалъ, что мало съѣхалось истинныхъ мочемордъ «все этакое сухорыліе» и собирался ложиться спать «чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!» Слуга его встрѣтилъ насъ шатаясь. З—ій расхохотался.

— Каковъ попъ таковъ и приходъ! проговорилъ онъ, и, доставъ изъ кармана полтинникъ, прибавилъ:—о! достойный сынъ Бахуса! ступай же и мочи морду до разсвѣта.

Это была чрезвычайная рѣдкость въ то время, когда иные помѣщики, пившіе безъ просыпу, строго наказывали людей, если послѣдніе хоть изрѣдка пробовали подражать господамъ своимъ.

Къ В. З—му сошлось нѣсколько истыхъ мочемордъ отпраздновать знакомство съ Шевченкомъ, и какъ все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать съ ними до разсвѣта.

Два дня пробыли мы вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Мосевкѣ и, разставаясь, дали слово другъ другу повидаться при первой возможности, указавъ разныя мѣстности, гдѣ располагали быть въ извѣстное время приблизительно. Заѣзжалъ онъ потомъ ко мнѣ, провожалъ я его къ общимъ знакомымъ,

и въ эти то поѣздки я успѣлъ поближе всмотрѣться въ эту интересную личность, о которой еще до появленія въ Малороссіи ходили разнорѣчивые слухи. Осторожный ли отъ природы или вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ молодости, сложившихся такой тяжелой долей, Шевченко при всей видимой откровенности не любилъ однакоже высказываться. Мнѣ какъ то удалось сразу подмѣтить эту черту, и я никогда не безпокоилъ его никакими вопросами, пока онъ самъ не начиналъ разговора.. Помню, однажды, осенью, у насъ въ домѣ, долго сидѣли мы и читали Dziady Мицкевича. Всѣ давно уже улеглись. Тарасъ сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо. Я остановился перевесть духъ и покурить. Только что я прочелъ сцену, когда Густавъ разсказывалъ священику свою послѣднюю встрѣчу съ милой.

— А що ти втомивсь и хочешь стать (*)? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, а хочу покурить.

— И справді. А знаешь що? можебъ выпить чаю! такъ ма буть хлопчикъ спыть уже сердешный (**).

— Развѣ-же и безъ него мы не съумѣемъ. Погоди я соберу припасы, поставимъ самоваръ.

— Отъ и добре! пóрайся жъ ты тутечки, ая побіжу но воду до криниці (***).

— Вода есть, а на дворѣ слышишь какой вѣтеръ.

— Байдуже. Хочу пробігатись (****).

И Т. Г., отыскавъ ведро, пошелъ садомъ. Вскорѣ ко

(*) Шевченко со мной говорилъ всегда по украински и потому я иначе и не могу передавать его рѣчи. Для великорусскихъ читателей предлагаемъ переводъ:

«А что ты усталъ и хочешь спать?»

(**) И въ самомъ дѣлѣ. А знаешь что? Не напиться ли намъ чаю.. Только, я думаю, мальчикъ спитъ уже бѣдняжка.

(***) Вотъ и хорошо. Хлопочи же ты здѣсь, а я сбѣгаю за водой къ колодезю.

(****) Мнѣ все равно. Хочу пробѣгаться.

мнѣ донесся звучный его голосъ, напѣвавшій любимую тогда имъ пѣсню:

«Та нема въ світі гіршъ нікому
Якъ сироті молодому.»

Общими силами приготовили мы чай, и когда усѣлись за столъ, онъ, позабывъ о Мицкевичѣ, началъ мнѣ разсказывать все свое прошедшее. Лишнимъ будетъ говорить, что разсвѣтъ засталъ насъ за бесѣдой, и тогда только я вполнѣ понялъ Тараса. Но Шевченко уже разочаровался въ нѣкоторыхъ нашихъ панахъ и посѣщалъ весьма не многихъ. Не отсутствіе радушія или вниманія, не какое нибудь высокомѣріе оттолкнули его, а печальная власть бывшаго крѣпостнаго права, выражавшаяся въ той или другой неблаговидной формѣ, приводила эту благородную душу въ самое мрачное настроеніе. Хоть передъ нимъ вездѣ всѣ старались показывать домашній бытъ свой въ праздничномъ видѣ, однако трудно было обмануть человѣка, подобнаго Шевченку, который, выйдя самъ изъ крѣпостнаго сословія, очень хорошо зналъ кулисы и декораціи на сценѣ помѣщичьей жизни.

Мнѣ очень памятенъ одинъ случай. Въ уѣздномъ городкѣ Л...., не желая отстать отъ другихъ, одинъ господинъ пригласилъ Шевченка обѣдать. Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему... не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ... Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила не мало горя нашему поэту....

Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла лучшія минуты.

Т. Г. изъ иностранныхъ языковъ зналъ одинъ лишь

польскій, и перечиталъ на немъ много сочиненій. Какъ нарочно въ то время я самъ прилежно занимался польской литературой и у меня собралось довольно книгъ и журналовъ. Въ ненастную погоду Шевченко не встаетъ бывало съ постели, лежитъ и читаетъ. Онъ не любилъ Поляковъ, но къ Мицкевичу чувствовалъ какое-то особенное влеченіе. Зная Байрона лишь по нѣсколькимъ русскимъ переводамъ, Т. Г. художническимъ чутьемъ угадывалъ великость міроваго поэта; но читая великолѣпные переводы Мицкевича изъ Байрона, онъ приходилъ всегда въ восторгъ въ особенности отъ «Доброй Ночи» изъ Чайльдъ-Гарольда. Дѣйствительно, пьеска эта не уступаетъ подлиннику и вылилась у поэта гармоническими и симпатичными стихами. Т. Г. долгое время любилъ повторять строфу:

Sam jeden błądząc po swiecie szerokim
Pędę życie tułacze,
Czegoż mam płakać za kim i po kim
Kiedy nikt po mnie nie płacze?

Нѣсколько разъ принимался онъ переводить лирическія пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивалъ и разрывалъ на мелкіе куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой нибудь казался тяжелымъ или невѣрнымъ, Шевченко бросалъ и уничтожалъ всѣ предъидущія строфы.

— Мабуть сама доля не хоче, говаривалъ онъ, щобъ я перекладавъ лядські пісні (*).

Въ 1844 г. разстались мы на долго. Случай увлекъ меня на Кавказъ и Закавказье, гдѣ величественная природа и совершенно незнакомый край съ его дикимъ населеніемъ поглотили все мое вниманіе. Я не имѣлъ вѣстей о Шевченкѣ, но вездѣ, гдѣ находилъ нѣсколько Украинцевъ въ кругу-ли

(*) Вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскія пѣсни.

чиновниковъ или въ какомъ нибудь полку, вездѣ встрѣчалъ я истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамакъ» и полное, искреннее сочувствіе ихъ автору.

По возвращеніи на родину, я встрѣтился съ Т. Г. въ уѣздномъ своемъ городѣ, чрезъ который онъ проѣзжалъ изъ Миргорода, гдѣ сошелся съ Л....мъ. Шевченко хлопоталъ о подорожной, и какъ время было послѣ полудня и всѣ городскія власти спали по обычаю послѣ обѣда, то и не представлялось возможности исполнить его желаніе. Полученіе подорожной дѣйствительно у насъ обставлено весьма стѣснительными формами для проѣзжаго. Я предложилъ Шевченку заѣхать ко мнѣ, погостить день, другой, а потомъ обѣщалъ доставить его куда надобно. Онъ спѣшилъ къ З...му, но тотчасъ же принялъ мое предложеніе и мы отправились въ Исковци. Т. Г. разсказалъ мнѣ, что сблизился съ В. А., который не сложилъ еще съ себя званія старшины общества мочемордъ и подвизался въ немъ съ успѣхомъ во славу Бахуса. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ множество анекдотовъ. Въ два дня Т. Г. прочелъ мнѣ нѣсколько своихъ сочиненій. Дивныя вещи были у Шевченка. Изъ большихъ въ особенности замѣчательны: Іоаннъ Гусъ, поэма и мистерія безъ заглавія. Въ первой онъ возвысился, по моему мнѣнію, до своего апогея, во второй, уступавшей Гусу по содержанію, онъ разсыпалъ множество цвѣтовъ чистой украинской поэзіи.....

Шевченко разсказывалъ мнѣ, что прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности — не оставлялъ въ покоѣ ни одного Чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у которыхъ распрашивалъ топографическія и этнографическія подробности.

Считаю обязанностью упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое освѣщаетъ съ чрезвычайно важной стороны личность Шевченка. Напечатано было его русское стихотвореніе «Тризна». Онъ нашелъ его у меня и засмѣялся своимъ симпатичнымъ смѣхомъ.

— Ты читавъ? спросилъ онъ, и на утвердительный мой отвѣтъ прибавилъ; отъ треба було выскочить якъ Пилипъ зъ конопель. Чому не писать, коли сверблять руки, а друковать не годилось (*).

— Говоря правду ты лучше пишешь по нашему.

— Отъ спасибі! А де хто хотівъ одурить мене, зачепить, знаешь авторске самолюбіе, такъ я жъ и самъ бачу. Швець зной свое шевство, а у кравецтво не мішайся (**), прибавилъ онъ съ улыбкою.

Бросивъ книгу, онъ улегся на кровать.

— Нехай ему цуръ! Ось сядь лишъ, та роскажи мині про Кавказъ и про Черкесівъ (***).

Долго мы бесѣдовали о горцахъ; его все занимало, онъ разспрашивалъ о малѣйшихъ подробностяхъ тамошняго быта. Потомъ мы мечтали о поѣздкѣ по Днѣпру въ дубѣ на Запорожье, потомъ до Лимана, поискать остатковъ старины, исчезающихъ уже отъ изслѣдователей; но какъ у насъ у обоихъ не хватало средствъ, то мы и откладывали это до болѣе благопріятнаго времени.

Зимой мы съѣхались у З—кихъ. Шевченко былъ у нихъ какъ свой и съ удовольствіемъ проживалъ въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Иногда съѣзжались къ В. А. нѣкоторые поклонники Бахуса и совершались знаменитыя празднества. Но Т. Г. любилъ и женское общество, нерѣдко просиживалъ въ гостиной у хозяйки въ дружескомъ кружкѣ, весело болтая, слушая музыку, или звучнымъ своимъ голосомъ распѣвая заунывныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія поклон-

(*) Надобно же было выскочить какъ Филипу изъ конопли (народ. поговорка). Отчего не писать, если чешутся руки, но печатать не слѣдовало.

(**) Благодарю. А кое кто хотѣлъ обмануть меня, знаешь, зацѣпить авторское самолюбіе, но я же и самъ вижу. Сапожникъ знай свое ремесло и не мѣшайся въ портняжество.

(***) Богъ съ нимъ! Садись лучше до разскажи мнѣ про Кавказъ и про Горцевъ.

никовъ Бахуса не въ состояніи были его отнять у насъ, и кончалось тѣмъ, что В. А. съ товарищими приходилъ изъ флигеля и всѣ вмѣстѣ мы просиживали далеко за полночь. Однажды мы собрались къ роднымъ З—ихъ, верстъ за десять. Время прошло незамѣтно. М. А. превосходно играла Шопена, С. А. разсказывала занимательные эпизоды изъ прежняго быта украинскихъ пановъ. Т. Г. былъ веселъ и разговорчивъ. Давно уже повечерѣло, мы начали собираться въ обратный путь. Горничная объявила, что расходилась мятель. По обычаю насъ начали удерживать, но молодыя спутницы наши рѣшились ѣхать тѣмъ болѣе, что дорога знакомая, лошади отличныя, да и мятель, по видимому, не могла въ часъ времени разыграться до такой степени, чтобы уничтожить слѣдъ. Призвали кучера и тотъ съ своей стороны ободрилъ и сказалъ, что въ случаѣ необходимости— онъ не пожалѣетъ лошадей и доставитъ насъ въ полчаса на мѣсто. В. А. тотчасъ же сдѣлалъ свое распоряженіе. Онъ попросилъ бутылку рому и предложилъ Т. Г. распить ее на всякій случай: во-первыхъ для сохраненія подолѣе теплоты, если бы пришлось сбиться съ дороги, во-вторыхъ съ цѣлью поскорѣе уснуть и не чувствовать никакихъ непріятностей. Но Шевченко не внялъ убѣжденіямъ пріятеля и не исполнилъ его желанія. Тогда В. А, осушивъ ромъ во славу Бахуса, завалился въ свою кибитку и пожелалъ всѣмъ намъ покойной ночи. Мы размѣстились въ саняхъ съ барынями и выѣхали за ворота. Разыгрывалась степная мятель, не та, которая, осыпая снѣгомъ сверху, залѣпляетъ глаза, но не шибко заметаетъ дорогу, а самая страшная, низовая, которая, вырывая снѣгъ съ земли, крутитъ его въ воздухѣ, и съ визгомъ и какимъ-то воемъ носится надъ обширной степью. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже не видѣли огней усадьбы. Лошади сперва бѣжали бодро, но скоро кучеръ извѣстилъ, что мы сбились съ дороги, и когда мы раздумали поворотить назадъ, то никто не зналъ какое принять направленіе. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ измѣнялся безпрерывно. Дамы не много трухнули, тѣмъ болѣе, что въ это время по степямъ обыкновенно рыскаютъ стаи волковъ, а нѣсколько дней назадъ, какъ нарочно, мы провели вечеръ въ разсказахъ о подоб-

ныхъ приключеніяхъ. Дѣлать было нечего; рѣшились пуститься на волю судьбы съ надеждой, что прибьемся куда нибудь, если не заберемъ вправо отъ почтовой Кіевской дороги. Кучеръ нашъ ѣхалъ небольшой рысью; В. А., уснувшій въ своей кибиткѣ, не слыхалъ ничего происходившаго, а его возница старался только не отстать. Мятель усиливалась. Мы съ Т. Г. предлагали дамамъ обычное средство пристать у какой нибудь скирды сѣна, развесть огонь и грѣться до утра; но дамы и слышать не хотѣли, надѣясь, что какъ нибудь добьемся. При свѣтѣ спички, которую удалось мнѣ зажечь въ шапкѣ, посмотрѣлъ я на часы. Было за полночь. А мы выѣхали часовъ около 7.... и ни признака жилья, ни собачьяго лая, столь отраднаго путнику, сбившемуся съ дороги.

Дамы начали было ободряться при мысли, что одѣтые тепло, мы не замерзнемъ, что съ полуночи волки не такъ уже бродятъ, и мало по малу пошли разсказы. Т. Г. запѣлъ «Ой не шуми луже!» мы начали ему вторить.... Но тутъ ураганъ разразился съ ужасной силой, лошади остановились, пѣсня наша замолкла, и вой порыва, пронесшагося мимо, показался намъ воемъ голодныхъ волковъ. Кибитка В. А. чуть не наѣхала на насъ. Лошади ни съ мѣста. Мы врѣзались въ сугробъ, какіе обыкновенно образуются во время мятели по низменностямъ. Общими силами вытащили мы санки и снова поѣхали шагомъ.

— А що, Тарасе? спросилъ я, усаживаясь весь въ снѣгу на свое мѣсто.

А онъ въ отвѣтъ запѣлъ мнѣ строфу изъ запорожской пѣсни.

Ой которі поспішали, —
Ті у Січи зімували,
А которі зоставали, —
У степу пропадали.

Отчаяніе начало овладѣвать нашими спутницами, и много надо было усилія Шевченку успокоить ихъ. Онъ началъ импровизировать «Мятель» и сложилъ нѣсколько строфъ, которыя однакоже разнеслись вслѣдъ за порывами бури, по-

тому что впослѣдствіи ни онъ, ни мы не могли ихъ вспомнить. Кажется, что у меня уцѣлѣли нѣкоторые отдѣльные стихи, по не привожу изъ боязни, чтобы не вмѣшалась какая нибудь строчка собственнаго сочиненія. Знаю только, одинъ куплетъ выражалъ мысль, что козакамъ и умирать было бы хорошо въ обществѣ такихъ милыхъ спутницъ.

Мы подавались впередъ, рѣшительно не зная направленія, но чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большей надеждой на спасеніе, потому что близко было къ разсвѣту.... Наконецъ дамы наши усмотрѣли въ сторонѣ огонекъ.... Кончено; спасены. Кучеръ пріударилъ лошадей, которыя, почуявъ близость отдыха и корма, не смотря на изнуреніе, пустились бѣжать рысью, и скоро мы выбрались къ постоялому двору на почтовой Кіевской дорогѣ. Весь фасадъ былъ освѣщенъ, въ окнахъ мелькали тѣни, за воротами слышались возгласы суетившихся извощиковъ. Хотя до дому оставалось не далеко, но мы рѣшились отдохнуть часа два на постояломъ. Рыцарь большаго штофа спалъ какъ убитый и изъ кибитки его раздавался богатырскій храпъ, который звукоподражалъ завыванію бури разными голосами. В. А. едва разбудили, а когда онъ ввалился къ намъ въ теплую комнату, то усердно смѣялся, узнавъ, какъ долго мы блуждали и остроумно началъ доказывать, что нѣтъ ничего на свѣтѣ блаженнѣе мочемордія. Скоро представился ему еще случай привести одно доказательство. Когда перезябшія дамы попросили чаю, на постояломъ дворѣ не оказалось его, потому что хозяинъ держалъ только самоваръ, предоставляя проѣзжимъ возить съ собою припасы; за то водки было сколько угодно. Но я досталъ чаю у какой-то проѣзжей барыни, которой разсказалъ наше приключеніе, и два часа, проведенные нами до разсвѣта въ корчмѣ, принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Мы ихъ вспоминали не разъ съ Шевченкомъ.

Но сошлись мы съ Т. Г. тѣснѣе въ 1846 г. Однажды неожиданно заѣхалъ онъ ко мнѣ передъ масляницей — блѣдный и съ обритою головою по случаю недавней горячки. Тогда онъ постоянно носилъ черную бархатную шапочку. Я и не зналъ, что онъ больной въ нѣсколькихъ верстахъ лежалъ въ П. уѣздѣ. Во время болѣзни Шевченко написалъ много стихо-

твореній. Въ этотъ и послѣдній разъ—онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Исковци съ цѣлью пригласитѣ меня сопутствовать ему по Молороссіи: онъ располагалъ срисовыть древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ, а для меня какое бы то ни было путешествіе сдѣлалось необходимостью. На этотъ разъ мы разсчитывали ѣхать въ Черниговъ на короткое время, а оттуда въ Кіевъ. Мы тотчасъ же составили планъ отправиться въ Л. на ярмарку, потомъ посѣтить Нѣжинъ, дорогой для меня по воспоминаніямъ. Въ Л. съѣхалось много помѣщиковъ, приглашеніямъ не было конца, но мы отдѣлались и выѣхали прямо въ Нѣжинъ, который тоже развернулся на масляницѣ. Но здѣсь я не могу не занести одного факта. Въ то время какъ въ Пр... перепрягали намъ лошадей — это было ночью — въ сосѣдней улицѣ случился пожаръ. Горѣла убогая лачужка. Народъ сбѣгался, но тушили и помогали преимущественно Евреи, потому что въ лачугѣ жилъ ихъ единовѣрецъ. Мы прибѣжали на пожаръ въ свою очередь, и Т. Г. бросился спасать имущество погорѣльцевъ. Онъ наравнѣ съ другими выносилъ разный хламъ и по окончаніи держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ то неохотно дѣйствовало на томъ основаніи, что «горѣлъ жидъ.» При всей нелюбви своей къ этому племени, что неудивительно было тогда не только въ простомъ Украинцѣ, слышавшемъ еще отъ живыхъ свидѣтелей о поступкахъ Евреевъ за Днѣпромъ, но и въ высшихъ классахъ общества, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Пріѣздъ Шевченка въ Нѣжинъ не могъ остаться тайною. Двери наши не затворялись; въ особенности насъ посѣщали студенты и въ числѣ ихъ Н. В. Гербель, бывшій тогда въ послѣднемъ курсѣ. Въ четвергъ мы отправились въ собраніе. Тутъ случилось маленькое происшествіе. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ не хотѣлъ было впустить Шевченка на томъ основаніи, что послѣдній былъ въ бархатной шапочкѣ, но щекотливому сему мужу объяснили, что Т. Г, въ какомъ бы ни былъ костюмѣ — дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ.

Поэтъ много смѣялся этому приключенію. На другой день мы все разъѣзжали по гостямъ, и тогда же онъ написалъ Гербелю въ альбомъ четыре стиха изъ одной своей пьесы:

За думою дума роемъ вылітае,
Одна давить душу, друга роздирае,
А третяя тихо, тихесенько плаче,
У самому серці, може й Богъ небачить.

Надобно сказать, что Шевченко кромѣ полнѣйшаго безкорыстія—не любилъ и даже боялся всевозможныхъ денежныхъ разсчетовъ, и если ему случалось сходиться съ кѣмъ нибудь и быть нѣкоторое время вмѣстѣ, — онъ отдавалъ товарищу свои деньги и просилъ избавить его отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. Когда мы выѣхали изъ Л. онъ отдалъ мнѣ свою кассу, которая, какъ и моя, была не въ блистательномъ положеніи, но при умѣренной жизни намъ должно было хватить денегъ по май мѣсяцъ. Признаюсь, что я и самъ небольшой мастеръ обращаться съ деньгами, но какъ то болѣе Шевченка боялся за истощеніе нашихъ средствъ, й потому, принявъ на себя казначейскую обязанность, началъ нѣкоторымъ образомъ скупиться, въ особенности не выходить изъ бюджета, составленнаго на масляничныя увеселенія. Тарасъ одобрилъ мой планъ, и мы жили довольно разсчетливо по нашему крайнему разумѣнію. Какъ теперь помню, проснулись мы въ субботу довольно рано, и пока не являлись гости и намъ не предстояло еще отправляться къ знакомымъ, я хотѣлъ пойдти въ лавки купить нѣкоторые припасы, потому что мы рѣшились выѣхать послѣ бала въ Черниговъ и такимъ образомъ заключить масляницу. Выходя изъ дому, я просилъ Шевченка приготовить чай.

— Не хочецця мині уставать, проговорилъ онъ—щось я утомився, такъ бы и кабанувавъ цілісенькій день. Нехай приносять самоваръ, а прийдешъ самъ и зробишъ чаю (*).

Я согласился и вышелъ.

(*) Не хочется мнѣ вставать: что-то утомился я, такъ и валялся бы цѣлый день. Пусть приносятъ самоваръ, а придешь, самъ приготовишь.

Возвращаюсь минутъ черезъ двадцать. Т. Г. былъ одѣтъ. За столомъ сидѣлъ какой-то юнкеръ, пилъ чай и подливалъ себѣ въ стаканъ рому изъ графинчика, поданнаго услужливымъ номернымъ.

— Отъ намъ Богъ и гостя пославъ, сказалъ мнѣ Шевченко.

Юнкеръ счелъ нужнымъ мнѣ отрекомендоваться. Къ намъ часто являлись посѣтители, но при взглядѣ на послѣдняго у меня возникло какое-то темное подозрѣніе, что посѣтитель этотъ былъ привлеченъ не собственно желаніемъ познакомиться съ украинскимъ поэтомъ, а съ другой цѣлью. Но я старался быть какъ можно привѣтливѣе. Юнкеръ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ давно уже извѣстныхъ, и когда не оказалось болѣе рому, онъ громко кликнувъ номернаго, приказалъ подать еще графинчикъ. Мнѣ это не понравилось, и смущалъ меня не лишній полтинникъ, но перспектива сообщества съ неизвѣстнымъ господиномъ, который съ окончаніемъ второй порціи рома могъ сдѣлаться невыносимымъ. Напившись чаю, юнкеръ отозвалъ Шевченка въ сторону и что-то шепталъ минуты двѣ, потомъ раскланялся и вышелъ.

— Дай мині три карбованця, (рубля) сказалъ мнѣ несмѣло Тарасъ, смотря на меня съ своей добродушной улыбкой, и по лицу видно было, что онъ готовъ разсмѣяться.

— Вѣроятно тому? спросилъ я тихо, указывая на дверь.

Онъ махнулъ рукою. Я досталъ денегъ. Шевченко взялъ шапку и вышелъ. Возвратясь, онъ разсказалъ мнѣ, что юнкеръ, войдя къ намъ въ № и отрекомендовавшись, признался ему, что проигралъ казенныя деньги и просилъ одолжить ему пять рублей, не пополнивъ которыхъ, онъ могъ ожидать большихъ непріятностей. Т. Г. по мягкосердію тронулся его положеніемъ какъ молодаго мальчика и обѣщалъ помочь, пригласивъ напиться чаю. Но когда гость, осушивъ графинчикъ рому, потребовалъ другой, то, не смотря на это похвальное служеніе Бахусу, Тарасъ рѣшился уменьшить пожертвованіе и далъ три рубля, примолвя мнѣ только шутливо, чтобъ я не разсказалъ В. А. З—му, который могъ обидѣться за такое равнодушіе къ истинному мочемордію. Онъ никогда не отказывалъ просящимъ, и бывали вре-

мена, когда у насъ общій капиталъ понижался до нѣсколькихъ гривенъ, Т. Г. бралъ всегда мелкую монету для раздачи милостыни. Участье къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводило его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ, и это еще болѣе располагало каждаго къ его личности. Иногда впрочемъ послѣ наглаго обмана, вытаскивавшаго у него послѣднія деньги, онъ сердился и давалъ слово быть осмотрительнѣе; но какая нибудь новая попрошайка, искусно скорченная мина, жалобный голосъ, и Тарасъ не выдерживалъ. Разумѣется, уважая подобное направленіе, я никогда не говорилъ ему объ этомъ, потому что не производить же слѣдствія—стоитъ или не стоитъ подать милостыню; но многіе знокомые изъ участія совѣтовали Шевченку беречь свои финансы.

— Я и самъ знаю, отвѣчалъ онъ, та нехай лучше тричі одурять мене, а все таки у четверте подамъ тому, хто справді не бачивъ може шматка хліба (*).

Мы въ Нѣжинѣ не скучали, но, не смотря на всеобщее радушіе, на присутствіе прелестной М. С. К., извѣстной тогда красавицы въ Малороссіи, кружившей всѣмъ головы, рѣшились оставить городъ, въ которомъ не было дѣла, и поселиться въ Черниговѣ, гдѣ имѣлись въ виду интересныя древности. Послѣ бала, въ субботу, полусонные выѣхали мы изъ Нѣжина и прибыли на другой день подъ вечеръ въ Черниговъ. Надремавшись въ дорогѣ, мы уже не ложились спать, а пообѣдавъ, отправились въ благородное собраніе, гдѣ съ утра еще собрались на folle journée. Намъ чрезвычайно интересно было войдти въ общество, гдѣ не предвидѣлось ни души знакомой, и Тараса въ особенности занимала мысль—не пристанетъ ли къ нему кто нибудь за шапочку. Никто однакоже не присталъ, я неожиданно встрѣтилъ двухъ старыхъ товарищей, и скоро вѣсть о Шевченкѣ разошлась по залѣ. Но Т. Г., познакомясь съ нѣсколькими своими почитателями, вскорѣ уѣхалъ, и они гдѣ-то провожали масля-

(*) Я самъ знаю, но пусть лучше три раза обманутъ меня, а все таки въ четвертый подамъ тому, кто дѣйствительно не видалъ, можетъ быть, куска хлѣба.

ницу. Я оставался въ собраніи до конца. Общество было не большое, но пріятное, за исключеніемъ немногихъ личностей, которыя обыкновенно водятся во всѣхъ городахъ и служатъ необходимой принадлежностью каждаго собранія. На другой день я проснулся первый, не думая будить товарища, сдѣлалъ себѣ чаю и не помню уже отчего—мнѣ пришла фантазія описать въ стихахъ вчерашній балъ, давъ названіе цвѣтовъ и растеній всему прекрасному полу. Когда проснулся Шевченко и я прочелъ ему свое стихотвореніе, оно понравилось ему до того, что заставивъ меня повторить, онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу, взялъ карандашъ и на поляхъ сдѣлалъ иллюстрацію, сколько могъ запомнить иную личность. Разумѣется, сходства не было, потому что въ часъ времени не могъ же онъ разглядѣть незнакомыхъ физіономій; но было много комизма въ фигурахъ иныхъ растеній, особенно смѣшно вышли — капуста, піонъ, морковь и т. п. Т. Г. необыкновенно усердно занялся дѣломъ и принялъ его близко къ сердцу.

— Ось знаешъ що, сказалъ онъ, ось перепиши—лишень на чисто и зоставь мині більшъ місця—я горненько иллюструю (*).

Пока онъ пилъ чай, я переписалъ стихотвореніе, а къ обѣду была готова мастерская иллюстрація, которая долго сохранялась у меня, но въ прошломъ году утрачена вмѣстѣ съ другими интересными для меня бумагами.

Проведя вечеръ у новыхъ знакомыхъ, Шевченко на другой день поѣхалъ въ Троицкій монастырь къ преосвященному просить позволенія срисовать древнюю утварь, но скоро возвратился, получивъ разрѣшеніе приступить съ четверга—непомню уже вслѣдствіе какой причины. Насъ посѣтили нѣсколько человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ уголокъ иллюстрированнаго бала, вытащилъ его изъ подъ бумагъ и прежде чѣмъ я успѣлъ замѣтить это—началъ читать вслухъ. Скрываться не предстояло возможности. Въ стихотвореніи не имѣлось ничего оскорбительнаго, а тѣмъ болѣе не было

(*) Знаешь ли что, перепиши-ко на бѣло, да оставь мнѣ побольше мѣста,—я хорошенько иллюструю.

выставлено ни одного имени, при томъ же въ концѣ второй недѣли мы собирались выѣхать изъ Чернигова, и волей неволей нѣсколькимъ человѣкамъ сдѣлались извѣстными наши невинныя продѣлки. Разумѣется, все находили забавнымъ, кое-что вѣрнымъ, въ особенности хвалили мастерской карандашъ, и тутъ же мы узнали многія интересныя подробности. Т. Г. напомнилъ однакоже посѣтителямъ украинскую пословицу «своя хата покришка», которой есть равносильная и на русскомъ: «изъ избы сору невыносить». Намъ дали слово. Подъ вечеръ къ намъ заѣхалъ одинъ изъ этихъ господъ и убѣдительно началъ просить позволенія взять на полчаса листокъ съ тѣмъ, что кромѣ его жены никто не увидитъ. Мы подумали; потомъ, рѣшивъ, что намъ, какъ перелетнымъ птицамъ, черезъ нѣсколько дней приходилось оставить городъ, можетъ быть, и навсегда, рискнули исполнить желаніе добраго человѣка, показавшаго такое расположеніе и хлопотавшаго объ облегченіи приступа къ занятіямъ для Шевченка. Я отдалъ листокъ.

— А вінъ збреше, сказалъ мнѣ Тарасъ по уходѣ посѣтителя, не самій тільки жінці вінъ іого покаже... Та дарма! (*).

Дѣствительно, онъ не ошибся. Листокъ былъ возвращенъ намъ уже на другой день, побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ и произведя противоположные эффекты, какъ и надо было ожидать. О послѣдствіяхъ мы скоро были извѣщены, и Т. Г. такъ смѣялся, какъ я рѣдко помню.

— Буде тобі, говорилъ онъ мнѣ, якъ росходятця морква та капуста.

Надобно же было случиться, что въ Черниговѣ, во-первыхъ, нашлось довольно древностей, которыя нужно было срисовать, во-вторыхъ, Шевченко получилъ просьбы снять нѣсколько портретовъ. Такимъ образомъ неожиданно остались мы въ городѣ, въ которомъ по нескромности одного индивидуума, часть общества была вооружена противъ насъ и хотя, повторяю, ни въ стихотвореніи, ни въ иллюстраціи небыло ничего оскорбительнаго, однако положеніе наше не могло назваться спокойнымъ, если принять во вниманіе, что

(*) А онъ солжетъ и покажетъ не одной только своей женѣ. Ну да ничего.

въ небольшомъ городѣ все общество постоянно собиралось вмѣстѣ. Сперва мы рѣшились было жить анахоретами, но приглашенія были такъ искренны и въ нѣкоторыхъ домахъ принимали насъ такъ радушно, что, очертя голову, мы начали появляться въ черниговскомъ свѣтѣ. Въ двухъ домахъ въ особенности часто собирались—у губернатора и губ. предводителя, гдѣ насъ окружали всевозможнымъ вниманіемъ и гдѣ дѣйствительно радушіе и безцеремонный пріемъ всѣхъ и каждаго—были первымъ и главнымъ условіемъ. Небольшой кружокъ былъ оживленъ присутствіемъ пріѣзжаго изъ Петербурга кн. У—ва, который умѣлъ расшевелить провинціальное общество,—и вечера проходили чрезвычайно пріятно. Предоставляю читателю судить о положеніи нашемъ съ Шевченкомъ, когда волей-неволей, представленные нѣкоторымъ изъ цвѣтковъ и растеній, игравшихъ не блистательную роль въ нашемъ иллюстрированномъ стихотвореніи, мы должны были играть съ ними въ petits jeux и выдерживать легкіе намеки не весьма пріятнаго для насъ свойства. Это было однакожъ ничего; но намъ жутко пришлось отъ двухъ сестеръ, которыхъ назвалъ я тепличными высокомѣрными розами, и которыя, къ стыду моему, оказались милыми и образованными дѣвушками. Обладая тактомъ и по совѣту матери, онѣ не только не показывали вида недовольства отъ нашей шутки, напротивъ обращались съ нами ласково и съ необыкновенной любезностью. Возвратясь какъ-то домой съ одного очень пріятнаго вечера, Шевченко началъ, нераздѣваясь, молча ходить по комнатѣ и на вопросъ мой — что съ нимъ? отвѣчалъ:

— Лучче бъ этті дівчата вилаяли насъ на усі бокі. (*)

И мы послѣ небольшаго совѣщанія рѣшились ѣхать къ этому семейству и чистосердечно покаяться въ своемъ прегрѣшеніи. Но по странному настроенію судьбы, мать этого семейства предупредила насъ и прислала просить Тараса и меня пріѣхать къ ней запросто обѣдать. Шевченко получилъ заказы сдѣлать портреты обѣихъ барышень, и всѣ непріязненныя отношенія были кончены.

(*) Лучше эти дѣвушки выбранили бы насъ, какъ знали.

Въ это же время познакомился съ нами и бывалъ у насъ С. С. Громека, тогда еще подпоручикъ какого-то пѣхотнаго полка. Окончивъ занятія въ Черниговѣ, Т. Г. уѣзжалъ къ дружески знакомому семейству Л.... въ Седневъ, гдѣ и работалъ, а я оставался въ Черниговѣ и собиралъ по окружностямъ этнографическія замѣтки. Потомъ я заболѣлъ. Шевченко пріѣхалъ и прожилъ со мною, пока мнѣ сдѣлалось лучше. Тогда же онъ снялъ съ меня превосходный портретъ карандашемъ, и снова отправился въ Седнѣвъ, а я послѣ Ѳоминой уѣхалъ въ Кіевъ. У меня въ тетради осталась пѣсня, написанная его рукою. Она напечатана въ 3-мъ номерѣ «Основы», но уже по другой редакціи. Вотъ какъ вылилась она у Шевченка:

Не женися на багатій
Бо вижене зъ хаты,
Не женися й на убогій,
Бо не будешъ спати.
Оженись и вольній волі
На козацькій долі —
Яка буде, така й буде —
Чи гола, то й гола.
Та ніхто не докучае
И не розважае,
Чого болить и де болить
Ніхто не спитае...
У двохъ кажуть и плакати
Мовъ лечше ніначе, —
Не потурай! легше плакать
Якъ ніхто небачить.

Когда Шевченко возвратился изъ Седнева, мы встрѣтили его стараго товарища, художника Сажина и скоро поселились всѣ вмѣстѣ на Крещотикѣ, въ улицѣ, называемой «Козине Болото».

Здѣсь началась новая жизнь съ чрезвычайно-поэтической обстановкой. Шевченко задумалъ снять всѣ замѣчательные виды Кіева, внутренности храмовъ и интересныя окрестности. Сажинъ взялъ на себя нѣкоторыя части, и оба художника пропадали съ утра, если только не мѣшала погода. Я

отправлялся то къ знакомымъ профессорамъ, то розыскивалъ старинныя книги, то ходилъ на Днѣпръ къ рыбакамъ и ѣздилъ на лодкѣ, то искалъ интересныхъ встрѣчъ съ богомольцами, которыхъ десятки тысячъ стекаются въ Кіевъ лѣтнею порою. Ничего не бывало пріятнѣе нашихъ вечеровъ, когда, возвратясь усталые домой, мы растворяли окна усаживались за чай и передавали свои дневныя приключенія. Когда Шевченко рисовалъ внутренность коридоровъ, ведущихъ въ ближнія и дальнія пещеры, я сопутствовалъ ему съ цѣлью изучить любопытныя группы нищихъ, занимавшихъ иногда большую половину коридоровъ и имѣвшихъ какъ бы свои привилегированныя ступеньки. При странномъ освѣщеніи, въ которомъ полумракъ галерей, обсаженныхъ деревьями прерывался вдругъ потокомъ свѣта и яркій треугольникъ прорѣзывалъ наискось часть коридора, группы калѣкъ съ оригинальными лицами, съ лохмотьями и умоляющими голосами — этимъ особеннымъ нищенскимъ речитативомъ—представляли чрезвычайно своеобразное зрѣлище. Нѣсколько мѣдныхъ грошей пріобрѣтали намъ расположеніе этой шумной и оборванной толпы, въ голосѣ которой, мимо грязи, отвратительнаго уродства, иногда пріобрѣтеннаго нарочно изъ корысти, мимо порочныхъ наклонностей, встрѣчались индивидуумы, драгоцѣнные для художника и вообще для наблюдателя. Но извлекать пользу изъ встрѣчъ съ жалкимъ человѣчествомъ, надо было умѣючи. У нищихъ существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали свои ассоціаціи, и въ извѣстномъ кружкѣ все зависѣло отъ атамана или старшины, который обращался деспотически съ своими собратами. Одинъ слѣпой старикъ звѣрскаго вида, но умѣвшій скорчить самую постную физіономію, гудѣвшій какъ бочка въ минуты гнѣва и чуть не пищавшій, когда канючилъ у прохожихъ, — предводительствуя небольшой толпой нищихъ, больно колотилъ ихъ огромной палкой, не разбирая праваго и виноватаго. Особенно это случалось въ тѣ часы, когда отойдутъ обѣдни, а до вечерень еще времени много. Мы, бывало, часто спрашиваемъ у нищихъ, зачѣмъ они терпятъ такого забіяку, но намъ отвѣчали: пусть уже дерется, не долго осталось, на Моковея (1 августа), выберемъ другаго. Атаманъ

этотъ, по словамъ его товарищей, негодился въ городѣ, но въ деревняхъ съ нимъ было любо, потому что онъ имѣлъ обширное знакомство. Тараса поразила его физіономія, и онъ снялъ съ него портретъ. Но дѣйствительно, лицо это было исполнено такой подлости и отверженія, что Шевченко, минутъ черезъ пять по окончаніи, разорвалъ его на части.

— Се такий супесъ, что за шагá заріже чоловіка, дармà що сліпий (*).

Онъ много набрасывалъ фигуръ, и я не знаю, куда дѣвались эти очерки.

По временамъ однакожъ на Шевченка нападала лѣнь, и онъ такъ бывалъ радъ дождливымъ днямъ, что не вставалъ съ постели и читалъ или новые журналы, или необходимыя ему историческія сочиненія, доставать которыя лежала обязанность на мнѣ. Но случалось, что онъ пропадалъ изъ дому сутокъ по двое и это меня безпокоило, потому что общей кассой завѣдывалъ я, а онъ никогда не бралъ съ собой больше двугривеннаго, изъ которыхъ часть употреблялъ на продовольствіе, а остальное раздавалъ бѣднымъ. Случалось, что онъ заходилъ далеко въ окрестности, но иногда встрѣчалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ и пировалъ съ ними. Онъ не любилъ никакихъ разспросовъ.

Собственно о своемъ костюмѣ онъ заботился очень мало, такъ что надобно было надоѣдать ему, если предстояла необходимость заказать какія-нибудь вещи. На деревенскихъ помѣщичьихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но въ Кіевѣ другое дѣло. Было у насъ нѣсколько знакомыхъ изъ высшаго круга. Вотъ иной разъ съ утра Т. Г. и говоритъ, что, поработавъ хорошенько, не мѣшало бы вечеркомъ пойдти куда-нибудь въ гости. Я такъ и прилажу и ожидаю. Возвратится Тарасъ.

— А не хочецця мині натягать оттого фрака, щобъ вінъ слизъ (**).

— Такъ и не надо.

(*) Это такой злодѣй, что за грошъ готовъ зарѣзать человѣка, даромъ, что слѣпъ.

(**) А не хочется мнѣ натягивать фрака, чтобъ онъ пропалъ.

— А можебъ піти запросто.

— Я вижу, что тебѣ не хочется,—ну и посидимъ дома.

— А справді! Ходімъ лучче на Дніпро, сядемъ де небудь на кручі и запіваемъ (*).

И нерѣдко вмѣсто чиннаго салона мы отправлялись къ Днѣпру, садились на утесъ и при видѣ великолѣпной панорамы пѣли пѣсни или думали каждый свою думу. Но случалось,—посѣщали и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ Шевченка принимали съ уваженіемъ, но гдѣ народный поэтъ тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь, и раза два только я помню его разговорчивымъ и любезнымъ въ этомъ обществѣ. Никогда не забуду, какъ однажды, сидя въ довольно большомъ кругу за чаемъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ шопотомъ:

— Аже отто ромъ?

— Ромъ.

— Дивись же, ні одинъ сучий синъ не всипа́ (не наливаетъ).

— Да.

— Знаешъ же и я не питиму.

— Почему же и не подлить немного.

Въ это время хозяйка пододвинула ему флаконъ.

— Тарасъ Григорьичъ, не угодно ли съ ромомъ.

Тарасъ посмотрѣлъ на меня.

— Дякувать! Душно, сказалъ онъ (**).

Здѣсь была одна интересная особа и Шевченко увлекался разговоромъ. Держалъ себя онъ въ обществѣ свободно и съ тактомъ и никогда не употреблялъ тривіальныхъ выраженій. Это замѣтили даже и многія барыни. Когда мы вышли на улицу, ночь была лунная, и вѣтеръ едва шевелилъ вершины серебристыхъ тополей, которыми такъ изобилуютъ нѣкоторыя части Кіева. Шевченко предложилъ пройдтись дальнимъ путемъ, т. е. чрезъ Липки къ саду, и мимо костела подняться на Старый Кіевъ.

(*) И въ самомъ дѣлѣ. Пойдемъ лучше на Днѣпръ, сядемъ гдѣ-нибудь на утесъ и запоемъ.

(**) Благодарю! Жарко.

— На чортоваго батька воли ставлять оттой ромъ, коли и губъ ніхто не умочить, молвилъ Шевченко и засмѣялся. Сказано паны — у іхъ усе на показъ тільки (*).

— Напрасно ты церемонишься.

— Ні, не люблю я у такій бéседі ні чарки горілки, ні шмотка хліба (**).

Зато любилъ онъ простоту семейнаго быта, и гдѣ принимали его не пышно, но искренно, онъ тамъ бывалъ необыкновенно разговорчивъ, любилъ разсказывать смѣшныя происшествія—не анекдоты какъ покойный Основьяшенко, а непремѣнно что нибудь изъ бывалаго, въ чемъ онъ подмѣчалъ комическую сторону. У меня въ Кіевѣ жили родные, небогатые люди, но считавшіе за удовольствіе принять гостя, чѣмъ Богъ послалъ. У тетушки въ особенности подавали превосходный постный обѣдъ, какого дѣйствительно не найдти и у самаго дорогаго ресторатора. По старосвѣтскому обычаю старики соблюдали всѣ посты, и я въ одну изъ середъ или пятницъ познакомилъ съ ними Шевченка. Насъ, разумѣется, не отпустили безъ обѣда. Вся обстановка уже показала Т. Г., что насъ не ожидали никакія церемоніи. Старикъ дядя, коренной Полтавецъ, помнилъ всѣ малѣйшіе обычаи родимаго гостепріимства и произнеся извѣстную фразу «по сій мові, будьмо здорови» выпилъ прежде самъ рюмку настойки, а потомъ предложилъ гостю. Это очень понравилось послѣднему, и онъ принимаясь за рюмку, проговорилъ свою обычную поговорку:

— Якъ то ті пьяниці пьють отцю погань, нехай уже ми люде привичні (***).

Но когда Т. Г. съѣлъ нѣсколько ложекъ борщу, онъ не утерпѣлъ не признаться что если и ѣлъ подобный борщъ, то вѣроятно очень давно, да и врядъ ли когда случалось пробовать. Борщъ этотъ былъ съ сухими карасями, съ свѣжей капустой

(*) Зачѣмъ они ставятъ этотъ ромъ, когда никто и губъ не замочитъ. Извѣстно паны — у нихъ все только для показу.

(**) Нѣтъ, не люблю я въ такомъ обществѣ, ни рюмки водки, ни куска хлѣба.

(***) Какъ то эти пьяницы пьютъ такую гадость, пусть уже мы люди привычные.

и какими то особенными приправами. Подали потомъ пшенную кашу, вареную на роковой ухѣ съ укропомъ, и Шевченко совершенно растаялъ. Старики утѣшались, что могли доставить удовольстіе такому дорогому гостю, а онъ отъ маловажнаго, по видимому, обстоятельства — пришелъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа, и мы просидѣли, я думаю, за столомъ часа три. Послѣ того нѣсколько разъ по желанію Шевченка мы ходили обѣдать въ постные дни къ старикамъ, только бывало я заранѣе предварю тетушку и постный борщъ удавался, какъ нельзя лучше. Даже нынѣшнею зимою въ ресторанѣ Вольфа напомнилъ онъ мнѣ какъ-то о нашихъ постныхъ обѣдахъ на Крещатикѣ.

Во время прогулокъ онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлось бы ему написать большую картину. По его словамъ и мысль у него шевелилась и планъ иногда не ясно мелькалъ въ воображеніи; но Шевченко сознавалъ самъ, что родился болѣе поэтомъ, чѣмъ живописцемъ, потому что во время обдумыванія картины «хто іого зна—відкіль несецця, несецця пісня, складаюцця стихи, дивись уже й забувъ про що думавъ, а мерщій запишешь те що навіялось» (*).

Любилъ онъ и уважалъ природу. Блуждая съ нимъ по лѣсамъ надъ Сулой и Слѣпородомъ, мы бывало просиживали у норки какого нибудь жучка и изучали его незатѣйливые нравы и обычаи. Большое удовольствіе доставляли Шевченку крестьянскія дѣти, которыя въ деревняхъ обыкновенно цѣлые дни проводятъ на улицѣ. Т. Г. не разъ садился къ нимъ въ кружокъ и, ободривъ пугливое общество, разсказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пищалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ. Никогда не забуду одного приключенія. Ушелъ онъ какъ-то рано рисовать развалины Золотыхъ Воротъ, возлѣ которыхъ въ то время неотстраивалась еще эта часть города, и сказалъ, что возвратится вечеромъ. Золотыя Ворота были близко отъ нашей квартиры. Я полу-

(*) Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи,— смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣе запишешь то, что навѣялось.

чилъ записку, которую насъ приглашали на чай и хотѣлъ увѣдомить Т. Г., чтобъ никуда не зашелъ, потому что у знакомыхъ, куда насъ звали, онъ всегда бывалъ съ удовольствіемъ. Прихожу къ Золотымъ Воротамъ и что же вижу? Т. Г. разостлалъ свой цвѣтной платокъ, на который посадилъ трехлѣтнюю дѣвочку и изъ лоскутковъ бумажки дѣлалъ ей какую-то игрушку. Онъ разсказалъ мнѣ свое приключеніе. Часу въ пятомъ Т. Г. сидѣлъ и работалъ, какъ за валомъ внизу послышался дѣтскій плачъ, на который онъ сперва не обратилъ никакого вниманія. Но плачъ не умолкалъ и становился сильнѣе. Мѣсто пустое. Шевченко не выдержалъ, пошелъ по гребню вала и заглянулъ въ низъ. Во рву сидѣло дитя и жалобно плакало. Возлѣ ни души, лишь нѣсколько телятъ паслись въ отдаленіи. Онъ пробѣжалъ шаговъ двадцать,—никого. Нечего дѣлать, надо было спуститься и взять ребенка. Дѣвочка перепугалась и заплакала еще сильнѣе. Успокоивъ ее на сколько было можно, Т. Г. понесъ свою находку къ Золотымъ Воротамъ. Ему какъ то удалось забавить ее, но добиться толку не было никакой возможности, потому что дѣвочка лепетала «мама», «няня» и больше ни слова. Давалъ онъ ей бублика (баранокъ), но дитя не могло укусить и все повторяло только «мама» «няня». Т. Г. не зналъ что дѣлать. Два, три прохожихъ постояли, посмотрѣли и не признавали дѣвочки, а ему и не хотѣлось утерять чуднаго освѣщенія и вмѣстѣ жаль было оставить дѣвочку возлѣ себя въ жертву страха и конечно голода. Я пришелъ кстати и тотчасъ же отправился въ сосѣдніе дома, которыхъ было вблизи весьма немного. Нигдѣ однакоже не знали дѣвочки. Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы рѣшились идти домой и объявить въ полиціи. Я взялъ портфель, Т. Г. ребенка и такимъ образомъ дошли мы до Софійскаго Собора. Молодая женщина въ домашнемъ костюмѣ, съ испуганнымъ видомъ выбѣжала изъ переулка и увидя насъ бросилась къ намъ на встрѣчу.

— Мати! сказалъ Шевченко и не говоря ей ни слова подалъ ребенка.

Оказалось, что нянька унесла дѣвочку гулять, но вѣроятно встрѣтила на дорогѣ знакомую или знакомаго, хорошенько выпила и завалилась во рву спать, а дитя пошло и пошло

вдоль по канавѣ. Ребенокъ былъ нѣсколько часовъ въ отсутствіи изъ дому. Какая то старушка, проходя подъ валомъ увидѣла пьяную няньку и, не зная, что у нея было дитя на рукахъ, поспѣшила только съ одной новостью. Развязка извѣстна. Возвращаясь домой, Т. Г. смѣялся, какъ бы онъ воспитывалъ дочь, если-бы у дѣвочки не отыскались родители.

Что касается до любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то за все время моего знакомства съ Шевченкомъ, я не замѣтилъ въ немъ ни одной привязанности, которую можно было-бы назвать серьезною. Онъ любилъ женское общество и увлекался, но никогда на долго. Какъ молодые люди, начнемъ бывало объ этомъ разговоръ, и стоило только напомнить ему какое нибудь его увлеченіе, онъ обыкновенно отзывался:

— Ахъ! дурниця! Поки зъ нею балакаю, то буцімъ то щось и ворушиццся у серці, а тамъ и байду-же (*).

Но къ одной особѣ онъ возвращался раза три, т. е. по крайней мѣрѣ раза три при встрѣчѣ съ нею онъ увлекался. Давно, еще въ первыя времена знакомства нашего, онъ долго сидѣлъ возлѣ нея на балѣ и все просилъ у нея на память хоть одинъ голубой цвѣтокъ, которыми отдѣлано было платье. Молодая женщина шутила и шутя отказывала. Т. Г. однакоже изловчился и оторвалъ цвѣтокъ. Такъ это и кончилось. Года черезъ два случайно увидѣлъ я у него этотъ знакъ воспоминанія. Т. Г. смѣшался немного.

— Славна молодичка, сказалъ онъ мнѣ—и така́ пріятна́, що здаеццся й забудешъ, а побачишъ, то зновъ такъ тебе й тягне (**).

Завлекся было на короткое время онъ одной извѣстной красавицей, которая кружила головы всѣмъ, кто попадалъ въ заколдованный кругъ ея. Увлеченіе было сильное. Шевченко не на шутку задумывался, рисовалъ ея головку

(*) Э, вздоръ. Пока съ нею разговариваю, то словно что-то и шевелится въ сердцѣ, а послѣ и ничего.

(**) Славная женщина и такая ласковая, что кажется и забудешь, а увидѣлъ—снова такъ тебя и тянетъ.

и нѣсколько разъ сочинялъ стихи. Я всегда былъ радъ, когда кто нибудь ему нравился: благородная натура эта дѣлалась еще художественнѣе, и онъ работалъ тогда съ большимъ рвеніемъ. Скоро однакоже онъ разочаровался относительно красавицы. Пригласила она какъ-то его утромъ — прочесть ей одну поэму и сказала что у нея никого не будетъ, что она желала бы одна насладиться чтеніемъ. Т. Г. исполнилъ ея желаніе. Шелъ онъ къ ней съ какимъ-то трепетомъ. Но какая же встрѣтила его картина? Въ уютной гостиной красавица сидѣла на диванѣ, окруженная студентомъ, гусаромъ и толстѣйшимъ генераломъ — тремя отъявленными своими обожателями и искусно маневрировала по своему, обманывая всѣхъ троихъ, то лаская по очередно надеждой, то приводя въ отчаяніе. Поэтъ смутился, и какъ прелестная хозяйка ни атаковала его любезностью—онъ ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда не посѣщать красавицы, и сдержалъ свое слово.

Вотъ стихотвореніе, написанное по этому случаю:

Не журюсь я, а неспицця,
Часомъ до півночі,
Усе світять ті блискучі
Твоі чорні очі.
Мовъ говорятъ тихесенько
«Хочъ, небоже, раю?
Винь у мене тутъ у серці»
А серця немае,
Й небуло іего ніколы,
Тільки шматокъ мняса ...
На щожъ хороше и пишно
Такъ ти росцвілася?
Не журюся, а не спиццяя
Часомъ и до світа,
Усе думка побивае
Якъ бы такъ прожити,
Щобъ ніколи такі очі
Серця не вразили,

Еще я помню одно увлеченіе въ Кіевѣ. Рисуя Лавру и ея подробности, онъ познакомился съ пріѣзжимъ семействомъ богомольцевъ, въ которомъ была очень хорошенькая молодая дѣвушка. По вечерамъ Шевченко началъ пропадать и неговорилъ, гдѣ просиживалъ до полуночи, и такъ какъ у насъ было въ обычаѣ не спрашивать другъ у друга отчета, то я нѣсколько дней не зналъ, что поэтъ увлекается. На живописной дикой тропинкѣ, ведшей изъ царскаго сада на Подолъ прямо чрезъ скалистый берегъ, я однажды нечаянно увидѣлъ Т. Г. въ незнакомомъ обществѣ, состоявшемъ изъ двухъ старухъ, нѣсколькихъ дѣтей и хорошенькой дѣвушки. Послѣдняя откинула воаль. Раскраснѣвшееся личико ея, окаймленное свѣтлыми волосами, было замѣчательно. Смѣясь чистымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, она слушала Т. Г., который спускаясь рядомъ съ нею, разсказывалъ ей должно быть что нибудь забавное. Я подымался въ гору. Т. Г. только спросилъ меня, куда я иду, и сказалъ, что провожаетъ знакомыхъ въ Братскій монастырь. На третій день онъ былъ очень скученъ и признался мнѣ въ своемъ увлеченіи. Незнакомое мнѣ семейство уѣхало уже въ деревню. Дѣвушка эта была за кого-то сговорена и въ сентябрѣ назначили свадьбу. Онъ любилъ женщинъ живаго характера; по его мнѣнію женщинѣ были необходимы пылъ и страсть—«щобъ підъ него земя горіла на три сажні».

Погибшія, но милыя созданья, въ то время не увлекали Шевченка; у него были на этотъ счетъ свои оригинальныя понятія. Онъ не находилъ никакого удовольствія посѣщать веселые пріюты продажныхъ грацій, хотя никогда не казнилъ ихъ презрительнымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ гуманенъ, и по слабости смотрѣлъ снисходительно, стараясь въ самой грязи найдти хоть крупинку золота. На продажную любовь, на женщину, отдававшуюся страсти, онъ говорилъ, «можно махнуть рукою»; но тайный развратъ, какими бы цвѣтами ни прикрывался, всегда возбуждалъ въ душѣ его неодолимое отвращеніе.

Гуманность его проявлялась въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ движеніи; на животныхъ даже простиралась у него ласкающая нѣжность. Не разъ защищалъ онъ котятъ и щен

ковъ противъ злостныхъ намѣреній уличныхъ мальчишекъ, а птичекъ, привязанныхъ на сворке, покупалъ иногда у дѣтей и выпускалъ на свободу. Мы жили близко базара и я помню, какъ бывало утѣшается онъ и зоветъ меня къ окну, когда какая нибудь собаченка, утащивъ кусокъ хлѣба или баранокъ, боязливо пробиралась подъ заборомъ. Одна возмутительная сцена чуть не стоила намъ дорого. Въ Кіевѣ въ то время полицейскіе служители, имѣвшіе обязанность бить собакъ, называемые по мѣстному гицелями, отправляли свое ремесло публично среди бѣла дня на многочисленномъ базарѣ. Они ходили вооруженные длинною палкой съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ и другой короткой дубиной (добивачъ). Поймавъ животное крючкомъ, они оканчивали его дубиной и иногда долго мучили животное. Проходя на «Козье Болото», мы какъ-то разъ попали на подобную сцену. Гицель схватилъ большую собаку за ребро и, не совсѣмъ убивъ ее, тащилъ полуживую между городомъ. Т. Г. вышелъ изъ себя и упрекнулъ живодера. Гицель отвѣтилъ грубо и тутъ же началъ тиранить собаку, которая визжала раздирающимъ образомъ... Шевченко выхватилъ у него дубину... Полтинникъ однакоже уладилъ дѣло; гицель однимъ ловкимъ ударомъ добилъ животное, но Т. Г. долго не могъ придти въ себя отъ волненія.

Къ этой же эпохѣ относится наше знакомство съ г. Аскоченскимъ, нынѣ редакторомъ слишкомъ извѣстной «Домашней Бесѣды», а тогда экс-профессоромъ духовной академіи, воспитателемъ генералъ-губернаторскаго племянника и поэтомъ: такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые называли его въ Кіевѣ. Редакторъ «Домашней Бесѣды» не обнаруживалъ тогда духоярой нетерпимости и не предавалъ еще анаѳемѣ всего свѣтскаго и современнаго, какъ дѣлаетъ это въ настоящее время, но, настроивъ лиру свою на элегическій тонъ, бряцалъ по ней весьма чувствительныя пѣсни. Сей мужъ, карающій сурово все живое и мыслящее, смотрящій на произведенія искусствъ сквозь мутные очки средневѣковаго аскетизма, горячо вступающійся за юродиваго Ивана Яковлесича, читалъ намъ свои стихотворенія, выражавшія земныя втрасти и, надо отдать ему справедливость, необнаруживалъ

стремленія, которое могло бы обличить въ немъ будущаго редактора изданія, дѣлающаго стыдъ, не говорю уже литературѣ, но даже печатному станку, передающему его на бумагу. Я упомянулъ объ этомъ потому, что свидѣвшись послѣ долгой разлуки, Т. Г. съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А знаешъ ты, що «Домашнюю Бесѣду» выдае той самой Аскоченскій, которaго мы знали у Кіеві. Чи мижно було надіятись.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Кіевѣ, Шевченко одно время вздумалъ было учиться по французски и вѣроятно при громадныхъ способностяхъ не замедлилъ бы успѣть въ своемъ предпріятіи, — но послѣ охладѣлъ — и объ этомъ не было помину.

Неожиданно мнѣ пришлось уѣхать домой. Когда я объявилъ Шевченку, что карманъ мой въ жалкомъ состояніи— онъ досталъ денегъ, далъ мнѣ на дорогу и выпроводилъ до Днѣпра. Прощаясь съ нимъ на мосту, я не зналъ, что разстаемся на долго... Мы свидѣлись ровно черезъ четырнадцать лѣтъ въ сентябрѣ прошлаго года, по моемъ возвращеніи изъ путешествія по югу Россіи. Войдя въ мастерскую Т. Г. въ академіи, я засталъ его за работой: онъ гравировалъ. На вопросъ мой узнаетъ-ли меня, Шевченко отвѣчалъ отрицательно, но сказалъ, что по голосу, кажется, не ошибся и назвалъ меня по имени. Я бросился было обнять его, но онъ замѣтилъ по русски:

— Не подходите—здѣсь вредныя кислоты. Садитесь.

Минута эта была для меня чрезвычайно тягостная. Т. Г. постарѣлъ, лицо измѣнилось, но въ глазахъ его блестѣлъ тотъ же тихій свѣтъ мысли и чувства, какого я не могъ забыть послѣ долгой разлуки, Мы поговорили не много. Онъ былъ холоденъ, и хоть нѣсколько разъ самъ припоминалъ прошедшее, однако не такъ, какъ ожидалось мнѣ отъ этого свиданія... Я ушелъ домой взволнованный и унесъ въ сердцѣ то чувство скорби, какое человѣкъ можетъ вылить или въ жаркихъ слезахъ или вдохновенными стихами. Подобное охлажденіе съ его стороны я приписывалъ долгимъ страданіямъ и рѣшился затаить въ сердцѣ еще одну утраченную надежду, можетъ быть лучшую и послѣднюю въ жизни.

Вскорѣ встрѣтился я съ нимъ у В. М. Б. Шевченко подошелъ ко мнѣ, сказалъ нѣсколько словъ и послѣ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ локонически, говоря мнѣ «вы» что и меня заставило обратиться къ этому же мѣстоименію. Я считалъ все конченнымъ между нами, но какъ ни тяжело было мнѣ подобное состояніе, — я далъ себѣ слово избѣгать даже тѣни навязчивости. Черезъ недѣлю встрѣтились мы снова у Б.... Поздоровавшись, мы все время бесѣдовали въ разныхъ кружкахъ. По странному случаю, уходили мы вмѣстѣ и очутились въ передней. Съ лѣстницы сошли молча. У подъѣзда не было извощиковъ.

— Вы до дому направо? спросилъ я.

— Ні піду по Невскому, може зайду до Вольфа.

— Такъ намъ до Невскаго по дорозі.

— Отъ и добре.

Мало по малу Шевченко разговорился. Дойдя до проспекта, я продолжалъ разговаривать и мы очутились у Полицейскаго моста.

— Може зайдемъ у купі (вмѣстѣ)? сказалъ онъ.

— Зайдемъ, отвѣчалъ я.

Посѣтителей было мало. Т. Г. спросилъ себѣ порцію чего-то, я закурилъ сигару и тутъ онъ самъ съ обычной, прежней откровенностью выразилъ мнѣ причину своей холодности. Разумѣется въ двухъ словахъ я разъяснилъ, въ чемъ дѣло, и съ тѣхъ поръ возвратились наши прежнія отношенія. Въ этотъ памятный для меня вечеръ онъ много и съ особенной любовью говорилъ мнѣ о Маркѣ Вовчкѣ и томъ впечатлѣніи, какое произвели на него первыя «Оповідання».

Послѣднее мое свиданіе съ Тарасомъ знаютъ читатели «Русскаго Слова».

Въ этомъ очеркѣ я собралъ всѣ факты, сохраненные моею памятью, не стараясь восхвалять такую замѣчательную личность, какъ Шевченко и не скрывая его слабостей. Я далекъ отъ мысли дѣлать изъ дорогаго мнѣ человѣка нѣчто въ родѣ безупречнаго героя, но разсказалъ то, что было въ дѣйствительности, зная его близко и живя съ нимъ въ лучшую эпоху его творческой дѣятельности. Я ничего не утаилъ, ни-

чего не прибавилъ, и считаю, что обязанъ былъ писать эту статью такъ, а не иначе.

Не буду здѣсь касаться его поэтическихъ твореній, которыя пріобрѣли всеобщую извѣстность, не смѣю ничего сказать о произведеніяхъ его кисти, потому что я не судья въ этомъ искусствѣ; но не могу не выразить, что желательно было бы видѣть полную и совѣстливую оцѣнку этого замѣчательнаго таланта. О живописи судить есть много спеціалистовъ, а о поэзіи Шевченка должень написать правдивое й теплое слово—непремѣнно Украинецъ, потому что русскіе критики, незнакомые съ нашимъ языкомъ и его оттѣнками, по большей части не знающіе быта народа, который описывалъ поэтъ, могутъ впадать въ невольныя ошибки и могутъ назвать невѣрностью то, что просто списано съ натуры. Я говорю это потому, что недавно слышалъ еще упрекъ Шевченку въ сентиментальности, именно за черту, которая съ незапамятныхъ временъ служитъ оличительною чертою украинскаго простолюдина. Упрекъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что подобнаго факта критикъ не видѣлъ въ деревняхъ, а между тѣмъ онъ не знаетъ малорусскаго племени. Память Шевченка требуетъ должнаго мѣста поэту въ ряду лучшихъ писателей нашихъ, мѣста, на которое онъ добылъ право сразу, онъ, бѣдный дворовый крестьянинъ, выкупленный участіемъ лучшихъ людей,—но котораго не давали ему критики, а изъ нихъ одинъ даже глумился надъ нимъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ. Конечно, оцѣнить сочиненія Шевченка — дѣло трудное, потому что въ печати явилась, можетъ быть, половина имъ написаннаго, другая—врядъ ли и явится, по крайней мѣрѣ не скоро, бывъ частью разбросана по разнымъ мѣстностямъ, листками въ разныхъ рукахъ, частью утраченная навсегда. Но все же Украинецъ, которому не незнакомы хоть отрывки потерянныхъ стихотвореній, если примется за дѣло съ любовью, можетъ исполнить трудную задачу съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, кто долженъ писать, руководствуясь неудачными переводами или мнѣніями такъ называемыхъ, знатоковъ или, наконецъ, при помощи неполнаго знанія языка украинскаго и этнографіи.

Друзья покойнаго собрали сумму, выхлопотали разрѣшеніе и повезли прахъ Тараса туда, гдѣ....

Могили
Чорніють якъ гори,
Та про волю нишкомъ въ полі
Зъ вітрами говорять.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1861. Мая 8.
Петербургъ.

---

* * *

Я лежалъ на прибрежномъ пескѣ,
А струю обгоняла струя
И дробилася вдоль по рѣкѣ
Раздражительно трель соловья.

Раздражительно трель соловья
Щекотала мнѣ душу и жгла,
Словно тамъ извивалась змѣя
И, чаруя, куда-то влекла...

Вдругъ выноситъ на берегъ волна
Блѣдно-мраморный, дѣвственный трупъ, —
И дышалъ въ немъ улыбкою сна
Тонкій очеркъ не сомкнутыхъ губъ;

И съ луною играла въ глазахъ
Тихо капля воды, какъ слеза,—
И тоскою, и страстью, въ лучахъ,
Какъ живые, сверкали глаза.

И любуясь надъ мертвой красой,
Какъ скользила по персямъ луна,
Я внималъ, какъ съ густою косой
Заигралася звонко волна...

И приникъ я къ утопшей на грудь,
И лобзалъ я ее, и сжималъ,
И хотѣлъ въ нее душу вдохнуть,
И дыханьемъ уста согрѣвалъ...

А по сонной рѣкѣ соловей
Раздражительно трелью звенѣлъ,
И подъ жгучею грудью моей
Хладный трупъ трепеталъ и теплѣлъ...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

11 мая 1861.

ПОДЪЯЧІЙ ДОКУКИНЪ.

Мрачно и грустно было въ Преображенскомъ селѣ, великимъ постомъ 1718 года. Царь Петръ разыскивалъ и судилъ сообщниковъ сына своего царевича Алексѣя Петровича, судилъ жену свою насильственно постриженную въ монахини царицу Евдокію... Ежедневно привозили въ Преображенское новыхъ лицъ, новыхъ жертвъ застѣнковъ. Малѣйшее сочувствіе къ царевичу и къ царицѣ, одно слово, обнаруженная мысль въ ихъ пользу было преступленіемъ. Новый наслѣдникъ былъ данъ Петромъ Россіи—сынъ Екатерины, трехлѣтній царевичъ Петръ Петровичъ. Повсюду разосланы и розданы были печатныя присяги на вѣрность этому ребенку, всѣ ихъ подписывали и клялись безпрекословно...

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ старикъ задумавшись надъ бумагами, которыя разбросаны были передъ нимъ на столѣ—въ числѣ ихъ была и печатная присяга царевичу Петру Петровичу. Долго смотрѣлъ старикъ на эти бумаги, вдругъ торопливо всталъ, собралъ ихъ въ порядокъ, положилъ за пазуху, перекрестился и вышелъ изъ дому по дорогѣ въ Преображенское.

Это было 2-го марта 1718 года.

2-го марта 1718 г. единственный день въ который застѣнки Преображенскаго не отворялись для несчастныхъ. На-

конунѣ еще въ этихъ застѣнкахъ, подъ ударами палачей, на вискѣ отвѣчали: разстриженный епископъ ростовскій Досифей; Авраамъ Лопухинъ, родной братъ царицы Евдокіи; сибирскій царевичъ, другъ царевича Алексѣя Петровича и Михайло Босой юродивый, переносившій вѣсти о царевичѣ Алексѣѣ отъ царевны Марьи Алексѣевны къ царицѣ матери. 2-го марта Петръ далъ отдыхъ застѣнкамъ. Это было Воскресенье православія. По обыкновенію, царь отправился съ своими приближенными къ обѣднѣ въ церковь «на Старомъ дворцѣ». Дорого можно было бы дать, чтобъ заглянуть въ душу этого необыкновеннаго человѣка на молитвѣ его ко всевидящему Богу въ эти страшные дни горя и испытанія. Приносилъ ли онъ тому, кому единственно считалъ себя обязаннымъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, искреннюю исповѣдь въ тѣхъ поступкахъ, которые въ сознательной душѣ должны были производить борьбу справедливости съ необходимостью и убѣжденіемъ пользы государственной, чувствъ родства и дружбы—съ чувствами оскорбленнаго самолюбія, хладнокровія съ раздражительностію, милосердія съ мстительностію?... Или.... но какія можно дѣлать малѣйшія правдоподобныя предположенія о нравственныхъ качествахъ души человѣка, объ которомъ въ этомъ отношеніи наша исторія только что принялась собирать факты. Подождемъ съ терпѣніемъ—и современемъ когда соберется достаточно фактовъ, совокупность которыхъ откроетъ для исторіи что былъ за человѣкъ Петръ какъ *человѣкъ*,—тогда найдется искусное перо, которое нарисуетъ намъ его портретъ правдиво, безпристрастно—и тогда сравнимъ его съ тѣми, которыхъ рисуютъ намъ Голиковъ, и другіе... Еще не время судить Петра — мы еще слишкомъ мало имѣемъ фактовъ объ немъ, объ его нравственныхъ качествахъ.... Послушаемъ разсказы объ немъ и передадимъ тѣ, которые знаемъ.

Петръ былъ въ церкви. Во время богослуженія передъ нимъ явился, въ бѣдной одеждѣ, обросшій бородою старикъ и подалъ ему бумаги. Петръ принялъ ихъ и развернулъ первую: это былъ печатный экземпляръ присяги царевичу Петру Петровичу и отреченіе отъ царевича Алексѣя Петровича. Подъ присягою, гдѣ слѣдовало быть подписи присягаю-

щаго, написано было крючковатымъ, но четкимъ крупнымъ почеркомъ:

Святымъ пречестнымъ евангелію и животворящему Христову кресту покланяюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а за неповинное отлученіе и изгнаніе всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ евангеліемъ *не клянусь* и на томъ животворящаго креста Христова *не цѣлую* и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти во свидѣтельство изрядное, *хотя за то и царской гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Ларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.*

Этотъ Докукинъ былъ нашъ старикъ отъ Сухаревской башни.

Петръ передалъ бумаги Петру Андреевичу Толстому, начальнику застѣнковъ. Старика отвели изъ церкви подъ карауломъ въ тюрьму, которыхъ такъ было много въ Преображенскомъ въ это время. Новая жертва! Новый страдалецъ и страдалецъ самовольный за царевича Алексѣя Петровича. И кто бы осмѣлился въ это страшное время сдѣлать то, что сдѣлалъ Докукинъ? Какую рѣшимость, твердость духа, пренебреженіе къ жизни и тѣлеснымъ страданіямъ, какое убѣжденіе въ своей справедливости нужно было имѣть, чтобъ сказать тогда Петру въ глаза: «я не хочу присягать царевичу Петру Петровичу—для меня наслѣдникъ престола царевичъ Алексѣй Петровичъ. Буди въ томъ воля Господня—*за истину* страдать готовъ»—написалъ Докукинъ и по неисповѣдимымъ судьбамъ божіимъ написалъ себѣ сбывшееся пророчество.

Ларіонъ Докукинъ былъ подъячій артиллерійскаго приказа съ 1681 года. До учрежденія фискаловъ подъячимъ было житье; никто не смотрѣлъ, не слѣдилъ за ихъ поведеніемъ. Они писали бумаги, брали взятки и жили себѣ спо-

*

койно, подъ прикрытіемъ часто безграмотныхъ воеводъ и судей, подъ покровительствомъ дьяковъ и секретарей, которые всѣ въ свою очередь наживались, «творя судъ и расправу». Съ появленіемъ въ чиновнической атмосферѣ фискаловъ пошло иначе. Въ лицѣ фискаловъ родилось новое сословіе безотчетныхъ и самоуправныхъ взяточниковъ. Ихъ законъ и оружіе былъ доносъ. А что можетъ быть страшнѣе доноса? Это камень, брошенный на длинной, крѣпкой веревкѣ, въ мутную, грязную воду: одинъ человѣкъ броситъ его—двадцать не вытащутъ,—у иныхъ силы не хватитъ, а другіе и надорвутся. А и вытащутъ — сколько тины, сколько грязи съ этимъ камнемъ! Фискальскія дѣла временъ Петра великаго—это лѣтописи египетской работы временъ фараоновъ... только не на чистомъ воздухѣ, подъ жаромъ африканскаго солнца, а въ удушливой атмосферѣ приказовъ, коллегій, коммисій, канцелярій — и подъ темными сводами преображенской и тайной канцеляріи.

Докукинъ былъ человѣкъ своего времени и грѣшилъ въ службѣ какъ и прочіе, даже не считалъ грѣхомъ, принимать невинные подарки отъ подрядчиковъ. Его совѣсть успокоивалась «съ давнихъ лѣтъ и по собственному произволу, а не изъ неволи и ни отъ какого воровства давали подрядчики, а онъ бралъ съ нихъ» (объясненіе его во время допросовъ). Но явились фискалы—надо было дѣлиться съ ними. Поссорился Докукинъ съ фискаломъ—и полетѣлъ доносъ въ Петербургъ. Фискалъ насчиталъ на него взысканія 215 р. Камень пущенъ въ воду и Докукина потребовали въ Петербургъ къ «щету» вытаскивать камень. Это было въ 1714 году. У Докукина не было въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ остановился у просвирницы церкви Симеона Богопріимца.

Все на этомъ свѣтѣ случайно. Ничтожныя причины ведутъ весьма часто къ важнымъ послѣдствіямъ. Не остановись Докукинъ у Симеона въ домѣ просвирницы, а въ другой части города, онъ бы не познакомился, можетъ быть, съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, не привязался бы къ нему всею душею, и весьма вѣроятно впослѣдствіи не подалъ бы Петру свою «дерзкую отрицательную присягу».

А между тѣмъ вотъ что вышло: Докукинъ былъ человѣкъ набожный, богомольный, ходилъ часто въ церковь, читалъ много изъ священнаго писанія, дѣлалъ постоянно выписки изъ Григорія Назіанзина, изъ псалтыря, апостоловъ, сочинялъ самъ молитвы... Въ церкви Симеона онъ выпросилъ позволеніе у церковнослужителей читать на клиросѣ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, посѣщая часто эту церковь въ 1715 г., замѣтилъ старика и одинъ разъ, выходя изъ церкви, подозвалъ его и спросилъ: кто онъ и откуда? Докукинъ доложилъ о своемъ подъяческомъ происхожденіи и о своемъ подъяческомъ горѣ. Это вниманіе царевича оживило Докукина, который почти умиралъ съ голоду въ Петербургѣ. Онъ слышалъ о добротѣ души царевича и рѣшился подать ему просьбу о помощи въ бѣдномъ его положеніи и объ исходатайствованіи ему отставки. Добрый царевичъ, помогавшій такъ много бѣднымъ, что видно изъ сохранившихся его приходорасходныхъ книжекъ, велѣлъ Докукину придти къ себѣ во дворецъ.

Докукинъ не мѣшкалъ и на другой же день утромъ явился. Царевичъ выслалъ къ нему какого-то человѣка «въ накладныхъ волосахъ», который принялъ отъ старика челобитную, потребовалъ отъ Докукина платокъ, съ которымъ и пошелъ въ комнаты къ царевичу; черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ Докукину обратно этотъ платокъ съ деньгами. Царевичъ выслалъ двадцать рублевъ. Для Докукина это былъ капиталъ: онъ былъ нищій, умиралъ съ голоду. Пособіе, оказанное ему царевичемъ, привязало Докукина къ нему глубоко и навсегда; много можетъ быть содѣйствовало къ усиленію этой привязанности до страсти и моральное направленіе Докукина. Онъ былъ преданъ старинѣ православной; нововведенія Петра были ему непонятны и ненавистны. До знакомства съ царевичемъ онъ выписывалъ уже различные тексты изъ священнаго писанія, а особенно изъ Григорія Назіанзина—тексты, по тогдашнимъ понятіямъ, обличавшіе Петра въ его неправославіи. Въ началѣ 1715 года онъ рѣшился подкинуть письмо у симеоновской церкви, заключавшее, по его мнѣнію, выписки и разсужденія изъ св. писанія, «противныя» Петру. Письмо это сожгли, но не разы-

скивали сочинителя. Это даже обидѣло Докукина (какъ онъ говорилъ при допросахъ) и потому онъ вторично намѣревался прибить у Троицкой церкви (на петербургской сторонѣ близъ дворца Петра) не письмо, а молитву противъ Петра, «чтобъ на той молитвѣ всякъ, ктобъ ни читалъ о томъ, что написано, всѣ знали и донесли бы царскому величеству».

Возвратясь въ Москву, въ свой домишко, къ женѣ, онъ не переставалъ всѣмъ и каждому а особенно своимъ приходскимъ попамъ Аврааму и Михаилу, хвалить и превозносить царевича и продолжалъ свои выписки изъ Григорія Назіанзина. Гордясь враждебнымъ чувствомъ къ Петру, онъ показывалъ ихъ своему духовнику Аврааму: «Посмотри, батюшко, трудовъ моихъ.» Авраамъ подержалъ ихъ дня съ два и возвращая, сказалъ Докукину: «трудись, Богъ трудовъ твоихъ не забудетъ» и Докукинъ съ большею ревностію принимался за свои богословскія выписки.

Занятія Докукина были прерваны дошедшими до него вѣстями о несчастіи царевича, объ отрѣшеніи его отъ престолонаслѣдія, услышалъ онъ о пыткахъ его приближенныхъ, о разстриженіи епископа ростовскаго Досиѳея, о безславіи царицы инокини; принесли къ нему для подписанія печатную присягу царевичу Петру Петровичу, пришолъ и попъ Авраамъ съ манифестомъ о церевичѣ: «вотъ твой хваленой, видишь царевичевы вины».... Но Докукинъ оставался вѣренъ царевичу и, несмотря на убѣжденія Авраама, не шелъ къ присягѣ. «Послѣ пойду, теперь не досугъ» говорилъ Аврааму Докукинъ. Наконецъ ненависть къ Петру, благодарность и преданность къ царевичу, восторженныя до безумія, рѣшили судьбу Докукина. Онъ подписалъ Петру отказъ въ присягѣ царевичу Петру Петровичу и, не сказавъ ни женѣ, ни духовнику о своемъ намѣреніи, отправился, какъ мы видѣли, 2-го марта въ Преображенское и подалъ Петру и присягу и всѣ свои выписки и молитвы лицомъ къ лицу, въ церкви, во время богослуженія, въ воскресенье православія.

Въ тюрьмѣ онъ въ тотъ же день подписалъ объясненіе: «На присягѣ подписалъ своеручно онъ, Ларіонъ, соболѣзнуя объ немъ царевичѣ, что онъ природной и отъ истинной же-

ны, а наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаетъ, потому, что-де хотя нынѣшняя государыня царица и христіанка, но де когда государя не будетъ, а царевичъ Петръ Петровичъ будетъ царствовать и въ то де время она царица сообщится съ иноземцами и будетъ отъ нихъ христіанамъ спона (Spona—вредъ) потому, что де она не здѣшней природы, а въ тетрадехъ выписалъ и изъ книги Назіанзина въ пользу и чтобъ за слово Христово страдать а онъ же де Ларіонъ, будучи въ С. Петербургѣ въ 715 г. у церкви Симеона Богопріимца и Анны пророчицы, на паперти подкинулъ письмо, выписавъ изъ той же книги и изъ другихъ книгъ, къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей, а то де все выписывалъ и на присягѣ подписалъ онъ одинъ, ни съ кѣмъ не думалъ, и никому не сказывалъ и не казывалъ и никого въ томъ не знаетъ и не призывалъ, а пришолъ съ тѣмъ явиться, чтобъ пострадать за слово Христово.»

2-го марта, какъ мы уже сказали, застѣнки не отворялись, но на другой день въ нихъ пошла усердная работа: пытали сибирскаго царевича, Досиѳея, Ѳедора Журовскаго, пѣвчаго царицы Марьи Алексѣевны, Ѳедора Воронова, слугу суздальскаго Покровскаго монастыря. Не забыли и Докукина: его подняли на дыбу и при 25 ударахъ кнута допрашивали съ кѣмъ совѣтовался и духовному или иному кому сказывалъ ли?

«Ни съ кѣмъ не совѣтовалъ, отвѣчалъ Докукинъ, и духовнику и инымъ никому не сказывалъ, а писалъ о всемъ самъ изъ книги Назіанзина и сдѣлалъ безумствомъ своимъ. Подлинное письмо въ 1715 году подкинулъ въ Петербургѣ не для чего инаго, только соболѣзнуя о народѣ».

Въ этотъ же день привели въ Преображенское и жену Докукина и друзей его, которыхъ оказалось всего двое: пушечный мастеръ Петръ да мѣховой ученикъ Василій,—дворовую дѣвку его, служанку его солдатскую женку Аграѳену, которая ничего не могла объяснить, кромѣ только что онъ «самъ въ гости мало ѣздитъ и въ гости къ нему также не ѣздятъ.» Ихъ отпустили безъ пытки.

Черезъ два дня съ Докукинымъ опять цѣлая компанія

въ застѣнкахъ: Александръ Кикинъ, бывшій деньщикъ царскій, совѣтникъ царевичу въ побѣгѣ, греческій попъ Ливерій который въ 1714 г. ѣздилъ съ царевичемъ въ Карлсбадъ, а послѣ въ 1717 г. отыскивалъ его около Инспрука, Ѳедоръ Еварлаковъ, дворецкій царевича, опять Досифей ростовскій, Авраамъ Лопухинъ, еще князь Семенъ Щербатовъ, болтавшій пустяки о царевичѣ и царицѣ. Отъ Докукина допытывались, кто совѣтовалъ подкинуть письмо въ Петербургѣ? «все дѣлалъ одинъ, отвѣчалъ онъ, признавая якобы нынѣшнее послѣднее время.» Дано ему 21 ударъ. 8-го марта его еще пытали въ третій и послѣдній разъ (20 ударовъ): все тотъ же отвѣтъ: ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовалъ и другимъ никому не сказывалъ.»

Нравственныя и физическія силы Докукина были необыкновенныя. По его показанію, онъ былъ уже подьячимъ въ 1681 году. Если предположить, что ему тогда было хоть 20 лѣтъ, то въ 1718 г. ему было уже 57 лѣтъ и онъ въ шесть дней выдержалъ 66 ударовъ кнута, на дыбѣ съ вывернутыми руками. Страшно подумать! При этихъ страданіяхъ душа его закалилась и онъ не выдалъ никого, кто читалъ и видѣлъ его тетрадки! 11-го марта его еще подняли на виску—и тѣ же отвѣты!

Иларіонъ Докукинъ самовольно поступилъ въ число преступниковъ *кикинскаго* розыска. Этотъ розыскъ, также какъ и *суздальскій* (о царицѣ Евдокіи) былъ оконченъ 15-го марта 1718 года. Всѣ допросы и показанія сняты—оставалось привести въ исполненіе состоявшійся приговоръ царя. Петръ торопился ѣхать въ Петербургъ и съ 15 на 16 въ ночь начались казни. (См. Устр. Т. VI-й стр. 219). Докукина очередь пришла 17-го въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ великаго поста.

Вотъ что писалъ о казни Докукина Плейеръ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ къ цесарю, незнавшій имени Докукина: «Четвертымъ (первые трое казненные: Досифей, епис«копъ ростовскій, Александръ Кикинъ, и духовникъ царицы) «былъ простой писарь, который торжественно въ церкви уко«рялъ царя въ лишеніи царевича престола и подалъ записку: онъ «былъ колесованъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ открыть нѣчто «важное; снятъ былъ съ колеса и привезенъ къ царю въ Преобра-

«женское; не могъ однакожъ отъ слабости сказать ни слова, и «порученъ былъ на излеченье хирургамъ; но какъ слабость уве-«личилась, то голова его была отрублена и взоткнута на «колъ; а тѣло положено на колесо. При всемъ томъ думаютъ, «что онъ тайно открылъ царю, кто его подговорилъ и от-«чего обнаружилъ такую ревность къ царевичу.» (Г. Устряловъ, къ этому донесенію Плейера, въ т. VI. Исторіи Петра Великаго прибавилъ въ примѣчаніи стр. 224 Т. III: разсказанный Плейеромъ случай совершенно неизвѣстенъ и кто былъ этотъ писарь, изъ актовъ не видно).

Мы будемъ продолжать изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подробности о Докукинѣ.

Послѣ допросовъ и пытки Докукина подана была Петру выписка изъ его дѣла слѣдующаго содержанія:

Въ докладъ:

Въ нынѣшнемъ 1718 г., марта во 2-мъ числѣ пришелъ въ Преображенское артиллерійскій подъячій Ларіонъ Докукинъ, и на Старомъ дворцѣ, въ церкви, во время божественнаго пѣнія святыя литургіи, подалъ царскому величеству письма, а по свидѣтельству оныя явились воровскія о *возмущеніи народа* противъ его величествія письма (*).

И въ томъ имъ розыскивано трижды. А съ розыску винился, что не только тѣ, которые подалъ, но и еще показалъ:

Которыя-де такія же воровски *о возмущеніи народа* противъ его же величествія письма въ прошломъ 715 году въ Санктъ-Петербурхѣ подкинуты у церкви Симеона Богопріимца на паперти, и оныя-де сочинялъ и подкидывалъ онъ же, да у него же выняты возмутительныя сочиненныя такія же воровскія письма, о которыхъ онъ съ розыску сказалъ, что хотѣлъ прибить въ С.-Петербурхѣ у церкви *для возмущенія же народа*.

(*) *Примѣчаніе.* Для подтвержденія этого обвиненія мы прилагаемъ выписки изъ тетрадокъ, въ которыхъ мы, при всемъ стараніи, едва могли найти какія-нибудь *возмутительные намеки*.

И о томъ что чинить?

Вотъ рѣшеніе по этому докладу:

1718 г. марта въ 17, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, слушавъ сей выписки, указалъ по имянному своему Великаго Государя указу артиллерскаго подъячаго Ларіона Докукина, что онъ на Старомъ дворцѣ, во время божественной литургіи, подалъ его царскому величеству воровскія о возмущеніи народа противъ его величества письма (и проч. изъ доклада слово въ слово) и за то за все казнить смертью. Подписали собственноручно: тайный совѣтникъ и отъ гвардіи капитанъ Петръ Толстой, Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ тотъ же день, какъ справедливо описалъ Плейеръ, Докукинъ былъ колесованъ. Страшныя муки этой жестокой казни ослабили твердость души Докукина, и съ колеса онъ объявилъ, что онъ откроетъ сообщниковъ,—его опять привезли изувѣченнаго въ Преображенское, и вотъ документъ, сохранившійся въ дѣлѣ, свидѣтельствующій о справедливости указаній Плейера. Этотъ документъ писанъ рукою Скорнякова–Писарева, который допрашивалъ Докукина послѣ колесованья:

Марта въ 17 д. подъячій Докукинъ послѣ колесованья того дня въ 4-мъ часу по-полудни сказалъ: тѣ онъ письма, которыя у него выняты, семь тетрадей (*) и тѣ онъ тетради такъ же и молитву (**), кромѣ того, что за нею назади написано, также и ту тетрадь, которая писана о характерѣ (***), показывалъ онъ, Докукинъ, и говорилъ попользуйся-де спасскому попу, что въ Пушкаряхъ, Авраму Михайлову, который держалъ у себя тѣ письма дня два или три и державъ, сказалъ, что то онъ дѣлаетъ хорошо; да онъ же, Докукинъ, показывалъ тетрадь ту, которая написана о характерѣ, попу сергіевскому, что въ Пушкаряхъ, Михаилу Назарьеву и онъ ему воспрещалъ и писалъ къ нему письмо противъ мнѣнія

(*) Они всѣ сохранились при дѣлѣ.

(**) Также имѣется при дѣлѣ.

(***) Тоже сохранилась.

его противное, которое было въ его письмахъ. А въ письмѣ написано, что нѣкоторый ученикъ пустыннику сказывалъ, что-де я ветхой и новой завѣтъ весь исполнилъ, на что пустынникъ сказалъ: что-де ты все по аеру (?) говоришь и ты-де тому послѣдуешь....

Допросъ видимо не имѣетъ конца и Скорняковъ-Писаревъ пересталъ писать, потому-что, вѣроятно, Докукинъ, обезсиленный страданіями и истеченіемъ крови, впалъ въ безпамятство.... Онъ былъ живъ еще 18 марта, могъ опять отвѣчать и опять Скорняковъ-Писаревъ записалъ собственноручно его показаніе:

Марта въ 18 д. Ларіонъ Докукинъ сказалъ: какъ онъ былъ въ С.-Петербурхѣ, хаживалъ онъ, Докукинъ, къ пѣнію церковному къ церкви Симеона Богопріимца для того, что онъ стоялъ той церкви у просвирницы и въ то время была у него борода не выбрита и въ той церкви раза въ три спрашивалъ его царевичъ, какова онъ чина, и онъ ему сказывалъ, что артиллерскій подьячій, высланъ по фискальскому доношенію съ приходными и расходными книгами; а видѣлъ онъ царевича уже подкиня подметное письмо и послѣ того на сырной недѣлѣ подалъ ему, царевичу, челобитную, съ которой черная у него, Докукина, вынята, и онъ принявъ и посмотря, отдалъ ему назадъ, а велѣлъ придти къ себѣ ко двору поутру и онъ пришелъ; и вышелъ отъ него въ накладныхъ волосахъ, а кто не знаетъ и ту челобитную его всю высмотрѣлъ и взявъ платокъ его, Докукина, вынесъ къ нему отъ царевича двадцат рублевъ денегъ въ томъ платкѣ, и онъ, пріѣдучи къ Москвѣ, его, царевича, хвалилъ и благодарилъ и про вышеписанное про все сказывалъ обоимъ попамъ Авраму и Михайлу; да онъ же (Докукинъ) сказалъ: племянникъ его Федоръ изъ тѣхъ тетрадей немного писалъ начерно, а племянникъ его Иванъ тѣхъ тетрадей не видалъ, а Петръ Ивановъ тѣхъ тетрадей у него не видалъ же, а про присягу онъ, Аврамъ, спрашивалъ: былъ ли онъ у присяги, и онъ сказалъ: не былъ, а такихъ рѣчей что я иттить не хотѣлъ, говорилъ ли и нѣтъ, того онъ, Докукинъ, не упомнитъ, а съ Аврамомъ этихъ тетрадей не писалъ».

Что было съ Докукинымъ послѣ этихъ допросовъ—дѣло молчитъ, и весьма вѣроятно, что оно кончилось такъ, какъ описалъ Плейеръ. Его показаніе послѣ колесованія повлекло арестованіе всѣхъ названныхъ имъ поповъ и племянниковъ: ихъ допрашивали, пытали и наказали кнутомъ и проч. Показанія ихъ не интересны, а осужденія отвратительны. Для любопытства читателей прилагаемъ копіи съ рѣшеній.

Ларіонъ Докукинъ поступитъ грустнымъ и тяжелымъ дополненіемъ къ тому страшному эпизоду изъ жизни Петра, который намъ извѣстенъ подъ именемъ «Суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ».

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СТАТЬѢ

ПОДЪЯЧІЙ ДОКУКИНЪ

1718 г. марта въ 24. По указу Великаго Государя, тайный совѣтникъ и отъ гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, да отъ лейбъгвардіи маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да отъ гвардіи капитанъ поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ приговорили нижеписанному роспопу Авраму за его воровство, что онъ у бывшаго артилерскаго подъячаго Ларки Докукина сочиненные имъ воровскіе о возмущеніи народа противъ Царскаго Величества тетрати бралъ къ себѣ и читалъ и имѣлъ у себя больше недѣли и прочетъ отдалъ ихъ по прежнему ему Ларкѣ, а видя въ нихъ таковое его зло вымышленное воровство Царскому Величеству о томъ не донесъ, и не точію что не донесъ, но какъ тѣ тетрати отдалъ, сказалъ ему, Ларкѣ, чтобъ онъ трудился, а Богъ трудовъ твоихъ не забудетъ, которыми словами своими его, Ларку, на предпомянутое его зловымышленное дѣло поострилъ, по которымъ словамъ такъ оной дерзостно и учинилъ, а когда еще отъ него вора роспопа Аврама такихъ словъ къ нему, Ларкѣ, не было, то оной до того подавать ихъ и не дерзнулъ, въ чемъ онъ роспопа съ розысковъ во всемъ винился онъ же, когда онъ, Ларка, къ присягѣ не пошелъ, хотя отцу его духовному и говорилъ однакожъ, надлежало было ему о томъ донести жъ гдѣ надлежитъ, а онъ о томъ не донесъ же, и тѣмъ своимъ зловымышленнымъ дѣломъ все онаго поощрялъ, и за то его воровство сказать ему роспопѣ смерть, а потомъ учинить жестокое наказанье—бить кнутомъ и обрѣзать языкъ, и вынявъ ноздри, сослать на каторгу вѣчно въ работу. А Ларкина отца духовнаго, Михайла, учиня ему наказанье — бить батоги, свободить и отослать для опредѣленія по-прежнему къ церквѣ, понеже дальняго до него по тому дѣлу не дошло. Племянниковъ его, Ларкиныхъ, за ихъ воровство, что они тѣ воровскіе тетрати одинъ писалъ, а другой читалъ, въ чемъ ими и розыскивано, а съ розыску въ томъ винились замѣнить имъ вмѣсто наказанья тотъ розыскъ и свободить, цейхкватера Андрея Аврамова сына Щепотьева, за то, что онъ у предпомянутаго вора Ларки въ тѣхъ

воровскихъ тетратѣхъ нѣкоторые пункты читалъ оскомандирахъ, а къ Царскому Величеству и къ возмущенію некасающія я написать въ солдаты на пять лѣтъ въ армейскіе полки, для того его отослать при письмѣ къ фельдмаршалу немедленно.

Тайный совѣтникъ и капитанъ отъ гвардіи Петръ Толстой.

Отъ лейбъ-гвардіи маіоръ Ушаковъ.

Капитанъ-поручикъ отъ бомбардиръ Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

Марта 26-го роспопѣ Авраму наказанье учинено.

Карт. 12 Царевича. Дѣло № 125.

Прошеніе подьячаго Ларіона Докукина Царевичу Алексѣю Петровичу о вспомоществованіи.

Благороднѣйшему и Богомъ хранимому сыну святыя церкви и сонаслѣднику всея великія Россіи и многихъ государствъ Великому Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Петровичу о Господѣ Бозѣ радоватися нынѣ и всегда и во вѣки. Аминь.

Прошлаго 714 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ съ Москвы взятъ я, нижепомянутый Вашъ рабъ въ Санктпетербургъ съ приходными и расходными книгами по доношенію фискальскому изъ домишку своего и ко обличенію винѣ онъ фискалъ меня ничѣмъ не приличилъ только по запискамъ подрядчиковымъ, которыя они во многіе годы по небольшому отъ своего произволу, а не изъ неволи и ни отъ какова воровства, что давали за наши приказные труды положено оныхъ дачь на меня въ канцелярію 215 руб., а платить мнѣ нечѣмъ: убогъ, нищь, скорбенъ и увѣченъ и старъ и приказныхъ дѣлъ нести не могу, бью челомъ объ отставкѣ.

Всемилостивѣйшій, благороднѣйшій Государь Царевичъ, сынъ святыя матери нашея восточныя церкви и сопрестольникъ всея Россійскія Державы, призри благоутробіемъ щедротъ милости своея ради имени всещедраго милостиваго нашего общаго Владыки высокопрестольнаго Царя славы подаждь старцу убогому милостыню, подаждь же ми нищему на искупленіе и на свобожденіе отъ онаго положеннаго платежу, да подастъ тебѣ Государю оный милостивый Владыко и небесный царь славы здѣсь и въ будущемъ вѣцѣ въ царствованіи вся благая; Вашего Величества нижайшій рабъ приказу артиллеріи подьячій Ларіонъ Докукинъ. Апрѣля въ день 1715 году.

Карт. 12. дѣла о Цар. А. П. Тетрадки и бумаги Докукина.

ТЕТРАДКИ ДОКУКИНА.

Тетрадка первая.

Въ четвертую долю, на 18 страницахъ.

Начало:

+

«Выписано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова ко признанію мужа характира, дѣло гражданина при смѣшеніи судіи и законоположника: послѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго изметa ученіе».

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ книги.

—

Конецъ:

+

«О святіи отцы іерарши пастыріе и учителіе и всего чину богодухновеннаго молю вашея святыни, простите меня грѣшнаго и паки прошу прастите мя многогрѣшнаго и недостойнаго раба своего имярека и благословите, а не кляните, что вашей святынѣ сіе предложу. Удивляюсь азъ грѣшный величію Божію и ужасъ одержитъ мя смущаетъ ми сердце и умъ и вся чувствія моя, аще тако святое благоволеніе его къ намъ пріиде, ей нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную и вся благолѣпія творенія руку его, зане оставилъ путь правды его и ходилъ въ воли сердца своего окояннаго и нечувствителенъ былъ на всякъ день и часъ, яко свинія въ калѣ, тако азъ убогій во грѣсѣхъ своихъ валяяся, но Создатель нашъ Богъ творитъ елико хощетъ побѣждаетъ и естество чинъ, отъ него вся возможна отъ человѣкъ ничтоже. Сію книгу богословскую святаго отца Григорія Назіанзина внезапу обрѣтохъ въ домѣ нѣкотораго человѣка, онъ же по прошенію моему вручи ми ю и многожде трудихся по ней пріобрѣлъ многоцѣнныя бисеры и сладкія душеполезныя яди, и предпоставилъ я нѣчто нѣкоему мало отъ нихъ вкушающимъ, и сіе вкушеніе мнитъ ми ся инымъ въ вечерю сладчайшую, другимъ же неразумѣваю, я помышляю какъ бы утроба ихъ не огорчилась вкусомъ ихъ понеже не млекомъ яко младенцы питаемы, но твердою и многовидною пищею угощаеми, ей истинну вѣщаю и утробою моею болю, многовидно и различно наше грѣшнее здѣшне житіе, кому уже неуподобимся быхомъ, зри читателю благочестія въ самой той книгѣ, вся изслѣдованны наши грѣшныя путіе, и по истиннѣ изобразительны стали уже на всякое лѣто, а въ сихъ вышеписанныхъ перечневыхъ тетрадцехъ изобразуетъ только нѣкотораго мужа убога характера дѣломъ гражданиномъ, кромѣ инаго мало что, и что есть имя характеръ азъ грѣшный неразумѣю, о томъ вашего отеческаго учительства прошу вразумительства, а по послѣдованію онаго писанія явствуетъ того характера многія злыя виды горькія и въ жизни кромѣ иныхъ; и вѣмъ такого человѣка или невѣмъ— Богъ вѣсть, или то благоволеніемъ Божіимъ въ тамошнихъ полестинскихъ странахъ въ прешедшихъ содѣялось годахъ, а той образъ такойжде внезапу найде на насъ, и не дивно то нѣгдѣ писаніе вѣщалъ единою Богъ глагола а двоя слышалъ, вы же святіи отцы истинны поборницы; симъ моимъ безумнымъ дерзновеніемъ не отрините мя отъ сыновленія и разтворите сіе благоразумнымъ своимъ досмотрѣніемъ. Аминь....»

—

Тетрадка вторая.

Выписки изъ проповѣдей святаго Григорія Назіанзина, а въ концѣ изъ псалмовъ Давида.

Тетрадка третья.

+

«Выписано кратко изъ псалмовъ хотящимъ читати и слушати въ

пользу благочестивымъ святыя церкви сыномъ, понеже святый евангелистъ Іоаннъ Богословъ насъ грѣшныхъ своихъ рабовъ зѣлно на сіе понуждаетъ откровеніемъ своимъ: апокалепсисъ въ главѣ 3-й реченное Ѳиладельфіикій церкви: напиши сіе, глаголетъ святый истинный имѣяй ключь Давидовъ отверзаяй и никтоже затворитъ затворяяй и никтоже отверзетъ.

«Во псалмѣхъ реченное Святаго Духа усты пророка и царя Давида тако писано быша:»

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ псалмовъ.

На апокалепсисъ.

«Отъ житія святаго отца Григорія Богослова Назіанзина реченное о мужѣ нѣгдѣ сице: мню же я якоже во всемъ сый совершенъ мужъ и сіе пріемъ еже отъ меня похваленіе понеже и отцемъ любезна дѣтская нѣмованія отъ нехитростны паче происходящія мысли неже совершенныхъ твердѣйшая словеса и гордостная хитросмыслія.

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ апокалепсиса.

+

Выписки изъ пророчествъ Ісаіи, Іереміи, Данiила и др.

Выписки изъ Григорія Богослова.

Выписки изъ библіи.

Выписки изъ предисловія тріоди постной о постановленныхъ 7-мъ вселенскимъ соборомъ *анаѳемахъ*.

Выписки изъ псалмовъ.

Выписки изъ апостольскихъ проповѣдей и посланій.

Тетрадка четвертая.

+

«Велицiи мои господiи сопрестольнiи судiи и вожди молю вашего благоутробія не прогнѣвитесь на мя такого грубаго и безумнаго невѣжду за дерзнутіе мое сіе не могъ вытерпить, не меня для по христа ради пріимите сіе приношеніе и впушите аще ли во истиннѣ писано или ни, въ томъ будетъ воля Божія и вмѣсто на мя озлобленія дай Боже вамъ милостивое раствореніе. Пища поставленная сія духовная святаго отца Григорія.

Затѣмъ выписки изъ Григорія Богослова.

Въ концѣ тетради приписано отъ Докукина:

Къ сему нѣчто приложу:

«О богоносніи отцы архипастыріе всея вселенныя великія Россіи учителіе нынѣ усердно и слезно вашей святыни моленіе приношу, нѣсмь бо достоинъ нарѣщися быти сынъ вашъ за сіе мое невѣрственное и безумное дерзновеніе и грубость, что мимо вашего отеческаго благословенія дерзнулъ и въ томъ моемъ дерзновеніи и согрѣшеніи прошу у васъ прощенія, но есмь сватыя церкви сынъ аще и весьма грѣшенъ но рожденъ водою и духомъ крещеніемъ святымъ и послѣд-

ствую матере нашей восточной церкви святой, написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чимъ свыше повелѣніемъ отъ многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ людей за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ неповинно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню и всего освященнаго собору въ семъ моемъ дерзновеніи мя грѣшнаго простите и чрезъ небеснаго Царя многими святыми своими молитвами у земнаго царя прилѣжно упросите чтобъ онъ за великимъ страхомъ своимъ не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни дабы общій вашъ и святой церкви всегда былъ сынъ а не изчадіе, но за вашими святыми моленіи и царево сердце будетъ въ милость преклоненіе. Притомъ буди слава Царю вѣковъ аминь.

—

На особомъ листѣ.

Вопросъ тріехъ монаховъ духовнаго отца о дѣтеляхъ я же безъ милости и безъ любви.

Пріидоша нѣкогда тріе братія къ нѣкоему старцу въ скитъ и вопроси одинъ глаголя отче: навыкохъ ветхій и новый законъ изоустъ; и отвѣщавъ старецъ рече ему: исполнилъ еси аеръ словесы и нѣтъ ти пользы, и вторый вопроси его глаголя: азъ ветхій и новый законъ изписахъ себѣ, и отвѣща старецъ рече ему: и ты окофца исполнилъ еси кожами и нѣсть ти пользы; и третій рече: а мнѣ на огнищи возрасло есть быліе. И отвѣщавъ старецъ рече ему: а ты страннолюбіе отгналъ еси отъ себѣ и нѣсть ти пользы; но аще хощете спастися имѣйте ко всѣмъ любовь, и милости прилежите. Отъ любви паки нѣсть усумнѣніе, ибо тоя Господь во первыхъ отъ насъ требуетъ, зане первую заповѣдь ту положи человѣкомъ: возлюбиши глаголя, Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею и всею мыслію твоею; вторую же даде той подобную возлюбиши искренняго твоего яко самъ себѣ; въ сихъ обоихъ заповѣдехъ весь законъ и пророцы висятъ. О милости глаголетъ царь и пророкъ Давидъ (стих. 18) яко предъ лицемъ Господнимъ предстоя: милость и истинна предъидутъ предъ лицемъ твоимъ и паки: милость и судъ воспою тебѣ Господи, но и Божіе человѣколюбіе ни въ чемъ иномъ воздается, развѣ еже къ просящимъ милостыни. Блаженни бо речетъ милостиви, яко ти помилованы будутъ. Блаженъ убо рече разумѣваяй на нища и убога — и благъ мужъ милуяй и даяй. Будемъ убо и мы блази, милующе и дающе и восхощемъ разумѣвше на нища и убога воззватися разумніи. По истиннѣ бо и въ лѣпоту таковый разуменъ именуется. Иже подобное разуму къ нищимъ и дѣломъ показуя. Еще же учитъ насъ Господь въ святомъ евангеліи, сотворите себѣ друга отъ мамоны неправды да егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы, о самомъ томъ Христѣ Господѣ нашемъ Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки аминь.

На оборотѣ.

И принесутъ славу и честь языковъ вонь и неимать вонь вните всяко скверно и творящее мерзость и лжу но токмо написаніи въ книзѣ живота агнчей.....

Прислано отъ отца Д. М. Н.

—

На особомъ листѣ.

+

Божественное писаніе глаголетъ слушателіе православія Что есть человѣкъ яко помниши его или сынъ человѣческій яко посѣщаеши его умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлъ руку твоею все покорилъ еси ему подъ нозѣ его ничтоже остави ему непокорена суть всяческое, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовласну повелѣно ему быти.

Сверхъ того въ бумагахъ Докукина: Молитвы сочиненныя имъ:

1) Святымъ Архангеломъ, Ангеломъ и всѣмъ небеснымъ силамъ.
2) Милостивому Господу и Богу нашему Іисусу Христу.
3) Пресвятой Госпожѣ Царицѣ Владычицѣ Богородицѣ.

—

Повѣсть духовнаго содержанія: вопросъ трехъ монаховъ духовнаго отца о дѣтеляхъ, яже безъ милости и безъ любви.

—

Выписка изъ житія святаго отца Никона патріарха московскаго (стр. 197).

—

Записка для поминовенія: «родъ подьячаго Ларіона Докукина: помяни Господи: о здравіи и о спасеніи Іоанна, Иларіона, Θеодора и ихъ сродниковъ».

«За упокой: схимонахини Елены, Наталей 2-хъ, Тихона, Сильвестра, Даріи, Ирины, Ксеніи, Михаила, Анисима, Никифора, Корнилія, Симеона, Василія и ихъ сродниковъ преставившихся». (Между стр. 260 и 261).

—

Молитва Богородицѣ сочиненная Докукинымъ, на большомъ листѣ и на оборотѣ выписки изъ Григорія Назіанзина.

—

Печатное клятвенное обѣщаніе.

Клятвенное обѣщаніе:

Я ( ) обѣщаюсь предъ святымъ Евангеліемъ, что понеже чрезъ грамоту всемилостивѣйшаго нашего царя и государя Петра Алексѣевича всероссійскаго, объявлено за важные причины лишеніе наслѣдства престола всероссійскаго сыну его царевичу Алексѣю Петровичу, и объявленъ въ наслѣдники онаго престола другой сынъ его царскаго величества, государь царевичь Петръ Петровичъ. Того ради

клянусь Всемогущимъ Богомъ въ Троицѣ славимымъ, что я то его царскаго величества опредѣленія за правдивое признаваю, и оному во всемъ повиноваться буду, и помянутаго опредѣленнаго въ наслѣдство сына Его Царевича Петра Петровича за истиннаго наслѣдника признавать, и во всякомъ случаѣ за его стоять и съ положеніемъ живота своего противъ всѣхъ тѣхъ которые сему противно чинить бы дерзнули, неоставлю.

Царевичу же Алексѣю Петровичу ни въ которое время и ни подъ какимъ предлогомъ къ тому наслѣдству вспомогать, и его стороны держать не буду, и на томъ яко выше объявлено кленусь христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ предъ святымъ Евангеліемъ и цѣлую святый крестъ и подписуюсь собственною моею рукою.

(На этомъ печатномъ листѣ сдѣлана слѣдующая надпись Докукинымъ):

Святымъ пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову кресту покланяюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а за неповинное отлученіе и изгнаніе Всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго Государя Царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ Евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь, еще ктому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти во свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа моего Іисуса Христа по воли его святой за истинну азъ рабъ Христовъ Иларіонъ по реклу Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.

Изъ тетрадей *подъячаго Докукина.*

Глаголетъ псаломникъ: «Господи возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селеніе славы Твоея».

Нынѣ о святіи отцы и братіе восхвалимъ и мы своими мысленными сердцы добрыхъ подвигоположниковъ домовъ святыхъ строителей якоже о нихъ долгъ всегда приносится Христу Богу во святыхъ церквахъ Божіихъ повсюду.

Видимъ какъ издревле все великой Россіи и по всей селеннѣй оные создателіе святые отцы и пустынножителіе иже праведными своими трудами и потами не отъ сокровищъ великихъ, но помалу и въ пустыхъ мѣстахъ церкви и обители святыя созидали и за такія свои подвиги и труды здѣсь велію отъ насъ честь, паченжъ и въ будущемъ вѣцѣ нетлѣнныя вѣнцы и славу отъ Бога себѣ воспріяли.

Другія и отъ міру всю свою земную честь и славу во ничто же вмѣнили и премногое свое сокровище движимое и недвижимое на созиданія оныхъ святыхъ церквей и монастырей себя истощили, отъ чего всю селенную паче-жъ великій сей царствующій градъ Москву и всѣ россійскія грады и страны христіанскія яко небо звѣздами, тако святыми церквами и монастырями украсили и благочестіе тѣмъ просвѣтили. Достойно, отцы и братіе, сихъ и мы купно съ матеріею нашею святою церковію честно воспоимъ и праведному ихъ житію послѣдуемъ. Дадимъ и мы отъ жребоданіяхъ своихъ хотя мало что токмо съ усердіемъ и пріятно Создателю нашему вмѣнитца, какъ и вдовые двѣ лѣпти пріятны ему суть.

Но нынѣ отцы и братіе мало зримъ отъ насъ созидающихъ ей ма-

ло и скудно онымъ первымъ послѣдующихъ и весьма умалилось и о простите мя Бога ради, что дерзко азъ невѣждо отъ безумія своего изношу, но болѣзнуя отъ сердца своего, вамъ сіе рѣку нѣсмъ толико созидающихъ, что расхищающихъ отъ грабителей, воровъ, разбойниковъ татей нощныхъ и тайно своихъ дневныхъ святократцовъ оскудѣли святыя церкви благолѣпіемъ. Глаголю же кихъ своихъ святократцовъ тайно дневныхъ отъ зборщиковъ и хищниковъ, строителей обманщиковъ, не имѣющихъ въ себѣ страха Божія, тайно собранное отъ церкви Божіи похищаютъ, не сокровище похищаютъ, но огнь себѣ невещественный готуютъ, и не въ Бога богатѣютъ, но злѣ чреву своему изждиваютъ, а христолюбивымъ подателемъ тщету содѣваютъ, но намъ христолюбцы нѣсть бо рѣщи на ползу сіе единъ Богъ сердцевѣдецъ и судія онъ всякому грѣху, а не мы отъ сего погрѣшенія, да избави насъ Господь Богъ своею благодатію.

О благочестія рачители и любимыи мои Господіе, молю вашего о Христѣ Бозѣ благородія, поревнуемъ онымъ добрымъ дѣломъ святымъ отцемъ пустынножителемъ и всякаго чина святыхъ домовъ строителемъ, како они за оные свои труды въ будущей жизни во упокоеніи отъ Бога прославляеми и отъ насъ христолюбцовъ здѣ почитаеми есть ли нынѣ таликое число христолюбивыхъ рачителей и къ святымъ домомъ усердно подвигоположниковъ уже ей не талико обретаетца строителей елико умножаетца хищниковъ богоотступниковъ еретиковъ, расколщековъ святыхъ церквей, ругателей, опустошителей рода христіанскаго ненавистниковъ, гонителей и тайно мучителей, зѣло зло такихъ умножилось и отъ часу паче множитца, влѣзли татски во овчее стадо обуяли, распудили и отторгли не малую часть душъ христіанъ. Да пресечетъ ихъ Христосъ Богъ злокозненное ухищреніе, обаче мои Господіе и любимицы помните своего Владыки Христа Бога рѣченное слово: о христолюбивый роде, не бойся малое мое стадо лучще вы ихъ есте и нѣсть рабъ болій Господа своего, аще слово мое соблюдутъ — и ваше соблюдутъ, аще мене изгнаша—и васъ изженутъ, но сія вся творятъ намъ за имя Его и паки молю васъ христолюбцы, не убойтеся сего, станемъ бодрьствоимъ изтрезвимся и на супостатовъ своихъ враговъ крестомъ Христовымъ вооружимся симъ оружіемъ, побѣдимъ немощную ихъ злокозненную силу, пойдемъ во слѣдъ учителя своего Христа и да любимъ другъ друга, отвержемъ отъ себя всякую злобу и ненависть, дадимъ гнѣву мѣсто, прибѣгнемъ къ покрову своему и необоримой стѣнѣ, рекше во храмъ Божіи на молитву, воздержимся отъ піянствъ и грабленія рукъ, освятимъ постъ, дадимъ милостыню, стяжимъ въ терпѣніи души наши да здѣсь вмалѣ Бога ради — вся претерпимъ, а въ будущемъ вѣцѣ неизреченную радость воспріимемъ: слава Христу Боду нынѣ и всегда во вѣки. Аминь.

О, всемилостивая Госпоже Царица Владычица Богородица! молимтися мы грѣшніи рабы Твои, аще и недостойни суть по дѣломъ своимъ, но въ надѣяніи есмы великой милости Твоей, яко Мати всемогущаго Христа Бога нашего свобождаеши насъ и души наши всегда отъ ловящихъ сѣтей вражіихъ свободи убо и свой образъ святый съ Превѣчнымъ Младенцемъ держимымъ, имъ же вся вселенная содержитъ яко плѣнныхъ изъ дому оныхъ лживцовъ Аѳонасіева, по реклу Тимирязева и супруги его, но вина есть въ томъ запенщаго ихъ, а не сущая ихъ, и даруй намъ, милостивая Госпоже, отъ сѣтованія порадованіе, пренеси его по своему благоутробію въ храмъ Божій, яко же волиши гдѣ отъ насъ грѣшныхъ обѣщано ему быть. Аминь, аминь, аминь.

Изъ тетрадей подъячаго Докукина.

Возмутительное письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви.

Божественное писаніе глаголетъ слушателіе православныя:

Что есть человѣкъ яко помниши его или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши его, умалилъ еси его малымъ чимъ, отъ ангелъ славою и честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею, вся покорилъ еси ему подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорена суть всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну повелѣно ему быти.

Что смѣемъ отвѣщать противу слово сего отъ новаго Израиля и Іерусалима, живущія во благодати сирѣчь во Христовѣ вѣре царствующаго града Москвы и прочихъ Россійскихъ градовъ жительствующія речемъ ли, что противу силы оного божественного писанія или оставимъ, естли нынѣ вѣрно намъ слово сіе или ни отвѣщаемъ ли что или положимъ устомъ своимъ хранило понеже стако противу рожна прати.

Удивленію велію достойно такую дарованную намъ отъ Бога честь и власть человѣкомъ бреннымъ и маловременнымъ живущимъ на земли ангеламъ земнымъ небеснымъ человѣкомъ уподоблени быхомъ.

Но зрите о правовѣрныи христіанскіи родъ како мы отъ зависца и губителя своего діавола древлего нашего супостата здѣсь живущи на земли отъ оного Божественного дара многія отрѣзаеми и свободной жизни лишаеми, гоними изъ дому въ домъ изъ мѣста въ мѣсто изъ града во градъ оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ и земледѣлства такожде и рукодѣлства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ начежъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія и грацкихъ издревлѣ уставленныхъ законовъ лишились, о суетныхъ своихъ дѣлехъ и вълестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званіи нашего слованскаго языка и платья перемѣнили главы и брады обрили и персоны свои ругательски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты и разнствія съиновѣрными языки, купно съними пиршествуемъ ядимъ піемъ веселимся живемъ и посѣгаемъ якоже сущно съ своими христіаны тожде и съ ними иновѣрными языки и съ иными бесурманы послѣдствуемъ ихъ нравомъ и закономъ забывъ страхъ Божій и христіанскія законы уничтожили, среды пятка и постовъ . . . . равную съними пищу ядимъ смѣсишася языкомъ и дѣломъ ихъ навыкоша а свои христіанскія обѣты опровергоша и господина своего оплотъ весь окрадоша и правый путь у насъ изчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша и въ земли забвеніи погибоша а отъ востоку очи свои зажмоша и глезнѣ свои въ бѣгство на западъ обратиша и неудобной стремниной путь себѣ многими трудами и потами пріобрѣтоша, свободныя власти и чести по оному божественному писанію дарованныхъ намъ отъ Бога отпадоша, видимъ дѣломъ совершаемо а неписму сему послѣдуемъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлехъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговыя и завоцкія промыслы отняты многія и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и не . . . . . . оброковъ налагаемыхъ гладомъ и стоеваями и многія отъ того умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обетщали древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали плинѳы на созиданія святыхъ божіихъ церквей и домовъ дѣлать заказали на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали, а при-

шелцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежехъ и с податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущія грады и драгія винограды рѣкше. Святыя церкви опустошили, и что иное рѣщи и писанія неудобно изнести удобнѣе устномъ своимъ ограду положить но велми, сердце ми болитъ видя опустошенія Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами.

Но все то найде намъ скорбь и туга велія позависти - діавольской и пришелцевъ иновѣрныхъ языковъ влѣзли окоянніи татски яко хищницы волцы въ стадо христово уже и не малую часть отторгли яко звѣздъ небесныхъ тако душъ христіанскихъ въ свою прелесть погибельную хотя родъ христіанской искоренить аще Богъ злоправіе ихъ языческое непрекратитъ но да сбудется псаломское рѣченное слово во утрія избиша в ся грѣшныя земли еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе, небо и земля прейдутъ а слово Господне непрейдетъ.

Но сія вся намъ творятъ за имя Господа нашего Іисуса Христа, поминайте слово рѣченное нѣсть рабъ болій Господа своего аще слово мое соблюдутъ и ваше соблюдутъ аще меня изгнаша и васъ изжденутъ, еще повторяю рѣченное слово Господне птицы небесныя гнѣздье, лисіи язвины имутъ, Сынъ же человѣческій не имѣлъ гдѣ главы подклонить блаженни изгнанни правды ради, блаженни плачущіи яко тіи утѣшатся.

О благочестивые и христолюбивые избранные людіе Божіи многотрудники и страстотерпцы и таинственные мученики не ужасайтеся и не отчаявайтеся милости Божіей но вся сія намъ по воли Его святой строитца за умноженіе нашихъ грѣховъ и за сіе наше страданіе аще благодарно стерпимъ отпуститъ Создатель нашъ Богъ вясщей намъ долгъ и ущедритъ великими своими богатыми дарами и неизрѣченною милостію токмо потерпите Господа ради мало еще потерпите не страданія противъ будущаго воздаянія ни радость безъ наказанія ни печаль безъ утѣшенія, всегда по печали жди радости, не оставляетъ бо Христосъ жезла на жребіи своемъ гдѣ умножитца грѣхъ преизобилуетъ благодать якоже болящея жена хотяще родити тако и Богъ на грѣшныя свои люди кающіяся хощетъ свою благодать изліяти токмо несумненно вѣруемъ Ему и спасемся о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ купно со Отцемъ и Святымъ Его Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ аминь.

СТЕПНАЯ ОХОТА.

II.

Таргунъ. Мельникъ Сомовъ. Утопленникъ. Хуторъ Вороны. Вотъ она настоящая степь. Охота.

Быстро и плавно катились наши тарантасы по ровной и гладкой степной дорогѣ. Нѣсколько разъ останавливались мы; то стрепетъ съ свистомъ поднимался впереди, то степной куликъ вился надъ нашими головами, то сурокъ, сидящій у своей норы, обращалъ на себя вниманіе; ни что не пропускалось безъ выстрѣла; а Петръ мастерски убилъ драхву изъ своей уродливой винтовки. Мы отъѣхали отъ слободы уже болѣе пятидесяти верстъ. Убили на пути штукъ десять различной степной дичи. Въ это время Николай Ѳедоровичъ разсказалъ мнѣ краткую біографію Француза, сопровождавшаго насъ на охоту.

Изъ этого разсказа я узналъ, что г. Вало, — уроженецъ Дижона, — пріѣхалъ изъ Парижа съ княземъ Ч........, въ качествѣ каммердинера и парикмахера, что черезъ годъ за пьянство выгналъ его князь изъ своего дома, и бѣднякъ тотчасъ-же поступилъ учителемъ къ одному помѣщику, потомъ

къ другому и къ третьему, но нигдѣ не уживался болѣе года.

Потомъ Французъ нашъ, изъ наставника русскаго юношества, превратился въ дворецкаго; потомъ открылъ онъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ залъ для бритья и стрижки волосъ, стригъ и брилъ всѣхъ на пропалую; но, не довольствуясь доходами отъ этого ремесла, онъ открылъ у себя что-то въ родѣ игорнаго дома, попалъ въ руки полиціи, та comme de raison, не помрачая своей славы, распорядилась съ нимъ по своему, сдѣлала изъ цирюльника опять гувернера и помѣстила его въ домъ одного важнаго лица.

Почти два года восхищалось это лицо отличнымъ выговоромъ и ловкостью своего Француза; сквозь пальцы смотрѣло на его нетрезвую жизнь; но въ одно прекрасное утро, послѣ одной несчастной ночи, хозяинъ дома, въ припадкѣ какого-то бѣшенства, за пьянство высѣкъ Француза розгами; а когда тотъ осмѣлился обидѣться такимъ отеческимъ попеченіемъ о его нравственности,—вытолкалъ его изъ дома, конечно не заплативъ слѣдующаго ему жалованья; и съ того времени, Французъ живетъ у Николая Ѳедоровича въ качествѣ какого-то домашняго секретаря, шута, егеря и проч. и проч...

Солнце опускалось, лучи его уже ложились по широкой степи, когда мы выѣхали на такое пространство, на которомъ не видѣлось болѣе ни загона вспаханной земли, ни воловъ, выпряженныхъ изъ плуга, ни дымка́, поднимавшагося отъ очага хохла пахаря или атарщика (*) съ его вольными стадами; мы окружены были степью со всѣхъ сторонъ.

— Кажется теперь мы уже въ настоящей степи? обратился я къ Николаю Ѳедоровичу.

— Что вы, мой любезнѣйшій, какая это еще степь? развѣ вы не видите кургановъ и сурчинъ, которыми покрыто чуть не все поле? развѣ на настоящей степи есть такіе пестрые узорчатые ковры изъ тюльпановъ? а вонъ посмотрите, виднѣются высокія ветлы, и Николай Ѳедоровичъ указалъ далеко впередъ.

(*) Атарщикъ—пастухъ.

— Это сомовская мельница, до нея небольше шести верстъ осталось, продолжалъ онъ. Здѣсь надо намъ остановиться; солнце уже на закатѣ, подождемъ не болѣе получаса, можетъ быть стрепета затокуютъ?

Сказано—сдѣлано. Экипажи остановились.

— А я только-что хотѣлъ вскричать вамъ, говорилъ старикъ Дергачъ, подойдя къ нашему тарантасу; думалъ, что вы пожалуй забыли или заговорились, что долго не останавливаетесь.

— Да вѣдь до мельницы будетъ еще верстъ шесть;—довольно мѣста, чтобы вдоволь натѣшиться.

Всѣ мы вылѣзли изъ тарантасовъ, и я съ удивленіемъ замѣтилъ около Дергача, вмѣсто его уродливаго легаша, чрезвычайно красивую, вислоухую борзую собаку. Тутъ только объяснилъ онъ мнѣ, что стрѣлять изъ винтовки уже не можетъ, «глаза измѣняютъ и рука нетверда стала», говорилъ старикъ, такъ и осталась одна только утѣха; «вотъ они еще забавляютъ, спасибо имъ, продолжалъ онъ,» поглаживая своего любимца Нарзана, и громкимъ свистомъ подозвавъ свою Пальму, проворно соскочившую съ дрогъ, и вмигъ очутившуюся у него на груди. «А собачки-то недурны; хоть-бы въ царскую охоту», прибавилъ старикъ, самодовольно улыбаясь; «въ степи уходца не знаемъ! что ни побѣги, все въ торокахъ! хвастать не буду, сами увидите.»

Въ это время Николай Ѳедоровичъ распоряжался экипажами; онъ приказалъ имъ подъ надзоромъ Семена ѣхать на мельницу, лошадей хорошенько выкормить, да приготовить чай и чего нибудь поужинать; а Сомова просить, чтобы онъ выслалъ навстрѣчу намъ какія нибудь дроги.

Медленно удалились отъ насъ шагомъ наши тарантасы, изрѣдка долеталъ еще до насъ лѣнивый звонъ колокольчика; солнце все болѣе и болѣе погружалось своими лучами въ степную даль, а мы стояли все еще на мѣстѣ, дѣлая приготовленія къ охотѣ; Петръ, положивъ свою винтовку, подтягивалъ подпруги у осѣдланной лошади нашего старика дидо, который толковалъ мнѣ: какъ мы пойдемъ, что намъ будетъ попадаться, и какъ надо вообще дѣйствовать при такой охотѣ.

*

— Вонъ, видите вдали темную полосу? говорилъ онъ, — это Таргунъ виднѣется; такъ мы и захватимъ всю степь между рѣкою и нашею дорогою, да такъ прямо на мельницу и пойдемъ впередъ.

Съ послѣдними словами старикъ молодцомъ сѣлъ на своего коня, поправилъ кафтанъ, и всѣ тронулись съ мѣста. Мы стали расходиться на полъ-версты разстоянія, такъ что Николай Ѳедоровичъ съ ружьемъ и двумя собаками остался на флангѣ около дороги, около него ѣхалъ дидо, далѣе я, а за мною Илья, потомъ Французъ и наконецъ Петръ, который долженъ былъ спуститься къ самому Таргуну. Но не успѣли мы еще занять свои мѣста и составить линію, какъ въ двадцати шагахъ отъ меня вскочили съ обычнымъ свистомъ пара стрепетовъ; раздались два выстрѣла, и обѣ птицы упали на мягкій ковылъ.

— Важно! вскричалъ Дергачъ; начало хорошее, такъ и во всей охотѣ путь будетъ.

Мы разровнялись какъ было сказано. Тотчасъ послѣ моихъ выстрѣловъ, послышались со стороны Таргуна крики веретенниковъ, свистъ куликовъ и кроншнеповъ, летѣвшихъ намъ навстрѣчу. По расположенію нашей цѣпи, эта охота досталась на долю Француза и моего Ильи. Они безжалостно клали въ ягдташи одну птицу за другою,—стрѣлять ихъ не трудно, какъ извѣстно каждому охотнику. Отъ самой рѣки слышались также частые выстрѣлы Петра. На нашемъ флангѣ было тихо въ теченіи четверти часа. Медленно и осторожно подвигались мы впередъ. Наконецъ раздался выстрѣлъ Николая Ѳедоровича,—онъ убилъ токующаго стрепета, и вслѣдъ за этимъ дидо поскакалъ впередъ,—вдали я увидѣлъ какого-то звѣря, къ которому съ изумительной быстротой спѣшили борзыя собаки. Въ нѣсколько мгновеній они его догнали, и въ то время какъ Дергачъ вторачивалъ затравленнаго имъ хорсака, я услыхалъ не вдалекѣ свистъ сурка, сидящаго на заднихъ лапкахъ, на низкомъ курганѣ. Я окликнулъ свою собаку, и сталъ осторожно подходить къ нему; мнѣ казалось, что я былъ уже на выстрѣлѣ; я приложился, спустилъ курокъ и звѣрокъ исчезъ; но когда я подбѣжалъ къ тому мѣсту, я увидѣлъ, что онъ скрыл-

ся въ нору, въ устьѣ которой замѣтно только было нѣсколько капель крови.

Только впослѣдствіи я узналъ, что сурка убить дробью нѣтъ никакой возможности. Они никогда не удаляются отъ своей норы болѣе 20 саженъ, а при ранѣ дробью всегда сохраняютъ столько силъ, чтобы добраться до своего подземнаго жилья, гдѣ большею частью излечиваются отъ своихъ ранъ; поэтому ихъ стрѣляютъ обыкновенно небольшой пулей изъ винтовки.

Для читателей моихъ, не знакомыхъ съ степной природой, здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ небольшомъ, очень занимательномъ звѣркѣ, такъ и о хорсакѣ, жизнь и нравы которыхъ еще мало изслѣдованы нашими натуралистами.

Сурки нашихъ заволжскихъ и донскихъ степей по наружному ихъ виду отличаются отъ всѣхъ прочихъ только большимъ ростомъ, и цвѣтомъ шерсти болѣе бѣлѣсоватой, такъ что иногда встрѣчаются цѣлыя семейства сурковъ совершенно бѣлыхъ, какъ лебяжій пухъ. Но въ жизни и нравахъ ихъ есть очень много особеннаго и достойнаго вниманія г.г. зоологовъ.

Эти сурки живутъ обыкновенно въ степяхъ ковыловыхъ, т. е. первобытныхъ. По мѣрѣ населенія и распашки извѣстнаго обитаемаго ими пространства, они удаляются отъ вновь возводимыхъ селеній все далѣе и далѣе въ степь. Поэтому казалось бы, что животное это должно быть очень дико; но, напротивъ, никакой звѣрь не привыкаетъ такъ скоро къ человѣку, не дѣлается, какъ онъ, совершенно ручнымъ, не болѣе какъ въ нѣсколько дней. Я самъ видѣлъ стараго сурка, который, на шестой день послѣ его поимки, подходилъ уже къ рукамъ, бралъ изъ нихъ яблоко и сахаръ, которые тутъ же съѣдалъ, садясь на заднія лапки, а передними поддерживая и поворачивая свою добычу. Сурки живутъ въ норахъ всегда семействами, состоящими обыкновенно изъ двухъ стариковъ, изъ двухъ, а иногда и трехъ молодыхъ и годовалыхъ дѣтенышей. Цѣлый день сидятъ они въ своихъ норахъ, рѣдко случается увидать старика, посвистывающаго около самаго отверстія; но какъ только

солнце начинаетъ склоняться къ западу, вся семья выбирается на чистый воздухъ: молодые играютъ кругомъ норы, а старики степенно сидятъ на заднихъ лапкахъ, ожидая сумерекъ; тогда отправляются они на добычу, и нерѣдко проводятъ въ этомъ занятіи цѣлую ночь, но никогда не отходятъ отъ норы далѣе пятидесяти или немного болѣе саженъ; на утренней зарѣ они опять всѣ около своей норы, и когда солнце начинаетъ уже сильно пригрѣвать, они прощаются съ дневнымъ свѣтомъ и убираются на отдыхъ, въ свое прохладное подземелье. Правдивый старикъ хохолъ, охотникъ до всего, и испытатель природы въ своемъ родѣ, разсказывалъ мнѣ, что ему случалось нѣсколько разъ видѣть въ лунную ночь, какъ сурки, цѣлыми семьями, ходятъ въ гости къ своимъ сосѣдямъ, и какъ затѣвается у нихъ тогда игра цѣлымъ обществомъ, въ которое соединяются иногда по три семейства, живущія не вдалекѣ одно отъ другаго.

Такъ проводятъ степные сурки лѣто; а съ августа мѣсяца они начинаютъ уже сбирать свой запасъ, состоящій преимущественно изъ корней нѣкоторыхъ степныхъ растеній. Замѣчательно, съ какою акуратностью и правильностью располагаютъ они свои запасы въ совершенно особомъ отдѣленіи норы, и какъ хорошо сохраняются они тамъ до марта мѣсяца, — до времени, когда начинаютъ уже употреблять ихъ въ кормъ. Тотъ же охотникъ увѣрялъ меня, что всѣ свои запасы, передъ уборкою ихъ въ нору, сурки просушиваютъ на солнцѣ по нѣскольку дней. Собираемые ими корни принадлежатъ различнымъ растеніямъ, смотря по мѣстности; но почти во всѣхъ разрываемыхъ мною норахъ, въ различныхъ мѣстахъ за Волгою, близъ Дона и Медвѣдицы, я вездѣ встрѣчалъ одинъ и тотъ же корень, очень похожій на небольшія шишки георгинъ; никто не могъ мнѣ сказать, какому именно растенію они принадлежатъ; корни, добытые мною изъ сурчинъ, я варилъ и пробовалъ ихъ; на вкусъ они сходны съ шишковатою земляною грушею.

Зимою, съ декабря по мартъ, сурокъ съ своимъ семействомъ, не только не выходитъ изъ своей норы, но и въ ней онъ постоянно лежитъ въ какомъ-то забытьи и разслабленіи; въ это время онъ ѣстъ только одинъ или два раза

во всѣ три мѣсяца, и для этого дѣлаетъ особый небольшой запасъ, который зарываетъ въ сухую траву, заготовляемую имъ въ норѣ для своего логовища.

Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ приходитъ, такъ сказать, въ нормальное положенiе. Какъ-то грустно тогда смотрѣть на него: шерсть на бокахъ у него облѣзаетъ, онъ дѣлается худъ до невѣроятности, и обезсиливаетъ до того, что едва передвигаетъ ноги; въ это время онъ подкрѣпляетъ свои силы, питаясь осенними запасами.

Кто не видалъ и не разрывалъ самъ сурчинъ (сурочьихъ норъ), тотъ съ трудомъ повѣритъ, сколько обдуманности, сколько соображенiя обличаетъ устройство такой норы. Сурчина, отъ отверстiя ея идетъ обыкновенно прямою трубою вершковъ 4–5 въ дiаметрѣ,—въ длину отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ и оканчивается пещеркой, имѣющей до $1^1/_2$ аршина въ основанiи и до трехъ четвертей въ вышину. Отъ такой пещерки идутъ, немного наклонно, вправо и влѣво двѣ норы, болѣе полуаршина въ дiаметрѣ, и каждая изъ нихъ на $1^1/_2$ аршина оканчивается опять такою же пещеркой, какъ первая; а прямо передъ входной норой продолжается опять такая же нора на 4, 5 и даже 6 аршинъ и непремѣнно до тѣхъ поръ, пока упрется она въ водоносную жилу.

Вотъ почему при поселенiяхъ въ степи обращаютъ вниманiе на сурчины: «гдѣ ихъ много, тамъ есть подъ землею прѣсная вода,»–это правило или примѣта, извѣстная всѣмъ степнякамъ. По этой же самой причинѣ, ближе къ степямъ внутренней киргизской орды, въ мѣстностяхъ между Узенями и Елтонскимъ озеромъ, сурковъ гораздо менѣе и норы ихъ виднѣются изрѣдка грядами только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть жилы прѣсной воды, но еще ниже къ югу, около соляныхъ грязей, сурковъ уже и вовсе нѣтъ, потому, что тамъ нѣтъ другой воды, кромѣ горькосоленой.

Обратимся еще разъ къ сурчинѣ. Не трудно догадаться, что одна изъ боковыхъ пещерокъ служитъ суркамъ для ихъ прiюта, а другая для ихъ запасовъ; но въ норахъ старыхъ сурковъ находится всегда еще третья небольшая боковая пещерка, гдѣ помѣщаются отдѣльно годовалые дѣтеныши, которые только въ двух-лѣтнемъ возрастѣ, прiис-

кавъ подругъ, покидаютъ родительское подземелье и устраиваютъ себѣ отдѣльную нору. По увѣренію того-же старика охотника, сурки живутъ до двадцати и болѣе лѣтъ.

Много уничтожаютъ сурковъ промышленники охотники, пользующіеся ихъ шкурами и жиромъ; но еще болѣе злые враги и истребители ихъ—это степная лисица и хорсакъ. Первая изъ нихъ подкарауливаетъ несчастныхъ байбаковъ (*) во время ихъ ночныхъ прогулокъ и на промыслѣ; а послѣдній, по росту своему имѣя возможность проникнуть въ сурчину, не рѣдко понуждаемый голодомъ, рѣшается на такой подвигъ, который впрочемъ рѣдко обходится ему безъ двухъ или трехъ ранъ, но хоть одного изъ сурочьей семьи онъ всетаки похититъ. Часто хорсакъ, какъ нибудь выбитый изъ своей норы, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ объ уничтоженіи цѣлаго семейства сурковъ только для того, чтобъ занять его подземелье, и тѣмъ избавить себя отъ необходимости самому работать надъ устройствомъ своего жилища. А какъ нора хорсака имѣетъ всегда *отнорки*, то есть два или три выхода, то въ сурчинѣ предстоитъ ему сдѣлать такіе изъ боковыхъ пещерокъ. Хорсакъ принадлежитъ къ породѣ лисицъ и составляетъ по росту самый малый видъ этого рода. Онъ немного болѣе обыкновенной кошки; шерсть на немъ довольно жесткая, цвѣта сѣровато-бураго; живетъ онъ постоянно близь своей норы, куда укрывается отъ непогоды и полуденнаго жара, но большую часть дня и ночи проводитъ на чистомъ воздухѣ, отходя иногда за версту отъ норы, для пріисканія добычи; во время такой фуражировки, хорсаки нерѣдко дѣлаются добычей охотниковъ, которые преслѣдуютъ ихъ осенью съ ружьями, съ собаками, а Киргизы съ ихъ ястребами и беркутами.

На такой-же фуражировкѣ засталъ Дергачъ и того хорсака, котораго онъ только что второчилъ, и стоитъ теперь на курганѣ, поджидая насъ.

Я шелъ прямо къ нему, чтобы взглянуть на затравленнаго звѣря, и подходя къ небольшому кусту бобовника, (**) я

(*) Сурокъ по малороссійски—байбакъ.

(**) Бобовникъ-степной миндаль,-дикой персикъ.

завернулъ въ него безъ всякой особенной цѣли, какъ вдругъ изъ подъ самыхъ ногъ моихъ поднялась драхва, которая такъ испугала меня своимъ неожиданнымъ появленіемъ, что въ десяти шагахъ отъ нея я *пропуделялъ* изъ обоихъ стволовъ. Сильно забилось мое сердце отъ досады и испуга. По осмотрѣ мѣста оказалось, что драхва поднялась съ гнѣзда, въ которомъ лежало уже два яйца. Я не хотѣлъ–было ихъ брать, но увидавъ, что Французъ, подошедъ къ сѣвшей передъ нимъ птицѣ, убилъ ее, я вернулся и вынулъ ихъ изъ гнѣзда; яйца были величиной съ яйцо индѣйки, и почти такого–же цвѣта, только нѣсколько зеленоватаго.

Такъ подвигались мы всею нашею цѣпью понемногу впередъ. Выстрѣлы слышались довольно часто, охота была преимущественно на стрепетовъ, которые при закатѣ солнца начали токовать во всѣхъ сторонахъ. Я убилъ ихъ шесть штукъ, драхву и кроншнепа, и такъ изнемогъ подъ ихъ тяжестью, что съ удовольствіемъ увидалъ приближающіяся къ намъ дроги, высланныя съ мельницы, до которой оставалось еще версты три.

Я направилъ–было мой путь къ нимъ навстрѣчу, чтобы скорѣе сложить свою тяжелую ношу, но въ это самое время послышались вдали крики, потомъ увидалъ я, что шедшій въ верстѣ отъ меня Илья побѣжалъ вдругъ впередъ съ крикомъ «береги, улюлю, улюлю»; тутъ только разсмотрѣлъ я въ полуверстѣ впереди лисицу, бѣжавшую по направленію къ дрогамъ. Тотчасъ же замѣтилъ ее и Дергачъ, и тронулъ свою лошадь; собаки впились въ нее глазами и быстро понеслись за ней. Замѣтивъ врага, лисица измѣнила свое направленіе, и въ самое то время, какъ Нарзанъ хотѣлъ ее схватить, — лисица исчезла. Подойдя къ этому мѣсту, мы увидали какую–то нору, въ которую она скрылась, а жадныя собаки съ визгомъ скребли около нея землю и съ злобой заглядывали въ ея глубь.

— Ушла, каналья! съ досадой говорилъ Дергачъ, стоя около норы, когда подходили мы съ Николаемъ Ѳедоровичемъ.

— И хорошо сдѣлала, замѣтилъ я; что же въ ней теперь толку? чай вся голая, или въ лохмотьяхъ; шкура ни къ чему не годится, безъ пользы погибла-бы.

— Не въ шкуркѣ дѣло, Ѳедорычъ! а какъ смѣла, проклятая, уйти отъ Нарзана. А жалѣть-то что ихъ? этого звѣря развелось такъ много по степи, что скоро никакой птицѣ не дадутъ житья, заключилъ Дергачъ, слезая съ коня и утирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо.

Въ это время дроги, своротивъ съ дороги, подъѣхали къ намъ. Онѣ были отъ насъ еще въ полуверстѣ, какъ крикъ ѣхавшаго на нихъ хохла обратилъ на себя наше вниманіе, и мы не знали еще въ чемъ дѣло, какъ собаки съ жадностью бросились съ кургана, а потомъ увидали и мы русака, бѣгущаго прямо къ намъ. Эта травля была точно какъ на садкѣ; съ довольно высокаго кургана, смотрѣли мы какъ съ нарочно устроенной террасы. Дергачъ такъ заторопился сѣсть на лошадь, что не могъ еще попасть ногою въ стремя, какъ Сударка догнала уже русака, и довольный Николай Ѳедоровичъ закричалъ ей нѣсколько одобрительныхъ словъ, съ обычными охотничьими прибаутками. Но русакъ наддалъ; Сударка справилась, опять догнала, опередивъ другихъ собакъ, но опять не захватила,—и съ этой минуты придвинувшійся къ нему Нарзанъ такъ завладѣлъ звѣремъ, что не давъ перемѣнить себя Сударкѣ, какъ говорятъ охотники, пришился къ нему и безъ осѣчки понесъ его въ зубахъ; такимъ образомъ торжество рѣзвой, красивой Сударки на первыхъ порахъ было разрушено силою могучаго Нарзана, что, какъ казалось мнѣ, очень огорчило Николая Ѳедоровича; онъ повторялъ только «силенъ Нарзанъ, силенъ, только рѣзвости-то нѣтъ»! и тотчасъ же подалъ въ рогъ голосъ, чтобы сбирались къ дрогамъ.

Солнце давно уже сѣло; багровая заря предвѣщала сильный вѣтеръ. Сидя на курганѣ, поджидали мы нашихъ товарищей. Тихо было въ степи, какъ въ могилѣ. Махнетъ-ли лошадь головой и брякнетъ уздой, почешетъ-ли собака лапой свою спину, вырубитъ ли Дергачъ огня своимъ крисаломъ (*), пробѣжитъ-ли ящерица по зеленому ковылю, затокуетъ ли вдали стрепетъ, — все это были звуки сильно

(*) Крисало—огниво.

поражающіе слухъ въ этомъ безмолвіи, которое нарушалось только изрѣдка выстрѣлами.

Подошелъ наконецъ и Илья, а за нимъ и Французъ, еще издали начавшій намъ разсказывать: «какъ убилъ онъ маленька лисицъ и большой дрофъ, и всякая птица много, много». А когда Дергачъ увѣрилъ насъ, что Петръ пройдетъ по рѣкѣ прямо на мельницу, мы сѣли на дроги; Илью помѣстили верхомъ на лошадь Дергача, и шагомъ тронулись съ мѣста.

Только въ это время, когда перестала волноваться охотничья кровь, когда вниманіе освободилось отъ ожиданія увидать какого нибудь звѣря или птицу,—я вполнѣ любовался мѣстностью, на которой такъ роскошно-хороша весенняя степная зелень, гдѣ такъ много разбросано красивыхъ тюльпановъ, ирисовъ и другихъ цвѣтовъ. Вдали виднѣвшіеся два высокіе кургана, единственные остатки татарскаго кочевья, заставили меня вспомнить и о татарскомъ владычествѣ, и о погибшихъ въ ордѣ князьяхъ и боярахъ нашихъ! Модуляціей на эту тему явились мечты о превратностяхъ судьбы; и думалъ я: куда же дѣвался этотъ страшный народъ, громившій Россію и Польшу, наводившій ужасъ на Венгрію и Германію? Неужели это ихъ потомки, и единственные представители ихъ рода въ Россіи, работаютъ теперь на нашихъ фабрикахъ и винокуренныхъ заводахъ? Неужели это потомки князей и султановъ, которые въ настоящее время мирно торгуютъ у насъ шерстью, или продаютъ мыло на нашихъ базарахъ? Какъ и почему изъ десятимилліонной массы татаръ Золотой орды, на всѣхъ занимаемыхъ ею нѣкогда степяхъ, осталось въ кочевомъ состояніи только небольшое племя Татаръ кундуровскихъ или хана дуровскаго, которые въ настоящее время занимаютъ подъ свое кочевье степь на юго-востокъ отъ горы Богдо, не вдалекѣ отъ Ахтубы, одного изъ главныхъ рукавовъ Волги? Я не могъ уяснить себѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, и хотѣлъ было заговорить объ этомъ съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, но въ ту самую минуту всѣ на дрогахъ засуетились, закричали, захохотали, и я съ трудомъ понялъ въ чемъ дѣло: впереди

насъ, по дорогѣ, борзыя собаки и мой Немвродъ преслѣдовали тушканчика (*).

Нельзя было видѣть безъ смѣха, какъ большія четыре собаки хлопотали около этого маленькаго звѣрка, и никакъ не могли поймать его. Догоняли его конечно очень скоро, несмотря на его большіе прыжки; но какъ только собака хочетъ его захватить, онъ или дѣлаетъ неимовѣрный прыжокъ, прямо вверхъ, и собака проскакиваетъ подъ него, или прячется подъ какой нибудь кустокъ или комокъ травы, и собака перескакиваетъ черезъ него. Наконецъ мы остановились, и только послѣ долгихъ усилій онъ былъ пойманъ, а бѣдныя собаки измучились и избились такъ, что совершенно *зарьяли.*

Заря потухала уже, мы торопились скорѣе къ мельницѣ, но нѣсколько разъ задерживали насъ попадавшіеся на дорогѣ тушканчики, отъ преслѣдованія которыхъ никакъ нельзя было удержать собакъ; и мы нехотя затравили четырехъ, пока подъѣхали къ ночлегу.

— Ну, теперь видно мы близко къ настоящей степи! вскричалъ я, увидавъ верблюдовъ, пасущихся недалеко отъ мельницы.

— Недалеко! отвѣчалъ Николай Θедоровичъ, смѣясь слѣзая съ дрогъ, всего какихъ нибудь верстъ полтораста.

— Какъ полтораста? еще отсюда полтораста? повторялъ я въ недоумѣніи.

— Да, конечно. До Вороны отсюда шестьдесятъ, да отъ него надо еще отъѣхать верстъ восемьдесятъ,–тогда войдемъ въ настоящую степь.

Мы переходили узкую плотину; навстрѣчу намъ шелъ хозяинъ мельницы, одна изъ тѣхъ личностей, которыя могутъ служить живымъ изображеніемъ русскаго здоровья и

(*) Тушканчикъ-земляной заяцъ, совершенно неправильно носитъ это название; въ немъ нѣтъ ничего похожаго на зайца; его крысиная мордочка и головка, длинный хвостъ съ большою кистью шерсти на концѣ, его уродливыя, длинныя заднія и коротенькія переднія ноги, наконецъ строеніе всего корпуса совершенно схожи со всѣми породами кенгуру, конечно въ маломъ видѣ, и съ той исключительною разницею, что тушканчикъ не двуутробка.

дородства. Картузъ съ козырькомъ, нанковый халатъ и такія же шаровары въ сапоги, да красная рубаха, составляли костюмъ его.

— Просимъ пожаловать, ваше высокородіе, Николай Ѳедоровичъ! Милости просимъ, государь мой! привѣтствовалъ насъ ласково мельникъ, а шедшія около него двѣ собаки огромной величины очень недружелюбно ворчали на насъ, сдерживаемыя своимъ хозяиномъ.

— Здравствуй, Иванъ Савельичъ! И Николай Ѳедоровичъ протянулъ ему руку, и отрекомендовалъ меня.

— А вы не взыщите на насъ, ваше высокородіе, что встрѣчаемъ вашу милость въ халатишкѣ, по-домашнему.

— Ничего, Савельичъ! это мой хорошій пріятель, нашъ братъ охотникъ, а не губернскій чиновникъ, которыхъ ты такъ боишься и не жалуешь; и Николай Ѳедоровичъ громко засмѣялся. Мельникъ здоровался съ Дергачемъ и съ другими пріѣзжими, безпрестанно окликая своихъ собакъ, злобно рычавшихъ на Нарзана; а вдали на большомъ крыльцѣ мельникова дома Семенъ хлопоталъ около самовара.

Стукъ и дѣятельность на мельницѣ вовсе не гармонировали съ пустынной тишиной окружавшей ее степи. Шумное паденіе воды, стукъ колесъ, шипѣніе работающихъ камней, лай собакъ, унылая звонкая пѣсня какого-то работника, все это заставляло забывать о степи; но живо напоминали о ней нѣсколько Киргизовъ, сидящихъ на корточкахъ около огня, на которомъ варился ихъ ужинъ. Пока мы шли къ дому по самому берегу большаго пруда, Савельичъ объяснилъ намъ, что эти Киргизы пріѣхали на верблюдахъ для закупки муки на лѣтнюю кочевку Хана, которая бываетъ обыкновенно на Таргунѣ же, верстахъ въ полутораста отъ его мельницы.

— Лѣтомъ только и выручки у насъ, что отъ нихъ, ваше высокородіе! продолжалъ Савельичъ; они забираютъ у меня почитай всю муку, пшено и весь прочій товаръ.

— И водочку? прибавилъ Николай Ѳедоровичъ.

— Нельзя же, Николай Ѳедоровичъ! Надо же и имъ иногда покуражиться маленько; а въ степи-то вѣдь негдѣ достать! Да нынѣ уже интересы-то плохіе отъ этого дѣла; са-

мимъ страшно дорого обходится, прибавилъ Сомовъ съ особымъ ударенiемъ.

— Что, развѣ полицiя пронюхала?

— Какъ же-съ, пятьсотъ въ годъ платимъ! да кромѣ того то мучки отвеземъ, то дичинки какой, всѣмъ надо ублаготворить!

— Ну, а рыбу-то ловятъ въ твоемъ пруду? спросилъ Николай Ѳедоровичъ, громко смѣясь, и обратился ко мнѣ: спросите-ка его, какого сазана поймали нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Савельичъ покачалъ головой. Мы были уже на крыльцѣ; сняли охотничьи доспѣхи и сѣли за чай. Какъ ни настаивалъ Николай Ѳедоровичъ, чтобы Савельичъ разсказалъ мнѣ о какомъ-то сазанѣ, но онъ упорно отнѣкивался, покачивая головой и какъ видно было не довѣряя еще мнѣ, человѣку совершенно незнакомому ему. Но два или три стакана крѣпкаго пунша разогнали его робость и развязали языкъ.

— Вѣдь вотъ бѣда! началъ онъ; только вспомни нечистую силу, она какъ разъ явится, да и сыграетъ тебѣ какую ни-на-есть штуку! Такъ-то вѣдь и съ этимъ дѣломъ. Вспоминай ихъ только почаще, и они объ тебѣ не забудутъ, да и подшутятъ пожалуй почище нечистой. И въ ту то пору, вѣдь не повѣрите господа: въ тотъ самый день за обѣдомъ, какъ нарочно, только и толку было, что объ исправникѣ да объ Акимѣ. А подъ вечеръ смотримъ,—они какъ тутъ и были!

— Кто это такой Акимъ? спросилъ я, потихоньку, Николая Ѳедоровича.

— О! это былъ у насъ въ губернiи великiй человѣкъ! отвѣтилъ старикъ улыбаясь; по мѣсту, онъ былъ не болѣе, какъ чиновникъ особыхъ порученiй, но такая умная, продувная шельма, что дѣлалъ въ губернiи что ему было угодно. И вотъ что замѣчательно:—во время его службы смѣнились три превосходительства, и каждый изъ нихъ прiѣзжалъ предупрежденнымъ противъ этого Ринальдо; каждый грозилъ предать его суду, но не проходило и мѣсяца, какъ каждый изъ нихъ давалъ себя сѣдлать Акиму, точно такъ

же, какъ и его предшественникъ. Ну, а ты продолжай твой разсказъ о сазанѣ, обратился онъ къ Савельичу.

— Да-съ! человѣкъ былъ политичный: зналъ какъ къ кому подъѣхать, и какъ кого надуть! А чутье, надо вамъ доложить, было у него такое, что хоть въ землю зарой деньги, самъ нищимъ прикинься, а онъ ихъ почуетъ; такъ ли, сякъ-ли, а подберется къ нимъ. Вѣдь вотъ, хоть-бы я теперь? отъ города живу кажется далеко, и въ сторонѣ, отъ губернiи болѣе двухъ сотъ верстъ, а вѣдь прочуялъ же окаянный, что завелись у меня деньжонки,-такая уже оказiя.

«Вотъ почти въ эту же пору, какъ вы теперь пожаловали, то есть тоже весною, только видно немного попозднѣе; помнится мнѣ, вскорѣ послѣ вешняго Миколы было это дѣло. Стоимъ мы съ прикащикомъ на плотинѣ; толкуемъ объ нашихъ дѣлахъ, и слышимъ вдругъ колокольчики звенятъ; а это вѣдь рѣдкость у насъ; вотъ вышли мы маленько на степь; смотримъ—два тарантаса ѣдутъ; и пришло мнѣ это въ голову, что некому иначе быть, какъ должно быть Николай Ѳедоровичъ ѣдетъ. Я сейчасъ же прикащика назадъ, самоваръ скорѣе ставить, да для лошадей, чтобы все какъ есть приготовить, а самъ пошелъ навстрѣчу. Смотрю, а тарантасы-то какъ будто незнакомые, да и солдатъ на козлахъ сидитъ; я уже и въ умъ не приберу, ктобы это могъ быть; да уже вплоть подъѣхали, тутъ только узналъ я исправника да Акима. Я было этакъ перетрусился маленько, а они такъ-то ласково вылѣзли изъ тарантасовъ, и руку мнѣ жмутъ, и говорятъ, что ѣдутъ такъ, безъ всякаго дѣла, только поохотиться въ степи. Ну, я и поуспокоился; а и не вдомекъ мнѣ, что Акимъ-то вовсе не охотникъ; да и исправникъ то развѣ только воронъ на крышахъ стрѣлялъ. Дѣло-то было уже подъ вечеръ; ну и говорятъ они, что заѣхали ко мнѣ чайку напиться, да лошадей покормить. Что же? милости просимъ, всегда радъ дорогимъ гостямъ, и все прочее. Пришли мы этакъ на мельницу, сидимъ всѣ трое вотъ на этомъ же крыльцѣ, пьемъ чай, разговариваемъ; разсказываетъ Акимъ про новаго губернатора, да вдругъ и спрашиваетъ меня, есть-ли рыба у насъ въ пруду? А меня и догадай нелегкая похвастать: «какъ не быть, говорю, ваше

высокородіе, кромѣ красной, всякая есть, а сазаны почитай въ пудъ попадаются. Спросилъ, есть-ли неводъ? Ну, вѣстимо, и неводъ есть. Вотъ и всполошились къ ужину рыбу ловить: вскричали работниковъ, притащили неводъ, затянули разъ, другой и третій, наловили разной рыбы, на цѣлый полкъ станетъ; а исправникъ говоритъ: сазаны-то мелки, какъ бы покрупнѣе поймать; хотѣли уже еще разъ затянуть, а разсыльный подошелъ да и говоритъ, что крупные сазаны подъ тѣмъ берегомъ водятся; мы съ нимъ было поспорили; вѣдь какъ же намъ-то не знать, гдѣ какая рыба больше придерживается,—но исправникъ знай кричитъ себѣ «тащи неводъ на ту сторону.» Ну вотъ потащили неводъ, и мы всѣ идемъ сзади. Я увѣряю ихъ, что попусту прохлопочемъ, работники тоже говорятъ, а исправникъ смѣется да все твердитъ, что крупную рыбу мы для себя бережемъ. Вотъ затянули тоню, другую,—нѣтъ ничего кромѣ мелкой рыбешки; а разсыльный—то исправничій такъ засуетился, что всѣмъ на диво. Вотъ, говоритъ, подъ толочками надо затянуть. Ужъ и солнце почитай сѣло, а дѣлать нечего, надоть начальство потѣшить. Закинули неводъ еще разъ; только вдругъ всталъ неводъ. Что за оказія, думаемъ. А исправникъ-то кричитъ «тяни, тяни, ребята, не сомъ-ли попался!» Начали потрогивать опять веревки,-тронулся неводъ, а идетъ страсть какъ тяжело; тутъ уже и всѣ всполохватились: значитъ полна корма, когда идетъ тяжело. Вотъ подали веревку съ лодки, стали подбирать неводъ на берегъ, все нѣтъ ничего, а идетъ тяжело; только вдругъ всѣ какъ ахнутъ! да такъ и обмерли: изъ воды-то показалась человѣчья нога. Ну и пошла переполоха! Человѣка-то, вѣстимо, вытащили на берегъ, совсѣмъ уже облѣзлаго, такъ что и признать нельзя. Исправникъ съ Акимомъ отошли въ сторону, переговорили что-то такое, и какъ добрые люди, подзываютъ меня къ себѣ, какъ будто на совѣтъ. Подхожу я къ нимъ, а самъ-то, откровенно доложить, смекнулъ уже въ чемъ дѣло-то,— почесываю себѣ затылокъ. Подошелъ этакъ къ нимъ, молчу, а никакъ будто промежъ себя говорятъ это, что имъ будто меня то очень жаль. И обратился ко мнѣ исправникъ:

— Что это такое, Сомовъ? вѣдь дѣло-то скверное!

— Чего нескверное, ваше высокородіе! Ума не приложу!

— Да откуда явилось это тѣло? спрашиваетъ опять.

— А я ему и говорю: помилуйте, ваше высокородіе, почемъ-же знать это намъ, людямъ темнымъ, чай вамъ-то оно должно быть лучше извѣстно; а самъ стою, ухмыляюсь, а на сердцѣ-то кошки скребутъ. Они опять пошептались о чемъ-то, да вдругъ и говорятъ мнѣ, что нельзя миновать, что бы воду не спустить; что вишь могутъ быть въ пруду и два, и три и десять утопленниковъ! Я тутъ было съ ними въ споръ; сами вы согласитесь, что прудъ только что запрудили,— болѣе тысячи истратилъ, а тутъ его спускать, значитъ и мельницу-то остановить пожалуй, что на цѣлое лѣто, и расходоваться опять; ну просто, какъ есть разоренье, грабежъ денной. Что дѣлать, думаю себѣ; штука-то скверная выходитъ! Подумалъ, подумалъ, да напрямикъ имъ и говорю: Слушайте, господа! меня заподозрить вы не можете; а состряпалъ злой человѣкъ намъ эту бѣду? такъ дѣлать нечего, только ради Христа прошу васъ, пожалѣйте же вы меня хоть немножко, хоть плотину-то не прорывайте! Чего ужъ тамъ доискиваться?

— Да откуда же взялось это мертвое тѣло? спросилъ я, удивленный разсказомъ Савельича; развѣ не водой ли принесло его въ вашъ прудъ?

— Какой водой, государь мой! просто человѣческими руками. Опослѣ досконально узналъ, какъ все это шельмовски было сдѣлано. Покойника просто привезъ разсыльный со степи, верстъ за пятьдесятъ; да ночью и спустилъ его въ прудъ; вотъ и вся не долга!

— Ну и чѣмъ же все это кончилось?

— Да и кончилось-то очень просто, продолжалъ Савельичъ; за то, чтобы не спускать пруда, взяли съ меня полторы тысячи; привезли изъ города лѣкаря, да стряпчаго; кормилъ и поилъ я ихъ на отвалъ пять дней, далъ имъ еще по пятидесяти рублей на брата, и произвели они слѣдствіе и порѣшили дѣло: что человѣкъ тотъ оказался неизвѣстный, и принесло его теченіемъ весенней воды; и поѣхали наши теплые ребята вмѣсто охоты, обратно въ городъ, по домамъ.

— Неужели же вы не жаловались на такое неслыханное мошенничество? спросилъ я Савельича.

— Что вы, батюшка? Господь съ вами! не объ шести я головахъ, да и деньги-то не самъ дѣлаю. Развѣ надоѣла мнѣ свобода? Вѣдь въ острогѣ-то, говорятъ, куда какъ скверно! да и лучше пусть уже двѣ тысячи пропадаютъ, чѣмъ съ рубашкой и крестъ съ шеи снять. Вотъ спросите-ка Николая Ѳедоровича; они знаютъ исторію, какъ это было у насъ же въ уѣздѣ, годовъ шесть или семь тому назадъ. Парень-то ловкій былъ Рожновъ, и денегъ было довольно; да вотъ вздумалъ пофардыбачить, — двухъ тысячъ пожалѣлъ,—такъ нищимъ пустили, государь мой! да въ острогѣ здоровья навсегда лишился.

— Что же такое было съ Рожновымъ? разскажи пожалуйста Иванъ Савельичъ, просилъ я Сомова.

— Да оно дѣло-то кажется плевое, а вышло такъ, что злѣйшаго врага упаси Господи отъ такой напасти. И славный былъ парень Рожновъ, да на его бѣду иногда хмѣльнымъ зашибался, особенно коли съ пріятелями сойдется. Ну а этимъ антихристамъ-то оно и на руку; тутъ-то имъ и пожива.

— Раза три щипали они его помаленьку; то за буйство на ярманкѣ, то за драку съ засѣдателемъ, разъ, какъ-то взвели на него, что чума показалась въ его гуртахъ Ну парень-то онъ былъ ловкой, зубастый,—все отгрызался кое-какъ; да и знакомство водилъ съ дворянствомъ, такъ и тутъ была помощь. А ужъ въ этомъ-то дѣлѣ никто помочь не могъ; такъ все подстроили окаянные, что надо бы было просто покориться, а онъ еще поумничалъ, да на себя понадѣялся, — ну и погибъ сердечный не за понюхъ табаку. Это, видите-ли, было въ ярманку, на Ивана Постнаго; а на эту ярманку, какъ есть все наше начальство, даже и пашмейстеръ, какъ вороны на добычу слетаются.

— Надо было Рожнову продать старыхъ быковъ, а молодыхъ накупить. Вотъ и пригналъ онъ къ Ивану Постному быковъ пятьдесятъ, да шерсти у него было пудовъ побольше тысячи. Только-что онъ расторговался, наѣхали на ярманку его старые пріятели, и пошелъ у нихъ кутежъ, такой,

что хоть святыхъ изъ избы выноси. День на фатерѣ, ночь въ трактирѣ, — пьютъ напропалую! А исправникъ съ своей командою, знаете, такъ уже и караулитъ. Не знаю ужъ, какъ они тамъ состряпали, только ночью передъ свѣтомъ идетъ Рожновъ хмѣльной домой, да только-что въ ворота, а исправникъ и стряпчій за нимъ, и понятые уже тутъ— какъ есть. Вынимаетъ исправникъ изъ кармана пять золотыхъ, показываетъ ихъ Рожнову и спрашиваетъ его «отдавалъ-ли онъ эти деньги миловатскому хохлу и откуда онъ ихъ взялъ»? А тотъ, вѣстимо хмѣльной, — «ну васъ говоритъ, убирайтесь вы къ чорту», да съ пьяну-то кричитъ, что у него такихъ золотыхъ полны мѣшки лежатъ. Ну и пошло у нихъ дальше да больше; сдѣлали подъ конецъ обыскъ въ фатерѣ, нашли у него видите-ли еще съ десятокъ такихъ же фальшивыхъ золотыхъ, да съ десятокъ талеровъ; тутъ же взяли его подъ караулъ; а онъ вмѣсто того чтобы покориться, знай все ругается.

Вотъ на утро проспался онъ, пошли у нихъ переговоры, мирились, говорятъ, на двухъ тысячахъ, а онъ куда тебѣ? и слышать ничего не хочетъ! Сутки цѣлыя урезонивали его всѣ благопріятели его, никого не слушаетъ; межъ тѣмъ, слышимъ мы, что къ нему на хуторъ поѣхало временное отдѣленіе, а на другой день по ярманкѣ пошелъ говоръ, что у Рожнова нашли-молъ монету и бумажки фальшивыя, и даже машинку какую-то. Тутъ уже Рожнова сковали какъ монетчика, — но все еще шли на миръ, только говорятъ меньше пяти уже не соглашались, а Рожновъ-то одурѣлъ что-ли съ перепоя, или ужъ озлобился больно, Богъ его знаетъ, — только не пошелъ ни на какой миръ; знай себѣ кричитъ: «судиться буду, а уже доконаю этихъ кровопійцевъ.» И доконалъ,—только не ихъ, а себя; изъ подъ суда то вышелъ правъ, да только, какъ есть съ одной сумой, да и здоровье въ острогѣ оставилъ. Не шутка просидѣть тамъ два года! А исправникъ прикупилъ къ своей деревенькѣ земли десятинъ тысячу, стряпчій пообстроилъ свой домикъ, и многіе еще поживились въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь у Рожнова, всѣмъ извѣстно, было, по крайней мѣрѣ, тысячъ сто капитала, да хуторъ съ заведеніемъ и землею, безъ ма-

лаго того же стоилъ,—все, какъ есть, въ раздѣлъ пошло; а онъ, сердечный, спился съ горя, и семью сгубилъ; теперь чуть не по міру ходитъ. Вотъ оно, государь мой, какъ нашему брату съ подъячими тягаться!

Савельичъ замолчалъ, Дергачъ, все время слушавшій его разсказъ, закачалъ головою, и махнувъ рукою пошелъ куда-то за уголъ дома, вѣроятно справиться опять о Петрѣ, который все еще не приходилъ на мельницу. Николай Ѳедоровичъ, подложивъ подъ голову подушку, утомленный ходьбою, спалъ на скамьѣ, а люди хлопотали около стола, убирали чай и тутъ же приготовляли все къ ужину.

Вечеръ былъ великолѣпный; луна, отражаясь на гладкой поверхности большаго пруда, освѣщала степь матовымъ свѣтомъ. Вправо отъ крыльца, Киргизы все еще сидѣли, а нѣкоторые лежали на войлокахъ кругомъ своего огонька; нѣсколько осѣдланныхъ лошадей въ треногахъ ходили по двору, заросшему травой; виднѣлась мельница съ ея водопадомъ и неумолкаемымъ шумомъ; а влѣво стояли наши тарантасы.

— Ну вотъ и Петро пришелъ, говорилъ подходящій къ намъ Дергачъ; теперь надо ужинать, да и въ дорогу пора, кони уже весь овесъ выѣли.

— А много ли онъ убилъ? спросилъ я.

— А вонъ же самъ идетъ вамъ хвастать; и подошедшій Петръ сбросилъ съ плечъ огромную связку дичи. Тутъ были и утки, какихъ я не видывалъ, какъ напримѣръ: красная утка, величиною почти съ крякву, бѣлесоватый уральскій чиренокъ, и др, Была тутъ и пара баклановъ (*); но болѣе всего заинтересовала меня колпица, съ ея оригинальнымъ носомъ, похожимъ на большую ложку, съ ея красивыми бѣлыми перьями. Петръ убилъ всего восемнадцать штукъ, все крупной дичи; но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что вся дичь, въ томъ числѣ и маленькій чиренокъ убиты имъ не дробью, а изъ его малопульной винтовки, пулька которой не многимъ больше дробины безъимянки. Я не вѣрилъ этому, и только въ послѣдующіе дни убѣдил-

(*) Бакланъ—черноватый гусь съ острымъ клевомъ.

ся въ его изумительно-вѣрной стрѣльбѣ. Я видѣлъ напримѣръ какъ во ста, или болѣе шагахъ онъ убилъ сурка прямо въ голову; въ другой разъ онъ убилъ беркута, летавшаго надъ нами въ вышинѣ, шагахъ въ полутораста; но объ этомъ будетъ еще случай говорить далѣе, а теперь возвратимся на мельницу. При осмотрѣ дичи, убитой Петромъ, общій говоръ и смѣхъ разбудили Николая Ѳедоровича. Ужинъ былъ вскорѣ поданъ, и не болѣе какъ черезъ полчаса все уже было готово къ отъѣзду.

Часу въ первомъ ночи мы выѣхали.

Глаза такъ и смыкались отъ усталости. Дорога, въ одну колею вившаяся по зеленой степи едва замѣтной полоской, была такъ ровна и гладка, что, казалось, лежишь не въ экипажѣ, а на мягкой покойной постели. Мы скоро заснули, и не чувствовали, какъ до разсвѣта проѣхали болѣе пятидесяти верстъ. На разсвѣтѣ мы завидѣли хуторъ Вороны. Свѣжо, но пріятно и ново весеннее утро степи. Куда ни обращалъ я глаза, всюду нескончаемый бѣлый ковылъ и въ самой крайней дали все то же, что подъ ногами.

— Ну, кажется, теперь мы уже въ настоящей степи? обратился я къ Николаю Ѳедоровичу.

— Какая же это степь! былъ его отвѣтъ, развѣ вы не видите впереди Воронина хутора? развѣ вы не слышите свиста сурка и голосовъ нѣкоторыхъ птицъ? нѣтъ, мой любезнѣйшій, на настоящей степи не къ чему будетъ прислушиваться, и не будете вы любоваться какимъ нибудь цвѣткомъ. Не долго ждать! Завтра вы познакомитесь съ нею, а можетъ быть и сегодня вечеромъ. За хуторомъ пойдетъ уже степь все глуше и глуше, и тамъ на сотнѣ верстъ не увидите вспаханнаго клочка земли; все ковылъ, да полынь и безбрежная пустынь.

Уже совсѣмъ разсвѣло. Выбравшись на солевозный трактъ, мы подъѣзжали къ хутору, около котораго замѣтно было движеніе. Услыхавъ вѣроятно наши колокольчики, насъ уже ждали у воротъ. Хуторъ стоитъ одиноко, на открытой необозримой степи. Только вблизи его, съ трехъ сторонъ, виднѣются пашни, а передъ переднимъ фасомъ тянется солевозный трактъ съ Елтонскаго озера въ Саратовъ. Я слы-

шалъ, что дорога эта была нарѣзана на двадцать верстъ шириной, съ цѣлью доставить хорошій кормъ быкамъ, занятымъ возкою соли, но ближе къ Саратову, говорятъ, вся эта степь давно уже распахана, и теперь пашется безъ всякаго порядка.

Подъѣхавъ къ воротамъ хутора, я былъ удивленъ совершенно неожиданнымъ для меня появленіемъ двухъ охотниковъ Николая Ѳедоровича, помогавшихъ намъ выдти изъ тарантаса. На распросы мои: какъ они тутъ очутились? старикъ молчалъ и улыбался. Вошли мы во дворъ, — и я окончательно растерялся въ моихъ догадкахъ. Тутъ я увидалъ: и охотничьи дроги Николая Ѳедоровича, и какой-то огромный крытый фургонъ, изъ котораго появилась Катя, любимая пѣвица Николая Ѳедоровича; изъ хаты выбѣжало еще нѣсколько знакомыхъ мнѣ заспанныхъ лицъ! Все это конечно требовало объясненія, за которымъ и обратился я къ своему пріятелю.

— Растолкуйте мнѣ ради Бога! какъ и откуда явилось все это сюда?

Но Николай Ѳедоровичъ только посмѣивался надъ моимъ удивленіемъ; ласково здоровался онъ съ Катей, шутилъ съ Вороной, и хозяиномъ хутора, — красивымъ хохломъ лѣтъ сорока. И только когда мы взошли уже въ комнату, гдѣ были поставлены двѣ складныя желѣзныя кровати, — гдѣ все было приготовлено съ полнымъ комфортомъ, Николай Ѳедоровичъ приказалъ подавать скорѣе чай, и смѣясь, отвѣчалъ на мои распросы:

— Ну, теперь всей мистафикаціи конецъ! Изъ всего, что васъ такъ удивило, вы уже можете догадаться, что та степная охота, о которой вы постоянно мечтали, т. е. охота въ глухой степи на сайгаковъ, такъ скучна бываетъ иногда, что необходимо обставить ее нѣкоторыми удобствами. До сихъ поръ вы ознакомились со всѣми охотами, принадлежащими мѣстности степной, но по удобствамъ своимъ частью заселенной. Въ такихъ мѣстахъ Саратовской губерніи, охота, какъ вы уже видѣли, — великолѣпная и добычливая какъ нельзя больше; но теперь предстоитъ намъ совсѣмъ не то: легко можетъ быть, что въ два, три дня не придется сдѣлать одного выстрѣла.

— Это однако вовсе неутѣшительно! замѣтилъ я.

— А вотъ для этого-то и необходимо все то, что вы, можетъ быть, считаете лишнею прихотью. Въ степи мы будемъ жить какъ дома. За то уже если нападемъ на стадо сайгаковъ, такъ натѣшимся вдоволь.

— Объясните мнѣ пожалуйста, Николай Өедоровичъ, отчего вы предпочитаете весеннюю охоту на сайгаковъ? Вѣдь осенью они вѣроятно и жирнѣе, и шкура лучше.

— Что касается послѣдняго, то осенью и весною все равно, сайгакъ никогда не бываетъ очень жиренъ, и шкура его какъ мѣхъ — никуда негодится, а употребляется она только на замшу и на превосходную кожу, изъ которой Киргизы шьютъ свои шаровары. Но дѣло въ томъ, что осенью они откочевываютъ къ каспійскимъ камышамъ: тогда они такъ сторожки, что стрѣлять ихъ невозможно, а бьютъ ихъ только въ гололедь, да по насту, но это прескучная охота.

— Ну, а теперь, какъ же мы будемъ охотиться, и куда мы направимся?

— Этимъ разомъ, мы ограничимъ нашу охоту степью, сайгаками и тарпанами; а если хотите, осенью поѣдемъ вмѣстѣ на Ахтубу; тамъ уже совсѣмъ другая охота; весною тамъ дѣлать нечего. Что же касается того, какъ мы будемъ охотиться на сайгаковъ, то повторяю вамъ еще разъ, только бы напасть на стадо, а бить ихъ теперь не трудно, убьемъ столько, сколько вздумается.

Въ это время Катя, какъ заботливая хозяйка, приготовила намъ чай и въ комнату взошла пріятельница ея черноглазая Лиза, также пѣвица изъ хора Николая Өедоровича; въ дверяхъ появились два охотника съ шкурой огромнаго волка, не снятой еще съ пялъ. На вопросъ, что это за волкъ, Ворона съ удовольствіемъ разсказалъ намъ, что волкъ этотъ, въ теченіи весны, утащилъ у него штукъ десять ягнятъ и пару старыхъ овецъ, и такъ повадился приходить за добычей, что каждый день рано утромъ или вечеромъ по закатѣ солнца — онъ непремѣнно уже бывалъ гдѣ нибудь вблизи около хутора. О всемъ этомъ онъ передалъ охотникамъ, какъ только пришли они на хуторъ; а

тѣ на другой же день, выпустивъ овецъ въ степь для приманки, подсторожили его и затравили послѣ долгаго преслѣдованія. Теперь шабашъ, сѣрый! закончилъ Ворона, поглаживая волка; не воровать тебѣ больше у меня ягнятъ; повадился кувшинъ по воду ходить,—пришлось и голову сломить; и Ворона искренно смѣялся отъ удовольствія.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ разсматривалъ волка и Николай Ѳедоровичъ; онъ распрашивалъ при этомъ всѣ подробности: какая собака первая догнала? Какая положила? Кто принялъ (*) волка? Принявшій его охотникъ получилъ тутъ же въ награду цѣлковый и былъ, какъ казалось, также очень доволенъ.

Въ различныхъ распросахъ, разсказахъ, разговорахъ и шуткахъ, время текло незамѣтно. Старикъ Дергачъ уже раза два повторялъ, что пора бы и въ путь собираться.

Наконецъ около полудня подали и обѣдъ, отлично приготовленный поваромъ, пріѣхавшимъ также съ обозомъ. Пока мы обѣдали, охотники и прислуга суетились въ комнатѣ. Мы еще сидѣли въ комнатѣ, а караванъ нашъ выступилъ уже со двора и ожидалъ насъ передъ хуторомъ, на большой дорогѣ.

Не знаю: въ слѣдствіе-ли вкуснаго обѣда, приправленнаго стаканомъ добраго вина, или отъ ожиданія предстоящей охоты, которой Ворона предсказывалъ полный успѣхъ,—только въ эти минуты нашъ Николай Ѳедоровичъ былъ въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа. Онъ разсказывалъ намъ различные анекдоты, шутилъ съ своими пѣвицами, и только по настоятельнымъ убѣжденіямъ Дергача, мы простились наконецъ съ хозяйкой и вышли изъ комнаты.

На дворѣ было уже все пусто. Когда мы вышли на дорогу, я просилъ Николая Ѳедоровича растолковать мнѣ: откуда, и для чего явилось все составлявшее теперь нашъ караванъ, и какое назначеніе имѣютъ всѣ ѣхавшіе съ нами экипажи? Мы начали нашъ обзоръ съ авангарда.

Впереди всѣхъ стояли охотничьи дроги Николая Ѳедоровича, къ которымъ сзади была привязана его верховая ло-

---

(*) Принять—зарѣзать волка.

шадь, а на дрогахъ, съ одной стороны, сидѣли уже Катя и Лиза, другая же предназначалась для насъ. За дрогами стояли верхомъ два стремянныхъ Николая Ѳедоровича, съ борзыми собаками, два псаря съ шестью лучшими гончими, старикъ Дергачъ, Ворона и два казака, присланные съ Елтона по предварительной просьбѣ Николая Ѳедоровича. Далѣе стояли дроги Дергача, на которыхъ помѣщались самъ Петръ, мой Илья и егерь Антонъ. За ними слѣдовали два тарантаса, огромный фургонъ, на которомъ возсѣдалъ кухмейстеръ; потомъ еще небольшой фургонъ съ охотничьими вещами; и наконецъ двѣ воловыхъ фуры, на которыхъ помѣщались: войлочная кибитка и три палатки со всѣми принадлежностями, нѣсколько четвертей овса, куль угля, запасныя дрова, два живыхъ барана, теленокъ и множество всякой всячины. Мы сѣли на дроги и тихимъ шагомъ тронулись съ мѣста, не по дорогѣ, а въ чистую гладкую степь, на юго-востокъ отъ хутора. Дергачъ и Ворона были около насъ, а съ другой стороны подъѣхали къ пѣвицамъ четыре охотника и Катя запѣла своимъ симпатичнымъ голоскомъ: «Ахъ не одна ли, да не одна»! Съ словами «во полѣ дороженька» подхватили хоромъ: Лиза, всѣ охотники, а къ нимъ присоединились нетолько мы, но и старикъ Дергачъ съ его густымъ, сильнымъ басомъ.

Читателямъ моимъ покажется, быть можетъ, смѣшнымъ или страннымъ, но сознаюсь — откровенно: никогда въ жизнь мою не производила на меня русская пѣсня такого впечатлѣнія. Какъ-то грустно и весело было на душѣ, тяжело и пріятно дышалось. Я забылъ и объ охотѣ, пересталъ самъ пѣть, а хотѣлось бы все слушать и слушать голосъ Кати, въ которомъ звучало что-то невыразимо-новое для меня, полное жизни въ настоящемъ, полное надеждъ на будущемъ. Мнѣ досадно было, когда съ послѣдними словами этой пѣсни, степь огласилась неистовымъ крикомъ Николая, запѣвшимъ «за Ураломъ за рѣкой»; лучше бы было послѣ такого *adagio*, въ тиши и безмолвіи дать хоть немного успокоиться мыслямъ и чувствамъ, а не тревожить ихъ безсмысленнымъ *allegro*, какъ заведено уже это въ русскихъ и цыганскихъ хорахъ.

Такъ ѣхали мы часа два или три. Хуторъ Вороны давно

скрылся изъ виду. Солнце пекло уже не сильно, Дергачъ подговаривалъ разровняться, какъ Катя, сидѣвшая за моей спиной, толкнула меня и указала мнѣ на Немврода, впереди дрогъ саженяхъ въ пятидесяти, стоявшаго надъ кустомъ бобовника. Я схватилъ ружье, и хотѣлъ уже соскочить съ дрогъ, но собака не выдержала, бросилась впередъ и подняла русака, котораго вмигъ затравили. При этомъ случаѣ Дергачъ настоялъ, чтобы начать охоту. Охотники разъѣхались на полверсты одинъ отъ другаго; по обѣ стороны дрогъ ѣхали стремянные Николая Ѳедоровича, за стремянными—казаки, далѣе по одному псарю съ тремя гончими, и наконецъ Ворона на одномъ флангѣ, а Дергачъ и его дроги на другомъ; затѣмъ весь обозъ тянулся за нами, отставъ на полверсты. Занявъ, такимъ образомъ, нашей цѣпью пространство версты на три или четыре, мы прошли не болѣе четверти часа, какъ въ одно и то же время,—въ лѣвой сторонѣ стремянный, а въ правой Дергачъ,—наѣхали на хорсаковъ, которые черезъ двѣ — три минуты висѣли уже въ торокахъ; а вслѣдъ за этимъ, изъ-подъ другаго стремяннаго поднялась пара стрепетовъ и сѣла опять передъ нашими дрогами. Подъѣхавъ къ нимъ на довольно близкое разстояніе, мы всѣ слѣзли съ дрогъ и вскорѣ Немвродъ принялъ ихъ на чутье и повелъ едва переставляя ноги. Пѣвицы наши любовались понятливостью собаки, которая встала наконецъ, какъ вкопаная. Николай Ѳедоровичъ увидалъ одного стрепета сидячаго, выстрѣлилъ по немъ, собака бросилась, поднялись оба, раздались еще четыре выстрѣла и стрепета полетѣли вдаль, посвистывая своими крылышками. Дѣвушки смѣялись, а мы стояли какъ ошеломленные. Но дѣлать было нечего; съ стыдомъ и досадой мы вернулись къ нашимъ дрогамъ; всѣ сѣли на нихъ, а я пошелъ пѣшкомъ, чтобы не слыхать насмѣшекъ. Вскорѣ однако я утѣшился въ моемъ горѣ. Свистъ кроншнепа вдали предвѣщалъ его приближеніе; и вотъ черезъ нѣсколько минутъ налетѣлъ онъ на стремяннаго, сдѣлалъ надъ нимъ кругъ, но увидавъ мою собаку, тотчасъ же съ усиленнымъ крикомъ направился къ ней; я выстрѣлилъ—и птица упала. Такъ продолжалась охота цѣлый день; довольно часто попа-

дались стрепета и кроншнепы, а изрѣдка и драхвы, изъ которыхъ убили только одну; затравили лисицу, двухъ хорсаковъ и нѣсколько зайцевъ.

Вдали виднѣлся уже черный курганъ. Солнце закатывалось, когда случилось съ нами происшествіе, достойное вниманія охотниковъ. Изъ-подъ одного изъ верховыхъ поднялась съ гнѣзда драхва, и опустилась опять на степь, во ста шагахъ отъ него. Николай Ѳедоровичъ приказалъ кучеру поворотить къ тому мѣсту. Издали была видна намъ прогуливающаяся по степи огромная птица. Я былъ увѣренъ, что она не подпуститъ насъ; но къ удивленью моему, мы подъѣхали къ ней шаговъ на пятьдесятъ. Николай Ѳедоровичъ ударилъ по сидячей, изъ другаго ствола на лету; я тоже выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но драхва невредимо перелетѣла шаговъ двѣсти и опустилась опять на степь. Зарядили ружья; подъѣзжаемъ къ ней вторично; она такъ же спокойно подпустила насъ еще ближе; къ нашимъ четыремъ выстрѣламъ присоединилъ Французъ два своихъ, и драхва такъ же цѣла и невредима, какъ бы подсмѣиваясь надъ нами, сѣла опять не болѣе какъ во ста шагахъ. Наконецъ въ третій разъ та же неудача; но я взялъ мой штуцеръ, полагая, что пулей я ее навѣрное убью. Подъѣхали опять довольно близко, я выстрѣлилъ по сидячей, товарищи мои проводили ее въ летъ, и тутъ только казалось надоѣла ей наша пальба; она описала большой кругъ и возвратилась назадъ къ своему гнѣзду. И Николай Ѳедоровичъ и я такъ были раздосадованы, что рѣшились во что бы то ни стало, а убить ее непремѣнно. Поворотили дроги назадъ, подъѣзжаемъ къ тому мѣсту, гдѣ она сѣла, но птицы не видно; долго ходили мы по степи, отыскивая ее, наконецъ Французъ увидалъ ее лежащею мертвой. Вечеромъ, когда ощипали эту птицу, она оказалась дотого избитой дробью, что не понятно, какъ могла она пролетѣть хотя бы два — три шага.

Не догадываясь, чтобы значилъ поворотъ нашъ назадъ, охотники съ фланговъ начали съѣзжаться къ центру и такимъ образомъ вскорѣ очутились мы всѣ вмѣстѣ, и обозъ нашъ присоединился къ намъ. Посовѣтовавшись съ Дерга-

чемъ и Вороной, мы рѣшили отправить экипажи прямо къ кургану, до котораго было еще версты три. Солнце утонуло въ степи, въ воздухѣ повѣяло вечерней прохладой, сурки засвистали около своихъ норъ и стрепета запѣли свои любовныя пѣсни. Разровнявшись уже не такъ широко, вступили въ цѣпь и мы, пѣшкомъ, а не на дрогахъ. Медленно подвигались мы впередъ, оставляя курганъ въ лѣвой рукѣ. Но не такъ уже часто слышались выстрѣлы. Мы обошли курганъ въ полкруга и нашли только хорсака, затравленнаго стремяннымъ Николая Ѳедоровича, да Французъ и Илья убили по одному стрепету. Тѣмъ и кончилась наша охота на этотъ день. Когда мы сѣли на дроги и поворотили прямо къ кургану, около него бѣлѣлись уже разбиваемыя палатки, и отъ разведеннаго костра поднимался дымъ совершенно прямымъ столбомъ, вершина котораго уходила въ невидимую высоту. Казаки наши ускакали впередъ. Начинало уже темнѣть, когда подъѣхали и мы къ кургану, еще издали заинтересовавшему меня своей величиной.

Около подошвы его была разставлена кибитка, раскинуты три палатки, и лагерь этотъ съ трехъ сторонъ окруженъ экипажами и фурами. Но отъ всего этого въ первыя минуты отвлекъ мое вниманіе самъ курганъ. Я обошелъ его кругомъ. Онъ имѣетъ до трехъ сотъ шаговъ въ окружности основанія, и считается однимъ изъ величайшихъ кургановъ всей заволжской степи. Взойдя на его вершину, я увидалъ на ней большую яму, вѣроятно давно вырытую и обросшую уже травою, а около нея значительной величины камень (краснаго песчаника), грубо обтесанный, въ видѣ человѣческаго туловища по поясъ и какъ будто съ руками по локоть. Не доѣзжая до него еще верстъ пятнадцать, я замѣтилъ, что растительность бѣднѣетъ; на послѣднемъ пространствѣ я не видѣлъ уже ни одного цвѣтка, вездѣ только ковылъ, а на солонцеватыхъ мѣстахъ артемизія и полынь. Но на южномъ скатѣ кургана я увидалъ опять нѣсколько тюльпановъ, а въ ямѣ на его вершинѣ, кромѣ ихъ, было куста два барской спеси и нѣсколько ирисовъ. Вообще вся трава, покрывавшая это мѣсто, казалась мнѣ нетолько разнообразнѣе, но сильнѣе и гуще степной. Когда я со-

шелъ къ нашей ставкѣ, Николай Ѳедоровичъ въ ваточномъ халатѣ сидѣлъ уже на складномъ стулѣ около входа въ кибитку, и распивая чай бесѣдовалъ съ Дергачемъ, Вороной и казаками, размѣстившимися около него, на бѣлой полости огромной величины. Я съ любопытствомъ обошелъ всю нашу ставку, чтобы вполнѣ ознакомиться съ подобнымъ кочевьемъ. Въ палаткѣ вправо помѣщался поваръ, занятый приготовленіемъ ужина на затѣйливо-устроенномъ желѣзномъ очагѣ; около него двое охотниковъ щипали какую-то дичъ. Въ палаткѣ влѣво было приготовлено помѣщеніе для Дергача, Вороны, Семена и моего Ильи. А въ задней палаткѣ засталъ я Лизу, готовившую постели для себя и Кати. Во всѣхъ экипажахъ и фурахъ устроены были уже на скорую руку ночные пріюты, а кругомъ размѣщались у хрептуговъ такія лошади, которыхъ нельзя было пустить въ степь. Передъ переднимъ фасомъ стана, шагахъ въ пятидесяти отъ кибитки, около довольно большаго колодца, не болѣе двухъ аршинъ глубины, горѣли два большіе костра: на одномъ изъ нихъ въ двухъ котлахъ варился ужинъ для охотниковъ, а на другомъ похлебка изъ зайцевъ и овсяной муки для утомленныхъ собакъ.

Кончивъ мой обзоръ, я возвратился къ кибиткѣ (*) и, заглянувъ внутрь ея, увидалъ прекрасное, теплое помѣщеніе, устланное коврами. У одной стѣны стояла кроват Николая Ѳедоровича, а у другой моя. Въ срединѣ, на довольно помѣстительномъ складномъ столѣ, Катя разливала чай и встрѣтила меня насмѣшками насчетъ нашей неудачной стрѣльбы.

Вечеръ былъ чудный. Въ воздухѣ тепло и тихо. Уже совершенно стемнѣло, когда я, взявъ стаканъ чаю, помѣстился также на складномъ стулѣ около Николая Ѳедоровича.

(*) Подобная киргизская кибитка устроивается слѣдующимъ образомъ: смотря по величинѣ ея, на вымѣренномъ четыреугольникѣ ставятъ 8, 10, а иногда 12 кольевъ почти въ ростъ человѣка, крѣпко вбивая ихъ въ землю. Къ этимъ кольямъ прикрѣпляются зарѣшеченныя деревянныя рамы, а на нихъ уже навязываются большія войлочныя полости, такъ что одна приходитъ на другую въ половину ея величины, и такимъ образомъ составляется двойная стѣна и крыша изъ толстаго войлока.

— Слышите-ли, мой любезнѣйшій, что совѣтуютъ казаки—не простаки, а умные ребята, говорилъ Николай Ѳедоровичъ, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ.

— Они совѣтуютъ завтрашній день прокочевать здѣсь и поохотиться близъ Елтони. Говорятъ, что тутъ множество стрепетовъ; а верстахъ въ пятнадцати отсюда есть волчьи норы, такъ просятъ, чтобы кстати и ихъ попугать.

— Это зависитъ совершенно отъ васъ, Николай Ѳедоровичъ, какъ вамъ угодно, такъ и распоряжайтесь.

— Оно конечно намъ въ сторону будетъ, но бѣда не велика. Мы день поохотимся еще на мелкую дичь, а между тѣмъ поваръ успѣетъ замариновать дупелей и выкоптить стрепетовъ; а то жаль же будетъ, если придется все это выбросить.

— И то правда, замѣтилъ я.

— Ну, такъ рѣшено, обратился онъ къ казакамъ, ѣдемъ къ Елтони. Въ такомъ случаѣ не надо мѣшкать; скорѣе ужинать да и на боковую, чтобы встать до́-свѣту.

Все засуетилось, забѣгало, поваръ болѣе другихъ былъ недоволенъ такою торопливостью. Онъ заготовилъ все на хуторѣ, но тутъ вздумалось ему угостить насъ какимъ-то соте изъ стрепетовъ съ дупелиными внутренностями, которое надо было ждать по крайней мѣрѣ еще часъ; Николай Ѳедоровичъ раза два посылалъ къ нему спросить: скоро-ли будетъ готово.

Наконецъ къ общему удовольствію ужинъ былъ готовъ и мы не раскаявались, прождавъ его лишній часъ.

Многіе въ эту ночь вовсе не спали: Лиза и Катя изъ боязни къ тарантуламъ, Французъ изъ любезности.

На разсвѣтѣ мы двинулись на юго-западъ отъ нашего кочевья. Не отъѣхали мы и версты отъ кургана, какъ гончая и Немвродъ мой начали метаться по слѣдамъ *жировавшихъ* звѣрей. Вскорѣ подняли они зайца, потомъ другаго и третьяго, такъ что травля почти не прерывалась; но и мы не оставались въ бездѣйствіи. Стрепетовъ оказалось въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно множество; разсыпавшись въ цѣпи по степи, мы не жалѣли выстрѣловъ. Такъ продолжалась очень добычливая охота часа два или три, но когда солнце при-

грѣло, рѣдко стали попадаться зайцы, а еще рѣже какой нибудь пернатый степнякъ. Наконецъ дотого обѣднѣла степь дичью, что верстъ пять прошли мы не встрѣтивъ ни одного живаго существа; уставшіе, мы сѣли на дроги; вдругъ какъ гальванической искрой сообщилось по цѣпи извѣстіе о волкѣ, замѣченномъ впереди. Мы остановились; всѣ охотники съѣхались къ дрогамъ, а Николай Ѳедоровичъ отвязалъ уже свою верховую лошадь и поправлялъ на ней сѣдло.

На вопросъ: гдѣ видѣли волка, отвѣчали намъ, что Ворона замѣтилъ его съ праваго фланга, а ѣхавшій около него казакъ объяснилъ намъ, что волка онъ хотя и не видалъ, но по его соображенію мы должны быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ норы. Всѣ вмѣстѣ направились мы къ Воронѣ, стоявшему вдалекѣ и нетрогавшемуся съ своего мѣста. Николай Ѳедоровичъ сидѣлъ уже на конѣ и торопилъ его скорымъ шагомъ. Когда мы подъѣхали къ Воронѣ, то на вопросъ, гдѣ волкъ: онъ указывалъ рукой впередъ и таинственно отвѣчалъ «тамъ».

— Не волкъ, а два!

— Да гдѣ—же?

— А вонъ видите-ли небольшой курганъ? Вонъ далеко. Ну такъ одинъ-то на немъ сидѣлъ, да теперь пропалъ, не видать его; видно залегъ, али за шиханъ слѣзъ.

— Ну а другой гдѣ? былъ почти общій вопросъ.

— А другой-то-вонъ сидитъ; и Ворона указывалъ впередъ немного вправо; да кажись онъ какъ будто все ближе подходитъ, али это ужъ мнѣ такъ мерещится.

Нѣкоторые изъ охотниковъ скоро увидали его, и безпрестанно слышалось: «вонъ-онъ! вонъ-онъ! какъ это ты не видишь?» и. т. д., но ни я, ни Николай Ѳедоровичъ не могли ничего разсмотрѣть, до тѣхъ поръ пока не вынули изъ дрогъ небольшую зрительную трубу. Съ помощью ея мы ясно увидѣли огромнаго волка, верстахъ въ двухъ отъ насъ прогуливавшагося по степи и безпрестанно на насъ озиравшагося.

Николай Ѳедоровичъ и Дергачъ единогласно рѣшили такъ: въ курганѣ, на которомъ видѣли другаго волка или вблизи около него должна быть ихъ пара, куда вѣроятно и спряталась волчица, а передъ нами былъ самецъ, который къ

норамъ не побѣжитъ, а будетъ отводить отъ нихъ. На этомъ основаніи составился слѣдующій планъ: Дергачъ, одинъ изъ стремянныхъ и казакъ должны ѣхать въ объѣздъ волку вправо, а мы съ дрогами, для того чтобы отвлечь его вниманіе, поѣдемъ прямо на курганъ отыскивать нору. Мы тронулись съ мѣста немного влѣво, а три охотника въ противуположную намъ сторону. Въ трубу я постоянно видѣлъ волка и наблюдалъ всѣ его движенія. Сначала онъ покойно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ; когда мы были на пол-пути къ кургану—онъ всталъ, и, какъ бы раздумывая нѣсколько минутъ, тихо пошелъ, наконецъ по направленію къ дрогамъ, желая, вѣроятно, обратить на себя наше вниманіе; но вскорѣ онъ опять остановился и уже замѣтно было въ немъ нѣкоторое безпокойство, безпрестанно онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто и не садился уже ни на одно мгновеніе. Въ это время я обратилъ трубу на степь, желая отыскать глазами охотниковъ, поѣхавшихъ въ объѣздъ, но нигдѣ ихъ не было видно. Мы были уже неболѣе ста шаговъ отъ кургана, когда волкъ быстро бросился прямо къ намъ и остановился отъ насъ не болѣе какъ въ полуверстѣ, такъ что я приготовилъ было уже мой штуцеръ. Подъѣхавъ къ кургану, мы, съ ружьями въ рукахъ, проворно соскочили съ дрогъ и взбѣжали на его вершину, откуда увидали ясно, что маневръ удался отлично: волкъ былъ въ треугольникѣ между нами и обѣими партіями охотниковъ съ собаками. А Петръ и Илья, обходившіе кругомъ кургана, закричали намъ, что они нашли свѣжую волчью нору. Въ эту минуту ихъ открытіе не интересовало меня: все вниманіе мое было обращено на волка и на степь. Я видѣлъ, какъ Николай Ѳедоровичъ съ своей партіей съ одной стороны, а Дергачъ съ своими товарищами съ другой, тихо подвигались впередъ все ближе и ближе къ хищному звѣрю. Но онъ не подпустилъ ихъ на версту или болѣе, и съ страшной быстротой бросился бѣжать между нами и Николаемъ Ѳедоровичемъ, т. е. черезъ слѣдъ нашихъ дрогъ. Такимъ образомъ Дергачу пришлось травить его въ угонъ, а прочимъ охотникамъ въ—поперегъ.

Въ одинъ моментъ всѣ бросились впередъ; охотники скакали, неистово улюлюкая; гончія и борзыя уже были не-

далеко отъ волка. Онъ повернулъ ближе къ кургану, и я выстрѣлилъ въ него изъ штуцера саженяхъ во ста, но пуля ударилась въ землю сзади его. Въ это же время раздались два выстрѣла за моей спиной; я обернулся— и только читатели–охотники поймутъ мое удивленіе: я увидалъ у подошвы кургана огромнаго волка, ползущаго впередъ съ отбитымъ задомъ. Я бросилъ мой штуцеръ, схватилъ ружье, бѣгомъ догналъ волка и, выстрѣливъ почти въ упоръ, положилъ его на мѣстѣ. Оказалось, что волчица эта была въ норѣ, какъ предсказалъ Николай Ѳедоровичъ. Отъ шума травли и моего выстрѣла, она выскочила изъ нея и была встрѣчена Петромъ и Ильей, у котораго другой стволъ осѣкся. Хотя все это было дѣйствіемъ едва ли одной минуты, но когда я вбѣжалъ опять на курганъ, то простымъ глазомъ я увидалъ только Дергача, подъѣзжавшаго къ намъ шагомъ; да вдали въ правой рукѣ стояли двое, а далѣе еще одинъ верховой, а куда дѣвалось все остальное— я долго не могъ сообразить. Послѣ долгихъ поисковъ, направляя трубу мою на различныя точки степи, я разсмотрѣлъ наконецъ вдали двухъ скачущихъ верховыхъ, а впереди ихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, пять или шесть собакъ, гнавшихся за волкомъ. Подъѣхавшій Дергачъ прервалъ мои наблюденія, а Петръ и Илья съ торжествомъ тащили въ это время на курганъ убитаго звѣря.

— Что Ѳедорычъ, видно что ли въ вашу трубу? спрашивалъ усталый Дергачъ, слѣзая съ лошади и подходя ко мнѣ. Ба! да это что–же? другаго видно убили! восклицалъ онъ, разсматривая убитую волчицу.

Мы разсказали ему все, какъ было. По его совѣту сошли къ норѣ, но еще не принялись мы за вырываніе волчатъ, какъ начали подъѣзжать къ намъ охотники одинъ за другимъ.

Наконецъ съѣхались всѣ, исключая одного псаря и стремяннаго, подъ которыми были лучшія лошади, сильнѣе прочихъ, а собакъ не являлось еще—шести гончихъ и Нарзана. Увѣренія Николая Ѳедоровича, что волкъ уйти въ степи не можетъ, что гончія его непремѣнно сгоняютъ, скоро оправдались. Волкъ былъ дѣйствительно затравленъ верстахъ

въ семи или восьми отъ кургана, но лошади и собаки до того утомились, что едва передвигали ноги. Неболѣе какъ черезъ часъ были вынуты и волчата, всего пять штукъ, слѣдовательно торжество полное—цѣлое гнѣздо хищниковъ было совершенно уничтожено.

Общія заботы обратились теперь къ вопросу: какъ бы ближе и скорѣе отыскать прѣсной воды? По указанію казаковъ мы отправились на югъ отъ кургана и черезъ полчаса подошли къ двумъ большимъ колодезямъ, которые собаки почуяли издалека. Какъ ни удерживали ихъ, но едва увидали онѣ воду, какъ собравъ послѣднія силы бросились впередъ, и каждая изъ нихъ, высунувъ языкъ и задыхаясь отъ жара, растянувшись ложилась въ холодную влагу.

Тутъ же подъ открытымъ небомъ, на мягкомъ ковыловомъ коврѣ, усѣлись и мы за трапезу; а стреноженныхъ коней пустили гулять. Необыкновенно вкуснымъ казался намъ завтракъ. Но двое охотниковъ, преслѣдовавшіе волка, такъ истомились, что выпивъ по рюмкѣ водки, повалились на землю и черезъ минуту спали уже мервымъ сномъ.

Простоявъ такимъ образомъ часа три, собравшись съ новыми силами, мы пустились въ обратный путь къ нашему стану, и какъ то лѣниво думалось уже объ охотѣ. Съ половины пути стали опять часто попадаться стрепета и зайцы, но многихъ оставляли въ совершенномъ покоѣ; только вылетавшіе уже около самыхъ дрогъ или близко отъ нихъ, дѣлались нашею добычею.

Засвѣтло мы возвратились къ нашей ставкѣ и въ числѣ добычи нашей насчитали 2-хъ волковъ, 5 волчатъ, 10 русаковъ, хорсака, драхву и 32 стрепета.

Конечно, въ этотъ вечеръ не было другаго разговора какъ о травлѣ волковъ, и Дергачъ торжествовалъ и какъ бы молодѣлъ отъ удовольствія, когда охотники сознались, что не гончія, а Нарзанъ его первый догналъ и положилъ волка», безъ него, говорили они, провозились бы мы съ нимъ еще версты двѣ или три». Тутъ только узналъ я, что стараго волка, если онъ побѣжитъ далѣе двадцати саженъ отъ собакъ, не можетъ догнать ни одна борзая собака рѣзвостью своихъ ногъ, а должна его осилить, т. е. загонять.

Еще не стемнѣло, когда мы поужинали и разбрелись по своимъ постелямъ. Даже и Французъ, забывъ обычную любезность, зѣвалъ и недолго болталъ съ скучавшими цѣлый день Катей и Лизой. Въ эту ночь все было тихо въ нашей ставкѣ. Да и на другой день утромъ старики съ трудомъ поднимали утомившуюся молодежь. Къ общему удовольствiю, съ утра туманъ былъ такъ силенъ, что нельзя было думать о скоромъ выѣздѣ.

Все кочевье наше давно уже было снято и убрано, осѣдланныя и запряженныя лошади фыркали и отъ нетерпѣнiя били копытами, собаки валялись по сырой травѣ; старики ходили взадъ и впередъ и ворчали что-то себѣ подъ носъ; а туманъ какъ на зло становился все гуще и гуще, и только къ десяти часамъ онъ взволновался и сталъ подниматься.

Вотъ наконецъ и солнце показалось какъ за матовымъ стекломъ; скоро хлынуло моремъ свѣта на широкую степь, только вдали на западѣ виднѣлись еще густыя облака, проворно улетавшiя.

Мы шли все на юго-востокъ по направленiю къ устьямъ Узеней, или вѣрнѣе, къ самарскимъ камышамъ (*). Елтонское озеро оставалось у насъ вправѣ на западѣ.

Недалеко отъ чернаго кургана мы подняли еще зайца и двухъ стрепетовъ. Но потомъ мы ѣхали, часа три не видавъ ничего живаго, кромѣ спутниковъ нашихъ да нѣсколькихъ ящерицъ.

— Да что же изъ этого однако будетъ? обратился я наконецъ къ Николаю Ѳедоровичу, начиная терять терпѣнiе.

— Какъ что будетъ! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ: на первый разъ вы можете теперь воскликнуть: «вотъ она настоящая то степь!»

Какъ сильная искра лейденской батареи, пролетѣли эти слова по моему тѣлу. Я пересталъ уже было объ нихъ думать, но въ эту минуту я оглянулся кругомъ; внимательно разсматривалъ я даль во всѣхъ направленiяхъ-до крайнихъ ея предѣловъ; но во всѣ стороны взглядъ скользилъ по сте-

---

(*) Самарскiе камыши—рядъ большихъ и малыхъ соляныхъ озеръ, въ которые впадаютъ обѣ рѣки Узени.

пи, какъ по гладкому льду, и упирался въ небесный сводъ для того, чтобы по немъ возвратиться къ другой сторонѣ опять точно такой же гладкой, безконечной степи.

Тутъ уже нѣтъ кургановъ, не слышишь свиста сурка или голоса какой нибудь пташки, не увидишь степнаго тюльпана или другаго цвѣтка, или хоть маленькаго кусточка бобовника. Вездѣ одинъ ковыль да полынь, и бѣгаетъ по нимъ одно перекати-поле, не имѣя за что зацѣпиться, чтобы отдохнуть, пробѣжавъ сотни верстъ.

Если только подумать о томъ, что все живое населенiе такой степи состоитъ только изъ безобразныхъ кочующихъ Киргизовъ, ящерицъ, тарантуловъ, скорпiоновъ, фалангъ и ядовитѣйшихъ черныхъ вдовъ (*), что все это скрывается гдѣ-то, для того, чтобы при случаѣ напасть на человѣка и причинить ему вредъ, если не смерть, то становится понятнымъ какое впечатлѣнiе должна произвесть эта степь на одинокаго странника. Жаль мнѣ такого путника! Нечѣмъ здѣсь ему утолить голода! Соленогорькая вода все болѣе и болѣе возбуждаетъ жажду, а прѣсной воды не найдетъ онъ иногда въ трое сутокъ; не отыщетъ онъ здѣсь сухой былинки, чтобы, разведя огонь, отогрѣть окоченѣлые члены, отдохнуть нѣсколько часовъ, не бывъ встревоженъ ядовитыми насѣкомыми. Если онъ не ляжетъ навѣки въ этой безграничной открытой могилѣ, то, конечно, выйдетъ изъ нея не совсѣмъ въ нормальномъ состоянiи.

Вотъ по такой-то степи проходили мы четыре дня, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и постоянно таская за собою весь нашъ обозъ.

Утомительное мертвое однообразiе всего насъ окружавшаго, нарушалось только киргизскимъ караваномъ верблюдовъ и лошадей, замѣченнымъ нами въ семи или восьми верстахъ на востокъ, да двумя небольшими соляными озерами, или вѣрнѣе, лужами, около которыхъ мы запаслись по крайней мѣрѣ камышемъ на топливо; и ко всему этому можно еще

(*) Черная вдова—этимъ именемъ называютъ Киргизы самаго ядовитаго паука, похожаго на тарантула, но черно-коричневаго цвѣта.

прибавить, что два дня поливало насъ дождемъ какъ изъ ведра.

Утромъ на ранней зарѣ выѣхали мы въ поле. До полудня ѣхали все впередъ и впередъ; не было уже и надежды на какую либо охоту въ этотъ день. Пѣсни Кати и Лизы въ два голоса были единственнымъ развлеченіемъ. Даже и Дергачъ, потерявъ терпѣніе, подъѣхалъ къ намъ и слѣзъ съ лошади, чтобы отдохнуть на дрогахъ, промолвить словечко, какъ онъ выражался.

Думали уже, что и пятый день приведется провести намъ въ этой глухой степи также безплодно и скучно.

Вдругъ все встрепенулось. Вдали съ лѣваго фланга скакалъ къ намъ во весь карьеръ казакъ, махая своею фуражкой. Дроги остановились. Съ нетерпѣніемъ ждали всѣ узнать, какую новость везетъ намъ этотъ вѣстникъ. Справа и слѣва на рысяхъ подъѣзжали къ дрогамъ охотники.

Подъѣхалъ наконецъ и казакъ. Незнакомому съ степной охотой и со скукой ея неудачъ-трудно понять нашу радость. Мы узнали отъ него, что онъ наѣхалъ на сайгачью тропу. Читателямъ моимъ, вѣроятно, незнакомо это слово. Не думаю также, чтобы имъ извѣстны были хотя нѣкоторыя подробности, о самомъ сайгакѣ, этомъ жителѣ глухой степи, который до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, даже и въ звѣринцахъ не являлся въ какой либо городъ. Поэтому, я думаю, не лишнимъ будетъ, если я скажу здѣсь хотя нѣсколько словъ объ этомъ животномъ и его перекочевкахъ съ юга на сѣверъ.

Сайгакъ—это нашъ европейскій или вѣрнѣе русскій лама. Станомъ и головой онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ калмыцкимъ или такъ называемымъ курдюксимъ барномъ, но стройнѣе, выше его и не имѣетъ курдюка (*); изкрасна сѣрая шерсть его гладка, жестка и коротка, какъ у оленя. Самецъ имѣетъ пару небольшихъ прямыхъ роговъ, показывающихся на второмъ году; кольца на нихъ обозначаютъ его возрастъ. Какъ постоянный обитатель степей, гдѣ часто

(*) Курдюкъ—хвостъ въ видѣ раздвоеннаго мѣшка, наполненнаго однимъ жиромъ, въ которомъ бываетъ до 20 и болѣе фунтовъ вѣса.

встрѣчается онъ съ своимъ лютымъ врагомъ—волкомъ, онъ спасается только быстротою своего бѣга, которая изумительна. Когда несется сайгакъ своею плавною иноходью, эта быстрота незамѣтна, но и такъ не догонитъ его никакая собака, а еще менѣе лошадь. Но когда онъ видитъ, что опасность близка, и сдѣлаетъ нѣсколько усиленныхъ прыжковъ, то все преслѣдующее его покажется какъ бы остановившимся на мѣстѣ, такъ скоро отдѣлится онъ на десятки, а если нужно, и на сотни сажень, и понесется опять своею обычною иноходью. Сайгаки въ европейской Россіи водятся только между низовьями рѣкъ Волги, Урала и Дона, т. е. въ киргизскихъ и калмыцкихъ степяхъ преимущественно. За Волгою они большую часть года пасутся невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Каспійскаго моря, а на зиму собираются иногда въ его камыши и въ камыши южныхъ озеръ киргизской степи. Но весной, во второй половинѣ апрѣля, когда наступаетъ время имъ ягниться, они, зная уже по опыту, что въ концѣ мая тощая растительность южной части степи чахнетъ отъ сильныхъ жаровъ, перекочевываютъ на сѣверъ къ той полосѣ, гдѣ между самарскими камышами и Елтонью кончается песчаная степь, и начинаются ковылы долго выдерживающіе жары, нерѣдко доходящіе до сорока и болѣе градусовъ. Говорятъ, что въ старые годы, когда на всемъ заволжьѣ саратовской губерніи не было почти никакихъ поселеній, сайгаки, завлекаемые все болѣе и болѣе питательною растительностью, доходили иногда до самаго Саратова и даже до Самары; теперь же мѣстность между Узенями и Таргуномъ составляетъ самый крайній предѣлъ кочеванія ихъ на сѣверъ, но и здѣсь видятъ ихъ уже рѣдко и на очень короткое время. При такихъ перекочевкахъ сайгаковъ замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Съ юга на сѣверъ они идутъ огромными стадами, нерѣдко въ тысячу и болѣе штукъ; но какъ только кончается въ такомъ стадѣ ягненіе, они разбиваются на мелкія стада штукъ въ пятьдесятъ и рѣдко до ста. и такъ возвращаются къ мѣстамъ зимовки.

Черезъ полчаса подъѣхали мы къ сайгачьей тропѣ; даже непривычный глазъ легко могъ ее замѣтить. Вездѣ однооб-

разная степь, но въ этомъ мѣстѣ пространство, саженъ на сто шириной, показывало ясно, что недавно прошло по ней большое стадо какихъ-то животныхъ. Весь ковылъ на этой полосѣ былъ выщипанъ или примятъ вмѣстѣ съ полынью.

Что сайгаки прошли, и прошли недавно, и очень большимъ стадомъ — все это мы видѣли ясно; но куда и откуда они шли? вотъ вопросъ, который должны были рѣшить навыкъ и опытность.

Старики наши слѣзли съ дрогъ, походили по тропѣ, посмотрѣли на слѣды, потолковали между собой и съ казаками; Николай Өедоровичъ вынулъ изъ кармана свой компасъ, чтобы вѣрнѣе опредѣлить, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ, и рѣшили наконецъ, что мы съ сайгаками разъѣхались, повстрѣчавшись съ ними на такомъ разстояніи, что не могли ихъ замѣтить; что стадо должно быть недалеко отъ насъ, потому что трава нигдѣ еще не успѣла подняться; слѣдовательно мѣшкать было нечего—надо было скорѣе догонять ихъ.

До сихъ поръ мы шли все прямо на юго-востокъ отъ Воронина хутора, но отъ этого мѣста мы повернули на сѣверо-востокъ, т. е. почти назадъ. Обозу приказано было ѣхать за нами шагомъ, а мы на дрогахъ и верховые, по обѣ стороны разровнявшись въ ширину тропы, тронулись по ней на рысяхъ. Все вниманіе было обращено впередъ по тропѣ. Николай Өедоровичъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы. Такъ ѣхали мы часа два, но не было никакого признака близости стада. Вдругъ Ворона, ѣхавшій на правомъ флангѣ, остановился и замахалъ намъ шапкой. Полагая, что онъ увидалъ сайгаченка, мы соскочили съ дрогъ и бѣгомъ побѣжали къ нему.

— Что такое? спрашивалъ Николай Өедоровичъ.

— А вотъ что, панови, отвѣчалъ Ворона слѣзши съ лошади; вѣдь сайгаки-то у насъ въ заду остались.

— Какъ въ заду?

— Да вотъ смотрите же! и онъ указывалъ въ правую сторону.

Мы ничего не видали, но Николай Өедоровичъ, наводившій трубу на различныя точки степи, остановился наконецъ

на одномъ мѣстѣ и послѣ внимательнаго наблюденія воскликнулъ съ радостью и удивленіемъ:

— «Вотъ какъ говорится, не было ни гроша, а тутъ вдругъ алтынъ!» вѣдь это не то же, а другое стадо.

— Какъ другое? былъ общій вопросъ.

— Да такъ; эта тропа идетъ, какъ видно, на сѣверъ, а то стадо идетъ, должно быть, отъ Узеня, и идетъ какъ будто, прямо на насъ. Что теперь намъ дѣлать? обратился Николай Өедоровичъ къ Дергачу.

— А уже Богъ знаетъ, какъ теперь лучше бы сдѣлать? и старикъ задумался.

Въ это время одинъ изъ казаковъ слѣзъ съ лошади и легъ на землю. Я не понималъ, что онъ дѣлаетъ.

— Слушайте, ваше высокоблагородіе, заговорилъ онъ, вскочивъ на ноги: нечего стоять намъ да думать, да время по пусту тратить—надо ѣхать по тропѣ, и то-то стадо не далече, а это поперегъ намъ идетъ—такъ и послѣ отыщемъ.

— А развѣ впереди слышно что? спросилъ Дергачъ.

— Чего не слышно? — Какъ цѣпами молотятъ! верстъ пятокъ,—больше не будетъ до нихъ.

Почти всѣ приникли къ землѣ, и всѣ услыхали какой-то шумъ какъ впереди, такъ и въ сторонѣ, гдѣ уже намъ видѣлись сайгаки. Казалось только, что шумъ впереди былъ немногимъ далѣе. Не смотря на это, по совѣту казака, рѣшились продолжать наше преслѣдованіе; и не проѣхали мы пяти верстъ, какъ увидали вдали сайгака, бѣжавшаго прямо на насъ. Николай Өедоровичъ, слѣдившій за нимъ въ зрительную трубу, увидалъ и самое стадо, къ которому присоединился сайгакъ съ своимъ ягненкомъ. Проѣхали еще съ версту, и увидали сайгаченка, лежавшаго на степи, еще безсильнаго подняться на ноги.

—Вотъ и охота начинается, воскликнулъ Николай Өедоровичъ, подходя вмѣстѣ со мной къ маленькому уродливому животному.

Всѣ охотники съ собаками, раздѣлившись на двѣ группы, на рысяхъ поѣхали отъ насъ вправо и влѣво, а дроги повернули назадъ; только охотники съ ружьями остались на тропѣ, разойдясь во всю ея ширину. Мы съ Николаемъ Өе-

доровичемъ встали по обѣ стороны ягненка. Не прошло и четверти часа, какъ мы увидали вдали сайгака, рѣзвою иноходью, съ громкимъ блеяніемъ бѣжавшаго прямо на насъ. Мы всѣ присѣли. На голосъ матери началъ отзываться ягненокъ, и чадолюбивое животное, хотя видно было что оно боялось, какъ бы предчувствуя опасность, но все таки подбѣжало къ нему почти вплоть, а отъ насъ оно было не болѣе пятидесяти шаговъ,—ближе однако къ моему товарищу; онъ выстрѣлилъ, и бѣдное животное смертью заплатило за привязанность свою къ дѣтенышу.

Не мѣшкая ни минуты, мы пошли впередъ скорымъ шагомъ, и, не больше какъ въ полуверстѣ, былъ найденъ другой ягненокъ; опять тотъ же маневръ, и другой сайгакъ сдѣлался жертвою материнской любви.

Признаюсь откровенно—съ первыхъ же минутъ охота эта опротивѣла мнѣ, такъ похожа она на бойню и промыселъ, такъ жалостно кричитъ бѣдное животное, идя на явную смерть для спасенія своего дѣтеныша, что я былъ очень доволенъ, что мнѣ не пришлось ни разу выстрѣлить. Даже и зрителемъ быть какъ то тяжело и непріятно! Подъ предлогомъ сильной усталости и головной боли ушелъ я назадъ и сѣлъ на дроги курить трубку. Восемь старыхъ убитыхъ сайгаковъ и столько-же живыхъ ягнятъ были добычей этого дня. За часъ до заката охоту прекратили и, по указанію казаковъ, мы, съѣхавъ съ тропы, направились влѣво къ знакомымъ имъ колодезямъ и мѣсту удобному для ночевки.

Когда мы были уже на мѣстѣ, и все хлопотало надъ устройствомъ лагеря, мы узнали отъ обозныхъ, отставшихъ отъ насъ на нѣсколько верстъ, что другое стадо сзади ихъ перешло ту тропу, по которой мы слѣдовали. Такимъ образомъ ночевка сайгаковъ должна быть невдалекѣ отъ нашей. По этому на другой день Николай Ѳедоровичъ, замѣтившій, что этотъ способъ охоты мнѣ вовсе не по сердцу, предложилъ охоту на сайгаковъ, по его увѣренію, болѣе занимательную.

Мы встали еще до свѣта. Обозъ оставили на мѣстѣ. Безъ всякаго слѣда и указанія отправились мы въ степь по тому направленію, гдѣ, по соображеніямъ стариковъ, должно быть еще непуганное стадо.

Всѣ распоряженія были сдѣланы заранѣе, и мы ѣхали тремя партіями: въ срединѣ наши дроги, а по бокамъ, верстахъ въ трехъ отъ насъ, охотники съ собаками. Верстахъ въ восьми отъ кочевки увидали сайгаковъ, пасущихся какъ бы на одномъ мѣстѣ.

Мы остановились; семь человѣкъ съ ружьями (при мнѣ былъ и мой штуцеръ) разошлись по степи на сто шаговъ другъ отъ друга. Дроги отъѣхали далеко въ сторону, а мы легли на землю. Съ помощію зрительной трубы я ясно видѣлъ, какъ обѣ партіи верховыхъ охотниковъ объѣзжали сайгаковъ съ обѣихъ сторонъ. Мы были отъ стада въ трехъ верстахъ.

Вотъ вижу я наконецъ, что охотники уже по ту сторону разъѣзжаются на нѣкоторое разстояніе и поворотили прямо на сайгаковъ; подвигаются къ нимъ все ближе и ближе, но осторожныя животныя замѣтили преслѣдователей и тихо тронулись съ мѣста по направленію къ намъ. Охотники разъѣзжаются все шире и шире, а сайгаки сходятся все въ болѣе густое стадо. Вотъ наконецъ я различаю уже простымъ глазомъ и цвѣтъ шерсти животныхъ, прямо идущихъ на меня; я различаю уже впереди стада нѣсколько статныхъ барановъ съ ихъ красивыми рожками. Сильно бьется мое сердце. Все стадо, штукъ изъ пяти или шести сотъ, остановилось передо мною, не болѣе-какъ въ полутораста шагахъ. Осторожно, едва дыша, поднялъ я къ плечу свой штуцеръ, и выбравъ самаго большаго барана, выстрѣлилъ въ него. Признаюсь откровенно—послѣ этого выстрѣла я долго не могъ придти въ себя! такъ поразила меня послѣдовавшая за тѣмъ сцена; мнѣ какъ-то смутно помнится, что когда я выстрѣлилъ, стадо, какъ бы раздвоившись, бросилось съ страшной быстротой и шумомъ впередъ, слышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ лай собакъ, крики охотниковъ, и когда я опомнился, сайгаки были уже отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, за ними скакали охотники, другіе торочили затравленнаго звѣря. Въ нѣсколько мгновеній въ эту охоту было убито 3 старыхъ барана и 2 старыхъ самки, а собаками затравили 4 ягненка, изъ которыхъ двое были уже недѣль трехъ или

болѣе, слѣдовательно въ лучшей порѣ для знаменитаго сайгачьяго жаренаго (*).

Охота была на этотъ разъ такъ удачна, а лошади и собаки были такъ истомлены, что, не смотря на раннее время, мы рѣшились возвратиться къ нашему стану, и около полудня были уже на мѣстѣ.

— Вотъ эта охота-такъ охота, а не бойня, говорилъ я, совершенно довольный этимъ днемъ, садясь за обѣдъ, къ которому успѣли зажарить намъ и сайгака.

— Ну чтоже эта охота? возразилъ Николай Өедоровичъ, пожимая плечами; одно мгновеніе удовольствія—и конецъ! ужь этого стада не отыщете вы и въ двѣ недѣли. То ли дѣло охота по тропѣ—сколько захочешь столько и убьешь! и удовольствія не на одну минуту, а иногда на два и на три дня.

— И что же убьете вы въ эти три дня? какой нибудь десятокъ два окатившихся тощихъ самокъ, да наберете столько же ни куда негодныхъ слабыхъ ягнятъ! по моему мнѣнію одинъ мой баранъ стоитъ всей этой добычи.

— А вѣдь Өедорычъ правду говоритъ! отозвался Дергачъ. Какъ-то не весело бить сайгачиху, когда она такъ жалостно кричитъ; да и не сравнить-же ее съ бараномъ? а посмотрите-ка, каковъ будетъ сайгаченокъ, котораго я затравилъ! такого съ тропы не возмешь, Николай Өедорычъ!

Дергачъ засмѣялся, а Николай Өедоровичъ соглашался уже съ нашими доводами, повторяя только, что на тропѣ охота добычливѣе, противъ чего никто и не спорилъ.

Весь вечеръ этого дня былъ посвященъ удовольствіямъ лагерной стоянки; пѣли пѣсни, разсказывались замѣчательные случаи изъ охотничьей жизни, стрѣляли въ цѣль изъ двухъ штуцеровъ и изъ винтовки Петра, и въ этомъ состязаніи Петръ не только превзошелъ всѣхъ насъ, но возбудилъ общій восторгъ. Онъ просто дѣлалъ чудеса своей уродливой пищалью. Ни прежде, ни послѣ я не видывалъ подобной стрѣльбы. Напримѣръ, во ста шагахъ разбить яйцо, постав-

---

(*) Старый сайгакъ, въ особенности баранъ, составляетъ лакомый кусокъ для Киргиза, хотя это мясо вкусомъ напоминаетъ мясо стараго козла; молодой же ягненокъ, отъ 3 до 6 недѣль, лучше всякаго барашка.

ленное на шляпку шомпола, ему было ни почемъ: онъ разбилъ ихъ три къ ряду; въ шапку, брошенную на воздухъ, онъ попадалъ безъ промаха, и т. д. По этому я просилъ его на другой день идти со мною рядомъ, чтобы видѣть мнѣ его стрѣльбу по дичи.

Но этого другаго дня пришлось намъ долго дожидаться. Солнце сѣло за черными тучами, поднимавшимися съ запада. Все болѣе и болѣе надвигались онѣ на насъ. Старики, предвидя сильный и продолжительный дождь, приказали окапывать скорѣй кибитку и всѣ палатки. И хорошо, что приняли эту предосторожность. Едва кончили работу, поднялся вѣтеръ, грозившій сорвать нашъ лагерь. Всѣ забѣгали и захлопотали, чтобы укрѣпить все какъ можно лучше; лошадей сбирали со степи и привязывали къ экипажамъ; собаки бѣгали и съ визгомъ жались къ стѣнкамъ палатокъ, а вѣтеръ, свободно разгуливая по открытой степи, гудѣлъ все сильнѣй и сильнѣй; стало холодно какъ въ позднюю осень; и не успѣли мы поужинать, какъ дождь крупными каплями застучалъ въ нашу кибитку. Къ утру обложили тучи все небо, и дождь переставалъ на нѣкоторое время, смѣняясь изморозью.

Такъ должны мы были просидѣть болѣе двухъ сутокъ, не выходя ни шагу изъ кибитки. Счастіе еще было наше, что Семенъ захватилъ съ собою книжку «Русскаго Слова», полученную съ послѣднею почтою; по крайней мѣрѣ было что читать, и мы могли разнообразить препровожденіе нашего времени. Но еще большимъ счастіемъ можно было назвать, что вблизи нашего стана оказалось небольшое соляное озеро; отъ него получали мы камышъ на топливо въ такія минуты, когда уже не знали что дѣлать, истощивъ всѣ запасы къ поддержанію огня. Положеніе было бы весьма непріятное: въ сырое и очень холодное время остаться безъ огня и возможности готовить пищу.

Мы были тогда во 100 верстахъ отъ ближайшаго поселенія на Узенѣ; слѣдовательно не было никакой возможности укрыться хотя въ курной, черной избѣ какого нибудь несчастнаго переселенца.

Въ эти двое сутокъ бездѣйствія и скуки, сырости и холода, такъ надоѣла всѣмъ намъ наша степная кочевка, что

ни ясный лазуревый сводъ неба, ни яркое солнце, привѣтливо освѣтившее степь, съ которыми встрѣтило наконецъ насъ утро третьяго дня, не могли соблазнить насъ идти далѣе къ песчанымъ пустынямъ киргизской степи, къ солянымъ грядамъ, какъ было предположено въ началѣ. Теперь было рѣшено, что мы повернемъ прямо на Узень, по немъ подвинемся впередъ до Новоузенска, а оттуда, разставшись съ нашей охотой и съ добрыми товарищами нашими—Дергачемъ и Вороной, поѣдемъ на почтовыхъ прямо въ Саратовъ.

Слѣдуя этому вновь составленному маршруту, мы отправились въ путь, въ полной увѣренности, на четвертый или пятый день быть въ Новоузенскѣ; но вышло не такъ.

Едва мы тронулись съ мѣста, какъ вправо на югъ, въ томъ направленіи откуда мы повернули по первой тропѣ, замѣтили и теперь небольшое стадо сайгаковъ. Съ помощью зрительной трубы мы ясно увидѣли, что штукъ двѣсти сайгаковъ шли прямо на насъ, и за ними, какъ бы въ туманѣ, виднѣлось вдали нѣсколько всадниковъ. Когда удостовѣрились, что ихъ не болѣе шести, слѣдовательно не было опасности помѣшать ихъ промысловой охотѣ, мы проворно соскочили съ дрогъ, заняли мѣста цѣпью, а охотники стали заѣзжать вправо и влѣво въ объѣздъ сайгакамъ. Одному изъ казаковъ, говорившему по-татарски, было приказано доѣхать до киргизовъ и пригласить ихъ на стаканъ водки. Съ часъ пролежали мы на землѣ; тихо подвигались къ намъ сайгаки, и съ завистью смотрѣлъ я на правый флангъ, къ которому направлялось на этотъ разъ все стадо. Одинъ старый баранъ далеко отдѣлился отъ товарищей, и, подошедъ на выстрѣлъ къ крайнему охотнику (а это былъ Петръ) остановился и съ глухимъ блеяніемъ озирался кругомъ. Выстрѣлъ раздался, баранъ повалился, и, къ счастію нашему, испуганное стадо бросилось прямо на цѣпь, такъ что я успѣлъ выстрѣлить изъ обоихъ стволовъ и пустилъ еще пулю въ догонку. Два барана, двѣ матки и нѣсколько ягнятъ были жертвами этой неожиданной охоты. Вскорѣ подъѣхали къ намъ и Киргизы, въ числѣ четырехъ конныхъ охотниковъ и двухъ ра-

ботниковъ на четырехъ верблюдахъ, везшихъ дичь, кумысъ, муку и небольшую кибитку.

Къ общему удивленію, мы не встрѣтили въ нихъ ни малѣйшаго признака непріязни или неудовольствія за разстройство ихъ охоты. Напротивъ, они были по видимому въ очень веселомъ расположеніи духа; разсказывали намъ, что они преслѣдовали это стадо третій день, взяли изъ него 28 ягнятъ и убили 26 старыхъ матокъ.

Въ первый разъ въ моей жизни видѣлъ я этихъ сыновъ песчаной пустыни, не въ томъ видѣ, какими они являются на ярмаркахъ и базарахъ въ городахъ и селахъ; гдѣ они, какъ говорится, тише воды, ниже травы; гдѣ каждому дворовому человѣку Киргизъ кланяется чуть не до земли; гдѣ онъ кажется вялымъ, тихимъ, боязливымъ и не поворотливымъ. Не таковъ Киргизъ въ степи, верхомъ на своей маленькой, но быстрой и сильной лошадкѣ, вооруженный стрѣлами, лукомъ, нагайкой, а нерѣдко и винтовкой. Все дышетъ въ немъ беззаботной свободой; много силы выглядываетъ изъ подъ яргака (*) въ его загорѣлой мощной груди, въ его мускулистыхъ рукахъ. Совсѣмъ другое выраженіе въ его скулистомъ широкомъ лицѣ, въ его узкихъ, прищуренныхъ, но зоркихъ глазахъ. Спустивши яргакъ съ голыхъ плечъ, гордо сидитъ онъ въ своемъ покойномъ сѣдлѣ, какъ бы приросшій къ нему; гордо глядитъ онъ на родимую степь, по которой, какъ вольная птица, летаетъ безъ заботъ о будущемъ днѣ. Въ этой степи не боится онъ наѣзда исправника или становаго, не утомляетъ онъ своихъ ногъ бѣганіемъ по трехъ—этажнымъ лѣстницамъ присутственныхъ мѣстъ; не только старшина и султанъ, но и самъ ханъ не оскорбитъ его полновѣсною бранью.

Встрѣчаясь съ Русскими, Киргизы недовѣрчиво поглядываютъ на нихъ, но скоро дружатся, если видятъ, что не разсчетъ или злыя намѣренія привели гостя въ степи.

Такъ было и съ нами. Черезъ полчаса мы были уже друзьями, жали руки и подчивали другъ друга водкой и кумысомъ. Въ началѣ съ отвращеніемъ, но потомъ съ удоволь-

(*) Яргакъ-халатъ изъ жеребячьихъ кожъ, шерстью вверхъ.

ствіемъ пилъ я этотъ напитокъ. До водки—Киргизы оказались страшными охотниками. При первыхъ двухъ стаканчикахъ они повеселѣли до того, что пѣли намъ пѣсни, а двое изъ нихъ даже плясали, но кривыя ноги и уродливо-широкіе свислые шаровары ихъ мѣшаютъ всякому движенію. Отъ пѣсенъ Кати и Лизы они приходили не въ восторгъ, а въ какое то изступленіе, и мы хохотали до устали, когда Николай Өедоровичъ уговорилъ своихъ пѣвицъ, чтобы онѣ поцѣловали того Киргиза, который все время съ гордостью разсказывалъ намъ о происхожденіи своемъ отъ бѣлой кости. (*) Потомокъ бѣлой кости пришелъ въ такой азартъ, что предлагалъ Николаю Өедоровичу 50 коней за Катю, а за Лизу давалъ въ придачу еще 10 верблюдовъ и 50 барановъ; какъ видно—послѣдняя понравилась ему больше. Долго бесѣдовали и смѣялись мы съ этими простодушными до ребячества наивными обитателями степей. Наконецъ водка окончательно подкосила имъ ноги и смыкала узкіе глаза. Николай Өедоровичъ подарилъ бѣлой кости черкесскій кинжалъ, а тотъ отдарилъ его верблюдомъ, и мы, дружески простившись, разстались.

Мы такъ долго простояли на одномъ мѣстѣ, что до вечера едва ли сдѣлали болѣе двадцати верстъ, и вся охота наша ограничилась двумя птицами, которыхъ я прежде не видывалъ, и которыя только и водятся, что въ песчаной киргизской степи и очень рѣдко появляются около Узеней и Елтонскаго озера.

Киргизы и заволжскіе переселенцы называютъ ее «саджа» (**) и имѣетъ ли она какое другое названіе-мнѣ неизвѣстно, потому, что въ то время не только ни въ одномъ зоологическомъ кабинетѣ я не встрѣчалъ этой птицы, но я не могъ даже отыскать описанія ея ни въ одной зоологіи. Теперь быть можетъ она сдѣлалась извѣстнѣе. Эта птица

(*) Князей и султановъ киргизы считаютъ—происходящими отъ бѣлой кости, а простолюдиновъ—отъ черной кости.

(**) Въ киргизъ-кайсацкой степи, преимущественно на югѣ ея около алтайскихъ горъ водятся четыре различныхъ вида саджей, но всѣ они отличаются мохнатыми ногами, какъ у рябчика и гораздо меньше описываемаго мною вида этой же породы птицъ.

немного болѣе сѣрой куропатки; корпусомъ, головой и формой крыльевъ похожа на большую сивку (Brach-huhn), а цвѣтомъ перьевъ на обыкновеннаго сѣраго турухтана (Dampf-hahn); самецъ отличается только нѣсколькими черными перьями въ крыльяхъ и хвостѣ, да бо̀льшею красноватостью на головѣ; но особенность этой птицы составляютъ два длинныя, волосообразныя перушка въ хвостѣ, а еще болѣе ея ноги или, вѣрнѣе, пальцы; ноги ея несоразмѣрно толсты и покрыты очень жесткой кожей, но три пальца ея такъ коротки, и такъ расположены, что они похожи болѣе на раздвоенное копытце въ родѣ овечьяго, чѣмъ на ступню какой-либо птицы. Вкусъ мяса ея очень схожъ съ мясомъ сивки, но цвѣтомъ гораздо темнѣе его. Мы встрѣтили ихъ пять штукъ, онѣ подпустили очень близко, двухъ изъ нихъ мы убили. Онѣ выводятся въ большомъ количествѣ около соляныхъ грязей въ густомъ степномъ камышѣ. Кладутъ онѣ всегда два яйца. Осенью большими стадами держатся въ самыхъ глухихъ песчаныхъ степяхъ.

Мы остановились на кочевку, потому что на пути встрѣтили очень большой колодезь отличной прѣсной воды. Палатки были уже разбиты, солнце уже садилось, намъ подали чай, когда подошедшій казакъ принесъ намъ вѣсть, что вдали видно небольшое стадо сайгаковъ. Николай Ѳедоровичъ схватился за трубу, и объявилъ намъ, что это не сайгаки, а тарпаны. Слѣдовательно еще новый знакомецъ въ моей охотничьей жизни (*).

Всѣ собрались вокругъ насъ и долго не знали на что рѣшиться; первою мыслью было—сейчасъ-же сѣдлать опять

(*) Странное дѣло! нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезли въ Парижъ двухъ дикихъ первобытныхъ лошадей изъ Сиріи; нашъ Вѣстникъ естественныхъ наукъ тотчасъ же сообщилъ своимъ читателямъ объ этомъ происшествіи, какъ о какомъ-то важномъ открытіи, и пророчилъ много пользы отъ разведенія этого животнаго въ домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ. Неужели-же г.г. зоологи наши и испытатели природы не знаютъ еще и до сего времени, что точно такую-же сирійскую лошадь,—тарпана, могутъ они видѣть въ огромныхъ стадахъ у себя въ отечествѣ; чтобъ не сказать подъ носомъ, въ киргизскихъ степяхъ, и что животное это рѣшительно ни къ чему не способно? Ни въ одномъ музеумѣ я не видалъ еще тарпана, и нигдѣ не привелось мнѣ читать что либо объ немъ.

утомленныхъ коней, но опытный и разсудительный Дергачъ доказалъ намъ, что это ни къ чему не поведетъ, что мы только прогонимъ тарпановъ.

— И поздно уже теперь! и кони стомлены, и люди устали! ужь это будетъ все не то! а до утра далеко не уйдутъ, заключилъ онъ съ увѣренностью.

До самой темноты мы наблюдали за ходомъ тарпановъ и убѣдились, что они идутъ съ юга на сѣверо-западъ, слѣдовательно ночью должны проходить около нашей кочевки.

Это предсказаніе такъ вѣрно сбылось, что утромъ, когда начало разсвѣтать, ихъ увидали не далѣе какъ въ двухъ верстахъ, по тому направленію, откуда мы пріѣхали вечеромъ.

Дѣлать было нечего; приходилось вернуться немного назадъ. Я не учавствовалъ въ совѣщаніяхъ стариковъ о предстоящей охотѣ, но въ самыхъ приготовленіяхъ я замѣтилъ что-то особенное: сѣдлали только трехъ лошадей и запрягали однѣ дроги. На вопросъ мой: что это значитъ? Николай Ѳедоровичъ объяснилъ мнѣ, что охотиться на тарпановъ не стоитъ, но что мы ѣдемъ съ тѣмъ, чтобы поймать только пару молодыхъ животныхъ, которыхъ онъ обѣщалъ доставить губернатору. А на другой вопросъ: почему на лошадяхъ стремяннаго и доѣзжачаго ѣдутъ казаки, а не они сами? мнѣ отвѣчали, что казакамъ дали лучшихъ и сильнѣйшихъ лошадей; потому что только они одни умѣютъ владѣть арканомъ.

Когда все было объяснено, Николай Ѳедоровичъ, я и Петръ сѣли на дроги съ штуцерами и винтовкой въ рукахъ и тронулись съ мѣста въ сопровожденіи трехъ верховыхъ. Въ верстѣ или менѣе отъ тарпановъ, пасшихся на одномъ мѣстѣ, мы остановились, слѣзли съ дрогъ; верховые одинъ за другимъ поѣхали шагомъ, и около каждаго изъ нихъ шелъ товарищъ съ ружьемъ, укрываясь за лошадью. Тарпаны перестали пастись, подняли головы, обратили на насъ свои глаза и поворачивались по мѣрѣ того, какъ мы, объѣзжая кругомъ ихъ, подвигались къ нимъ все ближе и ближе. Наконецъ мы были отъ нихъ не болѣе полутораста шаговъ;

ихъ было штукъ сорокъ, не считая нѣсколько новорожденныхъ жеребятъ.

Старый, красивый жеребецъ, гордо обходившій свою семью, обратилъ на себя все наше вниманіе. Трудно вообразить себѣ, какъ красива эта небольшая первобытная лошадка, когда вскинувъ гриву, поднявъ хвостъ и уши, съ раздутыми ноздрями, несется по степи фыркая и безпрестанно поворачивая голову то вправо, то влѣво. Николай Ѳедоровичъ, шедшій въ срединѣ, выстрѣлилъ; табунъ шарахнулся; выстрѣлили и мы съ Петромъ. Одно животное осталось на мѣстѣ, другое, отбѣжавъ нѣсколько саженъ, остановилось, зашаталось и пало также; а верховые неслись въ это время за быстро удалявшимся табуномъ.

Оба убитыхъ тарпана оказались старыя матки и одна изъ нихъ подсосая. Когда я подошелъ къ убитому животному, то я глазамъ моимъ не вѣрилъ, чтобы это могло быть одно изъ тѣхъ, которымъ я такъ любовался. На землѣ лежалъ не красивый конь въ уменьшенныхъ размѣрахъ, а какой то уродливый лошакъ, ростомъ съ небольшимъ въ полтора аршина цвѣта крысиной шерсти, съ жиденькимъ хвостомъ и гривой, и съ уродливою большою головой.

Не болѣе какъ черезъ полчаса, псарь привелъ на арканѣ жеребенка, а вскорѣ послѣ того явились и казаки, таща на арканахъ годовалыхъ жеребчика и кобылку. Тѣмъ и кончилась наша охота за тарпанами, отъ которой я ожидалъ нѣкогда не вѣсть какого удовольствія.

Пока мы возвращались къ нашему стану, тамъ было уже все готово къ дальнѣйшеиу походу. Мы только закусили и тронулись въ путь.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Узеню, начали появляться все болѣе и болѣе сначала волки, лисицы и сурки; а потомъ зайцы, тушканчики, драхвы, стрепета и кроншнепы, и наконецъ около Узеня мы увидали такое множество болотной и озерной дичи, какого я въ жизнь мою не видывалъ. И не забудьте, что это весною,—когда большую часть птицы мы поднимали съ гнѣздъ. Можно вообразить себѣ, что дѣлается осенью на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и теперь разнородная дичь не сотнями, а тысячами летаетъ надъ вами, кру-

гомъ васъ, мечется изъ подъ вашихъ ногъ и покрываетъ каждую лужицу; и все это такъ смирно, что осторожный гусь, лебедь и журавль подпускаютъ васъ на двадцат шаговъ, а кроншнепы, веретенники и сотни различныхъ куликовъ и турухтановъ летаютъ надъ вашей головой.....

Вотъ гдѣ истинное раздолье охотнику! и здѣсь я прощаюсь съ моими читателями, въ надеждѣ скоро встрѣтиться съ ними на осенней охотѣ въ окрестностяхъ Ахтубы и въ песчаныхъ степяхъ.

П. Б—ЦЪ.

Когда-бъ любовь твоя мнѣ спутницей была,
О, можетъ быть, въ огнѣ твоихъ объятій,
Я проклинать не сталъ бы даже зла,
Я-бъ не слыхалъ ни чьихъ проклятій! —
Но я одинъ—одинъ, — мнѣ суждено внимать
Оковъ бряцанью—крику поколѣній—
Одинъ—я не могу ни самъ благословлять,
Ни услыхать благословеній! —
То клики торжества... то похоронный звонъ, —
Все отъ сомнѣнія влечетъ меня съ сомнѣнью....
Иль братьямъ чуждый братъ, я буду осужденъ
Межъ нихъ пройти неслышной тѣнью!
Иль братьямъ чуждый братъ, безъ пѣсенъ, безъ надеждъ
Съ великой скорбію моихъ воспоминаній,
Я буду страждущимъ орудіемъ невѣждъ,
Подпоркою гнилыхъ преданій!

1861.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Идея прогресса; значеніе и примѣненіе ея къ современному состоянію Европы; стремленіе къ уравненію общественныхъ силъ, и дѣятельности; Австрія и Венгрія; смерть Телеки и послѣдняя мысль его о судьбѣ мадярской земли; Сирійскій вопросъ по отношенію къ Турціи и англофранцузской политикѣ —**Письмо изъ Парижа**: брошюра герцога д'Омальскаго; событія въ Италіи и въ Америкѣ; Пальмерстонъ и Джонъ Россель передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Современная Европа находится въ положеніи несостоятельнаго душеприкащика своей собственной исторіи; она спѣшитъ покончить расчетъ съ преданіемъ, и все глубже всматривается въ свою настоящую общественную жизнь; наука старается подвести подъ общіе законы теоріи соціальные вопросы нашего времени. Задача, нѣтъ сомнѣнія, интересная и богатая результатами. Отмѣтить новый путь развитію человѣчества, раскрыть передъ нимъ его прошлыя ошибки, такъ дорого купленныя его же собственными страданіями, и, поднявъ его съ болѣзненнаго одра, сказать ему: *иди* — такая попытка достойна лучшихъ современныхъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть выше и благороднѣе для умственной силы человѣка, какъ облегчить своимъ трудомъ участь милліоновъ людей и во имя самаго миролюбиваго реформатора—мысли поставить ихъ въ болѣе чистыя сферы общественнаго состоянія. Передъ такой задачей всѣ другіе вопросы, занимающіе наше поколѣніе, невольно меркнутъ, всѣ наши стремленія и надежды кажутся дѣтскими мечтами. Мы не говоримъ, чтобъ рѣше-

ніе какой нибудь математической задачи или чисто-литературнаго спора было совершенно безполезно, но мы хотимъ сказать, что есть проблеммы ближе и важнѣе для дѣйствительныхъ потребностей человѣческой жизни. Къ сожалѣнію, эти горячіе вопросы нашего вѣка съ одной стороны такъ сильно волнуютъ насъ, а съ другой такъ мало представляютъ положительныхъ данныхъ, что мы не можемъ подойти къ нимъ спокойно, съ довѣріемъ къ себѣ и съ увѣренностью въ успѣхѣ своей раздражительной работы. Ботаникъ съ полнымъ хладнокровіемъ можетъ просидѣть всю жизнь надъ анализомъ того или другаго растительнаго міра, онъ можетъ дойдти до величайшихъ открытій въ области естественныхъ явленій, не почувствовавъ ни особенно быстраго біенія пульса, ни особеннаго волненія въ сердцѣ. Между нимъ и предметомъ его изслѣдованія нѣтъ той живой симпатіи, какая есть между соціалистомъ и подобными ему существами. Можно разсѣчь или разорвать сотни тысячъ древесныхъ волоконъ и не задуматься надъ положеніемъ самаго дерева; но едвали можно коснуться хоть одной общественной раны, безъ сильнаго потрясенія нервной системы и безъ сочувствія всему человѣчеству. Но эта раздражительность мысли, конечно, мѣшаетъ ея спокойному ходу и часто уноситъ отъ положительной почвы къ фантастическимъ планамъ....

«Ваша идея принадлежитъ будущему, говорятъ противники общественной науки; для васъ прошедшее и настоящее служитъ только средствомъ, а не цѣлью; ваше ученіе состоитъ изъ однихъ отрицательныхъ данныхъ; но не имѣетъ ничего реальнаго, и потому вы праздные утописты», заключаетъ самодовольная рутина. Но можно ли лучше похвалить умственнаго дѣятеля, какъ обратившись къ нему съ такимъ упрекомъ. Мы не знаемъ, какая же идея, кромѣ какихъ нибудь пошленькихъ правоученій, являлась прямо во всеоружіи Минервы? Для кого и когда былъ тотъ земной рай, гдѣ безъ пота и крови расчищались нивы умственной жатвы и счастіе падало на человѣка, какъ небесная манна въ аравійской пустынѣ? Отличительное свойство идеи въ томъ и состоитъ, что она работаетъ для будущихъ поколѣній, что отъ прошедшаго и настоящаго она беретъ одни готовые результаты и, не останавливаясь на нихъ, инстинктивно идетъ впередъ, разрывая мало-по-малу противопоставленныя ей искуственныя плотины. Сказать ей: «постой и не заглядывай впередъ, а ограничься однимъ настоящимъ»—это было-бы то же, что взять за руку садовника во время посѣва и посовѣтовать ему: «брось твои сѣмена и не

сажай ихъ въ землю; дерево, которое ты хочешь выростить, не дастъ мнѣ завтра ни тѣни, ни плода.» Это, конечно, была бы крайняя степень тупаго эгоизма. Но что же пользы, возражаютъ оптимисты, отъ этихъ утопій, за которыя переносится такъ много внутренней борьбы, непріятныхъ внѣшнихъ столкновеній, и которыя, можетъ быть, окончатся ничѣмъ? Можетъ быть. Но что же дѣлать, если такова участь всякой человѣческой мысли, проводимой въ дѣйствительную жизнь: факту всегда и вездѣ предшествовали такъ называемыя иллюзіи, которыя сначала принимались за величайшій вздоръ, а потомъ становились неопревержимыми аксіомами. Вѣроятно, современники Галилея и Ньютона столько же вѣрили въ ихъ теоріи, сколько мы вѣримъ въ будущее осуществленіе всеобщаго братства; но теперь каждый мальчикъ понимаетъ то, что̀ за двѣсти лѣтъ было непонятно самымъ образованнымъ умамъ. Этотъ оптическій обманъ мозга тѣмъ сильнѣе, чѣмъ идея шире и глубже; если горизонтъ ея лежитъ близко отъ дѣйствительнаго міра, она кажется намъ вѣроятнѣй; въ противномъ случаѣ мы готовы преслѣдовать и казнить ее, какъ опасный бредъ бѣшенаго лунатика. И еслибъ можно было такъ зорко всмотрѣться въ исторію человѣческихъ обществъ, чтобъ видѣть самый внутренній процессъ ея, тогда навѣрное пришлось бы пожалѣть множество иллюзій, потерянныхъ для міра и съ ужасомъ отвернуться отъ множества принятыхъ истинъ...

Нѣтъ спору, что одно отрицательное направленіе какого бы то ни было ученія лишаетъ его полноты содержанія и энергіи, но много ли у насъ положительныхъ знаній, если взять всю сумму разработанныхъ нами свѣдѣній. Собственно говоря, съ утра и до вечера мы живемъ одними сомнѣніями и отрицательными уроками. Въ дѣтствѣ намъ говорятъ: не дѣлай того, не думай такъ-то, не воруй, не убивай, и т. д. И когда все это подкрѣпятъ розгой да угрозой, такъ или иначе навяжутъ убѣжденію человѣка, тогда, обыкновенно, назовутъ эти правила положительной нравственностью, хотя положительнаго здѣсь для нормальной жизни и ничего нѣтъ. Затѣмъ наступаетъ актъ воли, когда мы примѣняемъ на самомъ дѣлѣ то, что̀ задолбили прежде на память, и опять всѣ наши дѣйствія имѣютъ характеръ отрицательный; передъ судомъ, передъ обществомъ, въ семействѣ и на улицѣ мы постоянно думаемъ не о томъ, чтобъ дать своимъ поступкамъ какъ можно больше самостоятельнаго значенія, чтобъ дѣйствовать согласно собственному желанію и смыслу, а о томъ,

чтобъ не отстать отъ другихъ, не дѣлать и не говорить того, что не принято большинствомъ, и это систематическое самоуправленіе ума и воли мы обыкновенно называемъ умѣньемъ жить. Послѣ этого не трудно догадаться, что вся *знаменитая практическая мудрость* сводится къ одному итогу—къ полному отрицанію индивидуальной свободы и совершенному порабощенію самой мысли внѣшнимъ условіямъ. Поэтому, между прочимъ, такъ мало видно творчества и оригинальности вообще въ человѣческой дѣятельности. Потому людямъ, достигающимъ высшаго развитія, приходится болѣе половины своихъ силъ растратить только на то, чтобъ отвязаться отъ ложно-привитыхъ понятій, и потомъ уже начать новое воспитаніе своей мысли.

Притомъ въ отрицательномъ направленіи идеи лежитъ непремѣнный законъ ея творческой работы. Въ нашихъ понятіяхъ есть строгая постепенность, такъ что логически нельзя перейдти однимъ прыжкомъ отъ вопіющей нелѣпости къ блистательному мнѣнію, или отъ дикаго невѣжества къ высокому образованію. Но переходя изъ одной умственной сферы въ другую, мы, обыкновенно, отвергаемъ все старое и на мѣсто его принимаемъ новое, такъ что, разрушая подъ собой одну почву, мы въ то же время создаемъ другую. И только путемъ отрицанія и разрушенія можемъ расширять кругозоръ своей мысли. Пусть каждый изъ насъ обратится къ своему прошедшему и прослѣдитъ внимательно, какъ сложилась его нервная ткань, которую мы называемъ умственнымъ темпераментомъ, какъ онъ шелъ шагъ за шагомъ отъ одной идеи къ другой и наконецъ развилъ ихъ до мощнаго убѣжденія, соединеннаго съ его кровью и плотью: этотъ процессъ совершается точно также, какъ всякое органическое явленіе, которое можно выразить въ слѣд. видѣ: извѣстному количеству жизни съ одной стороны всегда отвѣчаетъ такое же количество смерти съ другой, т. е. развитіе всякаго тѣла идетъ параллельно разрушенію другаго. Замѣтимъ впрочемъ, что слово *смерть* мы употребляемъ здѣсь вовсе не въ томъ келейномъ смыслѣ, какое даютъ ей гробовщики, а въ смыслѣ безконечнаго перехода органическихъ формъ изъ однихъ типовъ въ другіе. Въ природѣ смерти нѣтъ, а есть постоянный и невидимый для глаза метаморфозъ, который отъ песчинки и до звѣзды проходитъ по всѣмъ ступенямъ и направленіямъ великаго и необъятнаго начала, извѣстнаго подъ именемъ жизни. Тотъ же законъ управляетъ умственнымъ развитіемъ; всякое новое понятіе, заносимое въ нашу голову, вытѣсняетъ другое, и полная

дѣятельность нашего ума есть не что иное, какъ полное разрушеніе многихъ изъ старыхъ идей и вѣрованій. Истинно-геніальный человѣкъ не можетъ иначе смотрѣть на окружающую его жизнь, какъ отрицательнымъ взглядомъ. Но это вовсе не значитъ, чтобъ онъ презиралъ ее; напротивъ, его пламенной и открытой душѣ доступны всѣ звуки, всѣ стоны, всѣ движенія природы и людей; онъ любитъ ихъ и сливается съ ними, но только по мѣрѣ сознанія и нравственной симпатіи. И еслибъ можно было вообразить себѣ такой обширный умъ, въ которомъ бы соединились всѣ лучшія идеи, какія только есть на землѣ въ данную минуту, то этотъ умъ былъ бы величайшій и самый безпощадный критикъ нашей эпохи.

Идея соціальнаго прогресса по преимуществу относится къ разряду отрицательныхъ идей. Она проводится въ общественную жизнь не иначе, какъ среди постоянной борьбы новыхъ началъ съ старыми вѣрованіями и преданіями; каждый шагъ ея впередъ идетъ въ разрѣзъ съ существующимъ порядкомъ вещей, такъ что отжившая форма, уступая мѣсто другой, вызываетъ неизбѣжную реакцію со стороны эгоизма, невѣжества и предразсудковъ. Это общая судьба всѣхъ жизненныхъ реформъ, въ какой бы соціальной сферѣ онѣ ни происходили. И по историческому ходу событій, онѣ выработываются тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше существуютъ несоотвѣтственныя имъ формы; иначе говоря, чѣмъ крѣпче онѣ переплетаются съ основными элементами соціальнаго организма. Въ этомъ отношеніи исторія представляетъ множество поучительныхъ примѣровъ: вѣроятно, идея исламизма, разрушенная въ самомъ началѣ своего рожденія, не оставила бы по себѣ ни одного кроваваго слѣда, ни одной жертвы; она исчезла бы также незамѣтно, какъ исчезли тысячи другихъ заблужденій; но попробуйте уничтожить ее теперь, когда она овладѣла воображеніемъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ послѣдователей, когда во имя ея построено безчисленное множество мечетей, когда на основаніи ея поставлены положительныя законодательства, касты, общественныя учрежденія, однимъ словомъ, вся современная жизнь магометанскаго востока. Очевидно, что ломка была бы страшная, сверху и до низу потрясающая всѣ восточныя общества. Въ этомъ случаѣ, народъ вмѣсто прогрессивнаго движенія, повидимому несомнѣннаго, совершаетъ обратный поворотъ. Онъ дошелъ до извѣстнаго предѣла своего соціальнаго развитія, истощилъ послѣднія оплодотворяющія силы и, не съумѣвъ сообщить имъ новаго направленія, медленно отходитъ. Исторію такого народа можно сравнить съ тѣми патологически-

ми явленіями, когда человѣкъ, пропустивъ удобный моментъ для излеченія своей болѣзни, вноситъ ее въ себя навсегда и продолжаетъ поддерживать свое существованіе кой-какими искуственными средствами. Нельзя сказать, чтобъ онъ не жилъ, но жизнь его есть не болѣе какъ постепенное замираніе до тѣхъ поръ, пока не остынетъ послѣдняя капля теплой крови и не отлетитъ послѣдній вздохъ. Такъ бываетъ съ отдѣльными народностями; но не то мы видимъ въ развитіи всего человѣчества. Вотъ почему намъ необходимо условиться въ самомъ опредѣленіи слова «прогрессъ».

Это слово составляетъ одно изъ тѣхъ привилегированныхъ понятій, которыя всего чаще употребляются на человѣческомъ языкѣ и всего менѣе анализируются. Его постоянно произносятъ въ разговорѣ и въ печати, но едва ли кто-нибудь даетъ ясный отчетъ его значенію. Одни понимаютъ его какъ высшую мѣру матеріальнаго благосостоянія страны; для другихъ оно имѣетъ смыслъ нравственнаго превосходства; для Англіи, напримѣръ, прогрессъ выразился въ постепенномъ распространеніи индивидуальной свободы; для Франціи — въ возрастаніи административной и политической централизаціи. Поэтому истинный критеріумъ этого слова надо искать въ общественномъ сознаніи, въ той міровой идеѣ, которая проходитъ черезъ жизнь всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ чемъ же заключается всемірная идея прогресса? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, надо прежде рѣшить слѣдующую проблемму: что составляетъ высшую и благороднѣйшую цѣль человѣческой жизни вообще? Судя по стремленію отдѣльнаго лица, поставленнаго въ болѣе нормальное положеніе, эта цѣль опредѣляется *полнымъ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ данныхъ ему силъ*, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Эта гармонія есть непремѣнное условіе правильной дѣятельности человѣка, какъ свободнаго и разумнаго существа. Всякое отклоненіе ея отъ нея въ ту или другую сторону составляетъ уродливый фактъ, какъ слѣдствіе насилія надъ природой или нарушеніе ея естественныхъ законовъ. Правда, мы привыкли къ этому факту; потому что въ современныхъ обществахъ нормально развитыя силы встрѣчаются рѣдко. Большинство, поглощенное чисто-физическими трудами, не имѣетъ ни времени, ни возможности отдаться умственнымъ занятіямъ. Съ другой стороны, люди, посвятившіе себя умственной дѣятельности, заключенные въ своихъ кабинетахъ, аудиторіяхъ и мастерскихъ, совершенно отвыкаютъ отъ физическихъ упражненій. Точно та же дисгармонія замѣчается въ распре-

дѣленіи самаго труда между членами общества: одни осуждены на безпрерывную дѣятельность, до изнеможенія, до нравственнаго отупѣнія, безъ надежды выйти изъ этого состоянія, а другіе чахнутъ среди праздности и не знаютъ, чѣмъ бы развлечь свои дремлющія силы. Вслѣдствіе этого общественные организмы страдаютъ неправильнымъ развитіемъ жизненныхъ началъ, подобно тому, какъ страдаетъ больной отъ постоянныхъ приливовъ крови къ одной части тѣла и отливовъ ея отъ другой; слишкомъ напряженная дѣятельность точно также вредитъ человѣческой жизни, какъ и совершенная бездѣятельность, потому что въ обоихъ случаяхъ оказывается одинаковый результатъ— господство произвола надъ естественными законами. Въ природѣ такое явленіе немедленно переходитъ въ аномалію: дерево, въ которомъ одна половина развивается насчетъ другой, теряетъ свою растительную энергію и мало-по-малу умираетъ. Въ человѣческой жизни происходитъ то же слѣдствіе, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что воля наша способна гораздо больше поступаться передъ общественной тиранніей, чѣмъ древесный стволъ передъ враждебнымъ физическимъ вліяніемъ.

Перенося эту точку зрѣнія на исторію человѣческихъ обществъ, мы не можемъ не замѣтить одного факта — постояннаго стремленія ихъ къ уравненію состояній. Но уравненіе есть, собственно, переходный путь къ той гармоніи дѣятельныхъ силъ, къ которой такъ медленно подходитъ человѣчество. Было бы очень интересно прослѣдить постепенное разложеніе европейскихъ аристократій въ демократическомъ принципѣ: это разложеніе совершалось нѣсколько вѣковъ, принимало самыя разнообразныя формы и наконецъ въ наше время аристократіи европейскаго запада выродились въ плутократіи. Такому измѣненію особенно содѣйствовала промышленная дѣятельность, которая внесла вмѣстѣ съ деньгами вліяніе и власть въ среду сословій, неимѣвшихъ ни родовыхъ, ни государственныхъ отличій. Не менѣе того, фактъ остается въ полномъ свѣтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что самая мощная аристократія была въ Англіи; ея корни лежали на самой твердой почвѣ — на правѣ первородства и исключительной поземельной собственности; она и доселѣ сохранила эту прерогативу, давно утратила то политическое значеніе, какое имѣла прежде. По мѣрѣ того, какъ формировались общественныя силы и вліяніе британской аристократіи ослабѣвало: теперь оно поддерживается единственнымъ средствомъ — матеріальнымъ благосостояніемъ;

затѣмъ у этого сословія, такъ тѣсно связаннаго со всѣми историческими учрежденіями Англіи, не останется ни одного живаго начала, на которомъ бы она могла держаться. Переходу его въ плутократію отчасти помогло особенное положеніе младшихъ отраслей аристократическаго происхожденія. Старшій въ родѣ, принимая титулъ отца, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственное право на владѣніе землей; меньшіе же его братья, не имѣя ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, должны были пріобрѣтать ихъ собственными средствами. Лѣнивые и тщеславные, подобно своимъ старшимъ братьямъ, они искали матеріальныхъ удобствъ не въ трудѣ и образованіи, а въ эксплуатаціи народа, стараясь захватить въ свои руки административныя должности и источники государственныхъ доходовъ. Въ этомъ стремленіи имъ помогало само правительство, состоявшее изъ ихъ родственниковъ и друзей. Такъ возникла колонизація, какъ самое легкое средство къ обогащенію посредствомъ завоеванія и угнетенія чужихъ народностей; такъ составилась таможенная запретительная система, обременившая налогами всѣ жизненныя потребности націи. Наконецъ, когда промышленная дѣятельность и биржевая спекуляція поглотили почти весь національный трудъ, безземельная аристократія бросилась на это поприще и воспользовалась лучшими его выгодами. Потомки ея обратились изъ провинціальныхъ джентльменовъ въ богатыхъ купцовъ, мануфактуристовъ, банкировъ и т. п. Центры дѣятельности, по мѣрѣ развитія торговли, стали переходить изъ уединенныхъ поселовъ и бѣдныхъ фермъ въ многолюдные города, гдѣ соединилась праздная роскошь съ еще болѣе празднымъ развратомъ. Городская жизнь, въ послѣднее столѣтіе, приняла въ Англіи огромные размѣры, такъ что старый провинціальный home почти исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и чувство мѣстной независимости, какъ лучшая гарантія противъ злоупотребленій центральной власти. Городъ иначе воспитываетъ человѣка, чѣмъ деревня: вмѣсто мирныхъ земледѣльческихъ занятій, вмѣсто скромной и простой жизни, онъ порождаетъ тревожную жажду денегъ и сомнительнаго, но въ случаѣ удачи очень выгоднаго риска. Здѣсь гостинница и биржа становятся главной сценой дѣйствія гражданина; съ утра и до вечера онъ обращается между людьми, преданными своимъ личнымъ интересамъ; съ утра и до вечера онъ обдумываетъ и соображаетъ свои дѣла подъ вліяніемъ одного эгоистическаго желанія — сдѣлаться капиталистомъ. И

капиталъ въ рукахъ его оказывается рычагомъ Архимеда; не имѣя часто ни способностей, ни любви къ труду, ни чести, ни слова, и за всѣмъ тѣмъ съ помощію капитала онъ начинаетъ великія предпріятія, составляетъ себѣ имя и по мѣрѣ богатства пользуется общественнымъ уваженіемъ; бѣдность и невѣжество ближняго служатъ ему источникомъ удовлетворенія своимъ страстямъ и хищнымъ апетитамъ; пролетарій несетъ ему рабскую услужливость и продаетъ свои силы за дневное пропитаніе; работникъ ищетъ у него труда и только за право трудиться обращаетъ себя въ бездушную машину, которую употребляетъ капиталистъ, какъ слѣпое орудіе для своихъ темныхъ цѣлей... Съ другой стороны быстро наживаемое богатство раздражаетъ желанія роскоши и мотовства: богатый спекуляторъ спѣшитъ обставить себя тѣмъ же аристократическимъ блескомъ, которому онъ такъ недавно завидовалъ изъ—за купеческаго прилавка или сидя на мѣшкѣ хлопчатой бумаги; недостатокъ образованія лишаетъ его возможности тратить милліоны на болѣе эстетическія наслажденія, и онъ сыпитъ ихъ въ упоеніи грубымъ развратомъ. Въ этой то школѣ и образуется плутократія.

Это сословіе, столь могущественное въ Англіи и заключившее въ себѣ младшія отрасли аристократическаго корня, имѣло огромное вліяніе на самую аристократію. По праву рожденія оно принадлежало ей, а по образу жизни и дѣятельности оно находилось въ рядахъ среднихъ состояній; отсюда оно брало духъ спекуляціи, и вносило его въ высшіе классы. Эти понятія тѣмъ крѣпче прививались, чѣмъ сильнѣй выступала промышленная дѣятельность и чѣмъ больше брала верхъ надъ поземельной эксплуатаціей. Феодальные предразсудки, основанные на ложномъ пониманіи чести и военой доблести, никогда не были свойственны англійской аристократіи въ той степени, въ какой мы видимъ ихъ на континентѣ; и потому британская артистократія не пренебрегала никакимъ родомъ занятій, лишь бы они были выгодны: она также охотно разработывала угольныя копи или отправляла корабли въ торговые иностранные порты, какъ засѣдала въ палатѣ перовъ; она не стыдилась принимать въ свои семейства сыновей значительныхъ мануфактуристовъ, и выдавать своихъ дочерей за богатыхъ негоціантовъ Индіи.

Вслѣдствіе этого англійская аристократія никогда не замыкалась въ такую узкую касту, какъ французское или венеціанское дворянство. Сближаясь съ народомъ посредствомъ младшихъ сыновей, она

не могла не выйдти изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ заглохли и вымерли другія патрицейскія сословія. Это обстоятельство сообщило ей особенную живучесть, но въ то же время и подорвало ея основный принципъ—родовой привилегіи и сословной замкнутости.

Мы указали здѣсь на этотъ фактъ, какъ на отличительный характеръ общечеловѣческаго развитія.

Другая сторона нашего вопроса заключается въ самомъ развитіи дѣятельныхъ силъ, составляющихъ общество. Нѣтъ сомнѣнія, что благостояніе каждаго народа обусловливается количествомъ и качествомъ общаго труда, въ которомъ участвуютъ всѣ его члены безъ исключенія; чѣмъ свободнѣе совершается этотъ трудъ и чѣмъ больше нравственной силы человѣка вносится въ него, тѣмъ правильнѣе, легче и успѣшнѣе онъ производится. Вообразимъ, что какое нибудь общество состоитъ отъ перваго и до послѣдняго гражданина изъ такихъ дѣятелей, какими были геніальные люди, въ родѣ Колумба, Шекспира, Вашингтона и Франклина; вообразимъ, что по всѣмъ отраслямъ общественнаго труда работаютъ эти высокія способности, тогда развитіе народа въ нѣсколько лѣтъ поднялось бы выше, чѣмъ оно теперь послѣ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Но можетъ быть намъ скажутъ, что геніи рѣдки и не всякая дѣятельность доступна той или другой человѣческой способности; но кто же станетъ серьезно утверждать, что одна и та же человѣческая голова, съ однимъ и тѣмъ же внутреннимъ организмомъ, создана для разныхъ спеціальностей, какъ напр. для выдѣлыванія желѣзныхъ гвоздей или для развитія сада, что природа одному назначила ремесло солдата, а другому разбойника или палача. Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ и отвратительныхъ софизмовъ, за которыми скрывается эгоистическая мысль враговъ всякаго умственнаго преуспѣянія. Геніевъ много, или лучше, каждый человѣкъ можетъ быть геніемъ, если поставить развитіе его въ тѣ благопріятныя обстоятельства, при которыхъ образовались Вашингтоны и Франклины. Счастливая умственная организація доселѣ есть дѣло случая, потому что систематическое воспитаніе и окружающая жизнь часто мѣшаютъ ея образованію и только по мѣрѣ собственныхъ необычайныхъ усилій она достигаетъ въ нашей темной средѣ высшаго развитія. Притомъ для геніальной силы необходимо и геніальное примѣненіе. Современное положеніе обществъ требуетъ отъ насъ посредственности, рутины, и

только въ видѣ исключенія допускаетъ смѣлость таланта и свойственную ему оригинальность. Точно то же надо сказать и о выборѣ занятій: человѣческая способность можетъ быть примѣнена ко всѣмъ видамъ извѣстной намъ дѣятельности; вѣроятно современемъ откроются милліоны новыхъ работъ, о которыхъ мы, въ настоящую минуту, не смѣемъ и мечтать; матеріалы и направленія, разработываемыя нашимъ умомъ, готовитъ ему самая жизнь; его же дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ обратить ихъ въ общественное или общечеловѣческое достояніе. Въ этомъ отношеніи человѣческій геній дѣйствуетъ подобно жизненному началу солнца: онъ не творитъ предметовъ, не измѣняетъ данныхъ законовъ, но онъ силой своего творчества можетъ разливать на нихъ новый свѣтъ и вызывать ихъ къ жизни. Будетъ ли онъ работать надъ тѣмъ или другимъ предметомъ—это рѣшительно все равно: вездѣ и во всемъ онъ можетъ оказаться пригоднымъ и полезнымъ, только не стѣсняйте его дѣятельности и не убивайте развитія. Къ сожалѣнію, дѣйствительная жизнь не такъ распоряжается съ нами: она отбрасываетъ массы за предѣлъ всякаго образованія, и тѣмъ лишаетъ ихъ той разумной силы, которая необходима для успѣха всякаго труда и наслажденія его плодами. Какого результата мы можемъ ожидать отъ этихъ несчастныхъ рабовъ, доведенныхъ до животнаго состоянія и, подобно вьючнымъ скотамъ, обреченныхъ взрывать американскія плантаціи, подъ угрозой бича ихъ владѣтелей? Почемъ знать, можетъ быть, среди этихъ черныхъ идіотовъ, съ которыхъ рука бѣлаго тирана успѣла снять самый видъ человѣческаго существа, нашлись бы превосходные механики, естествоиспытатели, художники и поэты? По крайней мѣрѣ то вѣрно, что образуйте каждаго изъ нихъ настолько, насколько образованіе возможно въ нашу эпоху, и дѣятельная сила его увеличится во сто разъ больше противъ простой машины. То же самое время и тѣ же самыя средства дадутъ ему возможность ускорить и облегчить добываемые результаты своего труда. Затѣмъ дѣйствительная жизнь распредѣляетъ нашу дѣятельность крайне-деспотически: она формируетъ различные классы работниковъ, не справляясь ни съ ихъ наклонностями, ни съ соціальнымъ положеніемъ, ни даже съ законами природы; она дѣлитъ ихъ на отдѣльныя группы, передвигаетъ съ одного мѣста на другое, назначаетъ время и условія труда, сообразно интересамъ и капризамъ того меньшинства, которое располагаетъ капиталомъ, она создаетъ множество эфемерныхъ потребностей, на удовлетвореніе которыхъ

приносятся тысячи людей, неимѣющихъ никакого производительнаго труда и потому совершенно безполезныхъ обществу. Вслѣдствіе этого паразитизмъ и пролетаріатъ идутъ рядомъ въ современныхъ соціальныхъ учрежденіяхъ.

Сообразивъ все, что сказано выше, мы согласимся, что потеря времени и силъ составляетъ огромный недостатокъ настоящей организаціи труда. Даже при болѣе правильномъ отношеніи взаимно дѣйствующихъ элементовъ общества, эта потеря была бы чувствительной для современнаго прогресса. Поэтому главная мысль нашего времени останавливается на томъ, чтобъ эманципировать трудъ и какъ можно правильнѣе распредѣлять его между отдѣльными органами общественнаго тѣла. «Прогрессъ воспитанія, говоритъ англійскій писатель, освободитъ нетолько умственныя занятія, но и промыслы; съ каждымъ годомъ должно уменьшаться число тѣхъ, которые теперь живутъ какъ простое орудіе барыша. Трудно оцѣнить значеніе этихъ реформъ, но мы не должны забывать, что всякій индивидуумъ, прибавляемый къ общему итогу образованныхъ дѣятелей страны, гораздо больше содѣйствуетъ прогрессивнымъ силамъ, чѣмъ какъ простая арифметическая единица, придаваемая народонаселенію». И далѣе тотъ же писатель продолжаетъ: «натуральные недостатки человѣка сами собою поправляются; но мы должны особенно бояться недостатковъ искуственныхъ системъ. Разумная власть, управляя посредствомъ силы, въ то же время обладаетъ и умѣньемъ отклонять препятствія или избѣгать ихъ вреднаго вліянія. Въ младенческихъ обществахъ правитель старается сформировать народъ по его личному образцу; впослѣдствіи общество само озабочивается своимъ развитіемъ и, съ вѣрой въ человѣческія права, предоставляетъ каждому отдѣльному лицу стремиться къ его собственному идеалу, выговаривая въ свою пользу единственное ограниченіе не вредить индивидуальной свободой положенію ближнихъ». (The Phylosophy of Progress, by Slack. London. 1860. p 226 и 234.)

Такимъ образомъ, возвращаясь къ идеѣ прогресса, мы думаемъ, что она развивается въ современныхъ европейскихъ обществахъ путемъ отрицательнымъ. Каждый народъ занятъ тѣмъ, чтобъ вычищать домашній соръ, занесенный въ его историческую жизнь временемъ и старыми системами, построенными на прежнихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, у каждаго народа есть свои надежды и стремленія, но всѣ они болѣе или менѣе сводятся къ тому, чтобъ измѣ-

нить ветхія формы и вдохнуть въ нихъ новыя начала. Нельзя сказать, чтобъ въ этомъ соціальномъ процессѣ не было положительныхъ результатовъ, но они рѣдко достаются тому или другому отдѣльному обществу, а поступаютъ въ общую сокровищницу всего человѣчества. Въ этомъ отношеніи исторія походитъ на безпощаднаго завоевателя: она употребляетъ отдѣльныя народности, подобно воинамъ, какъ простое средство для достиженія своей побѣды; ей собственно нѣтъ никакого дѣла до частныхъ примѣненій того принципа, который она проводитъ въ жизнь, но для нея важно самое осуществленіе этого принципа, какимъ бы обществомъ онъ ни былъ осуществленъ. Поэтому мы не можемъ не признать, что въ общемъ итогѣ человѣчество постепенно совершенствуется, что его нравственныя и матеріальныя пріобрѣтенія увеличиваются, что отъ философіи Платона до современныхъ открытій въ области науки оно пережило мыслію много переходныхъ степеней, что отъ древняго рукописнаго пергамена до станка Гуттенберга и отъ станка Гуттенберга до настоящей телеграфической проволоки оно далеко ушло впередъ, но насколько воспользовалось то или другое общество этими пріобрѣтеніями — въ этомъ капитальный вопросъ данной минуты. Мы видимъ, что есть народы, до которыхъ едва коснулся историческій прогрессъ, какъ напр. въ большей части восточныхъ государствъ, и въ самыхъ Европейскихъ государствахъ есть цѣлыя сословія, стоящія ниже всякаго дикаго общества. Говоря объ одномъ сиріійскомъ племени въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи, Пажесъ между прочимъ замѣчаетъ: «мнѣ кажется, что для возможно-меньшаго несчастія человѣка можно пожелать ему положенія, равнаго положенію этихъ обитателей горъ, которые не имѣютъ ничего кромѣ необходимыхъ вещей, но имѣютъ ихъ въ изобиліи. Они добываютъ свое существованіе легкимъ трудомъ рукъ и, не обременяя себя, укрѣпляютъ свое здоровье физическимъ упражненіемъ. Этотъ трудъ спасаетъ ихъ отъ изнѣженной преждевременной дряхлости и отъ пустыхъ потребностей роскоши, необходимыхъ людямъ лѣнивымъ и нравственно-изнеможеннымъ». Мы убѣждены, что многія тысячи фабричныхъ работниковъ образованной Англіи и всѣ римскіе нищіе вправѣ завидовать состоянію этихъ дикарей. Поэтому идея прогресса, неразлучная съ общечеловѣческимъ движеніемъ, не одинаково прилагается ко всѣмъ существующимъ обществамъ и нерѣдко принимаетъ для нихъ враждебный характеръ. Для того, чтобъ усвоить ее, надо имѣть извѣстныя соціальныя условія или ту нравствен-

ную способность, которую мы опредѣлили полнымъ и гармоническимъ развитіемъ дѣятельныхъ силъ народа.

Бросая взглядъ на современную Европу, мы начинаемъ догадываться, что она по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ концахъ ищетъ разрѣшенія этой задачи. Народы, отставшіе на дорогѣ историческаго движенія, стараются подойдти подъ общій уровень прогресса; народы передовые спѣшатъ исправить недостатки избранныхъ ими системъ жизни; народы, потерявшіе свою національную независимость, требуютъ ее назадъ, и въ послѣднемъ результатѣ всѣ они добиваются болѣе свободной дѣятельности, и слѣдовательно счастія.

Переходя отъ принципа къ внѣшнему выраженію событій прошлаго мѣсяца, мы находимъ прежнюю шаткость и неопредѣленность въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ. Вездѣ обѣщаны реформы, нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ исполненіе, но всѣ онѣ ограничиваются полумѣрами и болѣе необходимой уступкой духу времени и обстоятельствъ, чѣмъ дѣйствительнымъ желаніемъ улучшеній. Государственная логика постоянно склоняется передъ дипломатической смѣтливостью, и въ каждомъ новомъ преобразованіи проглядываетъ расчитанная реакція. Горючіе элементы, собранные на европейскомъ континентѣ, вѣроятно, въ настоящемъ году не воспламенятся, и война, благодаря безденежью и ожидаемымъ промышленнымъ кризисамъ по ту и по сю сторону океана, ограничится одной Америкой; но миръ бываетъ проченъ только нравственнымъ союзомъ народовъ и ихъ внутреннимъ благосостояніемъ.... Страна, которая всего болѣе должна бояться войны, потому что не имѣетъ ни средствъ, ни генія, ни энергіи для веденія ея, — эта страна ежеминутно готова нарушить общее спокойствіе и увлечь за собой всю Европу въ кровопролитную борьбу. Мы говоримъ объ Австріи. Кто бы могъ подумать, что имперія, болѣе сорока лѣтъ неусыпно враждовавшая съ прогрессомъ націй, со всѣми лучшими реформами вѣка, сама сдѣлается центромъ революціи.

Конституція, сочиненная для Венгріи, рѣшительно не удается Австріи. Національный сеймъ въ Пестѣ продолжаетъ вести свою опозицію. Онъ требуетъ не произвольно-придуманныхъ правъ, а старой венгерской конституціи, парламентскаго самоуправленія, суда джури, свободной печати и отвѣтственнаго министра, т. е. онъ требуетъ полнаго и безусловнаго возстановленія той прагматической санкціи, которая не побѣдила Венгрію, а *соединила* ее съ Австріей на правахъ взаимной политической независимости. Вопросъ поставленъ

такъ ясно, такъ скромно и такъ единодушно, что его нельзя не признать съ какой угодно точки зрѣнія. Притомъ теперь не то, что было въ 1848 году: тогда Австрія могла расчитывать на постороннихъ союзниковъ, на Кроатовъ и Сербовъ, которыхъ она вела въ междоусобной войнѣ противъ Венгріи, Венеціи и даже самой Вѣны; но теперь она одна и хуже чѣмъ одна, потому что самая хитрость и ложь ея политики измѣняютъ ей. Но Австрія всегда останется Австріей. Въ виду двухъ возстаній, повсемѣстнаго неудовольствія отъ Адріатическаго моря до Карпатскихъ горъ, въ виду государственнаго банкротства и непріязненныхъ отношеній къ Италіи и Франціи, она все еще упорствуетъ и надѣется на свою счастливую звѣзду. Депутаціямъ она отвѣчаетъ гордо и уклончиво, на законныя демонстраціи смотритъ съ пренебреженіемъ, посылаетъ военные отряды въ Венгрію для сбора произвольныхъ налоговъ и тѣмъ раздражаетъ и комитаты и народонаселеніе.

Между тѣмъ, какъ австрійскіе солдаты наполняютъ собой мирныя жилища Мадяръ и полицейскіе агенты шныряютъ изъ города въ городъ съ инструкціями іезуитовъ и вѣнскаго министерства, въ Пестѣ происходятъ торжественные похороны Телеки. Таинственная смерть его, доселѣ не раскрытая ни судомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ, была ударомъ для всей Венгріи. Тяжело терять такого человѣка во всякое время, но потерять его въ настоящую минуту, когда его умъ, воля и благородный патріотизмъ могли оказать существенныя услуги отечеству,—величайшее несчастіе. Смерть Телеки во всякомъ случаѣ не должна особенно опечалить домъ Габсбурговъ.... Но не такъ чувствуетъ самая Венгрія. Жители Песта провожаютъ гробъ любимаго человѣка съ глубокимъ и искреннимъ прискорбіемъ. При выносѣ его тѣла, весь городъ покрылся трауромъ: черные флаги развѣвались почти въ каждомъ домѣ, театры, школы, лавки закрылись на цѣлый день, изъ окрестныхъ селъ сбѣжались толпы народу и до поздней ночи простояли на кладбищѣ. За день или за два до самой смерти Телеки приготовилъ рѣчь для печати, которая, выражая его личныя убѣжденія, въ то же время служитъ отголоскомъ всей современной Венгріи; мы приведемъ ее здѣсь: «Иго, наложенное Австріей на Венгрію, было тяжело. Послѣ революціи 1848 года.... многіе венгерскіе патріоты были казнены и еще большая часть заключены въ темницы или изгнаны изъ отечества. Затѣмъ конституція была уничтожена, и дипломъ, изданный

20 октября 1860 года, далеко не возвратилъ Венгріи отнятыхъ у нея правъ. Естественнымъ слѣдствіемъ послѣднихъ тринадцати лѣтъ было то, что у Австріи не оказалось ни одного друга, ни одного союзника, когда началась война въ Италіи; она была разбита на всѣхъ пунктахъ, и потеряла одну изъ богатѣйшихъ провинцій. Послѣ войны положеніе ея было самое отчаянное; казна ея была пуста, долгъ ея восходилъ до 120,000,000 флориновъ и внѣшній кредитъ совершенно потерянъ; промышленная дѣятельность упала, бумажныя деньги наводнили имперію и правительство ея лишилось популярности во всѣхъ частяхъ его владѣній. Австрія пришла къ убѣжденію, что ей нельзя существовать безъ денегъ, безъ довѣрія и друзей, и она рѣшилась сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію. Вслѣдствіе этого обнародована была конституція 20 октября и 26 февраля основныя ея положенія; венгерскій сеймъ былъ извѣщенъ, что депутаты его могутъ явиться въ Вѣну.... Должна ли Венгрія покориться приказаніямъ австрійскаго правительства? Настоящее положеніе ея теперь гораздо лучше, чѣмъ оно было въ 1848 году. Тогда Венгрія боролась во имя и за права привилегированнаго класса, а теперь всѣ граждане равно желаютъ своихъ правъ. Состояніе дѣлъ въ Австріи и Венгріи теперь извѣстно Европѣ гораздо лучше, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ прежде.... Нѣмцы должны сочувствовать Венгерцамъ, потому что независимость ихъ послужитъ лучшей гарантіей независимости Германіи. Въ царствованіе Фердинанда II и III (во время тридцатилѣтней войны) венгерскіе полки были выставлены противъ Нѣмцевъ и странно сказать, что эта наслѣдственная вѣрность Венгріи австрійскому правительству нигдѣ такъ много не превозносилась, какъ въ самой же Германіи. Если есть точка примиренія между Австріей и Венгріей, то оно возможно только на слѣдующихъ основаніяхъ: на полномъ возстановленіи законной конституціи Венгріи и безусловномъ признаніи правъ 1848 года. Иностранная политика Австріи должна также подвергнуться измѣненіямъ и согласоваться съ нашей собственной. Монополь и запретительная система должны быть отмѣнены, и свободная торговля введена во взаимныя отношенія. Мы должны быть демократами въ лучшемъ значеніи этого слова. Всѣ классы и религіозныя вѣрованія должны быть равноправными, и всѣ національности — одинаково уважаемы. Венгерскіе Евреи должны получить полную гражданскую свободу, и всѣ иностранцы, живущіе на мадьярской землѣ, должны пользоваться совершенно оди-

наковыми преимуществами съ Венгерцами.» Такъ понималъ современныя требованія Венгріи Телеки.

Тотъ же вопросъ національности, но соединенный съ религіознымъ фонатизмомъ, волнуетъ Сирію. Кровавыя событія минувшаго года угрожаютъ ей періодическими симптомами внутреннихъ междуусобій, подготовленныхъ тупымъ деспотизмомъ Турціи и своекорыстной политикой Европы. Ливанъ, составляющій связующее звено между горными кряжами Тавра на сѣверѣ и синайскими холмами на югѣ, между долинами Евфрата и берегомъ Средиземнаго моря, населенъ разными племенами, съ разными національными свойствами. Сюда, въ эти каменныя ущелья, покрытыя первобытными лѣсами, стекались бѣглецы съ разныхъ сторонъ и приносили съ собой различныя вѣрованія, нарѣчія и преданія, отъ проповѣди Хакема до неоплатоническихъ и христіанскихъ религіозныхъ понятій. Эта смѣсь породила антипатіи, которыми воспользовался грубый эгоизмъ турецкаго правительства, желавшаго основать свою власть въ Сиріи на племенномъ раздорѣ и ослабленіи внутреннихъ ея силъ. Въ этомъ дѣлѣ помогли ему просвѣщенные кабинеты Англіи и Франціи. Первая постоянно сближалась съ Друзами, а вторая съ Маронитами; одна дѣйствовала посредствомъ торговыхъ сношеній, а другая посредствомъ монастырей и католическихъ миссій. Каждой изъ нихъ хотѣлось имѣть точку опоры на превосходнѣйшемъ пунктѣ Востока, съ котораго можно господствовать надъ Средиземнымъ моремъ, надъ великимъ путемъ въ Индію и по сосѣдству съ разлагающейся оттоманской портой. Очевидно, что Англія и Франція встрѣчаются здѣсь давнишними соперниками и въ ожиданіи близкой добычи не желаютъ отказаться отъ своихъ правъ... Само собою разумѣется, что ни Англіи, ни Франціи нѣтъ особенныхъ побужденій быть человѣколюбивыми въ отношеніи сирійскихъ христіанъ, еслибъ они за религіознымъ вопросомъ не видѣли чисто политическаго расчета. Поэтому они и расходятся въ своихъ планахъ, когда представляется необходимость дать внутреннюю организацію странѣ. Для Англіи выгодно оставить прежній порядокъ вещей и не допустить французскаго вмѣшательства въ судьбу Востока, котораго statu quo охраняетъ ей Индію; напротивъ для Франціи это вмѣшательство, подъ какимъ бы предлогомъ оно ни совершилось, полезно въ томъ отношеніи, чтобъ наблюдать за Турціей и Египтомъ. Читатели знаютъ уже изъ ежедневныхъ газетъ, что конференціи по сирійскимъ дѣламъ начались, но еще неизвѣстно, на чемъ согласятся Англія и Франція. Во всякомъ

случаѣ, спокойствіе Сиріи будетъ зависѣть не отъ покровительства европейскихъ державъ, а отъ измѣненія той варварской системы, какую приложила къ ней турецкая администрація и французская филантропія.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

Въ ожиданіи болѣе серьезныхъ событій, мы продолжаемъ заниматься судьбой несчастной брошюры (Lettre sur l'histoire de France) герцога д'Омальскаго. Судьба ея, дѣйствительно, очень странная, и правительство не могло не разразиться гнѣвомъ, увидѣвъ, что оно обмануто кругомъ людьми, повидимому, ему преданными; несмотря на его агентовъ, оно не могло открыть заговора, въ которомъ участвовала бездна людей и что если тутъ нашлись предатели, то они были изъ его-же партіи. Насчетъ важности этого дѣла не усомнились ни на одну минуту; было очень ясно, что письмо герцога д'Омаля, подъ видомъ личности, скрывало протестъ противъ династіи Наполеоновъ, протестъ адресованный клерикаламъ, легитимистамъ, орлеанистамъ и даже республиканцамъ. Теперь правительство знаетъ, что гг. Тьеръ и Виллъменъ держали коректуру памфлета, котораго экземпляры были особенно разосланы всѣмъ генераламъ, полковникамъ и республиканцамъ, для передачи ихъ друзьямъ и знакомымъ; не менѣе важно и то, что многіе негоціанты предложили по этому случаю содѣйствіе своего кошелька и своей преданности.

Несмотря на всю ловкость, новый претендентъ не съумѣлъ скрыть своего полнаго сочувствія итальянскимъ Бурбонамъ. Онъ хвалитъ побѣжденнаго при Кастель-Фидардо; громко проповѣдуетъ, что папа оскорбленъ, обиженъ и повидимому обѣщаетъ ему самое полное повиновеніе и уваженіе; онъ строго осуждаетъ сардинскаго короля и весьма замѣтно дѣлаетъ первый шагъ къ партіи легити-

мистовъ. Онъ страшно хмурится на узурпатора, сохраняющаго свое мѣсто, и отъ времени до времени обращается съ любезностями къ галлереѣ... Это истый сынъ Лудовика Филиппа, который, прежде чѣмъ утвердился на іюльскомъ престолѣ, разгуливалъ пѣшкомъ по бульвару, въ сѣрой шляпѣ, съ зонтикомъ подъ мышкой и не разъ заговаривалъ съ національной гвардіей, чтобы простотою своего обращенія привязать ее къ себѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ смѣтливыхъ потомковъ Гасконца, Генриха IV, вѣчно повторявшаго совѣтъ: «Снимай чаще шляпу: это приноситъ пользу».

Въ сущности эта брошюра, важное событіе данной минуты, не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ того, что внесла новую путаницу въ настоящее положеніе дѣлъ и справедливо оцѣнила принца Наполеона, популярность котораго даетъ ему гораздо больше значенія, чѣмъ онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Молодой Іеронимъ не хочетъ быть равнодушнымъ къ такому обвиненію; онъ всякій день занимается перелистываніемъ цѣлыхъ волюмовъ изъ дѣла г. Фёшера и собирается возразить обвинительнымъ актомъ противъ герцога д'Омаль. Пусть они разоблачаютъ другъ друга,—намъ на это нечего жаловаться; исторія выиграетъ въ справедливости фактовъ. Вотъ самыя рѣзкія страницы этой брошюры, которая обошла всю Францію и во многихъ изданіяхъ напечатана за границей; она повторяетъ вамъ съ тѣмъ авторитетомъ, которымъ сопровождаются слова принца, то же самое, что вамъ скажетъ сейчасъ вашъ скромный корреспондентъ:

«Я не могу безъ горести подумать о томъ, что въ ту минуту, когда я пишу, Французъ можетъ быть безъ суда вырванъ изъ своего семейства, изъ среды своихъ друзей для того, чтобы умереть въ далекомъ заточеніи. Что я говорю—безъ суда? Тайнымъ образомъ, слѣдовало мнѣ сказать, такъ что ни одна строчка Монитера не объявитъ обществу о томъ, что у него отнимается на время одинъ изъ его членовъ. И вы говорите, что это значитъ—успокоивать гражданскую вражду и лечить раны, нанесенныя нашими революціями; но вы даете миръ, который хуже всякой вражды.

«Вы теперь говорите великолѣпными фразами о государственномъ переворотѣ 2-го декабря; однако въ этотъ день васъ не видали въ толпѣ тѣхъ вѣрныхъ, которые сбѣжались къ Елисейскимъ полямъ, чтобы раздѣлить судьбу новаго диктатора; васъ не было правда и въ числѣ представителей націи, протестовавшихъ противъ низверженія законовъ ихъ страны. Гдѣ же вы были? Этого никто бы не зналъ, ес-

либы въ числѣ людей рѣшительныхъ, которые въ этотъ тревожный часъ совѣщались о томъ, не пойти ли имъ сражаться за баррикадами, еслибы, повторяю, въ числѣ ихъ нѣкоторые не припомнили, что вы вдругъ явились среди ихъ и снова исчезли, когда судьба была рѣшена, и когда полиція пришла арестовать ихъ по приказанію побѣдителя.

«Когда я подумаю о февральской революціи, я понимаю вашъ гнѣвъ. Еслибы она случилась нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, она застала бы вашего отца въ палатѣ перовъ, и онъ бы пользовался значительнымъ содержаніемъ, которое перешло бы потомъ на васъ. Развѣ вы забыли, какъ хлопотали вы вмѣстѣ съ королемъ Іеронимомъ, и какъ ваши хлопоты удались въ 1847 году. Вамъ было позволено возвратиться во Францію, изъ которой изгонялъ васъ законъ, и вы благосклонно были приняты въ Сенъ-Клу. Но въ числѣ лицъ, наполняющихъ собой пріемную императора, вы даже можете узнать того, кто водилъ васъ въ кабинетъ Лудовика Филиппа, когда вы приходили благодарить его за оказанныя милости и просить новыхъ льготъ.

«Въ числѣ вашихъ политическихъ убѣжденій есть одно, очень важное и существенное, которое Лудовикъ Филиппъ, по вашему мнѣнію слишкомъ добродушный, не приложилъ къ дѣлу по оплошности. «Пусть легитимисты, сказали вы, или республиканцы, пріѣхавшіе изъ Англіи (вы забыли орлеанистовъ, но я прощаю вамъ этотъ пропускъ, считая его чисто случайнымъ), попробуютъ высадиться на наши берега въ числѣ 1000 или 1500 человѣкъ: мы ихъ просто разстрѣляемъ. Но при іюльскомъ правительствѣ было сдѣлано нападеніе на Страсбургъ и произошла высадка въ Булони, а между тѣмъ никого не разстрѣляли. Конечно, важная ошибка! Чтожъ дѣлать! Эти орлеанисты, кажется, неисправимы, и еслибы имъ пришлось начинать снова, они обнаружили бы прежнее добродушіе, котораго у вашей партіи, можетъ быть, нѣтъ.

«Должно сознаться, что нынѣшнее правительство, счастливое во многихъ отношеніяхъ, не успѣваетъ сдерживать своихъ обѣщаній. Было сказано: Имперія есть миръ! и затѣмъ послѣдовали войны въ Крыму и въ Ломбардіи. Въ 1859 году, Италія должна была быть свободна до Адріатики, а между тѣмъ Австрія до сихъ поръ распоряжается въ Веронѣ и въ Венеціи. Свѣтскую власть папы вы обѣщали сохранить, а мы знаемъ въ какомъ она положеніи; великіе герцоги до сихъ поръ ждутъ реставрацію, которую посулилъ имъ виллафранкскій миръ. Я знаю, что мудрено все обѣщать и всегда держать слово. Я знаю ту удобную

роль, которую играютъ поочередно, смотря по требованіямъ минуты, то политическія партіи, то манифестаціи различныхъ національныхъ желаній, то политика Англіи и пр. Я осмѣливаюсь только утверждать, что въ силу обстоятельствъ, строгое выполненіе принятыхъ обязательствъ не можетъ красоваться въ числѣ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ самый душистый букетъ представляетъ намъ фамилія Бонапарта.

«Ваша политика состояла до сихъ поръ въ томъ, чтобы не отказывать никому въ надеждахъ и въ обѣщаніяхъ. У васъ два лица и вы каждый день показываете міру то или другое. Вы говорите католикамъ: «Развѣ вы меня не узнаете? Мы то правительство, которое послало экспедицію въ Римъ, и завалило папу изъявленіями своего сочувствія до начала войны, во время ея продолженія и послѣ ея окончанія; мы подписали виллафранкскій договоръ, мы усилили гарнизонъ въ Римѣ, мы отозвали изъ Турина своего посланника, мы держали корабли свои передъ Гаэтою.

«Вы говорите партизанамъ итальянской революціи: «Отчего вы мнѣ не довѣряете? Что вамъ за дѣло до пребыванія моихъ войскъ въ Римѣ? Развѣ вы забыли, что я противъ воли согласился послать экспедицію въ Римъ? Вѣдь мы же писали къ Эдгару Нею, что виллафранкскій трактатъ былъ мертвою буквою въ моихъ рукахъ, вѣдь я желаю счастливаго пути всякому, кто ѣдетъ въ кастел.....я же наконецъ отозвалъ мой флотъ отъ Гаэты, и наконецъ теперь не существуетъ ни римской области, ни неаполитанскаго королевства.

«Наконецъ, обращаясь къ Франціи, и показывая ей, какъ вы по очереди ласкали и обнадеживали обѣ партіи, вы даже хвалитесь запутанностью вашихъ поступковъ, возводите въ систему эту массу противорѣчій и прибавляете: посмотрите, какъ на меня жалуются! Развѣ мы—не олицетворенная умѣренность? Развѣ мы не умѣли хранить мудрое равновѣсіе? Развѣ мы не воскресили собою золотую середину (le juste milieu)? Чтобы съиграть роль въ этой комедіи передъ лицемъ Европы, вы возвратили свободу слова депутатамъ Франціи.—Ужъ лучше было бы ее оставить въ покоѣ.

«Я не сомнѣваюсь въ вашей силѣ; я чувствую всю ея тяжесть въ самоувѣренности, съ которою вы говорите, и въ моихъ собственныхъ опасеніяхъ за будущность моей страны; но я знаю происхожденіе этой силы, и этого происхожденія вы никогда не скроете отъ глазъ Франціи.

«Вы замышляете произвести великіе перевороты въ Европѣ; я

желаю одного для Франціи: чтобы она вышла изъ того состоянія, которое должно вовлечь ее въ предпріятіе, неодобренное ею заранѣе, въ которомъ она можетъ заснуть съ покровительственною системою и проснуться съ системою свободной торговли, перейти внезапно отъ мира къ войнѣ, отъ богатства къ нищетѣ.

«Знайте, что если вы не сойдете съ дурной дороги, на которую вы зашли такъ далеко, то можно будетъ обратить къ вамъ и къ вашимъ приверженцамъ слова, произнесенныя вашимъ дядей въ присутствіи директоріи: «Что вы сдѣлали изъ Франціи?»

Эта манифестація въ пользу орлеанистовъ разбудила антипатію партій, заставила говорить всю Францію. И мы готовы думать, что правительство отразитъ ее какимъ нибудь громкимъ событіемъ, чтобъ отвлечь мнѣніе въ другую сторону и дать Французамъ болѣе интересное зрѣлище.

Такъ называемый quasi тайный заемъ 300 милліоновъ, который хотѣли осуществить выпускомъ пятипроцентныхъ билетовъ государственнаго казначейства, тогда какъ банкъ, платившій только по особому повелѣнію 4%, могъ реализировать всего только 108 милліоновъ. Услужливые люди подготовляютъ умы къ великолѣпному демократическому займу въ 500 милліоновъ. Но гдѣ же та курица, которая несетъ золотыя яйца? Съ народа нечего больше взять, развѣ праздные аббаты придумаютъ новый крестовый походъ или дешевыя индульгенціи. Но и духовенство враждуетъ съ правительствомъ, которое въ свою очередь платитъ ему тѣмъ же, и конечно побѣда остается за послѣднимъ, отдавшимъ приказаніе своимъ генералъ-прокурорамъ, не закрывать болѣе глазъ правосудія насчетъ какихъ бы то ни было преступленій католическаго монашества; вслѣдствіе этого со всѣхъ сторонъ Франціи хлынула волна черныхъ дѣлъ и грязныхъ непристойностей и разлилась по всему государству. Я не буду вамъ здѣсь описывать никакихъ подробностей о дѣлахъ Блумъ-Малле, Ратисбонъ, братьевъ Цезаріусъ, Архангела и Серафима, аббатовъ Грѣла, Бернаръ и Верделе. Порядочный человѣкъ побоится окунуть въ эту грязь даже кончикъ своей трости.

Обратимся лучше къ Италіи, этой странѣ, имѣющей нынѣ въ Европѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ это можно предполагать, судя по величинѣ и народонаселенію. Отъ Италіи можно ожидать практическаго разрѣшенія національной проблемы, столь важной для Германіи, для центральной Европы. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса окончатель-

ко определятся отношенія церкви къ государству и соглашенія центральнаго правительства съ комунальной администраціей въ гармоническомъ соединеніи всѣхъ мѣстныхъ владѣній Италіи въ одну націю— однородную и могущественную. Старѣйшіе изъ Французовъ начали догадываться, что сила прогресса не въ ихъ рукахъ; древняя Италія, бывшая столь долгое время царицей міра, наконецъ снова проснулась отъ своего трехвѣковаго сна. Въ Туринскомъ парламентѣ гораздо болѣе заботятся о судьбахъ свѣта, чѣмъ въ тюльерійскомъ кабинетѣ, и мечъ усталаго и больнаго Гарибальди служитъ хорошимъ перевѣсомъ французскихъ войскъ.

Впродолженіи истекшаго мѣсяца, къ сожалѣнію, совершилось очень мало событій въ пользу итальянскаго вопроса, и реакція, видимо, подвинулась впередъ. Гарнизонъ французскихъ войскъ въ Ніа и въ Римѣ, эти войска, которыя Гарибальди столь справедливо считалъ непріятельскими, теперь еще усилены. Ограждаемый 20,000 французскихъ штыковъ, Францискъ II спокойно живетъ въ Ватиканѣ. И пребываніе его здѣсь составляетъ опору реакціи и въ другихъ частяхъ Италіи.

Это достаточно объясняетъ, почему Австрія еще не объявила офиціально войны Италіи. Она выжидаетъ исхода этой скрытой войны, которой старается управлять сама и льститъ себя надеждой, что Италія въ скоромъ времени рестерзаетъ себя собственными руками. Но несмотря на это Италія остается вѣрной своему единству и желанію независимости, и никто не помышляетъ о возвращеніи великихъ герцоговъ, а выходка принца Мюрата окончилась плачевнымъ фіаско. Рѣшится-ли наконецъ Австрія дѣйствовать собственными силами? Теперь пора, но она боится; предписываетъ марши и контр-марши; дѣлаетъ шагъ впередъ для того, чтобы потомъ отступить; издаетъ воинственныя прокламаціи, а сама прячется въ укрѣпленіяхъ и подозрительно посматриваетъ на Венгрію. Она не рѣшается опустить руку въ урну судебъ и рисковать войной, которая спасетъ ее или уничтожитъ, потому что Италія можетъ увлечь Венгрію въ эту борьбу и поднять заснувшаго тигра, въ родѣ общеевропейской войны. Если Австрія боится пускаться въ воинскія приключенія, Кавуръ съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы не попасть въ круговоротъ вихря сомнительныхъ и опасныхъ событій. Онъ попрежнему держится программы своего сильнаго союзника и покорно выслушиваетъ его предписанія; онъ желаетъ образовать армію изъ 300,000 солдатъ, построить и вооружить флотъ, способный

вырвать Венецію изъ рукъ Габсбурговъ. Кавуръ играетъ огромную игру, съ увѣренностью выиграть. Мы понимаемъ его цѣль и предстоящія ему трудности; мы понимаемъ и то, что молодая Италія и Гарибальди увѣрены, что каждый день выжиданья есть день реакціи, что реформы останавливаются или идутъ назадъ, если не подвигаются впередъ; что побѣды для того, чтобы быть плодотворными, должны повторяться и что для избѣжанія междоусобій необходимо соединить всѣ національныя партіи въ общей ненависти къ чужеземному игу. Кавуръ не допускаетъ подобныхъ разсужденій; онъ уполномочилъ Фанти, весьма жалкую личность, распускать волонтеровъ, лишать офицеровъ чиновъ и требовать отъ побѣдителей при Режжіо и Вольтурно покорности побѣжденнымъ Новары. Гарибальди не могъ допустить столь вопіющей несправедливости. Онъ поспѣшилъ въ парламентъ; говорилъ прямо, безъ дипломатическихъ увертокъ, такъ какъ могъ бы говорить левъ, но ему отвѣчала лиса. Никогда еще Кавуръ не выказывалъ столько ловкости и хитрости, не прибѣгалъ къ такимъ тонкимъ уловкамъ; но всѣ его дипломатическія тонкости не помогли ему выпутаться изъ ложнаго положенія, въ которое поставила его политическая угодливость Наполеону, его лицемѣрное поведеніе въ отношеніи гарибальдійцевъ. Даже въ этой палатѣ народныхъ представителей, повиновавшейся сначала малѣйшему его мановенію, онъ испыталъ сопротивленіе цѣлой трети изъ подающихъ голоса. Италія, выжидая вторженія Австріи, какъ того желаетъ Кавуръ, въ то же время вооружаетъ всѣхъ своихъ сыновъ противъ чужеземцевъ, какъ этого хочетъ Гарибальди.

По ту сторону морей занимаются не однѣми судьбами національностей. Цѣлыя расы спрашиваютъ себя: неужели онѣ навсегда лишены правъ свободы? Благодаря распаденію великой американской республики на двѣ враждебныя другъ другу конфедераціи, пользуясь настоящей удобной минутой, Испанцы пытаются снова захватить Испаньолу или островъ Санъ-Доминго, свою первоначальную колонію. Католическая Испанія заявляетъ о своемъ пробужденьи, возвращаясь къ политикѣ былыхъ временъ. Сохранивъ память о семивѣковой войнѣ съ Маврами, она цѣною десяти тысячъ солдатъ пріобрѣла какую-то скалу въ Марокко. На востокѣ, гдѣ нѣкогда Испанія была представляема инквизиціей, теперь заодно съ Франціей она поддерживаетъ вооруженной рукой пропаганду миссіонеровъ въ Кохинхинѣ.

И теперь въ Америкѣ, гдѣ ихъ предки истребили милліоны ту-

земцевъ, они снова принимаются за свою политику завоеваній и порабощенія. Флибустьеры въ обширномъ значеніи этого слова, сподвижники своего врага Валькера, они хотятъ подчинить себѣ жителей Сан-Доминго, а потомъ Гаитянъ, и sotto voce предупреждаютъ насъ о своемъ намѣреніи современемъ снова завоевать Макаику. Ихъ тактика весьма простая. Тысячи претендентовъ, полныхъ честолюбія, съѣхались въ столицѣ Сан-Домингской республики въ маленькомъ городкѣ съ четырьмя или пятью стами жителей. Благодаря хорошей цѣнѣ, они подкупили честное содѣйствіе президента Санта-Анны и также толпы распущенныхъ солдатъ. Въ назначенный день Испанцы разразились криками «виватъ», президентъ развернулъ кастильское знамя, и озадаченная республика узнала слишкомъ поздно, что она составила Испанскую провинцію. Въ то же время испанскіе корабли подвезли свѣжія войска для поддержанія этого движенія и скрѣпленія общаго энтузіазма.

Но будутъ-ли они имѣть одинаковый успѣхъ въ остальной части острова? Это очень сомнительно. Туземцы Сан-Доминго должны всего опасаться отъ бѣлыхъ; если ихъ побѣдятъ, имъ придется влачить цѣпь невольничества или униженія вольноотпущенныхъ. Ихъ участь будетъ одинакова съ участью Негровъ Гаити, Кубы и южной конфедераціи Соединенныхъ Штатовъ. Отвѣтственность страданій сдѣлаетъ всѣхъ этихъ угнетенныхъ опасными. Такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о преимуществахъ расы подходитъ къ развязкѣ на Антильскихъ островахъ, какъ и въ американской республикѣ. Война уже вспыхнула, и пограничныя государства должны сдѣлать рѣшительный выборъ между сѣверомъ и югомъ, между свободой и рабствомъ; тогда столь запутанная и нерѣшительная политика сѣверной конфедераціи будетъ въ силахъ дѣйствовать открыто и смѣло.

Если мы перенесемъ взглядъ на могущественную Англію, въ надеждѣ найти въ ней союзницу справедливости, мы придемъ въ отчаяніе. Страна, которая такъ славилась удивительной цивилизаціей, вѣковой свободой, просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, не занимается нынѣ ничѣмъ, кромѣ себя и во всѣхъ странахъ видимъ только рынки. Подобно военному кораблю на якорѣ передъ Европой, она блокируетъ континентъ; она вооружила свои порты и корабли, она формируетъ арміи, но не для услугъ страдающимъ народамъ. Британскій леопардъ, насытившись, сладострастно отдыхаетъ:—берегись, кто неосторожнымъ шумомъ нарушитъ его пищевареніе.

Я не забылъ дурнаго расположенія духа англійскаго правительства, когда Италія потребовала своей независимости. Получивъ извѣстіе о войнѣ, оно яростно заговорило нетолько противъ Франціи, но и противъ Піемонта, который осмѣлился столкнуться съ могущественной Австріей, такъ необходимой для поддержанія какого-то равновѣсія въ Европѣ. Побѣда итальянскаго дѣла страннымъ образомъ смягчила англійскій кабинетъ, который вообще чувствуетъ величайшее уваженіе къ сильнѣйшему, и когда пораженіе Австріи сдѣлалось неизбѣжнымъ, лордъ Джонъ Россель такъ хорошо примирился съ торжествомъ Италіи, что приписывалъ весь успѣхъ своей искусной дипломаціи, а *Times*, окуривая министра ладономъ похвалъ, торжественно благодарилъ его за приведеніе къ благополучному концу труднаго дѣла итальянской независимости: тогда было признано, что свобода полуострова не была несовмѣстна съ политическимъ равновѣсіемъ. Но виллафранкское отступленіе, благодаря папскимъ и бурбонскимъ заговорщикамъ, которыхъ покровительствуетъ французское знамя, остановило дѣло освобожденія на половинѣ дороги. Безъ сомнѣнія, думаетъ чувствительный Джонъ Россель, еще будетъ время для Италіи окончить свое предпріятіе. Глубокая ошибка! Равновѣсіе совершившихся фактовъ позволяетъ Англіи только безплодныя симпатіи. Министерство королевы Викторіи произноситъ самые пламенные обѣты за освобожденіе Венеціи, и въ то же время угрожаетъ Виктору Эмануилу всѣмъ гнѣвомъ, если онъ серьезно примется за это дѣло. Забавляя общественное мнѣніе побасенками о выкупѣ Венеціи, лордъ Джонъ Россель отправляетъ корабли въ Адріатическое море, чтобы стеречь берега Тріеста. Англія думаетъ, что если Венеція будетъ взята сегодня у Австріи, завтра придетъ очередь итальянскаго Тироля, потомъ Истріи, Далмаціи, Венгріи и Славоніи; тяжелая германская конфедерація будетъ невольно увлечена въ неизвѣстную борьбу; старая Турція отойдетъ, и Англія, постоянно вѣрная принципу политическаго равновѣсія, можетъ быть будетъ принуждена дожидаться долго, чтобы спокойно считать свои барыши. Но лордъ Джонъ Россель находитъ средство согласить свои симпатіи къ итальянской независимости съ его угрозами противъ независимости іонійскихъ острововъ. Кажется, принципъ одинъ и тотъ же; но разница въ томъ, что Греческая колонія принадлежитъ Англіи, а Венеція нѣтъ; Италіи онъ даетъ отеческіе совѣты, а Австріи флотъ.

Всѣ вопросы между собой связываются, и англійское правительство, которое выдаетъ себя за великаго воспитателя европейской свободы, чувствуетъ, что истинное участіе въ итальянскомъ движеніи принудило-бы его пойдти далѣе, чѣмъ оно намѣрено, и подумать о національной независимости 68 колоній. Республика іонійскихъ островъ тяготится военнымъ деспотизмомъ Англіи; она осмѣливается хотѣть раздѣлять судьбу Греціи. Какая дерзость! Отвергать благодѣянія богатой Англіи! Лордъ Пальмерстонъ не шутя увѣряетъ Іонянъ въ своей глубокой любви къ нимъ и въ готовности доказать эту любовь даже пушками. А что сдѣлалъ онъ для Сиріи, чтобъ помѣшать ужаснымъ убійствамъ, чтобъ дать миръ этой несчастной странѣ, которой благосостояніе озабочиваетъ нынѣ цѣлую Европу? Ничего. Ему довольно, чтобъ французскія войска были отозваны. Вѣрный преданіямъ старинной политики, онъ требуетъ, чтобы эти богатыя страны были обитаемы остатками народа безъ силы и энергіи къ великому дѣлу новѣйшей цивилизаціи. Еслибъ когда нибудь новая нація на прочныхъ началахъ основалась въ этихъ превосходныхъ земляхъ и сдѣлала у себя складъ торговли, преобладающее вліяніе Англіи уменьшилось бы; новая нація заслонила-бы ей великій южный путь въ долины Евфрата. И такъ интересы Англіи требуютъ, чтобы была пустыня вездѣ, гдѣ могутъ явиться опасные соперники. Всѣмъ извѣстно дѣло о Суэзскомъ перешейкѣ, дѣло, въ которомъ всѣ племена человѣчества должны были-бы съ благородной поспѣшностью требовать своей работы. Всѣмъ извѣстно, какъ это дѣло было принято государственными людьми сенъ-джемскаго кабинета. Они были неистощимы въ выдумкахъ и ироніи. Прорытіе перешейка, предпринятое фараонами за 2000 лѣтъ, казалось химерой образованному парламенту, хотя онъ въ то же время клалъ телеграфическую проволоку черезъ океанъ, строилъ громадный кристальный дворецъ и бросилъ на море громаднаго Левіаоана; участники національной политики, знаменитѣйшіе англійскіе ученые даже не отказались дать ложное свидѣтельство въ защиту дурнаго дѣла, поддерживаемаго лордомъ Пальмерстономъ; они не постыдились профанаціи науки ради своихъ мелкихъ расчетовъ. Теперь каналъ начатъ, несмотря на всѣ дурныя предсказанія; но если война возгорится въ этихъ широтахъ и англійскому флоту придется проплыть мимо Портъ-Санто, нѣтъ сомнѣнія, что (по какому нибудь случаю) плотина будетъ прорвана, а городъ обращенъ въ груды пепла.

Таково, скажемъ мы съ грустью, таково это старое эгоистическое преданіе, которое характеризуетъ Англію въ ея сношеніяхъ съ другими народами, и отъ которой ей будетъ трудно освободиться до тѣхъ поръ, пока иностранныя сношенія будутъ зависѣть отъ такихъ старыхъ паяцовъ, какъ лорды Пальмерстонъ и Джонъ Россель, не считая Дерби и д'Израэли. Лордъ Пальмерстонъ умѣлъ придать личину силы и смѣлости политикѣ, которая въ сущности была только слѣпымъ обожаніемъ совершившагося факта; Лордъ Джонъ Россель покрылъ лакомъ уважительности и нравственности всѣ измѣненія, которыя старая политика совершаетъ обыкновенно съ крайнимъ безстыдствомъ. Если Англія пожалѣетъ когда нибудь о памяти этихъ двухъ министровъ, то ее вправѣ будутъ спросить: да что же они сдѣлали для блага англійскаго народа?

Первый изъ нихъ не оставитъ по себѣ рѣшительно ничего, кромѣ незавидной памяти находчиваго парламентскаго каламбуриста; другому обязаны Евреи своимъ введеніемъ въ Парламентъ не чрезъ великія ворота свободы, а черезъ потаенную дверь обвиненнаго. Иногда сравниваютъ графа Кавура съ этими двумя государственными людьми. Конечно, онъ сходенъ съ ними по своему личному честолюбію, кошачьей хитрости, скромному вѣроломству; но по крайней мѣрѣ онъ занимается серьезнымъ дѣломъ, и Италія помогаетъ ему значительною частью своихъ силъ. Онъ также искусно владѣетъ оружіемъ клеветы; онъ умѣетъ удалять съ своей дороги людей, которыхъ благородная откровенность наводитъ на него страхъ; но вмѣсто того, чтобъ валяться въ грязи старыхъ преданій, онъ плаваетъ по-своему въ великомъ потокѣ прогреса и свободы. Хитрость его служитъ для пользы справедливаго дѣла и невольно напоминаетъ Макіавелли, послѣдняго изъ итальянцевъ, который нѣкогда со слезами отчаянія искалъ искупителя Италіи даже въ цезарѣ Борджіа.

Въ Америкѣ англійская политика не болѣе откровенна, чѣмъ въ Европѣ. При первомъ извѣстіи о событіяхъ въ Чарльстонѣ, казалось естественнымъ, что Англія станетъ на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ. Но симпатіи лорда Джона Росселя и *Times'a* на сторонѣ юга: они удивляются умѣренности меонголерійскихъ государственныхъ людей, они аплодируютъ ихъ торговой политикѣ, позволяютъ, не допустивъ ихъ даже до просьбы, вооружать каперовъ, чтобъ упрочить миръ, т. е. рабство, и ежегодный сборъ хлопчатой бумаги; они предложили даже свое посредничество, и нѣтъ сомнѣнія, еслибы феде-

ративное правительство приняло его, то мантія Викторіи покрыла бы рабовладѣльцевъ. Говорятъ, что Англія хочетъ потерять весь нравственный результатъ освобожденія черныхъ, которое она совершила цѣною 500 т. фран.; но она называетъ клеветниками тѣхъ, кто приписываетъ освобожденіе ея Негровъ эгоистическимъ побужденіямъ, кто обвиняетъ могущественную остиндскую компанію въ желаніи разорить Антильскіе острова въ пользу промышленнаго монополя, и гдѣ допущено фактически отвратительнѣйшее рабство райевъ, пожираемыхъ тысячами голодной смертью. Пусть же для чести человѣчества проснется въ Англіи нравственное чувство и пусть ради освобожденія Негровъ она забудетъ на время матеріальные интересы толстыхъ набобовъ!

Нравственный смыслъ Американцевъ также нуждается въ просвѣщеніи и энергіи. Къ счастію, современныя событія доказываютъ, что грубая жажда барыша, грозившая развратить до костей націю, не совсѣмъ еще заглушила благородные ея порывы. И едвали какая нибудь страна въ мірѣ способна выказать столько энергіи въ защиту угнетенныхъ. Черезъ пятнадцать дней послѣ прокламаціи президента, воззвавшаго къ оружію, болѣе ста тысячъ человѣкъ собрались подъ звѣздныиъ знаменемъ сѣверныхъ штатовъ; механики и рыболовы, утромъ работавшіе въ своихъ мастерскихъ и у морскихъ береговъ, къ вечеру были на дорогѣ въ Вашингтонъ. Нью-Іоркскіе купцы, составившіе комитеты общественной безопасности, собрали милліоны франковъ, устроили флотилію и отправили на театръ войны до 20 т. человѣкъ. Во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, въ самымъ глухихъ деревняхъ организуются комитеты на защиту праваго дѣла.

Благодаря этому народному движенію, Вашингтонъ внѣ опасности, и побѣда, конечно, не замедлитъ склониться на сторону свободныхъ гражданъ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней столица республики подвергалась величайшей опасности: сепаратисты заняли рѣку, на которой расположенъ Вашингтонъ; они укрѣпились въ Александріи, — въ предмѣстіи самой столицы и овладѣли транспортомъ, предназначеннымъ для снабженія войскъ; на югѣ они господствовали на дымящихся развалинахъ Норфолька; на западѣ они покрывали окрестныя высоты Вашингтона и на сѣверѣ захватили огромный арсеналъ Джерри. Затѣмъ они распространили ужасъ въ Балтиморѣ, перерѣзали телеграфическія нити и разрушили желѣзныя дороги. Это было буйство плантаторовъ, объявившихъ войну свободѣ. Но теперь успѣхи

ихъ дѣлаются сомнительными: окрестности Вашингтона очищены и дороги его свободны. Мариландъ, опасаясь возрастающей мести и озлобленія своихъ невольниковъ, проситъ о пощадѣ; западная Виргинія вступаетъ въ союзъ, а восточная распускаетъ свою милицію и проситъ мира. Но еслибъ Линкольнъ и захотѣлъ остановить кровопролитіе, то уже поздно: теперь вопросъ перешелъ въ руки всей страны, и она положитъ оружіе не прежде, какъ возвративъ Балтиморъ и усмиривъ южное населеніе. Побѣда, во имя великаго принципа, остановится не раньше, какъ вполнѣ обезпечивъ свободу сѣвера и сокрушивъ рабство юга. Такова логика событій, и рука Линкольна слишкомъ слаба, чтобъ управлять ею.

«Снимайте, Негры, свои цѣпи», говорятъ имъ воины сѣвера,— и невольники чутко прислушиваются къ этому новому голосу.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1861. in–8° (стр. 488).

I.

Недавно мы говорили о сборникахъ народныхъ сказокъ и стиховъ гг. Ходякова и Варенцова и заявили фактъ сочувствія нашей литературы къ дѣлу изученія русской народности. Это сочувствіе, помимо прекрасныхъ статей Костомарова, изслѣдованій Буслаева и др., выразилось въ послѣднее время довольно частымъ появленіемъ сборниковъ, открывающихъ намъ, по возможности полнѣе, разныя стороны народнаго ума и сердца, вѣрованій и убѣжденій, въ томъ видѣ, какъ высказались онѣ въ прямой, непосредственной формѣ народнаго отклика—въ былинѣ, пѣснѣ или сказкѣ. На–дняхъ еще появленіе Безсоновскаго сборника—«*Калѣки-перехожіе*»,—въ которомъ собраны стихи нашей нищей братіи—каликъ–перехожихъ, значительно обогатило литературу народныхъ изслѣдованій, обогатило ее тѣмъ, что это послѣднее собраніе проливаетъ яркій свѣтъ на цѣлое, такъ сказать, сословіе, искони блуждающее среди осѣдлаго народа, сприсущее ему и нераздѣльное съ нимъ, потому–что оно вышло изъ того же народа, который несетъ его на своихъ плечахъ и кормитъ своей тяжелой, трудовой копѣйкой. Почти вслѣдъ за сборникомъ Безсонова, появляется новый—«*Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбнико-*

вымъ», — по величинѣ своей превосходящій почти всѣ прежніе, потому-что передъ нами пока только одна первая часть его; сборникъ, значеніе котораго для насъ дѣлается существеннѣе прежнихъ, потому-что онъ раскрываетъ для нашихъ изслѣдованій нѣсколько новыхъ, нигдѣ неизвѣстныхъ еще доселѣ матеріаловъ, чрезвычайно важныхъ по своему богатству и оригинальности.

Каждый подобный сборникъ имѣетъ цѣну для насъ не съ одной исторической стороны, какъ картина прошлаго, свидѣтель отжившаго, бывалаго, какъ живая, устная лѣтопись старины; подобный взглядъ мы считаемъ и одностороннимъ и ошибочнымъ, какъ бы онъ ни нравился любомудрымъ мужамъ, спокойно рѣшающимъ вопросъ о *юсахъ*, среди множества живыхъ и общественныхъ вопросовъ... Нѣтъ, для такой дѣятельности и наслажденія надо оскопить свой умъ и чувство до самоумерщвленія! Вмѣстѣ съ извѣстной долей историческаго интереса, мы видимъ задушевнѣйшую сторону въ этихъ сборникахъ, прямое *жизненное* значеніе. Для насъ они являются не только памятникомъ прошлаго, но и выраженіемъ настоящихъ потребностей и симпатій нашего народа. Народъ беретъ отъ жизни, какъ настоящей, такъ и прошлой, только то, что само по себѣ жизненно, что пригодно ему на что-нибудь, для выраженія міра его нравственныхъ требованій, все-же прочее, какъ ненужное, какъ мертвое, ничего не выражающее, отбрасывается имъ и предается полнѣйшему забвенію. Съ этой точки зрѣнія будемъ мы смотрѣть на всѣ подобные сборники, стараясь найдти въ нихъ жизненныя нервы, по біенію которыхъ можно судить о затаенныхъ думахъ народа, о его воззрѣніяхъ на дѣйствительную жизнь.

Изданіе разбираемаго нами сборника принадлежитъ гг. П. Безсонову и Д. Хомякову. Сборникъ раздѣленъ на четыре отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ время до Владиміра, время, въ которое выступаютъ передъ нами гигантскіе образы «богатырей старшихъ», образы, поражающіе насъ своей новостью, какъ доселѣ неизвѣстные еще изслѣдователямъ; въ этомъ отношеніи первый отдѣлъ замѣчательно важенъ, потому-что онъ открываетъ въ сознаніи народа еще одну совершенно новую характерную сторону. Во второй части этого отдѣла, заключающей въ себѣ время Владимірово—эпоху, оттѣненную уже нѣсколько историческимъ колоритомъ, выступаютъ личности «богатырей кіевскихъ», между которыми первое мѣсто занимаетъ Илья Муромецъ, первый борецъ за русскую *земщину*. «Удаль-

цы Новгородскіе»: Василій Буслаевъ и Садко купецъ,—богатый гость, составляютъ второй циклъ былинъ въ сборникѣ. Въ третьемъ циклѣ встаетъ предъ нами «Москва» съ своимъ грознымъ царемъ, страшный гнетъ котораго невольно чуется вамъ въ каждой былинѣ его времени, вмѣстѣ съ мрачнымъ образомъ этого грознаго царя, съ его «потухшимъ, мутнымъ окомъ». Здѣсь нетолько въ складѣ, но даже въ мелкихъ пріемахъ и выраженіяхъ слышна ясно современность пѣснеслагателей совершавшемуся событію. Наконецъ четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ «пѣсни былевыя—княжескія, молодецкія и безыменныя», между которыми особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, по своей художественности и поэзіи, пѣсни: 1) О Настасьѣ королевнѣ Политовской; 2) О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой; 3) На чужой сторонѣ; 4) О горѣ и, наконецъ, 5) О хмѣлѣ. Въ этихъ пѣсняхъ художественная отдѣлка достигаетъ рѣдкой степени изящества въ непосредственномъ народномъ творчествѣ.

Міръ первоначальной эпохи этого творчества, эпохи до Владимірова цикла, слѣдовательно доисторической, особенно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Эту эпоху покойный К. С. Аксаковъ справедливо назвалъ эпохою *титанической* или *космогонической*, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Эти «богатыри старшіе» упоминаются въ нѣсколькихъ былинахъ; яснѣе другихъ очерчены народною фантазіею два изъ нихъ: *Суханъ* и *Святогоръ*, съ которыми впервые знакомимся мы изъ сборника г. Рыбникова. О первомъ изъ нихъ г. П. Б., авторъ «Замѣтки», приложенной къ сборнику, замѣчаетъ, что эта личность носитъ на себѣ явные слѣды происхожденія миѳическаго. Вслѣдствіе искони-неизмѣнныхъ эпическихъ формъ русской былины домосковскаго, или, вѣрнѣе, богатырско-кіевскаго періода, этотъ Суханъ, какъ и всѣ богатыри, затянутъ народнымъ творчествомъ въ эпоху Владиміра; но эпоха въ этомъ случаѣ является съ перваго-же взгляда, ни болѣе, ни менѣе, какъ простою, разъ навсегда обусловленною внѣшнею формой. Вы тотчасъ-же видите, что Суханъ далеко не то, что Добрыня, Илья, Чурило и другіе богатыри Владимірова цикла: Суханъ чувствуетъ себя чужимъ на пиру Владиміра —

*

За тѣмъ столомъ за дубовымъ
Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантьевичъ —
Ничѣмъ-то онъ, молодецъ, не хвастаетъ...
«Ай же ты Сухмантій Одихмантьевичъ!
Что̀ же ты ничѣмъ не хвастаешь,
Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
Бѣлыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или мѣсто было не по отчинѣ
Или пьяница насмѣялся ти?

Онъ не пользуется расположеніемъ стольнаго князя; онъ берется за трудные подвиги, но не выполняетъ ихъ для Владиміра, тотъ ему не довѣряетъ и посылаетъ подглядывать за нимъ богатырей младшихъ, сажаетъ его въ подземелье, и когда воротилъ ему милость, убѣдясь на дѣлѣ о его подвигѣ, Суханъ не принялъ ужъ этой милости:

Не умѣлъ меня солнышко миловать,
Не умѣлъ меня солнышко жаловать,
А теперь не видать меня во ясны очи!

Но вотъ дѣйствительный представитель *титанической* силы доисторическаго періода — *Святогоръ*. Хотя имя его, по характеру своему, принадлежитъ уже къ христіанскому періоду, но творческій замыселъ народа въ отношеніи этого героя, указываетъ ясно на его дохристіанское происхожденіе. Настоящее, первичное имя его быть можетъ затеряно въ памяти народа, который названіе *Святогора* весьма вѣроятно придалъ уже гораздо позже этому ярко запечатлѣвшемуся въ его сознаніи образу, а быть можетъ, оно еще пока и не отыскано нашими изслѣдователями; но во всякомъ случаѣ, образъ этотъ открываетъ намъ многое въ нашей древне-славянской жизни, по отношенію его къ земщинѣ русской. Для того, чтобы личность эта стала совершенно понятна, мы объяснимъ ее нѣсколько: Святогоръ— представитель титаническихъ силъ, начала броженія, кочевья, первобытныхъ славянскихъ передвиженій, представитель силы, неприкрѣпленной къ землѣ, силы, которая, при столкновеніи съ силою новаго начала земщины, должна была уступить ей, оказалась ни къ чему непримѣнимою, мертвою. Наступаетъ новая эпоха: племенная сила соединяется въ одинъ народъ, осѣдается на мѣстѣ, прикрѣпляется

къ землѣ, и здѣсь-то у нея является то, что разумѣемъ мы подъ словомъ *земщина:* является *міръ*, *община*, *сходка*, однимъ словомъ, новая *земская сила*, которая вырабатываетъ своихъ надежныхъ борцовъ и представителей, какими и являются Илья Муромецъ и Микула Селяниновичъ. Святогоръ, какъ сила старая, стихійная, неустановившаяся, долженъ былъ уступить правильно организованной и стройной силѣ новаго земскаго начала. Его ужъ земля не держала отъ непомѣрной его силы; онъ отыскалъ себѣ одну гору и улегся на ней, прося подошедшаго Муромца не тревожить его покоя: его обременила, одолѣла своя же собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ. Представитель стихійныхъ началъ, броженій, кочевья, титаническихъ подвиговъ, при наступленіи новой эпохи, эпохи устоявшейся *земли*, сложившагося міра — народа, обреченъ былъ самъ на неподвижность, на недѣйствительность. Если-же и являлся онъ въ движеніи, то движеніе его было медленно, тяжело:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться.
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается —
Грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.

Онъ движется какъ Шаркъ-великанъ, «съ боку на бокъ переваливаясь.» Бывальщина разсказываетъ, что онъ, ѣдучи по степи, наѣхалъ «намаленькую сумочку переметную, » обыкновенную суму-котомку, наполненную *землею:* «беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку—она *не скрянется*, двинетъ перстомъ ее—не сворохнется, хватитъ съ коня рукою—не подымется». Это изумило богатыря; онъ никакъ не могъ понять, чтобы это такое было и что бы это значило:

Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»

Слѣзаетъ Святогоръ съ своего коня, ухватилъ обѣими руками эту сумочку, поднялъ-было ее выше колѣнъ, да самъ угрязъ въ землю по колѣна, —

А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.

Тутъ, на этомъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ угрязъ Святогоръ въ землю, онъ и остался—встать не могъ болѣе.—«Тутъ ему было и окончаніе», заключаетъ былина. Такъ рисуетъ народъ столкновеніе старыхъ началъ съ земщиной. Святогоръ встрѣчаетъ *землю:* она не велика, въ маленькой, переметной сумочкѣ; но она уже «не скрянется, не своротнется», она окрѣпла. Святогоръ ищетъ «тягу земли», тяжесть равную землѣ, равносильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю—замыселъ титаническій: и онъ находитъ представительницу этой тяги, сложившуюся *землю русскую*, кажется малую, кажется слабую. Но, попытался онъ сдвинуть,—и «по бѣлу лицу его не слезы, а кровь течетъ», онъ поднялъ только выше колѣнъ и самъ угрязъ въ эту же землю: она сильнѣе, она побѣдила его.

Есть еще одна бывальщина, въ которой это столкновеніе двухъ силъ выразилось со всей осязательностью народнаго творчества. Святогоръ кромѣ земли встрѣчаетъ на пути своемъ еще и самаго представителя этой земли, селянина, и сына поселянина же, оратая, пахаря-крестьянина. Ѣхалъ Святогоръ дорогою и по пути встрѣтился ему прохожій. Припустилъ богатырь своего коня къ тому прохожему, *но никакъ не можетъ догнать его*: поѣдетъ во всю прыть—прохожій идетъ впереди; ступою поѣдетъ,—прохожій все-таки впереди идетъ; такъ что богатырь долженъ былъ обратиться къ нему съ просьбою: «Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись немножечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ.» Пріостановился прохожій, снялъ съ плечъ сумочку, и положилъ ее на землю. «Что у тебя въ сумочкѣ?» спрашиваетъ богатырь.—А вотъ, подыми съ земли, такъ и увидишь.—Сошелъ Святогоръ съ добраго коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ подымать обѣими руками, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по-колѣна въ землю угрязъ».—Говоритъ богатырь: «что это у тебя въ сумочку накладено? Силы мнѣ не занимать стать, а я и сдвинуть сумочку не могу?»—Въ сумочкѣ у меня *тяга земная.*—«Да ктожъ ты есть и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчины?» *Я есть Микула Селяниновичъ.*

И вотъ выступаетъ на сцену новое земское начало: славяне сосредоточиваются *въ міръ-народъ*, вырабатываютъ для себя новыя формы жизни, формы опредѣленныя, законченныя, закругленныя по-

вымъ бытомъ, закрѣпленныя землею, осѣдлостью, городами,—вступаютъ въ жизнь политическую. Первое творческое выраженіе сложившагося русскаго народа есть уже Илья Муромецъ. Богатыри предъидущей эпохи отодвинулись на заднiй планъ въ сознаніи народа: они явились какъ противоположность *міру-народу* русскому, съ его міромъ-сходками, общиной, землей и земщиной. Но, какъ начало земское непосредственно вытекло изъ начала броженія, такъ и Илья вытекъ изъ силъ «богатырей старшихъ». Онъ является естественнымъ переходомъ отъ стараго къ новому. У него уже нѣтъ той гигантской, титаническій силы, которая тяготитъ и землю и его самого: онъ есть величайшая сила, но первая *человѣческая.* сила. «Когда калики-перехожіи—сила, принадлежащая, по былинамъ, къ стихійнымъ еще началамъ, но допущенная и признанная жизнью новой, когда они, говоримъ мы, дали испить пива карачаровскому сидню, чтобы сообщить ему силу, то онъ почувствовалъ, что можетъ своротить всю землю.» Тутъ ужъ онъ является равнымъ силѣ Святогора, силѣ, враждебной землѣ, непригодной для новыхъ началъ *человѣческой* жизни. Тогда каликиперехожіи дали испить ему еще и посредствомъ этого умѣрили титаническую силу Ильи, ввели ее въ предѣлы человѣческіе, въ предѣлы полезные и пригодные для жизни новой, для земщины. Таковымъ является Илья въ народномъ сознаніи со стороны внутреннечеловѣческой; со стороны же внѣшней, политической жизни, онъ есть первая *народная земско-дружинная сила.* Эта сила была также передана ему частію и отъ Святогора,—и вотъ почему мы признаемъ его органическимъ переходомъ отъ старыхъ стихійныхъ, бродячихъ началъ къ новой, устоявшейся и правильной жизни русской земщины.

Назвалъ Святогоръ Илью своимъ меньшимъ братомъ и обмѣнялся съ нимъ крестомъ. Выучилъ его богатырь «всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ» и поѣхали они вмѣстѣ «къ Сиверньмъ горамъ». На пути попадается имъ великій гробъ, на которомъ отыскали они надпись: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Илья былъ силою живою, пригодною для новой жизни и потому гробъ пришелся не по немъ: и великъ и широкъ оказался; легъ Святогоръ, и гробъ пришолся ему какъ разъ въ самую пору.

Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
Возьми-тко крышку, Илья,

Закрой меня.»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
— Не возьму я крышки, большiй братъ,
И не закрою тебя:
Шутишь ты шуточку не малую:
Самъ себя хоронить собрался. —

Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ, да какъ захотѣлъ поднять ее, глядь, никакъ и не можетъ. Бился, бился онъ, силился поднять—не поддается крышка. «Ай, меньшiй братъ! видно судьбина поискала меня, заговорилъ онъ оттуда къ Муромцу, не могу поднять крышки, попробуй-ка приподнять ее». Илья попробовалъ, но ничего не могъ сдѣлать. Говоритъ Святогоръ: «возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперегъ крышки», а Ильѣ не подъ силу и поднять этого меча. «Наклонись ко гробу, къ маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскiимъ». Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ, такъ и почуялъ Илья, что силы въ немъ противу прежняго прибавилося втрое; поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ пеперегъ крышки. Отъ того удара искры посыпались, а гдѣ ударилъ мечъ, тамъ выросла желѣзная полоса. «Душно мнѣ, меньшiй братъ; попробуй еще ударить мечомъ вдоль крышки.»—И тутъ выросла желѣзная полоса. «Задыхаюсь я, меньшiй братецъ; наклонись-ка къ щелочкѣ, я дохну еще на тебя и передамъ всю силушку великую.»—Будетъ съ меня силы, большiй братецъ: *не то земля на себѣ носить не станетъ.* — «Хорошо ты сдѣлалъ, меньшiй братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа, проговорился тутъ ему Святогоръ: *я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ и ты бы легъ подлѣ меня.* А теперь прощай, *владай моимъ мечомъ-кладенцомъ*, а добра-коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладѣетъ съ этимъ конемъ». Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ коня ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ чисто-поле раздольное.

«Кромѣ замли и земской дружины», говоритъ авторъ «замѣтки» къ сборнику пѣсенъ Рыбникова, «тѣхъ началъ, которыя на современномъ языкѣ мы могли бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ назвать консервативными и прогрессивными, охранительными и двигательными впередъ, кромѣ нихъ, въ сложившемся быту народа явилось вскорѣ начало еще *третье*,

допущенное и призванное со стороны, въ качествѣ *третьяго*, третейскаго посредника, судьи, разбирателя и рѣшителя, на случай борьбы между исконными и существенными двумя началами, на случай защиты ихъ со стороны внѣшней, для безпрепятственнаго развитія ихъ внутри.» Это-то именно третье, пришлое начало былъ *князь* съ *своею* дружиною, и его дружинники являлись уже исполнителями *его* воли. И эту княжескую дружину народъ никоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ земскою дружиною, хотя и называетъ ихъ вообще однимъ именемъ—*дружиною*, въ общемъ смыслѣ. Эта рать княжеская, хотя и помогаетъ иногда богатырямъ, но ужъ никакъ не входитъ въ составъ той земской дружины, которую земскіе богатыри подбирали себѣ сами. И замѣчательно еще вотъ что: въ княжеской дружинѣ (по былинамъ, хоть бы напримѣръ въ дружинѣ Олега) нѣтъ ни одного земскаго богатыря. Въ отличіе отъ земской рати, она получила названіе *княжеской*, и её-то, съ позднѣйшей точки зрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «замѣтки», можно именовать *государственной*, въ томъ смыслѣ, что въ ней таились сѣмена послѣдующаго государства.

Представителемъ этого третьяго начала является Олегъ Святославичъ, котораго былина именуетъ Вольга̀ Всеславьичъ.

Вотъ какъ народъ представляетъ себѣ появленіе этого начала: когда Вольга народился и пошелъ по сырой земли, такъ мать–сыра земля всколебалася,

Птицы улетѣли за сини моря,
А звѣри ушли во темны лѣса,
А рыбы ушли въ глубоки станы,

все попряталось, разбѣжалось, разлетѣлось, размѣталось. Таково было впечатлѣніе отъ появленія званыхъ гостей, когда, усѣвшись, начали они вертѣть земскими дѣлами.—Все въ землѣ повыловлено, въ угодьяхъ ея поимано, добычею добыто. Ѣдетъ Вольга «со своей дружинушкой хораброю къ городамъ за получкою», за данью, за своимъ оброкомъ.

Таковы были подвиги Вольги Всеславьича. И замѣчательно еще вотъ что: ни въ одной былинѣ, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ богатыри земскіе не занимаются подобными подвигами.

Илья Муромецъ, напримѣръ, если и затѣвалъ драку великую, такъ ужъ совершенно наоборотъ: не противъ земщины, а за земщину.

Въ сборникѣ Рыбникова есть одна былина о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ, былина, въ которой протестъ земщины за оскорбленіе ея, выразился до послѣдней степени полно и рельефно. Илья Муромецъ является здѣсь не то что представителемъ, но живымъ олицетвореніемъ земщины, — ея образомъ; и посмотрите, какъ высказался этотъ протестъ: Владиміръ сдѣлалъ пиръ на всѣхъ князей и бояръ, а забылъ позвать стараго козака Илью Муромца. Этимъ выразилось пренебреженіе къ земщинѣ—земщина оскорбилась въ лицѣ своего Муромца и постояла за себя по-своему:

Тутъ Ильюшенькѣ стало зарно:
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
«Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
Ступайте пить со мной заодно зелена вина,
Обирать-то маковки золоченыя!»

Воззваніе Ильи, конечно, не могло не встрѣтить сочувствія. Удалыя, забубенныя головы кабацкія, которымъ нечего терять въ жизни и которыя въ подобныхъ случаяхъ пригодны на что нибудь земщинѣ, съ восторгомъ отозвались на ея оскорбленный кликъ:

Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
—Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка! —
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ казну безсчетную
И начали пить зелена вина.

Владиміръ перепугался, видя, «что пришла бѣда не минучая»; дѣлаетъ онъ въ другой разъ пиръ «для того для стараго казака Ильи Муромца», но тутъ явилось у него сильное сомнѣніе: пойдетъ-ли еще Илья на его княжескій пиръ? и вотъ, сталъ онъ крѣпко

призадумываться, кого бы было поприличнѣе послать умилостивить земскаго богатыря, пригласить его въ княжескую гридню? Выборъ остановился на Добрынѣ Никитичѣ, потому что онъ былъ крестовый братъ Ильѣ Муромцу, и при совершеніи обряда побратимства положенъ былъ у нихъ зарокъ: «слушать большому брату меньшаго, а меньшему брату большаго». На основаніи этого зарока Илья не могъ уже отказать просьбѣ своего побратима, ибо иначе былъ бы нарушенъ обѣтъ и самаго братства. Илья говоритъ ему, когда тотъ приходитъ позывать его на пиръ стольнаго князя:

«Ахъ же братецъ крестовый названый,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ.
Кабы не ты, никого бы не пóслухалъ,
Не пошелъ бы на почѐстенъ пиръ, —
А нельзя законъ перéступить.

На пиру Ильѣ — первое мѣсто; «сажаютъ молодца въ большой уголъ». За нимъ ухаживаютъ, его ублажаютъ; несутъ ему полную чару зелена-вина, а другую чару меду-пьянаго; но Илья помнитъ свое достоинство, онъ не вызывается на какой либо подвигъ, чтобы заслужить княжую милость; нѣтъ, напротивъ того, онъ чувствуетъ *свою* силу, понимаетъ, что не ему теперь надо заискивать милости у князя, потому онъ гордо и смѣло, съ сознаніемъ собственной силы и достоинства, высказываетъ прямыя и правдивыя, но вовсе не лестныя для княжескаго уха рѣчи.

Вообще симпатіи нашего народа льнутъ болѣе къ своему, къ земскому началу;—да и какъ же быть-то иначе? въ землѣ у него *все:* народъ только и крѣпокъ землею, своей земщиной, своимъ міромъ, общиной, сходками, крестьянствомъ, хлѣбопашествомъ; въ землѣ вся его сила, вся его крѣпость. И посмотрите, какъ симпатично, какъ поэтически, съ какою душевною, теплою любовью народъ рисуетъ своего великаго представителя—Микулу Селяниновича: калѣки-перехожіи, передавая силу Ильѣ Муромцу, крѣпко-накрѣпко завѣщали ему не биться «съ родомъ микуловымъ», не биться потому, что «*его любитъ матушка сыра земля*», потому что вступивши съ нимъ въ борьбу, Илья долженъ бы былъ поднять руку на отца съ матерью, на кровь, которая течетъ въ его жилахъ, на свои собственные жизненные соки. Непосредственный представитель земли Микула Селя-

ниновичъ» оретъ да пашетъ да крестьянствуетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, коренья-каменья вывертываетъ. Микула нейдетъ на царство, какъ напримѣръ Перемыслъ—представитель чешской земли; онъ остается въ сторонѣ отъ этой жизни, въ томъ званіи и положеніи, при тѣхъ же самыхъ занятіяхъ пашнею и крестьянствомъ, при какихъ и прежде былъ. Имя и славу даютъ Микулѣ не подвиги ратные, не слава государственная, а дѣла пахаря, сельскій бытъ, хозяйство крестьянина, гостепріимство, сборъ вокругъ себя общины, міра:

«А я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу.
Домой выволочу, да дома вымочу;
Драни надеру, да и пива наварю.
Пива наварю, да и мужиковъ напою. —
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичь!»

Вотъ какъ представляетъ себѣ народъ своего представителя-пахаря; взгляните, сколько поэзіи въ этомъ грандіозномъ образѣ!

Выѣхалъ Олегъ въ чистое раздольное поле и *услышалъ* въ чистомъ полѣ ратая. Замѣтьте, онъ не видитъ еще этого ратая, но уже издалека слышитъ звукъ его работы: какъ онъ понукиваетъ свою лошадку, какъ скрипитъ его соха подъ тяжелой работой, какъ визжитъ и черкаетъ желѣзо, трясь о встрѣчные камни. И гулъ этой работы слышенъ куда-какъ далеко!

Поѣхалъ онъ (Олегъ) къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хораброю, —
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ долго еще другой день,
Другой день съ утра до вечера, —
А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ у́тра до па́бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ:
Кобылка-то у ратая соловая, (*)
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелко̀вые.
. . . .
«Божія ти помочь, ора́таюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Каренья, каменья вывертывати!»

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще, и вмѣстѣ съ тѣмъ выше, поэтичнѣе, художественнѣе грандіознаго въ своей незатѣйливой простотѣ образа пахаря! Уже изъ этихъ немногихъ стиховъ видно, съ какою глубокою любовью и симпатіею отнесся народъ къ представителю своего же брата-пахаря. Но мало того: у народа есть еще вѣра въ этого пахаря—та же вѣра въ себя,—вѣра въ его могучую силу, и въ силу земли, и земщины.

Та же самая былина въ яркомъ образѣ показываетъ эту вѣру выразившуюся при столкновеніи Микулы съ Вольгою. Оратай говоритъ Вольгѣ, что онъ на бороздѣ оставилъ свою сошку, и по этому случаю проситъ, нельзя ли послать кого нибудь выдернуть соху изъ земли, изъ омѣшиковъ повытряхнуть землю и бросить соху за ракитовый кустъ. Вольга посылаетъ пять своихъ могучихъ молодцовъ исполнить просьбу Микулы.

Эта дружинушка хорабрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,

(*) По разсказу другаго пѣвца кобылу оратая звали «Обнеси голова.»
Прим. Изд.

Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Вольга посылаетъ послѣ этого цѣлый десятокъ своихъ могучихъ молодцовъ; но и тѣ сколько ни вертѣли соху вокругъ за обжи, а все-таки

Сошку отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Посылаетъ Вольга наконецъ всю свою дружинушку храбрую — и вся его дружинушка храбрая ничего не можетъ сдѣлать съ крестьянской сохой, даже съ мѣста сдвинуть соху у всей дружины княжеской не хватаетъ силы. Но вотъ —

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой, —
Сошку съ земельки повыдернулъ
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Послѣ этого сѣли они на коней и поѣхали вмѣстѣ. Тутъ возстаетъ передъ вами тотъ же образъ, который знакомъ уже намъ изъ встрѣчи Микулы съ Святогоромъ:

Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.

Вы видите, что въ народномъ сознаніи земля вездѣ и во всемъ всегда является крѣпче. «Потому земля крѣпче, говоритъ авторъ «замѣтки», что въ ней больше силъ для развитія, для движенія; потому хватаютъ дальше ея движенія или подвиги, что она стойче на основныхъ началахъ. Всякая дружина, отъ нея отдѣлившаяся, тѣмъ

болѣе пришлая и допущенная, слабѣе земли, ибо одностороннѣе. Дѣти знаменитой (Микуловой) кобылки «Обнеси голова» перешли къ богатырямъ, земскимъ дружинникамъ, Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу, Дюку и Чурилѣ». Для насъ теперь особенно важно то, что въ народѣ и понынѣ живетъ и крѣпнетъ вѣра въ землю, и силу своихъ земскихъ началъ и положеній; съ этою же вѣрою, народу предстоитъ еще многое впереди, его ждетъ широкое и великое будущее; ибо этой вѣры не убили въ немъ никакія историческія причины, и если не умерли въ немъ его убѣжденія, если они и до сихъ поръ еще хранятся въ живой былинѣ и пѣснѣ, которая для насъ,—повторяемъ еще разъ — служитъ выраженіемъ его не только прошедшихъ, но и настоящихъ, жизненныхъ, насущныхъ потребностей, убѣжденій и симпатій; если все это живетъ въ немъ еще и по сію пору, то всему этому смѣло можно предрѣчь вѣчную, неумирающую жизнь, при переходѣ народа въ новый для него экономическій бытъ.

II.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о богатыряхъ, какъ о представителяхъ извѣстныхъ началъ, какъ объ олицетвореніи и воплощеніи извѣстныхъ идей, искони существующихъ въ народѣ, выработанныхъ его сознаніемъ и одухотворенныхъ силою его творчества. Теперь мы перейдемъ къ болѣе частной характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, взглянемъ на ихъ субъективный характеръ и побужденія, всмотримся въ черты ихъ физіономіи, ибо и въ этомъ взглядѣ также выяснятся нѣкоторые оттѣнки въ характеристикѣ отношеній двухъ извѣстныхъ началъ русской жизни — земскаго и призваннаго въ смыслѣ третейскаго посредника между крестьянскою земщиной и земской дружиною.

Мы больше не будемъ здѣсь говорить о Суханѣ и Святогорѣ — представителяхъ доисторическаго элемента славянской жизни, элемента титаническихъ силъ и броженія, потому что въ предъидущей главѣ они очерчены нами настолько, насколько рисуетъ ихъ (и въ особенности Святогора) самая былина. Мы скажемъ еще нѣсколько объ Ильѣ Муромцѣ, Вольгѣ Всеславьичѣ, Чурилѣ, о новогород-

скомъ богатырѣ Василѣ Буслаевѣ и наконецъ о Паленицахъ—чрезвычайно оригинальномъ и характерномъ видѣ богатырства.

Земскій ратникъ Илья вышелъ самъ изъ крестьянскаго сословія. «Въ селѣ было Карачаровѣ, говоритъ старая побывальщина, сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ». Сидѣлъ онъ сиднемъ, не вставая съ мѣста цѣлыя тридцать лѣтъ, и не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Онъ оставался въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока не приспѣла пора дѣйствовать. Тутъ калики-перехожіи сообщаютъ ему силу и благословляютъ его на великое дѣло ратное:

Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смертъ тебѣ на бою не писана.»

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ какъ будто выражается сознаніе земскаго люда въ необходимости для себя постояннаго, вѣчнаго защитника, который бы всегда былъ готовъ постоять за него, не подвергаясь опасности сложить гдѣ нибудь въ бою непригодно и безвременно свою голову. Но кромѣ этого завѣта, были положены ему отъ каликъ еще и другіе:

«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею паленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ.»

Здѣсь ужъ дается ему завѣтъ мѣряться силою и драться только съ сверстниками, но не подымать руку на богатырей старшихъ, потому что вступить съ ними въ драку было бы не подъ силу, да и святотатственно, какъ съ предками, предшественниками, которые, во-первыхъ, передаютъ часть своего жизненнаго наслѣдія—силы преемнику, а во-вторыхъ и сами, чувствуя свою отсталость, непригодность для новой жизни, просятъ оставить ихъ только въ покоѣ; они ужъ безсильны передъ *землею*.—Святогоръ на своемъ богатырскомъ прыткомъ конѣ не можетъ догнать пѣшаго Микулы Селяниновича; при всей своей титанической, но ужъ отжившей, мертвѣющей силѣ, не можетъ поднять его маленькой переметной сумочки, наполненной землею.

«*Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:*
Его любитъ матушка сыра-земля
Не ходи еще на *Вольгу Всеславьича*:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью.»

Послѣдній завѣтъ чрезвычайно знаменателенъ: онъ ясно показываетъ намъ, сколько въ душѣ и въ сознаніи народа есть своего рода провидящей чуткости, которая указываетъ ему внутренній смыслъ вещей въ самой затаенной его сущности. Онъ понимаетъ, что то начало, представителемъ котораго является Вольга Всеславьевичъ, бывъ однажды допущено земщиной, держится въ ней не внутреннею и необходимо-насущною связью съ нею, а только своею хитростью, и благодаря этой хитрости, подчасъ можетъ и вредить собою земщинѣ:

Какъ начали они мужиковъ чествовать,
Чествовать мужиковъ, жаловать,
Оплетьми ихъ нахлыстывать.

Съ этими тремя завѣтами Илья выступаетъ въ жизнь на защиту дѣла земскаго. Былина рисуетъ намъ его крѣпкимъ, бодрымъ, маститымъ старикомъ, называя его не иначе, какъ «*старый* казакъ Илья Муромецъ». Илья личность гуманная, высоко-человѣчная, онъ не любитъ даромъ проливать ни чьей крови, даже «поганой татарской», старается избѣгать этого и прибѣгаетъ къ пролитію ея только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Онъ, напримѣръ, на драку съ Паленицею не хочетъ выходить самъ, а проситъ Алешу Поповича и потомъ Добрыню Никитича, и только тогда, когда эти два богатыря, видя свою малосильность, отказались отъ борьбы съ нею, онъ садится на своего коня и ѣдетъ къ ней; но не высматриваетъ ее, какъ тѣ двое изъ за широкаго дуба, а оглядываетъ прямо съ Сорочинской горы, подъѣзжаетъ къ ней прямо «со бѣла лица», становится лицомъ къ лицу, грудью къ груди и дѣлаетъ съ нею уговоръ, какъ имъ между собою драться. Когда же побѣдивъ Паленицу и сваливъ ее на землю, наступилъ онъ ей «на бѣлы груди», и поднялъ свой ножъ, надъ нею, у него дрогнула рука,—прирожденное ему чувство человѣколюбія не позволяло богарырю убить свою противницу:

Правая рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталъ у Паленицы выспрашивати:
«Скажи-ка мнѣ, Паленица, провѣдай-ка,
Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
Какъ Паленицу именемъ зовутъ,
Звеличаютъ удалую по отчеству?»

И такъ повторялъ онъ до трехъ разъ; на третьемъ разѣ, узнавъ отъ Паленицы, что она родная дочь ему, онъ

Скорешенько соскочилъ со бѣлыхъ грудей,
Беретъ ее за ручки за бѣлыя,
И за ея за перстни за злаченыя,
Становилъ-то ю да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ онъ ю во уста да во сахарнія
И говорилъ онъ съ нею таковы слова:
«Жилъ я въ хораброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
Спалъ я на кроватки на тесовыя,
На той на перинкѣ на пуховоей,
У нея у самой на правой ручкѣ!» —
И называлъ ю дочерью себѣ любимою.

Точно такъ и на пути въ Кіевъ, сбираясь въ дорогу, Илья даетъ себѣ «заповѣдь великую»: «ѣхать-то мнѣ, добру-молодцу, во пути мнѣка во дорожинькѣ, *рукъ чтобы мнѣ не кровавити*». Но не удалось ему выполнить своего зарока; не удалось потому, что пришлось постоять ему за земщину. Пріѣхалъ онъ въ городъ Бекетовецъ. Бекетовскихъ мужиковъ одолѣли Татары и Литва:

Хотятъ они во слезахъ во великіихъ,
Приходитъ на нихъ кровопролитье великое,
Хочутъ ихъ бить поганые татарове.
Тутъ пріѣхалъ Илья и раздумался:
«*Всякій-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,*»
А не всякій заповѣдь исполняетъ.»

И освободилъ онъ ихъ отъ силы вражьей. Когда же за этотъ подвигъ Бекетовцы стали предлагать ему, остаться у нихъ воеводою,

Илья отказывается наотрѣзъ. Въ немъ нѣтъ этого мелкаго честолюбія; какъ герою земщины, стоятелю и оберегателю ея и ея правъ, ея общины и міра, Ильѣ это было бы не прилично. Онъ не хочетъ быть воеводою: это не въ смыслѣ всѣхъ его дѣяній и его назначенія, не въ смыслѣ наконецъ его земщины—и онъ отказывается отъ воеводства. Это еще одна новая черта, весьма характеризующая земскаго оберегателя. Онъ также и не корыстолюбивъ, онъ не вымогаетъ себѣ ни у кого за свои подвиги никакой награды никогда самъ не заводитъ объ этомъ и рѣчи, а если ему даютъ ее за подвигъ, онъ не отказывается и принимаетъ награду, какъ свое заслуженое. «Это, братцы, мое зарабочее», говоритъ онъ. Такія-то дѣйствія невольно уже даютъ ему полное право независимости и спокойнаго самосознанія, сознанія своей силы и достоинства. Онъ не изгибается ни передъ кѣмъ, всѣмъ смотритъ прямо въ глаза и говоритъ всегда не стѣсняясь въ выраженіяхъ! Когда онъ разсказывалъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ-разбойникомъ и Владиміръ поусомнился-было въ его отвагѣ выразивъ нѣсколько оскорбительную для самолюбія Ильи мысль, будто богатырь побывалъ въ большомъ царевомъ кабакѣ и съ-пьяну городитъ ему небылицы, такъ Илья, не стѣсняясь ни мало, отвѣчалъ ему: «Ахъ же дурень ты, князь стольно-кіевскій! У меня Соловей-разбойникъ у стремены у черкасскія»! И какъ тутъ они пометались, пометалися они покидалися! прибавляетъ былина, которая не прочь иногда выставитъ прославляемое ею свѣтъ красно-солнышко стольно-кіевское, нѣсколько и въ комическомъ свѣтѣ, какъ напримѣръ въ то время, когда засвисталъ Соловей-разбойникъ: всѣ князья-бояры отъ того свисту замертво легли.

А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Заходилъ раскарякою;
Ходитъ князь, ему (Ильѣ) молится:
«Уйми соловья разбойника,
Чтобы не свисталъ по-соловьиному!
Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!»

То же самое чувство гуманности побуждаетъ Илью сразить и Соловья-разбойника, который засѣлъ на семи дубахъ и переморилъ множество народа своимъ соловьинымъ посвистомъ. Илья, забравши его въ полонъ, убѣждаетъ его оставить свое ремесло, и идти хоть бы ужъ въ монахи, чтобъ не пугать и не морить божьяго люда; но вышло, что Соловей пошелъ «не строителемъ въ честные монастыри,

а разрушителемъ»; тогда ужъ Илья увидалъ, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь, что убѣдить его жить мирно и тихо нельзя, и «срубилъ онъ Соловью буйну голову».

Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
«Полно-тко тебѣ слезить отцовъ-матерей
Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»

И здѣсь, какъ и всегда, какъ и вездѣ, какъ и во всемъ Илья Муромецъ является защитникомъ земли, земскаго начала, стоятелемъ и охранителемъ его—нигдѣ не отрывается онъ отъ своей почвы и повсюду остается вѣренъ коренному характеру ея, до малѣйшихъ проявленій своей доброй и великой дѣятельности.

Образъ Вольги Святославьича съ перваго же взгляду отличается отъ почтеннаго, симпатичнаго образа богатырей земскихъ. У этого на первомъ планѣ стоитъ хитрость; онъ, прежде чѣмъ выступаетъ на поприще политической дѣятельности, «задается на семь лѣтъ» обучаться «всякимъ хитростямъ-мудростямъ» и въ этомъ занятіи проводитъ не семь, а двѣнадцать лѣтъ; научается между прочимъ «обертываться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ-золотые рога». Мы знаемъ уже, чѣмъ сопровождалось появленіе его на землѣ:—«мать-сыра-земля сколыбалася, и звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися, птицы по подоблачью разлеталися, рыбы по синю морю разметалися». И вотъ выступилъ онъ на поприще политической жизни, на свое княженіе; чѣмъ же прежде всего занялся Вольга Всеславьевичъ?—Охотою, ловомъ куницъ и лисицъ, дикихъ звѣрей и черныхъ соболей; потомъ ловлею птицъ и рыбъ, и занимался этимъ вмѣстѣ съ своей дружиной» каждый разъ «по три дня и по три ночи». Недаромъ разбѣжалися звѣри, чуя надъ собою невзгоду, которой не видали они ни отъ богатырей старшихъ, ни отъ богатырей земскихъ, занятыхъ болѣе серьезнымъ и болѣе полезнымъ дѣломъ. Слѣдующіе затѣмъ подвиги Вольги также намъ извѣстны,—это было вымучиванье у мужиковъ оброка, «даней-податей» и нахлыстыванье ихъ «плетьми», въ совершенный контрастъ богатырямъ земскимъ, ихъ оберегателямъ. Наконецъ въ Вольгѣ нѣтъ той прямоты, той, такъ сказать, честности и богатырскаго благородства дѣйствіи, которыя отличаютъ Илью Муромца и его сторонниковъ. Вольга, на-

примѣръ, задумываетъ походъ на Турецъ-Салтана; но онъ нейдетъ на него прямо, открытою силою, не мѣряется съ противникомъ своимъ мужествомъ и храбростью, а напротивъ того *хитростью подслушиваетъ* тайныя рѣчи Султана; вывѣдываетъ подъ окномъ расположеніе его мыслей; изъ разговора его со своею женою, узнаетъ, что Султанъ и не думаетъ о войнѣ съ нимъ, и не хочетъ никакой войны; и тогда-то хитростью «повернулся Вольга малымъ горностаюшкомъ»,

Зашелъ (къ Султану) въ горницу во ружейную.
И повернется онъ добрымъ молодцомъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ;
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ
Добрыхъ коней перебралъ.
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.

Отнявъ такимъ образомъ у противника всѣ средства къ защитѣ, и отнявъ ихъ, замѣтьте, тайно, воровски, что уже само по себѣ составляетъ подлость, Вольга идетъ на Султана съ своею «дружиной храброю», разбиваетъ беззащитнаго противника и грабитъ все его добро; мало того, заводитъ торгъ людьми, женщинами, которыхъ презрительно цѣнитъ гораздо дешевле награбленнаго оружія — «Что было надѣлу дорого и что было надѣлу дешево»? спрашиваетъ былина и сама же отвѣчаетъ на это:

Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево — женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

И всѣ эти подвиги не имѣли другой цѣли, какъ только одно низкое своекорыстіе, страсть къ обижательству, къ грабежу. Тако-

вы-то были пришлые представители третейскаго начала на русской землѣ. Какова же разница, какой контрастъ, какъ вспомнишь земскаго богатыря Илью Муромца!

Возвращаемся опять къ земщинѣ временъ Владиміра.

Передъ нами новый и оригинальный образъ богатыря Чурилы Опленковича—въ своемъ родѣ русскаго Донъ-Жуана. Не безъинтересно будетъ познакомиться нѣсколько съ этою новою личностью.

Чурило Опленковичъ живетъ на Сорогѣ-рѣкѣ, независимо отъ князя кіевскаго; живетъ онъ въ великолѣпномъ теремѣ, и богатству этого терема удивляется даже Владиміръ, уваженіемъ котораго вполнѣ пользовался Чурило. Князь, наслушавшись о немъ, ѣдетъ къ нему въ гости съ княгиней Опраксіей и своими подручниками; встрѣчаетъ его отецъ Чурилы, старый Пленчище Сторожанинъ:

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ частоберчатыя,
Во третьи ведетъ стекольчатыя
И въ теремы ведетъ златоверхіе.
И такому то князь диву дивуется:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Чурило Опленковичъ народный красавецъ. Онъ красивѣе всѣхъ богатырей:

Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
Валосинки — золота дуга — серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя;
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцевъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

Удальство и ловкость такъ и мечутся въ глаза при каждомъ его движеніи; въ наружности его много соблазну для женщинъ, — вотъ

почему и пожалованъ онъ былъ въ княгинины постельничьи, по ея же собственной просьбѣ:

Живетъ-то Чурила въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ во гусёлышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того.
. . . .
А княгиня Чурилу у души держала.

Только это спотѣшеніе княгини не совсѣмъ понравилось князю, такъ что онъ пережаловалъ Чурилу изъ постельничихъ въ позовщика на княжіе пиры, а княгинѣ Опраксіи сдѣлалъ выговоръ такого рода, что благо-де по душѣ ты мнѣ, больно ужъ «пришлася въ любовь, а то бы тебѣ и голову долой». Всѣ женщины заглядываются на Чурилу Опленковича, на бѣду своихъ собственныхъ мужей:—«на него дѣвки глядятъ—золоты пелы ломятъ, бабы глядятъ—прялицы ломятъ, старыя старухи костыли грызутъ, а молоды молодицы мошны дерутъ,»—и все это «на млада Чурилу Опленковича глядючись.» Былина описываетъ и самые его эротическіе подвиги: идетъ Чурила къ старому Бермяту Васильевичу, звать его на княжескій пиръ. Бермята проситъ позывщика сходить въ свои палаты бѣлокаменныя и позвать также жену его Катерину. Катерина, какъ завидѣла Чурилу, такъ и стала его зазывать къ себѣ:

«Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
У меня ставленые столики—необраные,
А ставленыя питьица—не выпитыя,
А сряженыя ѣства—не съѣденыя:
Все ждала Чурилушку Пленковича.»

Но тутъ на-бѣду Катеринѣ подвернулась ея дворовая дѣвушка, которая стала стращать ее, что скажетъ мужу, и предостерегать Чурилу. «Не говори-тко ты, дѣвка; я тебѣ, дѣвка, башмаки куплю; я тебѣ, дѣвка, сарафанъ сошью,» ублажала ее мужняя жена; та не слушалась и кончилось, разумѣется, побоями.

Брала она Чурилушку Пленковича,
Вела въ терема златоверхіе,
Сама говорила таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
У-тя есть ли охота, горитъ ли душа
Со мной, съ Катериной, позабавитися?

Нечего и говорить о томъ, какъ было принято предложеніе мужней жены,—«кто отъ побѣды откупается, а Чурило на бѣду накупается», замѣчаетъ по этому поводу старая бывальщина. Герой, которому это было дѣло привычное, распорядился, какъ бы у себя дома, не стѣсняясь нисколько:

Только вдругъ случилась бѣда, и бѣда нежданная, негаданная: пришелъ домой мужъ, старый Бермята Васильевичъ. —

Какъ по тому крылечку бермятину
Бѣжитъ Бермята сынъ Васильевичъ
И бьетъ въ блесту позолоченую:
«Ай же ты, Катерина Микулична,
Отвори-тко воротцы рѣшотчаты!»
Какъ побѣжала Катерина Микулична
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса:
У ней тонка рубашечка къ тѣлу льнетъ,
А у Катерины вода черезъ чоботы идетъ.
Возговоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

Но это-то всего и интереснѣе, что именно онъ возговорилъ; онъ возговорилъ:

«Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
А экъ ли зовутъ на почестенъ пиръ? —

И больше ничего, ни одного слова. Но въ этихъ словахъ вамъ уже вполнѣ рисуется цѣлая личность Бермяты, стараго мужа здоровой и молодой женщины и рисуется такъ мѣтко, какъ только и можетъ рисовать одно народное творчество. Впрочемъ надо замѣтить, что другая былина представляетъ варіантъ, въ которомъ этотъ характеръ оттѣняется иначе, чѣмъ здѣсь; но тѣмъ не менѣе, въ своемъ родѣ, тоже очень характерно.

Чурило, между прочимъ, большой задирало; пройдтись насмѣшкою

на счетъ чьего-нибудь самолюбія, это его дѣло; не чуждъ онъ также и зависти. Эти два свойства пріобрѣтаютъ ему врага—заѣзжаго богатыря Дюка Степановича, который, въ свою очередь, чтобъ уколоть самолюбіе противника, вызываетъ его на разныя состязанія, въ которыхъ всегда остается побѣдителемъ; послѣ чего обыкновенно замѣчается ему:

«Ай же, Чурилушка Пленковичъ!
Не твое-то дѣло есть охвастати,
Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,
А твое дѣло только ходить по Кіеву,
По Кіеву ходить тебѣ за бабами.

Наконецъ, когда Дюкъ Степановичъ порѣшилъ—было снести Чурилѣ голову, къ нему взмолилися «бабы кіевскія»: «оставь-де Чурилу хоть на сѣмяна; такого-де стольника уже не будетъ! «Взмолилися вмѣстѣ съ бабами и Владиміръ князь: «не руби-дескать, Чурилѣ буйной головы, а оставь намъ Чурилу хоть для памяти». Дюкъ Степановичъ отпускаетъ его, но опять-таки не можетъ не прибавить въ уколъ Чурилину самолюбію:

«Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
Пусть ты кіевскими бабами уплаканный!
Не ѣзди съ нами со бурлаками,
А сиди во градѣ во Кіевѣ,
Ты во Кіевѣ во градѣ между бабами.»

Переходимъ къ былевымъ героямъ другой, сѣверной стороны, къ героямъ вольнаго Новгорода. Передъ нами удалой образъ Василія Буслаева — удальца ради удали, борца ради борьбы—и только одной борьбы, безъ всякаго болѣе законнаго основанія. Бывальщина разсказываетъ, что жилъ отецъ Василія, Буслаевъ, «жилъ—не старился, да живучись преставился» и оставилъ послѣ себя «чадо милое». Это милое чадо стало по улицамъ похаживать и пошучивать вовсе не легкія шутки: « за руку-ль кого возьметъ—рука прочь, за ногу возьметъ—нога прочь, а кого ударитъ по горбу, тотъ пойдетъ самъ сутулится» Шутя эти шутки, Василій прибралъ еще себѣ сотоварищей—и для чего бы вы думали?—для того, чтобъ никто его не обидѣлъ

въ Новгородѣ. Въ видахъ предохраненія себя отъ обидъ, онъ однажды схватилъ желѣзную ось изъ—подъ телѣги, и давай ею подчивать мужиковъ новгородскихъ:—погромъ былъ великій, пощады не было никому: ни старому, ни малому, ни даже его крестному отцу, который вышелъ навстрѣчу къ Буслаеву увѣщать его: «Ай же ты мое чадо крестное, укроти свое сердце богатырское, оставь мужиковъ хоть на сѣмена!» и которому крестникъ отвѣчалъ желѣзною осью сорокопудовою, да еще съ приговорою:

«Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти яичка о Христовомъ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни!»

Убѣдила же Буслаева прекратить свою потѣху только мать его родная, да и то чѣмъ? хитростью: зашедши къ нему сзади и упавъ къ нему на плечи.—«Укроти свое сердце богатырское», говорила ему старуха, «не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!»

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь сыру землю,
И говоритъ Василій Буслаевичъ
Своей государынѣ матушкѣ:
«Ай ты свѣтъ, государыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго!»
И тогда Васильюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тыхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

Въ Буслаевѣ мы видимъ совершенно русскаго человѣка. Это чуть ли не первообразъ нашихъ такъ называемыхъ «широкихъ натуръ»—типъ

искони существовавшій, существующій, и непереводимый на Руси. Ему какъ будто воздуху мало дышать свободно, какъ будто тѣсно ему, нигдѣ-то онъ себѣ не можетъ найти ни мѣста, ни покою: все хочется разгулу, раздолья, простору. Отличительная черта его ухарство, удальство, размашистость.

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ —

И именно избытокъ-то силъ никуда ненаправленныхъ. Ему не на что обратить эти силы, нѣтъ передъ нимъ никакой полезной и почтенной дѣятельности, ни что не налагаетъ на него никакой нравственной или соціальной обязанности; да онъ и не пригоденъ для нихъ, потому что для такого рода дѣятельности нужна закваска, предварительная подготовка, а у Буслаева ихъ-то и недостаетъ—и остаются всѣ его дѣйствія безцѣльны, безцѣльны до такой степени, что онъ и самъ бы, пожалуй, не далъ себѣ въ нихъ отчету. И замѣчательно, какъ глубоко понялъ народъ и проникъ до глубины души своимъ аналитическимъ чутьемъ эту «широкую натуру»! Онъ даже и умереть-то не далъ Василію сознательно, а заставилъ его нечаянно, безъ-оглядки разбить свою буйную голову,—и какъ разбить! перескакивая задомъ, ни къ селу ни къ городу, черезъ большой камень. Вся жизнь его прошла бездѣльно, ни надъ чѣмъ никогда не призадумался онъ,—такъ и смерть нашла его нежданно и негадано. Народъ глубоко вѣрно понялъ задачу этого типа и въ превосходномъ, художественномъ образѣ запечатлѣлъ его у себя навѣки своимъ творчествомъ.

Есть въ нашихъ былинахъ еще одинъ видъ богатырства, и видъ довольно-также оригинальный, это, такъ называемыя, *паленицы*. Подъ этимъ именемъ являются удалыя наѣздницы, сильныя, могучія и ловкія женщины, которыя мѣряются силами своими съ любымъ изъ извѣстныхъ богатырей, да и то еще не всякій можетъ съ ними управиться. Паленица, повидимому, не есть коренное русское начало; въ ней замѣтенъ болѣе бродячій, кочевой характеръ; наконецъ, эта самая воинственность, богатырство мало свойственны коренной русской женщинѣ, какою мы знаемъ ее изъ пѣсни, сказки и бывальщины, хотя бывальщина и упоминаюстъ глухо о паленицахъ чисто русскаго начала, присутствовавшихъ на пирахъ стольнаго князя, хотя она и называетъ паленицами дочерей Микулы Василису и Настасью, хотя наконецъ эти двѣ послѣднія и носятъ на себѣ нѣсколько характеръ паленицы, но изъ настоящихъ, положительныхъ образовъ предлагаемыхъ

намъ бывальщиной, видно, что онѣ проистекали изъ начала скорѣе враждебнаго Руси, и совершенно чуждаго ему по племени. Можно съ большею достовѣрностью предположить въ нихъ начало азіятское, кочевое, татарское, ибо, какъ литовскія и татарскія силы находятся въ постоянной борьбѣ съ земскими богатырями, такъ точно и паленицы. Въ иныхъ изъ нихъ сказывается происхожденіе литовское (по былинамъ); одна изъ нихъ оказалась изъ Литвы, та, съ которою сразился Муромецъ. Но этого факта еще нельзя принять безапеляціонно, потому что жители Олонецкой губерніи, гдѣ записаны эти былины, помня по преданію литовскія нашествія, относятъ много эпическихъ событій къ Литвѣ и литовскому началу, смѣшивая впрочемъ его постоянно съ ордою и началомъ татарскимъ; такъ напримѣръ въ стихахъ былинъ говорится не однажды о тѣхъ же самыхъ паленицахъ: «ты съ какой *орды*, ты съ какой *литвы*» или, напримѣръ, еще: «наѣхала проклята погана литва, одолѣли тутъ Татарове», и т. п. Дочери Соловья-Разбойника также являются паленицами, какъ и дочери Микулы; но эти послѣднія принадлежатъ земщинѣ, представляютъ изъ себя начало дружественное ей, а тѣ, напротивъ, враждебное. Вотъ какъ рисуетъ былина этихъ своего рода амазонокъ:

Проѣхала поленчища удалая,
Конь подъ нею, какъ сильна гора,
Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
И надѣта на головушку у ней шапочка пушистая,
Пушистая шапочка и завѣсистая:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И съ заду не видно шеи бѣлыя.
Она ѣхала, собака, насмѣялася,
Не сказала божьей помочи богатырямъ,
Поѣхала въ раздольице въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличетъ выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
«Ежели Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Не даетъ онъ мнѣ поединщика,
Супротивъ меня да супротивника,
Самого-то я Владиміра подъ мечъ склоню,
Подъ мечъ склоню да голову срублю,

Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
Божьи церкви всѣ на дымъ спущу!» —
Стоятъ богатыри, пораздумались.

Какъ видно изъ былевыхъ образовъ паленицъ, народъ не представлялъ ихъ себѣ безобразными; наружность ихъ оставалась совершенно въ предѣлахъ человѣческихъ и даже не лишена свой красоты— лицо у паленицы румянное, шея и груди бѣлыя; одно только, что ставитъ ихъ за предѣлъ женственности, это непомѣрная сила, кототорой ужасались порою даже и богатыри. Во всякомъ случаѣ, образъ паленицы есть высоко поэтическій и смѣлый образъ, поражающій своею широтою и грандіозностью. Посмотрите, какова эта паленица въ чистомъ полѣ, на молодецкой потѣхѣ:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
Ѣздитъ паленица въ полѣ, тѣшится,
Шутитъ она шуточку не малую, —
Кидаетъ она палицу булатную
Подъ эвтую подъ облаку ходячую,
Подъѣзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
Подхватитъ эту палицу одной рукой,
То какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ;
И не велика эта палица булатная,
Вѣсомъ-то она до девяноста пудъ. —
У стараго казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское пріужахнулось.

Образъ наѣзжей паленицы — суровый образъ: въ душѣ ея нѣтъ тѣхъ нѣжныхъ человѣчныхъ струнъ, которыя повсюду проявляютъ себя въ Ильѣ Муромцѣ: паленица не призадумалась напасть на него, сонпаго, съ цѣлію убить его, хотя и знала уже, что Илья отецъ ея. Когда Илья, сваливъ ее на землю, поднялъ надъ нею ножъ и сталъ спрашивать, кто она такая, паленица съ презрительной насмѣшкой отвѣчаетъ ему бранью: «Ай 'же ты, старая базыга (хрычъ) новодревняя! тебѣ легко надо мною насмѣхатися, какъ стоишь ты надъ моею трудью бѣлою, въ рукахъ держишь кинжалище булатное! Еслибы я была на твоей груди, пластала бы я твои груди бѣлыя, доставала бы твое сердце съ печенью, и не спросила бы ни батюшки ни матушки, ни твоего роду и ни племени.»

Нѣсколько ниже мы приведемъ контрастъ между этою наѣзжею паленицей и двумя паленицами земскими — Василисой и Настасьей Микулишнами. Вообще интересно бросить нѣкоторый взглядъ на то, чѣмъ являлись по былинамъ русскія женщины, какія роли играли онѣ въ домашнемъ быту своемъ, около мужей и среди общественной жизни и къ которымъ изъ нихъ наконецъ отнесъ народъ свою симпатію.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами супруга стольнаго князя Владиміра, княгиня Опраксія. Княгиня Опраксія, по старымъ бывальщинамъ, является намъ женщиной, смотрѣвшей далеко не строго на свои супружескія обязанности въ отношеніи стольнаго князя. Мы знаемъ уже, что она выпросила для себя у мужа Чурилу Пленковича въ свои постельничьи «и держала у себя въ любви.» Есть еще одна былина, поставляющая ее отчасти и въ положеніе жены Потифара; даже самое событіе этой былины напоминаетъ библейское приключеніе братій Іосифа съ найденною въ мѣшкѣ Веніамина золотой чашею. Дѣло въ томъ, что въ Кіевъ пришли калики-перехожіе подъ предводительствомъ Михайлы Потыка сына Ивановича. Въ то время, когда они были у стольнаго князя, стольная княгиня «попросту въ окошечко заглядывала», какъ говоритъ—былина, и изъ этого окошечка высматривала, кого для себя получше бы—«насмотрѣла душечку Михайла. Михайло ей, Опраксіи, въ любовь пришелъ». Вслѣдствіе такого обстоятельства, она зазываетъ къ себѣ въ теремъ каликъ на угощеніе:—«я–де васъ, каликъ, накормлю досыта и напою васъ до–пьяна». Дѣйствительно, перепоила она всѣхъ ихъ до–пьяна, а «душечку Михайла Потыка сына Иваныча проводила она въ покои особые, говорила ему рѣчи умильныя, въ любовь ему, Михайлѣ, давалася»; но Михайло остался непреклоненъ: «положенъ у насъ великій зарокъ, говорилъ онъ ей, кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ, тому теменемъ языкъ вынимать, очушки ясныя выкалывать,—не могу я на грѣхъ посягнутися». Эти рѣчи Опраксіи «не слюбилися» и тогда она приказала своему чашнику положить въ подсумокъ Махайлы чашу князя Владиміра, изъ которой тотъ постоянно «испивалъ зелено вино». Послѣдствія для Михайлы оказались, разумѣется, самыя плачевныя.

Марья Дмитріевна тоже не отличается женственной любовью и привязанностью къ жениху своему богатырю Ивану Годиновичу. Ей бы хотѣлося выйти за царя Кощея Трипѣтова, для того чтобы быть царицей; однако, несмотря на это желаніе, она не отказываетъ Ивану.

Бѣжалъ тутъ Иванушка въ высокъ теремъ,
Взималъ-то Марію Дмитріевичну
За ея рученьки за бѣлыя,
За ея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ-миловалъ, къ сердцу прижималъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Поѣдемъ-ка со мной, Марія Дмитріевична!»

Марья Дмитріевична согласилась и поѣхала. Въ догонку за Иваномъ направился Кощей и засталъ онъ Ивана въ шатрѣ середь чистаго поля «съ Марьею Дмитріевичной забавляючись». Сталъ Кощей съ Иваномъ биться. Марья въ это время поразмыслила, что чѣмъ ей быть за Иваномъ и быть простою женой, помощницей, и «портомойницей», такъ лучше быть царицею. Сообразивъ это, она напала на Ивана Годиновича вмѣстѣ съ Кощеемъ. Взяли они вдвоемъ Ивана и привязали къ сырому дубу, а сами отправились въ бѣлый шатеръ, на глазахъ Ивана «забавлятися». Когда же Кощей нечаянно убилъ себя своею же собственной стрѣлою, такъ Марья Димитріевична опять поразмыслала, что она «отъ одного бережка оттолкнулася, къ другому не приткнулася», а что Иванъ Годиновичъ хотя и нашлетъ на нее грозу, онакоже вѣдь не убьетъ и проститъ ее: «перву грозу мнѣ дастъ, я годъ проживу,—думала она,—другую дастъ, еще годъ проживу, а третью дастъ, я и вѣкъ проживу».

Отвязала Ивана отъ сыра дуба,
Ставалъ Иванъ на рѣзвы ноги,
Взимаетъ тую сабельку вострую,
Отсѣкъ ей бѣлыя рученьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
Этихъ мнѣ рученекъ ненадобно:
Обнимали поганаго татарина.»
Отсѣкъ ей уста сахарнія,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
«Этихъ мнѣ губушекъ ненадобно:
Цѣловали поганаго татарина.»
Отсѣкъ ей рѣзвы ноженьки,
Отсѣкъ, самъ выговаривалъ:
«Этихъ мнѣ ноженекъ ненадобно:
. . . .
Пошелъ тутъ одинъ одинешенекъ
Онъ, удалый добрый молодецъ...

Ждали-сожидали съ молодой женой,
А пришелъ Иванушка, и нѣтъ никого.

Точно такъ же и племянница стольнаго князя Владиміра—Запава, личность окруженная ореоломъ свѣтлой поэзіи, сама навязывается заѣзжему молодцу Соловью Будимировичу «въ любовь» и этотъ отвѣчаетъ ей на это: «ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла, однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла: сама ты себя, дѣвушка, просватываешь; а тебѣ бы, дѣвушкѣ, не эдакъ бывать, не такъ бывать дѣвушкѣ—дома быть».

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что женщинѣ того времени недоставало женственной скромности; отношенія ея къ жениху и мужу не опредѣляются ни чувствомъ долга, ни сознанія; въ чертахъ ея проглядываетъ чувственность и развратъ...

Гдѣ же было искать настоящую женщину, въ комъ выработалъ народъ для себя идеалъ честной, любящей жены? Мы видѣли, что ни Марья Димитріевична, ни княжна Запава, ни стольная княгиня Опраксія далеко не подходятъ подъ этотъ идеалъ; попробуемъ же заглянуть теперь въ другую сторону русскаго быта, въ его земщину и посмотримъ, что выработалось изъ женщины въ земскомъ быту?

Мы находимъ идеалы ея въ сословіи крестьянскомъ, между дочерями пахаря. — Дочери Микулы Селяниновича Василиса и Настасья Микулишны являются народному сознанію идеалами простыхъ, здоровыхъ, добрыхъ натуръ, вѣрныхъ своему общественному положенію, а незалетающихъ не въ свои хоромы, къ царю Кощею, какъ Марья Димитріевична,—идеалы любящихъ, добрыхъ, честныхъ и вѣрныхъ женъ. Василиса, жена земскаго богатыря Ставра—образъ величайшаго мужества, самопожертвованія. Ставръ на пиру Владиміра расхвастался своею женою; красно-солнышко приказалъ посадить его въ холодный погребъ, «за его за рѣчи неумильныя». Жена его Василиса Микулична, провѣдавъ о несчастіи мужа, сама поѣхала къ стольному князю, перерядившись посломъ, и тамъ выручила заключеннаго изъ неволи, благодаря своему уму и находчивости.

Брала его (Ставра) за ручушки за бѣлыя,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Называла его любимою семеюшкой,
Семеюшкой, законною сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:

«Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
Не учись-ка впредь женою хвастати:
Самъ ты погинешь и меня сгубишь!»

Младшая дочь Микулы, жена другаго земскаго богатыря Добрыни Никитича, Настасья Микулична, всегда кроткая, всегда изящная, остается вѣрною своему мужу при всѣхъ искушеніяхъ. Добрыня отправляется въ дальній путь на нѣсколько лѣтъ. Молодая жена плакала, стоя у его стремени на проводахъ. Добрыня наказывалъ ей ждать его шесть лѣтъ, а буде черезъ шесть лѣтъ не будетъ, то ей дается воля:

Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава ростетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ. —

Не вернулся Добрыня Никитиничъ. Сталъ къ ней этимъ временемъ похаживать Владиміръ–красно–солнышко и просватывать ее: «какъ–молъ, тебѣ жить молодой вдовой, молодой вѣкъ свой коротати? поди, молъ, замужъ хоть за князя, хоть за боярина, хоть за русскаго могучаго богатыря». Но не поддалася на эти рѣчи Настасья Микулишна. Вотъ что отвѣчала она Владиміру:

«Я исполнила заповѣдь мужнюю,
Я ждала Добрыню цѣлы шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чистȧ поля;
Я исполню заповѣдь свою женскую:
Я прожду Добрынюшку други шесть годовъ;
Такъ исполнится времени двѣнадцать лѣтъ —
Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти. —

Василиса и Настасья—лучшіе женскіе образы, которые создавало когда либо русское народное творчество. Да и немудрено: народъ положилъ въ нихъ всю свою симпатію, потому что онѣ родственны ему, потому что онѣ принадлежатъ землѣ, земщинѣ, тому живому источнику, изъ котораго вышелъ, развился и самъ народъ; въ нихъ, въ этихъ живыхъ, былевыхъ образахъ, въ этихъ двухъ женщинахъ, въ этихъ богатыряхъ земскихъ онъ сочувствуетъ самому себѣ, своимъ лучшимъ, жизненнымъ сторонамъ, своимъ народнымъ началамъ и

формамъ быта, которыя для него не умрутъ никогда, потому что составляютъ плоть и кровь его; то, что чуждо или почему либо ненавистно народу, къ тому онъ либо относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, либо въ живыхъ образахъ клеймитъ его то насмѣшливымъ, то жесткимъ словомъ. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ относится народъ къ Ванькѣ-ключнику; съ какою любовью и братскимъ чувствомъ принимаетъ онъ калику-перехожую, да и немудрено: калика споетъ ему пѣсню, былину и про былыхъ богатырей и про горе-злосчастье.

Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для юношества. С. Петербургъ. 1861. in 8° (страница 376).

«Не всегда добрая мысль находитъ достойное исполненіе», говорятъ однѣ старыя, позабытыя прописи. Хотя прописи вообще имѣютъ отличительное свойство подъ именемъ нравственныхъ правилъ изрѣкать тупоумнѣйшія общія мѣста, ровно никуда непригодныя, однако на этотъ разъ приведенный нами афоризмъ невольно вспомнился намъ, по поводу «Сборника народныхъ пѣсенъ для юношества» г-жи Н. Крыловой; вспомнился потому, что здѣсь онъ совершенно кстати. Мысль познакомить наше «*юношество*» (отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, по предположенію г-жи Крыловой) съ произведеніями нашего народнаго поэтическаго творчества вполнѣ прекрасная и теперь болѣе чѣмъ когда либо хорошая мысль... Судя по «Предисловію», мы были вправѣ ожидать отъ этого сборника вполнѣ толковаго и отмѣченнаго надлежащимъ тактомъ выполненія дѣла; но ожиданіе наше, къ сожалѣнію, было обмануто, Это тѣмъ страннѣе, что г-жа Крылова,

повидимому, понимаетъ задачу своего труда; вотъ что по крайней мѣрѣ, говоритъ она въ своемъ предисловіи: «кажется въ наше время, когда съ одной стороны значеніе народности вообще съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе понимается большинствомъ образованной публики, а съ другой — учеными изслѣдователями русской старины, все яснѣе и яснѣе указываются несомнѣнныя красоты русской народной поэзіи, — кажется въ наше время излишне распространяться о томъ, какъ важно и необходимо при воспитаніи русскихъ дѣтей знакомить ихъ какъ можно болѣе съ образцами русской народной поэзіи. Большая часть русскихъ дѣтей, которыхъ родители принадлежатъ къ образованному сословію, растутъ почти въ совершенномъ удаленіи отъ народа и всего народнаго; (не *почти*, а *совершенно*, прибавимъ мы отъ себя, потому что большинство родителей всякое сближеніе или знакомство съ народомъ считаютъ для своихъ дѣтей *неприличнымъ*)», пускай же хоть звуки народной поэзіи доходятъ до нихъ если ужъ не прямымъ путемъ, то хоть изъ книхъ; пусть хоть этимъ способомъ возбуждается въ дѣтяхъ сочувствіе къ преданіямъ и вѣрованіямъ, къ прошедшей и настоящей жизни народа, къ которому принадлежатъ они сами и который такъ мало имъ знакомъ, и проч.

Какъ видно, пониманіе дѣла, не скажемъ вполнѣ глубокое, но довольно ясное, есть у г-жи Крыловой. Но отъ пониманія до выполненія еще далеко, — и въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ книга г-жи Крыловой. Не знаемъ, что болѣе помѣшало ей: дряхлое ли рутинерство кореннаго, исключительно моральнаго взгляда, чѣмъ вообще заражены наши педагоги и составители учебниковъ и хрестоматій, или полное отсутсвіе чутья и такта, которые болѣе всего необходимы при такомъ трудѣ. Она старалась сдѣлать выборъ тѣхъ произведеній, которыя, по ея словамъ, «могутъ быть всего занимательнѣе и пригоднѣе для юнаго возраста». Прежде всего, мы въ народной поэзіи и преимущественно въ былинахъ, съ которыхъ и начинаетъ свой сборникъ г-жа Крылова, не знаемъ положительно ничего такого, что могло бы быть незанимательно, для какого бы-то ни было возраста: все, что ни есть въ нихъ, все содержаніе ихъ глубоко-жизненно, и уже по одному только этому непремѣнно занимательно. Второе условіе сборника, есть «пригодность» содержанія «для юнаго возраста». Намъ кажется, что словомъ «пригодность», г-жа Крылова хотѣла выразить педагогическую «благопристойность», въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее въ нѣкоторыхъ назидательныхъ книгахъ. Но дѣло въ

томъ, что знакомство съ народомъ, и особенно знакомство въ дѣтскомъ еще возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія ложатся въ душу ребенка прямо и непосредственно, не предупрежденныя никакими заранѣе внушенными, битыми теоріями и воззрѣніями, въ такомъ дѣлѣ, говоримъ мы, нужна прежде всего не «занимательность и пригодность» предлагаемыхъ дѣтскому сознанію произведеній, а ихъ *характерность*. Нужно прежде всего, чтобы каждое предлагаемое дѣтямъ произведеніе народнаго творчества, отмѣчало собой съ какой нибудь стороны народъ; необходимо нужно, чтобы эти-то самыя характерныя черты прежде всего запали въ душу и сознаніе отрока; необходимо же это потому, что только при посредствѣ такихъ, совершенно усвоенныхъ ребенкомъ чертъ и особенностей, для него возможно будетъ пониманіе народнаго характера, а при дальнѣйшемъ, болѣе зрѣломъ знакомствѣ и изученіи, пониманіе народа и народной жизни, ея условій и требованій, въ духовномъ, матеріальномъ и историческомъ отношеніяхъ. Между тѣмъ сборникъ г-жи Крыловой страдаетъ отсутствіемъ удачнаго выбора тѣхъ оригинальныхъ особенностей, которыя разливали бы свѣтъ на характеръ народнаго творчества. Авторъ старался о занимательности, а въ сущности большая часть приводимыхъ отрывковъ вовсе не занимательна для дѣтей, потому что самовольныя урѣзыванія былинъ лишаютъ ихъ смысла и полноты. Конечно, это дѣлалось во имя «пригодности» для юнаго возраста; но вмѣстѣ съ этою «пригодностью», г-жа Крылова затерла ихъ жизненныя краски и обратила ихъ въ безцвѣтныя произведенія. А вѣдь это уже и грѣшно передъ народомъ, передъ его поэтическимъ творчествомъ да и передъ бѣдными дѣтьми, которымъ вы вмѣсто правды даете ложь. И какъ же это вы, которая такъ хлопочете, судя по вашему предисловію, о знакомствѣ дѣтей съ народомъ, его поэзіей и жизнью, какъ вы рѣшаетесь обрывать и кромсать безжалостно, безпощадно, безтактно лучшіе образцы его поэтическаго творчества. Такая педагогическая благопристойность, по нашему мнѣнію, хуже всякой непристойности.

Г-жа Крылова начинаетъ съ былины про Соловья Будиміровича, которую почему-то она считаетъ благоприличнымъ закончить на томъ мѣстѣ, гдѣ Соловей вмѣстѣ съ дружиною подноситъ подарки князю Владиміру и женѣ его Апраксіи. Почему былина прервана на этомъ именно мѣстѣ?—Богъ-вѣсть! А вѣдь съ этого-то мѣста и начинается самая драма, самое ядро былины! Можетъ быть намъ отвѣтятъ, что

продолженіе былины, по личному воззрѣнію автора, найдено «пригоднымъ» для «юнаго возраста; — въ такомъ случаѣ позвольте попросить у васъ позволенія напомнить вамъ дальнѣйшее содержаніе «Соловья Будиміровича — и пусть каждый читатель по совѣсти скажетъ, есть ли въ этой былинѣ хоть что либо «непригодное» для «юнаго возраста».

Послѣ принятія подарковъ, княгиня Апраксія, говоритъ Владиміру, чтобы тотъ «умѣлъ молодца почествовать». Владиміръ дѣлаетъ пиръ, за которымъ Соловей Будиміровичъ проситъ позволить ему выстроить въ саду княжой племянницы Запавы три златоверхіе терема, чтобы къ утру туда жить перейти. На утро, когда терема были готовы, молодая княжна Запава, проснувшись пошла прогуляться въ свой садъ и тамъ увидѣла неожиданную обновку — терема. Пришла она къ первому терему — въ томъ терему стучитъ и гремитъ: то Соловьева дружина считаетъ его безсчетную казну. Приходитъ она къ другому; тамъ послушала — и услышала тихій шопотъ: то старушка мать Соловья, стоитъ и Богу молится — «умаливаетъ за сына, за любимаго». Подходитъ Запава къ третьему терему. Послушала она и у того терема, — а тамъ молодой Соловей Будиміровичъ поетъ и играетъ на гусляхъ. Долго восторженно слушала Запава, наконецъ не выдержала, вошла въ теремъ къ Соловью и поклонилася ему: «здравствуй, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!» — «здравствуй, красная дѣвушка молода княженецкая племянница!» — «Тутъ дѣвица не стыдилася, за Соловья замужъ подавалася», продолжаетъ былина.

Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
Ты возьми-тко меня красну дѣвушку,
Ты возьми-тко меня за себя замужъ.

— «Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла!» отвѣчаетъ ей на это Соловей, «однимъ ты мнѣ, дѣвица, не слюбилася, что сама себя дѣвица просватала; а тебѣ бы дѣвушкѣ не эдакъ быть, не такъ бывать дѣвушкѣ — дома сидѣть!» — Тутъ дѣвушка заплакала и пошла въ свои терема высокіе; а Соловей Будиміровичъ, не найдя въ своей невѣстѣ Запавѣ, за которую онъ хотѣлъ посвататься, желаемаго идеала, уѣхалъ съ дружиною за синее море.

Мы нарочно привели содержаніе былины, которую старались въ

болѣе «непригодныхъ» мѣстахъ передать ея же собственными словами. Теперь спрашивается: что же здѣсь «непригоднаго для юнаго возраста» въ этомъ наивномъ поэтическомъ созданіи? Что могло оскорбить или распалить чувство «дѣвственной цѣломудренности» читателей «отъ десяти до пятнадцатилѣтняго возраста?» — Неоднократно задаемъ себѣ этотъ вопросъ; ищемъ, добиваемся отвѣта — и никакъ не можемъ найдти удовлетворительной логической причины, вслѣдствіе которой можно бы было такъ самовольно, ни съ того, ни съ сего, урѣзать въ самомъ началѣ народну былиную и еще одну изъ лучшихъ, какъ сдѣлала это г-жа Крылова. Она передала «юнымъ читателямъ» только то, какъ Соловей Будиміровичъ пріѣхалъ съ дружиною на тридцати корабляхъ въ Кіевъ и поднесъ стольному князю подарки — и больше ничего, ни одного слова далѣе! Спрашивается: что вынесетъ «юный читатель» изъ этого отрывка, который онъ имѣетъ полное право принять за цѣльную, законченную былину? Какое понятіе вынесетъ онъ о ея характерѣ? Какъ представится ему образъ Соловья Будиміровича? Мы увѣрены, что онъ станетъ въ тупикъ и придетъ въ полнѣйшее недоумѣніе, если ему задать подобные вопросы, задать которые имѣетъ неотъемлемое право каждый наставникъ. Такимъ образомъ школьная фальшивая pruderie заставила г-жу Крылову исказить цѣлый памятникъ древней поэзіи и представить его въ ложномъ свѣтѣ «юношеству». Ложь сама по себѣ уже не можетъ быть благопристойнымъ дѣломъ...

Вслѣдъ за Соловьемъ Будиміривичемъ г-жа Крылова приводитъ былину про Дюка Степановича и приводитъ ее, грѣша тѣмъ же самымъ, чѣмъ и въ первомъ отрывкѣ. Какъ первая, такъ и вторая оборвана на самомъ началѣ и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Дюкъ пріѣзжаетъ къ Владиміру, который сажаетъ его съ собой за «почетный столъ» — далѣе ни слова. Къ чему же было и приводить этотъ отрывокъ, изъ котораго читатель даже не выяснитъ себѣ существеннаго различія между Дюкомъ и героемъ предшествовавшаго отрывка, а узнаетъ развѣ, что одного зовутъ Дюкъ Степановичъ, а другаго Соловей Будиміровичъ? Мы рѣшительно не понимаемъ цѣли, съ которою вы приводите этотъ второй отрывокъ, потому что въ немъ вовсе не рисуется характеръ Дюка, да не объяснено и значеніе его, какъ *заѣзжаго* богатыря, въ отличіе отъ коренныхъ богатырей *земскихъ*. Наконецъ, отрывокъ въ такомъ видѣ, какъ приведенъ онъ у васъ даже не имѣетъ и смысла, ибо былина получаетъ его только

съ развитіемъ подвиговъ Дюка въ связи съ соперничествомъ Чурилы Пленковича. Мы понимаемъ, что̀ васъ удержало отъ приведенія цѣлой былины: вы испугались нѣкоторыхъ чертъ русскаго сказочнаго Донъ-Жуана, Чурилы; вы испугались насмѣшки Дюка, который говоритъ заносчивому Чурилѣ, что ему бы лучше съ бабами въ бесѣдѣ сидѣть, а не тягаться подвигами съ богатыремъ, вы испугались тѣхъ трехъ-четырехъ совершенно невинныхъ строкъ, въ которыхъ былина разсказываетъ, какъ кіевскія женщины со слезами умаливали Дюка пощадить Чурилу и оставить имъ его «хоть на се́мены» — ну, такъ въ такомъ случаѣ лучше бы ужъ вамъ припомнить пословицу: «волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить», и совершенно бы ужъ не приводить обрывка изъ начала былины про Дюка Степановича, на который жалко и больно становится взглянуть въ вашей книжонкѣ— до такой степени онъ блѣденъ, безсмысленъ, безхарактеренъ и безцвѣтенъ!

Если читатель и вынесетъ изъ вашей книги кой-какое представленіе личностей сказочныхъ героевъ, то это развѣ только Добрыни и Ильи Муромца, да и то представленіе самое блѣдное, хотя по книгѣ и замѣтно, что вамъ видимо хочется личность послѣдняго представить рельефнѣе, даже разъяснить своимъ читателямъ болѣе высокое, нравственное значеніе его, какъ богатыря земскаго: въ предисловіи своемъ вы приводите о немъ слова покойнаго К. Аксакова:— «этотъ неодолимо-могучій и кроткій богатырь—крестьянинъ».—Все это было бы прекрасно, если бы, къ сожалѣнію, характеристика Ильи не ограничивалась только этими словами Аксакова, а дополняла бы ихъ текстомъ самыхъ былинъ. Но въ отрывкахъ приводимыхъ вами мы рѣшительно не видимъ Илью, какъ борца за земское дѣло. У васъ даже нѣсколько странно поразило насъ обиліе варіантовъ на одну и ту же тему, какъ напали на него разбойники, а онъ, не смутясь ни мало, пустилъ стрѣлу въ сырой дубъ, который отъ этого богатырскаго удара разщепился на ножовыя черенья и какъ разбойники, увидя это, разбѣжались. Варіантамъ этого событія у васъ отдано четыре отрывка: №№ 2, 3, 4 и 5. Позвольте же васъ спросить, для чего въ книгѣ, предназначенной для дѣтскаго чтенія, вы собрали эти варіанты? что̀ въ нихъ особенно достопримѣчательнаго или характернаго для того, чтобы преимущественно къ нимъ притянуть дѣтское вниманіе? Вы скажете, можетъ быть, что васъ пріятно поразила въ нихъ человѣчная черта характера Ильи, не-

любящаго убивать людей; — прекрасно; совершенно согласны съ вами; но для этого достаточно было бы ограничиться однимъ отрывкомъ — любымъ изъ этихъ четырехъ. И вотъ видите ли, при этомъ обиліи ни къ чему неведущихъ варіантовъ, у васъ нѣтъ въ сказаніяхъ объ Ильѣ болѣе яркихъ и характерныхъ былинъ о побѣдѣ его надъ Соловьемъ Разбойникомъ, чѣмъ тѣ, которыя вы приводите, а между тѣмъ такія характерныя былины отыскать можно бы было весьма легко и даже чуть ли не рядомъ съ тѣми, которыя вы почли болѣе достойными дѣтскаго вниманія.

Послѣ Ильи Муромца вы переходите къ Василію Буслаеву, въ циклъ былинъ новгородскихъ. Но, странное дѣло! и тутъ мы не видимъ характеристики Буслаева! вамъ отнюдь не представляется въ немъ этотъ широкій размахъ *широкой натуры*, этотъ разгулъ силъ никуда ненаправленныхъ и безцѣльныхъ. Вы представляете отрывки изъ былины о томъ, какъ онъ Богу молиться ѣздилъ; а отчего не дали вы намъ отрывка о томъ, какъ онъ одною тележною осью учинилъ великое побоище среди Новгорода? А это бы, говоря откровенно, нужно было дать прежде отрывковъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ на богомолье и прежде отрывка о его смерти; потому что въ смерть Буслаева народъ положилъ много глубокаго смысла, который пополняетъ или, лучше сказать, завершаетъ собою полный характеръ этого богатыря—безъ этой неожиданной и нелѣпой смерти и не могла бы обойтись подобная натура. А такъ какъ у васъ нѣтъ предварительной характеристики Буслаева, которую вполнѣ могла бы дать самая былина, то и смерть его остается внѣ всякаго логическаго смысла и черезъ это самое читатель вашъ не усвоитъ себѣ ровно никакого представленія о личности Буслаева и о той идеѣ, которую вложило въ созданіе этого исконнаго рускаго типа народное творчество.

Изъ разбора представленнаго нами, можно видѣть, какое понятіе усвоитъ себѣ «юный возрастъ» о русскихъ народныхъ былинахъ и ихъ коренномъ характерѣ; теперь перейдемъ ко второму отдѣлу — «*Стиховъ*», распѣваемыхъ по преимуществу нищими, калѣками-перехожими.

Здѣсь мы находимъ извлеченіе изъ стиха «о Голубиной книгѣ», «Плачь земли», «Плачь души грѣшной», «Прощаніе души съ тѣломъ», «Стихъ о страшномъ судѣ», т. е. лучше сказать не «стихъ», а отрывокъ изъ стиха, въ которомъ опять самое поэтическое мѣсто о рѣкахъ огненныхъ, упущено составительницею ради одной голой схо-

ластики и наконецъ извлеченіе изъ стиха о Егоріѣ храбромъ, — вотъ и все, что найдете въ этомъ отдѣлѣ. Но неужели, г-жа Крылова, вы не нашли для отдѣла «Стиховъ» ничего болѣе замѣчательнаго, болѣе характеризующаго русскій народъ и русскую жизнь въ этомъ отношеніи? Гдѣ же у васъ стихи чисто народнаго творчества? Гдѣ стихъ о Вознесеніи Христовомъ? Гдѣ стихъ о двухъ Лазаряхъ, богатомъ и убогомъ? Отчего и зачѣмъ вы предпочли этимъ глубоконароднымъ произведеніямъ какія-то порожденія мрачной схоластики, мало даже и привившіяся къ народу? Зачѣмъ все это? — Рѣшительно не понимаемъ! Не понимаемъ тѣмъ болѣе, что вы намѣревались познакомить «юный возрастъ» съ произведеніями и характеромъ чисто народнаго творчества.

А историческія пѣсни? Боже мой, что это такое! Насъ рѣшительно поражаетъ это странное отсутствіе такта. Развертываете вы напримѣръ сборникъ на отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ, въ полномъ чаяніи отыскать тутъ образцовую пѣсню про казнь Ѳедора Ивановича — сына грознаго, про татарскій полонъ, про осаду Соловецкаго монастыря, — ничуть не бывало! Въ отдѣлѣ русскихъ историческихъ пѣсенъ вы вдругъ находите диковинку такого рода:

Ужъ ты славное село Павлово,
Слобада графа Шереметьева!
Про тебя, село, идетъ, слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Будто ты, село, на краси стоишь,
На краси стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, по раздольицу,
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыхъ.
Промежъ тебя бѣжитъ рѣчька Тарычька,
Возлѣ-бокъ бѣжитъ Ока матушка!
По Окѣ рѣкѣ бѣжитъ лодочка,
Легка лодочка раскрашеная,
Все гребцами лодка усаженая,
Какъ на восьмера на веселички.
Въ этой лодочкѣ самъ графъ гулялъ
Шереметьевъ графъ Борисъ Петровичъ.

Вотъ вамъ и вся пѣсня! Что же такое эта пѣсня? И почему она историческая? Не потому ли, что, вѣроятно, была сложена шереметьевскими дворовыми, на-потѣху и чествованіе его сіятельства

и перенята впослѣдствіи какимъ нибудь московскимъ фабричнымъ хоромъ, въ родѣ молчановскаго или молодцовскаго? Въ такомъ случаѣ и распѣваемая этими же хорами съ большимъ сочувствіемъ пѣсня: «кринолинъ, кринолинъ, подкузмилъ ты меня», тоже должна быть отнесена къ отдѣлу русскихъ историческихъ пѣсенъ; по крайней мѣрѣ право ея на появленіе въ этомъ отдѣлѣ совершенно равняется праву пѣсни про лодочку его сіятельства. Тутъ же находимъ мы и еще одну пѣсню и также подъ именемъ исторической; называется она: «Царь Петръ Алексѣевичъ ворочается» (?). Вотъ она:

А у насъ было на синёмъ морѣ,
На синемъ морѣ на балтійскомъ,
Выплывалъ, выбѣгалъ Муравей корабль;
Хорошо корабль изукрашенный,
Мелкимъ жемчугомъ изунизанный.
На корабликѣ всѣ снасточки шелковыя.
На немъ матросушки все полковнички,
А пасажирушки все енералушки,
На носу сидитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ;
На кормѣ сидитъ молодой нѣмецъ.
Онъ ведетъ корабль изъ иной земли,
Изъ иной земли, земли Шведскія
Во нашу мать во Россеюшку.

Малоблагообразная, солдатская и вдобавокъ ничего невыражающая пѣсня. Мы не отрицаемъ право ея на названіе исторической, но положительно не признаемъ необходимости вносить въ Сборникъ, издаваемый для юношества. Что же нашла г-жа Крылова какъ въ этой, такъ и въ предъидущей пѣснѣ достопримѣчательнаго для того, чтобы особенно обратить на нихъ вниманіе отроковъ и почему она предпочла ихъ пѣснямъ про Ѳедора Ивановича, про татарскій полонъ, осаду Соловецкаго монастыря и др. — рѣшительно не знаемъ.

Да кромѣ того еще замѣчаемъ мы, что г-жа Крылова и не умѣетъ отличить пѣсни исторической—народной отъ исторической—солдатской, потому что иначе она не начинала бы историческаго отдѣла своего сборника, предназначаемаго для ознакомленія дѣтей съ *народною* поэзіею, историческими издѣліями, въ родѣ того, какъ:

Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами,
А прапорщики—подъ знаменами,
Дожидаютъ они полковничка.
Что полковничка Преображенскаго—
Капитана бомбандирскаго.

Да, грустно видѣть, что такая прекрасная мысль, какъ ознакомленіе дѣтей съ народомъ и его бытомъ, характеромъ и жизнью посредствомъ народной поэзіи, ознакомленіе наконецъ съ лучшими образцами этой поэзіи пропала даромъ, ни за что, ни про что, благодаря отсутствію такта и незнанію настоящаго дѣла составительницею. А мысль сама по себѣ хорошая, за которую нельзя не поблагодарить г-жу Крылову! Надѣемся, что эта первая неудавшаяся попытка найдетъ болѣе искуснаго мастера дѣла и болѣе серьезнаго знатока нашей древней поэзіи.

ВС. К—ОВСКІЙ.

Схоластика XIX вѣка.

I.

Развитіе русской журналистики съ каждымъ годомъ становится шире; возникаютъ новые журналы, и въ короткое время пріобрѣтаютъ себѣ значительный кругъ читателей; между тѣмъ старые журналы продолжаютъ свое существованіе и число ихъ подписчиковъ нисколько не уменьшается. Періодическія изданія расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, и идеи, выработанныя въ тиши кабинета, за письменнымъ столомъ, становятся достояніемъ цѣлой обширной страны, становятся

почти единственною умственною пищею для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Большинство публики читаетъ одни журналы, это фактъ, въ которомъ могъ наглядно убѣдиться всякій, кто жилъ въ провинціи и бывалъ въ обществѣ какого-нибудь уѣзднаго города. Одинъ экземпляръ «Современника» или «Русскаго Вѣстника» читается цѣлымъ городомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки и возвращается обыкновенно къ владѣльцу въ самомъ жалкомъ, истрепанномъ видѣ, такъ что ему приходится только сказать: «расчитали въ дребезги». При этомъ нѣкоторые отдѣлы остаются совершенно нетронутыми и даже неразрѣзанными; отмѣтить подобные отдѣлы было бы конечно любопытно для физіологіи общества, но я не съ этою цѣлью повелъ рѣчь о распространеніи журналовъ въ массѣ читающей публики. Кромѣ журналовъ этой публикѣ дѣйствительно читать нечего, отдѣльныя книги издаются теперь чаще прежняго, но ихъ все-таки мало; кромѣ того, онѣ имѣютъ или ученый, или учебный характеръ; это — или изслѣдованія или популярныя руководства, а учиться большинство нашей публики не желаетъ, вѣроятно потому, что воспитаніе, данное ей въ школѣ, было дурно и оставило послѣ себя на всю жизнь полнѣйшее отвращеніе къ тому, что отзывается школою или книжною ученостью. Сочиненія Пушкина, Лермонтова и Гоголя знаютъ почти наизусть люди, одаренные эстетическимъ чувствомъ и сколько-нибудь развитые въ литературномъ отношеніи; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читаетъ ихъ, или прочитываетъ ихъ одинъ разъ, для соблюденія обряда, и потомъ откладываетъ въ сторону и почти забываетъ. Перечитать во второй разъ художественное произведеніе, потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, это такой подвигъ, котораго возможность понимаютъ далеко не всѣ и на который рѣшаются очень немногіе. Между тѣмъ журналы неотразимою силою привлекаютъ къ себѣ этихъ господъ; во-первыхъ, они даютъ свѣжія новости, во вторыхъ разнообразіе, часто даже пестрота оглавленія даетъ каждому всѣ средства выбрать себѣ чтеніе по вкусу и по плечу; въ третьихъ, одна книжка не успѣваетъ еще приглядѣться, какъ она смѣняется новою, и провинціальный читатель слѣдитъ за идеями и интересами вѣка, не успѣвая соскучиться и не утомляя свой мозгъ усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы другъ друга, но дѣло въ томъ, что на практикѣ выходитъ совсѣмъ не то, что выходило въ теоріи.

Пишущіе люди забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для общества, литераторы составляютъ замкнутый кружокъ; этотъ кружокъ внутри себя вырабатываетъ идеи и убѣжденія и передаетъ публикѣ результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаемъ, какъ они вырабатывались и формировались; одинъ кружокъ сталкивается въ мнѣніяхъ съ другимъ, начинается споръ, котораго предметъ остается теменъ для публики; между тѣмъ публика читаетъ полемику, видитъ, какъ горячатся оба противника и съ любопытствомъ слѣдитъ за скандальною стороною дѣла. Не вините въ этомъ публику; поставьте себя на ея мѣсто; представьте себѣ, что при васъ происходитъ споръ на непонятномъ для васъ языкѣ. Если вы не выйдете изъ комнаты, то вы вѣроятно, почти невольно будете слѣдить за выраженіемъ лица и за мимикою спорящихъ личностей. То же самое дѣлаетъ публика. О предметѣ ученаго или литературнаго спора она судить не можетъ, потому что спорящіе литераторы большею частью забываютъ о ея существованіи и не дѣлаютъ ни шагу для того, чтобы пояснить ей, въ чемъ дѣло. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственныя сочиненія или статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ или напечатанныя лѣтъ десять тому назадъ, наконецъ, на голосъ внутренняго чувства, какъ сдѣлалъ Погодинъ на диспутѣ съ Костомаровымъ, или покойный Хомяковъ, возставая въ «Русской Бесѣдѣ» противъ матеріализма. Справляться по всѣмъ этимъ ссылкамъ мудрено; у публики не достало бы на это ни досуга, ни терпѣнія. Слѣдовательно, останется ей двѣ дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмѣиваться надъ тѣмъ, какъ горячатся спорящія стороны. Публика такъ и дѣлаетъ.

II.

Вопросъ о народности, сближеніе съ народомъ, изученіе народности — эти слова слышатся на каждомъ шагу и встрѣчаются на каждой страницѣ нашихъ большихъ журналовъ. Идеѣ этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ святыхъ словахъ не видать великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи. Но, съ другой стороны, нужно быть въ высшей степени довѣрчивымъ и добродушнымъ оптимистомъ, чтобы отъ

нашихъ журналовъ ожидать дѣйствительнаго сближенія съ народомъ. «Русская Бесѣда» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печатала дѣльныя и основательныя изслѣдованія Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Бѣляева, «Отечественныя Записки» въ прошломъ году приложили къ своему журналу цѣлый сборникъ пѣсенъ г. Якушкина, въ «Свѣточѣ» во всѣхъ подробностяхъ описана русская свадьба, «Современникъ» принужденъ выслушивать замѣчанія со стороны «Отечественныхъ Записокъ» за то, что мало занимается народнымъ элементомъ, новый журналъ «Время» на интересахъ народности строитъ всю свою программу, и что же изъ этого выходитъ, какія практическія слѣдствія ведутъ за собою всѣ эти благородныя стремленія? Ровно никакихъ. Они дадутъ только будущему біографу матеріалы, по которымъ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать ошибочный выводъ такого рода: «въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о народности возбуждалъ къ себѣ сильное сочувствіе въ читающей части русскаго общества.» Этотъ выводъ будущаго библіографа я смѣло рѣшаюсь назвать ошибочнымъ, на томъ основаніи, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» пользуются наибольшею популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическимъ направленіемъ, а второй занимается гражданскою жизнью Западной Европы гораздо пристальнѣе, нежели интересами нашей народности. Если, сверхъ того, принять въ соображеніе тотъ фактъ, что «Русская Бесѣда» существуетъ почти безъ подписчиковъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что наша журналистика не успѣла пріохотить къ ознакомленію съ народностью даже ту часть публики, на которую она можетъ имѣть непосредственное вліяніе. О вліяніи на простой народъ, о фактическомъ сближеніи съ нимъ путемъ журнальной литературы — смѣшно и говорить. Нашъ народъ конечно не знаетъ того, что о немъ пишутъ и разсуждаютъ, и вѣроятно еще лѣтъ тридцать не узнаетъ объ этомъ. Житейскихъ, осязательныхъ результатовъ онъ вѣроятно долго не увидитъ, потому что стремленія не переходятъ въ дѣло и остаются на страницахъ журналовъ, къ обоюдной выгодѣ редакцій и сотрудниковъ. Вопросъ объ эмансипаціи разрѣшился помимо журнальныхъ толковъ. Вопросъ о воскресныхъ и безплатныхъ школахъ прошелъ мимо журналистики, и журналы ограничились тѣмъ, что отмѣтили совершившійся фактъ на страницахъ своей современной лѣтописи или хроники. Не журналы возбудили этотъ вопросъ, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ея существованіе бы-

ло сознано всѣми, когда уже были приняты мѣры для удовлетворенія этой потребности. Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ бы возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами, и который не остался бы на бумагѣ, а хоть на одну іоту увеличилъ бы матеріальное или нравственное благосостояніе нашего народа. Я почти увѣренъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ получится отрицательный. Причины этого явленія я постараюсь разобрать въ самыхъ общихъ чертахъ.

III.

Внѣшняя физіономія нашего общества слагается конечно помимо литературы. Наша журналистика не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе административныхъ вопросовъ, слѣдовательно эту сторону дѣла я могу совершенно выпустить изъ моего разсужденія. Само собою понятно, что статьи «Русскаго Вѣстника» объ англійскомъ *jury* или объ англійскомъ парламентѣ имѣютъ для насъ интересъ чисто-научный и нисколько не могутъ содѣйствовать нашему гражданскому воспитанію, потому что гражданъ воспитываетъ жизнь, а не книга. Точно также понятно, что сблизиться съ народомъ мы путемъ журналистики не можемъ; сближается съ народомъ тотъ, кто живетъ среди его, кто видитъ его каждый день въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, у кого есть съ нимъ общіе интересы и общія стремленія. Практическое сближеніе съ народомъ дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Бёклѣ и Стюартѣ Миллѣ; какая-нибудь поѣздка по Россіи можетъ оставить въ воображеніи нѣсколько типическихъ фигуръ, которыя годятся для альбомнаго рисунка или для легкаго литературнаго очерка; но внутренній смыслъ этихъ фигуръ дается не сразу, и постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ вы подходите къ нимъ ближе и вглядываетесь внимательнѣе въ ихъ выраженіе и обстановку. Словомъ, журналистика, проводящая общечеловѣческія идеи въ русское общество, нуждается въ посредникахъ, которые проводили бы эти идеи къ народу. Въ настоящее время народъ еще не въ состояніи сознавать эти идеи, обращать ихъ въ свое умственное достояніе, органически перерабатывать ихъ силою собственнаго мышленія; пусть онъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ на себѣ ихъ

благотворное, согрѣвающее вліяніе. Читающій классъ, гуманизированный общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями мужиками, въ избу которыхъ конечно никогда не заходятъ книжки журналовъ, стоющихъ 15 р. сер. въ годъ. Ни грошовыя изданія, о которыхъ было говорено въ мартовской книжкѣ «Русскаго Слова», ни «Народное Чтеніе», о которомъ нужно будетъ поговорить со временемъ, не принесутъ народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми имѣющими какое-то отвлеченное, книжное понятіе о народѣ, старающимися принаровиться къ его потребностямъ, и обнаруживающими въ своихъ попыткахъ полнѣйшую непрактичность, полнѣйшее незнаніе той почвы, которую они хотятъ воздѣлывать. Но не забывайте, что въ нашемъ обществѣ есть тысячи людей, понимающихъ нашъ книжный языкъ, носящихъ нашъ костюмъ, словомъ *господъ*, которые въ состояніи прочесть и понять ученую статью въ журналѣ и которые въ то же время живутъ среди народа, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества. Эти люди поневолѣ выучиваются говорить съ народомъ и присматриваются къ его потребностямъ; эти люди по самому своему положенію стоятъ на рубежѣ двухъ элементовъ, общества и народа, и какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мнѣ кажется, что до сихъ поръ мало обращали на нихъ вниманія. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благодѣтельно дѣйствовать на это сословіе, но къ сожалѣнію ни критика, ни наука не имѣли въ виду этого класса читателей и не заботились даже о томъ, чтобы сдѣлаться доступными имъ по формѣ. Въ настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполнѣ понятна человѣку не имѣющему спеціальныхъ свѣдѣній по тому кругу предметовъ, къ которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывнымъ рядомъ намековъ, въ которыхъ онъ будетъ смутно чувствовать какую-то общую связь, но въ чемъ состоитъ эта связь и что говорятъ эти намеки, это останется ему совершенно непонятнымъ. Опять-таки доказательство того, что, если цѣлые отдѣлы нашихъ журналовъ остаются неразрѣзанными, то виновата въ этомъ не публика. У нашихъ журналистовъ есть цѣлый міръ закулисныхъ тайнъ, и намеками на интересы этого міра пересыпаны ихъ критическія обозрѣнія и полемическія статьи. Этотъ

міръ мелкихъ личныхъ непріятностей, міръ литературнаго кумовства и нелитературныхъ перебранокъ даетъ себя чувствовать по-временамъ въ какомъ-нибудь журнальномъ скандалѣ, котораго причина и истинная физіономія остаются непонятными для массы читающей публики. А между тѣмъ публику потчуютъ этими скандалами, и она *volens nolens* узнаетъ факты непонятные для нея и вовсе не интересные.

IV.

Но что же можетъ и что должна сдѣлать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предразсудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ, людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и съ энергическимъ умомъ, критикъ подобный Бѣлинскому, могъ бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности. — — — А что же дѣлаетъ наша литература? Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства она относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то въ-половину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства. Возьмемъ примѣръ: Пермская дама прочла на публичномъ чтеніи стихотвореніе Пушкина; корреспондентъ одной газеты описалъ это чтеніе, стараясь для удовольствія публики блеснуть яркостью красокъ, и не жалѣя риторическихъ украшеній; сотрудникъ другой газеты, также для удовольствія публики, начинаетъ глумиться надъ описаніемъ перваго, и давши волю своему неопрятному юмору, съ размаху задѣваетъ имя и личность читавшей дамы. Дѣло, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о немъ, можетъ быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ показало имъ, что это—вопросъ для насъ еще нерѣшенный и требующій оговорки. Юмористъ газеты «Вѣкъ» получилъ отъ лица нашей журналистики серьезный выговоръ за свои циническія выходки противъ лич-

ности женщины, и за ретроградное направленіе своей статьи. Этотъ выговоръ можно было бы назвать донкихотствомъ, еслибы общественное мнѣніе въ Россіи опредѣлилось настолько, чтобы всѣ образованные люди рѣшали въ одинъ голосъ важнѣйшіе вопросы жизни. Но у насъ рѣшительно нѣтъ общественныхъ убѣжденій; въ каждомъ семействѣ происходитъ борьба между старыми понятіями и молодыми стремленіями; эта борьба и эти колебанія порождаютъ въ жизни общества много противорѣчащихъ другъ другу явленій; напр. молодая дѣвушка приходитъ въ университетъ учиться, а профессоръ старается выжить ее изъ аудиторіи циническимъ тономъ своей лекціи. Очевидно, эта дѣвушка и этотъ профессоръ расходятся между собою во взглядѣ на такой простой и понятный предметъ, какъ образованіе женщины; они представляютъ борьбу двухъ діаметрально-противоположныхъ началъ, Домостроя и XIX вѣка. Обѣ стороны открыто несутъ свое знамя и понимаютъ свою несовмѣстимость. Но не всѣ члены общества становятся рѣшительно на ту или на другую сторону; большая часть такъ называемыхъ серьезныхъ людей держатъ нейтралитетъ и становятся въ самыя разнообразныя положенія въ отношеніи къ предмету спора; они обсуживаютъ его, вводя въ свои сужденія такое множество оговорокъ и ограниченій, что сущность дѣла становится мало по малу неясною для самыхъ жаркихъ защитниковъ того или другаго мнѣнія; качая мудрыми головами, эти разсудительные люди обвиняютъ обыкновенно обѣ спорящія стороны въ крайности и въ увлеченіи, и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна ли эта середина? Попробуйте стать по серединѣ между Негромъ и плантаторомъ, между самодуромъ-отцомъ и дочерью, которую насильно выдаютъ замужъ, между мистицизмомъ и раціонализмомъ. Примиренія нѣтъ, и держать нейтралитетъ значитъ стоять совершенно въ сторонѣ и не принимать никакого участія въ обсуждаемомъ вопросѣ. Нейтралитетъ, который стараются держать люди разсудительные, есть въ сущности оптическій обманъ, и какъ оптическій обманъ онъ можетъ быть опасенъ для неопытныхъ глазъ. — — — Протестъ нашихъ журналовъ противъ Камня-Виногорова былъ положительно полезенъ, онъ показалъ обществу, какъ наше литературное большинство понимаетъ права женщины и показалъ не въ теоретическомъ разсужденіи, а на живомъ примѣрѣ. Но нерѣшительность отношеній къ простому и ясному дѣлу нашла себѣ представителей въ двухъ значительныхъ органахъ нашей журналистики. Отечественныя Записки приняли шут-

ливый тонъ, говоря объ этомъ событіи въ отдѣлѣ русской литературы (1861 Апрѣль, стр. 143); осмѣяли какъ школьническую продѣлку всю исторію протеста и посѣтовали о томъ, что толки о женщинѣ не уяснили значенія семейнаго начала въ Россіи. Русскій Вѣстникъ отнесся къ дѣлу гораздо строже; у него всѣ оказались виноваты: и г–жа Толмачева, и фельетонистъ Петербургскихъ вѣдомостей, и юмористъ Вѣка, и въ особенности г. Михайловъ и *спущенная имъ стая.* На 17 страницахъ разбирается это дѣло и разборъ приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ; съ плеча высказываются смѣлыя, повидимому, мнѣнія, которыя на слѣдующей же страницѣ встрѣчаютъ себѣ такое же смѣлое опроверженіе. На стр. 24 говорится о томъ, что женщина въ нашемъ обществѣ пользуется всѣми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признаніе, что «у насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ. Концы съ концами сведены такъ, что вы при чтеніи не замѣтите противорѣчій, но если вы захотите отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, то общее впечатлѣніе выйдетъ самое смутное. Дѣло въ томъ, что въ подобномъ вопросѣ надобно отвѣчать ясно и категорически: да или нѣтъ. Меттерниховскія полумѣры, отвѣты *и да и нѣтъ* или *ни да ни нѣтъ* неприложимы и безсмысленны. Молодыя женщины и дѣвушки нашего общества чувствуютъ потребность учиться; у нихъ пробуждается дѣятельность мысли; вопросъ въ томъ, дать ли имъ книги въ руки или нѣтъ, пустить ли ихъ въ университетъ или нѣтъ. Давая имъ книги и пуская ихъ въ университетъ, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не дѣлаемъ, а только устраняемъ свое вліяніе и рѣшительно не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности. Не давая книгъ и запирая двери университета, мы самымъ грубымъ образомъ посягаемъ на чужую свободу. Скажите же, въ какомъ образованномъ обществѣ возможенъ такой вопросъ? Вѣдь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулакомъ, или нѣтъ. Неужели для разрѣшенія такого вопроса нужно обращаться къ исторіи, уяснять значеніе семейнаго начала, или ссылаться на права женщины передъ сводомъ законовъ какъ то дѣлаетъ Русскій Вѣстникъ. Научный вопросъ, историческое значеніе женщины въ древней и новой Россіи, можно обсуживать сколько угодно, и чѣмъ больше фактовъ вы наберете въ лѣтописяхъ, тѣмъ полнѣе и серьезнѣе будетъ ваше изслѣдованіе; но, если вы въ житейскій вопросъ вмѣшаете результаты вашихъ кабинетныхъ трудовъ, то это будетъ напрасная трата времени.

*

А время вещь какая?

Дѣйствительно, діалектическія тонкости, въ которыя пускаются наши журналы по поводу самыхъ простыхъ и понятныхъ вещей, какъ нельзя больше напоминаютъ читающей публикѣ знаменитаго метафизика, свалившагося въ яму и не рѣшающагося безъ предварительнаго размышленія схватить веревку, которую спускаетъ къ нему здравомыслящій практическій человѣкъ. «Фразы заѣли насъ» говоритъ Русскій Вѣстникъ въ своей статьѣ о г—жѣ Толмачевой (1861 г. Мартъ. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію; живой фактъ превращается въ отвлеченное, безжизненное и безцвѣтное понятіе; это понятіе мы поварачиваемъ во всѣ стороны; на цѣлыхъ страницахъ мы переливаемъ изъ пустаго въ порожнее и въ заключеніи подводимъ такіе результаты, которые на завтрашній же день, какъ мыльные пузыри, лопнутъ отъ движенія жизни. Жизнь идетъ мимо литературы и журнальныя теоріи одна за другою сдаются въ архивъ и умираютъ, едва заявивши о своемъ существованіи.

V.

Жизнь наша бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, а между тѣмъ и эта бѣдная жизнь съ ея потребностями и стремленіями отражается довольно ясно только въ изящной словесности. Наша изящная словесность во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчета о художественномъ произведеніи, возбудившемъ всеобщее сочувствіе въ читающей публикѣ. О «воспитанницѣ» Островскаго не было сказано ни слова, а между тѣмъ какъ много говоритъ эта небольшая драма, какія живыя личности и положенія выступаютъ передъ воображеніемъ читателя! Если молчаніе критики о воспитанницѣ произошло отъ невниманія, то это непростительная оплошность; впрочемъ, трудно сдѣлать подобное предположеніе; вѣрнѣе то, что у нашей критики не достало силъ разобрать аналитически тѣ явленія, которыя въ стройныхъ образахъ явились передъ творческимъ сознаніемъ художника; сознаніе этого безсилія и нежеланіе отдѣлаться фразами отъ замѣчатель-

наго произведенія дѣлаетъ честь добросовѣстности нашихъ критиковъ; но самый фактъ безсилія—явленіе дѣйствительно существующее и, въ то же время, очень печальное. На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хорошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипическою вѣрностью положеніе нашего общества. Во первыхъ, все вниманіе ея сосредоточено на среднемъ сословіи, т. е. на томъ классѣ, который дѣйствительно живетъ и движется, для котораго смѣняются идеалы, взгляды на жизнь и вѣянія эпохи. Романы изъ жизни высшей аристократіи и изъ простонароднаго быта сравнительно довольно рѣдки, а явленіе писателя, подобнаго Марку Вовчку, писателя, сливающаго свою личность съ народомъ, составляетъ совершенное исключеніе. Это предпочтеніе нашихъ художниковъ къ среднему сословію объясняется тѣмъ, что къ этому сословію принадлежитъ почти все то, что пишетъ, читаетъ, мыслитъ и развивается. Высшая аристократія и простой народъ въ сущности мало измѣнились со временъ напр. Александра I; народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и не перемѣнилъ даже покроя платья; аристократія перемѣнила костюмъ, приняла какія нибудь новыя привычки, но образъ мыслей, взглядъ на жизнь остались тѣ же и попрежнему напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Что же касается до средняго сословія, то каждое десятилѣтіе производитъ въ немъ замѣтную перемѣну; поколѣніе рѣзко отличается отъ поколѣнія; идеи европейскаго запада дѣйствуютъ почти исключительно на высшіе слои этого средняго класса; этотъ классъ наполняетъ собою университеты, держитъ въ рукахъ литературу и журналистику, ѣздитъ за границу съ ученою цѣлью, словомъ, онъ выражаетъ собою національное самосознаніе. Художникъ, который ищетъ человѣческихъ чертъ, а не бытовыхъ подробностей, психологическаго, а не этнографическаго интереса, естественно обращается къ этому классу и изъ него черпаетъ матеріалы. Борьба идей, а не личностей, столкновеніе понятій и воззрѣній возможны только въ этомъ классѣ. Предметъ борьбы и столкновенія характеризуетъ собою эпоху и притомъ такъ вѣрно, что хорошій критикъ по одному внутреннему содержанію художественнаго произведенія, котораго герои взяты изъ средняго сословія, можетъ опредѣлить безошибочно то десятилѣтіе, въ которомъ оно возникло. Сравните, «героя нашего времени, «кто виноватъ?» и «дворянское гнѣздо» и вы увидите до какой степени измѣняются характерныя физіономіи и понятія изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Занимаясь пре-

имущественно среднимъ сословіемъ, наша изящная словесность обращаетъ свое вниманіе не столько на общество, сколько на человѣческую личность. Психологическій интересъ въ большей части нашихъ романовъ и повѣстей преобладаетъ надъ бытовымъ и соціальнымъ. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится въ связь съ какимъ нибудь общественнымъ вопросомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также отражается явленіе русской жизни; дѣло въ томъ, что у насъ, собственно говоря, нѣтъ общества, и до сихъ поръ не бывало такихъ движеній, которыя бы заинтересовали всѣхъ и дали почувствовать каждому, что онъ не только Петровъ или Ивановъ, но въ то же время гражданинъ Россіи; у насъ есть множество отдѣльныхъ кружковъ, которые другъ друга не знаютъ и знать не хотятъ; внутренняя связь этихъ кружковъ иногда имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, а иногда вовсе не имѣетъ смысла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ кружокъ составляется изъ людей, связанныхъ между собою симпатіею, единствомъ убѣжденій, сходствомъ характеровъ; большею частью, кружки основаны на связи чисто случайной, на родствѣ или свойствѣ, на сосѣдствѣ по деревнѣ, на товариществѣ по службѣ, на встрѣчѣ за бутылкою вина. Физіономію кружка часто очень удачно схватываетъ художникъ; въ этой физіономіи есть обыкновенно нѣсколько типическихъ чертъ, которыя каждому русскому понятны и знакомы; другія черты, составляющія индивидуальную собственность того или другаго кружка, тоже могутъ войти въ романъ, потому что идея художника должна выразиться въ самомъ опредѣленномъ обособленіи, такъ чтобы выведенныя личности были живыми людьми и въ то же время представителями извѣстнаго типа. Но для критики отсутствіе связи между отдѣльными кружками составляетъ рѣшительно камень преткновенія; какъ судить объ обществѣ, какъ наблюдать за проявленіями его жизни, когда общества нѣтъ, и когда жизнь общества ни въ чемъ не проявляется! Задача дѣйствительно мудреная, и за рѣшеніе этой задачи критика наша берется, сколько мнѣ кажется, не такъ, какъ слѣдовало бы. За неимѣніемъ общества, она старается его выдумать; она пытается привить къ намъ общественные интересы, и истощается въ благородныхъ, но безполезныхъ усиліяхъ; она хочетъ сдѣлать слишкомъ много, и потому ровно ничего не дѣлаетъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуживать существующія явленія, выражать потребности, носящіяся въ обществѣ, а не порождать новыя явленія и не будить въ обществѣ такія пот-

ребности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности. Забѣгать впередъ не дѣло критики; это значитъ разрушать живую связь между собою и читающимъ обществомъ; если критика 1861 года осталась непрочитанною или по прочтеніи не произвела на читателя никакого впечатлѣнія, то она навсегда пропала; вѣдь будущее поколѣніе не станетъ же разрывать старые журналы, чтобы искать въ нихъ идеи, приходящіяся по душѣ. Журналистика—дѣло нынѣшняго дня; что не прочитано сегодня, то уже устарѣло назавтра. Бѣлинскаго издаютъ и читаютъ теперь преимущественно потому, что его съ жадностью читали его современники, потому что онъ былъ учителемъ цѣлаго поколѣнія, а не потому, что въ его критикѣ заключаются вѣчныя истины. Бѣлинскій дорогъ намъ не какъ мыслитель, а какъ выраженіе извѣстной эпохи. Самые недостатки Бѣлинскаго, его увлеченія, порывы страстности, вредящіе порою ясности критическаго взгляда, могли только содѣйствовать успѣху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; ихъ раздѣляли съ Бѣлинскимъ лучшіе люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрѣпляли связь между критикомъ и читателемъ. Ничего подобнаго не встрѣтишь въ теперешней критикѣ, потому что усвоить себѣ всѣ сочувствія извѣстной эпохи, всѣ ея сильныя и слабыя стороны, словомъ, воплотить въ себѣ эпоху можетъ только сильный талантъ, а нашимъ критикамъ именно недостаетъ силы и таланта. У нихъ есть кой какія знанія, есть честныя убѣжденія, благородныя стремленія, но нѣтъ той жизни, той энергіи и огня, которые неотразимымъ обаяніемъ дѣйствуютъ на общество и увлекаютъ за собою умы читателей. Этимъ недостаткомъ таланта объясняются ошибки нашей критики, ея безтактность, и главное, ея поразительная мертвенность. Человѣкъ талантливый творитъ по внутренней потребности; онъ увлекается процессомъ творчества за предѣлы всякой теоріи, и увлекаетъ за собою слушателей или читателей; онъ иногда ошибается, противорѣчитъ себѣ, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мѣшаютъ ему размѣрять каждый шагъ и взвѣшивать каждое слово. Трудолюбивая посредственность часто найдетъ случай уличить его въ поверхностности, въ поспѣшности выводовъ, въ недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, но во всѣхъ этихъ ошибкахъ, въ самыхъ противорѣчіяхъ видна самородная сила мысли, отъ нихъ вѣетъ жизнью, и во имя этого обаятельнаго дыханія жизни вы охотно извините талантливому человѣку отдѣльные пробѣлы и недосмотры; задаться какою нибудь теоріею и

неотступать отъ нея въ теченіи всей своей дѣятельности—это невозможно для талантливаго человѣка; оторваться отъ интересовъ дѣйствительной жизни онъ рѣшительно не въ состояніи; его природа слишкомъ воспріимчива и впечатлительна, чтобы не отозваться на то «что проситъ у сердца отвѣта». Онъ можетъ расходиться съ своими современниками въ пониманіи житейскихъ вопросовъ и важнѣйшихъ интересовъ эпохи, онъ можетъ вступить съ ними въ открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметомъ этой борьбы будетъ дѣйствительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теорія, созданная одностороннею работою мозга. Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей дѣйствительности. Бѣдны, однообразны эти звуки, не слагаются они въ стройную гармонію,—все это правда, но вѣдь все таки это дѣйствительность, и самая ея бѣдность и однообразіе представляютъ намъ фактъ, способный вызвать слово сочувствія у дѣйствительнаго поэта, или навести истиннаго критика на плодотворныя размышленія. Эту бѣдность не замаскируешь самыми пестрыми декораціями фантазіи, да и кого обманутъ эти декораціи? Дѣтей, невыучившихся отличать мишуру отъ золота, да тѣхъ жалкихъ людей, у которыхъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ, и которые способны жить одною головою и удовлетворяться тѣмъ, что въ ихъ мозгу господствуетъ строгая систематичность и существуетъ гармоническое согласіе между поселенными въ немъ идеями.

VI.

Наша изящная словесность представляетъ интересъ преимущественно психологическій; она разсматриваетъ человѣка, а не гражданина, не представителя извѣстной эпохи, не члена извѣстнаго общества. Черты народности, эпохи и общества встрѣчаются въ изобиліи въ создаваемыхъ его образахъ, потому что эти образы дѣйствительно художественны и слѣдовательно вполнѣ опредѣлены; но эти черты составляютъ только необходимые аксессуары; что же касается до главныхъ пружинъ романическаго интереса, то онѣ обыкновенно скрываются во внутреннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, въ колоритѣ личныхъ

и семейныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У насъ не было историческаго романа, за исключеніемъ «Капитанской дочки» Пушкина; у насъ нѣтъ до сихъ поръ соціальнаго или нравоописательнаго романа. Въ этомъ отношеніи литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бытомъ; гражданскія доблести и патріотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всѣмъ угрожаетъ опасность, какъ то было напр. въ 1812 году; вызванное общею опасностью, это патріотическое чувство равносильно чувству самосохраненія, возбужденному одновременно въ нѣсколькихъ милліонахъ людей. Эти милліоны поднимаются не для того, мнѣ кажется, чтобы отстоять какую нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются всѣ вмѣстѣ потому, что каждому отдѣльно грозитъ опасность. Эта разрозненность не подлежитъ сомнѣнію. Хороша ли она, или нѣтъ, это вопросъ и, мнѣ кажется, вопросъ далеко нерѣшеный. Она мѣшаетъ единству гражданскаго дѣйствія, но зато развиваетъ личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также рѣшить a priori, составляетъ ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое, временное слѣдствіе внѣшней организаціи нашего общества; какъ бы то ни было, фактъ существуетъ, и, если можно, изъ него нужно извлечь пользу. Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, обладающая большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, еслибы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, который не мѣшало бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Съ важнымъ видомъ взойти на каѳедру, и ни съ того ни съ сего начать проповѣдь о человѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ было бы конечно смѣшно; я этого и не требую отъ нашей критики; но вы не забудьте того, что въ каждой книжкѣ каждаго толстаго журнала появляются повѣсти и романы; хорошія произведенія представляютъ намъ характеры и образы; посредственныя—выражаютъ стремленія и воззрѣнія авторовъ; и тѣ и другія могутъ дать поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей вседневной жизни; а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ

расчищеніи; это выразилъ еще въ Петербургскомъ Сборникѣ талантливый и рыцарски-честный человѣкъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье» и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуживаемо и разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковою плесенью. Говорить мелькомъ объ условной или мѣщанской нравственности принято въ современной литературѣ. Слово—условная нравственность сдѣлалась даже общимъ мѣстомъ; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смыслъ, и обратилось въ побрякушку, не пробуждающую въ насъ никакого опредѣленнаго представленія; почему это такъ случилось? Насъ заѣли фразы, мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику, и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ видѣть настоящее дѣло. Вотъ напр. г. Григорьевъ пишетъ цѣлую статью объ отношеніи искусства къ нравственности; статья по своему направленію соотвѣтствуетъ духу времени, а между тѣмъ авторъ не выходитъ изъ сферы отвлеченностей и ни одного литературнаго типа не разбираетъ по отношенію къ затронутому вопросу; именъ встрѣчается довольно много, но по поводу этихъ именъ высказываются замѣчанія, относящіяся къ исторіи литературы, но не бросающія никакого свѣта на понятіе условной и истинной нравственности. Прочитавъ статью въ 23 страницѣ, читатель убѣждается въ томъ, что г. Григорьевъ протестуетъ противъ «условной нравственности», но самое понятіе «условная нравственность» остается для него также мало опредѣленнымъ какъ напр. выраженія того же критика: «литыя формы» Карамзина (Время 1861 мартъ) или «казовые концы» нашего общества (Свѣточъ 1861 апрѣль). Заявить въ себѣ присутствіе того или дру-

гаго убѣжденія не трудно; тотъ фактъ, что вы прогрессистъ или обскурантъ, касается только васъ самихъ и вашихъ ближайшихъ знакомыхъ; публика не нуждается въ вашемъ голословномъ исповѣданіи вѣры; оно ни для кого не поучительно и можетъ быть даже не интересно; но если вы дадите себѣ трудъ развить отдѣльныя мысли вашего міросозерцанія, если вы покажете ихъ приложеніе къ дѣлу въ различныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, тогда публика увидитъ степень самостоятельности и искренности вашихъ убѣжденій, степень ихъ жизненности и практической примѣнимости; она увидитъ, что можно задуматься надъ выраженными вами идеями, и, можетъ быть, скажетъ вамъ спасибо за то, что вы дали ей поводъ къ тѣмъ или другимъ размышленіямъ. Есть множество истинъ простыхъ и понятныхъ, которыя однако не совсѣмъ легко примѣнить, даже въ теоритическомъ разсужденіи, къ отдѣльнымъ случаямъ жизни. «Уважайте въ себѣ и въ другихъ человѣческую личность»—что можетъ быть проще этого правила; вѣроятно не найдется ни одного человѣка въ мірѣ, который рѣшился бы спорить противъ этой мысли, выраженной въ догматической формѣ, вѣроятно никто не найдетъ этого изреченія безнравственнымъ; а между тѣмъ, посмотрите вокругъ себя—вы встрѣтите на каждомъ шагу противорѣчія этому простому правилу практической нравственности; загляните въ исторію человѣчества, и вы убѣдитесь въ томъ, что оно даже теоретически не уяснило себѣ этой идеи. Можно сказать рѣшительно, что приложеніе принципа къ дѣлу гораздо важнѣе самаго принципа. Вѣроятно Русскій Вѣстникъ не рѣшится выставить на своемъ знамени цитату изъ Домостроя, вѣроятно онъ скажетъ смѣло, что ратуетъ за прогрессъ и за свободу человѣческой мысли и личности, а между тѣмъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые выразили свое неудовольствіе по поводу статьи Камня Виногорова, называетъ ихъ стаею, спущенною г. Михайловымъ, а всю исторію протеста клеймитъ именемъ возмутительнаго гама на площадяхъ русской литературы. Споры возникаютъ въ наше время не столько за принципъ, сколько за отдѣльныя частности въ его приложеніи къ дѣлу; въ основномъ принципѣ всѣ порядочные люди болѣе или менѣе согласны между собою; кто не сходится съ нами въ основаніи, съ тѣмъ мы считаемъ всякій споръ совершенно безполезнымъ; вѣроятно, ни одинъ порядочный журналъ не вступитъ въ полемику съ «Домашнею бесѣдою» и не откликнется ни однимъ словомъ на кривлянія г. Аскоченскаго. Изъ всего этого слѣдуетъ, что критика будетъ тѣмъ жи-

вѣе и плодотворнѣе для общества, чѣмъ меньше будетъ въ ней отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ неуклоннѣе она будетъ слѣдить за движеніемъ жизни, и чѣмъ внимательнѣе будетъ обсуживать отдѣльныя явленія науки и искусства, даже отдѣльные случаи вседневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажутъ съ ужасомъ тѣ литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направленія и за величіемъ и строгостью идеи. Господа, отвѣчу я, не будемъ обманывать самихъ себя: вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны заниматься тѣмъ, что всѣмъ доступно и всѣмъ можетъ принести пользу. Какой нибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуетъ публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ ли у насъ западники и славянофилы; по поводу этого общественнаго скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателей кое какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ и свистуновъ, etc etc.. Что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное и въ то же время педантическое презрѣніе къ тѣмъ интересамъ, которые волнуютъ окружающихъ васъ людей. Какъ критикъ, вы должны помогать общественному самосознанію и не оставаться, сложа руки, когда общество рискуетъ ошибиться, или когда является возможность высказать ему нѣсколько истинъ. Олимпійское спокойствіе можетъ быть очень умѣстно въ ученомъ собраніи, но оно никуда негодится на страницахъ журнала, служащаго молодому, еще не перебродившему обществу. Если вашъ утонченный слухъ не терпитъ рѣзкихъ звуковъ, откажитесь отъ критической дѣятельности, приводящей васъ въ соприкосновеніе съ живымъ и безалабернымъ міромъ людей; плохой тотъ медикъ, который блѣднѣетъ при видѣ крови, и падаетъ въ обморокъ, когда нужно перевязывать рану больнаго; плохой тотъ критикъ, который не въ состояніи вынести шума житейскихъ толковъ и потому можетъ познакомиться съ жизнью только по книгамъ, написаннымъ высокимъ слогомъ и проникнутымъ олимпійскимъ спокойствіемъ. Но, извините, между медикомъ и критикомъ большая разница. Медикъ не виноватъ въ томъ, что у него слабы нервы; онъ борется съ собою и не можетъ побѣдить себя; что же касается до щепетильнаго критика, то онъ очевидно напус—

каетъ на себя дурь и даже любуется тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ относится къ суетящейся мелюзгѣ. «Время» говорило о литературныхъ генералахъ; помилуйте, да у насъ есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушатъ насъ, какъ мальчишекъ, за отсутствіе серьезности и за то, что мы смѣемъ безпокоить ихъ барскія уши и нарушать ихъ величавую полудремоту. Попробуйте написать рѣзкую критическую статью: Отечественныя Записки сейчасъ обвинятъ васъ въ гарцованіи, въ срамословіи и сквернмысліи (Sic!), а Русскій Вѣстникъ крикнетъ изъ Москвы: «молчать мальчишки, не смѣйте разсуждать, когда я говорю».

Все это было бы почти грустно, еслибы не было въ высшей степени смѣшно.

VII.

Стремленіе къ серьезности, господство теорій, переходящихъ порою въ рутину, отвлеченность и вслѣдствіе этого безжизненность содержанія и неясность внѣшней формы составляютъ неотъемлемое достояніе нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держитъ въ запасѣ нѣсколько казенныхъ фразъ, которыми эти слабости и недостатки возводятся въ высшія достоинства; отворачиваться отъ явленій дѣйствительности значитъ служить вѣчнымъ интересомъ мысли; туманныя отвлеченности называются философіею; даже самый осязательный недостатокъ—неясность формы—не встрѣтилъ себѣ до сихъ поръ опредѣленно выраженнаго протеста въ печати. Словомъ, средневѣковая схоластика и египетская символистика живутъ въ нашей періодической литературѣ, несмотря на изобрѣтеніе Гутенберга, которое, какъ мы знаемъ по самымъ элементарнымъ учебникамъ, должно было разбить замкнутость ученаго сословія и сдѣлать науку достояніемъ массы. Схоластика оправдывается условіями своего времени; египетская символистика вытекла изъ религіи и поддерживалась народнымъ характеромъ, любившимъ таинственность и мистическій мракъ; но въ наше время схоластическое отчужденіе отъ жизни и символическая загадочность выраженія составляютъ печальный анахронизмъ. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ построить эсте-

тическую теорію и уяснить вѣчные законы изящнаго рѣшительно не удались, и не удались именно потому, что нашъ вѣкъ уже не ловится на теоріи и не повинуется слѣпо вымышленнымъ законамъ. Прошли тѣ времена, когда Буало и Батте, законодатели ложнаго классицизма, могли произвольно обрѣзывать область творчества и выбрасывать изъ нея все низкое (т. е. не высокое) и пошлое (т. е. обыденное). У насъ въ журнальной критикѣ былъ моментъ, когда теорія сразилась съ интересами жизни и употребила всѣ усилія, чтобы поворотить движеніе мысли туда, куда требовалось, сообразно съ буквою эстетическаго закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и какъ того слѣдовало ожидать, теоретики не остановили теченія жизни, и отошли въ сторону, пожимая плечами. Дѣло шло объ обличительной литературѣ. Надо было рѣшить, законное ли она явленіе, или нѣтъ. Собственно говоря, въ рѣшеніи этого вопроса никто не нуждался; публика съ наслажденіемъ читала «Губернскіе очерки» Щедрина, нисколько не заботясь о томъ, осудитъ или оправдаетъ его наша критика; но рьяные систематики, любящіе систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категоріи, въ которую можно было включить произведенія новаго беллетриста. Эти систематики возстали противъ обличительной литературы и съ фанатическимъ жаромъ вступились за отвлеченное понятіе искусства. Г. Ахшарумовъ помѣстилъ даже въ Отечеств. Зап. 1858 года статью подъ громкимъ заглавіемъ: «Порабощеніе искусства.» Словомъ, господа теоретики такъ горячо вступились за отвлеченное понятіе, какъ вступаются только за живаго человѣка, когда ему наносятъ тяжелое оскорбленіе. Слушая ихъ, можно было подумать, что не повѣсти и романы пишутся для того, чтобы удовлетворить творческому стремленію авторовъ и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе, а наоборотъ—писатели и публика существуютъ: первые для того, чтобы писать, а послѣдніе для того, чтобы читать художественныя произведенія. Теорія здѣсь, какъ и вездѣ, посягала на свободу писателей и читателей; здѣсь, какъ и вездѣ, она обнаруживала крайнюю близорукость и крайнее незнаніе жизни. Она хотѣла передѣлать жизнь по своему и подчинить своимъ приговорамъ творчество художника и вкусъ цѣнителя. Она не поняла того, что протестъ былъ насущною потребностью русскаго общества въ лицѣ наиболѣе развитыхъ его представителей; она не захотѣла вникнуть въ то, что протестъ могъ выразиться только въ

изящной словесности и что на этомъ основаніи наши протестанты съ жадностью ухватились за эту форму. Критика отстала отъ общества и отъ изящной словесности, и, толкуя объ исторіи, сама забыла приложить историческую оцѣнку къ невиданному явленію. Она заговорила объ абсолютныхъ законахъ творчества и не сообразила того, что абсолютной красоты нѣтъ, и что вообще понятіе красоты лежитъ въ личности цѣнителя, а не въ самомъ предметѣ. Что на мои глаза прекрасно, то вамъ можетъ не нравиться; что приходилось по вкусу нашимъ отцамъ, то можетъ наводить на насъ сонъ и дремоту; Негритянка, которая своему соотечественнику покажется воплощеніемъ красоты, навѣрное не понравится европейцу. Красота чувствуется, а не мѣряется аршиномъ; требовать, чтобы художественное произведеніе приводило зрителей или слушателей въ одинаковое настроеніе, значитъ желать, чтобы у всѣхъ этихъ господъ равномѣрно бился пульсъ, а сдѣлать это очень трудно; намъ извѣстно изъ исторіи, что Карлъ V во время своего пребыванія въ монастырѣ св. Юста при всѣхъ усиліяхъ не успѣлъ привести къ равномѣрному ходу двухъ стѣнныхъ часовъ. Человѣческій организмъ будетъ посложнѣе стѣнныхъ часовъ; къ—тому же онъ образуется и развивается помимо нашей воли; изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что законодатели-эстетики напрасно стараются добраться до такихъ законовъ, которые на практикѣ признало бы все человѣчество.—Вы можете рядомъ силлогизмовъ доказать мнѣ, что такое то произведеніе художественно, но если это произведеніе не подѣйствовало на мою нервную систему, то, прочитавши вашу рецензію, я останусь къ нему также холоденъ, какъ и прежде.—Если, стоя передъ картиною, вы предварительно отдаете себѣ отчетъ въ правильности рисунка, въ вѣрности выраженія и въ живости колорита, а уже потомъ начинаете наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ, то это доказываетъ, что картина писана не художникомъ, а трудолюбивымъ и ученымъ техникомъ, или что вы, цѣнитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаніями, что научный элементъ задушилъ въ васъ живое чувство и непосредственную воспріимчивость къ явленію красоты. Это значитъ, что вы заучились, и что ваши мыслительныя силы развились въ ущербъ остальнымъ отправленіямъ вашего организма. Мы, обыкновенные люди, идемъ обратнымъ путемъ, отъ синтеза къ анализу, т. е. сначала чувствуемъ впечатлѣніе, а потомъ отдаемъ себѣ отчетъ въ причинахъ этого впечатлѣнія. Если я не почувствовалъ красоты, то не стану

справляться съ мнѣніемъ знатоковъ, а подожду, пока большее количество жизненнаго опыта не дастъ мнѣ средствъ самостоятельно насладиться даннымъ произведеніемъ, или, пока тотъ же жизненный опытъ не покажетъ мнѣ, что я былъ правъ передъ собственною личностью, пройдя совершенно равнодушно мимо этого произведенія. Личное впечатлѣніе и только личное впечатлѣніе можетъ быть мѣриломъ красоты. Пусть всякій критикъ передаетъ намъ только то, какъ на него подѣйствовало то или другое поэтическое произведеніе; пусть онъ даетъ публикѣ отчетъ въ своемъ личномъ впечатлѣніи, и тогда каждая критическая статья будетъ такъ же искренна и жива, какъ лирическое стихотвореніе истиннаго поэта; тогда рецензія будетъ создаваться, вытекать изъ души критика, а не строиться механически, какъ строится она теперь. Тогда критика будетъ дѣломъ таланта, и бездарность не будетъ въ состояніи укрыться за чужую теорію, превратно понятую и превратно передаваемую. Это конечно pia desideria. Бездарность никогда не откажется отъ критической дѣятельности уже потому, что не сознаетъ себя бездарностью. Бездарность никогда не откажется отъ теоріи, потому что ей необходимъ критеріумъ, на которомъ можно было бы строить свои приговоры, необходима надежная стѣна, къ которой можно было бы прислониться. Вѣдь высказывается же въ нашей журналистикѣ мнѣніе о томъ, что литература наша *страдаетъ* отсутствіемъ авторитетовъ (Отечеств. Зап. 1861. Февраль, Русск. Лит. стр. 76), точно будто вѣра въ авторитетъ или въ теорію составляетъ необходимое условіе жизни. Если такое мнѣніе до сихъ поръ высказывается даже въ догматической формѣ, то очевидно, оно будетъ жить очень долго, можетъ быть даже никогда не умретъ, потому что вѣроятно не переведутся въ обществѣ такіе люди, которые по вялости и робости мысли не рѣшаются стать на свои ноги и постоянно напрашиваются къ кому нибудь подъ умственную опеку. Тѣмъ не менѣе было бы очень хорошо, еслибы вѣра въ необходимость теоріи была подорвана въ массѣ читающаго общества. Строго проведенная теорія непремѣнно ведетъ къ стѣсненію личности, а вѣрить въ необходимость стѣсненія значитъ смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству. Въ вопросѣ объ обличительной литературѣ теорія эстетики выказала всю свою несостоятельность. Дѣло было такъ просто, что возвести его въ теоретическій вопросъ и толковать о немъ больше трехъ лѣтъ могли только Метафизикъ Хемницера, да наша заучившая-

ся критика. Дѣло состояло въ томъ, что въ журналахъ рядомъ съ нѣкоторыми замѣчательными очерками Щедрина стали появляться посредственные разсказы и сцены съ обличительными стремленьицами и съ худо скрытою правоучительною цѣлью. Посредственныя беллетристическія произведенія ни въ какой литературѣ не составляютъ рѣдкости, а у насъ ими хоть прудъ пруди; каждый журналъ ежемѣсячно вноситъ на алтарь отечества свою посильную лепту, въ теченіи года возникаетъ отъ 60 до 80 повѣстей, и конечно въ этомъ числѣ по крайней мѣрѣ $^9/_{10}$ никуда не годятся. Литературныя посредственности обладаютъ обыкновенно значительною гибкостью, потому что они дѣлаютъ, а не творятъ свои произведенія. Увидя успѣхъ щедринскихъ разсказовъ, эти господа пустились въ подражаніе, и можно сказать положительно, что они хорошо сдѣлали. Ихъ повѣсти не могли имѣть художественнаго значенія ни въ какомъ случаѣ; когда они взялись за обличеніе, ихъ очерки получили житейскій интересъ. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «поэтъ и чернь» спрашиваетъ:

Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

и какъ извѣстно, выражаетъ ту мысль, что поэты созданы для пѣснопѣній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Пушкина, но позволю себѣ одинъ нескромный вопросъ: неужели можно назвать жрецами искусства гг. Карновича, С. Ѳедорова, Основскаго, г–жу Вахновскую, Нарскую, г. Кугрушева etc. etc.? Мнѣ кажется, эти господа могутъ смѣло взять метлу въ руки, нисколько не роняя своего достоинства. Красота формы имъ недоступна; пускай же они разсказываютъ интересные житейскіе случаи, это будетъ гораздо занимательнѣе для читателя, чѣмъ тѣ сентиментально блѣдные романы, которые производятъ г–жи Нарская и Вахновская. Но наша критика увидала въ наплывѣ обличительныхъ очерковъ новое направленіе, опасное для искуства, точно будто сфера искусства доступна для людей безъ дарованія, и точно будто истинное дарованіе можетъ сбиться съ пути какимъ нибудь господствующимъ направленіемъ. Явились также защитники обличительной литературы, доказывавшіе, что гражданскій протестъ есть прямая обязанность искусства. Спорящія стороны были достойны другъ друга и одинаково смѣшны для безпристрастнаго наблюдателя. Я бы имъ посовѣтовалъ проѣхать мимо академіи художествъ, прочитать на фронтонѣ надпись

«свободнымъ художествамъ» и подумать о смыслѣ этихъ словъ. Спорящія стороны вспомнили бы, можетъ быть, что свобода въ выборѣ и обработкѣ сюжета также необходима для художника, какъ для насъ съ вами воздухъ и пища; что ни наталкивать художника на какую нибудь задачу, ни насильно оттаскивать его отъ нея нельзя; они поняли бы тогда, можетъ быть, что искренній крикъ негодованія, вырвавшійся у художника при видѣ общественныхъ гадостей, составляетъ такой же драгоцѣнный моментъ его творческой дѣятельности, какъ спокойное созерцаніе прекраснаго образа; другая сторона поняла бы, что этотъ крикъ негодованія только тогда дѣйствительно силенъ, когда онъ не поддѣланъ, а вырывается невольно изъ груди дѣйствительно раздраженнаго человѣка; она поняла бы, слѣдовательно, что сердиться на художника за отсутствіе подобныхъ криковъ значитъ посягать на его личную свободу и заставлять человѣка плакать или смѣяться, когда ему не грустно или не смѣшно. Что же касается до обличительнаго мусора, завалившаго наши журналы 1857 и 1858 годовъ, то обѣ стороны хорошо бы сдѣлали, еслибы совершенно не спорили о немъ. Мусоръ — явленіе неизбѣжное и никакое направленіе литературы его не уничтожитъ; если же выбирать изъ двухъ золъ лучшее, то конечно можно выбрать обличительный родъ, который хоть не изображаетъ жизни, но по крайней мѣрѣ разсказываетъ о ней. Замѣчательно, что до сихъ поръ состязаніе двухъ направленій нашей критики не прекратилось или не забыто. Г—бовъ до нашихъ временъ въ началѣ каждой статьи прохаживается насчетъ эстетической критики, а г. Григорьевъ оплакиваетъ паденіе истинной поэзіи, видитъ въ Тургеневѣ послѣдняго Могикана чистаго искуства и даже въ послѣдней, очень туманной статьѣ своей «объ идеализмѣ и реализмѣ» (Свѣточъ. 1861, апрѣль) является робкимъ ходатаемъ идеализма, который по его мнѣнію воплотился въ Тургеневѣ.—Обѣ стороны, т. е. критики, старающіеся запречь поэзію въ возъ, и критики, стремящіеся къ безпредѣльности и къ вѣчной красотѣ, спорятъ между собою, дѣлаютъ другъ на друга колкіе намеки, обижаются ими, отвѣчаютъ на нихъ упреками, — и, хоть бы одинъ разъ, на досугѣ, они подумали: «изъ чего мы хлопочемъ? Кого интересуютъ наши кровавые споры? Зачѣмъ и на что мы тратимъ энергію? На кого наши слова будутъ имѣть вліяніе?» Да, господа, Крыловъ не умретъ, и его басня: «муха и дорожные» не разъ найдетъ себѣ приложеніе.

VIII.

Наше время рѣшительно не благопріятствуетъ развитію теорій. Народъ хитрѣе сталъ, какъ выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Умъ нашъ требуетъ фактовъ, доказательствъ; фраза насъ не отуманитъ и въ самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи фантазіи мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ. Фанатическое увлеченіе идеею и принципомъ вообще, сколько мнѣ кажется, не въ характерѣ русскаго народа. Здравый смыслъ и значительная доля юмора и скептицизма составляетъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума, мы болѣе склоняемся къ Гамлету, чѣмъ къ Донъ Кихоту; намъ мало понятны энтузіазмъ и мистицизмъ страстнаго адепта. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привьется къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный, здоровый и свѣжій матеріализмъ. Діалектика, фразерство, споры на словахъ и изъ за словъ совершенно чужды этому простому ученію. До фразъ мы конечно большіе охотники, но насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ процессъ фразерства, а не сущность той мысли, которая составляетъ предметъ разсужденія или спора. Русскіе люди способны спорить о какой нибудь высокой матеріи битыхъ шесть часовъ и потомъ когда пересохнетъ горло и охрипнетъ голосъ, отнестись къ предмету спора съ самою добродушною улыбкою, которая покажетъ ясно, что въ сущности горячившемуся господину было очень мало дѣла до того, о чемъ онъ кричалъ. Эта черта нашего характера привела бы въ отчаяніе добросовѣстнаго Нѣмца, а въ сущности это преспмпатичная черта. Фанатизмъ подъ—часъ бываетъ хорошъ, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненныя передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потому что вы не будете взбираться на недосягаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а

наслажденіемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предъидущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣсняя другихъ непрошенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностью, или вѣрнѣе съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Еслибы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ, и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искуственныхъ понятій идеала и долга, и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колыбели сотни людей, которыхъ вы почти не знаете, и которые васъ знаютъ не какъ личность, а какъ единицу, какъ члена извѣстнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.

Возможность такого порядка вещей представляетъ конечно неосуществимую мечту, но почему же не отнестись добродушно къ мечтѣ, которая не ведетъ за собою вредныхъ послѣдствій и не переходитъ въ мономанію. Міръ мечты можетъ тоже сдѣлаться обильнымъ источникомъ наслажденія, но этимъ источникомъ надо пользоваться съ крайнею осторожностью. Самый крайній матеріалистъ не отвергнетъ возможности наслаждаться игрою своей фантазіи или слѣдить за игрою фантазіи другаго человѣка. Въ первомъ случаѣ, на первомъ процессѣ основанъ процессъ поэтическаго творчеста; на второмъ—процессъ чтенія поэтическихъ произведеній. Но съ другой стороны самый необузданный идеализмъ происходилъ именно отъ того, что элементъ фантазіи получалъ слишкомъ много простора и разыгрывался въ чужой области, въ области мысли, въ сферѣ научнаго изслѣдованія. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежатъ только моему воображенію, до тѣхъ поръ я тѣшусь ими, я властвую надъ ними и воленъ избавиться отъ нихъ, когда захочу. Но какъ только яркость вызванныхъ образовъ ослѣпила меня, какъ только я забылъ свою власть надъ ними, такъ эта власть и пропала; образы переходятъ въ призраки и живутъ помимо моей воли, живутъ своею жизнью, давятъ меня, какъ кошемаръ, оказываютъ на меня вліяніе, господствуютъ надо мною, внушаютъ мнѣ страхъ, приводятъ меня въ напряженное состояніе. Такъ напр. Пелазгъ создавалъ свою первобытную религію и падалъ во прахъ передъ созданіемъ собственной мысли.

Галлюцинація его была ослѣпительно ярка; критика была слишкомъ слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призракомъ и человѣкомъ была не ровная, и человѣкъ склонялъ голову и чувствовалъ себя подавленнымъ, пригнутымъ къ землѣ....

Шутить съ мечтой опасно; разбитая мечта можетъ составить несчастіе жизни; гоняясь за мечтою, можно прозѣвать жизнь или въ порывѣ безумнаго воодушевленія принести ее въ жертву. У такъ называемыхъ положительныхъ людей мечта принимаетъ формы болѣе солидныя и превращается въ условный идеалъ, наслѣдованный отъ предковъ и носящійся передъ цѣлымъ сословіемъ или классомъ людей. Идеалъ человѣка comme il faut, человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника—все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію. Да какъ же жить, спросите вы, неужели безъ цѣли? Цѣль жизни! какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя. Посмотримъ на него поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размышленіе; непосредственный инстинктъ натолкнулъ бы васъ на прямую дорогу и натолкнулъ бы, можетъ быть, скорѣе и вѣрнѣе, нежели навелъ тщательный анализъ; если же, Боже упаси, вы поставите себѣ цѣль, несовмѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя, то останетесь недовольны; если побѣдите себя, тогда вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто-разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человѣкомъ. Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите. Васъ затрудняетъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству?

Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чув-

ства къ окружающимъ людямъ и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. по доброй волѣ, а не по нравственному принужденію. Вы подумаете, можетъ быть, что я указываю вамъ на état de la nature, и обратите мое вниманіе на то, что дикари, живущіе въ первобытной простотѣ нравовъ, далеко не отличаются добродушіемъ и доводятъ эгоизмъ до полнѣйшей животности. На это я отвѣчу, что дикари живутъ при такихъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію характера; во первыхъ, они подчинены вліянію внѣшней природы, между тѣмъ какъ мы успѣли уже отъ него избавиться; во вторыхъ, они вѣрятъ въ тѣ призраки, о которыхъ я говорилъ выше; въ третьихъ, они болѣе или менѣе стремятся къ условному идеалу, и идеалъ у нихъ одинъ, потому что вся дѣятельность ограничивается охотою и войною; присутствіе этого идеала оказываетъ самое стѣснительное вліяніе на живыя силы личности. Изъ всего этого слѣдуетъ заключеніе, что развитіе недѣлимаго можно сдѣлать независимымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій только на высокой степени общественнаго развитія; эманципація личности и уваженіе къ ея самостоятельности является послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Дальше этой цѣли мы еще ничего не видимъ въ процессѣ историческаго развитія, и эта цѣль еще такъ далека, что говорить о ней значитъ почти мечтать. Набросанныя мною мысли, вылившіяся изъ глубины души, составляютъ основу цѣлаго міросозерцанія; вывести всѣ послѣдствія этихъ идей не трудно, и я надѣюсь, что читатель, если захочетъ, будетъ въ состояніи по начерченному плану возсоздать въ воображеніи все зданіе. Къ сожалѣнію наша критика не высказала до сихъ поръ этихъ идей и относилась къ эгоизму, какъ къ пороку, а въ фокусахъ и подвигахъ самопожертвованія видѣла высокую добродѣтель. До сихъ поръ, касаясь философіи жизни, она считаетъ идеалъ совершенною необходимостью и въ стремленіи къ идеалу, въ сознаніи долга видитъ самыя живыя стороны человѣческой личности и дѣятельности. Стремленіе къ наслажденію она называетъ свойствомъ чисто животнымъ, но допускаетъ однако, что изъ этого же источника можетъ развиться благородное и высокое стремленіе къ самосовершенствованію. Система глубоко вкоренилась въ нашу нравственную философію и хозяйничаетъ въ области человѣческихъ мыслей и чувствъ, не обращая никакого вниманія на самаго хозяина. Теоретикамъ нѣтъ дѣла до того, что есть въ наличности; они говорятъ: такъ должно

быть, поворачиваютъ все вверхъ дномъ и утѣшаются тѣмъ, что внесли симметрію и систему въ живой міръ явленій. Кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ философіею исторіи Гегеля, тотъ знаетъ, до какихъ поразительныхъ крайностей можетъ довести даже очень умнаго человѣка манія всюду соваться съ законами и всюду вносить симметрію. Если вы читали въ «Отеч. Зап.» прошлаго года прекрасную статью г. Вагнера: «Природа и Мильнъ Эдвардсъ,» то вы могли убѣдиться въ томъ, что въ сферѣ естественныхъ наукъ рьяное систематизированіе ведетъ къ поразительнымъ и осязательнымъ нелѣпостямъ. Внесенная въ область человѣческой нравственности, система не ведетъ къ такимъ явнымъ нелѣпостямъ, только потому, что мы привыкли смотрѣть на вещи ея глазами; мы живемъ и развиваемся подъ вліяніемъ искуственной системы нравственности; эта система давитъ насъ съ колыбели, и потому мы совершенно привыкаемъ къ этому давленію; мы раздѣляемъ этотъ гнетъ системы со всѣмъ образованнымъ міромъ. — — —

Но оставаясь для насъ незамѣтнымъ, это умственное и нравственное рабство медленнымъ ядомъ отравляетъ нашу жизнь; мы умышленно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ за собою, какъ за опаснымъ врагомъ, хитримъ передъ собою, и ловимъ себя въ хитрости, боремся съ собою, побѣждаемъ себя, находимъ въ себѣ животные инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертью мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо ли я съигралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени! Поневолѣ вспомнишь слова Нестора: «никто же ихъ не биша, сами ся мучиху.»

IX.

Матеріализмъ сражается только противъ теоріи; въ практической жизни мы всѣ матеріалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и матеріалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеалъ служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ кошемаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фак-

тическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ; вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и если ваша тетрадь или книга не попадется вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознаніе говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахару, то вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо увѣрены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахару, сколько кладете обыкновенно. Вы видите такимъ образомъ, что самое твердое убѣжденіе разрушается при столкновеніи съ очевидностью и что свидѣтельству вашихъ чувствъ вы невольно придаете гораздо больше значенія, нежели соображеніямъ вашего разсудка. Проведите это начало во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ и вы получите полнѣйшій матеріализмъ: я знаю только то, что вижу, или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ. Я самъ могу поѣхать въ Африку и увидать ея природу и потому принимаю на вѣру разсказы путешественниковъ о тропической растительности; я самъ могу провѣрить трудъ историка, сличивши его съ подлинными документами, и потому допускаю результаты его изслѣдованій; поэтъ не даетъ мнѣ никакихъ средствъ убѣдиться въ вещественности выведенныхъ имъ фигуръ и положеній, и потому я говорю смѣло, что они не существуютъ, хотя и могли бы существовать. Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія; *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидать, или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія*. Вотъ каноника матеріализма, и философы всѣхъ временъ и народовъ сберегли бы много труда и времени и во многихъ случаяхъ избавили бы своихъ усердныхъ почитателей отъ безплодныхъ усилій понять несуществующее, еслибы не выходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ круга предметовъ, доступныхъ непосредственному наблюденію. Въ исторіи человѣчества было нѣсколько свѣтлыхъ головъ, указывавшихъ на границы познаванія, но мечтательныя стремленія въ несуществующую безпредѣльность обыкновенно одерживали верхъ надъ холодною критикою

скептическаго ума и вели къ новымъ надеждамъ и къ новымъ разочарованіямъ и заблужденіямъ. За греческими атомистами слѣдовали Сократъ и Платонъ; рядомъ съ эпикуреизмомъ жилъ ново-платонизмъ; за Бекономъ и Локке, за энциклопедистами XVIII вѣка последовали Фихте и Гегель; легко можетъ быть, что послѣ Фейербаха, Фохта и Молешота возникнетъ опять какая нибудь система идеализма, которая на мгновеніе удовлетворитъ массу больше, нежели можетъ удовлетворить ее трезвое міросозерцаніе матеріалистовъ. Но что касается до настоящей минуты, то нѣтъ сомнѣнія, что одолѣваетъ матеріализмъ; всѣ научныя изслѣдованія основаны на наблюденіи, и логическое развитіе основной идеи, развитіе, не опирающееся на факты, встрѣчаетъ себѣ упорное недовѣріе въ ученомъ мірѣ. Не послѣдовательности выводовъ требуемъ мы теперь, а дѣйствительной вѣрности, строгой точности, отсутствія личнаго произвола въ группировкѣ и выборѣ фактовъ. Естественныя науки и исторія, опирающаяся на тщательную критику источниковъ, рѣшительно вытѣсняютъ умозрительную философію; мы хотимъ знать, что есть, а не догадываться о томъ, что можетъ быть. Германія — отечество умозрительной философіи, классическая страна новѣйшаго идеализма, породила поколѣніе современныхъ эмпириковъ и выдвинула впередъ цѣлую школу мыслителей, подобныхъ Фейербаху и Молешоту. Филологія стала сближаться въ своихъ выводахъ съ естественными науками и избавляется мало по малу отъ мистическаго взгляда на человѣка вообще и на языкъ въ особенности. Извѣстный молодой ученый, Штейнталь, комментировавшій Вильгельма Гумбольдта въ замѣчательной брошюрѣ «Языкознаніе В. Гумбольдта и философія Гегеля» откровенно сознается въ томъ, что умозрительная философія сама по себѣ существовать не можетъ, что она должна слиться съ опытомъ и изъ него черпать всѣ свои силы; онъ понимаетъ философію только какъ осмысленіе всякаго знанія и внѣ области видимыхъ, единичныхъ явленій не видитъ возможности знанія и мышленія. Не забудьте, что это голосъ изъ противоположнаго лагеря, голосъ со стороны гуманистовъ, людей не привыкшихъ обращаться съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ, и по самому роду своихъ занятій расположенныхъ искать высшихъ причинъ и двигательныхъ силъ; если эти люди сходятся въ своихъ идеяхъ съ натуралистами, то это доказываетъ, что доводы послѣднихъ дѣйствительно имѣютъ за себя неотразимую силу истины. Признаніе Штейнталя далеко не представляет-

ся намъ единичнымъ фактомъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ напр., что говоритъ Гаймъ въ своемъ предисловіи къ лекціямъ о философіи Гегеля (Гегель и его время, стр. 9.): «Есть души, которыя никакъ не въ состояніи обойтись безъ такъ называемыхъ Бекономъ *idola theatri* и потому постоянно будутъ страшиться скачка черезъ широкій ровъ, отдѣляющій метафизическое отъ чисто исторически человѣческаго. Къ числу такихъ людей принадлежатъ тѣ, которые точку опоры ищутъ не въ самихъ себѣ, но надъ собой и внѣ себя.» Далѣе: (стр. 11): «Господствующее въ наше время удаленіе отъ занятій философіею и все болѣе и болѣе возрастающая самостоятельность исторической науки и естествовѣдѣнія должны пользоваться, какъ всякій согласится, по крайней мѣрѣ тѣми же правами, какъ и всякій другой фактъ. Изъ этихъ словъ Штейнталя и Гайма можно, кажется, вывести заключеніе, что умозрительная философія упала въ общественномъ мнѣніи ученаго міра и что паденіе это признано даже тѣми людьми, которые ex officio, какъ ученики Гегеля, и люди занимающіеся философіею, должны были отстаивать ея права на существованіе. Посмотримъ теперь въ бѣгломъ очеркѣ, какъ отнеслась къ этимъ современнымъ явленіямъ и вопросамъ наша критика и ученая литература.

X.

Прилично писать о философіи для насъ дѣло новое; семинарская философія существуетъ уже давно, но она, къ счастью, не находитъ себѣ читателей и цѣнителей внѣ предѣловъ извѣстной касты. Мертвая доктрина г. Новицкаго и составителя философскаго лексикона ни для кого не можетъ быть опасна. Она не отъ міра сего, и міръ ее не пойметъ. Эти дряхлыя явленія могутъ быть смѣло пропущены критикою и оставлены безъ всякаго вниманія публикой. Можно сказать, что г. Антоновичъ въ своей рецензіи философскаго лексикона (Современникъ 1861 г. Февраль) сражается съ вѣтряными мельницами; было бы гораздо проще предложить читателямъ двѣ, три выписки изъ этого произведенія, читатели сразу поняли бы въ чемъ дѣло и вѣроятно потеряли бы всякое желаніе платить деньги за философскій лексиконъ такого сорта; бороться съ идеями философскаго лексикона

недостойно развитаго человѣка, да и просто не стоитъ, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной формѣ, въ которую онѣ облечены; нужно было просто предохранить публику отъ безполезныхъ расходовъ, а эта цѣль могла быть достигнута съ гораздо меньшею тратою труда и времени. Вполнѣ сочувствуя свѣжему и здоровому направленію мысли, высказавшемуся въ статьѣ г. Антоновича, я позволю себѣ выразить сожалѣніе о томъ, что эти свѣжія силы потратились на опроверженіе чепухи, которая никого даже не введетъ въ соблазнъ, которую навѣрное не возьметъ въ руки ни одинъ читатель «Современника». Въ послѣдніе четыре года у насъ стали появляться статьи философскаго содержанія, до нѣкоторой степени доступныя читающей публикѣ; въ нихъ толкуютъ правда объ общемъ идеалѣ, въ нихъ есть много туманныхъ мѣстъ и безполезной діалектики, но по крайней мѣрѣ онѣ не призываютъ небесныхъ громовъ на голову не соглашающихся съ ними мыслителей, и спорятъ съ ними умѣреннымъ тономъ, не употребляя старославянскихъ выраженій, не приходя въ священный ужасъ и не обнаруживая благочестиваго негодованія. Статьи г. Лаврова о гегелизмѣ, о механической теоріи міра, о современныхъ германскихъ теистахъ и др. обнаружили въ авторѣ обширную начитанность и основательное знакомство съ внѣшнею исторіею философскихъ системъ. Эти два качества, довольно рѣдкія въ пишущихъ людяхъ нашего времени, доставили г. Лаврову журнальную извѣстность. Добраться до слабыхъ сторонъ г. Лаврова наша критика не могла, потому что ей самой крѣпко приходятся по душѣ неопредѣленность выводовъ и діалектическія тонкости. Между тѣмъ слабая сторона этого писателя заключалась именно въ отсутствіи субъективности, въ отсутствіи опредѣленныхъ и цѣльныхъ философскихъ убѣжденій. Эта слабая сторона могла укрыться отъ глазъ общества тогда, когда г. Лавровъ писалъ историческіе очерки по философіи и занимался изложеніемъ чужихъ системъ; въ подобномъ трудѣ неопредѣленность личныхъ убѣжденій автора можетъ прослыть за историческое безпристрастіе, за объективность и обратиться въ положительное достоинство въ глазахъ читателя. Но въ нынѣшнемъ году, въ январской книжкѣ Отеч. Зап. напечатаны три публичныя лекціи г. Лаврова подъ общимъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи». Уже это заглавіе должно было подать надежду на то, что г. Лавровъ выскажетъ *свои* понятія о философіи и открыто примкнетъ къ одной изъ двухъ пар-

тій, составляющихъ великій расколъ въ современномъ философскомъ мірѣ, т. е. или заявитъ невозможность умозрительной философіи, или станетъ отстаивать ея права на существованіе. Заглавія каждой отдѣльной бесѣды подавали еще болѣе заманчивыя надежды; въ нихъ г. Лавровъ обѣщалъ объяснить, что такое философія въ знаніи, что такое философія въ искуствѣ и что такое философія въ жизни. Читающее общество было вправѣ ожидать отъ этихъ бесѣдъ, что онѣ уяснятъ ей современное движеніе въ области философскихъ наукъ, и что онѣ выдвинутъ впередъ цѣлое міросозерцаніе, выработанное или по крайней мѣрѣ переработанное самодѣятельнымъ умомъ современно развитаго русскаго человѣка. Судя по предъидущимъ работамъ г. Лаврова, общество могло заключить, что у него въ распоряженіи находится много матеріаловъ, и что въ его бесѣдахъ оно получитъ въ популярной формѣ существеннѣйшіе результаты его долговременныхъ и добросовѣстныхъ занятій. Вышло совсѣмъ не то. Бесѣды не коснулись современнаго значенія философіи, совершенно обошли вопросы, поднятые въ этой области новѣйшею школою мыслителей, и не представили никакого опредѣленнаго міросозерцанія. Г. Лавровъ съ особеннымъ стараніемъ скрылъ свою личность такъ, что вы до нея рѣшительно не доберетесь. Не рѣшаясь высказать ни одного яснаго и опредѣленнаго сужденія, г. Лавровъ не выходитъ изъ общихъ мѣстъ элементарной логики, психологіи и эстетики, которую преподаютъ въ гимназіяхъ подъ названіемъ теоріи словесности. Мысли вытекаютъ одна изъ другой; между ними есть связь, есть логическая послѣдовательность, но для чего онѣ текутъ, что вызвало ихъ теченіе и къ чему оно наконецъ приводитъ—это остается совершенно непонятнымъ. Да что же такое наконецъ философія? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеленіе «мозгами», какъ говоритъ купецъ у Островскаго, которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрѣнію, не приведя ни къ чему, не рѣшивъ ни одного вопроса, не разбивъ ни одного заблужденія, не заронивъ въ голову живой идеи, не отозвавшись въ груди усиленнымъ біеніемъ сердца. Да полно, философія ли это?.. Такъ развѣ жъ не философія двигала массы, развѣ не она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарѣлыя формы гражданской и общественной жизни? А XVIII вѣкъ? А энциклопедисты?... Нѣтъ, воля ваша, то, что г. Лавровъ называетъ философіею, то отрѣшено отъ почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры словъ—это схоластика, праздная

игра ума, въ которую можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ въ Англіи и въ Алжирѣ, въ Небесной Имперіи и въ современной Италіи. Гдѣ же современное значеніе подобной философіи? Гдѣ ея оправданіе въ дѣйствительности? Гдѣ ея права на существованіе?—Г. Лавровъ предлагаетъ вопросъ, что такое я? бьется надъ этимъ вопросомъ въ продолженіи цѣлой страницы и кончаетъ тѣмъ, что находитъ вопросъ о нашемъ *Я* научно неразрѣшимымъ. Зачѣмъ же было его поднимать? Какая естественная, жизненняя потребность влечетъ къ разрѣшенію вопроса: что такое я? Къ какимъ результатамъ въ области мысли, частной или гражданской жизни можетъ привести рѣшеніе этого вопроса? Искать разрѣшенія подобнаго вопроса все равно, что искать квадратуры круга. Философскій камень, жизненный элексиръ и perpetuum mobile чрезвычайно полезныя вещи въ сравненіи съ этими гимнастическими фокусами мысли. Этихъ вещей никто не добудетъ, но, по крайней мѣрѣ, кто стремится къ нимъ, тотъ стремится къ осязательнымъ благамъ, и идетъ къ нимъ путемъ опыта, такъ что можетъ на этомъ пути сдѣлать случайно какое нибудь неожиданное и полезное открытіе. Самый вопросъ о томъ, что такое я? и попытки г. Лаврова освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ, здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей безполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (profanum vulgus) отъ храма науки—не въ духѣ нашей эпохи; это негуманно да и опасно; г. Лавровъ этого конечно не желаетъ, потому что самъ открываетъ публичныя лекціи; если же всѣ вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается немногими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Вѣдь странно было бы называть геніальнѣйшимъ произведеніемъ Гете вторую часть Фауста, которую никто не понимаетъ; точно также странно назвать міровою истиною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, ворочаютъ формы, лишенныя содержанія и умышленно отворачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ

явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую то несоразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона такъ же странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ скопцѣ высшую фазу развитія человѣка. Отвлеченности могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитаго, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому, ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ; во первыхъ, во имя цѣлостности человѣческой личности, во вторыхъ, во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополь знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополей. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ? Что за искуство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты? Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искуства, а что наука и искуство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искуство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они кладутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то пойметъ и 10-ти-лѣтній ребенокъ и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ и ученый спеціалистъ. — Итакъ, съ какой стороны ни посмотришь на діалектику и отвлеченную философію, она всячески покажется безполезною тратою силъ и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Если разбирать публичныя лекціи г. Лаврова, то нужно, мнѣ кажется, говоря о первыхъ двухъ бесѣдахъ, не слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ, не опровергать его отдѣльныя положенія, не ловить его на частныхъ противорѣчіяхъ, а

просто въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ показать полнѣйшую безполезность всего предпринятаго имъ труда. Г. Антоновичъ (Соврем. 1861. Апрѣль) написалъ обширную рецензію первыхъ двухъ лекцій г. Лаврова, провелъ въ этой рецензіи свѣжій и современный взглядъ на философію, но, сколько мнѣ кажется, пустился въ совершенно ненужныя частности и тонкости. Возставая противъ діалектики, онъ сражается съ нею діалектическимъ оружіемъ; онъ доказываетъ логическую непослѣдовательность тогда, когда слѣдовало бы доказать практическую безполезность. Дѣло не въ томъ, вѣрно ли рѣшаются вопросы о сущности вещей и о томъ, что такое я, а въ томъ—нужно ли рѣшать эти вопросы. Г. Антоновичъ споритъ съ г. Лавровымъ, какъ адептъ одной школы съ адептомъ другой; было бы, мнѣ кажется, проще и полезнѣе для публики, еслибы онъ сталъ на точку зрѣнія совершеннаго профана и спросилъ бы: а какими знаніями и идеями обогатитъ меня ваша хваленая философія? Одинъ этотъ вопросъ былъ бы, мнѣ кажется, серьезнѣе и радикальнѣе всего длиннаго ряда доказательствъ, которыя г. Антоновичъ выводитъ противъ г. Лаврова. Обративъ все вниманіе свое на одну личность русскаго мыслителя, г. Антоновичъ упускаетъ изъ виду умозрительную философію вообще, между тѣмъ какъ ее давно бы слѣдовало отпѣть и похоронить. — Г. Лавровъ сдѣлалъ попытку поговорить съ нашимъ обществомъ объ умозрительной философіи; этотъ фактъ можно обсудить съ двухъ сторонъ. Можно спросить во первыхъ, умѣстна ли эта попытка? и во вторыхъ, удачно ли она выполнена? Первый вопросъ имѣетъ общій интересъ; обсуживая его, мы толкуемъ о нуждахъ нашего общества и разсматриваемъ характеръ нашей эпохи. Второй вопросъ относится чисто къ личности г. Лаврова и имѣетъ совершенно частный и, сравнительно съ первымъ, узкій интересъ. — Между тѣмъ, г. Антоновичъ усиленно работаетъ надъ вторымъ вопросомъ и не рѣшаетъ перваго; мы узнаемъ отъ него, что г. Лавровъ эклектикъ и не узнаемъ того, годится ли на что нибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философія вообще.—Словомъ, статья г. Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этихъ частностей такъ много, что въ нихъ тонетъ общая идея, а именно эту общую идею и слѣдовало выставить какъ можно рѣзче. Замѣчу еще, что г. Антоновичъ напрасно ограничился разборомъ двухъ первыхъ бесѣдъ г. Лаврова; третья бесѣда о философіи въ жизни отличается отъ двухъ первыхъ большимъ количествомъ внутренняго

содержаніи. Философскія убѣжденія г. Лаврова высказываются наконецъ въ болѣе опредѣленной формѣ и ведутъ къ реальнымъ выводамъ въ сферѣ практической жизни. Объ этой бесѣдѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Г. Лавровъ говоритъ во первыхъ, что цѣль жизни находится внѣ ея процесса, который «*въ каждое мгновеніе есть только переходное случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполнѣ, что составляетъ высшее, существенное, относительно неизмѣнное въ человѣкѣ — для его нравственнаго идеала*».

Во вторыхъ, г. Лавровъ говоритъ, что самый грубый и элементарный взглядъ на жизнь есть тотъ, при которомъ мы стремимся только къ наслажденію; «*первое правило: ищи то, чѣмъ наслаждаемся, доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Послѣднее: пренебрегай всѣмъ, кромѣ высшаго блага, есть изрѣченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, истинные аскеты — большая рѣдкость между людьми.*

Замѣчу мимоходомъ, что уроды тоже составляютъ большую рѣдкость между людьми; ихъ сохраняютъ даже въ спирту!

Въ третьихъ, г. Лавровъ говоритъ, что «*человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть совокупленіе, а не смѣшеніе. Каждая дѣятельность, ставя свой вопросъ, свою цѣль, свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человѣчества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую.*

А вѣдь еслибы вовсе не было идеаловъ, тогда и переносить нечего было бы, и путаницы никакой не могло бы быть. Такъ зачѣмъ же ставить идеалъ необходимымъ условіемъ развитія?

Приведенныя выписки показываютъ ясно, что г. Лавровъ склоняется къ такому міросозерцанію, которое существенно отличается отъ мыслей, высказанныхъ мною на предъидущихъ страницахъ. Я все основываю на непосредственномъ чувствѣ; г. Лавровъ строитъ все на размышленіи и на системѣ; я требую отъ философіи осязательныхъ разультатовъ; г. Лавровъ довольствуется безцѣльнымъ движеніемъ мысли въ сферѣ формальной логики. Я считаю очевидность пол-

нѣйшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; г. Лавровъ придаетъ важное значенiе дiалектическимъ доказательствамъ, спрашиваетъ о сущности вещей, и говоритъ, что она непостижима, слѣдовательно, предполагаетъ, что она существуетъ какъ то независимо отъ явленiя. Въ области нравственной философiи взгляды наши почти дiаметрально противоположны. Г. Лавровъ требуетъ идеала и цѣли жизни, внѣ ея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; г. Лавровъ останавливается передъ аскетомъ съ особеннымъ уваженiемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Г. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ спецiй и ингредiентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленiе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безъискуственно и самостоятельно, не сдавленной служенiемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою,

Я говорилъ, что, по моему мнѣнiю, критику лучше всего высказывать *свой* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣнiемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношенiи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣнiями мои воззрѣнiя и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другiя, или отвергнуть и тѣ, и другiя. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи во что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнiя. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самодѣятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденiю затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самодѣятельное движенiе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно; du choc des opinions jaillit la vérité—говорятъ Французы, и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться. Смѣю льстить себя одной надеждой: еслибы статья моя вызвала какое нибудь опроверженiе, то споръ сталъ бы вертѣться въ кругу дѣйствительныхъ и жизненныхъ явленiй и не перешелъ бы въ схоластическое *словопренiе*. Я об-

суживалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ простаго здраваго смысла и надѣюсь, что, если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать изъ того же источника и не будутъ сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Говоря о нашей философской литературѣ, я упомянулъ только о статьяхъ г. Лаврова и считаю совершенно лишнимъ обсуживать гг. Страхова и Эдельсона; эти явленія такъ блѣдны и чахлы, что объ нихъ не стоитъ упоминать, да и сказать-то нечего. Утомленіе и скука — вотъ все, что можно вынести изъ чтенія этихъ произведеній; и возражать нечему и поспорить не съ чѣмъ, такъ все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Г. Страховъ считаетъ нужнымъ доказывать, что между человѣкомъ и камнемъ большая разница, а г. Эдельсонъ ни съ того ни съ сего начинаетъ восторгаться идеею организма, а потомъ также безъ видимой причины начинаетъ предостерегать ученыхъ отъ излишняго увлеченія этою идеею.

Вскую шаташася языцы?

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.
12 мая.

Старый порядокъ и революція, соч. А. Токвиля. Перев. Н. Кондырева. С.-Петерб. 1861.

Эта превосходная книга давно ожидала перевода на русскій языкъ; она имѣла гораздо больше права на вниманіе нашей публики, чѣмъ сочиненія Гизо или всѣхъ вмѣстѣ современныхъ историковъ Франціи. Алексѣй Токвиль, котораго политическая вѣра и литературная дѣятельность уже были представлены въ Рус. Словѣ (1860. авг. кн.) принадлежитъ къ числу первостепенныхъ мыслителей нашей эпохи. Ему обязана Франція и вмѣстѣ съ ней Европа первымъ основательнымъ знакомствомъ съ демократическими учрежденіями Америки, съ ея правительственнымъ механизмомъ и соціальнымъ духомъ. Только съ появленіемъ его книги: «Демократія въ Америкѣ» для насъ объяснились многія внутреннія стороны этого молодаго, сильнаго и хаотическаго общества, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ опередившаго Европу на пути матеріальнаго прогресса. Токвиль искалъ по ту сторону океана, на чужой для него почвѣ, яснаго отвѣта на тревожные вопросы своего времени, еще волновавшіе Францію послѣ іюльской революціи. Пораженный судьбой этой страны, измученной гражданскими войнами, покрытой развалинами отъ прошлыхъ переворотовъ, униженной извнѣ, истощенной внутри, и за всѣмъ тѣмъ не видѣвшей передъ собой ни берега, ни пристани, онъ хотѣлъ повѣрить эту судьбу на другомъ народѣ, сравнить принципъ американской демократіи съ французскимъ и показать различіе ихъ направленія и результатовъ. И тамъ и здѣсь онъ подмѣтилъ одинаковый законъ народнаго движенія—къ уравненію состояній, къ полному и всестороннему развитію демократическаго начала, но въ то же время онъ открылъ и діаметральную противоположность въ этихъ обществахъ; въ Соединенныхъ Штатахъ гражданское равенство вытекало изъ политической свободы, а во Франціи политическая свобода, едва извѣстная націи, выработывалась изъ равенства. Здѣсь главная задача состояла въ томъ, чтобъ разрушить духъ касты и привилегій, сковавшій всѣ жизненныя отправленія общества, и потомъ уже начать новое соціальное устройство, а тамъ—соединить свободныя индивидуальныя стремленія въ одну государственную цѣль; говоря иначе, Франція должна была уничтожать построеніе нѣсколькихъ вѣковъ своей собственной исторіи, основанной на ложной идеѣ, а Аме-

рика—продолжать свою исторію, но только независимо отъ иностраннаго господства и внѣшнихъ притѣсненій. Затѣмъ Токвиль искалъ за океаномъ положительныхъ наблюденій надъ общими законами демократическаго принципа; онъ старался изучить его во всѣхъ проявленіяхъ дѣйствительной жизни и не только въ настоящемъ значеніи, но и въ будущемъ: «Признаюсь, говоритъ онъ, въ Америкѣ я видѣлъ болѣе, чѣмъ Америку; тамъ я отыскивалъ образъ самой демократіи, ея наклонностей, характера, предразсудковъ и страстей; я хотѣлъ ее изучить хоть бы для того, чтобъ знать, чего мы должны надѣяться и чего бояться отъ нея». Книга Токвиля была пророческимъ взглядомъ на тѣ грядущія событія, которыя совершались и до сихъ поръ совершаются, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

Черезъ двадцат лѣтъ, послѣ долговременныхъ и самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдованій, онъ издалъ второй капитальный трудъ, заглавіе котораго мы поставили въ началѣ нашей рецензіи. По прочтеніи этой книги прежде всего удивляешься необыкновенной критической проницательности автора и умѣнью владѣть матеріалами. Что касается анализа, Токвиль такъ глубоко зашелъ въ сферу своихъ изысканій, что по справедливости могъ сказать о себѣ: «я имѣлъ цѣлью проникнуть до самаго сердца прежняго порядка, столь близкаго къ намъ по числу лѣтъ, но заслоненнаго отъ насъ революціей». Дѣйствительно, онъ раскрылъ злоупотребленіе старой монархіи и феодальной системы до самаго сердца; онъ показалъ не одни симптомы этой продолжительной болѣзни, но самый источникъ ея. Подходя постепенно, шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ Токвилемъ къ этому страшному моменту, когда съ первымъ ударомъ гильотины прекращается послѣднее біеніе пульса старой Франціи, мы чувствуемъ неизбѣжность кризиса, но еще не можемъ измѣрить всѣхъ громадныхъ послѣдствій его. Повидимому переломъ былъ до-того рѣшительный, что между двумя враждебными эпохами легла цѣлая пропасть, такъ что смерть и жизнь болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ Франція Лудовика XV на Францію 1790 годовъ; но это оптическій обманъ, производимый шумомъ, трескомъ и заревомъ рухнувшаго зданія, потрясеннаго только съ наружныхъ сторонъ, а не въ самомъ основаніи. Среди множества измѣненій, новыхъ дѣятелей и плановъ, среди быстро совершающихся во Франціи преобразованій, при всей ненависти къ прошлому и при всемъ энтузіазмѣ къ будущему, старыя вѣрованія уцѣлѣли гораздо дольше, чѣмъ можно было думать. «Я всегда былъ того мнѣнія, говоритъ Токвиль, что въ

этомъ странномъ предпріятіи Французы успѣли менѣе, чѣмъ думали иностранцы и сперва мы сами полагали. Я убѣдился, что сами не подозрѣвая, они удержали отъ стараго порядка большую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, при помощи которыхъ была ведена революція, разрушившая этотъ порядокъ и что, сами не желая того, они воспользовались его обломками, чтобъ выдвинуть зданіе новаго общества; такъ что для истиннаго пониманія революціи и всѣхъ ея послѣдствій, необходимо на время забыть Францію, которую мы видимъ теперь и обратиться съ распросами къ той, которой уже нѣтъ». Съ этимъ намѣреніемъ Токвиль и приступилъ къ изученію XVIII вѣка въ его политическомъ и административномъ отношеніяхъ. И здѣсь его занимала не столько историческая задача, въ собственномъ ея смыслѣ, сколько желаніе разгадать по старымъ чертамъ новую физіономію общества. Къ сожалѣнію, онъ остановился именно тамъ, гдѣ начинался его главный трудъ; онъ хотѣлъ представить самый ходъ революціи, прослѣдить ее отъ самаго начала до той минуты, когда она закончила свою дѣятельность; но преждевременная смерть Токвиля прекратила его великій трудъ; онъ унесъ идею въ могилу, и едва ли кто передастъ ее свѣту такъ отчетливо, какъ передалъ бы ее авторъ «Стараго порядка и революціи».

Сравнительно съ толпой современныхъ публицистовъ Токвиль написалъ мало; при огромномъ запасѣ его свѣдѣній и наблюденій, при неутомимой работѣ и страстной любви къ предмету мы могли бы ожидать отъ него гораздо большаго числа сочиненій; но въ наше время, когда чернорабочая бездарность готова мѣрить силу таланта объемомъ исписанныхъ листовъ, безъ всякаго уваженія къ мысли и ея вліянію, можетъ быть, покажется страннымъ, что Токвиль болѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ постояннаго труда, оставилъ Франціи только четыре небольшихъ тома своихъ произведеній; но эта самая скудость составляетъ величайшее богатство этого геніальнаго пера. Токвиль дорожилъ словомъ, потому что зналъ его истинную цѣну; у него можно найдти страницы, на основаніи которыхъ обыденный компиляторъ могъ бы написать нѣсколько десятковъ листовъ; у него есть идеи, выраженныя мимоходомъ, но такія глубокія идеи, которыя для другаго могли бы послужить темой для цѣлаго разсужденія. Токвиль такъ осторожно и умно распоряжался своими матеріалами, что, по его собственному отзыву, иная глава, самая короткая, стоила ему не менѣе года розысканій. Послѣ этого, неудивительно, если книга въ 300

страницъ взяла у него болѣе двадцати лѣтъ усидчивыхъ занятій. За то такіе труды не безслѣдно проходятъ въ исторіи умственнаго движенія народовъ; какъ путеводныя звѣзды, они долго и ярко свѣтятъ на другія, нисшія сферы человѣческой дѣятельности.

Въ настоящей книжкѣ Рус. Слова мы коснулись сочиненій Токвиля только для того, чтобъ заявить нашимъ читателямъ о появленіи ихъ на русскомъ языкѣ; впослѣдствіи мы надѣемся разобрать ихъ подробно, насколько достанетъ силъ подступить съ критическимъ анализомъ къ такому писателю, какъ Токвиль.

Г. Б.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даніиломъ Манини, президентомъ венеціанской республики, переведенныя съ оригиналовъ, съ примѣчаніями г. Плана де ла Фай. 2 тома. Парижъ. 1860.

Documents et pièces authentiques laissées par Daniel Manin, président de la république de Venise. Traduits sur les originaux et annotés par F. Planat de la Faye. 2 vol. Paris. 1860.

(*Окончаніе.*)

Несмотря на сочувствіе западныхъ державъ къ новой республикѣ, несмотря на энтузіазмъ ея гражданъ, Манини вполнѣ понималъ трудность своего положенія. Съ самаго начала революціи, Венеція осталась безъ флота, вслѣдствіе излишняго благородства и довѣрчивости къ обѣщаніямъ побѣжденныхъ Австрійцевъ. Заключивъ конвенцію съ графомъ Зичи, временное правительство поручило капитану Маффеи, командиру одного изъ судовъ (*) австрійскаго Ллойда, отвезти депеши въ Полу, гдѣ находился въ то время венеціанскій флотъ. Капитанъ отвѣчалъ, что безъ приказанія агентства Ллойда, онъ не можетъ уклониться отъ пути въ Тріестъ. Агентство приказало ему выполнить требованіе временнаго правительства; но едва пароходъ вышелъ въ

(*) Эрцъ-герцогъ Фредерикъ.

открытое море, какъ пассажиры, въ томъ числѣ и графъ Пальфи, принудили капитана плыть прямо въ Тріестъ. Здѣсь депеши у него были отобраны.

Съ другой стороны въ казначействѣ оставалось весьма мало денегъ, а помощь, обѣщанная итальянскими государями, была весьма ненадежна.

23 марта произнесъ Карлъ Альбертъ свое знаменитое L'Italia farà da se и этимъ отказался отъ союза съ Франціей. Мы уже сказали въ чемъ состояла ошибка сардинскаго короля (*). Принимаясь за освобожденіе Италіи съ заднею мыслью увеличить свои владѣнія, онъ естественно долженъ былъ часто противорѣчить самому себѣ. Другіе владѣтели дѣйствовали еще недобросовѣстнѣе: папа, пославъ войско въ сѣверную Италію, приказалъ генералу Дурандо не переходить черезъ По; Фердинандъ неаполитанскій, обѣщая содѣйствовать освобожденію полуострова всѣми силами, готовилъ измѣну: назначивъ генерала Пепе главнокомандующимъ, онъ въ тоже время принялъ всѣ мѣры, чтобъ помѣшать его операціямъ (**).

Всѣ эти событія легко можно было предвидѣть. Они были естественнымъ слѣдствіемъ федераціи между принцами и республиками— федераціи, которая невозможна по разности принциповъ; Манини не слишкомъ полагался на помощь, обѣщанную итальянскими государями; главныя надежды его основывались на союзѣ между народами и потому онъ съ самаго начала обратился къ Франціи. «Обращаясь къ французской республикѣ, писалъ онъ, съ нашей братской благодарностью, мы не начнемъ нашего письма формулами прежней дипломаціи. Французская республика сочувствовала нашимъ несчастіямъ; она радуется нашему освобожденію; она обѣщаетъ намъ помощь, которая заставляетъ много надѣяться, не опасаясь ничего, — помощь отъ страны, гдѣ Ламартинъ министромъ, не можетъ быть опасна.»

«Венеція полна воспоминаній о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ Франціей. Этотъ городъ стоилъ тогда королевства; времена перемѣ-

---

(*) См. Русское Слово января 1861. Исторія Савойск. дома.

(**) Генералъ Пепе родился въ 1783 году; онъ съ честью служилъ во время войнъ Наполеона и въ 1820 году могущественно содѣйствовалъ полученію въ Неаполѣ конституціи; сдѣланный тогда главнокомандующимъ, онъ не могъ бороться противъ превосходства силъ Австріи, которая, вслѣдствіе лейбахскаго трактата, двинула войска для уничтоженія конституціи. Принужденный бѣжать, Пепе 27 лѣтъ находился въ изгнаніи и только теперь могъ выступить снова на политическое поприще.

нились, но чувства отъ того стали, можетъ быть, только чище и благороднѣе. Иногда полезно и несчастіе для лучшей оцѣнки истиннаго величія.»

«Мы возсылаемъ молитвы за Францію; мы ей протягиваемъ руку съ благодарностью, которую время можетъ только укрѣпить.»

Это письмо возбудило негодованіе во всѣхъ экзальтированныхъ патріотахъ. Они не чувствовали, что противъ нихъ собиралась сильная коалиція; они не понимали, что для того, чтобъ Италіи было довольно самой себя (L'Italia farà da se), надо, чтобъ въ головѣ движенія находился Масини или Гарибальди, а не Карлъ-Альбертъ или Фердинандъ.

Но обратившись къ Франціи, Манини въ то же время послалъ дипломатическія ноты и къ другимъ державамъ. Отвѣтъ ихъ былъ большею частью благопріятенъ; Сардинія признала новую республику и отдала въ ея распоряженіе генерала Ламармору; временное миланское правительство съ восторгомъ привѣтствовало Венецію; одна Франція дѣйствовала двусмысленно: Ламартинъ написалъ поздравительное письмо къ Томасео, но уклонялся отъ офиціальнаго признанія новаго правительства, даже какъ факта, хотя и позволилъ купить 20 т. ружей. Въ Англіи общественное мнѣніе было такъ сильно возбуждено въ пользу Италіи, что Пальмерстонъ не осмѣлился идти противъ него, несмотря на свое сочувствіе къ Австріи; тѣмъ не менѣе онъ отказалъ венеціанскимъ посланнымъ въ продажѣ оружія и парохода, но въ то же время посовѣтовалъ имъ для этого обратиться въ Бирмингамъ.

«Все что мы можемъ сдѣлать въ итальянскомъ вопросѣ — это оставаться зрителями», прибавилъ онъ.

Пока продолжались эти дипломатическія сношенія, событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Манини былъ неутомимъ. Вотъ важнѣйшія изъ его распоряженій въ первое время: онъ учредилъ комитетъ общественной безопасности, уничтожилъ подать съ соли и вина, дозволилъ свободу прессы и вѣроисповѣданія, освободилъ политическихъ преступниковъ; призналъ право собираться и подавать прошенія; (droit de pétition) далъ обвиненнымъ адвокатовъ, исключилъ изъ уголовнаго кодекса тѣлесное наказаніе и гильотинированіе, сдѣлалъ доступнымъ для всякаго избраніе въ должности безъ различія званій и вѣроисповѣданій; такъ министръ Тоффоло былъ ремесленникъ, а Пинкерле—Еврей. Между тѣмъ дѣло освобожденія продолжалось. Почти

*

единовременно съ Венеціей освободились: Тревиза, Беллуно, Удине, Озопо, Пальманова, Падуа, Ровиго и другія мѣста Ломбардо-венеціанскаго королевства; во власти Австрійцевъ остались только Мантуа, Верона и Пескьера. Освободившіяся области признали временное правительство Венеціи, хотя и питали нѣкоторые недовѣріе къ нему, потому что оно было составлено изъ однихъ венеціанскихъ гражданъ. Желая разрушить это предубѣжденіе, Манини, въ ожиданіи законодательнаго собранія, призвалъ въ Венецію консульту, по три депутата отъ провинціи, для совѣщанія относительно правительственныхъ распоряженій.

Но занимаясь дѣятельно преобразованіями внутренними, Манини не упускалъ изъ виду и приготовленій къ защитѣ. Послѣ капитуляціи Австрійцевъ, въ казначействѣ осталось только около полмильона австрійскихъ лиръ, а на монетномъ дворѣ слитковъ на 700 т.; сверхъ того взятіе арсенала доставило до 1000 орудій и до 36 т. ружей; все это было далеко недостаточно для защиты Венеціи. Сардинія обѣщала субсидіи; но эти обѣщанія были ненадежны, потому что война, предпринятая Карломъ-Альбертомъ, поглощала огромныя суммы; гораздо больше надежды было на добровольныя пожертвованія Итальянцевъ и на патріотизмъ гражданъ Венеціи. Манини не ошибся: и заемъ въ 10 м., сдѣланный въ венеціанскомъ округѣ, совершенно удался ему (*).

Пока дѣлались эти распоряженія, кровавая трагедія быстро приближалась къ развязкѣ: лицемѣріе итальянскихъ властителей выступило наружу.

Значеніе венеціанской области было чрезвычайно важно въ стратегическомъ отношеніи: черезъ нее пролегали главные пути сообщенія австрійскихъ войскъ съ имперіей, но Карлъ-Альбертъ не понялъ этого и допустилъ Австрійцевъ вторгнуться во Фріуль. Генералъ Дурандо уклонялся отъ помощи, сообразуясь съ тайными приказаніями папы (**). Ламартинъ продолжалъ разыгрывать свою двуличную роль. Условившись съ венеціанскими уполномоченными послать пароходъ въ Венецію за деньгами слѣдующими за ружья, онъ подъ ру-

(*) 20 мая 1848.

(**) Благословивъ 25 марта знамена волонтеровъ, папа остался въ выжидательномъ положеніи; помѣстивъ войска свои подъ начальство сардинскаго короля, онъ въ то же время запретилъ имъ переходить По; когда-же генералъ Дурандо не послушался его, онъ написалъ окружное посланіе, въ ко-

кой задерживалъ его отправленіе, такъ что *Brasier* (*) могъ выйти изъ порта только 1-го мая; въ то же время прославленный поэтъ употреблялъ всю силу своей фантазіи для обмана людей благородно довѣрившихся ему: онъ увѣрялъ ихъ, что Карлъ-Альбертъ измѣняетъ дѣлу Италіи, что лордъ Минто предложилъ проэктъ, по которому должны достаться Сардиніи Миланъ, Франціи Савоя, Англіи—Сицилія, Австріи—Венеція. На самомъ же дѣлѣ проэктъ этотъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ составленъ Гуммелауэромъ по совѣту Ламартина. Вотъ что было сказано о Венеціи: она должна была оставаться подъ властью императора, имѣя отдѣльную національную администрацію и особаго министра въ Вѣнѣ; она должна была на свой счетъ содержать собственное правительство и въ то же время вносить въ императорскую казну опредѣленную сумму; венеціанская армія, составленная изъ Итальянцевъ, должна была находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военнаго австрійскаго министра, и т. п. Условія эти, опять-таки по совѣту Ламартина, были представлены Пальмерстону; но общественное мнѣніе въ Англіи было въ пользу Венеціи, и гордый министръ, несмотря на свою антипатію къ національнымъ вопросамъ, не осмѣлился идти противъ него.... «Общественное мнѣніе въ Англіи,» писалъ Ричардъ Кобденъ къ Манини, «противно всякому вмѣшательству во внутреннія дѣла континента, и несмотря на то, что власть находится въ рукахъ аристократіи, англійскій народъ довольно силенъ, чтобъ помѣшать министерству увлечь насъ въ войну, для поддержанія statu quo въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы. Чтобы ни говорили наши журналы, вѣрьте, никогда англійскія силы не будутъ употреблены противъ итальянской націи. Всѣ наши симпатіи съ вами, и мы съ радостью ожидаемъ того мгновенія, когда, освободившись изъ-подъ австрійскаго ига, вы снова явитесь образцомъ для цѣлаго свѣта въ дѣлѣ свободы, знанія и цивилизаціи.» Общественное мнѣніе во Франціи также было за Италію; ропотъ народа, крики журналовъ, нападки оппозиціи заставили Ламартина произнести блестящую рѣчь, совершенно расходившуюся съ его дѣлами. Онъ увѣрялъ, что между Французской республикой и Австріей не было ни малѣйшихъ сношеній, даже сек-

---

торомъ доказывалъ, что, какъ отецъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не можетъ вести войны. Народное возмущеніе и выходъ въ отставку министровъ заставили его перемѣнить намѣреніе; тѣмъ не менѣе слѣдствія его колебанія и лицемѣрія были пагубны для свободы Италіи.

(*) Паровой фрегатъ.

ретныхъ, ко вреду италіанской свободы; что это одна изъ тѣхъ выдумокъ, которыми хотятъ очернить политику временнаго правительства; что Франція вооружена и по первому призыву готова перешагнуть черезъ Альпы. «Ни въ какомъ случаѣ, заключилъ онъ, Италія не подпадетъ подъ то иго, которое такъ достославно сбросила; ни въ какомъ случаѣ Франція не измѣнитъ 26 м. братьевъ; не измѣнитъ принципу, составляющему ея законъ въ прошедшемъ и долгъ въ будущемъ...»

Въ то время, когда велась эта дипломатическая интрига, случились новыя непріятности: генералъ Пепе получилъ въ Болоньѣ приказаніе возвратиться. Энергическій старикъ не захотѣлъ помрачить своей славы и рѣшился не повиноваться: съ небольшимъ числомъ волонтеровъ (около 3,000) онъ явился въ Венецію.... Грустно отозвался въ сердцахъ неаполитанскихъ патріотовъ приказъ объ отступленіи: полковникъ Лагалле застрѣлился, полковникъ Теста умеръ отъ апоплексіи, полковникъ Сула также хотѣлъ лишить себя жизни, — узнавъ объ этомъ новомъ безславіи Бурбоновъ...

Во внутреннемъ управленіи на Манини лежали еще большія обязанности: ему приходилось политически воспитывать націю, отвыкшую подъ австрійскимъ игомъ отъ самообладанія. Нѣтъ сомнѣнія, что Венеціанцы въ сущности народъ самый республиканскій, энергическій и въ то же время кроткій, понятливый, великодушный, но при всемъ томъ онъ въ минуты разгара страстей бываетъ ужасенъ... Сила Венеціанцевъ была въ чувствѣ, въ увлеченіи, но прочность этой силы зависѣла отъ ея сознанія, отъ ея разумнаго употребленія...

Первое волненіе Венеціанцевъ произошло по случаю задержанія 13 итальянскихъ солдатъ въ Тріестѣ. Эти солдаты конвоировали часть гарнизона Кіоджи (Chioggia) и вопреки всѣхъ народныхъ правъ были избиты и заключены въ тюрьму. Черезъ недѣлю въ венеціанскій портъ явилось одно изъ судовъ австрійскаго Ллойда; народъ громко требовалъ отмщенія; Манини вышелъ на площадь и, объявивъ твердую рѣшимость сохранить общественный порядокъ, продолжалъ: » Наши непріятели показали себя низкими и жестокими; но никогда вѣроломство и жестокость не приносили счастія народу. Республика гарантировала частную собственность: овладѣть послѣ этого пароходомъ— дѣло достойное пиратовъ. Не уменьшимъ-же справедливо заслуженной славы венеціанскаго гостепріимства, напротивъ энергически воспротивимся всему, что можетъ поразить торговлю—эту жизнь Вене-

ціи; всякое другое поведеніе достойно Австріи; предоставьте его Меттернихамъ! Что касается до меня, я никогда не соглашусь на то, хотя бы это стоило мнѣ жизни. «Слова эти могущественно подѣйствовали; успокоенный народъ разошелся по домамъ.

Другой случай былъ несравненно важнѣе: успѣхи Карла-Альберта обнаружили его политику; въ Миланѣ, Падуѣ, Виченцѣ, Ровиго и Тревизѣ были уже открыты листы для подписки о присоединеніи къ Піемонту; въ Венеціи была сильная партія въ пользу Сардиніи; Удине и Беллуно были заняты непріятелемъ; народъ былъ въ волненіи: піемонтскіе агенты искусно этимъ пользовались. Въ это время былъ объявленъ декретъ о созваніи представителей отъ провинцій для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) теперь-ли должно заняться разсматриваніемъ лучшей формы правленія для Венеціи, или отложить эту задачу до конца войны? 2) Если собраніе рѣшитъ приступить къ этому немедленно, должна-ли Венеція составить отдѣльное государство или соединиться съ Піемонтомъ? 3) Должно-ли перемѣнить или оставить членовъ нынѣшняго временнаго правительства?

Утромъ, въ тотъ же день явилось на стѣнахъ возмутительное письмо, въ которомъ не пощадили даже временнаго правительства; многочисленная толпа явилась подъ окнами Манини и вызывала его. Онъ вышелъ.» Точно такъ, какъ я всегда говорилъ и мужественно противился угрозамъ сильныхъ, сказалъ онъ, точно также я буду говорить съ вами. Вы пришли мнѣ сказать, что вы державный народъ; но я не признаю за народъ шайку крикуновъ! Власть народа въ собраніи депутатовъ и нигдѣ болѣе! Я вижу между вами молодыхъ, здоровыхъ людей, которые кричатъ, «свобода!» въ то время, когда мы имѣемъ законъ, призывающій къ оружію—единственному средству завоевать свободу и быть ея достойной»...

Была половина іюня. Грозныя тучи повисли надъ Венеціей. Буря готова была разразиться. Виченца, Падуа, Тревиза впали въ руки Радецкаго; неаполитанскій флотъ былъ отозванъ, генералъ Вельденъ началъ блокировать Венецію... Какими-же силами могла располагать она? Подъ начальствомъ генерала Пепе было не болѣе 22,000 человѣкъ (*), флотилія состояла изъ двухъ 24 пушечныхъ корветовъ,

(*) 14,000 Венеціанъ, 1800 Неаполитанцевъ, около 900 Ломбардовъ и 5000 Римлянъ, (Guerre de l'independ ital. par le general Ulloa).

двухъ 16 пушечныхъ бриговъ и 77 канонерскихъ лодокъ и мелкихъ судовъ; сверхъ того, въ арсеналѣ находилось въ постройкѣ и въ починкѣ одинъ 40 пушечный фрегатъ, одинъ корветъ, одинъ бригъ, одинъ пароходъ и нѣсколько другихъ мелкихъ судовъ. Доходъ Венеціи простирался ежемѣсячно до 200 т. лиръ.; но въ казначействѣ оставалось не много денегъ отъ займа, сдѣланнаго 20 мая. Въ такой крайности, Манини обратился съ циркуляромъ къ тосканскому и папскому правительству, предлагая имъ просить помощи у Франціи. Тоскана и Римъ отвѣчали отказомъ. Мало по малу надежда на помощь французской республики исчезали. Перемѣна министерства во Франціи подавала мало надеждъ. Въ политикѣ ея продолжалось то же лицемѣріе: она попрежнему оказывала сочувствіе къ Венеціи и попрежнему не–прочь была видѣть ее въ рукахъ Австріи; разница была только въ томъ, что министръ Бастидъ былъ искренній республиканецъ и не хотѣлъ королевства верхней Италіи; но, къ несчастью, онъ подчинялся нравственному вліянію Ламартина, не признавалъ офиціально венеціанской республики, и даже возобновилъ предложенія Гуммелауэра; переговоры по этому предмету имѣли въ основаніи обѣщаніе Франціи не препятствовать Австріи въ завоеваніи Венеціи, и взамѣнъ того обѣщаніе Австріи не мѣшать Франціи во всякомъ другомъ пунктѣ Италіи и даже Германіи. Въ то же время баронъ Вессенбергъ обратился къ миланскому правительству, предлагая независимость Ломбардіи цѣною отреченія ея отъ Венеціи. Отвѣтомъ былъ отказъ...

Паденіе Пальмановы поразило ужасомъ сердца народа; приверженцы соединенія воспользовались этимъ, чтобы увѣрить массу, что спасеніе Венеціи только въ Піемонтѣ; слѣдствіемъ были многочисленныя демонстраціи въ пользу Карла–Альберта. Подъ такими ауспиціями началось засѣданіе законодательнаго собранія (*).

Томасео говорилъ противъ присоединенія; Палеокапа и Авесани опровергали доводы краснорѣчиваго депутата; тогда поднялся Манини. «Рѣчи двухъ достопочтенныхъ ораторовъ, предшествовавшихъ мнѣ, сказалъ онъ, доказываютъ, что мы говоримъ здѣсь не какъ министры, но какъ простые депутаты... Я также, какъ депутатъ, хочу произнести слова любви и примиренія, но для этого прошу позволенія у президента соеди-

(*) Собраніе состояло изъ 133 членовъ вмѣсто 193; потому что нѣкоторыя провинціи были заняты непріятелемъ. Президентомъ былъ избранъ по старшинству лѣтъ Піантони. Засѣданіе открылось 3 іюля въ часъ пополудни.

нить второй вопросъ съ первымъ; потому что о первомъ нельзя разсуждать, не касаясь втораго.»

«Я сегодня того-же мнѣнія, какого былъ 22-го марта, когда провозгласилъ республику передъ воротами арсенала и на площади св. Марка: я и теперь такого-же мнѣнія, и тогда всѣ раздѣляли его; теперь не всѣ такъ думаютъ... (*волненіе*) я произношу слова любви и примиренія и прошу, чтобъ не перерывали меня.»

«Теперь мы не всѣ одного мнѣнія—это фактъ, но также фактъ, что непріятель у нашихъ воротъ и надѣется и желаетъ вражды въ этомъ городѣ, неодолимомъ, пока мы согласны, безсильномъ, когда въ него войдетъ междоусобная вражда. Что касается до меня, я удерживаюсь отъ всякаго разсужденія о мнѣніяхъ; я требую помощи и поддержки; я требую великой жертвы и этой великой жертвы я требую у своей партіи—у великодушной партіи республиканцевъ *(единодушныя восклицанія)*. Непріятель у нашихъ воротъ; онъ расчитываетъ на наши раздоры—съумѣемъ же обличить его во лжи. Забудемъ всѣ партіи; забудемъ сегодня кто мы,—роялисты или республиканцы—будемъ только помнить, что сегодня всѣ мы граждане.»

«Республиканцамъ я скажу: для насъ будущее; все что сдѣлано или сдѣлается теперь — только временное; окончательное рѣшеніе принадлежитъ итальянскому сейму въ Римѣ.»

Громовыя рукоплесканія привѣтствовали эти великодушныя слова; всѣ тѣснились около великаго человѣка; всякій хотѣлъ обнять его, пожать ему руку; сердечное волненіе Манини было такъ велико, что онъ упалъ безъ чувствъ. Страдая болѣзнью сердца, онъ не могъ выносить никакихъ сильныхъ потрясеній....

Послѣ того приступили къ подачѣ голосовъ. Первый вопросъ о немедленномъ рѣшеніи условій политическаго существованія Венеціи былъ рѣшенъ большинствомъ 130 голосовъ противъ 3; второй вопросъ—о присоединеніи къ Піемонту 127 противъ 6. На другой день (5 іюля) шелъ вопросъ о назначеніи членовъ новаго временнаго правительства; Манини получилъ 70 голосовъ, Палеокапа 42, Кастелли 9.

Манини отказался. «Чувствительно благодарю собраніе, сказалъ онъ, за это новое доказательство довѣренности и расположенія; но я не могу его принять; я нисколько не скрываю, что я былъ, есть и буду республиканцемъ. Я не могу быть ни чѣмъ въ государствѣ монархическомъ; мѣсто мое въ оппозиціи, но не въ правительствѣ. Я прошу моихъ согражданъ не принуждать меня поступить противно

моимъ убѣжденіямъ. Я принесъ жертву, но не отрекся отъ своего принципа... Я утомленъ, измученъ даже самыми радостями, у меня недостаетъ болѣе физическихъ силъ; голова моя не выдержитъ—увѣряю васъ; я буду дѣлать только дурныя распоряженія... пощадите меня.»

Несмотря на убѣдительныя просьбы собранія, Манини остался твердъ въ своемъ отказѣ. Новыми членами временнаго правительства были избраны: Кастелли, Палеокапа, Камерата, Мартиненго, Каведалисъ, Реали (*).

Извѣстіе о присоединеніи было принято Карломъ-Альбертомъ вовсе не съ тѣмъ восторгомъ, какого слѣдовало ожидать. Причиной этого было желаніе короля вступить въ переговоры съ Австріей на основаніи проэкта Гуммелауэра, что видно изъ письма сэра Аберкромби къ Пальмерстону. Венеція служила камнемъ преткновенія для этихъ переговоровъ, а между тѣмъ сардинскія палаты единогласно вотировали присоединеніе ея къ Піемонту.

7-го августа сардинскіе коммисары: генералъ Колли, кавалеръ Чибраріо, и адвокатъ Кастелли приняли Венецію во владѣніе именемъ Карла-Альберта. Постановленія временнаго правительства относительно свободы книгопечатанія, національной гвардіи, изданія новыхъ законовъ, были сохранены.

Между тѣмъ королевская армія претерпѣла пораженіе и принуждена была заключить перемиріе (9 августа). По одному изъ условій этого перемирія сардинскія войска и флотъ должны были очистить Венецію. Смутные слухи о неудачахъ Карла-Альберта ходили по городу еще ранѣе совершившихся событій. Первое офиціальное извѣстіе было получено отъ генерала Вельдена, который, увѣдомляя о сдачѣ Милана, предлагалъ Венеціи капитулировать.

На другой день (9 авг.) Манини явился къ кавалеру Чибраріо и спросилъ его, что онъ сдѣлаетъ, если король принужденъ будетъ предоставить Венецію Австріи. Послѣ нѣкотораго колебанія, коммисаръ отвѣчалъ, что Венеція соединилась съ Піемонтомъ для того, чтобъ быть защищаемою, и если король не имѣетъ средствъ защищать ее, слѣдовательно и самая причина соединенія уничтожается, и Венеція пріобрѣтаетъ снова свою независимость.»

— И такъ вы не предадите ее Австрійцамъ? продолжалъ Манини...

(*) Палеокапа на другой день послѣ избранія посланъ былъ въ Туринъ, а на его мѣсто избрали Паолучи.

— Никогда! скорѣе позволю изрубить себя въ куски!

— Вы не послушаетесь даже именнаго повелѣнія короля?

— Я согласился принять Венецію и управлять ею; если мнѣ дадутъ новое порученіе, я вправѣ принять его или отказаться...

— А генералъ Колли того-же мнѣнія?..

— Я его объ этомъ не спрашивалъ, но, судя по нашимъ отношеніямъ, думаю, что онъ согласится со мной. Манини обнялъ Чибраріо и удалился.

11 числа утромъ генералъ Вельденъ прислалъ копію съ перемирія Саласко (*), предлагая на выборъ правительства продолжать или прекратить непріятельскія дѣйствія. Коммисары отвѣчали, что, не имѣя никакихъ офиціальныхъ сообщеній объ этомъ событіи, они не могутъ остановить военныхъ дѣйствій. Пока они совѣщались, какія мѣры имъ предпринять, новость распространилась по городу; агенты Австріи, въ числѣ которыхъ считали и англійскаго консула дѣйствовали мастерски. Площадь св. Марка кипѣла народомъ, который съ жадностью требовалъ извѣстій съ театра войны. Генералъ Колли, честный воинъ, не хотѣлъ скрывать истины. Оглушительные крики отвѣчали ему: долой измѣнниковъ! смерть коммисарамъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Раздраженная толпа ворвалась въ присутствіе; нѣкоторые хотѣли тащить Колли на балконъ, чтобъ заставить его отречься отъ власти предъ лицомъ народа. Въ это время пришли Манини и Кастелли. Первый, послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ коммисарами, успокоилъ народъ, объявивъ, что они слагаютъ съ себя власть и что въ продолженіи 48 часовъ онъ беретъ управленіе на себя, съ тѣмъ, чтобы въ это время созвали снова законодательное собраніе.

Въ это время военныя дѣйствія производились съ большею энергіею со стороны непріятеля. Неаполитанскій король, раздраженный, что часть его арміи защищаетъ дѣло свободы, приказалъ своему консулу, во чтобы то ни стало, удалить войска изъ города. Но консулъ ничего не могъ сдѣлать. Такъ дѣло протянулось до августа, когда генералъ Пепе былъ смѣненъ Фердинандомъ, а на мѣсто его назначенъ подполковникъ Ритуччи. Піемонтскіе коммисары, считая безполезнымъ удерживать эти ненадежныя войска, отпустили ихъ. Узнавъ объ этомъ, Ав-

(*) Это перемиріе названо такъ по имени генерала Саласко, подписавшаго его со стороны Піемонта.

стрійцы открыли сильный огонь противъ Мальгеры, но ея артиллерія въ короткое время разрушила у нихъ двѣ батареи.

По опредѣленію національнаго собранія, Манини былъ избранъ диктаторомъ. Онъ согласился съ тѣмъ, чтобы въ помощь ему дали двухъ помощниковъ по военной части. Выборъ палъ на адмирала Граціани и полковника Каведалиса. Первый былъ опытный, дѣятельный морякъ, но, къ несчастію, поглощенный подробностями; второй, старый инженеръ, отличался энергіей, строгостью и честностью, былъ искусный администраторъ и неутомимъ не менѣе своихъ сотоварищей.

Сдѣлавъ эти распоряженія, собраніе рѣшилось просить вооруженнаго посредничества Франціи, и съ этой цѣлью отправило въ Парижъ Томасео.

Политическое отношеніе Франціи и Англіи къ Венеціи было слѣдующее. Узнавъ о присоединеніи новой республики къ Піемонту, Бастидъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, ревностный республиканецъ, отвѣчалъ, что никогда не заключитъ наступательнаго и оборонительнаго союза съ Карломъ Альбертомъ, но согласится на посредничество и даже на посылку войскъ, если будутъ требовать ихъ. Въ то же время онъ объявилъ лорду Норманби (*), что генералъ Кавеньякъ желаетъ водворить миръ въ Италіи и лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли считаетъ одновременное и согласное вмѣшательство Франціи и Англіи, на основаніи проэкта Гуммелауэра. Пальмерстонъ отвѣчалъ, что желаетъ знать мнѣніе французскаго правительства, какъ будетъ оно поступать, если Венеція не согласится остаться подъ властью Австріи. Лордъ Норманби отвѣчалъ, что Франція согласна даже на присоединеніе Венеціи къ Піемонту. На другой день 1 авг. генералъ Кавеньякъ, узнавъ о пораженіи сардинской арміи, объявилъ англійскому уполномоченному, что не можетъ послать войска въ Италію по просьбѣ Карла Альберта, потому что Итальянцы были противъ вмѣшательства Франціи; но если они потребуютъ теперь помощи, то онъ не въ силахъ будетъ отказать имъ, принимая въ уваженіе общественное мнѣніе Франціи. Не смотря на все это, лордъ Пальмерстонъ медлилъ отвѣтомъ и только тогда согласился приступить къ переговорамъ, когда узналъ, что офиціальная просьба о помощи пришла въ Парижъ и что сдѣланы распоряженія объ отправленіи въ Италію 60 т. войска (**). Слѣдствіемъ его

(*) Англ. посланникъ въ Парижѣ.

(**) Изъ нихъ 10 т. въ Венеціи.

отвѣта было молчаніе телеграфа и заключеніе перемирія Саласко. Но, поставляя однимъ изъ условій мирныхъ переговоровъ прекращеніе военныхъ дѣйствій, французскіе и англійскіе дипломаты *забыли* точно опредѣлить политическое состояніе Венеціи. Мало того, въ 5 пунктѣ ноты, поданной Бастидомъ лорду Норманби, было сказано: Австрія сохраняетъ власть надъ Венеціей, которой будетъ дана конституція, подобная венгерской, съ отдѣльной администраціей и правительствомъ.» Австрія очень хорошо понимала это двусмысленное поведеніе и баронъ Вессенбергъ отвѣчалъ лорду Понсонби (*), что онъ убѣжденъ, что генералъ Кавеньякъ имѣетъ величайшее желаніе избѣжать посредничества. Почти въ то же время французскій посланникъ въ Вѣнѣ получилъ слѣдующій отвѣтъ на свои предложенія: «Императорское правительство принимаетъ предложеніе посредничества, предоставляя себѣ право условиться съ посредствующими державами о пунктахъ, которые должны будутъ служить основаніемъ для этихъ переговоровъ.» Не довольствуясь такимъ двусмысленнымъ отвѣтомъ, австрійскій кабинетъ отказался даже прекратить военныя дѣйствія противъ Венеціи, какъ возмутившагося города. Лордъ Пальмерстонъ не захотѣлъ участвовать въ переговорахъ безъ основанія. Дипломатическая комедія разъигрывалась превосходно; Итальянская національность, интересы народовъ приносились въ жертву своекорыстнымъ видамъ кабинетовъ по всѣмъ правиламъ искуства... Французское правительство стало съ этихъ поръ заботиться только о томъ, чтобы Венеція не пала слишкомъ быстро, потому что боялось возбудить общественное негодованіе ея паденіемъ.

А между тѣмъ Венеція истощалась въ патріотическихъ пожертвованіяхъ. Манини издалъ два декрета, изъ которыхъ одинъ обязывалъ отнести на монетный дворъ все серебро и золото и взамѣнъ получить квитанцію, приносящую пять процентовъ; другой предписывалъ всѣмъ, непоступившимъ въ военную службу, записаться въ какой нибудь отрядъ въ продолженіи настоящей осады; но и этого было недостаточно: ежедневныя издержки доходили до 100 т. итальянск. л., т. е. около 21 т. нашихъ рублей; правительство рѣшилось сдѣлать насильственный заемъ въ 5 мил. л.; главнѣйшіе дома Венеціи гарантировали его. (**)

(*) Англ. посл. въ Вѣнѣ.

(**) Эти ассигнаціи были извѣстны подъ именемъ патріотическихъ (carta patriotica) и ходили даже долгое время послѣ занятія Австрійцами Венеціи,

Въ это время общественное мнѣніе сильно заявило себя въ пользу Венеціи: префектъ полиціи Дюку (Ducoux) въ своемъ рапортѣ президенту совѣта и министру внутреннихъ дѣлъ говоритъ слѣдующее: «Партія бонапартистовъ, безъ сомнѣнія, самая сильная и многочисленная; и я убѣжденъ, что для республики предстоитъ неминуемая опасность, если въ головѣ этой партіи явится человѣкъ съ умомъ и волею. Армія и народъ, смѣло атакованные вождемъ понимающимъ свое значеніе, перейдутъ подъ знамя фамиліи Наполеона. Народъ не дипломатъ, и судитъ по инстинкту. Бомбардированіе Мессины, торжество Бурбоновъ въ Неаполѣ, успѣхъ Австріи, союзъ съ Англіей, все это заставляетъ сравнивать нашу политику съ политикой Гизо; видятъ тотъ-же духъ, тѣ же тенденціи и боятся того же результата — униженія страны.... Тѣмъ, которые замѣчаютъ состояніе нашихъ финансовъ, отвѣчаютъ, что армія въ Италіи будетъ стоить дешевле, чѣмъ у подошвы Альпъ; тѣмъ, которые боятся общаго столкновенія,—массы отвѣчаютъ, что теперь народы повсюду въ броженіи и что, если республика боится пасть въ войнѣ принциповъ, значитъ въ ней нѣтъ жизни.»

Такое настроеніе общественнаго мнѣнія заставило французское правительство отправить корабли въ Адріатическое море. Прибытіе ихъ устрашило австрійскихъ крейсеровъ и заставило ихъ облегчить блокаду; но не надолго: Австрія поняла политическую демонстрацію Франціи и объявила законнымъ призомъ всякое судно, направляющееся къ Венеціи.

Между тѣмъ политическій горизонтъ снова омрачился: успѣхи Венгерцевъ возбудили надежду въ сердцѣ Карла Альберта возвратить потерянное. Онъ готовился къ новой кампаніи и хотѣлъ составить либеральное министерство. По его приказанію графъ Герардо Фрески предложилъ мѣсто перваго министра Манини. Манини отказался. Изъ отвѣта его извѣстны только слѣдующія слова (*): «Не считая себя необходимымъ для Венеціи, я все-таки думаю, что долгъ

тогда какъ народъ не принималъ австрійскихъ ассигнацій. Только въ 1859 Венеціанцевъ принудили принимать ихъ въ уплату, а подати уплачивать звонкой монетой, отчего она въ теченіи года почти совершенно исчезла.

(*) Слова эти сообщены г-ну Плана де ла Фаи Брофферіо; подлинникъ-же находится у графа Герардо Фрески, котораго въ настоящее время (1860) нѣтъ въ Европѣ.

приказываетъ мнѣ оставаться здѣсь. Благодарю короля и свободнаго гражданина, которые подумали обо мнѣ, и когда благо Италіи призоветъ меня въ Туринъ, я буду тамъ, если потребуетъ отечество (*).»

И дѣйствительно, онъ находился тамъ, гдѣ требовало его отечество. Положеніе Венеціи становилось все хуже; отдаленныя надежды лелѣяли ее золотыми снами; будущее представлялось въ радужномъ свѣтѣ, но настоящее было ужасно. Холодъ усиливался, а сукна для одежды не было; войска были одѣты въ самые разнообразные костюмы, употребивъ на нихъ даже сукно съ бильярдовъ; съѣстные припасы вздорожали, въ особенности говядина; но правительство не теряло духу; пожертвованія не прекращались. Манини и его товарищи отказались отъ жалованья; генералъ Пепе пожертвовалъ одну превосходную картину Леонарда да Винчи; Венеція готова была заложить даже свою знаменитую картинную галлерею. Всѣ наперерывъ старались показать, что можетъ сдѣлать любовь къ отчизнѣ. Казалось, судьба тронулась ихъ несчастіями: пароходъ «Океанъ» привезъ 6000 ружей изъ Генуи, адмиралъ Альбини передалъ временному правительству 540 т. фр. какъ субсидію сардинскаго короля; но вскорѣ неожиданный ударъ поразилъ Венецію.

Лордъ Пальмерстонъ, принявъ въ концѣ сентября участіе въ посредничествѣ безъ базы, отъ котораго прежде отказывался, написалъ въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы Манини:..... «Я долженъ васъ увѣдомить, что въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ британскимъ правительствомъ австрійскому нѣтъ ничего, что относилось бы къ отдѣленію Венеціи отъ императорской короны и что поэтому было бы благоразумно со стороны Венеціанъ войти въ сношеніе съ австрійскимъ правительствомъ». Съ другой стороны извѣстія изъ Франціи были тоже неутѣшительны. Томасео писалъ, что правительство лицемѣритъ: говоритъ однимъ языкомъ въ публикѣ и въ газетахъ, другимъ наединѣ и въ депешахъ. Но какъ будто въ вознагражденіе этихъ непріятностей блистательный успѣхъ увѣнчалъ венеціанское оружіе. Манини рѣшился положить предѣлъ вѣроломству Австріи, которая, пользуясь предложеннымъ посредничествомъ, формировала новые батальоны, и заготовляла военные запасы—Венеція-же въ это время истощала свои финансы и силы; болѣзни и бездѣйствіе оказывали вредное влі-

---

(*) E quando la salute dell' Italia mi chiamasse a Turino sarò dove mi farà apello la patria.

яніе на духъ войскъ; надо было поднять его, надо было показать дипломатамъ, что древнее мужество не умерло въ сердцахъ Итальянцевъ» (*) Тріумвиры приказали генералу Пепе открыть непріятельскія дѣйствія противъ Австрійцевъ. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ, онъ рѣшился аттаковать Местре. Шесть пушекъ, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и 500 плѣнныхъ были трофеями этого дня. Потеря Венеціанъ простиралась до 120 человѣкъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ и 19 унтеръ офицеровъ. Обѣ стороны сражались съ величайшимъ мужествомъ; національная гвардія, регулярныя войска и волонтеры соперничали другъ передъ другомъ. Молоденькій барабанщикъ Спешьяли (Speciali), видя, что его товарищъ, такой-же мальчикъ какъ и онъ, раненъ, схватилъ его барабанъ и дотащилъ до Местре. Другой мальчикъ Піетро Цорци, замѣтивъ, что флагъ шлюпки, на которой онъ служилъ, сбитъ, бросился въ воду подъ градомъ картечи, вытащилъ его, взлѣзъ на мачту и снова прикрѣпилъ, восклицая: viva l'Italia; капитанъ Больдони, видя, что прислуга у его орудій перебита, самъ принялся заряжать пушки; знаменитый неаполитанскій поэтъ Александръ Поэріо, раненый въ ногу, продолжалъ сражаться до тѣхъ поръ, пока не получилъ другой раны, отъ которой черезъ три дня скончался...

Но всѣ эти подвиги, всѣ вылазки не нравились посредствующимъ державамъ; они позволяли Австріи все, и жаловались, если Венеція прибѣгала къ необходимымъ мѣрамъ защиты; онѣ боялись начавшейся реакціи, не понимая ея настоящихъ силъ. Не станемъ слѣдить за всѣми переворотами этой драмы; французская дипломація безпрестанно измѣняла рѣшенія, обманывая даже своихъ консуловъ въ Венеціи. При такомъ положеніи дѣлъ нужна была вся энергія и талантливость Манини, чтобъ усмирять то необдуманныя предложенія клуба (circolo italiano), то несвоевременныя разсужденія о формѣ правительства, то волненія народа. Надо удивляться ему, но не менѣе надо удивляться и народу, который съ 23 марта до 13 декабря доставилъ правительству около 34 мил. л.; безтрепетно выдерживалъ всѣ ужасы осады и безропотно шелъ на смерть.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Послѣ пораженія при Новарѣ Карлъ Альбертъ отрекся отъ престола, а преемникъ его принужденъ былъ заключить весьма невыгодный миръ, вслѣдствіе ко-

---

(*) Che l'antico valore
Nell' italici cor non è ancor morto.

тораго сардинскій флотъ и войска предоставили Венецію собственнымъ ея силамъ. Легіонъ римскихъ волонтеровъ ушелъ еще ранѣе, послѣ удаленія папы въ Гаэту, потому что римская республика нуждалась въ войскахъ. Парма, Модена, Болонья, Феррара, Тоскана были заняты австрійскими войсками. Вмѣшательство Франціи въ римскія дѣла было несомнѣнно; посредствующія державы во что бы то ни стало хотѣли мира, особенно Англія. Французскій же министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ, что не почтетъ поводомъ къ войнѣ даже занятіе Австрійцами Піемонта. Такимъ положеніемъ дѣлъ вздумалъ воспользоваться генералъ Гайнау, командовавшій осадою. Пославъ въ Венецію копію съ офиціальнаго сообщенія Радецкаго о побѣдѣ подъ Новарою, онъ требовалъ немедленной сдачи города. Получивъ это извѣстіе и подтвержденіе въ его справедливости, Манини въ засѣданіи 2-го апрѣля 1849 сообщилъ его собранію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочиталъ письмо венеціанскаго повѣреннаго во Флоренціи, въ которомъ тотъ извѣщалъ о возстаніи Генуи. «Необходимо принять какія нибудь мѣры въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ», заключилъ президентъ. Адвокатъ Бенвенути требовалъ инціативы со стороны правительства. Тогда Манини, обратившись къ собранію, спросилъ: хотите-ли вы сопротивляться?

— Да, хотимъ, отвѣчали ему.

— Во что-бы то ни стало?

— Во что бы то ни стало.

— Вспомните, я заставлю васъ сдѣлать громадныя пожертвованія.

— Мы ихъ сдѣлаемъ.

— Чтобъ сопротивляться во что бы то ни стало, правительство должно быть крѣпко; чтобъ быть крѣпкимъ, оно должно имѣть неограниченную власть. Наше положеніе можетъ сдѣлаться чрезвычайно труднымъ; сопротивленіе можетъ потребовать желѣзной руки. Въ данную минуту даже часть народа можетъ воспротивиться продолженію защиты. Согласитесь ли вы въ этомъ случаѣ дать правительству власть усмирять даже народъ?

Единодушныя восклицанія приняли слова президента. Ему была предоставлена неограниченная власть.

Но эта геройская рѣшимость не тронула посредствующихъ державъ: они продолжали изъявлять свое сочувствіе на словахъ, обѣщали писать энергическія ноты—но не болѣе; на дѣлѣ же совѣтовали вступить въ переговоры прямо съ Австріей. Въ этой крайности То-

масео обратился съ воззваніемъ къ Европѣ. Вотъ его прокламація. «Послѣ года страданій, обманутая въ своихъ законныхъ надеждахъ, Венеція почерпаетъ энергію въ самомъ своемъ несчастіи и даетъ обѣтъ стоять до конца. Она одна, но съ ней Богъ; права слабаго тѣмъ священнѣе, чѣмъ меньше его силы. Венеція нѣкогда стоила цѣлаго королевства, теперь она представляетъ цѣлую націю. Мы вѣримъ въ нашу судьбу, мы будемъ противиться: Богъ дастъ намъ силъ; Европа не оставитъ насъ въ этой крайности. Мы принесли много жертвъ безъ жалобъ и безъ тщеславія: мы вооружили болѣе 60 фортовъ и 60 миль береговъ. Этотъ изнѣженный, пріученный къ миру городъ доставилъ солдатъ болѣе чѣмъ какая нибудь воинственная область: дѣти, женщины, монахи, каторжники—всѣ добровольно лишали себя самаго необходимаго ради отечества. Мы не хотимъ говорить ни о нашемъ непріятелѣ, ни о его жестокости, ни о безславномъ торгѣ, которой пятьдесятъ лѣтъ назадъ предалъ насъ ему. Исторія уже произнесла надъ нимъ приговоръ. Нѣтъ, мы умоляемъ христіанскую и цивилизованную Европу показать свѣту, что въ наши дни политика умѣетъ совершать дѣла согласныя съ правилами религіи и гуманности....

Европа осталось глуха къ этому воззванію. Всѣ отступились отъ Венеціи: одна только Венгрія протянула ей руку помощи. Она заключила съ ней оборонительный и наступательный союзъ (3 іюня).

Пока происходили эти событія, Австрія задумала нанести Венеціи рѣшительный ударъ; покорить ее было необходимо прежде наступленія лѣта, потому что жары для осаждающихъ были страшнѣе пушекъ. Съ этою цѣлью, генералъ Гайнау, соединивъ подъ своимъ начальствомъ до 24 т. человѣкъ, открылъ въ концѣ апрѣля траншеи передъ Мальгерой. 4-го мая началось бомбардированіе. Болѣе 7000 выстрѣловъ было сдѣлано въ этотъ день. Радецкій, окруженный эрцгерцогами Карломъ, Фердинандомъ, Леопольдомъ и Вильгельмомъ, присутствовалъ при бомбардированіи. Онъ надѣялся вступить въ Венецію не позже 7-го мая; но надежды его были разрушены мужествомъ осажденныхъ. Храбрый полковникъ Уллоа, комендантъ Мальгеры, отвѣчалъ на огонь непріятеля безостановочно. На другой день Гайнау прислалъ требованіе Радецкаго о сдачѣ Венеціи, предлагая перемиріе до 6-го числа. Письмо это и прокламація Радецкаго, вопреки всѣмъ обычаямъ войны, были переданы на аванпосты распечатанными. Препроводивъ присланныя бумаги къ Манини, пол-

ковникъ Уллоа замѣтилъ, что эти уклоненія отъ общепринятыхъ обычаевъ клонятся только къ тому, чтобъ обольстить гарнизонъ и выиграть время для осадныхъ работъ и потому онъ, до приказанія правительства, не прекратитъ огня. Отвѣтъ Манини былъ въ томъ же духѣ.

Не станемъ слѣдить за всѣми фазисами осады Мальгеры. Она пала, потому что всякая искуственная крѣпость, не поддержанная вспомогательною арміей, рано или поздно должна пасть. Бомбардированіе 24 и 25 мая было ужасно: болѣе 60 т. снарядовъ Австрійцы бросили въ крѣпость въ эти два дня. Она представляла груды развалинъ; земля была изрыта бомбами и усѣяна картечью, большая часть орудій подбита; гарнизонъ изъ 2000 человѣкъ потерялъ болѣе 300; остальные были измучены; сопротивляться дольше было невозможно, но Уллоа не хотѣлъ оставить крѣпости безъ формальнаго предписанія правительства. Манини, принявъ во вниманіе, что военная честь удовлетворена и что дальнѣйшая оборона только ослабила бы гарнизонъ Венеціи, приказалъ очистить Мальгеру. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было взорвать нѣсколько арокъ моста, соединяющаго городъ съ твердой землей.

Утвердившись въ развалинахъ моста, непріятель продолжалъ свои работы.

Въ это время начались переговоры прямо съ австрійскимъ правительствомъ. Давно уже оно желало этого. Еще въ бытность Томасео въ Парижѣ, Ротшильдъ предлагалъ ему увидѣться съ австрійскимъ посланникомъ: повѣренный Ротшильда, Аструкъ, хотѣлъ черезъ французскаго консула Вассёра убѣдить Манини войти въ сношенія съ Австріей; наконецъ въ послѣднее время безпрестанные совѣты Франціи и Англіи заставляли правительство пойти по этому пути. Дѣлать было нечего. Въ письмѣ къ Радецкому (*) Манини упомянулъ, что готовъ вступить въ переговоры прямо съ императорскими министрами, но фельдмаршалъ отвѣчалъ на это отказомъ; тѣмъ не менѣе 31 мая Манини получилъ письмо отъ министра коммерціи Брука, который изъявлялъ желаніе узнать объ условіяхъ Венеціанъ. Манини назначилъ двухъ уполномоченныхъ, хотя и былъ увѣренъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ, но отказываясь отъ нихъ, онъ далъ-бы случай Австріи кричать вездѣ, что Венеція не хотѣла даже выслушать весьма почетныхъ условій, которыя императорское прави-

(*) См. выше отвѣтъ на письмо Гайнау.

тельство было намѣрено предложить ей. Ожиданія Манини оправдались; Брукъ ограничился неопредѣленными обѣщаніями. Въ сущности между его предложеніями и существовавшимъ до революціи порядкомъ не было никакой разницы, кромѣ учрежденія и ежегоднаго созванія сейма, почти безъ всякихъ правъ и гарантій. Сверхъ того самая конституція должна была имѣть свое примѣненіе не прежде возстановленія общаго мира въ Европѣ; до тѣхъ же поръ итальянскія провинціи должны были находиться на военномъ положеніи.

Венеція продолжала защищаться. Огонь непріятеля возрасталъ постоянно: отъ 4 до 15 іюля было брошено въ городъ до 11 т. снарядовъ; съ 29 началось самое жестокое бомбардированіе со всѣхъ батарей; видя невозможность одолѣть мужество милиціонеровъ, непріятель обратилъ свою ярость противъ мирныхъ жителей; бомбы, гранаты, каленыя ядра—градомъ сыпались надъ несчастной Венеціей. Почти половина города находилась подъ огнемъ непріятеля. Испуганные граждане тѣснились на площади св. Марка, невольничьей (Schiavoni) набережной, въ кварталѣ Кастелли. Правительство открыло дворецъ дожей; духовенство, городскія власти, частныя лица—всѣ наперерывъ предлагали убѣжище несчастнымъ (*)...

Къ довершенію бѣдствій блокада усилилась: въ городѣ сдѣлался страшный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: принуждены были примѣшать къ пшеничной мукѣ ржаную; на мясо и овощи назначена была такса; больныхъ было множество; въ городѣ показалась холера. Въ одну недѣлю (отъ 14—20 авг.) умерло до 1,500 человѣкъ; на флотѣ болѣзнь была еще сильнѣе: на корветѣ Ломбардіи въ два съ половиною дня изъ ста десяти человѣкъ заболѣло 53, изъ которыхъ большая часть умерла;—вообще по истеченіи 5 дней осталось въ живыхъ только 30 человѣкъ; такая смертность заставила отложить попытку освободить Венецію отъ блокады посредствомъ морскаго сраженія. Прибавьте къ этому новые налоги, безпрестанные пожары, интриги австрійскихъ агентовъ и вы будете имѣть только поверхностное понятіе о состояніи Венеціи. Нѣкоторые наиболѣе малодушные предлагали составить адресъ о капитуляціи; во главѣ ихъ находился венеціанскій патріархъ: раздраженный народъ разграбилъ его домъ и

(*) Трогательныя явленія представлялись въ это печальное время: одинъ кварталъ Кастелли принялъ до 500 семействъ, хотя эти семейства были изъ другаго квартала, враждебнаго Кастелли.

можетъ быть, только помощь, поданная Томасео, прибѣжавшимъ съ отрядомъ національной гвардіи, спасла его отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Черезъ нѣсколько дней нѣкоторые изъ членовъ собранія сдѣлали предложеніе о поголовной вылазкѣ; австрійскіе агенты тотчасъ воспользовались этимъ. Утромъ 8 числа они прилѣпили на стѣнахъ афишу, приглашающую всѣхъ послѣдовать этому совѣту. Въ городѣ распространился слухъ о прибытіи Гарибальди, многочисленныя толпы собрались на площади св. Марка и требовали Манини. Онъ явился. Голоса изъ толпы требовали битвы. «Вы хотите сражаться, отвѣчалъ диктаторъ, кто-же вамъ мѣшаетъ? Сколько разъ я говорилъ, что списки для вербовки открыты; записывайтесь, но не приходите на площадь пищать, какъ женщины»—«Мы хотимъ сражаться всѣ вмѣстѣ», возразили ему.—Пусть, кто первый сказалъ это, пусть возьметъ ружье и идетъ сражаться; рекрутскія присутствія открыты, повторяю я. Ступайте, вы найдете начальниковъ, которые поведутъ васъ—а я, если хотите, скажу вамъ откровенно, что ваши дѣла до сихъ поръ не соотвѣтствовали словамъ».

Произнеся эту рѣчь, Манини велѣлъ принести себѣ столъ и листъ бумаги и сказалъ: «кто хочетъ сраженія долженъ здѣсь записаться. Представилось только 7 человѣкъ..

Капитуляція была неизбѣжна. Но надо было доказать Австрійцамъ, что городъ можетъ еще держаться, надо было вести переговоры съ достоинствомъ, чтобъ получить возможно выгодныя условія; надо было приготовить народъ къ неизбѣжному несчастію.

Послѣ смотра національной гвардіи 13 августа, Манини обратился къ ней съ такими словами: «Солдаты граждане! Въ теченіи всей нашей революціи, почти полтора года мы поддержали чистымъ имя Венеціи, прежде презираемой, теперь уважаемой нашими друзьями и даже непріятелями. Главная заслуга принадлежитъ національной гвардіи, постоянной, бодрой, неутомимой. Народъ, который столько сдѣлалъ и страдалъ, сколько сдѣлалъ, страдалъ и страдаетъ нашъ народъ,—не можетъ погибнуть. Придетъ нѣкогда день, когда блескъ его участи отвѣтитъ его достоинствамъ. Когда-же придетъ этотъ день? Это въ волѣ Божей. Мы сѣяли—доброе сѣмя въ этой почвѣ принесетъ плоды свои». Потомъ, исчисливъ заслуги національной гвардіи, Манини спросилъ имѣетъ-ли она къ нему полную довѣренность. Восторженныя восклицанія отвѣчали ему. Тогда со слезами на глазахъ онъ продолжалъ. «Эта привязанность, эта несокрушимая

довѣренность глубоко трогаютъ меня и въ то же время опечаливаютъ.. Да, они опечаливаютъ меня болѣе, чѣмъ я могу сказать, потому что еще живѣе, если только это возможно, представляются мнѣ страданія народа! Вы не можете, къ несчастію, постоянно расчитывать на мои силы физическія, нравственныя и умственныя; но на мою привязанность къ вамъ, глубокую, пламенную, несокрушимую, можете расчитывать всегда, каковы-бы ни были испытанія, которыя Провидѣніе сохранило намъ. Вы можете сказать: этотъ человѣкъ обманулся, но никогда не скажете: «этотъ человѣкъ обманулъ насъ»! Никогда я ни кого не обманывалъ, никогда я не старался возбудить мечты, которыхъ не раздѣлялъ, никогда я не говорилъ: надѣйтесь, когда не надѣялся самъ»!.. Внезапный припадокъ прервалъ рѣчь президента, расширеніе сердца сдѣлалось такъ быстро и сильно, что онъ упалъ, заливаясь горячими слезами и восклицая «и съ такимъ народомъ быть принуждену уступить»!

16 числа пришло письмо отъ Брука съ прокламаціей Радецкаго, въ которой были предложены прежнія условія капитуляціи (*) но условія эти были неясны въ нѣкоторыхъ пунктахъ и потому Манини отправилъ уполномоченныхъ къ Горцковскому, требуя приличнаго срока для выхода войскъ, предварительнаго назначенія 40 гражданъ, которые должны оставить городъ, полной амнистіи для другихъ. Сверхъ того онъ требовалъ, чтобъ не была наложена контрибуція и чтобы предварительно условились о погашеніи народнаго долга...

Отправляя Медини, Пріули и Каведалиса съ этими предложеніями, Манини принужденъ былъ успокоить народъ; надо было показать непріятелю, что Венеція не дошла до послѣдней крайности. Это имѣло успѣхъ. Горцковскій объявилъ, что всѣ офицеры, служившіе прежде въ австрійской арміи должны оставить городъ, также какъ и всѣ военные другихъ государствъ; сверхъ того 40 гражданъ, означенныхъ въ особомъ спискѣ подвергаются той же участи (**). Относительно

(*) Условія эти были слѣдующія. Полная покорность города; немедленная сдача всѣхъ фортовъ, арсенала, оружія, какъ общественнаго, такъ и принадлежащаго частнымъ лицамъ; всѣ лица, которыя захотятъ оставить Венецію, могутъ удалиться; амнистія солдатамъ и унтеръ-офицерамъ.

(**) Лица, назначенныя въ изгнаніе были слѣдующія: Авесани, Бенвенути, Джурати, Минотто, Менгальдо, Пинкерле, Манини, Томасео, Зерманъ, Дзанети, Верготини, Сеисемитъ-Дода, Варе, Морозини, Мальфати, Торніело, Дели-Антони

погашенія долговъ было предложено, чтобы ассигнаціи, извѣстныя подъ именемъ «Carta communale» имѣли половину нарицательной цѣнности; погашеніе ихъ лежало на муниципалитетѣ, который долженъ былъ принять финансовыя мѣры къ скорѣйшему ихъ изъятію изъ обращенія. Подобныя-же распоряженія были сдѣланы и въ отношеніи патріотическихъ ассигнацій (carta patriotica).

Пока велись эти переговоры, войска, узнавъ, что муниципалитетъ распорядился, чтобы солдатамъ, остающимся въ городѣ, выдать за десять дней жалованье, а отправляющимся въ изгнаніе за три мѣсяца, пришли въ волненіе. Человѣкъ 400 овладѣли римской батареей и грозили бомбардировать городъ, если имъ не выдадутъ жалованья за три мѣсяца. Къ этому присоединились крики толпы, желавшей узнать объ исходѣ мирныхъ переговоровъ. Президентъ явился на балконѣ. «Итальянцы-ли вы, спросилъ онъ, обращаясь къ народу?

— Да да! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Хотите-ли вы быть достойными свободы?

— Да, да!

— Въ такомъ случаѣ прогоните отъ себя людей недостойныхъ, возбуждающихъ васъ. Что касается до меня, я вамъ обѣщаю, что скорѣе позволю убить себя, чѣмъ подпишу унизительное условіе. Если непріятель превосходитъ насъ силами, если насъ оставила цѣлая Европа.... сохранимъ, по крайней мѣрѣ, непорочную честь той Венеціи, которая настоящимъ своимъ поведеніемъ заслужила удивленіе цѣлаго свѣта»!...

Послѣ того, въ сопровожденіи національной гвардіи, онъ отправился къ римской батареѣ. Появленіе его и энергическія слова, которыми онъ призвалъ недовольныхъ къ чувству долга, укротили ихъ и такимъ образомъ слава Венеціи не была помрачена въ послѣднія минуты ея свободнаго политическаго существованія.

24 августа временное правительство передало власть муниципальному. Венеція пала, но пала послѣднею, спустя 4 дня послѣ полученія извѣстія о паденіи Венгріи, когда не осталось ни куска хлѣба, ни зерна пороху. Манини удалился домой, чтобы готовиться къ отъѣзду. Мрачной представлялась ему будущность. Онъ шелъ въ изгнаніе съ женой, сыномъ, съ больной дочерью, почти безъ

Мирковичъ, Матсукето, Камелло, Канети, Джустиніани. Леви, Штадлеръ, Ланца, Панцони, Солеръ, Маттеи, Бернарди, Грондони, Фабрисъ, Сиртори, Серена, братья де-Мула, Беллинато, Манелли, Лацанео, Манцини и Каффи.

денегъ, безъ средствъ къ существованію; бросившись въ потокъ революціи, онъ пожертвовалъ ей всѣмъ, хотя и не сочувствовалъ ей; у него было врожденное отвращеніе ко всякому безпорядку; «а между тѣмъ, говорилъ онъ, безпорядокъ былъ необходимъ для начатія революціи, я покорился этой горькой необходимости, но какъ скоро она перестала быть необходимостью, я употребилъ всѣ усилія для водворенія порядка. Отдавшись революціи, я считалъ невозможнымъ пережить ея паденіе и не приготовилъ ни для себя, ни для дѣтей убѣжища или средствъ къ существованію въ случаѣ неудачи.» Но Венеція не забыла о своемъ героѣ, и муниципалитетъ предложилъ ему 24 т. фр. Сумма эта и уроки итальянскаго языка обезпечили его существованіе во время восьмилѣтняго изгнанія....

Уныло готовился венеціанскій Вашингтонъ покинуть навсегда свою родину; печальныя мысли бродили въ головѣ его; но въ эти горькія минуты онъ былъ утѣшенъ народнымъ сочувствіемъ. «Онъ тамъ, говорилъ народъ подъ его окномъ, онъ тамъ, нашъ бѣдный отецъ, онъ такъ страдалъ за насъ, Боже, благослови его»!...

27 августа французскій пароходъ «Плутонъ» унесъ Манини, семейство и друзей его во Францію. На другой день, при гробовомъ молчаніи народа, австрійскія войска вступили въ Венецію. Такъ кончилась эта величественная драма. Благородные защитники итальянской независимости сошли со сцены, оставивъ міру еще одинъ великій урокъ—революціи, незапятнанной политическими преступленіями. Journal des Dêbats, Times, даже Lloyd отдали справедливость временному правительству, его дѣятельности и неутомимости, хотя австрійская газета и не могла не клеветать на Манини, обвиняя его въ непотизмѣ. Но гдѣ-же доказательства? Изъ всѣхъ частныхъ друзей президента одинъ Пинкерле былъ министромъ, и то три мѣсяца; и ему обязана Венеція заготовленіемъ провіанта на время осады; Петсато, неразлучный другъ диктатора, ворчливый критикъ его распоряженій, никогда не занималъ никакого правительственнаго мѣста; Дели-Антони былъ офицеромъ національной гвардіи; сынъ Манини служилъ простымъ солдатомъ въ стрѣлкахъ Силе.

Съ грустью останавливаемся на участи венеціанскаго народа. Энергическій, свободолюбивый, онъ умѣлъ подчиняться, когда требовали того обстоятельства. Онъ не щадилъ ничего для блага отечества и въ послѣднюю революцію пожертвовалъ болѣе 60 м. лиръ. Этотъ народъ созрѣлъ для свободы, понималъ ее и былъ

рабомъ своего долга, но ревнивымъ господиномъ своего права. Не только патриціи и образованный классъ, но гондольеры были развиты на столько, что могли разсуждать о правахъ Вотъ что говорилъ гондольеръ Галли (*) своимъ товарищамъ на выборѣ диктатора: «Теперешняя Венеція есть Венеція первыхъ временъ; преданная рыболовству, бѣдная, демократическая, она умѣла возвеличиться тогда оружіемъ, торговлею, гражданскими доблестями; она можетъ и должна сдѣлать то же теперь, когда благодаря единодушному согласію всѣхъ гражданъ, она сбросила и разбила иго иноплеменника. Древняя Венеція одряхлѣла, когда дурная трава общественныхъ различій распространилась по ея дѣвственной почвѣ; она пала-бы и теперь, еслибъ граждане, спасшіе ее въ чудномъ порывѣ энтузіазма и самопожертвованія, не были призваны *всѣ* устроить судьбу ея.

Я говорилъ о демократіи и аристократіи, но знаете-ли вы, что означаютъ эти слова? Демократія, это равенство правъ всѣхъ гражданъ безъ различія; аристократія—преобладаніе патриціевъ въ ущербъ общественному праву. Мы хотимъ и желаемъ быть демократами, какъ были наши отцы, мы хотимъ имѣть тѣ же права и обязанности, какъ и другіе граждане. Но не думайте, ради Бога не думайте, чтобъ въ словѣ демократъ заключалась мысль или покушеніе на чужую собственность. Богатые пусть остаются богатыми, для того, чтобъ облегчить нашу бѣдность, давая намъ работу; патроны наши пусть будутъ уважаемы, потому что они даютъ намъ средство жить честно; они охотно согласятся потерять нѣсколько часовъ нашей работы зная, что эти часы посвящены общественному благу—слушать и даже внушать проекты улучшенія участи нашей, нашихъ дѣтей и будущихъ поколѣній.

Всему, что я говорю, всему этому научило меня сперва мое собственное сердце, а потомъ исторія, которую я прочелъ, хоть я и гондольеръ.

Я долженъ прибавить, что во всемъ, что мы сдѣлаемъ сегодня демократически, какъ въ первыя славныя времена Венеціи, во всемъ этомъ мы должны быть готовы сдѣлать измѣненія для общаго блага Италіи, потому что прежде всего мы Итальянцы».

(*) Галли, по прозвищу музыкантъ, былъ гондольеръ въ службѣ банкира Когена (Cohen), и большой любитель литературы и въ особенности поэзіи; онъ составилъ нѣсколько стихотвореній на разные случаи.

Послѣ этого становится понятно восклицаніе Манини: «и съ такимъ народомъ быть принуждену уступить»!

Да, пришлось уступить, не отъ недостатка во флотѣ, какъ полагаетъ Уллоа, не отъ недостатка въ хорошихъ генералахъ, какъ думаетъ Перанъ (Perrens), но оттого, что противъ союза народностей составилась другая коалиція, болѣе опытная въ дипломаціи. Флотъ могъ продлить сопротивленіе на нѣсколько мѣсяцевъ и только; Венеція, оставленная Италіей, безъ помощи Венгріи, не могла бороться съ Австріей; Уллоа, Сиртори, Пепе не уступали въ дарованіяхъ австрійскимъ генераламъ, но они были въ силахъ одолѣть съ ними по чрезвычайной несоразмѣрности въ средствахъ. Главная ошибка Италіи состояла въ томъ, что она не поняла, что ключъ ея независимости въ Венеціи, что Австрія до тѣхъ поръ связана въ своихъ дѣйствіяхъ, пока Венеція свободна. Увлеченная обѣщаніями Пія IX и Фердинанда, Италія дорого заплатила за свою ошибку. Еще разъ суждено было торжествовать реакціи, еще разъ поборники итальянской свободы должны были явиться въ Европѣ изгнанниками и представителями чистоты своихъ убѣжденій. Болѣе 80 т. Итальянцевъ странствовало по Европѣ и Америкѣ и вносило въ народное убѣжденіе болѣе и болѣе сочувствія къ Италіи и ненависти къ Австріи. Гарибальди мечемъ, Манини — примѣромъ своей жизни, служили дѣлу Италіи.

Несчастный изгнанникъ, едва ступилъ онъ на цвѣтущія берега Прованса, какъ жена его пала жертвой холеры, свирѣпствовавшей въ то время въ Марсели. Бѣдный вдовецъ переселился въ Парижъ вмѣстѣ съ своей больной дочерью. Емилія была необыкновенная дѣвушка: тѣлесныя страданія какъ будто способствовали только къ развитію ея духа; она представляла одно существо съ отцомъ. Посвященная во всѣ его думы и проэкты, она любила Италію такъ же пламенно, какъ и онъ, и была для него живымъ образомъ несчастной родины. Страшныя нервическія страданія почти постоянно приковывали бѣдную дѣвушку къ болѣзненному одру. Наконецъ въ началѣ января 1854 страданія ея прекратились. До самаго конца она сохранила сознаніе. Мысли ея были устремлены къ родинѣ. «Ахъ, Венеція, прошептала она въ послѣднія мгновенія, я уже не увижу тебя»!

Ударъ былъ жестокъ. Для ней, можно сказать, жилъ, ей дышалъ онъ; для ней не давалъ себѣ ни часу покоя, набирая уроки, для ней продавалъ свою библіотеку и вдругъ смерть поразила ее.

Въ 1855 году онъ посѣтилъ Англію. Его приняли ласково — и только. Для Англіи важенъ былъ въ то время неутралитетъ Австріи, и Манини ничего не могъ добиться. Политическій девизъ его: «справедливое полезно» противорѣчилъ принципу англійскаго правительства: «полезное справедливо».

Возвратившись во Францію, Манини продолжалъ заниматься уроками, внимательно слѣдя за событіями; надъ Италіей зажигалась яркая заря, но онъ чувствовалъ, что ему не видать восходящаго солнца. Всегдашнее утомленіе жизнью преслѣдовало его болѣе чѣмъ когда нибудь. «Я всегда чувствовалъ сильную потребность покоя, говорилъ онъ, и особенно покоя продолжительнаго, какой находятъ только въ могилѣ. Мое удаленіе отъ жизни было, можетъ быть, отчасти лѣностью. Процессъ жизни долженъ для здороваго человѣка быть удовольствіемъ, для меня же съ самаго дѣтства онъ былъ тягостенъ и утомителенъ».

22 сентября 1857 пламенное желаніе изгнанника исполнилось— онъ пересталъ страдать. Австрія, преслѣдовавшая его всю жизнь, преслѣдовала самую память его. Не успѣвъ помѣшать служенію похоронной мессы, австрійское правительство приняло мѣры, чтобъ она не повторялась въ годовщину его смерти. Строгій циркуляръ былъ разосланъ ко всѣмъ священникамъ, съ запрещеніемъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, служить мессу. Наступило 22 число. Толпы устремились въ церковь св. Луки, но двери ея были заперты. Покушавшіеся отворить ихъ были арестованы и толпа разсѣялась, но не отказалась отъ своего намѣренія. Вечеромъ, въ 6 часовъ, длинная линія гондолъ потянулась къ маленькой капуцинской церкви близъ кладбища св. Михаила. Полиція, не приготовленная къ такому предпріятію, не успѣла помѣшать ему и погребальная месса была отслужена.

Безсильная злоба Австріи ничего не можетъ противъ великаго гражданина. Съ каждымъ днемъ растетъ къ нему сочувствіе, растетъ его слава; каждый день раскрываетъ подробнѣе и яснѣе его доблести и низость его гонителей, каждый день доказываетъ, что безъ Венеціи нѣтъ единства Италіи, нѣтъ общаго мира. Ему воздвигаютъ памятникъ въ Туринѣ, но лучшимъ памятникомъ ему будетъ освобожденная Венеція въ тотъ мигъ, когда пробужденные народы сознаютъ свои ошибки и вырвутъ адріатическую красавицу изъ когтей коршуна, недостойнаго названія орла.

Нельзя не поблагодарить г. Плана-де-ла-Фэй за его изданіе, жаль только, что въ число документовъ не вошли относящіеся къ венгерской войнѣ; можетъ быть, это бросило бы новый свѣтъ на событія. Признавая справедливость большей части его заключеній, нельзя согласиться съ нимъ въ оправданіи Пальмерстона и Карла-Альберта. Факты громко говорятъ сами за себя, и мы почти увѣрены, что эти оправданія вызваны политическими соображеніями, чтобъ не повредить великому дѣлу итальянской національности.

В. ПОПОВЪ,

Ремесленница.

(L'ouvrière, par Jules Simon. Paris 1861.

Еще недавно поэтъ пѣлъ намъ веселыя пѣсни о работницѣ Женни, о красивой и свѣжей молодой дѣвушкѣ, щебетавшей у своего окна вмѣстѣ съ своимъ зябликомъ. Женни была хороша собой; она могла бы жить въ роскоши, но предпочла то, что послала ей судьба. Живописцы изображали типы въ родѣ Марты пряхи (Marthe la fileuse), рисовали швей съ очаровательными ручками, цвѣточницъ, миловидныхъ до крайности, толпу розовыхъ, полуодѣтыхъ ребятишекъ, разсыпанныхъ въ прелестныхъ группахъ вокругъ отца, работающаго за ткацкимъ станкомъ и счастливой матери, вертящей самопрялку.

Такія картины теперь несовременны; теперь мы гораздо лучше прежняго знаемъ жизнь заморскихъ дикарей и неимущей братіи нашего общества, и слово работница не вызываетъ въ нашей душѣ веселыхъ представленій; напротивъ, намъ чудится въ полумракѣ толпа женщинъ исхудалыхъ, дурно обутыхъ, въ изношенныхъ и поли-

нялыхъ платьяхъ; однѣ пробираются къ Mont de Piété, другія бродятъ по перекресткамъ и переулкамъ, чтобы отдаться пороку, который вознаградитъ ихъ лучше труда. Третьи, утомленныя, измученныя, изломанныя трудомъ, отправляются на душный чердакъ, гдѣ ждетъ ихъ грубый и пьяный мужъ, гдѣ плачутъ золотушные дѣти, неумытые, простуженные и полуголодные. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ сотни женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, собранныхъ въ залѣ мануфактуры; онѣ всѣми порами вдыхаютъ въ себя зараженный воздухъ. Иныя, повидимому, стоятъ неподвижно, но пальцы ихъ, какъ маятникъ, правильно ходятъ изъ стороны въ сторону, другія тѣснятся и хлопочутъ и ежеминутно задѣваютъ за машины, которыя вертятся съ изумительною быстротою; каждая изъ этихъ машинъ могла бы въ одну секунду смолоть человѣка, и нельзя смотрѣть безъ содроганія, какъ эти слабыя руки управляютъ ими, наблюдаютъ за ихъ ходомъ и работаютъ за-одно съ этимъ страшнымъ организмомъ, составленнымъ изъ желѣза, пара и горящаго угля.

Но не стальное чудовище заставляетъ насъ бояться за молодую дѣвушку; рядомъ съ нею стоитъ надсмотрщикъ и порою покрикиваетъ на нее, но и этотъ грубый выскочка не опасенъ; гораздо хуже его начальникъ фабрики, сынъ его и его товарищи; всѣ они ребята красивые, всѣ рисуются своими прелестями, и не прочь съиграть роль маркиза временъ Регентства, отчаяннаго волокиты и побѣдителя женскихъ сердецъ. Изъ этихъ несчастныхъ, бойкіе господа собираютъ себѣ гаремъ. Давая имъ по 10 копѣекъ въ день да по двѣнадцати часовъ работы, эти господа скликаютъ себѣ толпу гурій, которыя обязаны принимать ихъ ласки, потому что они имѣютъ право жизни и смерти, они держатъ въ своихъ рукахъ голодъ, холодъ, нищету, болѣзнь, они располагаютъ хлѣбомъ дѣтей, молокомъ матери, руками отца, платьемъ дочерей.

Дальше, гдѣ нибудь подъ крышею, въ тѣсной комнаткѣ работницы шьютъ и вышиваютъ далеко за полночь, вокругъ вонючей и тускло горящей лампы. Сонъ разъѣдаетъ ихъ опухшія вѣки; желудокъ ихъ разслабленъ нездоровою пищею, которая мѣшаетъ умереть, не давая жизненной силы. Ихъ зрѣніе съ каждымъ днемъ слабѣетъ; головокруженіе и мигрень медленно разлагаютъ ихъ утомленный мозгъ. Въ глубинѣ ихъ измученной души шевелятся неясныя потребности, слышатся сдавленные стоны, смутныя стремленія; передъ ихъ воображеніемъ носятся неопредѣленные образы, которые порою дѣлаются

до такой степени ярки, что рѣжутъ глазъ и волнуютъ сердце. Мы смотримъ имъ въ душу, и, какъ въ зеркалѣ, читаемъ ихъ прошедшее. Онѣ видятъ красивыхъ барышень, для которыхъ онѣ работаютъ; вотъ гордыя аристократки катятъ въ легкомъ экипажѣ къ зеленому лѣсу, къ озеру, на которомъ плывутъ вереницами бѣлые лебеди;— вотъ деревня, въ которой онѣ родились, вотъ разсыпаны по берегу ручья желтыя скороспѣлки; голубое небо, тѣнистый лѣсъ; видятъ онѣ красивыхъ мужчинъ, нѣжныхъ любовниковъ, милыхъ дѣтей, улыбающихся въ колыбелькахъ подъ кисейными занавѣсками.—Потомъ.... видѣнія, полныя отчаянія, безумныя оргіи, водка и простое вино, острыя болѣзни на госпитальной кровати, прижиганія и ампутаціи, веревки, которыми затягиваютъ себѣ горло, мосты, съ середины которыхъ бросаются въ грязную и черную воду; домъ мертвыхъ, куда приносятъ обезображенныя тѣла, раздувшіеся трупы, съ зеленоватымъ или лиловымъ отливомъ... При этомъ видѣніи, мысль не смѣетъ идти дальше, и онѣ съ жаромъ принимаются шить, подрубать, вдѣвать нитку и кроить матерію. Если работница Француженка, она напѣваетъ пѣсенку:

Ilétait une bergère
Et ron, ron, petitpataron.

А если она Англичанка, то бормочетъ заунывную пѣснь о рубашкѣ:

Stitch, stitch, stitch away
Stitch, stitch, stitch
. . . .

И когда вдумаешься въ то, что положенія, развернувшіяся передъ нашими глазами, не представляютъ изолированныхъ фактовъ, что таковы случайныя или нормальныя условія жизни для большей части людей, живущихъ въ большихъ городахъ или въ центрахъ мануфактурной дѣятельности, тогда поневолѣ сдѣлается стыдно и больно; сдѣлается досадно на самого себя за роскошь, которою пользуешься, за свой досугъ, за свой комфортъ и за всѣ удобства жизни; сдѣлается досадно, зачѣмъ оказываешься однимъ изъ счастливыхъ міра сего среди этого множества несчастливцевъ и несчастливицъ.

Но сожалѣнія безплодны и вопли ни къ чему не ведутъ. Дѣло идетъ о работницахъ, а подъ именемъ работницъ мы понимаемъ жен-

щинъ, посвящающихъ почти всю свою жизнь на занятія внѣ дома въ ущербъ своимъ домашнимъ трудамъ и интересамъ. Понимая такимъ образомъ причину болѣзни, мы скоро пріищемъ лѣкарство.

Прежде всего, вопросъ: должны ли женщины быть работницами? Одинъ знаменитый экономистъ рѣшительно требовалъ ихъ исключенія изъ мануфактуръ. «Работница, восклицаетъ Мишле, безчестное, грязное слово! Его не было ни въ одномъ языкѣ, его не понимало ни одно время раньше этого желѣзнаго вѣка; одно это слово перевѣситъ собою всю нашу мнимую цивилизацію».

Жюль Симонъ сожалѣетъ о томъ, что женщинамъ открытъ входъ въ мануфактуры.

«Работница, говоритъ онъ, перестаетъ быть женщиною.—Для нея дѣлается невозможною эта тихая, уютная, стыдливая жизнь въ кругу близкихъ и любимыхъ людей, жизнь, необходимая для ея счастья, а вслѣдствіе этого и для нашего; она принуждена жить подъ начальствомъ надсмотрщика, вмѣстѣ съ другими женщинами сомнительной нравственности, въ постоянномъ соприкосновеніи съ мужчинами, въ разлукѣ съ мужемъ и съ дѣтьми. Въ семействѣ работниковъ, отецъ и мать каждый день уходятъ въ разныя стороны на 14 часовъ. Стало-быть нѣтъ семейства. Мать не можетъ сама кормить своего ребенка, и оставляетъ его дешевой кормилицѣ, часто какой нибудь нянькѣ, которая кормитъ его жидкимъ супомъ. Отъ этого происходитъ ужасающая смертность, а у дѣтей, остающихся въ живыхъ, развиваются хроническія болѣзни, порода портится и мельчаетъ, нравственное воспитаніе совершенно упраздняется. Дѣти отъ 3–4 лѣтъ бродятъ безъ присмотра по грязнымъ переулкамъ и страдаютъ отъ холода и отъ голода. Въ 7 часовъ вечера отецъ, мать и дѣти собираются въ свою единственную комнату, служащую имъ ночлегомъ; отецъ и мать утомлены работою, дѣти устали отъ бродяжничества, а между тѣмъ что̀ приготовлено для ихъ пріема?— Комната цѣлый день стояла пустая; никто не позаботился о самыхъ необходимыхъ условіяхъ чистоты. Огонь погасъ; измученная мать не въ силахъ готовить кушанья; платье разваливается въ лоскутья. Вотъ что мануфактуры сдѣлали изъ семейства.»

Должно ли заключить изъ этого, что граждане обязаны ставить работу женщинъ на одну доску съ развратомъ? Должно ли требовать отъ правительства, чтобы оно запретило женщинѣ входить въ мас-

терскую такъ же точно, какъ оно должно было бы запереть ей входъ въ публичные домы?

Это невозможно. Въ наше время для націи произведенія мануфактуръ также необходимы, какъ произведеніе почвы. Въ наше время матеріальные интересы стоятъ выше всякаго политическаго могущества, и нѣтъ того законодателя, который устоялъ бы противъ фабрикантовъ; промышленость превратилась въ широкую и многоводную рѣку, которую можно направлять продольными плотинами, но которую невозможно запрудить поперечною стѣною. Трудъ женщинъ сдѣлался рѣшительно необходимымъ для мануфактуръ, а мануфактуры рѣшительно необходимы для государства.

Слѣдовательно, эта мѣра неисполнима. Если она неисполнима, то очень правдоподобно, что она несправедлива. Подумаемъ немного.

Есть дѣвушки, нежелающія выдти замужъ, и еще больше такихъ, которыя не въ состояніи этого сдѣлать. Онѣ могутъ и должны жить только работою. Но такъ какъ работа въ мануфактурахъ мало по малу поглощаетъ собою всѣ прочія видоизмѣненія труда, то необходимо работать внѣ дома, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба. Можно ли незамужнюю женщину приносить въ жертву супругѣ и лишать ее работы, т. е. отдавать ее на терзаніе распутству и голоду?

А если мастерская должна быть открыта для дѣвушки, то она не можетъ быть заперта для женщины, несмотря на всѣ ея домашнія обязанности. Для мануфактуры идеалъ и законъ составляетъ дешевизна задѣльной платы, а не самоотверженіе. Вмѣсто того, чтобы платить мужу двойную плату для содержанія жены и дѣтей, мануфактура согласится скорѣе принимать въ работники одннхъ холостяковъ и такимъ образомъ будетъ непроизвольно поощрять порокъ. Мануфактура, платить одну цѣну за аршинъ работы, кѣмъ бы она ни была исполнена, холостякомъ, или отцомъ семейства, молодою дѣвушкою или замужнею женщиною, и, съ своей точки зрѣнія, мануфактура совершенно права.

Задѣльная плата находится въ обратномъ отношеніи съ численностью народонаселенія, а при настоящихъ условіяхъ жизни для того, чтобы воспитать семейство, необходимо къ заработкамъ отца присоединить заработки матери. Если для прокормленія семейства необходимо 6 фр. въ день, и если отецъ добываетъ 4, то мать и дѣти подъ страхомъ смерти должны добыть остальные 2 франка.

Пессимисты, защищающіе до послѣдней крайности торжество вся-

каго эгоизма, разсуждаютъ такъ: отецъ и мать получаютъ и должны получать въ-обрѣзъ столько, сколько имъ необходимо, чтобы жить со дня на день, а ребенокъ долженъ самъ кормить себя; и на этомъ основанiи они утверждаютъ, что и дѣти должны работать въ мануфактурахъ.

А грудные дѣти? А дѣти, которые еще не умѣютъ говорить? И тѣ должны работать на мануфактурахъ?—спросимъ мы у этихъ дiалектиковъ мѣщанскаго самодовольствiя. Стало-быть надо истребить породу рабочихъ, стало-быть съ нашимъ поколѣнiемъ должна прекратиться раса пролетарiевъ, для того, чтобы всѣ земли достались богатой буржуазiи вмѣстѣ съ огромными заводами, лишенными рабочихъ рукъ. Мало одной логики, нужно еще здравый смыслъ. Мало быть консерваторомъ, надо позаботиться о томъ, чтобы не превратиться въ реакцiонера и въ людоѣда.

Мы не хвалимся такою неотразимою логикою и не стараемся быть логичнѣе человѣческой природы. Сообразуясь съ настоящимъ порядкомъ вещей, мы считаемъ необходимымъ, чтобы къ заработкамъ отца присоединялись заработки матери, но мы рѣшительно протестуемъ противъ труда дѣтей, пока они не достигли физической и умственной окрѣплости: дѣти должны ходить, бѣгать, плавать, скакать, прыгать, веселиться и учиться, а не быть привязанными къ одному мѣсту 14 часовъ въ сутки за однообразною работою, за которою тупѣетъ мысль и разстраивается здоровье, и не развращаться душою и тѣломъ въ противуестественной средѣ. Печальныя слѣдствiя этого чудовищнаго образа жизни уже проявляются во Францiи; раса портится съ каждымъ днемъ; у насъ живетъ поколѣнiе идiотовъ и негодяевъ, пропитанныхъ табакомъ и водкою; съ 12 или съ 15 лѣтъ они уже знакомы со всѣми симптомами разврата и, изучивъ преждевременно всѣ пороки, принимаются за злодѣянiе. При лучшемъ устройствѣ общества, при болѣе правильной организацiи труда, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда фабрику нельзя будетъ упрекнуть, какъ это часто дѣлается теперь, въ сходствѣ съ арестантскимъ домомъ или съ плантацiею, на которой эксплуатируютъ невольниковъ,—тогда человѣкъ конечно все-таки будетъ работать руками для удовольствiя и по необходимости, такъ какъ физическiя и умственныя упражненiя необходимы для того, чтобы здоровый духъ жилъ въ здоровомъ тѣлѣ. Тогда рабочiе при меньшихъ усилiяхъ будутъ дѣлать гораздо больше дѣла, и найдутъ свободное

время для занятій наукой, искусствомъ, послѣ полевыхъ трудовъ или въ общественной мастерской. Для примѣра положимъ, что рабочаго времени для мужчины будетъ 8 часовъ, а для женщины 4 часа.

Напрасно думаютъ, что уменьшеніе часовъ работы при оставленіи той же платы подорветъ промышленность. Усовершенствованіе машинъ и облегченіе процесса производства увеличатъ во сто разъ количество произведеній и удесятерятъ барыши, которые позволятъ такимъ образомъ платить рабочимъ по крайней мѣрѣ прежнюю цѣну. Тогда число рабочихъ значительно увеличится, тогда будутъ заниматься ручными работами всѣ мужчины и почти всѣ женщины, между тѣмъ какъ теперь ими занимаются только низшіе классы.

Не возражайте, что въ этомъ случаѣ вся нація превратится въ мастеровыхъ. Напротивъ, все трудящееся сословіе, работники, работницы, всѣ теперешніе паріи будутъ допущены къ участію въ работѣ мысли, и въ свою очередь художники и литераторы будутъ почерпать физическое здоровье изъ животворнаго соприкосновенія съ матеріальнымъ трудомъ.

А вотъ что выиграетъ черезъ это женщина: она пріобрѣтетъ индивидуальную независимость и уваженіе мужчины, что для нея гораздо лучше его ложнаго и натянутаго обожанія. Знайте, что женщинѣ невозможно явиться совершеннолѣтнею въ отношеніи къ мужчинѣ и стать съ нимъ на равную ногу до тѣхъ поръ, пока она будетъ зависѣть отъ него въ своемъ пропитаніи. Имѣя въ виду этотъ идеалъ, мы не станемъ во враждебныя отношенія къ труду женщины въ мастерской; мы надѣемся, что ея теперешнее рабство и ея страданія завоюютъ ей будущую свободу.

Но какихъ еще правъ нужно женщинѣ? восклицаетъ тупая мѣщанская *добродѣтель*. Какихъ правъ?—Права быть сытыми, права дышать чистымъ воздухомъ въ стѣнахъ смрадныхъ мастерскихъ и фабрикъ, права имѣть своихъ дѣтей при себѣ и не оставлять ихъ впродолженіе шести дней недѣли на произволъ судьбы, права защищать свою честь отъ насилія нужды или семейнаго деспотизма, наконецъ права располагать независимо своимъ чувствомъ и совѣстью въ брачныхъ связяхъ и въ семейной жизни. Правда, все это мечты, иллюзіи, по мнѣнію мѣщанскаго либерализма, но у него своя логика идей и событій и мы не удивляемся, если онъ видитъ иллюзіи въ потрясающихъ фактахъ дѣйствительной жизни.

На какую бы практическую почву мы ни стали, нельзя не признать неожиданности реформъ въ фабричной производительности.

Фабрики должны быть устроены по новѣйшимъ даннымъ науки, въ особенности гигіены, механики и химіи. Трудъ дѣтей ниже 12 лѣтняго возраста не долженъ быть допускаемъ на фабрикѣ, а послѣ этихъ лѣтъ дѣти должны пріучаться къ работѣ постепенно, и число рабочихъ часовъ должно быть увеличиваемо мало–по–малу.

Мужчина долженъ работать не болѣе 10 часовъ въ сутки; женщина не болѣе 8, потому что ея природѣ не свойственно болѣе продолжительное напряженіе умственныхъ и физическихъ способностей, и кромѣ того ей нужно время, чтобы привести въ порядокъ квартиру, чтобы отвести дѣтей въ залу пріюта (salle d'asyle) и приготовить ужинъ.

Кварталы и дома рабочихъ, въ родѣ Рикстейма, Баккара, Мюльгауза должны быть общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Работнику нуженъ *свой уголокъ* (un chez soi). Безъ своего угла нѣтъ семейства; безъ семейства нѣтъ нравственности, а безъ нравственности не можетъ быть общественнаго прогресса.

Женщина не должна заниматься нездоровыми и утомительными работами; она можетъ замѣнить ихъ многими отраслями промышлености, къ которымъ она особенно способна; она можетъ заняться часовымъ производствомъ, ювелирствомъ, рисовальнымъ искуствомъ, лѣпною работою, книгопечатаніемъ, фотографическими операціями; пусть она выгонитъ изъ всѣхъ конторъ этихъ тунеядцевъ, мужчинъ отъ 25 до 40 лѣтъ, прикащиковъ и магазинныхъ сидѣльцевъ, продающихъ ленты, кружева, перья, матеріи, разрумяненныхъ, раздушенныхъ и завитыхъ, ломающихся передъ покупателями и старающихся блеснуть передъ дамами граціею и привлекательностью.

———

Книга Жюля Симона въ особенности разсматриваетъ теперешнее положеніе работницъ. Сначала онъ говоритъ о женщинахъ, работающихъ отдѣльно для шелковыхъ фабрикъ, живущихъ иногда въ деревнѣ и сохранившихъ такимъ образомъ семейную жизнь. Онъ жалѣетъ о томъ, что не всѣ женскія работы устроены такъ; онъ съ огорченіемъ принужденъ замѣтить, что шелковыя фабрики преобразовываются и, расширяя размѣры своего промышленнаго производства, подражаютъ примѣру бумагопрядиленъ, на которыхъ женщина дѣлается ис-

ключительно работницею, на которыхъ у жены нѣтъ мужа, у мужа нѣтъ жены, у дѣтей нѣтъ матери.

Затѣмъ авторъ изучаетъ мелкіе женскіе промыслы и въ особенности положеніе швей и прачекъ. Если положеніе фабричныхъ работницъ тяжело, то положеніе швей невыносимо.

Въ заключеніи авторъ доказываетъ, что общественная и частная благотворительность не въ силахъ помочь этимъ страданіямъ, что она, доставляя нѣкоторое облегченіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, только усиливаетъ общее зло.

Онъ придаетъ большое значеніе ассоціаціямъ взаимной помощи, сберегательнымъ кассамъ, и въ особенности ссудамъ на честное слово (prêts d'honneur) но онъ находитъ, что радикальнаго леченія должно искать въ реформѣ квартиръ и въ народномъ образованіи.

Смѣю сказать, пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, что можно положиться на собранныя мною свѣдѣнія. Я не все видѣлъ и не все то разсказываю, что видѣлъ; но нѣтъ ни одного изъ описанныхъ бѣдствій, котораго бы не видали мои собственные глаза, и отъ котораго бы до сихъ поръ не обливалось кровью мое сердце.»

Это добросовѣстное изслѣдованіе, интересное, полное поучительныхъ подробностей и проникнутое благородными чувствами,—я скажу не обинуясь, что оно дѣлаетъ автору болѣе чести, чѣмъ его исторія Александрійской школы, составившая его славу въ глазахъ метафизиковъ. Публика умѣла впрочемъ оцѣнить послѣднюю монографію Ж. Симона; она была въ первый разъ напечатана въ «Revue des deux mondes» и потомъ въ нѣсколько недѣль появилась уже вторымъ изданіемъ. Его языкъ, точка зрѣнія и выводы,—все у него чрезвычайно умѣренно, по нашему мнѣнію, слишкомъ умѣренно; слушая его, мы какъ будто слышимъ отголосокъ истины, а не самую истину. Конечно, въ этомъ виноватъ его спокойный темпераментъ и эклектическое образованіе.

Жюль Симонъ не скрываетъ страшной бѣдности работницъ и доказываетъ, что большая часть семействъ въ кругу мануфактурныхъ рабочихъ должны побираться милостынею или терпѣть въ своей средѣ развратъ, чтобы добывать пропитаніе, котораго не обезпечиваютъ заработки; онъ говоритъ не разъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣти рабочихъ на-половину умираютъ раньше двухлѣтняго возраста; онъ сообщаетъ ужасныя подробности о матеріальной и нравственной жизни ремесленниковъ и между тѣмъ общій тонъ книги вовсе не отли-

чается страстностью. Жюль Симонъ не колеблясь сваливаетъ большую часть вины на развратныхъ пролетаріевъ, на безпечныхъ пьяницъ, а большая часть патроновъ и большихъ мануфактуристовъ выставлены филантропами, нещадящими ни заботъ, ни издержекъ для благосостоянія своихъ рабочихъ. Онъ утверждаетъ, что серьезныя усилія дюжины фабрикантовъ подготовляютъ полный переворотъ въ условіяхъ существованія рабочихъ; при этомъ онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что если нѣсколько личностей въ силахъ реформировать существующій порядокъ, то стало-быть всѣмъ патронамъ вмѣстѣ было бы очень не трудно воспрепятствовать въ самомъ началѣ укорененію зла.

Словомъ, эта книга написана отчетливо, спокойно и окрашена тѣмъ цвѣтомъ оптимизма, который обыкновенно принимаютъ писатели этой партіи.

Какъ бы то ни было, мы не обвиняемъ автора въ томъ, что онъ оправдалъ однихъ и осудилъ другихъ; мы слишкомъ любимъ пролетарія, чтобы враждебно смотрѣть на зажиточнаго горожанина, и въ особенности мы слишкомъ расположены къ работнику, чтобы скрывать отъ него горькія истины. Нравственность народа, который считаютъ милліонами, для насъ дороже самоотверженія тысячи патроновъ. Еслибы народъ исправился отъ своихъ пороковъ, отъ предразсудковъ, отъ невѣжества, то горожане, патроны и подрядчики еще скорѣе исправились бы отъ своего узкаго эгоизма. Ихъ нелѣпое и жестокое корыстолюбіе очень скоро спустили бы флагъ передъ справедливостью. Отъ глубины души, со всею энергіею убѣжденія, мы взываемъ къ нашимъ братьямъ работникамъ: «Для васъ нѣтъ врага страшнѣе вашего невѣжества, вашего разврата, вашего абсента и водки. За васъ стоитъ ваше право, и вы, подобно ему, непобѣдимы, если только не направите вашихъ ударовъ противъ самихъ себя».

Э. РЕКЛЮ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Если бы мы захотѣли заносить въ нашу «Современную Лѣтопись» событія, совершившіеся факты, новыя постановленія, болѣе или менѣе извѣстныя уже изъ газетъ и т. п., мы не были бы еще достаточно *современны*, потому что мы, люди послѣдней минуты, живемъ преимущественно не тѣмъ, что было вчера и сегодня, а тѣмъ, что могло бы быть или что будетъ и можетъ быть завтра; такимъ образомъ, мы живемъ вопросами. А вопросы требуютъ, какъ извѣстно, отвѣтовъ, которые въ свою очередь требуютъ обсужденія, изслѣдованій и часто — гипотезъ, потому что въ соціальной жизни нельзя такъ легко, какъ въ математической задачѣ, отыскивать по извѣстнымъ даннымъ неизвѣстную величину. Изъ всего этого, взятаго вмѣстѣ, и слагается современная атмосфера, которою дышетъ живущій въ эту минуту человѣкъ. Стало быть вопросы по преимуществу составляютъ основный элементъ современнаго существованія; и въ самомъ дѣлѣ, какая сторона жизни осталась безъ того, чтобы современный человѣкъ не направилъ на нее цѣлой батареи вопросовъ: политика, администрація, законодательство, общественная жизнь, воспитаніе, образованіе, наука, философія и проч. и проч., все это болѣе или менѣе пересмотрѣно, и даже перетряхнуто подобно старому платью, въ которомъ завелась моль, и породило массы вопросовъ, занимающихъ общественное вниманіе, общественную мысль, выражающую себя (въ просвѣщенныхъ странахъ Европы) въ періодической литературѣ, въ общественныхъ преніяхъ и даже въ увлеченіяхъ—этихъ благород-

ныхъ инстинктивныхъ порывахъ человѣка, возбуждающихъ всегда самое искреннее сочувствіе къ увлекающимся и увлекающимъ.

Но какъ и чѣмъ объяснить главнѣйшую причину современной вопросности? Это тоже нѣкоторый вопросъ.

Чтобы нѣсколько уяснить его, мы позволяемъ себѣ прибѣгнуть къ сравненію въ лирико-эпическомъ тонѣ.

Вообразите, что вы владѣлецъ обветшалаго, деревяннаго, деревенскаго барскаго дома, доставшагося вамъ по наслѣдству по длинной нисходящей линіи. Живя только въ одной изъ безчисленныхъ комнатъ этого дома, всѣ остальныя вы заперли желѣзными запорами, закрыли всѣ окна, такъ что свѣтъ божій едва проникаетъ въ маленькія щели, плохо замкнутыя вашими лакеями,—и въ этомъ убѣжищѣ мрака развелись у васъ разныя мыши—летучія и ползучія, черви и тому подобныя подъѣдающія и подтачивающія животныя; всѣ стѣны вашего дома, полы, мебель, однимъ словомъ, все, что помягче—изъѣдено, подточено, испорчено и требуетъ конечнаго, радикальнаго возобновленія; но вы скупы, вамъ хотѣлось бы все исправить, только не заново, потому что жаль перестроивать съ самаго основанія старый домъ, напоминающій вамъ сѣдовласую бабушку, наивную вашу маменьку и даже, можетъ быть, вашу собственную, безмятежную, давно минувшую молодость; и вотъ вы рѣшились исправить покоробившіеся полы вашихъ комнатъ, но тутъ возникаетъ вопросъ о крѣпости стѣнъ; вы пробуете вставить нѣсколько бревенъ, но тутъ возникаетъ вопросъ о гнилости угловъ, тамъ далѣе оказываются сгнившими и крыша и потолки и т. п. Такимъ образомъ результатомъ вашихъ попытокъ является убѣжденіе, что весь домъ не годится, но вы могли бы его возобновить и изъ прежняго матеріала, отбросивъ только все испорченное и гнилое; стоило только опредѣлить прежде, что гнило и что можетъ еще держаться, и измѣнить характеръ архитектуры зданія, сообразно матеріалу.

Совершенно такимъ же образомъ рождаются и общественные вопросы, съ той только разницей, что перестройка дома можетъ иногда составлять не болѣе, какъ вашу прихоть, если зданіе не грозитъ еще совершеннымъ разрушеніемъ, а общественные вопросы нѣсколько болѣе нежели прихоть и отъ нихъ отдѣлаться не такъ легко, какъ переѣхать на новую квартиру; кромѣ того, вопросы общественные имѣютъ еще свой внутренній смыслъ, заключающій въ себѣ всегда какую-либо цѣль и общую идею, во имя которой даются на нихъ отвѣты. Вопро-

чемъ объ отвѣтахъ мы не будемъ много распространяться; укажемъ только на «Экономическій Указатель», какъ на представителя литературы открытыхъ вопросовъ, вызывающихъ впрочемъ не менѣе и открытые отвѣты. Но объ идеѣ, во имя которой должны ждать рѣшенія вопросы, находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Только при этомъ мы боимся, чтобы насъ не заподозрили въ пристрастіи къ абстрактнымъ теоріямъ. Ничего не бывало—мы будемъ говорить о томъ, что понятно и близко уму и сердцу всякаго. Новѣйшие соціологи, особенно французскіе, наговорили много бредней, идеализируя благосостояніе общества и поставляя непремѣннымъ условіемъ этого благосостоянія наиболѣе уравнительное распредѣленіе въ обществѣ матеріальныхъ благъ, даруемыхъ человѣку природой; для своихъ конечныхъ выводовъ соціологи принесли въ жертву *личность* человѣка, его индивидуальную свободу, подчинивъ ее строгимъ требованіямъ и условіямъ общества. Естественно, что подобнымъ внушеніямъ никто не повѣрилъ, кромѣ, впрочемъ, пролетарія, который съ горя повѣрилъ, что онъ имѣетъ право нарушить условія того же самаго общества, которое его сдѣлало пролетаріемъ, а другаго Миресомъ, Ротшильдомъ, Перейрой и т. п. За легковѣріемъ, конечно, слѣдовало разочарованіе, и только пролетарій могъ повѣрить, что человѣкъ съ своими умственными и нравственными дарами созданъ для того только, чтобы изобрѣтать средства, постоянно увеличивать свои матеріальныя блага. «Да это чистый матеріализмъ, чистая антропологія!» восклицаютъ очень раціонально люди, не испытавшіе участи пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть болѣе унижена природа человѣка, какъ унижается она такимъ опредѣленіемъ цѣли его существованія. Имѣть геній, талантъ для того только, чтобы увеличить свои матеріальныя блага! Стало быть тотъ, кто ихъ имѣетъ, и не долженъ затрогивать своихъ нравственныхъ силъ! Нѣтъ. Развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, развитіе безконечное, условливающееся только природой всякаго—вотъ конечная цѣль нашего существованія,—и общество должно предоставить всѣмъ и каждому изъ своихъ членовъ равное право на умственное и нравственное развитіе; условія жизни, которыя кромѣ права давали бы и средства каждому для достиженія конечной цѣли человѣческаго существованія, — вотъ точка, на которой должны сходиться всѣ наши общественные вопросы и политическіе, и экономическіе, и педагогическіе, и проч.

Одно, *чисто* эмпирическое разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ

не допускаетъ никакой идеи и, какъ ложное, охлаждаетъ вниманіе общества; да впрочемъ чистый эмпиризмъ, какъ нѣчто индиффектное, совершенно не согласно съ природой человѣка, всегда ищущаго для себя постоянно лучшаго; стоитъ только всмотрѣться во всякую административную, законодательную или политическую мѣру, и легко увидѣть, что все на свѣтѣ дѣлается во имя какой либо идеи, выражающей въ себѣ общественное сочетаніе тѣхъ или другихъ стремленій большинства или, часто, меньшинства общества.

Все это мы должны были сказать для того, чтобы обозначить мѣрило для опредѣленія значенія каждаго общественнаго вопроса, о которомъ намъ случится когда либо говорить.

По отношенію своему къ идеѣ, о которой мы сказали, вопросъ объ образованіи и воспитаніи народа заключаетъ въ себѣ наибольшую важность. Настоящее состояніе этого дѣла въ Россіи имѣетъ уже свою исторію и заслуживаетъ обсужденія и вниманія не только какъ совершившійся фактъ, но и какъ цѣлый рядъ фактовъ, имѣющій уже право на нѣкоторую систему и теорію. Собственно по отношенію къ массѣ народа вопросъ о *воспитаніи* почти еще не тронутъ; образованіе же можно считать начавшимся и именно воскресными школами. Вопросъ этотъ является особенно важнымъ, если принять въ соображеніе, что громадныя, можно сказать, вѣчныя послѣдствія первоначальнаго просвѣщенія массъ народа, зависятъ отъ дѣла, на изученіе котораго каждый изъ грамотныхъ русскихъ людей посвятилъ не болѣе двухъ—трехъ недѣль. Если каждый отдѣльный человѣкъ выучился хоть читать въ двѣ-три недѣли, то можно ли считать напримѣръ сильному правительству или разнымъ корпораціямъ, посвятившимъ себя общественному служенію, слишкомъ труднымъ обученіе народа грамотности?...

Воскресныя школы, какъ органы распространенія грамотности въ народѣ, пріобрѣтаютъ, въ особенности теперь, первостепенное значеніе въ русской жизни; начало ихъ дѣлается все болѣе и болѣе прочнымъ; онѣ открываются во всѣхъ краяхъ Россіи, и если не вполнѣ еще удовлетворяютъ потребности относительно народонаселенія, то, по крайней мѣрѣ, являются исходной точкой просвѣщенія въ массы народа. Повсемѣстное учрежденіе школъ безъ прямаго участія правительства, кромѣ своего практическаго значенія, важно еще и потому, что открываетъ намъ новую сторону характера и внутренней силы народа; большая часть нашего общества издавна привыкла считать низшіе

классы такой неподвижной, грубой массой, что отказывала имъ въ способности какой либо самобытной дѣятельности во всякомъ общенародномъ дѣлѣ; но теперь, кажется, можно если не совсѣмъ, то частью разубѣдиться въ этомъ. Вопросъ о народномъ образованіи и мѣры къ тому правительства вовсе не новы въ Россіи; министерство государственныхъ имуществъ давно уже организовало сельскія училища, которыя, не смотря на все матеріальное и нравственное содѣйствіе правительства, оставались учрежденіемъ чисто административнымъ и не пошли далѣе приготовленія писарей для сельскихъ и волостныхъ расправъ, хотя имѣли болѣе широкое назначеніе; объяснить неуспѣхъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, по нашему мнѣнію, можно именно тѣмъ, что училища эти были учрежденіемъ, возникшимъ правительственными средствами безъ прямаго отношенія къ народному сознанію; учрежденіе же воскресныхъ школъ имѣетъ своимъ началомъ прямо народное сознаніе, возникшее подъ вліяніемъ той живой современной струи, которая вызываетъ наружу многое, что такъ долго оставалось дремлющимъ и скрытымъ внутри народнаго организма.

У всякаго народа есть свои завѣтныя желанія и, такъ сказать, очередныя дѣла, съ которыхъ ему слѣдуетъ начинать для того, чтобы идти естественнымъ, послѣдовательнымъ путемъ въ даль своей исторической будущности; у насъ давно уже можно было считать подобнымъ очереднымъ дѣломъ народное образованіе; мы не говоримъ здѣсь о другомъ дѣлѣ, играющемъ важнѣйшую роль въ русской жизни—объ отмѣнѣ крѣпостнаго права: учрежденіе его было правительственной политической мѣрой, которая едва ли когда нибудь была понимаема народомъ, какъ необходимость, слѣдовательно и народное сознаніе о пользѣ и необходимости отмѣны крѣпостнаго права не могло быть явленіемъ, равнымъ сознанію потребности образованія. Сознаніе народа это единственный двигатель исторіи; народъ кроетъ въ себѣ неизмѣримыя силы и приводитъ ихъ въ болѣе или менѣе стройное и органически цѣльное движеніе, какъ скоро проникнется сознаніемъ необходимости того или другаго общественнаго дѣла; возбуждать сознаніе въ народѣ, бросать въ среду его плодотворныя идеи составляетъ призваніе нашей періодической литературы и всѣхъ людей мысли и желанія блага. Воскресныя школы въ своей первородной обстановкѣ сближаютъ разные классы народа или, лучше сказать, массы съ единицами изъ среды образованныхъ классовъ русскаго общества, и эта

сторона воскресныхъ школъ можетъ явиться одной изъ свѣтлыхъ функцій современнаго умственнаго прозрѣнія.

Учрежденіе правительствомъ *народныхъ* училищъ, относящееся къ довольно отдаленному времени и педагогическая дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ не могла въ десятки лѣтъ сдѣлать того, что является результатомъ юныхъ воскресныхъ школъ; это фактъ знаменательный во многихъ отношеніяхъ—здѣсь народъ какимъ то инстинктомъ какъ бы предпочелъ свободную иниціативу частныхъ лицъ бюрократической формѣ правительственнаго учрежденія; воскресныя школы начали организовываться безъ всякихъ уставовъ, безъ всякихъ понужденій и наблюденій отъ правительства, и надо сказать *начало* было хорошо.

Здѣсь кстати замѣтить, что движеніе, вызванное народнымъ сознаніемъ, есть вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ достиженію всякой благой цѣли, такъ что правительства, посвящающія свою дѣятельность изученію и удовлетворенію народныхъ потребностей, прежде всего находятъ свою силу въ народномъ сознаніи, опредѣляя его по наружнымъ проявленіямъ въ области общественной жизни, журналистики и литературы, лишь бы стремленія правительства отвѣчали, какъ это опредѣляется самымъ порядкомъ вещей, потребностямъ народа.

Наши народныя школы могутъ быть не исключительно *воскресными* по примѣру западной Европы, а *вседневными*; возможность этого, конечно обусловливается не одною лишь потребностью въ усиленныхъ средствахъ для народнаго образованія, но также и готовностью преподавателей, занимающихся въ школахъ даромъ, удѣлять часть своихъ досуговъ и въ другіе дни недѣли; если бы этой готовности и не было достаточно, не смотря на то, что преподавателями въ школахъ могли бы быть преимущественно люди обезпеченные матеріальными средствами и проводящіе время вполнѣ праздно, каковыхъ у насъ во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ довольно много, то остается учредителямъ школъ заботиться, чтобы число преподавателей было какъ можно болѣе, и доставало бы, если не на всѣ дни недѣли, то, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько; преподаваніемъ въ школахъ, и въ особенности для дѣвочекъ, могли бы оказать большую услугу народному образованію наши дамы, повсюду скучающія отъ бездѣйствія и вообще отъ недостатка *видной*, общественной дѣятельности въ сферѣ нашей жизни.

Наша всероссійская, родная апатія, конечно можетъ отыскивать

причинки невозможности учрежденія вседневныхъ школъ; но мы привыкли уже считать недостаточно серьезными и вовсе не логичными сомнѣнія въ успѣхѣ такихъ дѣлъ, которыя, безспорно, составляютъ существенныя и настоятельныя потребности эпохи. Въ №187 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей мы находимъ голосъ *сомнѣнія* на счетъ вседневныхъ школъ. Авторъ помѣщенной тамъ замѣтки говоритъ, что по недостатку преподавателей нельзя и думать о вседневныхъ школахъ. Но ему не мѣшаетъ напомнить, что едва ли есть еще другая страна, кромѣ Россіи, гдѣ было бы такъ много людей ни чѣмъ незанятыхъ, обезпеченныхъ, скучающихъ отъ бездѣйствія и, притомъ, могущихъ употребить себя, при нѣкоторомъ желаніи, для обученія грамотѣ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Авторъ не признаетъ даже за русскимъ народомъ и большой потребности въ образованіи себя, сравнительно съ западно-европейскими народами. Для успокоенія своей совѣсти онъ прибавляетъ, что нигдѣ «стремленіе къ образованію не встрѣчаетъ такихъ препятствій, какъ у насъ.» Это совершенная правда, но для того, чтобы не смотря ни на какія препятствія достигать цѣлей, намъ нужно сознать, что мы болѣе нежели кто нибудь должны и обладать умѣньемъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія. Препятствія должны возбуждать и умѣнье и силу побѣждать ихъ.

Воскресныя школы С.-Петербургскаго учебнаго округа, вѣроятно, вслѣдствіе того, что по своему числу, а также и по числу учащихся обратили на себя особое вниманіе правительства, поступили, на основаніи изданныхъ отъ С.-Петербургскаго учебнаго округа правилъ, подъ надзоръ училищнаго вѣдомства. По сущности этого правила воскресныя школы сравниваются съ приходскими училищами вѣдомства народнаго просвѣщенія, которыя однѣ просвѣщали Россію до возникновенія воскресныхъ школъ.

Главнѣйшіе пункты означеннаго правила суть слѣдующіе:

Учредитель, съ означеніемъ своего званія и мѣста жительства, испрашиваетъ разрѣшенія начальства С.-Петербургскаго округа, которое сносится по этому предмету съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Съ чѣмъ вмѣстѣ долженъ быть представленъ учредителемъ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе обучать въ школѣ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа.

О всѣхъ выбывающихъ и вновь принимаемыхъ преподавателяхъ, директоръ училищъ долженъ быть извѣщенъ немедленно; свѣдѣнія о всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя сдѣланы во времени и порядкѣ занятій, а также и вѣдомости о числѣ всѣхъ учениковъ, посѣщающихъ школу должны быть представляемы директору училищъ за каждые полгода. Въ воскресныхъ школахъ употребляются только книги, признанныя начальствомъ округа полезными для приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Издержки на воскресныя школы, а также наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ къ училищному вѣдомству не относятся.

Руководства, употребляемыя въ воскресныхъ школахъ, кромѣ методы г. Золотова, можно назвать вообще не удовлетворительными; такъ что успѣхъ обученія зависитъ исключительно отъ преподавателей; существующій здѣсь въ Петербургѣ между преподавателями обмѣнъ мыслей обо всемъ что касается отношеній къ обучаемымъ, предоставляетъ возможность усвоить каждому изъ нихъ и лучшую методу преподаванія; но мѣстности отдаленныя и необильныя населеніемъ, конечно лишены возможности подобной подготовки преподавателей; болѣе же всего чувствуется у насъ недостатокъ въ сельскихъ учителяхъ, хотя сельское духовенство, стоящее близко къ народу, могло бы принести болѣе пользы дѣлу просвѣщенія, нежели сколько оно сдѣлало въ сельскихъ училищахъ министерства государственныхъ имуществъ.

До тѣхъ поръ, покуда званіе сельскаго учителя сдѣлается профессіей для людей, избравшихъ себѣ эту отрасль общественной дѣятельности,—много еще пройдетъ времени, но всякое начало въ этомъ дѣлѣ имѣетъ полное право на вниманіе общества и журналистики. В. А. Золотовъ, («Сѣверная Пчела» въ № 48), открываетъ здѣсь въ Петербургѣ частную школу для образованія сельскихъ учителей и вообще учителей для простолюдья.

Поддержку открываемой здѣсь г. Золотовымъ школы приняли на себя, какъ сообщаетъ «Сѣверная Пчела», многіе изъ значительныхъ лицъ.

Планъ учреждаемой школы слѣдующій:

Цѣль школы—распространеніе грамотности чрезъ людей изъ среды самаго народа. Предметы обученія: Законъ Божій. Практически-грамматическое изученіе русскаго языка. Общее понятіе о природѣ и ея законахъ, достаточное для уничтоженія темныхъ народныхъ повѣрій и

предразсудковъ. Обзоръ всего земнаго шара, преимущественно въ физическомъ отношеніи, и болѣе подробный взглядъ на Россію. Самое краткое понятіе о бытѣ народовъ древняго, средняго и новаго міра; также исторія Россіи. Ариѳметика, примѣненная преимущественно къ требованіямъ простаго быта; причемъ будетъ указана метода изустнаго счисленія и дастся понятіе о сельскомъ счетоводствѣ. Рисованье, относящееся собственно къ ремесламъ; причемъ будетъ дано краткое понятіе о сельской архитектурѣ. Такъ какъ для обученія всѣмъ означеннымъ предметамъ опредѣляется всего одинъ годъ, то въ школу принимаются только совершенно взрослые и притомъ уже умѣющіе хорошо читать и писать. Чтобы во время самаго курса практически ознакомить учащихся съ способомъ преподаванія, будетъ открыта ежедневная, «безплатная школа». Учащіеся раздѣляются на приходящихъ и пансіонеровъ; первые за весь курсъ ученія и учебныя пособія (книги, бумагу и проч.) платятъ 50 руб., вторые — за ученье, учебныя пособія и содержаніе 160 руб. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ и главный надзоръ за нравственностью принимаетъ на себя учредитель школы. Для обученія закону Божію будетъ приглашенъ священнослужитель, а для преподаванія другихъ предметовъ будутъ приглашены преподаватели, имѣющіе отъ учебнаго начальства узаконенныя свидѣтельства на право преподаванія. Одинъ изъ учителей, въ качествѣ надзирателя, постоянно будетъ находиться при пансіонерахъ. Комплектъ пансіонеровъ ограничивается 30-ю и какъ открытіе школы, по требованію изъявившихъ уже желаніе помѣстить отъ себя пансіонеровъ, должно послѣдовать въ началѣ апрѣля текущаго года, то пріемъ продолжится только по 1 мая. Желающіе ознакомиться только съ методою учредителя школы, не продолжая вполнѣ означеннаго курса, платятъ по особому условію, смотря потому, сколько потребуется на то времени.

По окончаніи курса, обучавшіеся подвергаются испытанію и выдержавшіе его получаютъ свидѣтельства *на право* (?) преподаванія въ сельскихъ школахъ.

Одобряя цѣль и назначеніе школы г. Золотова, мы никакъ не можемъ одобрить принятіе имъ на себя роли раздавателя не только дипломовъ, но и *правъ* на преподаваніе въ школахъ. Если нѣтъ запрещенія быть преподавателямъ, то страннымъ кажется и *право*. Не будетъ ли вполнѣ достаточно, если г. Золотовъ будетъ давать окон-

чившимъ въ его школѣ съ успѣхомъ курсъ одни свидѣтельства о томъ, что такой-то обучался въ школѣ.

Кромѣ того нельзя не замѣтить, что цѣна (за приходящихъ 50 р. и за пансіонеровъ 160 р.) довольно высока и нѣсколько протестуетъ противъ ожидаемаго успѣха школы.

Метода преподаванія г. Золотова, не смотря на неоспоримое ея достоинство, хотя и значительно распространена въ Россіи, но все-таки представляетъ трудность въ усвоеніи ея такими лицами, научность которыхъ ограничивается умѣніемъ лишь читать и писать, каковы большею частію бываютъ сельскіе учители; имѣть же сельскими учителями людей развитыхъ достаточно для того, чтобы они сами могли дойти до полнаго смысла какой либо методы преподаванія трудно. Это обстоятельство и побудило г. Золотова образовать приготовительную школу съ цѣлью образовывать сельскихъ учителей, подобно тому какъ онъ дѣлалъ это въ 1858 и 1859 г. для училищъ удѣльнаго вѣдомства, для многихъ помѣщичьихъ имѣній и для военнаго вѣдомства.

Учрежденіе подобныхъ школъ «какъ разсадниковъ подготовляющихъ столь необходимыхъ общественныхъ дѣятелей, какъ сельскіе учителя», могутъ принести несомнѣнную пользу, въ особенности, если найдутъ сочувствіе и въ нашихъ губернскихъ городахъ, гдѣ организація подобныхъ школъ, по относительной дешевизнѣ первыхъ жизненныхъ потребностей, представляется болѣе удобною, нежели въ Петербургѣ.

Кромѣ грамотности, для народа нужны также и книги, которыя читались бы грамотнымъ простолюдьемъ, и читались бы не для одного лишь процесса чтенія.... Мысль о такихъ книгахъ также не нова: министерство государственныхъ имуществъ, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, начало издавать и распространять по сельскимъ училищамъ книги для чтенія крестьянъ; но ни одна изъ нихъ не сдѣлалась популярной и не остановила на себѣ вниманіе народа, который по прежнему продолжаетъ читать «Потерянный Рай», «Прелестная магометанка» и т. п. Изданіе книгъ для народа продолжается и теперь, какъ спекуляція и слѣдовательно не подаетъ никакой надежды на что нибудь дѣльное по этой части.

Н. Щербина, помѣстившій въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью «Опытъ о книгѣ для народа» пускаетъ въ оборотъ свой взглядъ на этотъ предметъ. Онъ предлагаетъ планъ изданія для народнаго чтенія такого систематическаго сборника, подъ

именемъ «Читальника», который удовлетворялъ бы вполнѣ нравственнымъ и матеріальнымъ условіямъ читателей, для которыхъ назначается.

По плану г. Щербины, внутреннее содержаніе книги и расположеніе статей, составляющихъ ее, должно быть таково:

Основываясь на *психологическихъ соображеніяхъ*, отдѣлы и статьи въ книгѣ располагаются такъ, чтобы одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготовлялъ его незамѣтно къ другому отдѣлу, другой къ третьему и такъ далѣе, въ психической постепенности.

Начиная со случаевъ повседневной жизни простолюдина, выраженныхъ рядомъ басенъ, притчей, пословицъ и т. п. (что всего ближе къ его собственной личности), и переходя отъ нихъ къ предметамъ видимой, окружающей его природы (землѣ, воздуху, небу), онъ совокупностью этихъ и другихъ статей послѣдовательно приходитъ въ концѣ книги къ чтенію о духовно-нравственныхъ предметахъ. (?) Основываясь на практическихъ соображеніяхъ, издатель, принявъ къ свѣдѣнію какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ, недостатки общіе или свойственные въ особенности только нашему народу, такъ и подбираетъ содержаніе статей въ своей книгѣ. Издатель, сверхъ-того, долженъ замѣчать, какія именно знанія необходимы въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется. Въ послѣднемъ случаѣ ему укажутъ на это предметы, упоминаемые въ народныхъ стихахъ, пѣсняхъ, легендахъ, въ древне-русской народной письменности, изъ чего онъ увидитъ, что можетъ быть любо народу въ книгѣ. Тутъ также необходимо издателю принять въ разсужденіе успѣхъ у народа книжекъ въ родѣ: Битвы русскихъ съ Кабардинцами, Милорда Георга, Анекдотовъ о Балакиревѣ, Старичка-Весельчака, Новѣйшаго Астрономическаго и Астрологическаго Телескопа, Мамаева побоища и т. п.

Въ статьяхъ, назначенныхъ для духовно-нравственнаго развитія, берется содержаніе, выражающее гуманизмъ, или содержаніе, направленное противъ жизни спустя-рукава, противъ бездушнаго своекорыстія, самодурства, безобщественности, неуваженія къ человѣческой личности, къ праву другаго и тому подобнаго, замѣчаемаго исключительно въ нашемъ народѣ, какъ слѣдствіе, независящихъ отъ него, разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Все это по большей части и по возможности берется для книги представленнымъ въ обра-

захъ, а не въ дидактическомъ и догматическомъ изложеніи, принимая во вниманіе, что нашъ народъ находится еще почти въ эпическомъ состояніи.

Вся книга должна быть направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1., чтобъ доставить народу, при развитіи понятій, познанія, необходимыя, какъ воздухъ, каждому человѣку вообще и русскому простолюдину въ особенности; 2., чтобъ содѣйствовать въ народѣ къ большему развитію нравственнаго, человѣчественнаго чувства, въ строгомъ соображеніи съ духомъ, нравами, обычаями, исторіею, обстановкой и бытомъ русскаго простонародья. Притомъ же, для народа нужно такъ составить книгу, чтобъ было въ ней: «чего хочешь того просишь.»

Относительно формы изложенія и языка статей г. Щербина говоритъ, что всякая поддѣлка въ книгѣ подъ народный тонъ, всякое балагурство, ломанье передъ народомъ компрометируетъ какъ извѣстную книгу, такъ и грамоту вообще въ глазахъ народа. Нашъ народъ уменъ, и тотчасъ смекнетъ, кто подходитъ къ нему не спроста, а съ подвохомъ; это въ глазахъ его нѣкоторымъ образомъ сбивается на переодѣтыхъ по мужичьи господъ, собирающихъ народныя пѣсни, или на господъ, читающихъ мужику-сиволапу наставленіе, которое, какъ обыкновенно всякое наставленіе, всегда и всѣми пропускается мимо ушей.

Въ «читальникѣ» не должно быть ничего сверхъестественнаго, фантастическаго, суевѣрнаго, какъ бы оно ни было художественно изображено: вѣдь книга для народа—авторитетъ. У него и безъ того много суевѣрій и предразсудковъ — зачѣмъ же подтверждать ихъ еще книгою?

Подобнаго рода составъ, говоритъ г. Щербина, способенъ воспитывать народъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи, развивать и направлять его здорово и органически, чего, къ-сожалѣнію, недостаетъ и намъ, освѣщаемымъ даже солнцемъ съ запада.

Извѣстно, что никому нельзя отговариваться незнаніемъ закона. Народъ же, по крайней неразвитости своихъ понятій, можетъ только сознавать крупные, рѣзкіе, угловатые преступленія и проступки (убійство, грабежъ, воровство и т. д.), влекущіе за собой строгое наказаніе по закону. Онъ почти не способенъ и не развитъ настолько, чтобъ считать зломъ и ожидать законнаго преслѣдованія и наказанія, напримѣръ, за фальшъ, подлогъ, обманъ и т. п.: это ему

представляется не болѣе, какъ дѣйствіемъ тонкаго, практическаго ума на личную пользу, или обыкновеннымъ благоразуміемъ; да есть еще и многіе другіе виды преступленій и проступковъ, въ которые простолюдинъ впадаетъ и попадаетъ безсознательно. Вотъ почему въ «Читальникѣ» должна находиться небольшая статья юридическаго содержанія, выведеннаго изъ настоятельныхъ и всеобщихъ потребностей и данныхъ народнаго быта, сообразно со статистикой преступленій и смотря на большинство какихъ либо извѣстныхъ ихъ видовъ.

Тутъ же должно помѣстить и статейку гигіеническаго содержанія, обусловливаемаго бытомъ нашего простонародья. Сколько мретъ, болѣетъ, калечится понапрасну отъ совершеннаго отсутствія въ народѣ самыхъ простыхъ, общихъ крайне-необходимыхъ гигіеническихъ свѣдѣній!... Европеецъ несказанно ужаснулся бы, еслибъ прочиталъ въ нашемъ «Календарѣ», какое огромное количество ежегодно умираетъ дѣтей въ каждой губерніи. Немудрено, что въ Россіи такъ много ненаселенныхъ пространствъ... А что еще говоритъ чувство человѣколюбія!

Заключительнымъ отдѣломъ книги будетъ отдѣлъ статей духовно нравственнаго содержанія, къ послѣдовательному и психически-постепенному воспріятію которыхъ будетъ предпосланъ отдѣлъ беллетристическій, нѣчто въ родѣ антологіи для народа, въ которой, впрочемъ, по извѣстнымъ практическимъ соображеніямъ, не можетъ быть принята исключительно одна эстетическая цѣль. Въ пьесахъ, мѣстахъ и отрывкахъ этого отдѣла, подъ болѣе или менѣе художественной оболочкой, всегда будетъ заключаться или какое-либо историческое и другаго рода свѣдѣніе, фактъ, или гуманическая и духовно-нравственная (?) идея, нужная въ-особенности нашему народу.

Нельзя не согласиться, что дѣйствительно для русскаго народа нужны книги для чтенія, и, пожалуй, хоть «читальники», но только не по системѣ г. Щербины. Онъ предлагаетъ народу энциклопедію, которая, по мнѣнію автора, должна преслѣдовать въ одно и то же время двѣ цѣли: сообщить читателямъ элементарныя познанія и воспитать въ нихъ кое-какія убѣжденія. Не нужно говорить, что, если составить книгу по системѣ г. Щербины, то она должна быть или слишкомъ сложна и громадна или сжата до сухости, т. е. представлять случайное соединеніе самыхъ разнородныхъ элементовъ; подобный винигретъ, какъ неимѣющій ничего органически-цѣльнаго, не можетъ и производить цѣльнаго впечатлѣнія на читателя.

Провести черту между *образованіемъ*, подъ которымъ разумѣются элементарныя и научныя познанія, и *воспитаніемъ*, при всемъ различіи одного отъ другаго, вообще крайне трудно, потому что всякое образованіе болѣе или менѣе и воспитываетъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и націю; но при опредѣленіи цѣли, съ которой проэктируется та или другая книга, изыскивается та или другая система для просвѣщенія народа, необходимо строго различать *образованіе* собственно отъ *воспитанія*. Образованность въ извѣстной степени, т. е. знакомства съ науками и богатство свѣдѣній мы находимъ вездѣ, почти на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, какъ между отдѣльными людьми, такъ и у цѣлыхъ народовъ, высшая же степень образованности не опредѣлилась еще въ нашихъ современныхъ понятіяхъ; но образованность возможна при всякомъ воспитаніи; оно же само представляетъ собою явленіе чисто нравственное и можетъ быть опредѣлено, какъ понятіе, слѣдующимъ образомъ: воспитаніе есть развитіе духовной стороны человѣческой природы въ извѣстной степени и въ извѣстномъ духѣ, т. е. когда отдѣльный человѣкъ бываетъ направленъ въ томъ или другомъ духѣ, или когда цѣлая народная масса постепенно образовала изъ себя извѣстную нравственную среду, оживотворенную и проникнутую общими плодами своего воспитанія—тѣми или другими принципами и идеями.

Системы для образованія человѣка и націи ограничиваются изысканіемъ способа наилучшимъ образомъ сообщать свѣдѣнія образовывающемуся; системы же о воспитаніи имѣютъ цѣлью развить и указать путь нравственнымъ силамъ индивидуума или націи.

Прилагая наши воззрѣнія къ вышеозначенной статьѣ г. Щербины, мы находимъ, что онъ, смѣшавъ въ своемъ планѣ обѣ цѣли, не достигаетъ ни одной близко, особенно *воспитанія*. «Читальникъ» можетъ быть полезенъ для простолюдиновъ настолько же, сколько, напримѣръ, для образованнаго уже человѣка всякій энциклопедическій сборникъ, если такіе сборники бываютъ чѣмъ нибудь полезны. А что именно г. Щербина имѣлъ въ виду въ отношеніи воспитанія, этого не видно изъ его плана; правда, тамъ есть фраза: «духовно-нравственное», но она не болѣе какъ неопредѣленное и темное понятіе: «нравственное» не можетъ относиться къ нашей физической природѣ, и слѣдовательно всегда: *духовно*.

Системы *воспитанія*, особенно воспитанія народнаго — предметъ довольно новый у насъ и въ журналистикѣ, и въ средѣ обществен-

ныхъ интересовъ, поэтому не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь по этому предмету нѣсколько словъ.

Воспитаніе, которое можетъ получить каждый въ семейной средѣ, условливается, если не строгой системой воспитывающихъ, то личнымъ характеромъ ихъ и степенью общаго ихъ развитія и пониманія; вслѣдствіе чего семейное воспитаніе носитъ на себѣ характеръ безконечнаго разнообразія способовъ и цѣлей. Такимъ образомъ преобладающіе элементы общества, преемственно переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому, согласуясь съ духомъ времени и обстоятельствъ, которыя прогрессивно вырабатываютъ жизнь и сознаніе общества; въ этомъ безконечномъ разнообразіи воспитательныхъ системъ совершается, между прочимъ, борьба началъ, составляющая непремѣнное условіе прогрессивнаго развитія человѣческаго духа и цивилизаціи общества.

Въ воспитаніи отдѣльныхъ личностей въ средѣ семейной, иниціатива принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ, имѣющимъ, по естественному закону старшинства и первородства, силу и слѣдовательно вліяніе:—мы говоримъ объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ,—въ воспитаніи же народа иниціатива эта не можетъ принадлежать отдѣльнымъ личностямъ во первыхъ потому, что здѣсь нѣтъ естественнаго права старшинства и первородства, и во–вторыхъ потому, что никакая отдѣльная личность не можетъ служить достаточно полнымъ выраженіемъ собирательныхъ народныхъ потребностей и элементовъ. Когда иниціатива общественнаго воспитанія принадлежитъ не только одной какой либо личности, но цѣлой корпораціи, на исключительномъ правѣ,—тогда не можетъ совершаться та прогрессивная разработка общественныхъ началъ и элементовъ, которую мы видимъ при разнообразіи воспитательныхъ системъ. Да и въ комъ народъ олицетворитъ своего непогрѣшимаго педагога съ его абсолютно–истинной системой?... Допуская абсолютно–истинную систему, народъ отказался бы отъ существенныхъ условій своего развитія, и общественное воспитаніе было бы не болѣе какъ ариѳметическая формула подведенія дробей къ одному знаменателю, для одной и той же цѣли и однимъ и тѣмъ же способомъ. Напротивъ, необходимо для воспитанія народнаго безконечное разнообразіе системъ, которыя впрочемъ никогда не будутъ произвольны, а явятся выраженіемъ живыхъ стремленій общества, и преимущественно стремленій большинства его. Въ этомъ естественномъ ходѣ общественнаго воспитанія не можетъ быть ни мертвящаго однообразія, ни ошибокъ, ни увлеченій, которыя, при самомъ

своемъ началѣ, всегда обнаружатся и, провѣренныя опытомъ жизни и борьбой преобладающихъ въ обществѣ элементовъ, уступятъ мѣсто крайне-истинной системѣ, строго условленной духомъ времени и потребностями общества. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что системы воспитанія не должны быть направлены, въ строгомъ смыслѣ слова, для исключительныхъ цѣлей, иначе воспитаніе не будетъ имѣть своего абсолютно-высокаго значенія въ развитіи человѣка, а будутъ не болѣе какъ средствомъ къ достиженію скоропреходящихъ цѣлей, часто зависящихъ отъ общественныхъ страстей; впрочемъ, при свободномъ дѣйствіи разнообразныхъ системъ, воспитаніе становится выше чьего либо индивидуальнаго вліянія, и слѣдовательно не подчинится частнымъ цѣлямъ и стремленіямъ.

Самый надежный порядокъ для совершенствованія системъ общественнаго воспитанія есть тотъ, когда отдѣльныя корпораціи, а не одна какая либо преобладающая корпорація держатъ, въ своихъ рукахъ иниціативу воспитанія.

Всѣ эти разсужденія мы привели по поводу извѣстія объ утвержденіи 5 марта 1861 г. устава образовавшагося въ Москвѣ «Общества распространенія полезныхъ книгъ.»

Образованіе этого общества мы привѣтствуемъ только какъ фактъ, тѣмъ болѣе, что общество образовалось изъ женщинъ, которыя едва-ли не въ первый разъ собирательно являются на поприщѣ открытой общественной дѣятельности.

Мы не будемъ говорить о сущности устава Общества, т. е. о его цѣли и направленіи, которое, впрочемъ, обнаружится лучше въ самыхъ дѣйствіяхъ Общества; но скажемъ, что какая бы ни была цѣль и направленіе общества, дѣйствія его будутъ оказывать одностороннее вліяніе на общественное воспитаніе, если образованіе многихъ другихъ подобныхъ обществъ не дополнитъ собою дѣятельности общества, именно до тѣхъ размѣровъ общественнаго воспитанія, съ помощію отдѣльныхъ корпорацій, о которыхъ мы говорили выше.

Общественное воспитаніе въ Россіи, какъ извѣстно, находилось и находится въ рукахъ правительства и преимущественно направлено для достиженія строго опредѣленныхъ нравственныхъ и гражданскихъ цѣлей. О значеніи такого воспитанія въ нашей жизни и отношеніе существующихъ у насъ системъ воспитанія къ высказанному нами понятію вообще о воспитаніи народа мы говорили уже выше.

Собственно о способахъ нашего русскаго народнаго воспитанія мы

затрудняемся сказать что либо ясное и опредѣленное: у насъ возможны и частныя общества, въ родѣ московскаго, о которомъ мы говорили выше, возможны и журналы, и отдѣльныя изданія, направленныя къ воспитанію народа, а между тѣмъ, нѣтъ при этомъ должной разносторонности въ тенденціяхъ существующихъ изданій; все это болѣе или менѣе одно «аскоченствованіе; мы не лишаемъ права гражданства всякій допотопный обскурантизмъ и въ нашу эпоху, тогда какъ необходимо, чтобы и опозиція противъ этого систематическаго потемнѣнія народнаго ума и сознанія имѣла свои законныя въ высшей степени права, иначе этотъ мрачный отживающій богъ обскурантизма сильнѣе начнетъ бросать свою густую тѣнь на все освѣщаемое лучами восходящаго солнца нашего разсвѣта. И вотъ одна изъ попытокъ на этомъ поприщѣ: г. Викторъ Аскоченскій, не довольствуясь изданіемъ «Домашней Бесѣды» и, вѣроятно, желающій поприбавить еще нѣсколько своихъ издательскихъ доходовъ, предпринялъ изданіе «Чтенія для православнаго русскаго народа» въ томъ же духѣ, въ какомъ издается «Домашняя Бесѣда». Еслибы у насъ была свобода книгопечатанія, то г. Аскоченскій съ своими изданіями не имѣлъ бы ни смысла, ни значенія; но при нашемъ порядкѣ будетъ вполнѣ одобрительно, если общественное мнѣніе, насколько таковое у насъ возможно, выразилось въ пользу воспрещенія г. Аскоченскому воспитывать народъ; разрѣшеніе подобныхъ изданій можетъ многихъ благомыслящихъ, но легковѣрныхъ людей ввести въ сомнѣніе, что наше просвѣщенное правительство, утверждая эти изданія, вполнѣ одобряетъ направленіе ихъ, чего въ сущности, конечно, ожидать нельзя.

«Нечего хлопотать спозаранку объ улучшеніи жизненныхъ удобствъ русскаго человѣка, говоритъ г. Аскоченскій, въ объявленіи объ изданіи «Чтенія для православнаго русскаго народа»; нужно прежде всего, чтобъ онъ улучшилъ и удобрилъ ниву сердца своего...»

Подъ личиной нравственнаго развитія народа, какой тлетворный общественный ядъ кроется въ этихъ словахъ! Какъ будто безъ улучшенія жизненныхъ удобствъ, подъ которыми, разумѣется, конечно, довольство въ первыхъ жизненныхъ потребностяхъ, возможно какое либо нравственное развитіе.

Впрочемъ, объявленіе или «извѣщеніе» г. Аскоченскаго, этого

герольда мракобѣсія, таково, что, судя по изложенію, можно принять его за прогрессивнаго дѣятеля: онъ говоритъ: «если сущность задачи народнаго образованія состоитъ въ томъ, чтобы облагородить нашего простолюдина, то дайте ему прежде всего понять, въ чемъ состоитъ то неблагородство, которое человѣка, *умаленнаго малымъ чимъ отъ ангелъ, вѣнчаннаго славою и честію,* доводитъ до степени скотоподобія». Если г. Аскоченскій будетъ издавать свои книжки для того, чтобы давать читателямъ понятіе о томъ, что доводитъ человѣка до степени скотоподобія, то можно надѣяться, что изданія эти скоро уяснятъ собою эту проблему.

Но мы боимся много говорить о г. Аскоченскомъ: онъ, пожалуй, какъ разъ *шепнетъ* въ своей «Бесѣдѣ» *домашнимъ,* а не публичнымъ порядкомъ, о нашемъ съ нимъ разномысліи, и подкрѣпитъ свое слово какимъ нибудь крючкомъ византійской работы....

Такъ какъ мы почти исключительно посвятили настоящую лѣтопись вопросу о народномъ образованіи, то находимъ не лишнимъ сказать и о слухахъ, относящихся къ этому же предмету: саратовское дворянство еще въ декабрѣ прошедшаго года, какъ сообщали саратовскія губ. вѣдомости, положило ходатайствовать у правительства объ учрежденіи въ Саратовѣ университета, съ двумя факультетами: юридическимъ и комерческимъ, предоставляя на содержаніе университета сумму, собираемую на содержаніе тамошней земской случной конюшни и деньги, собранныя уже на постройку жандармской конюшни; такимъ образомъ, содержаніе двухъ факультетовъ, по благимъ соображеніямъ саратовскихъ дворянъ, оказывалось возможнымъ на счетъ только двухъ *губернскихъ* конюшенъ; но здѣсь, какъ ходитъ слухъ, мнѣнія склоняются не въ пользу университета.

Оставляя собственно вопросъ о народномъ образованіи и воспитаніи, мы позволяемъ себѣ углубиться нѣсколько въ послѣдствія инертнаго состоянія народной массы, по поводу печальнаго событія, извѣстіе о которомъ обнародовано правительствомъ въ № 107 Сѣверной Пчелы. Мы говоримъ о событіяхъ, совершившихся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Казанской губерніи, при обнародованіи положеній о крестьянахъ, и вызвавшихъ со стороны правительства строгія мѣры.

Этотъ печальный фактъ, краснорѣчиво говорящій самъ за себя вся-

кому человѣку мыслящему и слѣдовательно умѣющему оцѣнивать вещи по самой ихъ сущности,—мы обязываемся занести въ нашу лѣтопись въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ сообщенъ публикѣ,—и возвратимся, по поводу этого событія, къ прежнему вопросу о народномъ образованіи въ гражданскомъ, обширномъ его значеніи.

По полученіи «Положеній» въ деревняхъ Спаскаго уѣзда, крестьяне, разумѣя подъ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости совершенное прекращеніе обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, обращались сперва, для прочтенія и истолкованія новыхъ правилъ, къ помѣщикамъ, священникамъ и мѣстнымъ властямъ; но, видя, что объясненія сихъ лицъ не удовлетворяютъ ихъ предположеніямъ, и потому, не довѣряя имъ болѣе, стали искать другихъ чтецовъ.

Слѣдствіемъ сего явились толкователи изъ среды народа, которые, собирая съ крестьянъ деньги, начали объяснять имъ «Положенія» въ превратномъ видѣ и возбуждать крестьянъ къ неповиновенію. Одинъ изъ такихъ толкователей, крестьянинъ Спаскаго уѣзда, с. Бездны, принадлежащаго дѣйствительному тайному совѣтнику Мусину-Пушкину, Антонъ Петровъ, воспользовался настоящимъ случаемъ. Будучи приглашенъ крестьянами въ деревню Болховскую, для прочтенія «Положеній», Антонъ Петровъ, искажая смыслъ статей, объяснялъ крестьянамъ, что онъ доискался въ «Положеніяхъ» *чистой* воли, которую, будто-бы, до него многіе видѣли, но никто не съумѣлъ понять, и которая, какъ нельзя-болѣе, согласовалась съ ожиданіями крестьянъ. Успѣвъ такимъ-образомъ, въ-теченіе двухъ дней, совершенно подчинить своему вліянію жителей сей деревни, Петровъ прибылъ, вмѣстѣ съ ними, въ село Бездну. Здѣсь Петровъ обратился сперва къ сельскому священнику, съ требованіемъ дать имъ присягу въ томъ, что они совершенно свободны, а послѣ рѣшительнаго отказа со стороны послѣдняго, началъ призывать крестьянъ къ открытому нарушенію порядка, объясняя имъ уже, что освобожденіе, или чистая воля, которую онъ имъ вычитывалъ изъ Положенія, означаютъ совершенную независимость нетолько отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстныхъ начальствъ; внушалъ крестьянамъ не бояться никакихъ угрозъ и не довѣрять никакимъ распоряженіямъ и убѣжденіямъ властей, потому-что онѣ подкуплены помѣщиками, а пуще-всего охранять и не выдавать его самого. Антонъ Петровъ разсылалъ своихъ довѣренныхъ по разнымъ

отдаленнымъ деревнямъ и даже другимъ уѣздамъ губерніи, для привлеченія новыхъ сообщниковъ. Онъ вскорѣ успѣлъ привлечь на свою сторону нетолько крестьянъ села Бездны, но и окрестныхъ деревень; обѣщалъ всѣмъ волю и давалъ землю, назначая начальствующихъ лицъ и говоря, что онъ вскорѣ освободитъ тридцать-четыре губерніи.

Немедленно по полученіи извѣстія о такихъ безпорядкахъ въ селѣ Безднѣ, прибыли на мѣсто спаскій предводитель дворянства, Молоствовъ, и чины земской полиціи, съ цѣлью однѣми кроткими мѣрами разсѣять заблужденія крестьянъ и уговорить ихъ къ покорности; вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ село Бездну и командированный, по Высочайшему повелѣнію, въ Казанскую губернію, для содѣйствія губернскому начальству при введеніи новыхъ о крестьянахъ «Положеній», свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ Апраксинъ. Но предварительныя мѣры увѣщанія, испытанныя съ крайнимъ терпѣніемъ и настойчивостью, не имѣли никакого успѣха. Крестьяне на всѣ убѣжденія отвѣчали криками «воля»! и даже отказались явиться въ контору селенія, куда требовалъ ихъ графъ Апраксинъ немедленно по прибытіи своемъ въ с. Бездну.

Такое упорство со стороны крестьянъ, въ виду продолжавшагося возрастать числа сообщниковъ Петрова, начинавшихъ являться даже изъ Самарской и Симбирской губерній, побудило генералъ-маіора графа Апраксина потребовать находившіяся вблизи военныя команды, мѣстомъ сбора коихъ назначено было с. Никольское, куда прибылъ и самъ графъ Апраксинъ. 11-го апрѣля, вечеромъ, было въ распоряженіи графа Апраксина только 231 человѣкъ войска. Усиленія этого отряда можно было ожидать не ранѣе, какъ черезъ четыре или пять дней; но оставаться въ это время безъ дѣйствія было бы опасно, такъ-какъ скопище волновавшихся крестьянъ возрастало съ неимовѣрною быстротою. Вынужденный необходимостью дѣйствовать рѣшительно, генералъ-маіоръ графъ Апраксинъ, 12-го апрѣля, прибылъ вторично въ село Бездну, уже съ вооруженной командой. Здѣсь нашелъ онъ усилившееся, въ-теченіе нѣсколькихъ дней, еще-болѣе волненіе. Толпа, числомъ до пяти тысячъ человѣкъ, стояла противъ дома Антона Петрова, и увеличивалась постоянно вновь-прибывавшими крестьянами.

Остановивъ команду на нѣкоторомъ разстояніи, генералъ-маіоръ

графъ Апраксинъ послалъ, для увѣщанія крестьянъ, сперва двухъ адъютантовъ казанскаго военнаго губернатора, находившихся при графѣ Апраксинѣ, а потомъ сельскаго священника, которые долго говорили крестьянамъ, убѣждая ихъ разойтись, и угрожая, что, въ противномъ случаѣ, они приведены будутъ къ послушанію оружіемъ. Но ни увѣщанія адъютантовъ, ни слова священника, не имѣли никакого дѣйствія. Тогда графъ Апраксинъ, подъѣхавъ къ толпѣ, лично объяснилъ крестьянамъ возложенное на него порученіе и убѣждалъ ихъ выдать Антона Петрова и разойтись по домамъ, угрожая, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, употребить въ дѣло войско; но и на это убѣжденіе, неоднократно-повторенное, крестьяне отвѣчали криками.

Столь-непреклонное упорство не оставляло болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что всякія дальнѣйшія мѣры убѣжденія нетолько не поколебали бы заблужденія крестьянъ, но могли еще-болѣе укоренить въ нихъ рѣшимость сопротивленія; что возбужденное волненіе успѣло развиться въ слишкомъ-значительной степени, чтобъ быть усмирено иначе, какъ вооруженной силой, и что всякая потеря времени, въ виду увеличивавшейся постоянно толпы, могла только вести къ болѣе-пагубнымъ послѣдствіямъ.

Въ такой крайней необходимости, приказано было одной шеренгѣ сдѣлать залпъ, послѣ котораго снова было увѣщаніе, но совершенно-безполезно. Тогда принуждены были сдѣлать нѣсколько залповъ, потому-что крестьяне начали, въ большомъ числѣ, выходить изъ дворовъ, съ крикомъ «за кольями»! и угрожали окружить малочисленную команду. Между залпами были сдѣланы крестьянамъ увѣщанія, но напрасно. Наконецъ, толпа разсѣялась, и послышались крики о выдачѣ Антона Петрова, который, между-тѣмъ, хотѣлъ скрыться изъ селенія, но былъ предупрежденъ двумя козаками, захватившими приготовленную для него лошадь. Тогда Антонъ Петровъ вышелъ изъ дома передъ войско, неся «Положеніе» о крестьянахъ надъ головою, и былъ взятъ вмѣстѣ съ выданными имъ тутъ же сообщниками, и отправленъ въ острогъ города Спасска. Убито крестьянъ 55 и ранено 71.

Антонъ Петровъ былъ преданъ суду по полевому уголовному уложенію; судъ приговорилъ его казнить смертію (разстрѣлять), и при-

говоръ полеваго суда приведенъ въ исполненіе 19-го апрѣля, въ присутствіи жителей села Бездны и селеній всего Спаскаго уѣзда. При исполненіи приговора, крестьяне говорили, что Петровъ вполнѣ заслужилъ свое наказаніе, будучи виною всѣхъ ихъ бѣдъ.

Въ настоящее время, въ Спаскомъ уѣздѣ порядокъ совершенно водворенъ, и случаевъ дальнѣйшаго неповиновенія не было.

Въ-заключеніе, должно присовокупить, что нѣкоторыя имѣнія и въ Спаскомъ уѣздѣ не участвовали вовсе въ волненіи и неповиновеніи, возникшемъ въ с. Безднѣ; въ семъ отношеніи, замѣчательно село Богородское-Бураково, изъ 470-ти душъ (принадлежащее супругѣ г. Трубникова), крестьяне котораго, лишь-только началось волненіе, прислали въ Казань сказать помѣщику, чтобы онъ былъ совершенно-спокоенъ, что они сохранятъ все въ цѣлости, сами никуда не поѣдутъ и къ себѣ никого не пустятъ; они оцѣпили деревню, работы производили усерднѣе даже, чѣмъ прежде, и, несмотря на неоднократныя посылки къ нимъ депутатовъ отъ Антона Петрова и другихъ смежныхъ съ ними имѣній, даже ближайшихъ къ Безднѣ деревень того же владѣльца, съ предложеніями и угрозами, отвѣчали, что они дали обѣщаніе своему помѣщику, которое и сдержатъ свято. Деревня Порфировка, помѣщицы Депрейсъ, близкая къ Безднѣ, точно-также вела себя прекрасно. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Его Императорское Величество всемилостивѣйше изволилъ повелѣть: крестьянамъ Спаскаго уѣзда, непринимавшимъ участія въ волненіяхъ, объявить Высочайшее благоволеніе,

Какая тьма думъ возникаетъ при чтеніи этого печальнаго и грустнаго извѣстія! Нѣтъ никакого основанія требовать и ожидать отъ крестьянъ столь высокаго умственнаго развитія, чтобы они могли сами непосредственно усвоить себѣ Высочайше утвержденныя 19 февраля положенія; также, съ точки зрѣнія нашего законодательства, нельзя допустить, чтобы кто-либо могъ отговариваться незнаніемъ или непониманіемъ закона; но при всемъ этомъ передъ нами возстаетъ неотразимо фактъ почти поголовной безграмотности между крестьянами, и въ особенности между помѣщичьими, и слѣдовательно крайнее неразвитіе умственныхъ способностей, что и служитъ объясненіемъ печальнаго событія въ селѣ Безднѣ. Нашъ простолюдинъ только инстинк-

тивно понимаетъ вещи, но при всей свѣжести его инстинктовъ, одной этой силы пониманія, какъ оказывается, недостаточно для современной гражданской жизни, сложившейся изъ элементовъ традиціи, не легко поддающихся уразумѣнію простаго ума. За истолкованіемъ новыхъ положеній о помѣщичьихъ крестьянахъ, они, естественно, обратились къ помѣщикамъ, духовенству и мѣстнымъ (т. е. земскимъ) властямъ, и вотъ здѣсь непростительная вина спаскихъ крестьянъ: они не повѣрили мѣстнымъ представителямъ этихъ трехъ сословій, составляющихъ опору настоящаго нашего гражданскаго порядка и, можно сказать, облагодѣтельствовавшихъ подвластный имъ народъ своими управленіемъ и назиданіемъ. И къ кому же обратились крестьяне? Къ наемнымъ чтецамъ, которые сдѣлали для себя профессію изъ чтенія крестьянамъ положеній о нихъ. Гдѣ замѣшана мелкая личная выгода, тамъ трудно уже искать чистоты побужденій, и даже честнаго исполненія принятой обязанности, если человѣкъ не проникнутъ вообще сознаніемъ своего долга. А въ тѣхъ личностяхъ, къ которымъ обращались крестьяне, можно ли предположить какое либо сознаніе о долгѣ, объ обязанности?... Но еслибы даже чтецы эти и были воспламенены искреннимъ желаніемъ истолковать безграмотнымъ крестьянамъ положенія по своему крайнему разумѣнію, то можно ли ожидать отъ нихъ столь высокаго умственнаго развитія, какого требовалъ предметъ? Если же въ искаженіи столь простаго и яснаго смысла положеній была злоумышленность со стороны чтецовъ, было желаніе возбудить и направить событія, вынудившія строгія мѣры, то объяснить причину этого рѣшительно не представляется никакихъ основаній.

Антонъ Петровъ, какъ сказано въ вышеизложенной реляціи, объяснилъ крестьянамъ, что онъ доискался въ положеніяхъ *чистой* воли, которая какъ нельзя болѣе согласовалась съ ожиданіями крестьянъ и которая означаетъ совершенную независимость нетолько отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстныхъ начальствъ. Крестьяне простодушно повѣрили тому, чего они ожидали и чего желали. Антонъ Петровъ, до принятія строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ графомъ Апраксинымъ, успѣлъ распространить свою пропаганду и внушенія полнаго освобожденія крестьянъ съ землею даже за предѣлы Казанской губерніи, такъ что въ столь короткое время единомышленники Петрова начинали являться изъ Самарской и

Симбирской губерній. Нужно удивляться единодушію съ которымъ крестьяне подчинились заблужденію, вызвавшему со стороны графа Апраксина строгія и рѣшительныя мѣры.

Сельское благоустройство имѣетъ уже свою лѣтопись, которая должна содержать въ себѣ и свѣтлыя и темныя страницы введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля положеній.

А. Т—РОВЪ.

СМѢСЬ.

Одно изъ средствъ австрійской политики.

Насиліе, какому подвергается частная переписка въ Австріи, искусство, съ какимъ правительство проникаетъ въ тайны довѣрчиво переданныхъ въ его руки писемъ, составляютъ одно изъ многочисленныхъ средствъ, которыми австрійская политика искони пользовалась для достиженія своихъ цѣлей. Чтобы вывести полное понятіе о ея характерѣ и направленіи, стоитъ только узнать въ какомъ составѣ находится почтовое управленіе Австріи и какимъ образомъ велось и ведется оно въ этой таинственной Имперіи. Два архиваріуса, одинъ бывшій долгое время въ Вѣнѣ, другой въ Дрезденѣ, Гормайеръ и Фезе, оставили по этому случаю драгоцѣннѣйшія, и въ высшей степени любопытныя данныя. Нѣтъ, правда, подробнаго, спеціальнаго обзора объ устройствѣ и управленіи почтоваго вѣдомства въ Австріи, но отрывочныя ихъ свѣдѣнія даютъ возможность представить въ общемъ очеркѣ этотъ новый рычагъ австрійской политики, какъ доказательство, что для нея всѣ средства законны, лишь бы цѣль была достигнута. Нравственная сторона частной корреспонденціи не можетъ быть понятной такому правительству, какъ Австрія. Въ этомъ случаѣ, нельзя не вспомнить знаменательный случай, бывшій нѣсколько лѣтъ тому въ Лондонѣ, и поднявшій въ парламентѣ вопросъ о неприкосновенности тайны, довѣренной почтовому управленію въ част-

ной перепискѣ. Этотъ случай возникъ вслѣдствіе протеста Матсини, доказавшаго, что письмо, посланное ему изъ Парижа Жоржъ Зандъ, было распечатано въ англійскомъ почтамтѣ. Уликой послужилъ волосъ, съ головы Жоржъ Зандъ, положенный подъ печать и потерянный чиновникомъ при взломѣ печати. Процессъ былъ веденъ гласно и обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ: покойный историкъ Маколэ, какъ членъ парламента, произнесъ по поводу этого дѣла превосходную рѣчь, въ которой онъ юридически опредѣлилъ *похищеніемъ* чужой собственности самопроизвольное вскрытіе частной переписки. Съ тѣхъ поръ злоупотребленіе прекратилось и неприкосновенность письма признана непремѣннымъ условіемъ англійскаго почтоваго вѣдомства. Но подобные случаи не могутъ быть примѣромъ такому государству, какъ Австрія: здѣсь подлогъ и обманъ превосходятъ все, что только можетъ вообразить самая смѣлая фантазія. Ловкость рукъ, химическіе процессы, механическія средства и искусство поддѣльщика,—все это идетъ въ дѣло, чтобы вскрывать письма и депеши, списывать ихъ, или замѣнять другими, подложными, гдѣ почеркъ руки и подпись поддѣлываются съ изумительною точностью и сходствомъ.

Это своего рода инквизиціонное гоненіе частной корреспонденціи въ Австріи не ново. Вопросъ этотъ затронутъ въ недавно вышедшей книгѣ Михіельса, *Histoire da la politique autrichienne*, заключающей въ себѣ весьма любопытныя подробности австрійской политики современи Маріи Терезы. Оно восходитъ къ началу XVI-го столѣтія, когда Максимиліанъ I, желая узнать интриги, существовавшія между нѣмецкими государями, и намѣренія Фламандцевъ и Ломбардовъ, сталъ насиловать тайну писемъ и депешъ, и такимъ образомъ положилъ начало будущему развитію и усовершенствованію гнуснѣйшаго изъ средствъ ново-австрійской политики. Этимъ самымъ средствомъ еще Карлъ V открывалъ тайныя намѣренія и проэкты реформатскихъ государей. Изъ нихъ, ландграфъ гессенскій Филиппъ, не подозрѣвая, что депеши его постоянно перехватывались, дорого заплатилъ за тѣ тайны, которыя онъ довѣрчиво излагалъ въ перепискѣ съ императорскими городами, и смѣло высказывалъ свои мысли и сужденія объ испанскомъ монархѣ. Эта самая переписка привела его наконецъ на судъ Карла, у котораго онъ вынужденъ былъ униженно просить помилованія. Свиданіе это происходило въ іюнѣ 1547 года въ Галле. Толпа графовъ и бароновъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, окру-

жали Карла и между ними Филиппъ увидѣлъ герцога Генриха Брунсвикскаго, который былъ у него въ плѣну, и который теперь съ затаенной радостью явился свидѣтелемъ униженія своего противника. Филиппъ преклонилъ колѣно предъ трономъ Карла, а его собственный канцлеръ, Гунтероде, громко прочелъ покаянную грамоту, составленную въ выраженіяхъ скромныхъ и униженныхъ, далеко не согласовавшихся съ смѣлымъ и буйнымъ характеромъ ландграфа. Слушая эти выраженія, Филиппъ не могъ не улыбнуться. Карлъ погрозилъ ему пальцемъ и плохо произнося фламандскія слова, сказалъ ему: Wol, ick soll di lachen lehren! (Хорошо, я научу тебя смѣяться!)—Когда Гунтероде кончилъ чтеніе прошенія ландграфа, Сельдъ, канцлеръ Карла V, прочелъ слѣдующую резолюцію: «Хотя ландграфъ, какъ онъ самъ сознается, и заслуживаетъ самое строгое наказаніе, но императоръ, по неизрѣченной своей милости и склоняясь на просьбы, которыя обратили къ нему въ защиту преступника, рѣшается оказать преступнику милость вмѣсто правосудія, и отмѣняетъ рѣшеніе о его изгнаніи и смерти, на которую онъ былъ осужденъ». Услышавъ эту резолюцію Филиппъ думалъ, что Карлъ дастъ ему знакъ встать и что милость смѣнитъ минутную строгость полновластнаго деспота, но Карлъ и не думалъ еще помиловать ландграфа, который не выдержалъ болѣе, всталъ и вышелъ изъ залы.

Вечеромъ того дня Филиппъ ужиналъ у герцога Альбы, вмѣстѣ съ герцогами Морицомъ бранденбургскимъ и саксонскимъ. Оба они сильно хлопотали у Карла V за ландграфа, и думая, что успѣли выпросить ему полное помилованіе, хотя и не получили рѣшительнаго отвѣта, утѣшали какъ только могли Филиппа. Но каково было ихъ изумленіе, когда послѣ ужина герцогъ Альба объявилъ Филиппу, что онъ долженъ взять его подъ стражу. Оба герцога начали протестовать, говоря, что они взяли своего гостя на поруки, и поспѣшили тотчасъ къ императору просить объясненія. Карлъ отвѣчалъ имъ, что онъ никогда не давалъ слова вполнѣ освободить Филиппа и этотъ послѣдній пять лѣтъ долженъ былъ провести въ заточеніи. Въ продолженіе этого времени, Морицъ саксонскій, оскорбленный двоедушіемъ Карла, чуть было не овладѣлъ въ свою очередь его особой. Болѣе скрытный, менѣе довѣрчивый, чѣмъ Филиппъ, Морицъ не довѣрялъ свои депеши почтовой администраціи, а пересылалъ ихъ съ испытанными курьерами, которые съ точностью доставляли ихъ по назначенію.

*

Въ глубочайшей тайнѣ готовилъ онъ коалицію противъ испанскаго деспота. Въ мартѣ 1552 г. онъ сосредоточилъ въ Франконіи свои войска, куда прибыли также отряды ландграфа гессенскаго и маркграфа бранденбургскаго. Отсюда они послали Карлу объявленіе войны, въ которомъ, между другими причинами, приводили и жестокое обращеніе его съ Филиппомъ и порабощеніе въ какомъ держалъ онъ Германію. Карлъ V отвѣчалъ имъ съ презрѣніемъ на этотъ вызовъ, но не имѣя ни денегъ, ни солдатъ, былъ вынужденъ вступить съ ними въ переговоры чрезъ посредство брата своего, эрц–герцога Фердинанда. Морицъ понялъ, что императоръ хотѣлъ только выиграть время, и рѣшился предупредить его. Онъ быстро пошелъ съ молодымъ Вильгельмомъ гессенскимъ къ Тиролю. Экспедиція была ведена такъ тайно, что Карлъ едва не впалъ въ ловко разставленныя сѣти его противниковъ. Еслибы не возмущеніе одного эскадрона, которое заставило союзниковъ потерять цѣлый день, Карлъ неминуемо сдѣлался бы ихъ плѣнникомъ. Далеко за полночъ прибѣжали сказать ему что непріятель близко, не далѣе какъ на двѣнадцати или на пятнадцати часовомъ переходѣ. Ночь была бурная, дождь лилъ какъ изъ ведра. Карлъ былъ до того слабъ, что принуждены были посадить его въ носилки. Приближенные его вскочили на коней, а дворня, вооружившись факелами, которые должны были каждую минуту зажигать снова, съ трудомъ могли освѣщать побѣгъ Карла среди крутыхъ горъ, лѣсистыхъ пространствъ, и часто по узкимъ дорожкамъ, проложеннымъ по краямъ глубокихъ обрывовъ. Что думалъ въ эту минуту гордый Карлъ, видя какъ ничтожны его величіе и сила? Быть можетъ, какъ справедливо замѣчаютъ Колраушъ и Фезе,—въ эту-то минуту и пришла ему первая мысль отреченія, которую онъ осуществилъ въ послѣдствіи.

Больной и избитый труднымъ гористымъ путемъ, прибылъ онъ наконецъ въ Тридентъ, гдѣ въ то время былъ собранъ извѣстный соборъ. Западные прелаты были до того поражены ужасомъ, что разбѣжались во всѣ стороны: они думали, что Морицъ уже накрываетъ городъ своими дружинами, многимъ слышались даже звуки трубъ приближающейся непріятельской рати. Эта минута тревоги и страха стоила отцамъ продолжительной отсрочки; только чрезъ десять лѣтъ, въ 1562 г., могли они снова собраться на соборъ. Что же касается Карла, онъ могъ вздохнуть свободнѣе въ Тридентѣ, за тѣмъ бросился далѣе, въ горы Каринтіи и успокоился наконецъ въ укрѣпленномъ замкѣ Виллахѣ отъ преслѣдованій Морица.

Искусство перехватывать, вскрывать и снова запечатывать письма было доведено до совершенства испанскими іезуитами. Иногда это искусство оказывалось не достаточнымъ, и тогда самыя лица не избѣгали насилія. Такъ напримѣръ, когда смертью Сигизмунда-Августа, въ 1572 г., пресѣклась мужеская линія Ягеллоновъ и Максимиліанъ II домогался польской короны, директоръ германскихъ почтъ получилъ приказаніе схватить проѣздомъ чрезъ Германію папскаго посланнаго, кардинала Морони, такъ какъ папа не былъ расположенъ къ нѣмецкому монарху. Морони дѣйствительно остановили и безцеремонно отняли всѣ бумаги, находившіяся при немъ. Даже переписки и депеши командовавшихъ войсками не были уважаемы. Во время Рудольфа II генералъ Лазарь Швенди не разъ жаловался на директора почтъ Фихгаузера, который вскрывалъ его депеши. Самъ Валленштейнъ боялся подвергнуться гоненію, и имѣлъ осторожность ничего не писать такого, что могло бы возбудить противъ него подозрѣніе. Во время Леопольда ни одно письмо, ни одна депеша не проходили свободно, съ одного мѣста на другое. Никто не зналъ какимъ образомъ вѣнскому правительству дѣлались извѣстны тайныя политическія предположенія Франціи, Германіи, Венгріи. Большую пользу принесло ему это насиліе чужой тайны во время войны за испанское наслѣдство.

Привилегія, данная Ла-Туръ-и-Таксисъ въ управленіи почтовымъ вѣдомствомъ, много способствовала къ развитію письменнаго воровства, если можно такъ выразиться. Отъ береговъ Балтійскаго моря до Тріеста, отъ Остенде до Германштата, день и ночь скакали взадъ и впередъ курьеры, служившіе на жалованьи Ла-Туръ-и-Таксисъ. Австрійское правительство, довѣривъ этой фамиліи управленіе почтами, дало ей возможность упрочить благосостояніе и умножить до громадной цифры свое богатство. Во время тридцатилѣтней войны Фердинандъ II возвысилъ въ графское достоинство членовъ этого семейства, которые впослѣдствіи сдѣлались князьями; слѣдовательно всѣмъ они обязаны Габсбургамъ, за то все и приносятъ они имъ въ жертву. Одинъ изъ членовъ этого семейства, Францискъ, первый составилъ планъ всеобщаго устройства почтъ въ 1500 году. Сынъ его, Іоаннъ-Батистъ, еще болѣе развилъ проекты своего отца, и въ 1516 г. установилъ, съ утвержденія императора Максимиліана, почтовое сообщеніе между Вѣною и Брюсселемъ. Сообщеніе это было высшей важности для Австріи, потому что Нидерланды принадлежали въ то время ей. Въ октябрѣ 1518 г. Карлъ V

подписалъ въ Аугсбургѣ дипломъ, которымъ Іоаннъ Батистъ Ла-Туръ-и-Таксисъ облекался въ званіе главно-управляющаго почтами нидерландскихъ провинцій.

Въ 1543 г. сынъ этого послѣдняго, Леонардъ, учредилъ новую линію почтовыхъ сообщеній, по направленію отъ Нидерландъ къ Италіи, черезъ Литихъ, Триръ, Шпайеръ, Аугсбургъ, Швабію и Тироль. Возстаніе Бельгійцевъ и Голландцевъ противъ Испаніи остановило переправу писемъ и депешъ, что едва не привело къ банкрутству все семейство Ла-Туръ-и-Таксисъ, но Леопардъ выдержалъ. Онъ открыто принялъ сторону Филиппа II и дѣйствовалъ въ его пользу съ такою твердостью, что тотъ пожаловалъ ему девизъ: Perpetua fide. Въ 1595 г. Рудольфъ II возвелъ Леонарда Таксисъ въ достоинство генеральнаго директора всего почтоваго управленія имперіи, и съ того времени управленіе это приняло названіе kaiserliche Posten, или императорскихъ почтъ. Десять лѣтъ спустя, Таксисъ возведенъ былъ въ баронское званіе и окончилъ жизнь свою въ 1612 г., девяноста лѣтъ отъ роду.

Матвѣй и Фердинандъ II закрѣпили за родомъ его сына Ламораля, въ нисходящей линіи, какъ мужской такъ и женской, неотъемлемое, наслѣдственное управленіе императорскими почтами. Въ 1621 г. Фердинандъ II возвелъ Ламораля въ графское достоинство, по случаю проведенія новыхъ почтовыхъ линій — одну чрезъ Альпы, другую отъ Франкфурта на Майнѣ къ Лейпцигу, Гамбургу, Нюренбергу, къ Прагѣ и Вѣнѣ. Это расширеніе почтовыхъ сообщеній увеличило и доходы почтъ, которыя приносили ежегодно до одного милліона чистаго прихода, т. е. до 600,000 р. сер. — цифры въ то время громадной для частнаго лица. Хотя въ почтовое управленіе, бывшее въ вѣдѣніи семейства Ла-Туръ-и-Таксисъ и не входила вся Германія, но Бельгія, Баварія, Баденъ, Виртембергъ, герцогство Дармштатское, герцогство Саксонія, духовно-электоральныя области, свободные города Германіи, находились во власти австрійскаго почтоваго управленія, которое не пропускало ни одной депеши, ни одного важнаго письма, чтобы не насиловать ихъ тайны, такъ довѣрчиво врученной его попеченію.

Семейство Таксисъ, захвативъ въ свои руки столь обильный источникъ обогащенія, годъ отъ году повышалось и въ почестяхъ и въ званіи. Въ 1686 г. членъ этого семейства, Евгеній-Александръ, былъ возведенъ въ званіе князя; шесть лѣтъ передъ тѣмъ Карлъ II по-

жаловалъ ему титулъ испанскаго гранда. Таксисы вели жизнь самую роскошную, широкую, можно сказать королевскую, и мѣстопребываніе ихъ было постоянно въ Брюсселѣ, гдѣ они играли роль чуть не намѣстниковъ имперіи (*). Было расчитано, что въ теченіе прошлаго столѣтія *почтовый домъ* Ла-Туръ-и-Таксисъ ежедневно выигрывалъ до 20,000 ливровъ или четыре милліона въ годъ, что въ постоянной его службѣ было до 20,000 человѣкъ и еще большее число лошадей, потому что онъ перевозилъ не одни только письма, но и пассажировъ. Дилижансы въ Германіи были введены въ почтовое сообщеніе еще съ половины XVIII столѣтія, и тамъ гдѣ существовала уже привиллегированная компанія Таксисовъ, никто не имѣлъ права держать дорожное сообщеніе.

Семейство Таксисовъ владѣло въ Германіи огромными помѣстьями, замками и домами. Во Франкфуртѣ на Майнѣ обширный домъ, гдѣ теперь засѣдаетъ совѣтъ Германскаго Союза, принадлежалъ этой фамиліи. На берегахъ верхняго Дуная, обширныя помѣстья Шееръ и Фридбергъ были разомъ куплены ими за два слишкомъ милліона рублей серебромъ. Богатое и обширное аббатство Санктъ-Эммеранъ, возлѣ Регенсбурга, было также куплено ими въ началѣ прошлаго столѣтія. Здѣсь, въ древнемъ и великолѣпномъ замкѣ, велъ роскошную жизнь Александръ-Фердинандъ Ла-Туръ-и-Таксисъ и неисчерпаемыя богатства позволяли ему давать постоянныя празднества, держать открытый столъ, театръ и устроивать фейерверки и блестящія охоты. Онъ содержалъ лучшій и многочисленнѣйшій оркестръ во всей Германіи. Толпы слушателей наполняли его замокъ и прилежащія къ нему зданія. Концерты его были доступны всѣмъ жителямъ въ окружности. Множество увеселительныхъ зданій, дачъ съ фонтанами и каскадами, парниковъ, оранжерей, звѣринецъ и пр., которыя и теперь привлекаютъ вниманіе путешественниковъ, все это принадлежало Таксисамъ. Въ самомъ Регенсбургѣ они часто откупали городовой театръ и даромъ предоставляли его актерамъ для игры. Князь Фердинандъ Таксисъ, о которомъ говорено выше, былъ нѣкоторое время единственной поддержкой Карла VII, когда тотъ, изгнанный австрійскими войсками изъ Баваріи, нашелъ временное убѣжище во Франкфуртѣ на Майнѣ, и жилъ тамъ на деньги, выдаваемыя ему Фердинандомъ.

(*) Любопытныя подробности см. у Eduard Vehse, *Geschichte der kleinen deutschen Hoefe*. T. IX, p. 136 seqq.

Необходимо объяснить, что хотя Габсбурги и возвысили, облагородили и обогатили Таксисовъ, предоставивъ имъ монополію почтоваго вѣдомства, но кругъ дѣйствій этого преданнаго семейства былъ внѣ эрцгерцогства австрійскаго. Собственно въ Австріи было другое почтовое управленіе, подлежавшее правительственному контролю, но которое не переходило границъ, гдѣ начинались почты Таксисовъ. Для чего это было такъ устроено, рѣшить легко: вѣчно подозрительные, тревожные Габсбурги, опасались дать слишкомъ большое развитіе покровительствуемому имъ семейству внутри своихъ владѣній, и пользовались только его услугами внѣ государства. За то внутреннему почтовому управленію не были доступны тайны почтовыхъ лабораторій, принадлежавшихъ исключительно Таксисамъ. Лабораторіи эти, называвшіяся *ложами писемъ*, расположены были въ разныхъ городахъ, какъ почтовыхъ центрахъ. Они находились въ Регенсбургѣ, Аугсбургѣ, Франкфуртѣ, Нюренбергѣ, Эйзенахѣ, ганзейскихъ городахъ — Бременѣ и Гамбургѣ, а также и въ городахъ электоральныхъ епископовъ, какъ-напр. въ Майнцѣ и др. Лишь только тюки съ письмами прибывали въ означенныя мѣста, тотчасъ назначенныя для того чиновники вскрывали ихъ, распечатывали письма, читали, и что слѣдовало списывали. Затѣмъ запечатавъ снова, они отправляли ихъ къ мѣсту назначенія. Все это шпіонство дѣлалось для личной пользы и выгоды Габсбурговъ, которые, надобно сказать правду, щедро и исправно платили за эти услуги. Самая порода этихъ чиновниковъ была привиллегирована. Мѣста ими занимаемыя были наслѣдственны и переходили отъ отца къ сыну, такъ что будущіе вскрыватели чужихъ писемъ уже съ малолѣтства упражнялись въ этомъ нравственномъ воровствѣ и доходили до изумительнаго совершенства. Такъ напр. семейство Эберль занималось этимъ ремесломъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній своего рода, со временъ Рудольфа II и до царствованія Іосифа II, имѣя постоянную резиденцію въ ложѣ Штокерау, на Дунаѣ, въ сѣверной сторонѣ отъ Вѣны. Одинъ изъ членовъ этого семейства, Лука, служившій сначала простымъ курьеромъ, имѣлъ случай исполнить съ такою точностью и ловкостью нѣсколько весьма щекотливыхъ порученій, что вскорѣ онъ получилъ мѣсто провинціальнаго директора почты. Въ 1612 году императоръ Матвѣй выдалъ ему патентъ на дворянское достоинство. Одинъ изъ потомковъ Луки Эберль, капитанъ кирасирскаго полка, Францискъ Эберль, отличился и на другомъ поприщѣ, именно: во время осады Вѣны, онъ провелъ польскія

дружины Собѣскаго черезъ Винервальдъ и Калембергъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ лагерь Карла Лотарингскаго. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1790 году, семейство Эберля имѣло еще въ своемъ вѣдѣніи ложу Штокерау.

Эти тайные агенты, состоявшіе на жалованьи у австрійскаго правительства, составили мало по малу второстепенную аристократію Австріи. Многіе изъ нихъ были облечены въ дворянское достоинство, какъ-то: Эггереде, Апельманны, Поллау, Гуггенбергеры. Одни изъ нихъ были баронами, другіе графами, и потомки ихъ часто занимали видныя мѣста и по дипломатической службѣ. Такимъ образомъ Трейенфельды, бароны Лиліены, Курцроки, Вестергольды и множество другихъ, обязаны своей блестящей карьерой темнымъ подвигамъ своихъ предковъ, слишкомъ преданныхъ австрійскому дому.

Надобно однакожъ сказать, что прочіе государи Германскаго Союза, узнавъ какими путями императоръ проникаетъ въ ихъ тайны, рѣшились воспользоваться въ свою очередь тѣми же средствами. Тогда Бранденбургъ, Гановеръ, электоральная Саксонія, Гессенъ и Мекленбургъ, начали съ того, что вытѣснивъ изъ своихъ владѣній привиллегированное семейство по управленію почтовому, устроили свои ложи, и въ свою очередь стали насиловать тайну писемъ и депешъ. Во всей Германіи въ запуски, можно сказать, бросились вскрывать чужія письма, и курфюрстъ Саксоніи, Августъ Сильный, особенно покровительствовалъ это новое ремесло въ своихъ владѣніяхъ, а сынъ его, во время министерства Брюля, довелъ вскрытіе писемъ до высшей степени цинизма. Фридрихъ II Прусскій пришелъ въ негодованіе отъ этого противозаконнаго обращенія сосѣднихъ государей съ частной корреспонденціей, и неоднократно, при помощи секретаря своего Менцеля разставлялъ имъ свои сѣти, посылая подложныя депеши. Нѣкоторые изъ германскихъ владѣтелей послѣдовали также его примѣру, но имъ было не по плечу бороться съ Австріею, издавна окрѣпнувшей въ подлогѣ и усовершенствовавшейся въ обманѣ. Австрія въ этомъ случаѣ сохраняла все свое превосходство. Фридрихъ II, напримѣръ, никогда не зналъ, что Кауницъ постоянно читалъ его депеши прежде, чѣмъ онѣ получались посланникомъ его въ Вѣнѣ. Вотъ что разсказываетъ Гормайеръ по этому случаю (*). Депеши Фридриха были обыкновенно писаны цифрами; но вѣнской дипломаціи давно былъ из-

(*) Kaiser Franz und Metternich, p. 79.

вѣстенъ ключъ къ этимъ загадочнымъ письменамъ. Всѣ почти курьеры прусскаго кабинета, за исключеніемъ двухъ только были подкуплены директоромъ австрійской полиціи, Іосифомъ фонъ-Беерамъ. Подкупленные курьеры получали огромное содержаніе, такъ что, въ случаѣ открытія ихъ измѣны, они обезпечивались на всю жизнь. Измѣна происходила слѣдующимъ образомъ: на чешской границѣ, возлѣ городка Пирны, мимо котораго обыкновенно проѣзжала почта, находился особый домикъ, гдѣ было все подготовлено для того, чтобы похищать тайны прусскаго правительства. Здѣсь собирались обыкновенно письмовскрыватели и ждали появленія курьера. Лишь только онъ пріѣзжалъ, тотчасъ по смѣнѣ лошадей, онъ садился вмѣстѣ съ австрійскими чиновниками въ особую карету, открывалъ имъ тюкъ съ письмами, которыя тутъ же вскрывались, перечитывались, запечатывались снова, а вещи замѣчательныя списывались на особыхъ листахъ, для доставленія куда слѣдуетъ. Все это дѣлалось на всемъ скаку, въ дорогѣ, и по окончаніи работы чемоданъ снова закрывался и предатель-курьеръ доставлялъ его въ вѣнское посольство, какъ бы нетронутымъ. Все это требовало необыкновенной быстроты и ловкости, и австрійскіе чиновники, въ этомъ отношеніи, были неподражаемы. Такимъ образомъ таинственная карета достигала послѣдней станціи по дорогѣ въ Вѣну, гдѣ курьеръ разставался съ своими друзьями. Часа черезъ два или три прусскій посланникъ, ничего не подозрѣвая, довѣрчиво принималъ отъ курьера депеши, которыхъ копіи находились уже въ рукахъ Кауница.

Съ своей стороны Фридрихъ II употреблялъ для вывѣдыванія тайнъ вѣнскаго двора средства, быть можетъ мало достойныя его, но все-таки не такъ низкія и вороватыя, какъ тѣ, которыя употреблялись Австрійцами. Фридрихъ обыкновенно старался выбирать молодыхъ людей пріятной наружности, ловкихъ, вкрадчивыхъ, и особенно смѣлыхъ въ обращеніи съ женщинами. Ихъ-то онъ отправлялъ въ Вѣну, снабжая ихъ обыкновенно деньгами и выдавая особенныя суммы для подкупа, если было нужно. Марія-Тереза имѣла обыкновенно изъ числа окружавшихъ ее дамъ, особенныхъ фаворитокъ, отъ которыхъ не скрывала государственныхъ тайнъ. Молодые Пруссаки, находясь въ связи съ придворными субретками, неоднократно вывѣдывали у нихъ самыя сокровенныя тайны имперіи и тотчасъ извѣщали о нихъ Фридриха. Депеши этихъ политическихъ селадоновъ посылались обыкновенно на Мюнхенъ, чтобы избѣжать прямаго пути

чрезъ Богемію и Саксонію, гдѣ на каждомъ шагу они могли быть перехвачены австрійскими лазутчиками.

Въ самой Вѣнѣ, въ одномъ изъ флигелей императорскаго дворца, въ такъ называемомъ отдѣленіи Штальбурга, была устроена особая комната, гдѣ совершалась таинственная инквизиція писемъ и депешъ. Для этого дѣла употребляли обыкновенно Французовъ и Неаполитанцевъ, которыхъ болѣе другихъ находили способными къ похищенію эпистолярной тайны. Искусство ихъ въ этомъ отношеніи было изумительное. Они не только вскрывали, запечатывали депеши безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ, но умѣли также съ точностью факсимиле подражать каждому почерку, сочинять подложныя письма, давать ложныя вѣсти и жестоко обманывать тѣхъ, кому посылались подложныя извѣстія. Трудъ ихъ требовалъ столь сильнаго напряженія ума, точности и быстроты, что многіе изъ нихъ не выдерживали и сходили съ ума. Притомъ съ ними обращались не какъ съ чиновниками, а какъ съ государственными плѣнниками. Полиція ни на минуту не теряла ихъ изъ виду. Ей извѣстны были всѣ ихъ расходы, знакомства, посѣщенія, и лица, которыя приходили къ нимъ, даже знакомства ихъ дѣтей съ ихъ сверстниками. Чиновники эти составляли отдѣльную касту и не выходили изъ тѣсно-замкнутаго круга служащихъ въ императорскомъ кабинетѣ по части депешныхъ истязаній. Болѣе всего они удалялись знакомства съ иностранцами, особенно принадлежавшими къ дипломатическому корпусу. Каждое утро императоръ находилъ у себя на рабочемъ столѣ тетрадь съ выпиской изъ депешъ и писемъ, и такимъ образомъ самъ могъ слѣдить за ихъ усердной, хотя и безчестной работой.

Но какъ бы не была велика ихъ ловкость, какъ бы не были осторожны дѣятели таинственнаго управленія Ла-Туръ-и-Таксиса, все таки бывали случаи неосторожности, выдававшія ихъ тайну, и производившія въ публикѣ негодованіе и протесты. Такъ напримѣръ въ 1772 году перехвачена была переписка Пруссіи съ другой державой, касавшаяся предстоявшей войны съ Турціей. Переписка эта была перехвачена однимъ изъ директоровъ майнцкой ложи. Прусскій резидентъ, фонъ Диць, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ сильное негодованіе и громко протестовалъ противъ насилія. Дворы берлинскій, саксонскій, гановерскій рѣшились смѣнить Ла-Туръ-и-Таксисовъ и отнять у нихъ монополію почтоваго управленія; но въ духовно-электоральныхъ штатахъ, въ свободныхъ городахъ, какъ-то: въ Аугсбургѣ и Нюренбергѣ, въ городахъ ганзейскихъ и владѣніяхъ

мелкихъ германскихъ княжествъ, гдѣ австрійскій орелъ гордо еще высился надъ зданіями австрійскихъ резидентовъ, всё оставалось по прежнему, и ложи дѣйствовали какъ бы ни въ чемъ не. бывало. Вѣнское правительство употребило всё свое вліяніе и силу, чтобы поддержать эти учрежденія. Замѣчательно, что въ царствованія Іосифа II и Леопольда, въ эпоху радикальныхъ преобразованій въ имперіи по всѣмъ отраслямъ управленія, почтовыя ложи не были упразднены, а напротивъ, были употреблены для отвращенія реактивныхъ мѣръ приверженцевъ стараго порядка вещей. Рѣшительный ударъ заведеніямъ Ла-Туровъ нанесенъ былъ пораженіями при Ульмѣ и Аустерлицѣ. Пресбургскій міръ и образованіе Рейнской конфедераціи освободили западную Германію отъ почтоваго шпіонства и преслѣдованія письменныхъ таинъ. Въ продолженіе двухмѣсячнаго занятія Вѣны французскими войсками (съ 1805 — 1806) таинственная лабораторія Штальбурга, была первымъ предметомъ, обратившимъ на себя любопытство Талейрана. Графиня Ромбекъ, сестра канцлера Людвига Кобенцеля, нѣсколько разъ водила французскаго дипломата въ эту лабораторію, которая такъ нравилась его лисьему вкусу. Преслѣдованіе писемъ и денешъ только на время было пріостановлено, но 1814 годъ снова возстановилъ фирму Ла-Туръ-и-Таксисъ въ почтовой монополіи, и австрійское правительство снова поспѣшило ввести прежній образъ дѣйствій по вскрытію писемъ и насилованію частной кореспонденціи. Гановеръ и Саксонія первые рѣшили воспротивиться возстановленію этого почтоваго откупа; одна Баварія воспользовалась ихъ представленіями; но прочіе члены германскаго союза, поддерживаемые Австріей, и слушать не хотѣли объ уничтоженіи столь полезнаго предпріятія.... Что же касается второстепенныхъ государствъ, то они поспѣшили, по примѣру Австріи, устроить у себя подобныя лабораторіи. Изъ нихъ болѣе всего отличился Веймаръ, что было по душѣ Меттерниху. Вѣнскій конгрессъ обратилъ особое вниманіе на фамилію Ла Туръ-и-Таксисъ, которая во время кампаніи 1814 года оказала значительныя услуги священному союзу. Заслуги эти не были забыты Австріей, а она незамедлила вознаградить Таксисовъ за тѣ убытки, которые понесли они на Рейнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ, вытѣсненные изъ Баваріи, учредившей свое почтовое управленіе, Таксисы получили богатое и обширное помѣстье Донауштауфъ подлѣ Регенсбурга. На мѣсто рейнскихъ провинцій, отошедшихъ къ Пруссіи, имъ пожаловали помѣ-

стье Кротошинъ, въ Познанскомъ герцогствѣ, имѣющее тридцать тысячъ жителей. Кромѣ того Таксисы откупили за 500,000 талеровъ ежегоднаго взноса почтовыя управленія Виртемберга (которымъ они владѣли до 1851 года), Нассау, Шварцбурга, Рейсса, Гогенцолерна и города Франкфурта. Не смотря на потери, которымъ они отъ времени до времени подвергались, почтовый откупъ Таксисовъ въ 1848 году считалъ въ себѣ 2,675 квадратныхъ миль, т. е. почти одну четверть всей Германіи, и приносилъ имъ ежегоднаго чистаго доходу милліонъ гульденовъ, или 600,000 р. серебромъ. Такимъ образомъ эпистолярныя ложи были снова возстановлены, снабжены инструментами, химическими аппаратами, и всѣмъ, что изобрѣла новѣйшая наука,—все было приспособлено къ этому новому ремеслу. Ложи эти скорѣе походятъ на лабораторіи, чѣмъ на отдѣленія почтоваго вѣдомства. Главные центры эпистолярнаго шпіонства находились еще недавно въ Франкфуртѣ и Эйзенахѣ; но главнѣйшая машина дѣйствовала въ Вѣнѣ, гдѣ разставлялись самыя опасныя сѣти.

Вотъ какъ описываетъ Гормайеръ вскрытіе писемъ, происходившее обыкновенно въ главномъ почтамтѣ, въ Вѣнѣ (*). Въ семь часовъ вечера почтамтъ прекращалъ пріемъ писемъ, всѣ двери затворялись и почтовые тюки, уложенные въ экипажи, казалось отправлялись въ дорогу. Отъѣздъ ихъ была одна маска: экипажи въѣзжали въ другой дворъ дворца, вороты котораго тотчасъ затворялись. Это былъ дворъ, къ которому примыкалъ флигель Штальбурга. Тюки снова вносились въ комнаты, письма вынимались и разборка ихъ шла обычнымъ порядкомъ. Разбирали сначала письма посланниковъ, банкировъ и лицъ болѣе извѣстныхъ. Особенное вниманіе обращала на себя иностранная кореспонденція. Тотчасъ по вскрытіи писемъ писцы списывали ихъ или цѣликомъ или же только однѣ подозрительныя фразы; за тѣмъ съ особенной ловкостью запечатывали ихъ снова. Работа эта длилась иногда долго за полночь, и затѣмъ только, не дожидаясь дня, экипажи спѣшили выѣхать. Сколько несчастныхъ дѣлались жертвой этой офиціальной уловки? Сколько изъ нихъ поплатились заточеніемъ, даже смертію въ душныхъ темницахъ, за нѣсколько нескромныхъ словъ? Едвали кто можетъ сосчитать эти жертвы австрійскаго насилія и обмана.

Лабораторія Штальбурга находилось кромѣ того въ тѣсныхъ сно-

(*) Kaiser Franz und Metternich. p. 75.

шеніяхъ съ тайной полиціей, которой служила главнымъ подспорьемъ въ наблюденіи за политическими мнѣніями и партіями. Вѣнскіе шпіоны находили также содѣйствіе въ своихъ собратахъ по ремеслу, во французскихъ мушарахъ, которые переходя въ австрійскую службу, были разсѣяны по разнымъ городамъ, преимущественно въ Миланѣ, Венеціи, Туринѣ, Луккѣ, Феррарѣ, Падуѣ, Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ. Гормайеръ приводитъ, что одинъ изъ чиновниковъ французской полиціи, Ленуаръ, составилъ для Кауница записку, имѣвшую слѣдующее заглавіе: *подробности о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ города Парижа, составленныя по желанію е. в. королевы венгерской.* Здѣсь преимущественно идетъ рѣчь объ учрежденіяхъ тайной полиціи (*).

Со времени 1814 года прежній порядокъ былъ снова возстановленъ: каждое утро императоръ находилъ у себя на столѣ готовые выписки, составленныя въ эпистолярной лабораторіи и въ тайной полиціи. Первое дѣло императора было, вставши по утру, отслушать обѣдню, за тѣмъ онъ принимался читать доносы, состоявшіе большею частію изъ любовныхъ похожденій дипломатическаго корпуса, замѣчательнѣйшихъ скандальныхъ происшествій въ городѣ и выписокъ изъ писемъ и депешъ. Если подробности казались ему недостаточными, онъ призывалъ полицейскихъ агентовъ и съ удовольствіемъ слушалъ ихъ изустное донесеніе со всѣми мелочами. Высшіе сановники государства съ величайшимъ трудомъ могли имѣть доступъ къ императору; но всякій, кто только имѣлъ разсказать Францу какое либо скандальное происшествіе, былъ тотчасъ принимаемъ въ его кабинетъ. Чтобы удовлетворить этому страшному любопытству императоръ назначалъ часто свиданіе даже въ другихъ домахъ. Таковъ былъ любезный тесть Наполеона I.

Надобно замѣтить, что вся эта черная магія стоила огромныхъ денегъ, потому что жалованья, которыя получаютъ назначенные въ это ремесло чиновники, превосходятъ значительно содержанія по другимъ частямъ управленія. Не смотря на разстройство австрійскихъ финансовъ, *почтовый домъ* Ла-Туръ-и-Таксисъ находится въ полномъ цвѣтѣ развитія. Одно изъ ихъ помѣстій въ Чехіи, Хотѣшовъ,

---

(*) Hormayr. *Lebensbilder aus dem Befreiungskriege.* t. I. p. 298. — *Détails sur quelques établissements de la ville de Paris, demandés par S. M. J. la reine de Hongrie.*

или Хотѣшау, имѣетъ населеніе въ 50 т. душъ. Другое ихъ имѣніе, Лютомисль, расположенное на границѣ между Силезіей и Моравіей, и которое Таксисы пріобрѣли въ 1855 г., имѣетъ 40 т. жителей. Всѣ ихъ имѣнія, считающія въ себѣ до восьмидесяти квадратныхъ миль, имѣютъ населеніе въ сто шестдесять тысячъ душъ. Главная ихъ контора, равняющаяся по своему составу министерству, находится въ Бюшау, въ Виртембергскомъ королевствѣ, и штатъ ея состоитъ изъ директора, вице-директора, семи совѣтниковъ и цѣлаго полка экспедиторовъ.

Таковы эти тайные, непроницаемо—глубокіе пути, по которымъ идетъ Австрія, вѣчно облеченная мракомъ въ своихъ поступкахъ.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Элегантные публицисты съ молчалинской закваской-Услужливыя друзья Кн. Вяземскаго.—Слово М. П. Погодина и тризна Бѣлинскому.—Русская женщина предъ лицемъ Московскаго Олимпа и обличительная литература предъ лицемъ петербургскихъ публицистовъ.—Аскоченскій—жаждущій протестовъ для своей популярности.—Неудачный дебютъ «юнаго топтателя» въ дѣлѣ обличенія и печатное самоотреченіе Кн. Оболенскаго.—Общество, отлучающее дворянина отъ дворянскаго сословія и шефъ, бунтующій на выборахъ.—Что такое казенныя тяжести?—Весна и весеннія пѣсни.—Еще новый поэтъ.—Разныя новости.

«Начинай, Каллiопа! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, когда дѣло идетъ объ истинныхъ происшествiяхъ. Начинайте-жъ вашъ разсказъ, дѣвы Пiериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я назвалъ васъ дѣвами!»

Такъ пародируя эпиковъ, Ювеналъ начинаетъ одну изъ сатиръ своихъ, о которыхъ я невольно вспомнилъ теперь, при видѣ своихъ родныхъ маленькихъ Ювенальчиковъ, розенгеймствующихъ въ стихахъ и прозѣ на нашемъ обличительномъ Парнасѣ. Римскій поэтъ съ своей безпощадной, а подъ—часъ совершенно безцеремонной сатирой невольно приходитъ мнѣ на умъ каждый разъ съ воззванiемъ къ дѣвамъ Пiеридамъ, когда я съ прирожденнымъ мнѣ эпическимъ жаромъ принимаюсь за перо, полный спокойствiя и беззлобiя. Всякій разъ, давая себѣ слово написать какую нибудь возвышенную эпопею въ стихахъ и прозѣ, эпопею, умиляющую душу, я оканчиваю тѣмъ, что захваченный общей волной дѣйствительности, заваленный кругомъ пе-

ріодическими изданіями, газетами, преслѣдуемый отовсюду гримасами текущей журналистики — самъ невольно увлекаюсь и бросаюсь въ самую свалку Сѣнной площади газетныхъ турнировъ, полемикъ и диспутовъ. Многіе чистоплотные мыслители и элегантные публицисты изъ своихъ свѣтлыхъ и теплыхъ кабинетовъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, вставивъ въ глазъ лорнетъ, смотрятъ на нашъ движущійся и суетящійся муравейникъ, не видя никакого смысла въ его мелкой и шумной суетѣ, въ его спорахъ и протестаціяхъ. Но вѣроятно пробудившаяся сила времени — не боится такихъ приговоровъ и находитъ серьезный смыслъ въ этомъ, въ общемъ движеніи, стремящемся выдти на торную дорогу. Вѣдь отъ логическаго романа общества, только начинающаго приготавливаться къ своему гражданскому совершеннолѣтію — нельзя требовать художественной полноты и гармоніи. Возставая на все узкое и мѣщанское по теоріи, мы считаемъ теперь сами чѣмъ-то мѣщанскимъ и мелкимъ—на дѣлѣ, на практикѣ упорно и постоянно проводить свою идею прогресса. Роль чернорабочихъ намъ не по душѣ, а теперь только и нужны чернорабочія руки.... Въ пренебреженіи къ міру мелочей, неизбѣжныхъ промаховъ и дрязговъ, къ міру подробностей — есть что-то эгоистическое, бездушное и отталкивающее. Прощеніе и извиненіе поступковъ и проступковъ — есть не всегда слѣдствіе великодушія, но чаще равнодушія и апатіи. Вовсе нѣтъ заслуги въ той уклончивости, съ которой многіе поборники прогресса обходятъ разные насущные вопросы времени.

Прогрессъ—это зданіе человѣческаго разума и нравственности — воздвигаетъ свой фундаментъ на прахѣ всего дряхлаго, стараго, мѣшающаго общему развитію, требуетъ нравственныхъ жертвъ, отреченія, во имя любви, казни во имя правды и нравственности. Мы, какъ американскіе дикари, съѣдающіе отцовъ своихъ, должны положить въ могилу все ветхое, все моральносгнившее, завѣщанное намъ преданіемъ, предразсудками; мы должны отказаться отъ наслѣдства, если оно не законно, если по совѣсти не можемъ распоряжаться имъ....

Всѣ эти старыя вещи у насъ, къ несчастію, приходится повторять очень часто, потому что мы еще находимъ до сихъ поръ опору въ своей апатіи въ тѣхъ Олимпійцахъ, которые съ своихъ облаковъ проповѣдуютъ намъ молчалинскія «умѣренность и аккуратность» и хотятъ помирить всѣхъ смертныхъ со многими нелѣпостями и дикими явленіями. Объ этомъ Олимпѣ, и именно Олимпѣ московскомъ мы еще будемъ говорить послѣ, а пока теперь окончимъ одно наше повѣтство-

ваніе, которое начато было еще въ прошломъ мѣсяцѣ, повѣствованіе по поводу юбилея князя Вяземскаго. Мы уже думали не возвращаться къ этому сказанію, къ этой апоѳеозѣ дружбы, которая такъ насолила князю Вяземскому, какъ новая депутація изъ Москвы въ лицѣ ученаго М. П. Погодина снова заставляетъ насъ вернуться къ этой исторіи.

Гейне когда-то очень справедливо сказалъ: «избавьте меня отъ друзей, съ врагами же я самъ справлюсь». Кто изъ насъ не помнитъ, какъ нашъ эстетическій критикъ, писавшій о «допотопномъ значеніи Лажечникова, а нынѣ авторъ статьи о «долговомъ отдѣленіи»— Аполлонъ Григорьевъ, желая дружески услужить музѣ Случевскаго, угостилъ ее такими похвалами, что даже она сама испугалась и обратившись въ бѣгство, еще до сихъ поръ хранитъ обѣтъ молчанія, мысленно восклицая: о, дружба! это ты!

А дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ, авторъ брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ» — такъ услужившій своей похвалой Абиссинскому маэстро — развѣ не разительный примѣръ такой же дружбы?

Князь Вяземскій былъ еще счастливѣе: у него нашлась цѣлая серія друзей, которые хуже самыхъ злобныхъ враговъ преслѣдовали его своимъ фиміамомъ и куреніями. Чего не прокричали ему друзья!

Н. Гречь, который какъ олицетвореніе «memento mori» является на всѣхъ юбилеяхъ, назвалъ печатно своего друга — *геніальнымъ русскимъ писателемъ.*

Н. Щербина въ стихахъ воспѣлъ его какъ гиганта нашего времени, чуть-чуть не выше Гомера и Шекспира.

Графъ Соллогубъ изъ Парижа нарочно пріѣхалъ, нѣсколько уроковъ русскаго языка взялъ, чтобъ написать русскіе куплеты и положивъ ихъ на музыку, пропѣлъ кн. Вяземскому — что онъ «послѣдняя звѣзда на туманномъ небѣ нашей поэзіи».

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ! Друзья эти вызвали всеобщій смѣхъ и между многими статьями по этому поводу особенно обратила на себя вниманіе статья Сѣверной Пчелы: о значеніи великосвѣтскихъ писателей въ русской жизни вообще, а князя Вяземскаго въ особенности.

Вдругъ, для защиты маститаго поэта появляется новый другъ — новый рыцарь съ поднятымъ забраломъ: то былъ самъ М. П. Погодинъ, бросившій свою норманнскую перчатку неизвѣстному противнику юбилляра.

Изъ амальгамы друзей князя Вяземскаго это былъ самый горячій, самый неумолимый протестантъ его противниковъ, котораго литературная адвокатура есть несравненный, драгоцѣнный примѣръ рыцарской дружбы, рѣдкой въ наше время.

Постараюсь познакомить читателя хоть съ главнымъ характеромъ протеста московскаго ученаго.

Сознаваясь, что онъ любитъ порой помечтать и пофантазировать, г. Погодинъ дѣлаетъ три огромныя выписки изъ статей князя Вяземскаго, писанныхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, и указываетъ на нихъ автору статьи Сѣверной Пчелы, какъ на примѣръ краснорѣчія и глубокомыслія, рѣдко встрѣчаемыя даже въ наше время.

Есть многое въ статьяхъ его — такого,
Чего не снилося всѣмъ новымъ мудрецамъ,

говоритъ г. Погодинъ: Вяземскій, продолжаетъ онъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ о томъ, что считается открытіями новой литературы и журналистики.

Но это все еще ничего. Статьи князя Вяземскаго могли дѣйствительно показаться г. Погодину пророческими статьями: дружба прозорлива, и можетъ видѣть то, что для насъ невидимо.

Но вотъ интересные факты, которыми московскій ученый хочетъ доказать *историческое значеніе* князя Вяземскаго. Каждый, кто ознакомился съ этими фактами, по его мнѣнію, долженъ непремѣнно признать въ кн. Вяземскомъ — знаменитую историческую личность.

«Въ 1825 году, задумавъ издать альманахъ, пишетъ г. Погодинъ, явился я, молодой человѣкъ, къ князю Вяземскому съ просьбой прослушать мои двѣ повѣсти и подать мнѣ свой благой совѣтъ. Въ одной изъ этихъ повѣстей (Нищій) выставлено было злоупотребленіе крѣпостнаго права; повѣсть оканчивалась грозными снами.

«Князь Вяземскій *одобрилъ* повѣсть и *ободрилъ меня*, далъ мнѣ нѣсколько своихъ стихотвореній и написалъ просьбу о томъ же Пушкину, который прислалъ тотчасъ пять стихотвореній».

Но что-жъ это такое? Это фактъ, говорящій намъ не объ историческомъ значеніи князя Вяземскаго, а самого г. Погодина, который тридцать шесть лѣтъ тому назадъ уже писалъ гуманныя повѣсти. Но послушаемъ дальше.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, перевелъ г. Погодинъ съ Ше-

выревымъ *по обѣту* (?) въ продолженіи двухъ недѣль славянскую грамматику Добровскаго съ латинскаго, отчего съ переводчиками было два обморока. Печатать грамматику никто не брался — ни графъ Румянцевъ, ни академія, ни университетъ, ни ученыя московскія общества. Исписанная кипа бумаги могла пропасть безъ пользы. Но когда г. Погодину пришла благая мысль въ голову обратиться къ протекціи князя Вяземскаго, то грамматика была тотчасъ же пристроена и напечатана на казенный счетъ.

О, благодарность! О, дружба! — Это дѣйствительно ты! Князь Вяземскій первый *ободрилъ* молодого писателя М. Погодина, похвалилъ его повѣсть «Нищій», напечаталъ его грамматику на казенный счетъ, и неужели за все это онъ не скажетъ добраго слова о геніи своего перваго руководителя, не подтянетъ Гречу и Соллогубу въ ихъ хвалебномъ восхваленіи?

И такъ, господа, вотъ вамъ два факта, которые разомъ доказываютъ намъ историческое значеніе Вяземскаго и главное г. Погодина съ его «Нищимъ» и грамматикой Добровскаго. Если и эти факты васъ не убѣдятъ, то вините въ этомъ самихъ себя и свою недогадливость, а если убѣдили, то послушайте теперь г. Погодина: «кто любитъ отъ души русскую словесность», пишетъ онъ: «долженъ (вниманіе, господа!) *на колѣняхъ просить* князя Вяземскаго, чтобъ онъ взялся за перо и писалъ — писалъ — писалъ!..

Вотъ что значитъ теплое, чувствительное сердце и неостывшая отъ лѣтъ благодарность! Онъ хочетъ всѣхъ насъ довести до колѣнопреклоненія передъ княземъ Вяземскимъ, чего даже не рискнули предложить ни Гречь, ни Соллогубъ.

Послѣ милаго предложенія пасть передъ поэтомъ на колѣни, московскій ученый всей силой своего негодованія обрушивается на Бѣлинскаго и на его послѣдователей. Бѣлинскаго онъ отлучаетъ отъ литературы за князя Вяземскаго, а главное за себя. (Взглядъ Бѣлинскаго на Погодина, я думаю, всѣмъ извѣстенъ.) Можно себѣ представить, какъ возрадовались всѣ ненавистники покойнаго нашего критика, когда услышали, что *самъ* Погодинъ, авторъ двухъ грамотокъ и сочинитель слова: свистопляска — старается *утолочь* и Бѣлинскаго и учениковъ его.

Вотъ, говоритъ онъ: Турки ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, а наши рецензенты черпаютъ свою мудрость и взглядъ на русскую словестность изъ критикъ Бѣ-

линскаго. Вѣрить же теперь и смотрѣть на вещи какъ Бѣлинскій — *есть знакъ ограниченности, бездарности и невѣжества.* Слишкомъ далеко ушло сознаніе *послѣ его несчастнаго времени.*

Эта брань, до паѳоса которой не доходитъ Ксенофонтъ Полевой, переходитъ далѣе въ непозволительную клевету, которая должна оскорбить каждаго, кому извѣстна чистота убѣжденій Бѣлинскаго и его литературная честность. По мнѣнію г. Погодина «для Бѣлинскаго существовали прежде всего имена, а послѣ сочиненія, и онъ не по уму, а по имени встрѣчалъ и провожалъ, во многихъ случаяхъ ругалъ или превозносилъ на заданную для себя тему».

Какому нибудь Аскоченскому скорѣе можно извинить эту наглую брань и неуваженіе къ имени человѣка, воспитавшаго все молодое поколѣніе, извинить скорѣе хоть потому, что Аскоченскій говоритъ это, вѣрный своему худосочному принципу, которому онъ нигдѣ не измѣняетъ. Но негодованіе г. Погодина совсѣмъ другое: онъ мститъ имъ за себя Бѣлинскому, который открыто не признавалъ его, мститъ за друзей своихъ: Глинку, Бенедиктова и др., въ которыхъ Бѣлинскій не находилъ и искры поэзіи. Погодину обидно, что этотъ недоучившійся студентъ, вышедшій изъ московскаго университета съ пророческой аттестаціей «неспособнаго», всталъ впереди всѣхъ, отбросивъ на задній планъ такихъ ученыхъ мужей и профессоровъ, какъ Погодинъ, Шевыревъ и др., Дѣйствительно, обидно! И зная все это, какъ-то грустно-возмутительно видѣть эту старческую пляску со скрежетомъ зубовъ на могилѣ великаго человѣка, который при жизни давилъ всѣхъ своей нравственной силой и заставлялъ бѣгать отъ себя пугливую и озлобленную бездарность.

Предвидя, что грубыя и пошлыя выходки противъ Бѣлинскаго вызовутъ общее негодованіе, нормандскій рыцарь, съ страннымъ по откровенности цинизмомъ спѣшилъ заявить, что ему — всѣ щелчки, всѣ удары — нипочемъ и что онъ въ литературномъ вопросѣ не испугается какой нибудь безъименной когорты и какого нибудь свистка.

Для того, чтобъ рельефнѣе и понятнѣе былъ для всѣхъ протестъ г. Погодина, протестъ во всякомъ случаѣ замѣчательный, мы ему дали стихотворную форму, удерживая всѣ сильныя и главныя мѣста прозаическаго подлинника. Въ этой формѣ, по нашему мнѣнію, весь характеръ протеста выходитъ еще ярче и понятнѣе.

СПИЧЬ ФЕТИШИСТАМЪ.

Подражаніе московскому ученому.

(*Импровизація въ стихахъ.*)

Въ вѣкъ пропагандъ, вопросовъ разныхъ,
Великихъ дѣлъ, великихъ думъ
Смѣшно о дрязгахъ мелкихъ, праздныхъ
Намъ поднимать и крикъ и шумъ.
Но правдѣ я всегда угоденъ,
Мнѣ ложь тошнѣе темной мглы,
И я, ученый мужъ Погодинъ,
Иду на бой съ статьей «Пчелы»!

* * *

Зловредный авторъ фельетона
Потокомъ озлобленныхъ фразъ,
Рѣшилъ намъ, что съ ковровъ салона
Путь невозможенъ на Парнасъ.
Исполненъ мыслей самыхъ дѣтскихъ,
Онъ испустилъ змѣиный свистъ,
И всѣхъ писакъ великосвѣтскихъ
Признать не хочетъ атеистъ!

* * *

Въ порывѣ дерзостнаго жара
Казнитъ онъ старца юбилей,—
И я теперь за юбиляра
Встаю какъ вѣрный изъ друзей,
Встаю,—и пусть узнаютъ люди,
«Пчелѣ» мой выслушавъ укоръ,
Что не о Рюрикѣ и Жмуди
Могу вести я только споръ.

* * *

Герой маститый юбилея,
Ужъ сорокъ лѣтъ тому назадъ,
Писалъ о томъ, о чемъ, робѣя,
Его потомки говорятъ.
Онъ вѣщимъ духомъ все провидѣлъ:
Судьбу народа и прогрессъ,

И намъ светилъ—то самъ я видѣлъ,
Звѣздою яркою съ небесъ.

* * *

Я альманахъ, во время оно
Затѣялъ съ сонмищемъ друзей
И самъ къ поэту для поклона
Явился съ ворохомъ статей:
Онъ поощрилъ мой юный генiй
Въ отборныхъ, ласковыхъ словахъ
И далъ мнѣ пять стихотворенiй
Длл помѣщенья въ альманахъ.

* * *

Еще фактъ: въ бѣдствiи суровомъ,
На всю литературу золъ,
Я *по обѣту* съ Шевыревымъ
Латинскiй сборникъ перевелъ.
Нашъ трудъ навѣрно-бъ крысы съѣли,
Когда-бъ не онъ опять,—и вотъ
Нашъ сборникъ достигаетъ цѣли
И изданъ на казенный счетъ.

* * *

Еще-ль поэтъ онъ не великiй?
Еще-ли мало фактовъ вамъ?
Еще-ль не смолкнетъ голосъ дикiй
Противъ него то здѣсь, то тамъ?

* * *

Довольно, мы играли въ жмурки
Въ литературѣ столько лѣтъ.
Какъ счетъ годамъ проводятъ Турки
Съ тѣхъ поръ, какъ древнiй Магометъ
Въ Медину перешелъ изъ Мекки,
Такъ мы съ Бѣлинскаго статей
Ведемъ имъ счетъ до нашихъ дней
Вплоть до Кускова и Громеки.

* * *

Но можно-ль вѣрить въ приговоръ,
Которымъ всѣхъ встрѣчалъ Бѣлинскiй?
Вѣдь имъ осмѣяны въ позоръ
И Бенедиктовъ и Марлинскiй!

Кому не пѣлъ онъ похоронъ?
Кому не совершалъ поминки?
Не признавалъ Мильтона онъ,
Ни Данта, ни таланта Глинки.

* * *

Я помню, какъ онъ намъ кричалъ:
«*Тамъ только право, гдѣ есть сила*»;
Меня, и всѣхъ не признавалъ,
Кто шелъ путемъ славянофила.
Онъ злобенъ былъ, и часто.... пустъ,
И только вѣтренныхъ мальчишекъ
Дивилъ огонь безцѣльныхъ вспышекъ
Философа изъ третьихъ устъ.

* * *

Внемлите-жъ, вѣка прогрессисты:
Бѣлинскій намъ ужъ не указъ, —
Иначе всѣ вы — фетишисты
Безъ сердца, безъ ума, безъ глазъ...
Кричите жъ!.. я самоувѣренъ...
Пусть свистомъ встрѣтится мой спичъ:
Пріученъ къ брани и обстрѣленъ
Наукѣ преданный москвичъ.
Вашъ юморъ слабъ въ нападкахъ хилыхъ,
Смѣшонъ и глухъ беззубый хоръ,
И *ужъ не желчь бьетъ въ вашихъ жилахъ,*
А лимфы жиденькій растворъ.

Въ концѣ того мѣсяца всѣ мы думали, что дѣло Камня Виногорова, поднявшее пыль столбомъ въ нашей журналистикѣ и вызвавшее противъ себя совершенно понятный общій крикъ негодованія — есть дѣло рѣшеное и положенное въ архивъ,—не тутъ то было. Русскій Вѣстникъ, прервавъ долгій обѣтъ молчанія и полемическаго воздержанія, снова выводитъ этого злосчастнаго фельетониста на сцену и повѣстью о его крушеніи начинаетъ новый отдѣлъ своего журнала. Но что-же можетъ говорить этотъ передовой московскій журналъ по поводу Виногорова послѣ того, что было о немъ писано повсюду? Повторять зады неловко и скучно, — нужно сказать что нибудь новое — вотъ въ чемъ вопросъ!

Сказать что нибудь новое, поразить новинкой и неожиданностью мысли, заставить говорить о себѣ—вотъ задача, которая увлекаетъ теперь многихъ—отъ Погодина, стрѣляющаго въ бюстъ Бѣлинскаго, до Гымалэ, увѣряющаго что ходить за сохой и гулять по Невскому проспекту одно и то же. Вѣдь не скажи Гымалэ такой фразы—никто бы и не зналъ этого борзописца: лавры Герострата упоительны...

Голосъ «Русскаго Вѣстника» дѣйствительно обратилъ на себя вниманіе, обратилъ уже потому одному, что раздался и отозвался на тѣ вопросы, о которыхъ онъ постоянно хранилъ гробовое молчаніе. И вдругъ,—какъ въ самомъ дѣлѣ не придти въ изумленіе?—этотъ органъ мудрости и величія, органъ съ англійской складкой, поучавшій насъ и толковавшій

Лишь о матерьяхъ важныхъ,
Объ Англіи и камерахъ присяжныхъ,

снизошелъ до насъ, до нашихъ мелкихъ дрязгъ и скандальчиковъ и началъ тоже *посвистывать*, и притомъ какъ посвистывать?... Русскій Вѣстникъ—какъ древній русскій богатырь, покидающій свое бездѣйствіе только въ критическія минуты битвъ, явился въ то время, когда отечественной словесности грозила страшная бѣда и опасность. Но гдѣ же опасность? Развѣ намъ грозитъ нашествіе Вандаловъ, колосальное передвиженіе народовъ или милліонныя полчища Китайцевъ?—Нѣтъ, хуже этого—восклицалъ Русскій Вѣстникъ: остерегитесь! *Свистокъ идетъ! Свистокъ идетъ*!... Отечество гибнетъ! литература погибаетъ! Горе, горе!...

И московскій богатырь всталъ и поднялъ свою палицу и пошелъ войной на полчища свистуновъ за избіеніе Камня Виногорова.

Вотъ въ томъ-то и великая сила мудрости — умѣть заступиться за Виногорова и не по принципу мракобѣсія Домашней Бесѣды, а во имя прогресса и *высшей* эманципаціи. Русскій Вѣстникъ дѣло повернулъ такъ, что, по его мнѣнію, Камень Виногоровъ выходитъ гораздо гуманнѣе и правѣе всѣхъ своихъ протестантовъ. Медаль повертывается такъ: Камень Виногоровъ—прогрессистъ, свистуны же съ своими протестами—обскуранты.

«Бѣдная, жалкая литература! восклицаетъ ученый журналъ: вѣдь тебя губятъ эти свистуны, эти школьники! О чемъ кричали они? Такъ Цицеронъ не громилъ Катилины, такъ Демосѳенъ не гремл

противъ Филиппа, какъ Михайловъ казнилъ бѣднаго фельетониста. Вѣдь камешки, брошенные Камнемъ Виногоровымъ — *ни куда бы не долетѣли, и которыхъ никто бы не замѣтилъ, еслибъ не гаркнула вся эта стая, спущенная г. Михайловымъ.*

Русскій Вѣстникъ такъ обиженъ въ этомъ дѣлѣ, что потерялъ свою Олимпическую солидность и не скупится на крупныя выраженія, вѣроятно позабывъ древнюю пословицу: Юпитеръ! ты сердишься—значитъ ты не правъ.

Но ему теперь не до солидности, не до приличія выраженій:

Онъ, забывши санъ Юпитера,
Строгій видъ,
Свистунамъ изъ града Питера
Самъ свиститъ.

Подъ охраной московскаго Юпитера Камень Виногоровъ совершенно оправдывается.

Пусть, говоритъ онъ, Виногоровъ сдѣлалъ грубость женщинѣ, — но тутъ онъ поступилъ какъ эманципаторъ; *его грубость есть плодъ эманципаціонныхъ ученій, въ его грубости скрыта идея о новыхъ правахъ женщины, только выраженная не фразами, а фактически.*

— Какъ? значитъ можно дѣлать женщинѣ грубости, только за то, что она рѣшилась публично читать «Египетскія ночи»?

— Можно! гремитъ Юпитеръ съ облака: можно потому, что женщина, рѣшившаяся пользоваться совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно —женскаго положенія.

— Какія же это особенности женскаго положенія, г. Юпитеръ?

— А тѣ, грозно восклицаетъ онъ, что женщина не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того *особаго уваженія*, той деликатности, на которыя имѣетъ права женщина, оставаясь *въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ* (какое же это высшее и привилегированное положеніе женщины?), котораго никто у ней не оспариваетъ, которымъ напротивъ всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины *эманципаторовъ съ грязными руками.*

Боже мой! сколько громкихъ фразъ! По мнѣнію Юпитера только съ женщинами неэманципированными можно обращаться съ уваже-

ніемъ и съ деликатностью, а женщины, добивающіеся мужскихъ правъ, вызываютъ на однѣ грубости!!. Очень поучительно.

Къ привилегированнымъ правамъ женщины, о которыхъ говоритъ Юпитеръ, мы еще перейдемъ послѣ, а теперь для большей образности передадимъ въ стихотворной формѣ—ужъ за одно отвѣчать намъ свистунамъ—его плачъ о Камнѣ Виногоровѣ, съ исторической вѣрностью:

Плачъ Юпитера

НА ХОЛМАХЪ МОСКВОРѢЦКИХЪ.

Словно погостъ—поле русской словесности,
Гдѣ вы—прозаикъ? поэтъ?
Есть балаганы, свистки,—только честности
Нѣтъ.

—

Праздности гаеры, мысли невольники,
Чуждъ намъ науки вопросъ;
Стòимъ мы всѣ, какъ уѣздные школьники,
Лозъ.

—

Въ оргіяхъ пляски и смѣха скандальнаго
Корчитъ шута прогрессистъ,
Только и слышенъ съ помоста журнальнаго
Свистъ.

—

Время-ль возьмешь, Современника нумеръ-ли —
Выпадутъ просто изъ рукъ,
Всѣ благородныя мысли такъ умерли
Вдругъ.

—

Только лишь радуетъ, душу всѣмъ трогая,
Неустающая течь,
Русскаго Вѣстника ясная, строгая
Рѣчь.

—

Чѣмъ же встрѣчаютъ всѣ гласность суровую?
Что возбуждаютъ умы?

Заняты Пермской мадамъ Толмачевою
Мы.

—

Ярый защитникъ эманципаціи
Литературный Камбекъ
Предалъ проклятью за женщину націи
«Вѣкъ».

—

Такъ Цицеронъ не шумѣлъ съ Катилиною,
Такъ Демосѳенъ не гремѣлъ,
Какъ русскій Милль, съ рѣчью, злобой палимою
Пѣлъ.

—

Въ общемъ недугѣ гуманнаго норова,
Всѣ за принципъ ополчась,
Дерзко кидали въ статью Виногорова
Грязь.

—

Жертвою времени, свиста и пошлости,
Грозный поднявши скандалъ,
Сей юмористъ отъ невинной оплошности
Палъ.

—

Въ мутныхъ и темныхъ волнахъ обличенія,
Мертвый, безъ признака силъ,
Трупъ Виногорова въ корчахъ мученія
Плылъ,

—

Плылъ, и принесъ — словно силой кудесника
Прямо въ Москву его валъ,
И — трупъ у лѣстницы «Русскаго Вѣстника»
Сталъ.

—

Дрогнулъ отъ ужаса «Вѣстникъ» нервически,
Новый открылъ вдругъ отдѣлъ
И чей-то гласъ раздался олимпически
Смѣлъ.

—

Съ видомъ величія, съ злобою ярою
Проклялъ нашъ свистъ и трезвонъ,

И прогрессистовъ казнилъ лютой карою
Онъ.

—

Лишь къ Виногорову рыцарь карающій
Не былъ безжалостно слѣпъ
И перенёсъ его трупъ умиляющій
Въ склепъ.

—

Московскій Юпитеръ, разгромивъ свистуновъ—эманципаторовъ за истязаніе Камня Виногорова, вдругъ грозно обращается къ русскимъ женщинамъ.

Онъ рекъ—и ужасъ ихъ объемлетъ
И страхомъ дрогнули сердца...

Разыгрывается ужасная сцена. Покинувъ облако и Олимпъ, Юпитеръ быстро спустился въ общество земныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ корсетъ и кринолинъ и читающихъ статьи Михайлова «о женщинахъ.»

Грянулъ громъ, сверкнула молнія и раздалось юпитерское слово:

— Чего вы хотите, смертныя? О какихъ правахъ мечтаете? Права женщины! Да какихъ правъ вамъ еще надобно? Въ салонѣ вы—царицы, дома—хозяйки. Чего жъ вамъ больше? Женщины, требующія себѣ мужскихъ правъ, лишаются общаго уваженія.

Внимающій хоръ русскихъ женщинъ пораженъ, удивленъ рѣчью Юпитера. Каждая изъ нихъ не можетъ себѣ представить, какъ такая почтенная особа, какъ Юпитеръ, внушаетъ имъ то, что онѣ уже давно слышали отъ своихъ брюзгливыхъ наставниковъ и менторовъ. Вспомнили онѣ, какъ ихъ послѣдніе учили—скромности и повиновенію, учили потуплять глазки, меньше мыслить и имѣть только два выхода въ жизни: съ одной стороны — салонный блескъ и мишурный почетъ, въ сущности оскорбительный, а съ другой стороны—міръ кухни, міръ домашняго хозяйства. Все это онѣ уже давно слышали, и вдругъ теперь самъ мудрый Юпитеръ говоритъ имъ тѣ же самыя вещи.

Дамы изумлены и снова прислушиваются къ словамъ олимпійца. Послѣдній, продолжая защищать Виногорова, продолжаетъ:

— Женщина, рѣшившаяся публично читать «Египетскія ночи» Пушкина и явиться въ чтеніи сценической артисткой предъ публикой—достойна осужденія за свою нескромность: это неоспоримо. Вашъ от-

купной знаменитый мыслитель В. Кокоревъ сказалъ, — я слышалъ, что въ дѣлахъ коммерціи должна быть тайна, я же скажу, что женская скромность тоже обязываетъ женщину къ тайнѣ и она не должна въ публичномъ чтеніи «оттѣнять значеніе каждой мысли и каждой картины поэта»,.. изъ стыдливости.

— Отчего же не скромно прочесть женщинѣ публично такое художественное произведеніе, какъ «Египетскія ночи»? рискнула спросить одна изъ смѣлѣйшихъ слушательницъ.

— Отчего? загремѣлъ Юпитеръ: оттого, что это *неприлично*, что это нарушаетъ *общественныя приличія*, милостивая государыня! Не соблюдая ихъ, мы нарушаемъ законы разума.... Да-съ — *неприлично, неприлично* (*)!...

Дамы и дѣвицы снова изумлены: онѣ невольно при этомъ вспомнили своихъ маменекъ и тетушекъ, пѣвшихъ имъ о томъ, какъ необходимо «*въ нынѣшнемъ свѣтѣ держать себя прилично*» и составившихъ имъ цѣлый кодексъ поступковъ *неприличныхъ*, какъ напр. хожденіе безъ перчатокъ, разговоровъ tête-à-tête съ мужчиной и т. п.

Еслибъ я присутствовалъ на лекціи Юпитера въ пользу русскихъ дамъ, то непремѣнно бы предложилъ его олимпійскому превосходительству слѣдующій вопросъ: если онъ осуждаетъ чтеніе «Египетскихъ ночей» женщиной, то къ какому разряду, къ *приличному* или *неприличному* отнесетъ онъ одно стихотвореніе Г. К. Павловой, постоянной сотрудницы Русскаго Вѣстника, стихотвореніе съ весьма нескромными намеками. Приведу изъ него отрывокъ:

Люблю я васъ, младыя дѣвы,
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясные напѣвы
Еще невѣдующей Евы
Люблю таинственные сны....
У всѣхъ (*т. е. у женщинъ*) *средь жизненной неволи*
Была мечта одна и та-жъ... (какая же?)
Но мы, *познавъ земныя доли,*
Мы, *въ коихъ смолкла жажда боли*
И присмирѣла сердца блажь,
Мы и. т. д.

(*) См. Русскій Вѣстникъ № 3, Литер. Обозр., стр. 36.

Вѣроятно, московскій Юпитеръ намъ и отвѣчать бы не сталъ на такой вопросъ и крикнулъ бы еще, пожалуй: молчать, свистуны!

Завершу теперь свой эскизъ легенды о московскихъ олимпійцахъ отрывкомъ изъ элегіи вмѣсто эпилога къ своему сказанію.

Такъ московскій конгрессъ
Выметалъ нашъ прогрессъ
Съ сором,
Ненавидя скандалъ,
Самъ враговъ вызывалъ
Къ ссорамъ.
Такъ въ апрѣльскіе дни
Собирались они
Вмѣстѣ,
И грозили всѣмъ намъ,
Возстающимъ за дамъ,
Въ мести.
Въ озлобленьи своемъ,
Намъ грозя лезвеемъ
Стали,
Женщинъ русскихъ пугать,
Дисциплину внушать
Стали.
Говорила Москва:
Для чего вамъ права?
Гдѣ вы?
Мужъ — для васъ властелинъ,
Кухня — вамъ карантинъ,
Дѣвы!
Предоставьте *служить*,
Думать, мыслить и жить
Намъ-ужъ,
Вамъ-же только одно:
Выходить суждено
Замужъ.
Не журналъ, не «Пчелу»,
Вы возьмите иглу
Въ пальцы,
Позабывъ о правахъ.
Вы глядите въ углахъ
Въ пяльцы;

Тѣ приличья, что свѣтъ
Нашепталъ вамъ въ совѣтъ —
Чтите,
Не мѣшайтесь съ толпой,
И невинной душой
Спите.
Такъ въ апрѣльскіе дни
Говорили они
Хоромъ,
И внималъ полкъ дѣвицъ
Имъ, съ опущеннымъ ницъ —
Взоромъ.

Лучшимъ и полнымъ представителемъ всѣхъ недовольныхъ тѣмъ отрицательнымъ направленіемъ, которое отразилось въ нашей журналистикѣ можетъ служить докторъ и ординарный профессоръ Панезицъ, высказавшій откровеннѣе и яснѣе свой протестъ противъ нещадящаго обличенія и насмѣшки надъ всѣмъ пошлымъ и мелкимъ въ жизни. Знаете-ли, господа, вы доктора Панезица и его знаменитое сочиненіе: «*Западные европейцы и русскіе?*» Этотъ ученый докторъ никакъ не можетъ понять насмѣшки во имя любви и правды, не можетъ понять, какъ можно бывшимъ русскимъ, находить темныя стороны въ собратіяхъ своей родины. Напримѣръ, кто изъ насъ не пойметъ, прочитавъ слѣдующее объявленіе, опубликованное имъ по поводу выхода въ свѣтъ его книги? кого хочетъ поразить ударомъ авторъ «Западныхъ европейцевъ.»

«И нынѣ еще, — пишетъ сей ученый профессоръ, — встрѣчаются, къ сожалѣнію, такіе люди русскаго имени, которые находятъ страннымъ, смѣшнымъ говорить что нибудь доброе о русскомъ народѣ. Но лучше быть смѣшнымъ въ кругу такихъ безумцевъ, щеголяющихъ предъ чужими своею безсмысленностью, чѣмъ поддѣлываться къ нимъ молчаливымъ согласіемъ съ ними въ уничиженіи того, что священно для души человѣческой. Священны для всякаго его религія, отечество и совѣсть. И для всякаго русскаго священно его отечество, русскій народъ вообще, въ полнотѣ его организаціи. И кто изъ русскихъ позволяетъ открыто уничижать его, въ томъ омрачено чувство къ свя-

щенному и господствующій тонъ большаго свѣта не отверзетъ ему духовнаго зрѣнія и не избавитъ отъ проклятія въ потомствѣ. Въ бытность Ѳемистокла при дворѣ Артаксеркса придворные Персы злословили при немъ его соотечественниковъ и хотѣли слышать и отъ него подтвержденіе своего злословія. Великій человѣкъ отвѣчалъ имъ, говорятъ, сими словами, очень поучительными и для насъ русскихъ: «*Господа! какъ честный человѣкъ, не могу же я думать, чтобы тотъ народъ, изъ котораго я самъ выродился, былъ безчестный народъ: истина непреложная! Если я этой истины не понимаю, то я глупецъ; если же я ее понимаю, но не принимаю, то я п...ецъ: середины нѣтъ.*» (М. В. № 47) Изъ скромности докторъ Панезицъ послѣдняго слова прописать не рѣшился.

Послѣ рѣчи доктора Панезица съ цитатой изъ Ѳемистокла, намъ уже понятной дѣлается грозная анаѳема, вышедшая изъ устъ г. Громеки. Слушайте, господа свистуны, слушайте и трепещите. Вотъ негодующее краснорѣчіе, доходящее до поэзіи:

«Мы поражены духомъ мрака, внезапно охватившимъ нашу журналистику, едва-было начавшую поправляться въ своемъ здоровьи. Живой говоръ, молодое увлеченіе, жизнь полная надеждъ, горячая борьба— все это мало по малу замерло, замолкло и уступило мѣсто духу отрицанія, безмолвно (?) воцарившемуся въ литературѣ подъ личиною *шутки*. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ русской литературы отъ этой невинной шутки... На развалинахъ увлеченій (вотъ такъ краснорѣчіе! вѣроятно авторъ говоритъ здѣсь объ увлеченіяхъ Вышневолоцкаго барина, избившаго въ вагонѣ Нѣмку, или петербургскаго зодчаго, праздновавшаго недавно освобожденіе крестьянъ терзаніемъ извощика), мало по малу, воздвигся мрачный жертвенникъ, у котораго собрались вылѣзшія изъ щелей мошки и букашки и, взявшись за руки, занялись свистопляской и другими современными искуствами. Мы съ удивленіемъ смотрѣли на эту вальпургіеву ночь, которую иные величали зарею будущаго возрожденія литературы»....

Вотъ что значитъ задѣтая амбиція!.. Не попадись имя г. Громеки въ Свистокъ, не скажи какой-то безнравственный поэтъ въ Искрѣ, что

Громека мнѣ отдалъ свой синій картузъ
Въ тѣ дни, когда снялъ эполеты,

и «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» русской журналистики не тревожилъ бы сонъ озлобленнаго лѣтописца...

Sed alia tempora!

Никого не запугаютъ теперь эти проклятія и не заставятъ упиваться стихами Кускова или Куку, усыпляющей прозой какого-то «празднoшатающагося» и хромыми элегіями г. Розенгейма, поощряющаго русскій прогрессъ... Только досадно видѣть, что такія имена, какъ имя Громеки, становятся на ряду съ героями мракобѣсія и бездарности. Попалась напр. намъ недавно книженка какого-то П. Горскаго, одержимаго неизлечимою болѣзнью стихоложства и сильно протестующаго противъ современнаго положенія вещей. Въ предисловіи къ своему роману въ стихахъ, онъ докладываетъ, что ему *противны новые стихи*, что

Ихъ юморъ жиденькій, наивный,
Съ какимъ такъ приторно острятъ
Листки, журналы и газеты
И ихъ бездарные поэты
Все на одинъ и тотъ же ладъ...

Новый стихокропатель, благоговѣя предъ пороками, восклицаетъ:

И ты, писатель, тѣмъ смѣшонъ,
Что всѣхъ безплодно укоряешь:
Пороки наши —это слонъ,
А ты на нихъ какъ моська лаешь.

Послѣ такой татарской выходки, апраксинскій *паэтъ* начинаетъ, по его собственному выраженію, «*несвязный рядъ своихъ замѣтокъ*». Это, покрайней мѣрѣ искренно: собственное сознаніе уменьшаетъ половину вины.

Стиховное юродство этого Горскаго обратило на себя наше вниманіе потому, что оно есть повтореніе и откликъ той недовольной партіи, которая спитъ—и видитъ эту вальпургіеву ночь свистопляски. Куда-какъ пріятно имѣть своимъ представителемъ такого піиту, какъ этотъ Горскій!...

Въ теченіи послѣднихъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ у насъ стали какъ-то мало говорить объ Аскоченскомъ, стали забывать его и это никого такъ сильно не огорчало, какъ самого Аскоченскаго. Причина

*

понятная: смотря на дѣло журнальное, съ точки лавочника, не пренебрегающаго никакими средствами къ достиженію своихъ практическихъ цѣлей, Аскоченскій, расчитывая на скандалъ, явился у насъ органомъ аскетизма и ретроградства. Вѣдь при такой сильной конкуренціи прогрессивныхъ журналовъ—нельзя было ручаться за успѣхъ новой прогрессивной газеты, ну, онъ и сталъ поборникомъ неподвижности, сильно надѣясь во первыхъ на скандалъ, а во вторыхъ на помощь людей — обскурантовъ, которыхъ у насъ еще, къ несчастію, цѣлый легіонъ. Аскоченскій началъ изъ всѣхъ силъ хлопотать о томъ, чтобъ о немъ говорили: ругали, да говорили. Прежде всего, какъ могильный червякъ, онъ бросился на мертвыхъ и началъ надъ ними свое пошлое причитаніе. Умеръ, напр. Амосъ Шишкинъ, молодой поэтъ съ признаками несомнѣннаго дарованія, Аскоченскій какъ воронъ закаркалъ надъ его могилой, особенно озлобленный на Амоса Шишкина за то, что онъ одно свое стихотвореніе закончилъ такъ:

Это видѣли три Ваньки,
Баба, шедшая на рынокъ,
И редакторъ Аскоченскій,
Возвращавшійся съ поминокъ.

Умеръ нашъ незамѣнимый комикъ Мартыновъ,—редакторъ Домашней Бесѣды давай потѣшаться надъ его похоронами и храмомъ Мельпомены. Схоронили наконецъ Шевченку, — Аскоченскій заплясалъ и надъ его могилой, потѣшаясь надъ общимъ негодованіемъ нашихъ газетъ и журналовъ. Цѣль была достигнута — о немъ говорили, а онъ только этого и желалъ, предвидя подписку на свою отвратительную газету.

Когда о немъ наконецъ перестали почти говорить, Аскоченскій пригорюнился и пустился на всѣ возможныя уловки, чтобъ о немъ снова заговорили. Вдругъ, наконецъ, по поводу одной замѣтки, напечатанной въ Домашней Бесѣдѣ, гдѣ Аскоченскій предаетъ проклятію профессора московскаго университета Н. А. Сергіевскаго,—въ Московскихъ Вѣдомостяхъ появляется протестъ, за подписью 26 человѣкъ профессоровъ и ученыхъ. Аскоченскій торжествовалъ и написалъ дерзкій отвѣтъ протестующимъ ученымъ. «А мы–то–было притихли», говорилъ онъ: и вовсе отказались заявлять апологіи, которыя ежедневно сыплются къ намъ со всѣхъ концевъ Руси Православной, въ защиту Домашней Бесѣды, да не за подписью только 26 человѣкъ, а далеко

побольше. Впрочемъ не въ числѣ дѣло, а въ сущности дѣла. Еслибы защитниковъ современности нашлось въ 666 разъ больше, (кому неизвѣстенъ символическій смыслъ 666-ти,) то и тогда бы мы не усомнились стоять до послѣдняго издыханія за свои принципы.....»

Вотъ и пишите послѣ этого протесты противъ такого юродиваго, котораго не поразитъ, а только утѣшитъ тотъ фактъ, что цѣлая фаланга русскихъ ученыхъ серьезно становится съ нимъ въ опозицію. Вѣдь въ Домашней Бесѣдѣ нѣтъ ни одного слова, за которое не слѣдовало-бы позвать къ суду ея наглаго редактора... Есть мѣдные лбы, отъ которыхъ все отскакиваетъ.... Міазмы Домашней Бесѣды не прекратятся до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать и находить себѣ читателей и сотрудниковъ.

Къ моему искреннему прискорбію я никогда не видалъ Аскоченскаго— наяву, но во снѣ видѣлъ, и не разъ. Пожалуй, даже одинъ изъ сновъ своихъ я припомню теперь.

Сонъ.

Въ осенній день, на кожаномъ диванѣ
Съ зѣвотой злой недвижно я лежалъ.
Билъ въ стекла дождь пронзительный въ туманѣ,
И вѣтеръ псомъ голоднымъ завывалъ.

—

Лежалъ одинъ я на холодномъ ложѣ,
Дремала старая кухарка надъ клубкомъ,
Забывъ чулокъ,-и задремалъ я тоже,
И вдругъ уснулъ, уснулъ тяжелымъ сномъ.

—

И снился мнѣ вдали погостъ Смоленскій,
Декабрскій день—процессія—сугробъ,
Обвитый терніемъ несли сосновый гробъ
И въ томъ гробу—редакторъ Аскоченскій.

—

Печальныхъ лицъ за этимъ гробомъ нѣтъ,
Иныхъ друзей нѣтъ, кромѣ Дороѳея,
Да съ вышины, незримо, мрака Фея
Кропитъ слезой безжизненный скелетъ.

—

Такъ снился мнѣ вдали погостъ Смоленскій,
Сугробъ,—туманъ и солнце безъ лучей,
Въ гробу лежалъ недвижно Аскоченскій
И провожалъ его лишь Дорофей.

Мы уже не разъ говорили о томъ, что въ дѣлѣ обличенія нужно какъ можно быть осторожнѣе и не заговариваться до клеветы и напраслины. У насъ всюду крайности: или предадутъ проклятію каждую обличительную статью и стихотвореніе, или же пойдутъ сами свистать надъ чѣмъ ни попало, что первое подъ руку попадется и выйдутъ изъ границъ всякаго литературнаго приличія. Разительный примѣръ тому—«юный топтатель» начавшій обличать въ С. П. Вѣдом. и съ первыхъ же словъ своихъ попавшій въ просакъ. Этотъ «топтатель», въ своей статьѣ выдавалъ *за вѣрное, за несомнѣнное*, что будто бы *два господина* К. и А. *служащіе въ военной службѣ*, взявшись дирижировать благороднымъ спектаклемъ въ пользу семейства одного умершаго знаменитаго артиста, не отдали его вдовѣ полнаго отчета съ деньгами, полученными съ сбора. Не узнавши хорошенько въ чемъ дѣло, юный топтатель вознегодовавъ на поступки господъ К. и А., воскликнулъ:

Браты топтатели камней и плитъ,
Кто собираетъ всѣ вѣсти!
Пусть хоть словечкомъ меня подаритъ
Въ дѣлѣ участья и чести.
Пусть намекнетъ иль укажетъ слегка
Путь къ разрѣшенью законный:
Кто этотъ наглый таинственный К.
Кто этотъ А. беззаконный?...

Что же оказывается? Что люди, которыхъ такъ нагло оскорбилъ «Топтатель», люди примѣрной честности, освѣщавшіе залу благороднаго спектакля на свой счетъ и виновные во всей этой исторіи только тѣмъ, что не могли разомъ собрать деньги за розданные билеты, а это, какъ извѣстно, не совсѣмъ у насъ легко. Юный же топтатель, положившись на одни только слухи, спѣшилъ *обличить* дирижеровъ спектакля и предать общественному посмѣянію. Такъ какъ эта исторія сдѣлалась гласной и бросала тѣнь на господъ К. и А. (Качаловъ и

Аничковъ), то они спѣшили печатно снять съ себя клевету и потребовать отъ «топтателя» отвѣта за его неосновательныя обвиненія и дерзкія выраженія. И что же отвѣчалъ на это обличитель? Онъ перепугался и трепещущимъ голо́скомъ сталъ увѣрять, что онъ не о г.г. Качаловѣ и Аничковѣ писалъ, и вольно же имъ принимать на себя литеры А. и К. Вотъ такого рода обличенія и безчестныя увертки дѣйствительно возмутительны.

Кто-жъ этотъ наглый топтатель такой?
Кто этотъ трусъ-обличитель?

Несмотря на требованія оскорбленныхъ объявить его имя, топтатель спрятался и не смѣетъ больше являться на страницахъ Вѣдомостей. Хорошъ обличитель, отрекшійся отъ своего обличенія!...

Кстати объ отреченіяхъ.

Недавно, въ одной московской газетѣ былъ помѣщенъ весьма курьезный протестъ князя Юрія Оболенскаго, протестъ самаго комическаго содержанія. Видите-ли въ чемъ дѣло: Кн. Оболенскій, вернувшись изъ Петербурга, вдругъ узнаетъ, что о немъ распущена по городу ужасная молва, будто бы, въ день объявленія манифеста, онъ, за ужиномъ въ трактирѣ Самарина, *неистово плясалъ, обнимался съ половыми и отказывался отъ того сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію.* Оскорбленный до глубины души клеветой, кн. Оболенскій протестовалъ противъ такой нелѣпости молвы. Но вотъ что странно и непонятно: пустая и ничтожная сплетня, бродившая въ небольшомъ московскомъ кружкѣ знакомыхъ Оболенскаго, оскорбила его. Что же онъ сдѣлалъ теперь своимъ протестомъ? Не желая, чтобъ о немъ ходили такіе слухи, онъ самъ своей публикаціей распространяетъ ее повсюду. Не будь протеста, никто бы и не зналъ, что есть такой Оболенскій, о которомъ прошла такая молва, а теперь по всей Россіи разнеслось по милости самого князя сплетня о его похожденіяхъ въ самаринскомъ трактирѣ, объ обниманіи съ половыми, и пр. и пр. Кто-жъ виноватъ теперь?

Наконецъ, говоря о самой молвѣ, тоже непонятно дѣлается, отчего она такъ сильно уколола К. Оболенскаго? Чѣмъ обидна она? Допустимъ, что онъ точно былъ въ трактирѣ и цѣловался съ половыми. Неужели это такъ оскорбительно? Будто половаго и поцѣловать нельзя, Кн. Оболенскій, и даже одинъ слухъ объ этомъ васъ коробитъ?

Знаете-ли вы, что ваше отреченіе отъ этихъ поцѣлуевъ уже воспѣто кѣмъ-то въ Москвѣ въ стихахъ и положено на музыку. Эти стихи я знаю. Вотъ они:

Гласное самоотреченіе.

Не вѣрь въ распущенный скандалъ,
О, Русь!
Я съ половыми не плясалъ,
Клянусь!
Придя въ трактиръ, я сѣлъ въ кружокъ
Друзей,
И былъ умѣренъ, сколько могъ,
Ей-ей!
Душа, безъ помысловъ дурныхъ,
Чиста,
Не лобызалъ я половыхъ
Въ уста,
И измѣнить своей роднѣ
Не могъ:
Тому свидѣтель будетъ мнѣ
Самъ Богъ:
Какой же поводъ далъ я—къ сей
Молвѣ?
Кто распустилъ ее по всей
Москвѣ?

Что же касается послѣдняго обвиненія,—что кн. Оболенскій отказался отъ того сословія, къ которому принадлежалъ по рожденію», то оно для насъ совершенно непонятно. Какъ отказался? Можно ли оправдываться отъ такой нелѣпости? Вѣдь отказаться отъ сословія — все равно, что отказаться отъ своего пола, потому что то и другое не въ нашей воли. Это все равно, что еслибы кто нибудь пустилъ бы обо мнѣ молву, будто бы я отрекся отъ званія мужчины и назвалъ себя женщиной, а я, узнавъ объ этомъ, началъ бы печатно увѣрять всѣхъ, что это неправда, что я, дескать, господа—мужчина, ей Богу мужчина!...

Впрочемъ, мы знаемъ одинъ случай, гдѣ дворянина не признали дворяниномъ и на нѣкоторое время исключили изъ этого сословія. Че-

го на свѣтѣ не бываетъ! Вотъ какъ это случилось. Далеко-далеко, близъ самой Азіи, и именно въ Оренбургѣ, Г. Ѳ. Лобысевичъ, *дворянинъ*, юнкеръ конной артиллеріи, *былъ записанъ* въ половинѣ ноября прошлаго года кандидатомъ въ члены тамошняго благороднаго собранія. Но вдругъ въ январѣ 1861 года его къ балотировкѣ въ члены не допустили, несмотря на то, что онъ уже былъ кандидатомъ.

— По какой же логикѣ послѣдовало такое *недопущеніе?*

На это отвѣчали такъ: тутъ логики нѣтъ, а есть одинъ § 1 правилъ собранія, который говоритъ, что членами могутъ быть: дворяне, чиновники, купцы и извѣстные артисты. *По смыслу* (?) этого правила, юнкеръ Лобысевичъ, какъ *нижній чинъ*, не можетъ быть допущенъ къ балотировкѣ въ члены впредь до производства въ первый офицерскій чинъ и исключается изъ списка кандидатовъ.... И такъ, по смыслу мудрыхъ правилъ оренбургскаго дворянскаго собранія—юнкеръ изъ дворянъ не есть дворянинъ.

Послѣ такихъ примѣровъ, пожалуй, даже можетъ случиться, что иному мужчинѣ придется серьезно доказывать, что онъ не женщина. Вѣдь было же одно дѣло, на заголовкѣ котораго написано такъ: «Дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василія въ женскій полъ». Для незнающихъ припомнимъ этотъ случай, напечатанный въ одной изъ нашихъ газетъ. У одного крестьянина родилась дочь, которую онъ хотѣлъ назвать Василисой, но которая *по ошибкѣ* была внесена въ метрику подъ именемъ мальчика Василія. Время шло; крестьянинъ, хоть и зналъ объ этой ошибкѣ, но мало за нее безпокоился. Но когда онъ понялъ, что скоро падетъ на его домъ рекрутская очередь и подушныя, тогда онъ объявилъ о томъ головѣ и становому. Имъ это дѣло показалось очень мудренымъ, и они отказали просителю на основаніи того, что онъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Мужикъ подалъ прошеніе набольшему начальству. Набольшее начальство назначило торжественное освидѣтельствованіе этого мальчика женскаго пола медикой и повивальной бабкой.... Тутъ началась длинная переписка, дѣло длилось годы и дѣвочку чуть ли не оставили въ подозрѣніи мужскаго пола....

Кстати ужъ приведу здѣсь весьма любопытные заголовки двухъ дѣлъ, открытыхъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ лѣтъ десять тому назадъ.

«Дѣло о пропажѣ пятнадцати верстъ земли».

«Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостнаго правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами».

Но возвратимся къ явленіямъ текущимъ нашего времени. Оно вѣдь тоже не скупо на разныя диковины.

Въ одномъ губернскомъ благородномъ собраніи (въ какомъ именно, къ сожалѣнію неизвѣстно), при выборѣ въ старшины, нѣкій шефъ, оскорбленный вмѣшательствомъ въ споръ одного умнаго и образованнаго офицера, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— Смѣете ли вы возвышать здѣсь голосъ? Вы здѣсь—*пришлецы. Мы дворяне* сдѣлали вамъ честь, что допустили сюда....

Офицеръ на это отвѣчалъ очень спокойно, что въ собраніяхъ всѣ члены равны въ правахъ безъ различія званія. Шефъ зарычалъ.... Кончилось тѣмъ, что офицеръ былъ *силою* увлеченъ изъ собранія. Невозможно, говоритъ лѣтописецъ, передать всего, что было....

Тотъ же самый шефъ, уѣзжая изъ собранія по поводу предложенія почетнаго старшинства *одному лицу* — бѣгалъ по залѣ, съ поднятыми кулаками, изрыгая самыя грубыя ругательства всѣмъ, кто только былъ съ нимъ не согласенъ.... Самъ Крейцбергъ вѣроятно не въ состояніи былъ бы усмирить его. Трудно сказать, что могло случиться и до чего бы дошло бѣшенство шефа, еслибы въ припадкѣ бѣснованія онъ не упалъ на полъ.... Хотя *лицо*, большинствомъ голосовъ уже получило званіе старшины, но послѣ такой сцены, прочіе старшины, волнуемые страхомъ, постановили, что *по случаю бывшихъ безпорядковъ* выборы назначаются вновь... Вновь начались, впрочемъ члены (вотъ такъ смѣльчаки!), которые подали просьбу: «поступокъ шефа подвергнуть сужденію собранія». Казалось бы все кончится извѣстнымъ путемъ; по уставу собранія: дерзости и т. п. неприличія непозволительны и нарушители правилъ подвергаются, смотря по важности проступка, или строгому замѣчанію, или выставленію ихъ имени на черную доску или же наконецъ исключенію изъ членовъ клуба. Шефу, по мнѣнію всѣхъ, грозило послѣднее. Но случилось совсѣмъ не такъ. У шефа нашлась *сильная рука*, ему покровительствующая. *Сильная рука* объявила, что она выйдетъ въ отставку, если шефа забалотируютъ. Дѣло кончилось только тѣмъ, что оскорбленному кандидату было *во всеуслышаніе прочитано* публичное покаяніе шефа и спокойствіе водворилось. Все пошло попрежнему:

Забывать всѣ члены стали
Гнѣвъ,
И являлся въ клубной залѣ
Шефъ.

А вотъ еще одинъ фактъ, объясняющій очень остроумно значеніе словъ: *казенныя тяжести.* Изъ одного города въ близь лежащую крѣпость постоянно бываетъ перевозка казенныхъ тяжестей и ведется на сей случай полная вѣдомость. Въ одной изъ такихъ вѣдомостей, въ графѣ: «изъ какого пункта и какія именно вещи отправляются», между прочимъ означено:

Отправлено.

Двѣ солдатки: Осконина и Громова съ двумя дѣтьми.	35	пудовъ.
Писарь госпитальный, съ семействомъ	15	—
Инженерный кондукторъ	7	—
Мастеровой каменьщикъ	7	—
Итого. . .	64	пуда.

Что можно еще прибавить къ этому? Кажется нечего...

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Теперь еще одна—и послѣдняя диковинка. Въ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили курьезное библіографическое извѣстіе. Нѣкто Г. В. Топоровъ, живущій въ Одессѣ, по случаю приближающагося тысячелѣтія Россіи написалъ громадную эпическую поэму, передъ количествомъ стиховъ которой ничтожны Махабгарата и другія санскритскія поэмы. Печатаются двѣ первыя части, каждая отъ 40 до 45 печатныхъ листовъ въ 8-ю долю. Въ двухъ частяхъ—уже болѣе 17 тысячъ стиховъ, хотя написано только еще семь пѣсенъ и седьмая оканчивается Мстиславомъ Удалымъ .. Можно поэтому судить какова будетъ цѣлая поэма. Но дѣло еще не въ томъ, не въ длиннотѣ поэмы. У насъ г. Розенгеймъ, производящій безконечно длинныя стихотворенія, пожалуй можетъ явиться достойнымъ соперникомъ г. Топорова въ плодовитости. Г. Топоровъ, по фамиліи совершенно Русскій, поражаетъ насъ другимъ, и именно тѣмъ, что стряпаетъ свою

историческую поэму... на нѣмецкомъ языкѣ. Поэма его называется «Russland's erstes Jahrtausend».

— Was ist das, г. Топоровъ? Что значитъ ваше предпріятіе? Почему вы хотите воспѣвать десять вѣковъ русской жизни не роднымъ языкомъ, а на нѣмецкомъ діалектѣ? Для насъ это неразгаднная тайна.

По академическому календарю теперь у насъ весна. Весна время цвѣтовъ отдыха и любви. До книгъ-ли теперь читателю?

Весна идетъ! пѣлъ когда-то Тютчевъ; вслѣдъ за нимъ запоемъ и мы:

Весна идетъ!.. Двойныя рамы
Изъ оконъ вынуты давно...
Забыты оперы и драмы,
Стихи, протесты, эпиграммы
Всѣ надоѣвшіе давно.

—

Весна идетъ!.. Опять о дачѣ
Хлопочетъ житель городской-
Тотъ побѣднѣй, тотъ побогаче,
И мебель вновь на тощей клячѣ
Везетъ въ деревню ломовой.

—

Прощай же, добрый мой читатель,
Вплоть до сентябрскихъ поздныхъ дней!
Теперь-ты сельскій обыватель,
А въ сельской лѣни книгу кстати-ль
Читать и хмуриться надъ ней?

—

Нѣтъ, отдохни отъ впечатлѣній,
Отъ всѣхъ общественныхъ затѣй,
Отъ развлеченій, обличеній,
Отъ прозы и стихотвореній
И полемическихъ статей.

—

Забудь зиму, съ ея сезономъ,
Съ ея шумливой суетой,

Газеты съ ихъ брюзгливымъ тономъ,
И наслаждайся моціономъ
И петербургскою весной...

Весна, весна идетъ!.. Когда въ Петербургѣ начинаются невыносимые холода, а по Невѣ идетъ ладожскій ледъ, когда повсюду летаютъ зефиры лихорадокъ, флюсовъ и ревматизмовъ, а на улицѣ то и дѣло встрѣчаются погребальныя процессіи — тогда мы всѣ знаемъ, что весна пришла, май мѣсяцъ наступилъ... Наша весна — это хилая золотушная дѣва, постоянно страдающая зубной болью и носящая фантанель, но мы рады и этой гостьѣ, за неимѣніемъ другой и радостно встрѣчаемъ ее несовсѣмъ здоровые поцѣлуи. Въ нашей поэтической привязанности къ невской веснѣ—есть что-то героическое: чуть только прогляпетъ сквозь туманъ майское солнце, мы тотчасъ спѣшимъ оставить городъ, переѣзжаемъ на дачи, наслаждаться дѣланной природой. Въ кортонныхъ домикахъ безъ печей, безъ всякихъ удобствъ, въ домикахъ построенныхъ на тундрахъ и болотахъ мы жмемся цѣлое лѣто, часто дрожимъ отъ холода и сырости, съ самымъ спартанскимъ терпѣніемъ. И вотъ теперь снова наступилъ этотъ мѣсяцъ общихъ переселеній за городъ, на дачи, гдѣ почтенные жители съ утра до ночи будутъ купаться въ мокромъ воздухѣ Черной рѣчки или Полюстровской деревни. Вотъ что значитъ любить природу во всѣхъ ея проявленіяхъ!...

Весна и ея острый раздражительный воздухъ такъ сильно на насъ дѣйствуютъ, что ихъ вліяніе отражается повсюду и даже — въ литературѣ. Прошлый годъ, съ первыми проталинами на улицѣ раздался цѣлый хоръ юныхъ поэтовъ, запѣвшихъ намъ весеннія пѣсни, о томъ, какъ «весна заныaетъ струной въ груди, а струна дрожитъ весенними звуками; о томъ, какъ у весны

Прорѣзались первые зубы
И первая брызнула зелень.

Нынѣшній годъ, при саркастическомъ направленіи нашей литературы, при томъ всеобщемъ духѣ отрицанія, который Громека назвалъ вальпургіевой ночью мертвящей шутки, мы уже отчаявались услышать новую весеннюю пѣсню, какъ вдругъ среди майскихъ цвѣтовъ одного журнала (см. Отечеств. Записки № 4), раздалось тихое кукованье: куку! куку! Мы право не шутимъ: то былъ дѣйствительно голосъ новаго поэта

Куку, запѣвшаго гимнъ веснѣ... Свѣжихъ голосовъ давно не было слышно и потому къ Куку всѣ обратились съ любопытствомъ, надѣясь встрѣтить въ немъ замѣну музѣ Кускова, Слушали всѣ Куку — и не поняли его кукованья: поняли только, что его поэзія такъ глубокомысленна,

«Что провалишься въ нее».

Впрочемъ все глубокое вдругъ не поймешь. Вотъ напр. стихотвореніе Куку: «слезы кукушки». Близорукіе люди ничего въ немъ не видятъ, а вотъ вчитайтесь, вдумайтесь въ него—такъ непремѣнно какую нибудь богатую мысль найдете. Слушайте:

Слезы кукушки.

На деревѣ плачетъ кукушка,
Все плачетъ она и кукуетъ,
О братьяхъ, о родинѣ милой
Она все тоскуетъ, тоскуетъ.

—

И день и ночь плачетъ кукушка
И плачетъ она и кукуетъ,
Авось таки добрые люди
Ея кукованье почуютъ!

—

Почуютъ ея кукованье,
На горе ея отзовутся:
Пускай же горячія слезы
Не даромъ изъ глазъ ея льются;

—

Но льются пускай на погибель
Всему неразумному, злому,
И будутъ залогами блага
Любимому краю родному.

По нашему мнѣнію въ этомъ стихотвореніи проведена слѣдующая весьма новая мысль—что между кукушками, этими глупыми и дикими птицами, бываютъ кукушки эмансипированныя и даже—патріотки. Дру-

гая же мысль такая—что плачущій человѣкъ—гораздо полезнѣе для общества человѣка смѣющагося, свистоплясκой занимающагося. Понимать вообще впрочемъ можно разно: таковы тёмныя изрѣченія древнихъ оракуловъ....

На слезы эмансипированной кукушки мы отвѣтимъ теперь тоже стихотвореніемъ, въ которомъ ея загадочность почти исчезаетъ.

Куку!

Въ журналѣ кукуетъ кукушка
И всѣхъ допросить она хочетъ,
Зачѣмъ соловей не ворона?
Не шпанская курица—кочетъ?

—

Зачѣмъ, отчего на карачкахъ
Всѣ люди не ходятъ какъ звѣри?
Зачѣмъ у всѣхъ зданій есть окна
И крыши, и печки и двери?

—

Кто выше и лучше на свѣтѣ:
Индѣецъ, Киргизъ-ли, Арапъ-ли?
Зачѣмъ у дождя при паденьи
Не льются кровавыя капли?

—

Такъ мудрые эти вопросы
Кукушку журнальную мучатъ?
Авось-таки добрые люди
Наставятъ ее и научатъ,

—

Научатъ ее и проучатъ,
Чтобъ вздору кукушка не пѣла,
И если ужъ пѣть не умѣетъ,
Нашла-бъ себѣ новое дѣло.

Интересно было бы знать—ненавистники отрицательнаго направленія такъ называемыхъ свистуновъ, къ какому разряду поэтовъ причислятъ Куку? неужели къ серьезнымъ поэтамъ? По нашему мнѣнію, онъ

принадлежитъ къ той *безсознательной* свистопляскѣ, которая наивосама осмѣиваетъ свою собственную музу.

Пушкинъ уже давно двумя стихами прихлопнулъ такихъ пѣснопѣвцевъ и мы вслѣдъ за нимъ воскликнемъ теперь:

Избавь насъ, Боже,
От элегическихъ Куку!...

Чтобы изгладить тяжелое впечатлѣніе, оставшееся отъ весенняго кукованья, мы сами пропоемъ теперь весеннюю пѣсню, настроивъ свою лиру совершенно на другой тонъ. Вотъ вамъ:

Весенняя серенада.

Воздухъ мая нѣгой таетъ,
Гуще мракъ ночной..
Гдѣ-то песъ на мѣсяцъ лаетъ—
Спи, городовой!

—

Кто-то крадется сторонкой,
Узелъ подъ полой,
Вѣетъ снами воздухъ тонкій,—
Спи, городовой!

—

Промаячилъ безъ удачи
Ванька день-деньской
И шашкомъ ползетъ на клячѣ—
Спи, городовой!

—

Опустѣла полпивная
Съ шумною толпой...
Сновъ мучительныхъ не зная—
Спи, городовой!

—

Возвращается гуляка
Съ пѣснею домой...
Гуще, гуще тѣни мрака—
Спи, городовой!

—

Двери лавки отворили
Опытной рукой,
Звѣзды-жъ будто говорили:—
Спи, городовой!

—

Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
Въ тишинѣ нѣмой,
Но за тучкой мѣсяцъ тонетъ.—
Спи, городовой!

—

Изъ проулка крикъ несется:
«Караулъ! разбой!»
А надъ будкой грёза вьется—
Спи, городовой!

Перейдемъ теперь къ текущимъ новостямъ.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца, въ залѣ купеческаго собранія былъ данъ концертъ новаго артиста г. Никольскаго. Всѣ шли въ концертъ, вовсе не подозрѣвая, какое торжество ихъ ожидаетъ. Въ числѣ піесъ назначенъ былъ знаменитый дуэтъ изъ Отелло съ *ut dièze* (гг. Никольскій и Фортуна), дуэтъ, въ которомъ отличался постоянно одинъ только Тамберликъ. Зала концерта была полна. Любители музыки, уже разъ обманувшись въ надеждахъ, возложенныхъ на г. Кравцева, съ невольнымъ недовѣріемъ ждали появленія новаго артиста. Но вотъ начался дуэтъ: публика притаила дыханіе и въ залѣ водворилась гробовая тишина. И когда эта знаменитая нота—этотъ ut dieze, не осиленный столь многими пѣвцами, вышелъ безукоризненно чисто изъ груди *русскаго* пѣвца, тогда взрывъ общихъ восторженныхъ рукоплесканій привѣтствовалъ новую, *родную* музыкальную силу.

Знаменитая нота была повторена г. Никольскимъ два раза—и всѣ слушатели и цѣнители рѣшили, что въ лицѣ г. Никольскаго Тамберликъ пріобрѣлъ теперь опаснаго соперника.

Вотъ пріятная библіографическая новость. К. П. Масальскій оканчиваетъ переводъ съ испанскаго подлинника знаменитаго романа Сервантеса «*Донъ Кихотъ*». Первый томъ этого перевода уже былъ изданъ А. А. Плюшаромъ въ 1838 году. Покойный издатель Сына Отечества К. Жернаковъ напечаталъ второе изданіе означеннаго перваго тома, котораго уже давно нѣтъ въ продажѣ. Мы слышали, что *весь*

романъ Сервантеса, переведенный Масальскимъ, будетъ изданъ въ четырехъ томахъ къ концу текущаго года.

Скажемъ теперь о выставкѣ въ Академіи художествъ, о выставкѣ рѣдкихъ художественныхъ произведеній, находящихся въ разныхъ галлереяхъ Петербурга. Цѣль этой выставки—увеличить матеріальныя средства къ устройству пріюта для бѣдныхъ художниковъ. Хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, настоящая выставка не такъ разнообразна, какъ та, которая была устроена «Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ» лѣтъ десять тому назадъ,—но настоящая выставка вмѣщаетъ въ себѣ столько замѣчательныхъ произведеній, что можетъ доставить любителямъ не одно утро полнаго наслажденія.

Передать это наслажденіе—невозможно и наша цѣль—только указать на содержаніе выставки.

Выставка открывается картинами старыхъ мастеровъ итальянской школы, классическими произведеніями Таціана, Перуджино, Веронеза, Вичелли, Рафаэля, да-Винчи, и пр. и пр.

Затѣмъ слѣдуютъ картины старой фламандской и голландскихъ школъ. Тутъ есть портретъ Маріи Стюартъ, писанный Пурбусомъ, художникомъ 16 столѣтія; есть мрачныя картины Рубенса, портреты Рембрандта и Фан-Дейка, пейсажи Бергема, Гоббема, Рюиздаля и др.

Потомъ идутъ картины сисаро-нѣмецкой, испанской и французской школъ. Выставлены лучшія произведенія Дюрера, Гольбейна, Рибейра, Мурильйо, Ваттò, Грёза, Давида, Гогарта. За ними идутъ картины нашихъ художниковъ: эскизы и портреты К. Брюлова, картины Лосенко, Левицкаго, Егорова, Воробьева, Щедрина, Иванова, Федотова, Айвазовскаго, Лагоріо, Бассина и др.

Перечислить имена всѣхъ художниковъ, произведенія которыхъ стоятъ на выставкѣ, невозможно — и главное безполезно. Мы желали бы передать только — какъ выражаются художники — одни *пятна* выставки.

Нигдѣ не была такъ густа толпа наслаждающихся зрителей, какъ предъ картиною Рафаэля «пробужденіе Спасителя», передъ портретами Рембрандта и особенно предъ поэтическими удивительно-граціозными головками Грёза. Надъ однѣми этими головками можно простоять цѣлое утро.

Изъ другихъ картинъ обращаютъ на себя вниманіе картина Делароша «Кромвель, посѣщающій гробъ Карла I». Одинъ Англичанинъ, непризнающій французской школы, бывши при насъ на выставкѣ и

остановясь предъ картиной Делароша, очень серьезно увѣрялъ, что такой великій художникъ какъ Деларошъ—не можетъ быть Французомъ. Также привлекаютъ къ себѣ прелестные пейзажи Каляма и «Неаполитанскій импровизаторъ»—Робера, средина знаменитой картины, находившейся во дворцѣ Нёльи и изрѣзанной на части во время смутъ Французской революціи 1848 г.

Но о всѣхъ замѣчательныхъ рѣдкостяхъ выставки не передашь. Пока мы упоминали только о картинахъ, но между тѣмъ на выставкѣ почти на-половину занимаютъ мѣсто другія художественныя произведенія, какъ то: статуи, бронза, фарфоръ, разная работа и пр. и пр.

Изъ статуй особенно удивительны — «Фавнъ» Микель-Анжело, «Плачущій ребенокъ» Кановы, «Ганнимедъ»—Торвальдсена и наконецъ мраморная дѣвочка—Виченціо-Велла, изображающая первое пробужденіе весны. При всемъ равнодушіи большинства нашей публики къ мрамору, эти четыре произведенія геніальнаго рѣзца невольно заставляютъ всѣхъ передъ собой останавливаться.

Въ коллекціяхъ золотыхъ и ювелирныхъ издѣлій есть также очень много интереснаго. Тутъ вы найдете работы знаменитаго Беневенуто-Челлини перстни, часы и табакерки, которыя носили придворные временъ Людовиковъ, разные ковши и кубки и пр. и пр. Замѣчательно также по отдѣлкѣ огромное, вылитое изъ серебра плато, изображающее кн. Г. Д. Юсупова, представляющаго свитокъ съ очеркомъ своей жизни Императору Петру I-му.

Чтобъ имѣть обо всемъ этомъ понятіе, надо видѣть все самому и посвятить на это обозрѣніе нѣсколько дней, потому что въ одно утро нѣтъ человѣческой возможности все осмотрѣть. Нельзя не подивиться, при этомъ, что залы академіи почти постоянно пусты—и число посѣтителей очень не значительно.

оставалось передъ картиной Делароша, очень серьезно увѣрялъ, что такой великій художникъ какъ Деларошъ—не можетъ быть Французомъ. Также приковывала къ себѣ прелестные пейзажи Калама и «Сицилійскій [illegible]» Роберъ-Флери, [illegible] находившейся въ [illegible] и погибшей въ части во время смуты французской революціи 1848 г.

Не менѣе замѣчательныхъ предметовъ выставки по искусству. Бельгія [illegible] не только о [illegible], но между [illegible] на выставкѣ почти не [illegible] другія художественныя произведенія, какъ то: статуи, бронзы, ювелирныя работы и пр. и пр.

Изъ статуй особенно удивляли — «Фрина» [illegible], «Плачущій ребенокъ» [illegible], «[illegible]» Торвальдсена и маленькая мраморная статуя — Винченцо-Вела, изображающая первое пробужденіе [illegible]. При этой [illegible] къ [illegible] которой приковывалось [illegible] невольно настоящихъ [illegible] передъ собой [illegible].

Въ [illegible] и [illegible] также очень [illegible] работа знаменитаго Бенвенуто Челлини [illegible] которые [illegible] при [illegible] и пр. [illegible] изображающая [illegible] Петра [illegible].

Чтобы [illegible] всю выставку, нужно было бы [illegible] и посмотрѣть на это обозрѣніе [illegible], потому что въ одно утро при всей [illegible] возможности [illegible]. Поэтому, по видимому, [illegible], что всякій [illegible] число посѣтителей [illegible] значительно.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 28.

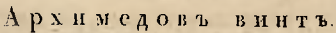
(Апрѣль 1861 года).

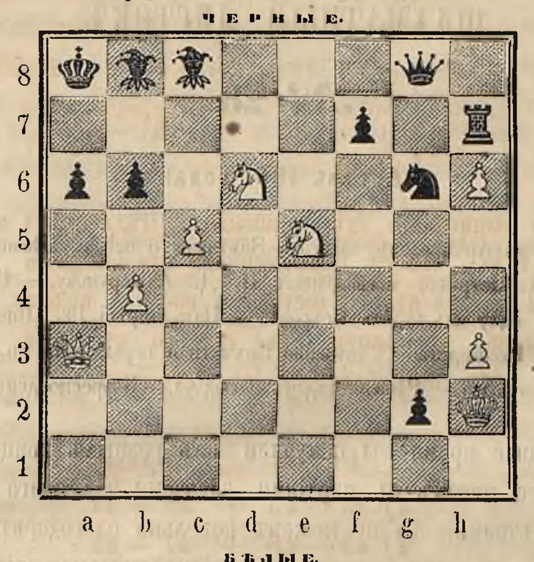
Рѣшеніе проблемы Архимедовъ винтъ.—Замѣчанія о ней г. Цѣхановича. — О киперганн А. Д. Петрова, посвященной Н. Д. Ахшарумову. — Варьяція г-на Водзинскаго на одну изъ задачъ Петрова. — Пять партій Гг. Шпейера, Кнорре и Мазинга.—Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 13-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Въ послѣднее время мы получили изъ разныхъ концевъ Россіи большое число писемъ съ партіями, задачами и всякаго рода шахматными замѣтками. Мы не можемъ довольно благодарить любителей, удостоившихъ насъ этихъ сообщеній и считаемъ пріятною обязанностію подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ съ читателями Шахматнаго Листка (*). Оставимъ на этотъ разъ всторонѣ всѣ заграничныя шахматныя событія, и посвятимъ весь настоящій Листокъ подвигамъ нашихъ провинціяльныхъ шахматистовъ.

(*) Надѣемся, что тѣ любители, сообщенія которыхъ останутся неизвѣстными шахматной публикѣ, не будутъ на насъ въ претензіи; не смотря на все желаніе помѣщать на страницахъ Листка какъ можно болѣе русскихъ партій и задачъ, мы не можемъ однако печатать ихъ *всѣ*, безъ разбора.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ подвиговъ, занимаетъ рѣшеніе *Архимедова винта*. Проблема, оставшаяся не разгаданною въ Англіи втеченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, разрѣшена совершенно вѣрно и въ самое короткое время, тремя русскими любителями: А. Шульцомъ на берегахъ Кубани, К. Цѣхановичемъ въ Тамбовѣ и И. Дравертомъ въ Вяткѣ. Принимая во вниманіе, что положеніе этой задачи, по чрезвычайной своей сложности, едвали осталось въ памяти всѣхъ любителей, и что многіе изъ нихъ не имѣютъ подъ рукою Русскаго Слова за минувшій годъ, перепечатываемъ здѣсь изображающую ее діаграмму.

Архимедовъ винтъ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 24 хода.

РѢШЕНІЕ.

	Бѣлые.	Черные.			
1)	a3 — f3 +	a8 — a7	6)	c6 — c5 +(1)	a7 — a8
2)	e5 — c6 +	a7 — a8	7)	c5 — d5 +	a8 — a7
3)	c6 — d8 +	a8 — a7	8)	d5 — d4 +	a7 — a8
4)	c5 — b6° +	a7 — b6°	9)	d4 — e4 +	a8 — a7
5)	f3 — c6 +	b6 — a7	10)	e4 — e3 +	a7 — a8

11) e3 — f3 + a8 — a7
12) f3 — f2 + a7 — a8
13) f2 — g2° + a8 — a7
14) g2 — f2 + a7 — a8
15) f2 — f3 + a8 — a7
16) f3 — e3 + a7 — a8
17) e3 — e4 + a8 — a7
18) e4 — d4 + a7 — a8
19) d4 — d5 + a8 — a7
20) d5 — c5 + (2) a7 — a8
21) c5 — c8° f7 на f5 или на f6 (3)
22) c8 — a6 + b8 — a7 (A.)
23) a6 — c6 + a8 — b8 (B.)
24) c6 — c8 ×

(A.)

22) . . . . h7 — a7
23) a6 — c6 + a7 — b7
24) c6 — b7° ×

(B.)

23) . . . . h7 — b7
24) c6 — b7° ×

Сообщая выписанное здѣсь рѣшеніе, г. Цѣхановичъ весьма остроумно замѣтилъ, что съ примѣненіемъ италіянскихъ правилъ, на основаніи которыхъ пѣшка, достигшая восьмой полосы, можетъ быть обращена лишь въ офицера, уже снятаго съ доски, бѣлымъ, для выполненія мата, потребовалось бы всего только десять ходовъ, а именно:

Бѣлые.	Черные.
1) a3 — f3 +	a8 — a7
2) e5 — c6 +	a7 — a8
3) c6 — d8 +	a8 — a7
4) c5 — b6° +	a7 — b6°
5) f3 — c6 +	b6 — a7

(1) Съ этого хода начинается винтообразное движеніе бѣлаго ферзя, которое составляетъ сущность задачи, и отъ котораго она и получила свое названіе: «Архимедовъ винтъ».

(2) Послѣдній ходъ винтообразнаго движенія бѣлаго ферзя.

(3) Очевидно при всякомъ другомъ движеніи матъ слѣдующимъ ходомъ.

6) c6 — c5 a7 — a8
7) c5 — c8°

Рѣшая проблему на основаніи не италіянскихъ, а обще принятыхъ въ Европѣ правилъ, настоящій ходъ невозможенъ потому, что черные, въ отвѣтъ на него, продвинутъ пѣшку на g1 и обратятъ ее въ ферзя, а за тѣмъ, когда бѣлый король возьметъ этого ферзя (другаго хода бѣлымъ нѣтъ), дадутъ шахъ на вскрышу и не только отклонятъ матъ, но даже выиграютъ партію.

Если же черные, какъ это было бы въ Италіи, имѣютъ возможность обратить пѣшку только въ вышедшаго изъ игры офицера (въ настоящемъ случаѣ въ ладью или коня), то имъ нѣтъ уже никакой пользы играть 7. $\overline{g2 - g1}$; единственнымъ средствомъ отклонить грозящій слѣдующимъ ходомъ матъ, представляется подвиганіе пѣшки королевскаго слона, и игра продолжается такъ:

7) . . . . f7 — f6 (или на f5)
8) c8 — a6° + b8 — a7 (A.)
9) a6 — c6 + a8 — b8
10) d6 — c8 ✕

(A.)

8) . . . . b7 — a7
9) a6 — c6 + a7 — b7
10) c6 — b7° ✕

Возможность такого двойственнаго рѣшенія не могла впрочемъ никого ввести въ заблужденіе, ибо въ письмѣ г-на Яниша, при которомъ напечанана была проблема (Шахм. Лист. за 1860 годъ, стр. 320), объяснено, что она составлена англійскимъ игрокомъ и первый разъ появилась въ Англіи, а тамъ, какъ извѣстно, италіянскія правила игры никогда не имѣли силы.

Въ заключеніе изысканій надъ проблемой Больтона, г. Цѣхаповичъ говоритъ, что онъ вовсе не признаетъ ее особенно трудною, и въ потдвержденіе своего мнѣнія приводитъ соображенія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что 1.) Первый ходъ рѣшенія очевиденъ, какъ единственное средство предупредить гибельное дви-

женіе непріятельской пѣшки на g1; 2.) Необходимость истребить эту пѣшку и притомъ такъ, чтобъ взятіе ее сопровождалось шахомъ непріятельскому королю, служитъ важнымъ руководствомъ къ отысканію рѣшенія, и наконецъ 3.) Самое названіе «Архимедовъ винтъ» поясняетъ дѣло, особенно когда послѣ шестаго хода является возможность двигать ферзя винтообразно, сперва въ одну, потомъ въ другую сторону.

Дѣйствительно, указанныя г. Цѣхановичемъ свойства больтоновой проблемы, могутъ служить путеводной нитью къ раскрытію рѣшенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она была *легка*. Неразрѣшимыхъ задачъ не существуетъ; каждая заключаетъ какія нибудь данныя, на основаніи которыхъ остроумный любитель можетъ разгадать ее. Впрочемъ, трудно разсуждать положительно о замысловатости той или другой проблемы; это вещь совершенно относительная: нерѣдко случается, что задача, легко разгаданная нѣкоторыми игроками, не дается другимъ, сильнѣйшимъ, безъ труда рѣшающимъ проблемы гораздо болѣе сложныя. Если мы утверждаемъ, что Архимедовъ винтъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно трудныхъ задачъ, то это между прочимъ потому, что лишь весьма немногимъ любителямъ удалось вѣрно разрѣшить его.

Въ этомъ отношеніи еще выше должна быть поставлена задача А. Д. Петрова, посвященная Н. Д. Ахшарумову; она *никѣмъ неразгадана*, хотя появилась въ Листкѣ еще въ декабрѣ прошлаго года и почти одновременно напечатана въ варшавской Иллюстраціи и французской **Régence**. Только одинъ варшавскій любитель нашелъ приблизительное рѣшеніе, говоримъ *приблизительное*, потому что онъ вынуждаетъ обратный матъ, не въ тринадцать ходовъ, какъ предложено авторомъ, а въ пятнадцать слѣдующимъ образомъ.

	Бѣлые.	Черные.		Бѣлые.	Черные.
1)	c2 — c3 +	a5 — c3°	6)	e4 — e7 +	d5 — d6
2)	g7 — g8 +	c6 — e5	7)	e7 — b7° +	d6 — e6
3)	e3 — e4 +	d4 — d5	8)	b7 — c7 +	e6 — d6
4)	e4 — e5 +	d5 — d4	9)	a3 — b5 +	c6 — b5°
5)	e5 — e4 +	d4 — d5	10)	e7 — e5 +	d6 — d7

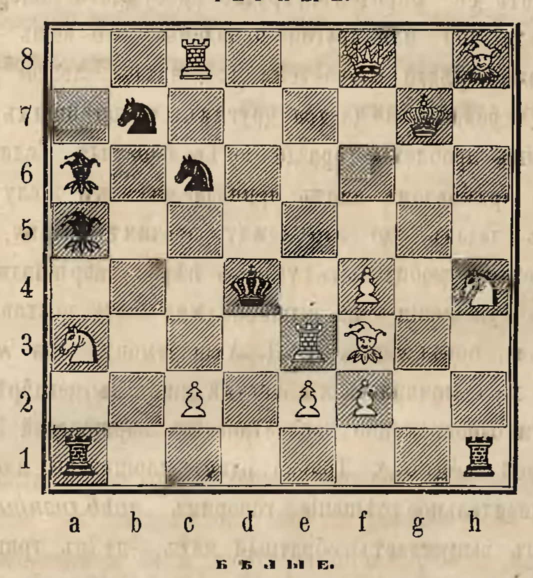
11) e5 — d5 + d7 — e6
12) c8 — e8 + b5 — e8°
13) f8 — f5 + e6 — e7
14) h4 — g6 + e8 — g6°
15) f5 — f7 + g6 — f7° ✕

Сообщеніемъ правильнаго рѣшенія, мы повременимъ еще мѣсяца два, а пока вновь предлагаемъ эту проблему разсмотрѣнію нашихъ любителей, которымъ предстоитъ только сократить варшавское рѣшеніе на два хода.

№ 67.

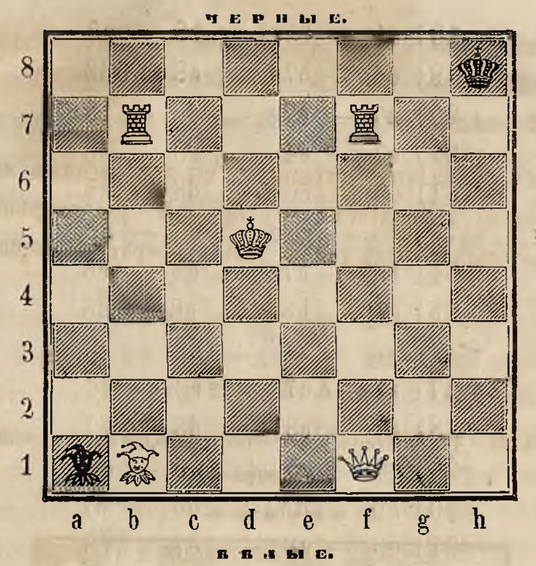
А. Д. Петрова.

Посвящается Н. Д. Ахшарумову, автору фантастической повѣсти: «Игрокъ»

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

Кстати обратныхъ матовъ, намъ остается сообщить здѣсь довольно любопытную проблему, составленную въ Переславлѣ - Залѣсскомъ г-мъ Водзинскимъ, по образцу кипергани Петрова посвященной Морфи. Число и расположеніе шашекъ совершенно тоже, какъ и въ проблемѣ Петрова, но кони замѣнены слонами, какъ показано на діаграммѣ.

Изъ этого положенія г. Водзинскій вынуждаетъ обратный матъ въ 36 ходовъ слѣдующимъ образомъ.

	Бѣлые.	Черные.
1)	f7 — h7 +	h8 — g8
2)	f1 — f5	a1 — f6. (A.)
3)	b7 — f7	f6 — h4, e7, d8 (B.)
4)	f5 — g4 +	h4 — g5
5)	h7 — g7 +	g8 — h8
6)	g4 — h5 +	g5 — h6
7)	g7 — h7 +	h8 — g8
8)	h5 — g6 +	h6 — g7
9)	f7 — a7	g8 — f8
10)	a7 — a8 +	f8 — e7
11)	a8 — e8 +	e7 — d7
12)	g6 — e6 +	d7 — c7
13)	d5 — e4	c7 — b7
14)	e8 — e7 +	b7 — b8 (C.)
15)	e6 — g8 +	g7 — f8
16)	b1 — a2	b8 — c8, a8
17)	a2 — d5	c8 — b8, d8

18) e4 — f5	b8 — c8
19) e7 — b7	c8 — d8
20) h7 — e7	d8 — c8
21) e7 — e4	c8 — d8
22) d5 — e6	d8 — e8
23) f5 — g6	e8 — d8
24) g6 — h7	d8 — e8
25) h7 — h8	e8 — d8
26) b7 — a7	d8 — e8
27) a7 — c7	e8 — d8
28) c7 — c8 +	d8 — e7
29) g8 — g5 +	e7 — d6
30) g5 — d2 +	d6 — e7
31) e6 — g8 +	e7 — f6
32) d2 — f4 +	f6 — g6
33) e4 — e6 +	g6 — h5
34) e6 — e5 +	h5 — g6
35) f4 — f7 +	g6 — h6
36) f7 — g7 +	f8 — g7° ⨯

(A.)

2)	a1 — b2, c3, d4, e5, h8 (a.)
3) f5 — e6 +	g8 — f8
4) b7 — f7 +	f8 — g8
5) e6 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ бѣлымъ слѣдуетъ играть, какъ показано въ рѣшеніи, начавъ вмѣсто 6-го хода съ 9-го, слѣдовательно матъ будетъ, не въ 36, а въ 33 хода.

(a.)

2)	a1 — g7
3) f5 — g6	g8 — f8
4) b7 — b8 +	f8 — e7
5) b8 — e8 +	e7 — d7

За тѣмъ бѣлые продолжаютъ играть, какъ въ рѣшеніи, но начиная не съ 6-го а съ 12-го хода; слѣд. матъ будетъ въ 30 ходовъ.

(B.)

3)		f6 — g5 (b.) (c.)
4)	b1 — a2	g5 — h4, e7, d8, f4, e3, d2, c1 (d.)
5)	f5 — g4 +	h4 — g5
6)	h7 — g7 +	g8 — h8
7)	g4 — h5 +	g5 — h6
8)	g7 — h7 +	h8 — g8
9)	h5 — g6 +	h6 — g7
10)	f7 — a7	g8 — f8
11)	a7 — a8 +	f8 — e7
12)	a8 — e8 +	e7 — d7
13)	g6 — e6 +	d7 — c7
14)	d5 — e4	c7 — b7
15)	e8 — e7 +	b7 — b8 (e.)
16)	e6 — g8 +	g7 — f8
17)	a2 — d5	b8 — c8
18)	e4 — f5	c8 — b8, d8
19)	e7 — e4	b8 — c8
20)	h7 — b7	c8 — d8

Затѣмъ бѣлые играютъ, какъ въ рѣшеніи, начавъ съ 22-го хода, и матъ будетъ въ 35 ходовъ.

(b.)

3)		f6 — g7
4)	b1 — a2	какъ угодно.
5)	f5 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ слѣдуетъ 10-й ходъ варіанта В, и матъ будетъ въ 31 ходъ.

(c.)

3)		f6 — a1, b2, c3, d4, e5, h8.
4)	f5 — g6 +	слонъ на g7

Затѣмъ слѣдуетъ рѣшеніе съ 9-го хода, и матъ на 32-мъ ходѣ.

(d.)

4)		g5 — f6, h6.

5) f5 — g6 + f6 — g7

Затѣмъ слѣдуетъ 10-й ходъ варіянта В, и матъ въ 31 ходъ

(e.)

15) . . . . . b7 — a8

16) e6 — g8 + g7 — f8

17) a2 — d5 + a8 — b8

18) e4 — f5 b8 — c8

19) e7 — e4 c8 — d8 (f.)

20) h7 — b7 d8 — c8

21) f5 — g6 c8 — d8

22) d5 — e6 d8 — e8

23) g6 — h7 e8 — d8

24) h7 — h8 d8 — e8

25) b7 — c7 e8 — d8

Затѣмъ 27-й ходъ варіанта В, и матъ въ 34 хода.

(f.)

19) . . . . . c8 — b8

20) f5 — g6 b8 — c8

21) h7 — b7 c8 — d8

22) d5 — e6, и такъ далѣе, какъ въ варіянтѣ (e.)

(C.)

14) . . . . . b7 — a8

15) e6 — g8 + g7 — f8

16) b1 — a2 a8 — b8

17) a2 — d5 b8 — c8

и т. д., какъ въ варіянтѣ В, ходъ 18-й.

Сколь ни остроумны маневры, которыми г. Водзинскій разрѣшаетъ свою проблему, однако, если принять во вниманіе огромное превосходство силъ со стороны бѣлыхъ (ферзь, двѣ ладьи и слонъ противъ слона) и крайне невыгодное положеніе чернаго слона, то естественно рождается вопросъ не слишкомъ ли много ходовъ употреблено на вынужденіе обратнаго мата? Припомнимъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ задача разрѣшается, по способу г-на Петровскаго, въ двадцать девять ходовъ (Шахм. Лист. 1859 года стр. 313), тогда какъ заставлять непріятельскаго коня занимать

опредѣленныя клѣтки, труднѣе чѣмъ слона. Не полагаясь на свое искусство въ дѣлѣ шахматныхъ проблемъ, я просилъ г-на Петровскаго заняться разсмотрѣніемъ труда г-на Водзинскаго и ему дѣйствительно удалось значительно сократить рѣшеніе. Въ чемъ именно заключается это сокращеніе, мы сообщимъ со временемъ, а теперь приглашаемъ охотниковъ до трудныхъ киперганей самимъ поискать его, т. е. предлагаемъ имъ проблему г. Водзинскаго въ такой формѣ: *бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ; во сколько ходовъ?*

Партіи настоящаго Листка извлечены изъ шахматныхъ записокъ извѣстнаго астронома Карла Христофоровича Кнорре; онѣ сообщены намъ изъ Николаева г-мъ Шпейеромъ. Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ ходахъ этихъ партій принадлежатъ тѣмъ самымъ любителямъ, которыми онѣ играны.

ПАРТІЯ № 181.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

Играна 8-го октября 1855 года.

	К. Х. Кнорре. (Бѣлые)	Ѳ. А. Мазингъ. (Черные)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	g8 — f6
3)	f3 — e5°	d7 — d6
4)	e5 — f3	f6 — e4°
5)	d2 — d4	d6 — d5
6)	f1 — d3	f8 — e7
7)	h2 — h3	f7 — f5
8)	c2 — c4	c7 — c6
9)	b1 — c3	0 — 0
10)	d1 — b3	e4 — c3°
11)	b2 — c3°	e7 — f6
12)	0 — 0	b7 — b6
13)	c1 — a3	f8 — f7
14)	a1 — e1	c8 — a6
15)	e1 — e6	a6 — c8
16)	d3 — f5°	g7 — g6
17)	e6 — d6	d8 — c7
18)	f5 — c8°	c7 — c8°
19)	c4 — d5°	f6 — e7
20)	d6 — e6	e7 — a3°
21)	b3 — a3°	c6 — d5°
22)	f1 — e1	b8 — c6

Вмѣсто b8—c6, уйти ферземъ было-бы еще хуже.

23)	a3 — d6	c6 — a5
24)	e6 — e8 +	c8 — e8°
25)	e1 — e8° +	a8 — e8°

26)	d6 — d5°	g8 — g7
27)	f3 — e5	f7 — e7
28)	f2 — f4	a5 — b7
29)	g1 — h2	b7 — d8
30)	g2 — g4	d8 — e6
31)	h2 — g3	e8 — f8
32)	d5 — d6	e7 — e8
33)	d6 — d7 +	g7 — g8
34)	e5 — f7	e6 — g7
35)	f7 — h6 +	g8 — h8
36)	d7 — d5	g7 — e6
37)	f4 — f5	e6 — g5
38)	d5 — d7	g5 — e4 +
39)	g3 — g2	e4 — f6
40)	d7 — a7°	черные сдаются.

ПАРТІЯ № 182.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 9-го мая 1857 года.)

	К. Х. Кнорре. (Бѣлые.)	Ѳ. А. Мазингъ. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — b5	a7 — a6
4)	b5 — a4	b7 — b5
5)	a4 — b3	f8 — c5
6)	c2 — c3	g8 — f6
7)	d2 — d4	e5 — d4°
8)	e4 — e5	f6 — e4
9)	b3 — d5	e4 — f2°
10)	e1 — f2°	d4 — c3° +
11)	f2 — g3	c3 — b2°
12)	c1 — b2°	0 — 0
13)	d1 — c2	c5 — b6
14)	c2 — c3	b6 — a5

Вмѣсто 14. c2 — c3 бѣлому лучше брать d5 — c6°

15)	c3 — a3	a5 — b4
16)	a3 — b3	d8 — e7
17)	a2 — a3	b4 — a5
18)	a3 — a4	b5 — b4
19)	b1 — d2	a8 — b8
20)	d2 — e4	c6 — d8
21)	b3 — d3	d8 — e6
22)	h1 — f1	d7 — d6
23)	d5 — e6°	e7 — e6°
24)	h2 — h3	c8 — b7
25)	e4 — g5	e6 — g6
26)	d3 — g6°	h7 — g6°
27)	e5 — d6°	c7 — d6°
28)	f3 — d4°	b7 — d5
29)	a1 — c1	a5 — d8
30)	g5 — f3	d8 — f6
31)	f1 — f2	b8 — c8
32)	f2 — c2	d5 — b7
33)	c2 — c7	c8 — c7°
34)	c1 — c7°	b7 — e4
35)	c7 — a7	f8 — a8
36)	a7 — a8°	e4 — a8°
37)	b2 — c1	a8 — f3°
38)	d4 — f3°	b4 — b3
39)	c1 — f4	f6 — c3

бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 183.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна 25-го ноября 1859 года.)

К. К. Шпейеръ. (Бѣлые.)	В. Кнорре. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e6	13) c2 — c3	d5 — d4
2) d2 — d4	d7 — d5	14) c3 — d4°	c5 — h5
3) e4 — d5°	e6 — d5°	15) f1 — f2	f6 — e4
4) f1 — d3	g8 — f6	16) d3 — e4°	e8 — e4°
5) g1 — e2	f8 — d6	17) d1 — c2	e4 — e7
6) 0 — 0	0 — 0	18) e2 — g3	b8 — c6
7) f2 — f4	c8 — g4		
8) b1 — c3	c7 — c5		
9) d4 — c5°	d6 — c5°+	19) c1 — e3	h5 — d5
10) g1 — h1	f8 — e8	20) g3 — f1	c6 — d4°
11) c3 — a4	d8 — e7	21) e3 — d4°	d5 — d4°
12) a4 — c5°	e7 — c5°	22) c2 — d2	ничья

(После 18-го хода:) Чернаго ферзя брать нельзя, потому что будетъ матъ въ два хода.

Вмѣсто 20. g3 — f1, бѣлому слѣдовало бы играть c2 — c3, и пѣшка на d4 могла бы быть удержана.

ПАРТІЯ № 184.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна 10-го января 1860 года.)

В. К. Кнорре. (Бѣлые.)	К. К. Шпейеръ. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e6	9) 0 — 0	d8 — c7
2) d2 — d4	d7 — d5	10) d1 — c2	g4 — f3°
3) e4 — d5°	e6 — d5°	11) d2 — f3°	d5 — c4°
4) f1 — d3	f8 — d6	12) d3 — c4°	d7 — b6
5) c1 — e3	g8 — f6	13) f1 — e1	0—0—0
6) g1 — f3	c8 — g4	14) a1 — c1	c8 — b8
7) b1 — d2	b8 — d7	15) c2 — b3	d8 — d7
8) c2 — c4	c7 — c6	16) e1 — e2	b6 — c4°

17) c1 — c4°	f6 — d5	28) g4 — g7°	d2 — b2°
18) f3 — e5	d6 — e5°	29) g7 — d7	d8 — f8
19) d4 — e5°	d5 — e3°	30) e6 — f6	f8 — b8
20) e2 — e3°	h8 — d8	31) d7 — h7°	b2 — a2°
21) g2 — g3	b8 — a8	32) h2 — h4	c6 — c5
22) e5 — e6	f7 — e6°	33) h4 — h5	c5 — c4
23) e3 — e6°	c7 — a5	34) h5 — h6	c4 — c3
24) c4 — a4	d7 — d1 +	35) h7 — c7	c3 — c2
25) g1 — g2	a5 — d5 +	36) h6 — h7	b8 — h8
26) b3 — d5°	d1 — d5°	37) f6 — g6	a8 — b8
27) a4 — g4	d5 — d2	38) c7 — c2°	a2 — c2°

38-й ходъ бѣлыхъ явная ошибка, повлекшая къ проигрышу. Бѣлые выиграли бы, сыгравъ c7 — c3.

ПАРТІЯ № 185.

ГАМБИТЪ-ЛАДЬИ.

(Играна 16-го мая 1857 года.)

Ѳ. А. Мазингъ. (Бѣлые.)	**К. Х. Кнорре.** (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	14) e2 — g4	d7 — d6
2) f2 — f4	e5 — f4°	15) g4 — f4	h8 — g8
3) g1 — f3	g7 — g5	16) f4 — f7°	g8 — f8
4) h2 — h4	g5 — g4	17) f7 — h7°	h1 — g3
5) f3 — e5	g8 — f6	18) b1 — d2	c8 — f5
6) e5 — g4°	f6 — e4°	19) h7 — h6	g3 — f1°
7) d2 — d3	e4 — g3	20) d2 — f1°	b8 — c6
8) c1 — f4°	g3 — h1°	21) 0—0—0	d8 — d7
9) d1 — e2 +	d8 — e7	22) g2 — g3	a8 — c8
10) g4 — f6 +	e8 — d8	23) f1 — e3	f5 — e6
11) f4 — c7° +	d8 — c7°	24) b2 — b3	c6 — d4
12) f6 — d5 +	c7 — d8	25) d1 — d2	f8 — f6
13) d5 — e7°	f8 — e7°	26) h6 — h5	d6 — d5
		27) g3 — g4	f6 — f3

28) h5 — h6	c8 — f8	31) g5 — h6	e7 — f8
29) c1 — b2	f8 — f6	32) h6 — h8	f3 — e3°
30) h6 — g5	f6 — f7	33) c2 — c3	d4 — b5

Бѣлые въ 33-й ходъ не могутъ брать коня, не теряя ферзя.

34) a2 — a4 b5 — c3° и бѣлые сдаются.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 13-я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

ДЕБЮТЪ III.

Королевскій Гамбитъ.

1) e2 — e4 e7 — e5
2) f2 — f4.

Непринятый Гамбитъ.

Первая защита.

2) . . . . . d7 — d5
3) e4 — d5° e5 — e4

Этотъ ходъ черныхъ составляетъ то, что называется Контръ-Гамбитомъ Фалкбеера. Избѣжать его можно ходомъ 3. $\frac{\text{d1 — h5}}{}$, тогда если 3. $\frac{}{\text{d5 — e4°}}$, то 4. $\frac{\text{h5 — e5°+}}{\text{d8 — e7}}$, и игра равна.

4) d2 — d4 d8 — d5°

Удерживать пѣшку опасно: 4. $\frac{\text{f1 — b5+}}{\text{c7 — c6}}$ 5. $\frac{\text{d5 — c6°}}{\text{b7 — c6°}}$ 6. $\frac{\text{b5 — c4}}{\text{g8 — f6}}$ 7. $\frac{\text{d2 — d4}}{\text{b8 — d7}}$ (атака Стаунтона) 8. $\frac{\text{g1 — e2}}{\text{d7 — b6}}$ 9. $\frac{\text{c4 — b3}}{\text{c8 — a6}}$ 10. $\frac{\text{0 — 0}}{}$ (атака

Петрова) 10. $\frac{\quad}{c6 - c5}$ (если a6 — e2°, то: 11. $\frac{d1 - e2^\circ}{d8 - d4^\circ +}$ 12. $\frac{c1 - e3}{d4 - d7}$ лучш. 13. $\frac{b1 - c3}{\quad}$) 11. $\frac{c2 - c3}{f8 - d6}$ 12. $\frac{b5 - a4+}{e8 - f8}$ игра равна.

5) c2 — c4	f8 — b4+
6) b1 — c3	d5 — a5
7) c1 — d2	g8 — f6
8) d1 — a4 +	a5 — a4°
9) c3 — a4°	b4 — d2°+
10) e1 — d2°	c8 — d7
11) a4 — c3	b8 — c6 игра равна.

Вторая защита.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{F2 - F4}{\quad}$

2)	d7 — d6
3) f1 — c4 (Перем.)	b8 — d7
4) g1 — f3	d7 — b6
5) c4 — b3	g8 — f6
6) b1 — c3	c8 — g4
7) f4 — e5°	g4 — f3°
8) d1 — f3°	d6 — e5°

Или: 6. $\frac{f4 - e5^\circ}{f6 - e4^\circ}$ 7. $\frac{d1 - e2}{d6 - d5}$ 8. $\frac{c2 - c4}{c7 - c6}$ и въ обоихъ случаяхъ игра равна.

Перемѣна на 3-мъ ходѣ бѣлыхъ.

3) g1 — f3	c8 — g4	7) d2 — d4	g8 — f6
4) f1 — e2	g4 — f3°	8) f4 — e5°	d6 — e5°
5) e2 — f3°	b8 — d7	9) d4 — e5°	d7 — e5°
6) c2 — c3	f8 — e7	игра равна.	

Третья защита.

2) f2 — f4	f8 — c5	8) b4 — b5	c6 — e7
3) g1 — f3	d7 — d6	9) d2 — d4	e5 — d4°
4) c2 — c3	c8 — g4	10) c3 — d4°	d6 — d5
5) f1 — e2	g4 — f3°	11) e4 — e5	f7 — f5
6) e2 — f3°	b8 — c6	12) c1 — a3 игра бѣлыхъ лучше.	
7) b2 — b4	c5 — b6		

Принятый Гамбитъ.

1. $\frac{E2 — E4}{E7 — E5}$ 2. $\frac{F2 — F4}{E5 — F4°}$

ГАМБИТЪ КОНЯ.

Игра 1-я.

3) g1 — f3	f7 — f5	9) h5 — e5+	d8 — e7
4) f1 — c4	f5 — e4°	10) e5 — h8°	e7 — g7
5) b1 — c3	e4 — f3°	11) f1 — e1+	g8 — e7
6) d1 — f3°	c7 — c6	12) h8 — g7°	f8 — g7°
7) 0 — 0	d7 — d5	13) c4 — d5°	c6 — d5°
8) f3 — h5+	g7 — g6	14) c3 — d5°	бѣлые выигрываютъ.

Игра 2-я.

3)	d7 — d5
4) e4 — d5°	f8 — d6
5) d2 — d4	g8 — f6
6) c2 — c4	0 — 0
7) f3 — e5 бѣлые выигрываютъ.	

Игра 3-я.

Классическая защита.

3) . . . . g7 — g5

Противъ этого хода употребительнѣйшихъ атакъ двѣ: одна состоитъ въ рокировкѣ, другая въ надвиганіи пѣшки h2 — h4.

Первая атака.

1. $\frac{E2 — E4}{E7 — E5}$ 2. $\frac{F2 — F4}{E5 — F4°}$ 3. $\frac{G — F3}{G7 — G5}$ 4. $\frac{F1 — C4}{}$

4)	f8 — g7 (Перем:)	9) d1 — b3	d8 — e7
5) 0 — 0	d7 — d6	10) c1 — f4°	g4 — f3°
6) d2 — d4	h7 — h6	11) f1 — f3°	c6 — d8
7) c2 — c3	b8 — c6	12) e4 — e5	d6 — e5°
8) g2 — g3	g5 — g4	13) d4 — e5°	c8 — e6 и черные выигрываютъ.

(Перем:) 4) . . . . . g5 — g4
5) 0 — 0 g4 — f3°
(или А и В)

Пожертвованіе коня въ пятый ходъ составляетъ Гамбитъ Муціо.

6) d1 — f3° f8 — h6
7) d2 — d4 b8 — c6
8) b1 — c3 c6 — d4°
9) f3 — h5 d4 — e6
10) c1 — f4° h6 — f4°
11) f1 — f4° g8 — f6 и черные выигрываютъ.

(А.)

5) d2 — d4	d7 — d5	10) b1 — c3	g7 — e5°
6) c4 — d5°	c7 — c6	11) d4 — e5°	d8 — d1°+
7) d5 — f7°+	e8 — f7°	12) a1 — d1°	c8 — d7
8) f3 — e5 +	f7 — e8	13) d1 — d6	c6 — c5
9) c1 — f4°	f8 — g7	14) e5 — e6	и бѣлые выигрываютъ.

(В.)

5) b1 — c3	g4 — f3°	10) c1 — f4°	d8 — f6
6) d1 — f3°	d7 — d5	11) 0—0—0	b8 — d7
7) c3 — d5°	f8 — d6	12) f4 — e5°	f6 — f3°
8) d2 — d4	c7 — c6	13) g2 — f3°	d7 — e5°
9) d5 — f4°	d6 — f4°	14) d4 — e5°	и бѣлые выигрываютъ.

Вторая атака.

1. $\frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\text{F2 — F4}}{\text{E5 — F4°}}$ 3. $\frac{\text{G1 — F3}}{\text{G7 — G5}}$ 4. $\frac{\text{H2 — H4}}{}$

Можно двинуть эту пѣшку ходомъ позже, но тогда, какъ показалъ г. Янишъ, черные выиграютъ:

4. $\frac{\text{f1 — c4}}{\text{f8 — g7}}$ 5. $\frac{\text{h2 — h4}}{\text{h7 — h6}}$ 6. $\frac{\text{d2 — d4}}{\text{d7 — d6}}$ 7. $\frac{\text{c2 — c3}}{\text{b8 — d7}}$ 8. $\frac{\text{d1 — b3}}{\text{d8 — e7}}$ 9. $\frac{\text{0 — 0}}{\text{d7 — b6}}$
10. $\frac{\text{h4 — g5°}}{\text{h6 — g5°}}$ 11. $\frac{\text{f3 — g5°}}{\text{b6 — c4°}}$ 12. $\frac{\text{b3 — c4°}}{\text{e7 — g5°}}$ 13. $\frac{\text{f1 — f4°}}{\text{c8 — h3.}}$

Ходомъ 4. h2 — h4 образуется Гамбитъ Алгайера.

Лучшая защита.

4) . . . . . g5 — g4
5) f3 — e5 d8 — e7

Если 5. $\frac{\text{f5 — g5}}{}$, то: 5. $\frac{}{\text{h7 — h6}}$ 6. $\frac{\text{g5 — f7°}}{\text{e8 — f7°}}$ 7. $\frac{\text{f1 — c4 +}}{\text{d7 — d5}}$
8. $\frac{\text{c4 — d5° +}}{\text{f7 — e8}}$ 9. $\frac{\text{d2 — d4}}{\text{f4 — f5}}$ 10. $\frac{\text{g2 — f5°}}{\text{f8 — e7}}$ 11. $\frac{\text{c1 — e3}}{\text{e7 — h4° +}}$ 12. $\frac{\text{c1 — d2}}{\text{g8 — f6}}$
13. $\frac{\text{d5 — b5}}{\text{f6 — h5}}$ и черные выигрываютъ.

Если же 5. $\frac{\text{f1 — c4}}{}$ то: 5. $\frac{}{\text{g4 — f5°}}$ 6. $\frac{\text{d1 — f5°}}{\text{h7 — h5}}$ черные тоже выигрываютъ.

6)	d2 — d4	d7 — d6	12)	c3 — e2	g8 — f6
7)	e5 — g4°	e7 — e4° +	13)	g4 — f3	d6 — d5
8)	d1 — e2	e4 — e2° +	14)	g2 — g3	f6 — e4°
9)	f1 — e2°	c8 — g4°	15)	f3 — e4°	d5 — e4°
10)	e2 — g4°	f8 — h6	16)	c1 — f4°	h6 — f4°
11)	b1 — c3	b8 — c6	17)	g3 — f4°	0—0—0

игра равна.

Другая защита.

1. $\frac{\textbf{E2 — E4}}{\textbf{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\textbf{F2 — F4}}{\textbf{E5 — F4°}}$ 3. $\frac{\textbf{G1 — F3}}{\textbf{G7 — G5}}$ 4 $\frac{\textbf{H2 — H4}}{\textbf{G5 — G4}}$

5. $\frac{\textbf{F3 — E5}}{\textbf{D7 — D6}}$.

Эта защита слаба.

6) e5 — g4° f8 — e7
7) d2 — d4 e7 — h4° +
8) g4 — f2 d8 — g5
9) d1 — f3 h4 — g3
10) b1 — c3 g8 — f6
11) c1 — d2 h8 — g8
12) 0—0—0 игра бѣлыхъ лучше.

Классическая защита, имѣющая цѣлью удержаніе гамбитной пѣшки, весьма слаба.

5) . . . . . h7 — h5
6) f1 — c4 h8 — h7
7) d2 — d4 f4 — f3

Если 7. $\frac{}{d8-f6}$, то 8. $\frac{h1-c5}{g8-e7}$ 9. $\frac{c5-h5}{h8-a6}$ 10. $\frac{e5-d5}{f8-h6}$ 11. $\frac{h2-h5}{}$ и e4 — e5.

8) g2 — f3° d7 — d6
9) e5 — d3 f8 — e7
10) c1 — e3 e7 — h4° +
11) e1 — d2 g4 — f3°
12) d1 — f3° c8 — g4
13) f3 — f4 h8 — d7
14) h1 — c3 d7 — h6
15) c4 — h3 h7 — g7
16) e4 — e5. Этотъ ходъ, князя Д. Урусова, рѣшаетъ игру въ пользу бѣлыхъ.
16) . . . . . h4 — g5

Если d6 — e5°, то f4—e5° +, а если d6—d5, то c3—d5°.

17) f4 — e4 g5 — e3° +

Если d6 — e5°, то 18. $\frac{e4-e5^{\circ}+}{d8-e7}$ 19. $\frac{e5-g5}{g7-g5^{\circ}}$ 20. $\frac{e5-e7^{\circ}+}{e8-e7^{\circ}}$ 21. $\frac{a1-e1+}{e7-f8}$ 22. $\frac{c5-c4}{g5-g7}$ 23. $\frac{d5-f1}{}$.

18) d2 — e3° d8 — g5 +

Если g8 — e7, то 19. $\frac{e5-d6^{\circ}}{d8-d6^{\circ}}$ 20. $\frac{c3-e4}{d6-g6}$ 21. $\frac{d5-e5}{}$.

19) e4 — f4 d6 — e5°
20) d4 — e5° g8 — h6
21) c3 — e4 h6 — f5 +
22) e3 — f2 g5 — f4° +
23) d3 — f4° 0—0—0
24) f4 — h5° и бѣлый долженъ выиграть, какъ и во всѣхъ вышеприведенныхъ варіантахъ этой защиты.

Въ большомъ употребленіи нынѣ контръ-атака 5. $\frac{}{g8-f6}$ 6. $\frac{f1-c4}{d7-d5}$; это пожертвованіе пѣшки даетъ сильную атаку черным; но мы не думаемъ, чтобы ее нельзя было отразить съ ущербомъ для черныхъ. Напримѣръ:

7. $\frac{e4-d5^{\circ}}{f8-d6}$ 8. $\frac{d2-d4}{f6-h5}$ 9. $\frac{0-0}{d8-h4^{\circ}}$ 10. $\frac{d1-e1}{h4-e1^{\circ}}$ 11. $\frac{f1-e1^{\circ}}{}$, и т. д.

Гамбитъ Слона.

$$1.\ \frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}\quad 2.\ \frac{\text{F2 — F4}}{\text{E5 — F4}}\quad 3.\ \frac{\text{F1 — C4}}{}$$

Эта атака очень сильна; но и здѣсь, какъ въ предыдущей игрѣ, черные могутъ сравнять игру своевременнымъ пожертвованіемъ гамбитной пѣшки.

Лучшая защита

3)		g8 — f6
4) d2 — d3	лучшій ходъ	d7 — d5
5) e4 — d5°		f6 — d5°

Или, что еще сильнѣе, $5.\ \frac{}{\text{f8 — d6}}\ 6.\ \frac{\text{g1 — f3}}{\text{c8 — g4}}\ 7.\ \frac{\text{0 — 0}}{\text{0 — 0}}\ 8.\ \frac{\text{b1 — c3}}{\text{b8 — d7}}$ и т. д.

6) d1 — e2 +	f8 — e7
7) c4 — d5°	d8 — d5°
8) c1 — f4°	b8 — c6 игра равна.

Контръ-Гамбиты:

3) f1 — c4	f7 — f5	7) g1 — f3	h4 — h5
4) d1 — e2	d8 — h4 +	8) b1 — c3	c7 — c6
5) e1 — d1	f5 — e4°	9) h1 — e1	d7 — d5
6) e2 — e4° +	f8 — e7	10) c3 — d5°	и выигрываютъ.

---

3)	d7 — d5	7) 0 — 0	f8 — d6
4) c4 — d5°	g8 — f6	8) d2 — d4	0 — 0
5) g1 — f3	f6 — d5°	9) b1 — c3	d5 — f5
6) e4 — d5°	d8 — d5°	10) c3 — e2	съ лучшимъ положеніемъ.

Классическая защита.

$$1.\ \frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}\quad 2.\ \frac{\text{F2 — F4}}{\text{E5 — F4}}°\quad 3.\ \frac{\text{F1 — C4}}{\text{D8 — H4 +}}$$

Теперь бѣлые должны выиграть.

4) e1 — f1	g7 — g5
5) g3 — f3	h4 — h5

Атака b1 — c3 слаба:

$$5.\ \frac{\text{b1 — c3}}{\text{d7 — d6}}\ 6.\ \frac{\text{d2 — d4}}{\text{g8 — e7}}\ 7.\ \frac{\text{g1 — f3}}{\text{h4 — h5}}\ 8.\ \frac{\text{h2 — h4}}{\text{f7 — f6}}\ 9.\ \frac{\text{c4 — e2}}{\text{h5 — h6}}\ 10.\ \frac{\text{f1 — g1}}{\text{h6 — g7}}$$

игра равна; или 9. $\frac{e4 - e5}{d6 - e5^\circ}$ 10. $\frac{d4 - e5^\circ}{f6 - e5^\circ}$ 11. $\frac{c3 - e4}{f8 - g7}$ 12. $\frac{e4 - g5}{h8 - g8}$ игра равна.

6) h2 — h4	h7 — h6
7) c4 — f7° +	h5 — f7°
8) f3 — e5	f7 — g7
9) d1 — h5 + и выиграютъ.	

ДЕБЮТЪ IV.

Контръ-Гамбиты во 2-й ходъ

Игра 1-я.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{G1 - F3}{F7 - F5}$ или 2. $\frac{F1 - C4}{F7 - F5}$

3) f1 — c4 (или g1 — f3)	d7 — d6
4) d2 — d4	g8 — f6

Если e5 — d4°, то, какъ показано въ **Analyse Nouvelle**, 5. $\frac{f5 - g5}{g8 - h6}$ 6. $\frac{g5 - h7^\circ}{h8 - h7^\circ}$ 7. $\frac{d1 - h5+}{\quad}$ и т. д.

5) d4 — e5°	f6 — e4
6) d1 — d5	d8 — e7
7) 0 — 0	b8 — c6
8) e5 — e6	g7 — g6
9) c4 — b5 и выигрываютъ.	

Или: 7. $\frac{c7 - c6}{\quad}$ 8. $\frac{e5 - d6^\circ}{e4 - d6^\circ}$ 9. $\frac{d5 - d3}{d6 - e4}$ 10. $\frac{f1 - e1}{h7 - h6}$ 11. $\frac{b1 - c3}{\quad}$, или 7. $\frac{\quad}{d6 - e5^\circ}$ 8. $\frac{f5 - e5^\circ}{c7 - c6}$ 9. $\frac{d5 - f7+}{e8 - f7^\circ}$ 10. $\frac{e5 - f7^\circ}{h8 - g8}$ 11. $\frac{f7 - d6+}{\quad}$ и въ обоихъ этихъ варіантахъ бѣлые выигрываютъ.

Игра 2-я.

2) g1 — f3	d7 — d5
3) f3 — e5° лучш.	d8 — e7
(Если d5 — e4°, то f1 — c4)	
4) d2 — d4	f7 — f6
5) b1 — c3	f6 — e5°
6) c3 — d5°	e7 — f7

7) f1 — c4 e5 — d4°
8) c1 — g5 f7 — d7
9) g5 — f4 f8 — d6
10) e4 — e5 бѣлые выигрываютъ.

(Продолженіе впредь.)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ

№ 67.

Рѣшеніе этой проблемы отлагается еще на нѣкоторое время, по причинамъ, изъясненнымъ въ настоящемъ Листкѣ на стр. 87.

№ 68.

1) f6 — c3 e6 — e5
2) c3 — a5° e5 — e4
3) a5 — d8 ⚔

№ 69.

1) a5 — d2 d7 — d8
2) f7 — e6 d8 — e8
3) b5 — d6 + e8 — f8
4) d2 — h6 ⚔

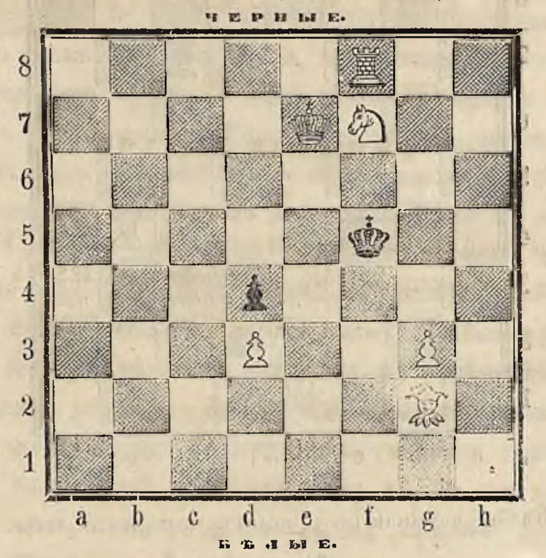
№ 70.

1) g3 — g2 + a7 — b7
2) g2 — g8 + a8 — a7
3) g8 — g1 + a7 — a8 (лучш. ходъ).
4) g1 — a1° + b7 — a7
5) a1 — h1 + a7 — b7
6) h1 — h8 + a8 — a7
7) h8 — d4 + a7 — a8
8) d4 — a4 + b7 — a7
9) d7 — b6 + a8 — b8 (лучш. ходъ).
10) a4 — e8 + b8 — b7
11) e8 — c6 + b7 — a6
12) b6 — c4 + a7 — b6
13) c6 — b6° ⚔

Задачи.

№ 80.

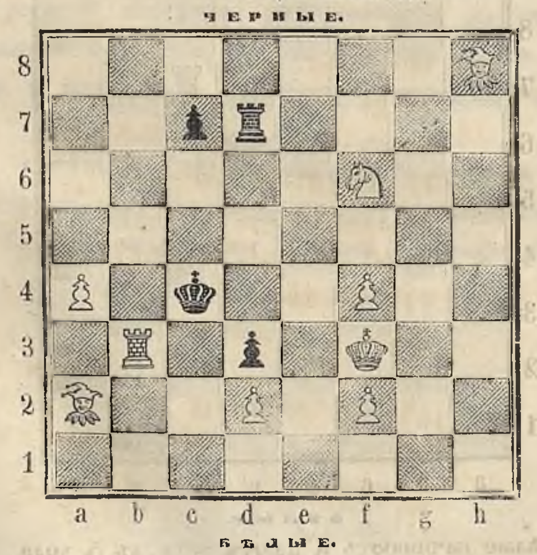
И. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 хода.

№ 81.

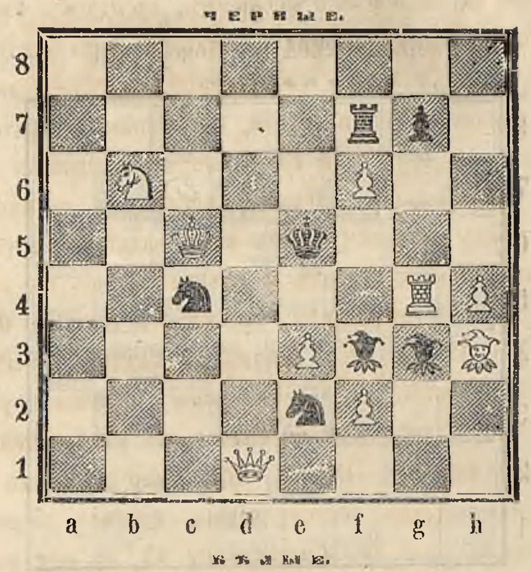
Н. ВЛАСОВА (въ Москвѣ).

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

№ 82.

В. К. КНОРРЕ (въ Николаевѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 83.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

8
7
6
5
4
3
2
1
a b c d e f g h

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Корреспонденція. *М. П. Рог — ну* (въ Москвѣ). Согласно Вашему желанію, мы непремѣнно сообщимъ, въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Листка, правила шахматной игры вчетверомъ.

В. Ст—ху (въ Волжскѣ). Вы совершенно справедливо замѣчаете, что въ указанной Вами партіи, противникъ Стаунтона слишкомъ рано положилъ оружіе, и намъ конечно слѣдовало бы оговорить это въ примѣчаніи. — Пѣшка, достигшая восьмой полосы доски, можетъ быть превращена, по волѣ владѣющаго ею игрока; въ любаго офицера, хотя бы онъ и находился еще въ игрѣ. Противное тому правило существуетъ только въ Италіи. Объ этомъ говорено было въ Шахматномъ Листкѣ за Октябрь 1859 года. — Когда одинъ изъ играющихъ даетъ своему противнику впередъ какого либо офицера, то этимъ нисколько не измѣняется расположеніе остальныхъ шашекъ. Правда, нѣкоторые любители имѣютъ обыкновеніе, давая впередъ ферзеву ладью, ставить, передъ началомъ партіи, пѣшку этой ладьи на клѣтку а3, но они могутъ дѣлать это не иначе, какъ по добровольному согласію противника. Партіи, помѣщенныя въ Листкѣ, играны были безъ такого дополнительнаго условія.

Г-ну *** (въ Москвѣ). Мы весьма признательны Вамъ, за доставленіе остроумной эпиграммы; она помѣщена въ настоящемъ Листкѣ. Позвольте надѣяться, что Вы и впредь будете сообщать намъ свѣдѣнія, о шахматныхъ подвигахъ студентовъ московскаго университета.

Г-ну Юк — ну (въ Умани). Замѣчаніе Ваше о партіи № 146, совершенно основательно. Объясненіе проблемъ, сообщенныхъ въ предыдущемъ Вашемъ письмѣ, мы получили и, можетъ быть, напечатаемъ ихъ со временемъ.

МОНТЕ-БЕНИ

РОМАНЪ

НАТАНІЕЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

1861.

МОНТЕ-БЕНИ.

РОМАНЪ

НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

ДРЕВНІЙ ЗАМОКЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Въ началѣ іюня скульпторъ Киніонъ пріѣхалъ въ замокъ Донателло, находившійся въ сторонѣ отъ обыкновеннаго пути туристовъ.

Съ наступленіемъ лѣта Римъ лишается значительной части своего иноземнаго населенія, которое толпами отправляется въ Швейцарію, на Рейнъ или на родину. Артистъ, намѣревающійся на зиму снова возвратиться въ Римъ, ѣдетъ въ итальянскія провинціи рисовать народныя сцены. Онъ изучаетъ древнія школы искусства въ городахъ, гдѣ онѣ возникли, гдѣ еще можно найти на стѣнѣ какой нибудь церкви фрески Джіотто или Чимабуе, и увидѣть въ полутемной капеллѣ картину Перуджино, тщательно закрытую отъ взоровъ постоянныхъ молельщиковъ. Иные проводятъ лѣтній сезонъ въ галлереяхъ Флоренціи и Венеціи.

Киніонъ не послѣдовалъ за общимъ потокомъ, рѣшившись посвятить лѣто своему другу Донателло. Еще за нѣсколько миль съ высо-

ты увидѣлъ Киніонъ старинную виллу или замокъ, расположенный среди обширной равнины. Но когда онъ спустился съ высоты, замокъ скрылся между неровными холмами, пока наконецъ извилистая дорога не привела путника къ желѣзнымъ воротамъ, запертымъ на замокъ. Подъ рукою не было ни колокольчика, ни даже какого нибудь желѣзнаго молотка, которымъ можно было бы дать знать о прибытіи посѣтителя; оставалось кричать. Но пока отворились ворота, Киніонъ имѣлъ достаточно времени разсмотрѣть наружность наслѣдственнаго жилища своего друга.

Посреди зданія подымалась высокая, массивная четыреугольная башня, обросшая желтымъ мхомъ, что между прочимъ доказывало ея древность. По всей высотѣ башни въ безпорядкѣ разбросано было нѣсколько оконъ; въ нижнихъ чернѣли массивныя желѣзныя рѣшетки, между тѣмъ какъ въ верхнихъ не было даже обыкновенныхъ рамъ. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись четыреугольныя отверстія, служившія вѣроятно для освѣщенія лѣстницы, которая, безъ сомнѣнія, вилась внутри по стѣнѣ и вела къ самой вершинѣ башни. Эти бойницы придавали всей постройкѣ воинственный характеръ, и можно было думать, что въ давноминувшія времена изъ нихъ выпущена была не одна стрѣла.

Вправо и влѣво отъ башни тянулось зданіе, опредѣленное повидимому для жилья, построенное уже въ новѣйшемъ вкусѣ. Надъ одною дверью Киніонъ замѣтилъ крестъ, который вмѣстѣ съ колоколомъ, повѣшеннымъ подъ крышкою, указывалъ, что здѣсь помѣщалась домашняя церковь.

Нестерпимый жаръ заставилъ Киніона повторить восклицаніе, и черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ фигуру, свѣсившуюся изъ амбразуры.

— Го! синьоръ графъ! вскричалъ Киніонъ, — прикажите вашему привратнику отворить ворота!

— Я самъ отворю, отвѣчалъ Донателло. Старый Томасо и Стелла теперь вѣроятно спятъ, а всѣ остальные на работѣ въ виноградникѣ. Я васъ ждалъ, давно ужъ ждалъ!

Съ этими словами молодой графъ скрылся и Киніонъ потомъ видѣлъ его фигуру, мелькавшую въ окнахъ и амбразурахъ, когда отъ бѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Когда ворота открылись, скульпторъ замѣтилъ въ Донателло большую перемѣну: онъ сдѣлался важнѣе, степеннѣе и совершенно утратилъ прежнюю живость, отличавшую его отъ обыкновенныхъ людей. Всегда полуоткрытыя губы его сжались, щеки поблѣднѣли и глаза впали.

— Я ждалъ васъ давно, сказалъ Донателло, спокойнымъ голосомъ; но улыбка, освѣтившая его лицо, доказывала, что онъ дѣйствительно

радовался пріѣзду Киніона. — Я очень, очень радъ! Здѣсь я совершенно одинъ.

— Я ѣхалъ къ вамъ медленно, отвѣчалъ Киніонъ, слѣзая съ лошади; мнѣ приходилось нѣсколько разъ сворачивать съ дороги, иногда даже возвращаться назадъ; по дорогѣ я осмотрѣлъ нѣсколько церквей и монастырей. Какая у васъ прекрасная башня! Я думаю, она играла не послѣднюю роль въ исторіи итальянскихъ республикъ?

— Я почти ничего не знаю объ этихъ исторіяхъ, отвѣчалъ графъ, взглянувъ вверхъ; но я очень благодаренъ моимъ предкамъ, что они построили такую высокую башню; теперь я почти всегда въ ней сижу.

— Жаль, что вы не астрономъ, замѣтилъ Киніонъ. Эта башня выше галилеевой, которую я видѣлъ недѣлю или полторы тому назадъ.

— Астрономъ! Я дѣйствительно астрономъ, отвѣчалъ Донателло. Я сплю въ башнѣ и часто очень поздно сижу тамъ наверху. Тутъ есть лѣстница, которая ведетъ къ самой верхушкѣ, и рядъ комнатъ. Когда-то эти комнаты были темницами; объ этомъ вамъ Томасо лучше разскажетъ.

— Я очень охотно буду сидѣть вмѣстѣ съ вами, сказалъ гость; особенно въ лунныя ночи. Я думаю, что перспектива этой равнины должна быть прекрасна. Но я вовсе не зналъ, что здѣсь, въ вашей странѣ, господствовали такіе воинственные обычаи. Я воображалъ, что люди здѣсь всегда вели тихую, спокойную жизнь и всегда спали глубокимъ сномъ, не помышляя ни о войнѣ, ни о плѣнникахъ.

— Я прежде дѣйствительно такъ жилъ, какъ былъ моложе, отвѣчалъ графъ важно. Теперь я не мальчикъ; время идетъ и все измѣняетъ.

Скульпторъ невольно улыбнулся при этомъ замѣчаніи, которое, не смотря на простоту тона, было какъ-то оригинально въ устахъ Донателло; казалось, онъ теперь считалъ себя фактически причисленнымъ къ остальному человѣчеству.

Во время этого разговора они вошли въ широкій дворъ, откуда открылась вся вилла со своими мрачными, многочисленными балконами, и примыкающая къ ней густая роща.

— Въ старину ваши предки вели патріархальную жизнь въ этомъ огромномъ домѣ, замѣтилъ Киніонъ.

— Да, когда-то въ немъ жило много народу; а теперь я одинъ; вся моя дворня состоитъ изъ трехъ человѣкъ: Томасо, который былъ дворецкимъ еще при моемъ дѣдѣ, Стеллы, которая мететъ и убираетъ

комнаты, и повара Джироламо. Надобно однакожъ поставить вашу лошадь въ конюшню.

Графъ крикнулъ очень громко, но никто не являлся; онъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторить восклицаніе, пока въ окнѣ появилась сѣдая голова старой женщины; а черезъ нѣсколько минутъ изъ-за угла дома вышелъ такой же сѣдовласый дворецкій съ загорѣвшимъ на солнцѣ мальчикомъ, который повидимому работалъ въ виноградникѣ. Донателло далъ каждому изъ нихъ какое нибудь занятіе и повелъ своего гостя въ домъ.

Они вошли въ высокую четыреугольную переднюю, которая своею массивностью походила на этрусскую гробницу; полъ и стѣны ея, сведенныя въ такія же массивные своды, состояли изъ огромныхъ кусковъ камня. Съ двухъ сторонъ находились двери, за которыми слѣдовали длинные ряды покоевъ; съ третьей стороны поднималась широкая, также массивная лѣстница, ведшая во второй этажъ дома, столь же обширный, какъ нижній. Сквозь одну дверь Киніонъ увидѣлъ перспективу комнатъ, напомнившую ему безконечные ряды залъ сказочнаго дворца Тысячи и Одной ночи, и онъ согласился въ душѣ, что, живя одиноко въ этомъ домѣ, дѣйствительно можно впасть въ меланхолію.

— И здѣсь нѣтъ ни одного женскаго лица! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Донателло.

Но глаза Донателло смотрѣли угрюмо и печально и придавали молодому лицу его такое выраженіе, какъ будто бы онъ пережилъ тридцать лѣтъ нравственныхъ мученій. Въ это время въ одной двери появилась Стелла, единственная представительница своего пола въ Монте Бени.

— Пойдемте, сказалъ графъ. Я вижу, что вы нашли мой домъ очень мрачнымъ. Теперь я то же нахожу; но въ дѣтствѣ онъ мнѣ очень нравился. Въ старину, мнѣ разсказывали, здѣсь жили всѣ и близкіе и дальніе родственники; здѣсь жило много людей, привязанныхъ другъ къ другу родственною любовью.

— Чтобъ оживить этотъ домъ, достаточно было бы и двухъ людей, связанныхъ такою любовью, возразилъ Киніонъ. Одному здѣсь должно быть очень скучно. Но я думаю, у васъ должны быть еще родственники?

— Нѣтъ, я послѣдній, отвѣчалъ Донателло. Они всѣ перемерли, еще когда я былъ ребенкомъ. Томасо можетъ вамъ разсказать, что воздухъ Монте Бени въ послѣднее время не такъ благопріятствовалъ здоровью, какъ въ старину. Но впрочемъ быстрое исчезновеніе моего рода не секретъ.

— Стало быть, вы знаете другую, болѣе основательную причину? возразилъ Киніонъ.

— Я предполагаю одну; она пришла мнѣ въ голову, какъ я сидѣлъ наверху и смотрѣлъ на звѣзды, отвѣчалъ Донателло. Но, извините меня, я не знаю, какъ мнѣ вамъ разсказать... Видите-ли, у моихъ предковъ было обыкновеніе и множество средствъ веселить и себя и своихъ гостей. Теперь у насъ осталось только одно!

— Какое?

— А вотъ вы увидите, отвѣчалъ молодой хозяинъ и повелъ своего гостя въ салонъ, куда послѣдовала за ними старая Стелла. Получивъ отъ графа нѣсколько приказаній, старушка вскорѣ возвратилась въ залъ съ большимъ подносомъ, на которомъ находился отлично приготовленный омлеттъ, вишни, виноградъ, абрикосы и превосходныя винныя ягоды. Вслѣдъ за нею явился старый дворецкій.

— Томасо, принеси намъ солнечнаго свѣта, сказалъ графъ.

Это странное приказаніе объяснилъ Томасо, принесшій небольшую бутылку, обвернутую въ солому. Онъ откупорилъ бутылку, вложилъ въ нее клочокъ хлопчатой бумаги, которая впитала въ себя оливковое масло, предостерегающее драгоцѣнную жидкость отъ вреднаго дѣйствія воздуха, и поставилъ ее на столъ.

— Это вино, сказалъ графъ. Секретъ приготовленія его въ теченіе многихъ столѣтій принадлежитъ нашему роду; и украсть его никто не можетъ, развѣ украдетъ и самые виноградники, потому что только на нашей землѣ можетъ родиться такой виноградъ. отвѣдайте и скажите, достойно-ли оно своего имени? Его то и зовутъ солнечнымъ свѣтомъ. Попробуйте, говорилъ Донателло, наполняя стаканъ гостя и наливая себѣ. Но прежде понюхайте, какой запахъ!

— Прекрасно! сказалъ Киніонъ. Ни одно вино не имѣетъ такого пріятнаго запаха. Если оно и на вкусъ также хорошо, такъ это чудо!

— Прекрасное вино! вскричалъ Киніонъ, отпивъ изъ стакана. Я еще никогда не пилъ ничего подобнаго. Я полагаю, что такая бутылка можетъ стоить не менѣе скудо. Еслибъ вы продавали его, вы сдѣлались бы милліонеромъ.

— Продавать нельзя, синьоръ, вмѣшался старый Томасо, наблюдавшій Киніона съ такимъ видомъ, какъ будто бы похвалы относились къ нему. Нельзя продавать, синьоръ; еще когда я былъ очень молодымъ человѣкомъ, старики говорили, что пропадетъ совсѣмъ наше вино, если мы станемъ продавать его. Графы Монте Бени никогда не отдали за деньги ни одной бутылки. Я помню, какъ здѣсь принимали они герцоговъ, кардиналовъ, однажды даже императора и

папу; они пили здѣсь это вино, но никто изъ нихъ не можетъ купить его. И кромѣ того, синьоръ, это вино хорошо только дома; если его перевезти куда нибудь, хоть недалеко, оно дѣлается совершенно кисло.

— Вы однакожъ не ждите, пейте ваше вино, прервалъ графъ; оно очень скоро выдыхается.

Послѣ закуски Киніонъ сталъ разсматривать античную залу, въ которой они сидѣли. Она отличалась, какъ прочія видѣнныя имъ части замка, массивностью и тяжелою архитектурою. Огромныя колонны поддерживали своды, перекрещивавшіеся между собою. Стѣны были покрыты фресками, которыя когда-то служили дѣйствительнымъ украшеніемъ; но теперь они были уже стары, краски поблекли, мѣстами видна была бѣлая штукатурка, такъ что на нихъ едва едва обрисовывались фигуры Бахуса, пана и другихъ миѳологическихъ существъ.

— Судя по изображеніямъ, надо полагать, что эта зала была банкетной, сказалъ Киніонъ.

— Да, здѣсь еще на моей памяти давали пиры нѣсколько разъ, отвѣчалъ Донателло, важно глядя на разрисованныя стѣны. Какъ видите, въ Монте Бени были средства веселиться. Я помню, когда я бывалъ веселъ, эти фрески смотрѣли тоже веселѣе; мнѣ кажется, они стали такъ печальны только съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Рима.

— Было бы вовсе не дурно, замѣтилъ Киніонъ въ тонъ своему собесѣднику, если бы вы эту залу обратили въ часовню; и когда проповѣдникъ сталъ бы говорить своимъ слушателямъ о непрочности земнаго счастья, эти фрески лучше всего могли бы пояснить его идею.

— Это правда, отвѣчалъ графъ; я думаю, что дѣйствительно алтарю прилично стоять тамъ, гдѣ прежде веселились; грѣшный человѣкъ всего искреннѣе можетъ покаяться при такой обстановкѣ.

— Я долженъ буду сожалѣть о томъ, что сдѣлалъ такое предложеніе, сказалъ Киніонъ, замѣтивъ, что его слова произвели тяжелое впечатлѣніе на Донателло. Вы смущаете меня своими аскетическими предположеніями. Если вы позволитѣ мнѣ совѣтовать вамъ, прибавилъ онъ, то я вамъ совѣтовалъ бы молиться и каяться столько же, какъ и всѣ другіе люди.

Донателло не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ неподвижно, и, казалось, съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ фигуру, которая повторялась на всѣхъ фрескахъ и служила связью между ними; по всей вѣроятности, они имѣли какое нибудь аллегорическое значеніе, которое разгадать въ настоящее время не было возможности. Киніонъ посмотрѣлъ

туда же, и ему показалось, что эта фигура походила на самого Донателло. Это обстоятельство напомнило ему одну изъ цѣлей прибытія его въ Монте Бени.

— Послушайте, любезный графъ, сказалъ онъ, я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе. Позвольте мнѣ здѣсь на досугѣ сдѣлать вашъ бюстъ. Помните, мы всѣ — т. е. Гильда, Миріамъ и я — мы были поражены вашимъ сходствомъ съ фавномъ Праксителя. Но теперь, когда я всматриваюсь въ ваше лицо, я нахожу, что это сходство вовсе не такъ поразительно. Вашъ бюстъ былъ бы для меня сокровищемъ. Вы мнѣ позволите?

— У меня есть слабость, отвѣчалъ графъ, не глядя на скульптора, которую едва ли я въ состояніи буду преодолѣть; мнѣ какъ то страшно смотрѣть на себя.

— Я замѣтилъ это теперь, возразилъ скульпторъ; но это только нервное раздраженіе; оно пройдетъ со временемъ, и не можетъ быть препятствіемъ въ этомъ случаѣ. Я постараюсь сохранить и черты и выраженіе ваше собственное, что будетъ гораздо лучше.

— Извольте, я согласенъ, сказалъ Донателло, все еще глядя въ другую сторону; сдѣлайте мой бюстъ; но только я васъ предупреждаю. вамъ это будетъ очень трудно, потому что я и не хотѣлъ бы, но не могу не избѣгать чужихъ глазъ. Кромѣтого, прибавилъ онъ съ улыбкою, вы не должны открывать моихъ ушей.

— О, можете быть покойны; я и не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ скульпторъ смѣясь. Я помню, какъ рѣшительно вы отказали Миріамъ показать ваши уши.

При имени Миріамъ Донателло дико взглянулъ на скульптора; въ его глазахъ выражался и гнѣвъ, и ужасъ, и недоумѣніе, какъ въ глазахъ звѣря, преслѣдуемаго охотникомъ, который, выбѣжавъ изъ лѣсу, озирается кругомъ, не зная, куда броситься. Послѣдовала довольно продолжительная пауза, въ теченіе которой онъ видимо старался овладѣть собою.

— Вы произнесли ея имя, сказалъ онъ наконецъ, измѣнившимся голосомъ; скажите мнѣ все, что вы о ней знаете.

— Я знаю очень не много, что вѣроятно вы сами знаете, отвѣчалъ скульпторъ. Она уѣхала изъ Рима почти въ одно время съ вами. Дня черезъ два послѣ нашей встрѣчи въ церкви капуциновъ я заходилъ въ ея мастерскую — но ея уже не было. Куда она уѣхала, не знаю.

Донателло больше не спрашивалъ.

Наконецъ они встали изъ-за стола и пошли бродить по окрестностямъ; но разговоръ между ними не вязался.

Вечеромъ Киніонъ отправился въ отведенную для него комнату, которая, вѣроятно, въ теченіе пяти или шести столѣтій была мѣстомъ рожденія и смерти многихъ поколѣній графовъ Монте Бени. Здѣсь почти съ восходомъ солнца разбудила его криками своими толпа нищихъ, собравшихся на небольшой площадкѣ, на которую выходили окна спальни Киніона, и протягивавшихъ руки за подаяніемъ къ окнамъ сосѣднихъ комнатъ. Киніонъ видѣлъ, какъ всѣ они поочередно получали подаяніе и уходили.

— Кто эта благотворительная душа? подумалъ онъ. Донателло спитъ наверху, въ башнѣ; а кромѣ меня здѣсь, кажется, нѣтъ никого.

Хотя старинныя италіянскія виллы такъ обширны, что въ нихъ каждый посѣтитель можетъ имѣть особое помѣщеніе, но сколько было извѣстно Киніону, онъ былъ единственный гость въ замкѣ Монте Бени.

Въ слѣдующіе дни скульпторъ часто находилъ возможность бесѣдовать съ старымъ дворецкимъ и узналъ отъ него нѣсколько любопытныхъ подробностей о фамиліи графовъ Монте Бени. Они принадлежали безспорно къ числу древнѣйшихъ италіянскихъ фамилій. Писанная генеалогія, а гдѣ она прерывалась, тамъ преданія уносили начало этого рода ко временамъ доисторическимъ, къ эпохѣ Этрусковъ, почему значительное число древнихъ представителей его необходимо почитать миѳами. Эти миѳическія лица, говорило преданіе, положили основаніе башни, половина которой отъ времени опустилась въ землю и образовала подземные апартаменты, гдѣ впослѣдствіи стали хранить знаменитое фамильное вино.

Воображеніе скульптора заняла преимущественно одна легенда, очень странная и невѣроятная, но дававшая нѣкоторую возможность объяснить сходство Донателло съ фавномъ Праксителя, которое, какъ помнитъ читатель, поразило друзей нашего героя. По словамъ этой легенды, фамилія Монте Бени ведетъ свое начало отъ племени Пелазговъ, которое будто бы было первобытными обитателями Италіи, въ тѣ времена, когда боги и полубоги были на землѣ обыкновеннымъ явленіемъ и смѣшивались съ людьми, какъ съ равными себѣ существами, а рощи и лѣса были населены фавнами, сатирами и другими миѳологическими созданіями. Родоначальникомъ ея было существо, имѣвшее многія человѣческія свойства, но не вполнѣ человѣкъ, какое-то полудѣйствительное, полуфантастическое созданіе, обитавшее въ лѣсахъ, влюбившееся въ смертную дѣву. Эта сказочная чета вела счастливую супружескую жизнь подъ тѣнью деревъ, покрывавшихъ холмы сосѣдніе съ замкомъ Монте Бени, а потомство ея уже заняло мѣсто между

обыкновенными людьми. Хотя потомъ черты родоначальника и сглаживались въ каждомъ послѣдующемъ поколѣнiи, однакожъ остались нѣкоторыя и нравственныя и физическiя свойства, которыя даже въ послѣднемъ представителѣ этого рода напоминали фавна.

Не знаемъ, вѣрилъ-ли Кинiонъ этимъ разсказамъ, но онъ слушалъ ихъ съ большимъ участiемъ. Старый Томасо разсказывалъ съ увлеченiемъ и гордостью; но и то и другое исчезало, когда рѣчь касалась молодаго графа; онъ качалъ головою и тяжело вздыхалъ, такъ, что Кинiонъ однажды рѣшился спросить его, не замѣтилъ-ли онъ какой либо перемѣны въ своемъ молодомъ господинѣ.

— О, да, отвѣчалъ старикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ возвратился изъ этого несчастнаго города, его узнать нельзя. Я не разъ видѣлъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ задумавшись и вздыхаетъ; я не видалъ, чтобъ который нибудь графъ Монте Бени со слезами на глазахъ сидѣлъ за стаканомъ нашего вина. Я и самъ плачу, глядя на него. Да ужъ теперь все какъ-то печально стало на свѣтѣ.

— Развѣ прежде было веселѣе? спросилъ Кинiонъ.

— Конечно, синьоръ, гораздо веселѣе, и графы тогда были тоже люди все веселые. Еще когда я былъ ребенкомъ, мнѣ разсказывалъ дѣдушка, про одного графа, очень веселаго человѣка; онъ выходилъ обыкновенно вечеромъ въ садъ и, говорятъ, собирались къ нему какiя-то дѣвушки изъ фонтановъ и изъ кустовъ и онъ танцовалъ съ ними. Я готовъ присягнуть, что это правда. Гдѣ теперь найти такихъ людей!

— Да, такихъ ужъ нынче нѣтъ, подтвердилъ скульпторъ. Твоя правда, Томасо; скучно теперь на свѣтѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ, надо надѣяться, что графъ со временемъ попрежнему станетъ веселъ. Можетъ быть, онъ влюбится, женится, тогда все пойдетъ иначе, и самый домъ повеселѣетъ. Тогда все будетъ лучше, какъ думаешь?

— Можетъ быть, лучше, синьоръ, отвѣчалъ дворецкiй, серьезно глядя на своего собесѣдника, — а можетъ быть хуже.

Скульптору показалось, что старикъ не досказалъ своей мысли; однакожъ онъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанiя, позволилъ ему уйти и не видѣлъ его до самаго обѣда, когда тотъ снова явился съ отборною бутылкою вина.

Сказать правду, золотое вино не составляло необходимаго условiя, чтобы жизнь Монте Бени могла быть прiятною. Жаль только было, что самъ хозяинъ всегда казался грустнымъ и задумчивымъ, и если иногда по вечерамъ и бывалъ веселъ, то на утро обычная меланхолiя снова возвращалась къ нему. Не смотря на то время отъ времени старая вилла оживлялась появленiемъ то странствующихъ музыкантовъ,

вокругъ которыхъ собиралось все ея населеніе, то импровизатора, повторявшаго старинныя повѣсти въ стихахъ, то фокусниковъ, приводившихъ въ восторгъ и недоумѣніе безхитростныхъ старцевъ и дѣвушекъ, работавшихъ на фермѣ. Но самъ графъ рѣдко бывалъ въ числѣ слушателей или зрителей. Нищіе аккуратно каждое утро являлись подъ окнами и даже располагались на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы; имъ давали ѣсть, пить, снабжали мелкою монетою, и они уходили, осыпая благословеніями добраго хозяина, и молясь за души его предковъ. Но добродушный филантропъ, наперекоръ ихъ молитвамъ, оставался по прежнему мраченъ и задумчивъ и по прежнему сидѣлъ на своей башнѣ.

ГЛАВА II.

Миоы.

Нельзя сказать, чтобы присутствіе Киніона не доставляло графу никакого развлеченія. Они часто и долго бродили вдвоемъ по окрестнымъ холмамъ и рощамъ. Донателло водилъ своего друга показывать тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились, съ которыми познакомился еще въ дѣтствѣ. Киніону нерѣдко представлялись живописные пейзажи, прелести которыхъ въ равной степени содѣйствовали и природа и искусство. Во время этихъ прогулокъ онъ могъ замѣтить, что спутникъ его находилъ особенную прелесть въ дикихъ, заросшихъ пустынныхъ мѣстахъ, куда едва проникалъ лучъ солнца.

Изъ такихъ уголковъ Киніону понравился преимущественно одинъ. То была узкая, густо поросшая деревьями долина между двумя холмами, примыкавшая къ обширной плодоносной равнинѣ. Здѣсь изъ почвы пробивался обильною, прозрачною струею источникъ, падавшій потомъ съ значительной высоты въ мраморный бассейнъ, покрытый мхомъ. У самаго паденія среди густой растительности, на мшистомъ пьедесталѣ стояла нимфа и видно было, что когда-то, быть можетъ, уже очень давно, вода изливалась въ бассейнъ изъ ея урны; но теперь въ этой урнѣ была трещина и бѣдной нимфѣ осталось только слѣдить за быстрою струею, обдающею ее брызгами и быстро уносящеюся вдаль.

— Это было всегда мое любимое мѣсто, сказалъ Донателло. Здѣсь я бывалъ очень счастливъ, когда былъ мальчикомъ.

— А теперь, возмужавъ, вы конечно не можете находить такого наслажденія, какое находили тогда, возразилъ Киніонъ. Сколько я васъ понимаю, вы одарены большою общительностью и потому это мѣсто не можетъ быть для васъ привлекательно; оно располагаетъ къ сосредоточенности. Здѣсь можетъ находить удовольствіе мечтатель, поэтъ, который населилъ бы его существами, созданными его воображеніемъ.

— Я не поэтъ, отвѣчалъ Донателло; но у этого ручья, возлѣ этой нимфы, я всегда бывалъ счастливъ. Говорятъ, будто мой праотецъ фавнъ привелъ сюду дѣвушку, въ которую онъ влюбился и жилъ здѣсь съ нею.

— Это очень хорошая сказка, возразилъ скульпторъ.

— Почему же сказка? спросилъ Донателло простодушно. Съ этимъ мѣстомъ связана и другая исторія, очень печальная. Если бъ могъ, я разсказалъ бы вамъ ее, и увѣренъ, она васъ заинтересовала бы непремѣнно.

— О, пожалуйста, разсказывайте! Въ этихъ старыхъ легендахъ иногда гораздо больше красотъ, чѣмъ въ любой новѣйшей поэзіи.

И молодой графъ разсказалъ легенду объ одномъ изъ своихъ предковъ, жившемъ за сто или тысячу лѣтъ — этого онъ навѣрное не зналъ, — который познакомился съ прекраснымъ существомъ, обитавшимъ въ этомъ потокѣ. Какими свойствами обладало это существо — неизвѣстно: о немъ только и знали, что вся его душа и жизнь была какимъ-то таинственнымъ, непонятнымъ образомъ слиты съ струями потока. Вѣроятно, то была водная нимфа; она любила молодаго рыцаря — такъ называлъ Донателло своего предка, потому что, какъ говоритъ преданіе, онъ принадлежалъ къ родственной ей породѣ существъ. Но какъ бы то ни было, между нимфою и юношею съ косматыми ушами существовали самыя дружественныя отношенія. Она научила его, какъ вызывать ее, и они вмѣстѣ проводили здѣсь много счастливыхъ часовъ, особенно въ жаркіе лѣтніе дни. Часто, когда юноша ожидалъ нимфу, сидя на берегу, она обдавала его свѣжимъ крупнымъ дождемъ; иногда онъ наклонялся къ потоку и лишь только губы его прикасались къ водѣ, онъ чувствовалъ прикосновеніе ея холодныхъ, свѣжихъ устъ.

— Такъ онъ находилъ здѣсь самый холодный пріемъ, сказалъ скульпторъ, не скрывая ироніи.

— Вы, кажется, смѣетесь надъ моей исторіей, возразилъ Донателло тономъ, въ которомъ нельзя было не замѣтить негодованія; я ничего не нахожу въ ней смѣшнаго.

Киніонъ постарался успокоить своего страннаго друга, и тотъ про-

должалъ. Дружескія отношенія между рыцаремъ и нимфою оставались неизмѣнны очень долго. Однажды вечеромъ онъ пришелъ скорыми шагами къ ручью и началъ звать нимфу, но, вѣроятно, голосъ его измѣнился — она не являлась и не отвѣчала ему. Онъ бросился къ водѣ, началъ мыть руки, мочить лобъ и лицо, но они оставались сухи и горѣли, какъ прежде.

Донателло замолчалъ.

— Отчего же это случилось? спросилъ Киніонъ.

— Оттого, что онъ хотѣлъ смыть съ своихъ рукъ пятна крови, отвѣчалъ графъ голосомъ, въ которомъ слышался неподдѣльный ужасъ. Преступный человѣкъ осквернилъ чистую воду. Нимфа, можетъ быть, могла утѣшить его въ горѣ и несчастіи, но не могла освободить его совѣсть отъ угрызеній.

— И послѣ того онъ ужъ ея не видѣлъ? спросилъ Киніонъ.

— Никогда, отвѣчалъ Донателло; только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ мылъ руки, осталось кровавое пятно. Онъ всю жизнь плакалъ о ней; лучшимъ скульпторамъ заказывалъ статуи ея, но ни одинъ не могъ представить ее веселой и счастливой, какою онъ ее помнилъ; исторія, которую онъ имъ разсказывалъ, производила на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что всѣ статуи, не смотря на ихъ усилья, казалось, плакали, вотъ какъ эта.

— Вы говорите, что она ужъ никому не являлась, сказалъ Киніонъ, помолчавъ. Мнѣ кажется, что вы могли бы ее вызвать.

— Я часто звалъ ее, бывши еще ребенкомъ, отвѣчалъ Донателло; но, благодаря Бога, она не являлась.

— Такъ и вы тоже ея не видѣли?

— Никогда; хотя здѣсь я бывалъ очень часто и имѣлъ тутъ много друзей. Въ дѣтствѣ я былъ знакомъ съ разными существами, живущими въ лѣсу. Вы смѣялись бы надо мною, если бъ увидѣли меня между ними. Не могу вамъ сказать, какъ я научился ихъ звать; но мнѣ стоило закричать особымъ голосомъ на распѣвъ и ко мнѣ приходили лѣсные жители и, кажется, понимали все, что я говорилъ.

— Да, я слышалъ о такой способности, замѣтилъ скульпторъ, но мнѣ никогда не случалось встрѣчать людей, одаренныхъ ею. Попробуйте позвать, а чтобъ не испугать вашихъ друзей, я спрячусь въ чащу кустарника и буду только смотрѣть на нихъ.

— Едва-ли они узнаютъ теперь мой голосъ, отвѣчалъ Донателло. Я очень возмужалъ и перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ призывалъ ихъ послѣдній разъ.

Однакожъ онъ согласился. Киніонъ отошелъ въ сторону и черезъ нѣсколько минутъ услышалъ дикое завываніе, не лишенное нѣкотораго

рода гармоніи; оно становилось громче, яснѣе, и что-то трогающее, преклоняющее звучало въ немъ. Скульптору показалось, что онъ слышалъ первобытный языкъ человѣка, который живетъ еще одною жизнію съ окружающимъ міромъ. Между тѣмъ голосъ Донателло то поднимался до самыхъ высокихъ нотъ, то опускался и совершенно затихалъ на нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ прислушивался; но ни одинъ отвѣтный звукъ не долеталъ до его уха. Онъ снова принимался звать; но въ звукахъ его слышалось уже нетерпѣніе и горесть. Онъ вышелъ изъ-за куста, скрывавшаго отъ него небольшую поляну, по которой разбѣгался ручей, но тамъ было пусто, только на пескѣ у воды неподвижно лежала бурая ящерица.

— Что съ вами? вскричалъ Киніонъ, когда возвратился Донателло, котораго онъ не переставалъ наблюдать изъ своей засады.

— Смерть! смерть! рыдалъ несчастный графъ. Они все знаютъ!

Онъ бросился на траву и далъ волю своему чувству; слезы лились по его блѣднымъ щекамъ и грудь надрывалась отъ рыданій. Напрасно Киніонъ старался успокоить его, обратить его вниманіе на дѣйствительность; онъ не слушалъ его словъ и только твердилъ: «они знаютъ! они все знаютъ!»

— Кто знаетъ? спрашивалъ скульпторъ. Что знаютъ?

— Они знаютъ, повторялъ Донателло. Они бѣгутъ отъ меня! Вся природа бѣжитъ отъ меня. Я проклятъ, они боятся меня!

— Успокойтесь, мой другъ, говорилъ Киніонъ, ставъ возлѣ него на колѣна. Вы раздражены и, Богъ знаетъ, что воображаете. Какое проклятіе! Можетъ быть мое присутствіе пугаетъ вашихъ друзей.

— Теперь они ужъ не друзья мои, возразилъ Донателло.

— Мы всѣ удаляемся все болѣе и болѣе отъ природы по мѣрѣ того, какъ становимся старше, продолжалъ скульпторъ. Этимъ мы платимъ за опытъ, который пріобрѣтаемъ въ жизни.

— Страшная плата! сказалъ Донателло, поднимаясь на ноги. Не будемъ больше говорить объ этомъ. Забудьте, пожалуйста, эту сцену. Въ вашихъ глазахъ я долженъ быть очень глупъ; но мнѣ очень жаль, что я потерялъ эту способность, пойдемте, прибавилъ онъ рѣшительно, я больше не буду плакать.

Когда они возвратились въ замокъ, графъ отправился на верхъ своей башни, а Киніонъ принялся читать Данте, котораго нашелъ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ комнатъ между книгами религіознаго содержанія. Проходя въ свою комнату, онъ встрѣтилъ Томасо, который остановилъ его замѣчаніемъ, что графъ сегодня, кажется, особенно печаленъ.

— Да, отвѣчалъ Киніонъ. Надо бы придумать что нибудь, чтобъ развлечь его.

— Ничего не придумаешь, сказалъ старикъ, качая головою. Мы мужчины, плохія няньки для тѣхъ, у кого болитъ душа и тѣло больное.

— Такъ ты думаешь, что графу полезно было бы женское общество? спросилъ Киніонъ. Это, я думаю, возможно устроить.

— Надо подождать немного, сказалъ Томасо, какъ обыкновенно покачавъ головою.

Черезъ день или два послѣ описанной сцены Киніонъ изъявилъ желаніе осмотрѣть башню.

— Мнѣ кажется, ее не стоитъ смотрѣть, отвѣчалъ графъ недовольнымъ тономъ, что выражало въ немъ внутреннее волненіе. Да, притомъ вы ее можете всю видѣть.

— Снаружи, конечно, она видна издалека, возразилъ скульпторъ. Но именно ея наружность заставляетъ думать, что внутри она еще интереснѣе. Сколько я могу судить, ей не менѣе шестисотъ лѣтъ, а фундаментъ и нижній этажъ, можетъ быть, и старше. Притомъ, вѣроятно, съ нею соединяется множество преданій.

— Да, есть много разсказовъ, отвѣчалъ Донателло; но я почти ни одного не знаю, и не могу понять, что вы, иностранцы, находите въ ней интереснаго. Годъ или два тому назадъ пріѣзжалъ сюда изъ Флоренціи одинъ англійскій синьоръ,—говорили, что онъ магъ, но почтенный человѣкъ, съ бѣлою бородою,—и только за тѣмъ, чтобъ посмотрѣть мою башню.

— А, я видѣлъ его во Флоренціи, замѣтилъ Киніонъ. Онъ некромантъ, это правда, и живетъ въ старомъ домѣ рыцарей Тампліеровъ возлѣ Понте Векіо. У него множество книгъ, картинъ и древностей. Я замѣтилъ у него хорошенькую маленькую дѣвочку, которая служитъ ему.

— Я знаю его только по бѣлой бородѣ, сказалъ Донателло; но онъ могъ бы разсказать вамъ обо всѣхъ осадахъ, которыя выдержала эта башня и о всѣхъ заключенныхъ сидѣвшихъ въ ней; онъ собралъ всѣ преданія о нашей фамиліи, и я разсказалъ ему ту исторію, которую разсказывалъ вамъ у ручья. Онъ говорилъ мнѣ, что въ молодости былъ знакомъ со многими поэтами, и что для многихъ изъ нихъ эта легенда была бы прекраснымъ сюжетомъ.

— Пойдемте въ башню, сказалъ Киніонъ. Посмотрите, надвигается грозовая туча, оттуда будетъ прекрасный видъ.

— Пойдемте; но вы увидите, что тамъ все очень мрачно и голо, отвѣчалъ графъ со вздохомъ.

Поднявшись на лѣстницу изъ передней, они прошли чрезъ самую

запущенную часть дома по темнымъ корридорамъ и вошли въ низкую, старинную дверь, которая вела къ узкой извилистой лѣстницѣ, освѣщенной окнами съ желѣзными рѣшетками. Достигнувъ первой площадки, графъ отворилъ источенную червями дубовую дверь, и они вступили въ обширную комнату, занимавшую все пространство башни. Слабый свѣтъ, проникавшій сквозь узкія отверстія въ массивной стѣнѣ, загороженныя желѣзными рѣшетками, падалъ на голый, устланный кирпичемъ полъ и освѣщалъ старинную скамейку, единственную мебель, которая, казалось, дѣлала эту комнату еще печальнѣе.

— Это была тюрьма, сказалъ Донателло. Старый некромантъ, о которомъ я вамъ говорилъ, узналъ откуда-то, что пятьсотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ заключенъ какой-то знаменитый монахъ. Говорятъ, онъ былъ святой человѣкъ; его потомъ сожгли на площади во Флоренціи. Томасо разсказывалъ мнѣ, что въ дверяхъ этой комнаты, и на лѣстницѣ видѣли когда-то монаха, покрытаго капишономъ. Это, вѣроятно, духъ того, который здѣсь сидѣлъ. Вы вѣрите въ духовъ?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчалъ Киніонъ.

— Я тоже не вѣрю, сказалъ графъ; потому что, если бы дѣйствительно являлись духи, то въ эти два мѣсяца я встрѣтился бы здѣсь съ однимъ. Но духи не выходятъ! прибавилъ онъ рѣшительно. Я этому очень радъ.

Поднявшись еще выше по лѣстницѣ, они вошли въ другую комнату почти такихъ же размѣровъ, и такую же пустую, какъ первая; но въ ней обитали два существа, которыя съ незапамятныхъ временъ населяютъ древнія башни. То была пара совъ; повидимому, онѣ привыкли къ хозяину, потому что при входѣ посѣтителей только отступили въ темный уголъ и тамъ остались почти совершенно покойны.

— Онѣ не боятся меня, сказалъ графъ съ улыбкою, намекая на сцену у ручья. Когда я былъ дикимъ, веселымъ мальчикомъ, эти совы меня не любили.

Здѣсь онъ не останавливался долго, но повелъ своего друга выше; на каждомъ поворотѣ лѣстницы Киніонъ сквозь окно или амбразуру видѣлъ все болѣе и болѣе расширявшійся горизонтъ и чувствовалъ вливавшійся свѣжій воздухъ. Наконецъ они достигли послѣдней комнаты, расположенной подъ самой крышей башни.

— Это мое собственное жилище, сказалъ Донателло.

Дѣйствительно, комната имѣла видъ просто убранной спальни, снабженной всѣми священными эмблемами, которыя католики почитаютъ необходимыми для возбужденія въ себѣ благоговѣнія. Въ углу висѣло распятіе, по стѣнамъ виднѣлись безобразныя гравюры, изображавшія страданія Христа и разныхъ святыхъ мучениковъ. Надъ рас-

пятіемъ висѣла довольно хорошая копія тиціановой Магдалины; въ томъ же углу на столѣ лежалъ человѣческій черепъ; съ перваго взгляда можно было подумать, что онъ вынутъ изъ какой нибудь древней гробницы; но, разсмотрѣвъ его внимательнѣе, Киніонъ убѣдился, что онъ былъ сдѣланъ изъ сѣраго алебастра. У двери въ вазѣ изъ дорогаго мрамора находилась святая вода; Донателло омочилъ въ нее пальцы и перекрестился.

И здѣсь они тоже оставались недолго. По крутой и также извилистой лѣстницѣ они поднялись на самую вершину башни; отсюда открывалась далекая перспектива: вся умбрійская долина была какъ на ладони; отдаленные фермерскіе домики и холмы, казалось, лежали у самаго подножья башни; вглядѣвшись въ этотъ неизмѣримый для человѣческаго глаза пейзажъ, можно было подумать, что вокругъ башни разстилается картина всей Италіи. Бѣлыя виллы, сѣрые монастыри, церковные куполы, деревни, города со своими зубчатыми стѣнами выглядывали изъ-за холмовъ и разнообразили картину, которую прорѣзывала извилистая рѣка, сверкавшая на солнцѣ.

Темная туча, замѣченная скульпторомъ на краю горизонта, поднялась высоко и раздѣлила пополамъ небо, на другой сторонѣ котораго ярко сіяло солнце. Одну половину пейзажа покрывала тьма, между тѣмъ какъ другая была облита солнечнымъ свѣтомъ.

— Какъ хорошо! воскликнулъ Киніонъ. Я много видѣлъ картинъ, но не помню ни одной, которая была бы величественнѣе этой.

— Да, дѣйствительно, хорошо, сказалъ Донателло. Смотрите на свѣтлую часть, это для васъ; а мою покрыли тучи.

Киніонъ постарался опровергнуть эту мысль и, полюбовавшись еще нѣсколько минутъ видомъ, пошелъ къ стѣнѣ, которая зубцами своими возвышалась надъ крышей. Потомъ сбросивъ кусокъ глины, отвалившейся отъ стѣны, сталъ слѣдить за имъ, какъ онъ, повертываясь въ воздухѣ, упалъ наконецъ на скалистое основаніе башни и разбился въ дребезги.

— Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые находятъ удовольствіе стоять у края высоты и измѣрять глубину, сказалъ онъ. Если бы я захотѣлъ послѣдовать моему побужденію, то я самъ бросился бы за этимъ кускомъ глины. Это странное, непонятное влеченіе, но противиться ему очень трудно; я думаю, потому, что это очень легко сдѣлать, а сверхъ того, можно безъ всякаго труда и борьбы достигнуть немедленнаго и важнаго результата. Испытывали-ли вы когда нибудь такое чувство;вотъ теперь, напримѣръ, я въ такомъ состояніи, какъ будто злой духъ стоялъ у меня за спиною и толкалъ къ пропасти.

— Ахъ нѣтъ! вскричалъ Донателло, отступая отъ стѣны. Это страшная смерть!

— О нѣтъ, возразилъ Киніонъ; если человѣкъ падаетъ съ большой высоты, то умираетъ еще на воздухѣ и вовсе не чувствуетъ, какъ ударяется о землю.

— Все таки это страшно, живо проговорилъ Донателло; вообразите себѣ человѣка, который дышетъ, смотритъ на васъ, говоритъ, и вдругъ этотъ человѣкъ летитъ внизъ! Онъ не можетъ умереть на воздухѣ. Онъ живой упадетъ на камни и тамъ уже умретъ. Вы готовы были бы отдать жизнь, чтобъ онъ пошевелился!.. Нѣтъ, это ужасно! Я самъ охотно полетѣлъ бы внизъ, чтобъ никогда ужъ больше не думать объ этомъ!

— Какъ вы живо представляете себѣ такую сцену, сказалъ скульпторъ, пораженный словами своего друга и еще болѣе дикими жестами и взглядами, обличавшими глубокую душевную тревогу. Если высота башни такъ сильно дѣйствуетъ на ваше воображеніе, то вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь одному, особенно ночью. Вы не совсѣмъ безопасны въ своей комнатѣ. Вы можете сонъ принять за дѣйствительность и тогда нельзя ручаться за вашу жизнь.

Донателло оперся на парапетъ и закрылъ лицо руками.

— Не бойтесь, сказалъ онъ послѣ паузы; я слишкомъ труслив и никогда не посягну на свою жизнь.

Киніонъ завелъ разговоръ о другихъ предметахъ, и Донателло мало по малу совершенно успокоился. Но нравственное состояніе его, высказавшееся въ двухъ, трехъ сценахъ, внушило скульптору чувство состраданія къ бѣдному юношѣ, веселому и беззаботному отъ природы, но теперь погруженному въ мрачныя, тяжелыя мысли, изъ которыхъ не находилъ выхода. Киніонъ подозрѣвалъ, что эта перемѣна была слѣдствіемъ какого нибудь случая, слишкомъ сильно подѣйствовавшаго на кроткую и простую душу молодаго человѣка, который видимо боролся съ какимъ то невысказаннымъ и, можетъ быть, не совсѣмъ сознаннымъ чувствомъ.

— И, можетъ быть, ему можно было бы помочь, думалъ скульпторъ, если бы онъ откровенно разсказалъ, что его мучитъ.

Съ этою мыслью онъ обернулся къ югу и сталъ смотрѣть вдаль. Воображеніе перенесло его за предѣлы видимаго ландшафта и нарисовало другую башню, возвышающуюся надъ крышами Рима, и стаю бѣлыхъ голубей, и образъ Мадонны, предъ которымъ теплится неугасаемая лампада,

— Тамъ, за этими горами, Римъ, сказалъ онъ; вы воротитесь туда къ осени?

*

— Никогда! Я ненавижу этотъ городъ! вскричалъ Донателло, и у меня есть причина.

— Однакожъ мы провели тамъ пріятную зиму. Вы опять встрѣтились бы тамъ со всѣми прежними друзьями.

— Со всѣми? спросилъ Донателло.

— Да, я думаю; впрочемъ вамъ нѣтъ надобности ѣхать въ Римъ искать ихъ. Я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фаталистъ, и увѣренъ, что отъ тѣхъ людей, съ которыми вамъ судьба опредѣлила жить, вы не скроетесь и въ этой башнѣ.

— Здѣсь, кромѣ васъ, никто не нашелъ бы меня, возразилъ графъ, повидимому желая прервать этотъ разговоръ.

Между тѣмъ туча миновала Монте Бени и нависла надъ отдаленными холмами, виднѣвшимися на краю горизонта. Мѣстами проглядывали длинныя полосы голубаго неба, освѣщеннаго солнцемъ, но вдали надъ долиною клубились густыя облака, которыя подвигались все дальше къ востоку и принимали самыя разнообразныя формы.

— Какъ облака измѣняютъ общую картину, замѣтилъ скульпторъ.

— Я люблю смотрѣть на нихъ, сказалъ Донателло. Они часто принимаютъ самыя странныя формы; иныя точно люди. Посмотрите, вотъ тамъ внизу, какая фигура; монахъ стоящій на колѣнахъ, капишонъ у него на головѣ и прикрываетъ часть лица.

— Я думаю, мы оба смотримъ на одно и тоже облако, сказалъ Киніонъ; но мнѣ оно представляется женскою фигурою и очень ясно очерченною. Всмотритесь хорошенько — вы замѣтите въ этой фигурѣ выраженіе отчаянія.

— Да, вижу, вижу, кажется, и лицо видно; отвѣчалъ графъ. — Это фигура Миріамъ! прибавилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, не Миріамъ, возразилъ скульпторъ.

Долго еще стояли они, погруженные каждый въ свои воспоминанія, любуясь плывущими облаками, позолоченными лучами солнца, которое уже клонилось къ закату. Повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, и рои мошекъ, клубившіеся цѣлый день у вершины башни, стали мало по малу рѣдѣть и наконецъ совсѣмъ исчезли. Съ ближняго монастыря раздался колокольный звонъ, и эхо повторило его между холмами и рощами; черезъ нѣсколько минутъ послышался еще колоколъ въ другой сторонѣ, тамъ третій — уже болѣе отдаленный, и всѣ они слились въ одинъ гулъ, который долго носился и дрожалъ въ воздухѣ. Солнце спустилось уже за холмы — еще нѣсколько минутъ — и наступилъ вечеръ, который совы привѣтствовали своимъ унылымъ, монотоннымъ крикомъ.

— Пойдемте, сказалъ Киніонъ. Становится сыро.

— Ступайте, а я останусь здѣсь, отвѣчалъ Донателло. Я обыкновенно, прибавилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, молюсь здѣсь; впрочемъ, я думаю, что было бы лучше, если бъ я ходилъ въ сосѣднiй монастырь. Иногда, мнѣ кажется, что хорошо было бы обратить эту башню въ келiю. Что вы объ этомъ думаете?

— Какъ? сдѣлаться монахомъ? вскричалъ Киніонъ. Это ужасная мысль!

— Потому то я и хочу ее исполнить, отвѣчалъ Донателло, вздохнувъ.

— Избави васъ Богъ! Есть тысячи другихъ способовъ... Стоитъ только взглянуть на физіономію вашего монаха, чтобъ убѣдиться, что это не человѣкъ; что лѣнивая, животная жизнь истребила въ немъ всякое благородное чувство, всякую возвышенную мысль. Нѣтъ, лучше ужъ стоять здѣсь и смотрѣть на звѣзды.

— Вы меня пугаете, сказалъ графъ. Какъ можно говорить такъ о людяхъ, которые посвятили себя служенію Богу!

— Они не служатъ ни Богу, ни людямъ, а только себѣ, и это единственная цѣль ихъ существованія, выразилъ скульпторъ. Бѣгите монастыря, если не хотите убить свою душу. Что до меня, то если бы на совѣсти у меня былъ какой нибудь тяжкій грѣхъ, я сдѣлалъ бы свѣтъ моею келіею, а добрыя дѣла молитвою. Такъ поступали многіе кающіеся и находили успокоеніе.

— Вы еретикъ! сказалъ графъ, вздохнувъ. Однакожъ лицо его нѣсколько просвѣтлѣло. Глядя на него въ эту минуту и на звѣзды, уже выступившія на небѣ, Киніонъ вспомнилъ сцену въ Капитоліи, когда Донателло такъ живо напоминалъ фавна. И теперь онъ опять походилъ на фавна — мысль жить среди людей и для ихъ блага благотворно подѣйствовала на его душу; она заглушила въ нѣмъ на минуту печаль и возвратила ему прежній покой. Но только на минуту. Мысль о долгой жизни, исполненной самоотверженія, лишь только онъ вдумался въ нее, показалась ему слишкомъ грандіозною и испугала его. Италіянцы рѣдко бываютъ филантропами по принципу; они раздаютъ милостыню нищимъ, которые останавливаютъ ихъ на каждомъ шагу; но лучшимъ средствомъ умилостивить небо считаютъ приношенія въ церкви и монастыри, путешествія къ святымъ мѣстамъ и наконецъ монастырскую жизнь.

Между тѣмъ въ воздухѣ уже совсѣмъ стемнѣло, а въ долинѣ стали мелькать огоньки. Скульпторъ хотѣлъ было уйти, но внизу, гдѣ то въ отдаленіи послышалась тихая, протяжная пѣсня. Ее пѣлъ женскій голосъ.

— Слушайте! сказалъ Киніонъ, взявъ за руку Донателло.

— Слушайте! произнесъ тотъ въ ту же минуту.

Пѣсня становилась все слышнѣе и слышнѣе; то не была блестящая италіянская мелодія и слова, сколько можно было разслышать, были непонятны для слушателей. И то и другое, казалось, было исполнено глубокой тоски, мучительной любви и напоминало нѣмецкую музыку. Голосъ постепенно поднимался выше и выше, достигалъ до паѳоса и снова опускался къ низкимъ нотамъ и тихо звучалъ въ темнотѣ.

— Донателло, сказалъ тихо скульпторъ, не для васъ ли эта пѣсня:

— Но я не смѣю ее слушать, отвѣчалъ онъ. Тоска, о которой она говоритъ, всегда со мною. Нѣтъ, мнѣ не слѣдуетъ слушать эту пѣсню.

Киніонъ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него, и оставилъ бѣднаго кающагося грѣшника молиться.

ГЛАВА III.

Бюстъ Донателло.

Мы сказали, что Киніонъ просилъ позволенія снять бюстъ Донателло. Теперь работа подвигалась быстро, и мысли нашего скульптора часто были заняты чертами лица его хозяина. Никогда еще онъ не предпринималъ работы, которая стоила бы ему столько труда, не потому, чтобы трудно было соблюсти сходство, хотя гармонія и нѣжность чертъ, казалось, не согласовались съ общимъ выраженіемъ; его затрудняло, какъ придать этому добродушному, веселому типу лица выраженіе, которое было слѣдствіемъ состоянія его духа. Если скульптору удавалось подмѣтить выраженіе, которое казалось ему естественнымъ и постояннымъ, то въ слѣдующее мгновеніе оно измѣнялось и совершенно исчезало. Эта необыкновенная подвижность лица приводила скульптора въ отчаяніе. Даже общее настроеніе духа Донателло, повидимому, ни на минуту не измѣнявшееся, не могло придать его чертамъ спокойствія, котораго требуетъ пластическое искусство. Потерявъ надежду на успѣхъ, рѣшился ваятель не обращать вниманія на выраженіе чертъ, полагая, что искусство, безсознательно

для него и безъ его участія достигнетъ предположенной имъ цѣли: но вышло еще хуже. Предъ нимъ былъ комъ сѣрой глины, лицо Донателло, но безъ всякаго сходства, и безъ малѣйшаго намека на жизнь.

— Это можетъ свести съ ума! вскричалъ скульпторъ, потерявъ терпѣніе. Ну посмотрите на эту глину, узнаете-ли вы себя?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Донателло простодушно, и сказалъ правду. Въ лицѣ проглядываетъ что то странное, не принадлежащее мнѣ..

Такъ откровенно высказанное мнѣніе задѣло самолюбіе слульптора. Почти не думая о томъ, что можетъ сдѣлать, Киніонъ провелъ двѣ-три черты, нѣкоторыя не много измѣнилъ и обратился къ своему другу съ вопросомъ, лучше-ли теперь.

— Стойте! вскричалъ Донателло, взявъ за руку скульптора. Пусть такъ останется!

Киніонъ, совершенно не хотя, этими немногими чертами далъ всему лицу выраженіе душевнаго разстройства, соединеннаго съ звѣрскою лютостью и отвращеніемъ. Если бы Гильда или Миріамъ увидѣла бюстъ съ такимъ выраженіемъ, онъ напомнилъ бы имъ лицо Донателло въ ту минуту, какъ тотъ держалъ свою жертву на краю пропасти.

— Что я сдѣлалъ? вскричалъ скульпторъ, пораженный своимъ собственнымъ произведеніемъ. Такъ нельзя оставить, ни за что въ мірѣ! Каинъ не могъ быть безобразнѣе.

— Потому то и нужно такъ оставить, отвѣчалъ графъ, поблѣднѣвши какъ полотно при видѣ своего лица. Не трогайте теперь и сдѣлайте по этому слѣпку мраморный бюстъ. Я поставлю его въ спальнѣ, чтобъ онъ былъ всегда предъ моими глазами. Это лицо, оживленное моимъ преступленіемъ, страшнѣе мертвой головы, которая досталась мнѣ отъ моихъ предковъ.

Но не смотря на возраженія Донателло, скульпторъ уничтожилъ выраженіе, которое поразило ихъ обоихъ.

— Вѣрьте мнѣ, сказалъ онъ спокойнымъ но серьезнымъ тономъ; вы не знаете, что вамъ нужно, чтобъ возстановить свои нравственныя силы, если вы ищете успокоенія въ угрызеніяхъ совѣсти. Васъ судьба заставила пройти чрезъ мрачную, темную долину; пройдите ее, но не оставайтесь въ ней долго, иначе ея атмосфера убьетъ васъ. Не уныніе, не постоянная тоска, не усиліе настраивать себя на мистицизмъ, а дѣятельность вамъ нужна. Вамъ грѣшно будетъ, если вы погубите свою жизнь, предавшись унынію; вы имѣете возможность дѣлать добро—дѣлайте его и оно спасетъ васъ отъ погибели, въ которую влечетъ васъ ваше настоящее состояніе.

— Вы возбудили во мнѣ такъ много новыхъ мыслей, сказалъ До-

нателло, прижавъ руку ко лбу; но отъ нихъ у меня голова идетъ кругомъ.

Они вышли изъ комнаты, гдѣ Киніонъ устроилъ свою временную мастерскую и, занятые послѣднимъ разговоромъ, не замѣтили, что бюстъ совершенно походилъ на свой оригиналъ, какимъ онъ былъ въ счастливѣйшія минуты жизни. Донателло ушелъ въ свою комнату, а Киніонъ пошелъ бродить по окрестностямъ. Когда онъ вечеромъ возвратился въ замокъ, въ прихожей встрѣтилъ его старый Томасо, съ которымъ у него съ нѣкотораго времени была какая то тайна.

— Синьорина хочетъ говорить съ вами, прошепталъ старикъ.

— Въ капеллѣ? спросилъ скульпторъ.

— Нѣтъ, въ залѣ за капеллою, отвѣчалъ дворецкій; входъ въ нее закрытъ занавѣсомъ; но вы найдете его — оттуда выйдетъ синьорина.

Киніонъ немедленно пошелъ по приглашенію.

Въ старинныхъ тосканскихъ виллахъ капелла составляетъ необходимую принадлежность, хотя часто дверь ея постоянно бываетъ заперта и ключъ отъ нея потерянъ. Капелла въ Монте Бени была всѣми забыта; въ дождливый день Киніонъ, бродя по дому, случайно открылъ ее и былъ пораженъ ея необыкновеннымъ величіемъ. Сквозь запыленныя, темныя окна, пробитыя въ сводчатой стѣнѣ, изливался кроткій свѣтъ на алтарь съ картиною, изображавшею послѣднія минуты какого то мученика, и на свѣчи, разставленныя симметрически; видно было, что когда то, может быть, полстолѣтія тому назадъ, ихъ зажигали на часъ или на два. У входа придѣлана была мраморная ваза; въ ней тоже очень давно содержалась святая вода, а теперь дно ея было покрыто слоемъ пыли; со сводовъ висѣли старыя знамена фамиліи графовъ Монте Бени, а въ нишахъ стояли ихъ мраморные бюсты, между которыми находился бюстъ и того несчастнаго рыцаря, о которомъ Донателло разсказывалъ у ручья.

Во всемъ домѣ это было единственное мѣсто, хранившее характеръ торжественнаго покоя и строгаго величія. Здѣсь Киніонъ встрѣтился въ первый разъ, тоже неожиданно, съ другимъ гостемъ, присутствія котораго не подозрѣвалъ ни онъ, ни его хозяинъ. Пройдя капеллу, Киніонъ, слѣдуя указанію Томасо, нашелъ узкую дверь и вошелъ въ небольшую залу, превосходившую всѣ видѣнныя имъ до сихъ поръ въ замкѣ своимъ великолѣпіемъ. Такъ какъ въ ней не нашелъ никого, то ему было время разсмотрѣть ее внимательно.

Полъ ея былъ устланъ дорогимъ мраморомъ, куски котораго составляли артистически расположенныя фигуры. Стѣны тоже были покрыты мраморомъ; въ высокихъ и глубокихъ нишахъ стояли статуи изъ такого же драгоцѣннаго матеріала. Не бывъ въ Италіи, не возможно

составить себѣ идеи о красотѣ и великолѣпіи, достигаемомъ единственно полированнымъ мраморомъ. Но къ числу особенностей этой залы должно отнести двѣ колонны изъ восточнаго алебастра и фрески, занимавшія всѣ пустыя мѣста по стѣнамъ.

Одно изъ достоинствъ полированнаго мрамора состоитъ въ томъ, что время не измѣняетъ его. При первомъ взглядѣ скульптору показалось, что въ этой залѣ какимъ то непонятнымъ образомъ заключили солнце. Разсматривая эту величественную комнату, Киніонъ представлялъ себѣ, какъ отворится дверь и войдетъ Миріамъ въ роскошномъ платьи, сіяющая красотою.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ противоположная дверь залы тихо отворилась и вошла Миріамъ; но она вовсе не была похожа на ту величественную даму, какою рисовало ее воображеніе скульптора; она была блѣдна и одѣта въ траурное платье. Походка ея была такъ слаба, что Киніонъ поспѣшилъ къ ней, боясь, чтобы она не упала на полъ. Но она поблагодарила его за вниманіе, протянувъ ему свою холодную руку, и спокойно сѣла на диванъ, стоявшій у стѣны.

— Вы, кажется, очень больны, Миріамъ? сказалъ скульпторъ. Я этого не зналъ.

— Нѣтъ; я не такъ больна, какъ вамъ кажется, отвѣчала она. Однакожъ чувствую, что могу умереть, если все останется такъ, какъ теперь.

— Что же васъ безпокоитъ? спросилъ Киніонъ. Какъ вамъ помочь?

— Что безпокоитъ? повторила Миріамъ. То, что во мнѣ слишкомъ много жизни и энергіи, и я не знаю, что съ ними дѣлать. У меня нѣтъ того, что я считаю моимъ единственнымъ достояніемъ на землѣ. Я хочу пожертвовать всю себя, но моя готовность къ самопожертвованію остается безъ цѣли. Мнѣ ничего не осталось, какъ сидѣть дни и ночи, думать и томиться тоскою и раскаяніемъ.

— Да, это очень печально, сказалъ Киніонъ.

— Да, печально, повторила она, усмѣхнувшись.

— И какъ вы съ вашею живостью и дѣятельностью, не можете найти средства выйти изъ этого состоянія?

— Все теперь пропало—и живость и дѣятельность, отвѣчала Миріамъ равнодушно. Я ничего не могу выдумать, потому что моя голова занята только одною мыслью; однимъ воспоминаніемъ, которое уничтожаетъ всѣ мои мысли. Я сожалѣю не о себѣ, и не раскаяваюсь за себя; но что во мнѣ убиваетъ всю силу—я могу вамъ это сказать, хотя мнѣ это все равно, знаете ли вы, или нѣтъ — меня уничтожитъ убѣжденіе, что въ глазахъ Донателло я сдѣлалась предметомъ ужаса.

— Что же васъ довело до такого убѣжденія? спросилъ Киніонъ, нѣсколько удивленный словами Миріамъ.

— Одинъ его жестъ, отвѣчала она, одно содраганіе, когда рука его случайно коснулась моей—этого было довольно.

— Я твердо убѣжденъ, Миріамъ, возразилъ скульпторъ, что онъ васъ любитъ.

Она опустила голову и на блѣдныхъ щекахъ ея выступила краска.

— Да, повторилъ Киніонъ, участіе мое къ Донателло и къ вамъ самимъ заставляетъ меня сказать вамъ, не только то, что онъ васъ любитъ, но любитъ со всею силою, къ какой способна его натура.

— Не обманывайте меня, сказала Миріамъ, снова поблѣднѣвъ.

— Я не обманываю васъ, Миріамъ; была безъ сомнѣнія минута, послѣ какого то происшествія, поразившаго его ужасомъ, когда раскаяніе и угрызенія заглушили въ немъ всѣ другія чувства; но теперь онъ успокоился и, я думаю, можетъ возвратиться къ прежнему состоянію.

— Но онъ, вѣроятно, знаетъ, что я здѣсь, сказала Миріамъ. Чѣмъ же я могу объяснить, что онъ до сихъ поръ не видѣлся со мною? Только тѣмъ, что я стала для него ненавистна.

— Я думаю, онъ догадывается, что вы здѣсь, отвѣчалъ Киніонъ. Ваша пѣсня, которую онъ слышалъ третьяго дня, вечеромъ, могла внушить ему мысль о вашемъ присутствіи. Но до сихъ поръ онъ находился подъ вліяніемъ мысли о раскаяніи и изобрѣталъ средства терзать себя. Разумѣется, что такая мысль не согласна съ желаніемъ видѣть васъ и искать вашего общества.

— Но онъ любитъ меня, повторяла Миріамъ тихо, какъ бы про себя. Да, онъ еще любитъ меня.

Сознаніе этого факта, казалось, успокоило ее: ея холодное неестественное равнодушіе, поразившее скульптора, исчезло.

— А въ другихъ отношеніяхъ онъ перемѣнился? спросила она.

— Въ послѣднее время въ немъ произошла удивительная перемѣна, отвѣчалъ Киніонъ. Въ немъ пробудились новыя способности, существованія которыхъ я не подозрѣвалъ прежде; въ его умѣ открылся новый міръ идей. Иногда онъ поражаетъ меня своимъ вѣрнымъ пониманіемъ, иногда я не могу не улыбаться при видѣ этого страннаго смѣшенія прежней простоты съ его новымъ умственнымъ просвѣтлѣніемъ. Но его разстраиваютъ воспоминанія, такъ что можно сказать онъ постоянно находился въ нравственной агоніи.

— Ахъ, этому можно помочь! вскричала Миріамъ. Какъ бы я была счастлива, еслибъ мнѣ судьба дала возможность успокоить его, уничтожить терзанія совѣсти, вывести изъ этого унынія! Для этого нужна любовь! Кромѣ меня никто не въ состояніи помочь ему; я

участвовала въ преступленіи, которое отравило его жизнь, у меня всѣ средства заставить забыть это. И это единственная цѣль, которую я вижу предъ собою, которая даетъ право жить. Безъ нея мнѣ стыдно оставаться на свѣтѣ!

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Киніонъ, что ваше настоящее мѣсто возлѣ Донателло.

— Да, отвѣчала Миріамъ. Если Донателло имѣетъ на что нибудь право, то именно на мое совершенное самопожертвованіе. Это не только право, но единственное средство быть счастливымъ. Но онъ отталкиваетъ меня! Онъ не хочетъ слушать своего сердца, которое должно говорить, что та несчастная женщина, которая завлекла его въ преступленіе, можетъ оправдать его предъ самимъ собою, можетъ возвратить ему прежнюю невинность. Но какъ увѣрить его въ этомъ!

— Мнѣ кажется, это зависитъ отъ васъ, замѣтилъ скульпторъ. Вамъ стоитъ только пойти на башню, вы тамъ найдете его.

— О нѣтъ! Я не могу идти къ нему, мнѣ страшно! возразила она.

— Я не понимаю причины, не безъ удивленія сказалъ Киніонъ.

— Вы не знаете, какое слабое, или вѣрнѣе, сильное созданіе женщина, отвѣчала Миріамъ. Я ничего не боюсь; мнѣ страшенъ только Донателло. Онъ уже вздрогнулъ разъ отъ моего прикосновенія. Если онъ опять вздрогнетъ, если онъ нахмурится при встрѣчѣ со мною—я не выдержу этого, я умру.

Киніона изумила униженность женщины, являвшейся ему всегда гордою, независимою и теперь снизошедшей до того, что жизнь ея зависѣла отъ одного слова человѣка, который за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ ея игрушкою. Но съ той минуты, какъ Донателло совершилъ преступленіе, онъ неиначе представлялся ея воображенію, какъ героемъ, исполненнымъ трагическаго достоинства, и этотъ взглядъ на него, опредѣленный и поддержанный любовью, давалъ ей возможность понять его лучше, чѣмъ могъ бы понять посторонній наблюдатель. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Донателло она нашла силу, дѣйствительно возбуждавшую уваженіе и любовь.

— Вы видѣли, какъ я слаба, продолжала она; я жду случая, чтобъ показать вамъ, какъ я сильна.

— Надѣюсь, что увижу и это, отвѣчалъ Киніонъ. Теперь наступаетъ время, когда слѣдовало бы извлечь Донателло изъ того совершеннаго уединенія, въ которомъ онъ похоронилъ себя. Онъ слишкомъ долго боролся съ одною идеею. Нужно доставить ему развлеченіе. Умъ его пробужденъ, его сердце способно чувствовать; они требуютъ пищи. Если онъ останется здѣсь одинъ, я боюсь, онъ снова впадетъ въ апатію. Крайняя возбужденность, причиненная обстоятельствами,

имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Важнѣйшая невыгода заключается въ томъ, что онъ можетъ сосредоточиться на одной идеѣ, которая поглотитъ всю его душу, а къ этому очень располагаетъ одиночество.

— Чтожъ вы думаете дѣлать? спросила Миріамъ.

— Думаю убѣдить его ѣхать со мною путешествовать по Италіи, отвѣчалъ скульпторъ. Разнообразіе сценъ, иная точка зрѣнія на міръ, на которую онъ можетъ стать теперь, я надѣюсь, разсѣютъ мысли, занимающія его въ настоящее время и излѣчатъ его.

— Какое же участіе вы предоставляете мнѣ въ этомъ планѣ? спросила Миріамъ не безъ ревности. Вы хотите взять его отъ меня и овладѣть имъ совершенно, хотите занять мѣсто, которое принадлежитъ мнѣ одной.

— Мнѣ было бы очень пріято передать вамъ всю отвѣтственность за него, отвѣчалъ Киніонъ. Я и не домогаюсь быть его руководителемъ и совѣтникомъ, въ которыхъ онъ нуждается; не говоря о другихъ препятствіяхъ, я скажу только одно: между мужчинами, какъ бы они близки ни были, лежитъ всегда черта, которую нельзя переступить; потому мужчина не ждетъ никогда отъ другаго мужчины той искренности и преданности, какой можетъ ожидать отъ женщины, матери, сестры или жены. Такому другу я охотно уступлю мѣсто.

— Я слышу въ вашихъ словахъ упрекъ, возразила Миріамъ. Но я сказала вамъ, почему не могу принять вашего совѣта.

— Въ такомъ случаѣ я предложу вамъ одинъ планъ, сказалъ скульпторъ. Вы можете встрѣтиться во время путешествія, полагая, что вы будете находиться на одномъ пути съ нами.

— Это ненадежный планъ, возразила Миріамъ послѣ минутнаго размышленія. Впрочемъ, я не отвергаю его, только предлагаю одно условіе: если въ теченіе двухъ недѣль мы не встрѣтимся, вы должны провести Донателло къ статуѣ папы Юлія, что на большой площади въ Перуджіи: тамъ я буду васъ ждать въ полдень. Но помните, черезъ двѣ недѣли.

Киніонъ принялъ это предложеніе и, сообщивъ Миріамъ свой планъ путешествія, хотѣлъ-было уйти, но остановился, взглянувъ на свою собесѣдницу, лицо которой приняло выраженіе естественной живости.

— Могу-ли я вамъ сказать, спросилъ онъ, улыбаясь, что вы стали прекраснѣе чѣмъ прежде?

— Вы имѣете право замѣчать это, отвѣчала она, потому что красота моя поддерживаетъ мои надежды. Если вы находите, что я не измѣнилась къ худшему, я этому очень рада. Красота моя будетъ служить орудіемъ для спасенія человѣка.

Скульпторъ подошелъ уже къ двери, но Миріамъ остановила его.

— Послушайте, Киніонъ, сказала она; вы человѣкъ со вкусомъ, въ васъ есть чувства и они всегда вѣрно направлены. Скажите мнѣ откровенно, не поразила-ли я васъ во время этого свиданія слишкомъ прямымъ несовмѣстнымъ съ женскою скромностью признаніемъ въ любви къ человѣку, который можетъ быть презираетъ меня и боится?

Этотъ неожиданный вопросъ поставилъ въ затрудненіе скульптора, который вообще не былъ способенъ уклоняться отъ истины.

— Миріамъ, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, вы преувеличиваете впечатлѣніе, которое вы произвели на меня; но оно дѣйствительно было въ томъ родѣ, какъ вы предполагаете.

— Я это знала, возразила Миріамъ печальнымъ тономъ. Во мнѣ осталось еще столько женственности, что я сама чувствовала, какъ вышла изъ своей прежней роли. Когда вы возвратитесь въ Римъ, скажите Гильдѣ, что сдѣлала ея строгость. Она оттолкнула меня отъ себя и тѣмъ освободила меня отъ обязанности оставаться въ предѣлахъ приличій, принятыхъ нашимъ поломъ. Прошу васъ, скажите ей это, скажите, что я благодарю ее.

— Нѣтъ, Миріамъ, отвѣчалъ Киніонъ, не требуйте этого отъ меня. Я не скажу Гильдѣ ничего, что могло бы встревожить ее. Но хотя я не знаю, что произошло между вами, я чувствую—извините мою откровенность—я чувствую, что она была права. Въ васъ много достоинствъ, Миріамъ; что бы ни случилось съ вами въ жизни, вы всегда будете способны возвыситься до геройскихъ добродѣтелей. Но Гильда—созданіе совершенно другаго рода, и сколько я ее понимаю, имѣетъ право и даже должна быть строга. Надѣюсь, вы согласитесь со мною.

— О, вы правы! возразила Миріамъ. Я никогда и не сомнѣвалась въ этомъ; но я говорю вамъ только, что она заставила меня перейти тѣ границы, которыхъ безъ-того я никогда не рѣшилась бы переступить. Я прощаю ей все, и желаю вамъ быть счастливымъ въ вашей любви, потому что не много людей болѣе васъ достойныхъ ея.

ГЛАВА IV.

Дорога.

Киніонъ не безъ сожалѣнія оставлялъ спокойный замокъ, хотя въ послѣднее время однообразная жизнь безъ опредѣленныхъ занятій начинала утомлять его. Передъ отъѣздомъ онъ посѣтилъ всѣ тѣ мѣста,

съ которыми познакомилъ его Донателло: видѣлъ съ башни закатъ солнца и восходъ луны надъ долиною, а наканунѣ отъѣзда выпилъ бутылку «солнечнаго свѣта» потомъ другую, и доставилъ истинное наслажденіе старому Томасо, сказавъ, что въ мірѣ нѣтъ такого удивительнаго вина.

Не легко было вывести Донателло изъ апатіи, въ которую онъ погрузился по возвращеніи изъ Рима.

Однакожъ онъ противоставилъ пассивное сопротивленіе планамъ своего друга, а когда наступилъ часъ отъѣзда, безмолвно подчинился ему. Они поѣхали верхомъ, какъ два странствующіе рыцаря, по живописной, гористой части Тосканы. Киніонъ не составлялъ никакого опредѣленнаго плана путешествія, имѣя въ виду одну только цѣль — встрѣтиться черезъ четырнадцать дней съ Миріамъ на большой площади Перуджіи у подножія бронзовой статуи. Молодому американцу, притомъ художнику, разнообразіе видовъ и сценъ доставляло не малое удовольствіе. Донателло былъ по прежнему сосредоточенъ, и мало обращалъ вниманія на все то, что восхищало его товарища; не пропускалъ онъ безъ вниманія только высокихъ чорныхъ крестовъ, обвѣшанныхъ орудіями истязанія Спасителя: былъ тутъ и терновый вѣнецъ, молотъ и гвозди, щипцы, копье; и надъ всѣмъ этимъ возсѣдалъ пѣтухъ, который долженъ напоминать человѣчеству объ отреченіи Петра. Донателло останавливался у каждаго такого креста, преклонялъ у его подножья колѣна и усердно молился. Какъ бы желая изъ своего путешествія сдѣлать странствованіе съ цѣлью покаянія, онъ замѣчалъ не только кресты, но и всѣ алтари, въ огромномъ количествѣ разсѣянные по всей Италіи, съ образомъ Мадонны, поблекшимъ отъ дождя и солнечныхъ лучей; и у нихъ онъ также останавливался и долго и усердно молился. Молитва и символы святости дотого занимали его вниманіе, что онъ, кажется, вовсе не замѣчалъ, невидимаго спутника, постоянно слѣдившаго за каждымъ ихъ движеніемъ.

— Уходя отъ послѣдняго алтаря, вы не замѣтили женщины, которая стояла на колѣнахъ, закрывъ лицо руками? спросилъ его Киніонъ.

— Нѣтъ, я никогда не замѣчаю, кто молится возлѣ меня, отвѣчалъ Донателло. Вѣроятно, какая нибудь кающаяся.

Проѣхавъ обширную равнину, они приблизились къ окружающимъ ея высотамъ. Общій характеръ мѣстности измѣнился, а вмѣстѣ съ нею измѣнились и проявленія дѣятельности человѣка. Попрежнему на высотахъ виднѣлись монастыри; но рядомъ съ ними попадались развалины старинныхъ замковъ, служившихъ убѣжищемъ предводителю шайки

разбойниковъ, которые грабили на большихъ дорогахъ, пересѣкающихъ плодоносную низменность. Древняя крѣпость, нѣкогда грозная своими неприступными стѣнами, въ теченіе вѣковъ свалилась понемногу, камень за камнемъ, къ бѣдной деревушкѣ, разбросанной у подошвы холма.

Путь ихъ лежалъ между высокими холмами, круто поднимавшимися надъ долиною, по которой они ѣхали. Прямо передъ ними возвышался гигантскій холмъ, покатости котораго были изрѣзаны глубокими руслами горныхъ потоковъ. Проѣхавъ узкое и заваленное во многихъ мѣстахъ дефиле, путешественники поднялись вверхъ и увидѣли незапамятныхъ временъ городъ, который своимъ каѳедральнымъ соборомъ, церквами и разнаго рода постройками въ готическомъ вкусѣ покрывалъ вершину холма. Отъ единственной площади, лежащей посрединѣ города расходились въ разныя стороны по отлогостямъ холма узкія улицы, исчезающія подъ арками или оканчивающіяся ступенями, которыя спускались въ другія ниже лежащія улицы. Все носило на себѣ признаки глубочайшей древности. Казалось, этрусскіе цари жили въ этихъ старыхъ зданіяхъ; можетъ быть, уже въ средніе вѣка ихъ называли тысячелѣтними. Всѣ онѣ выстроены изъ камня, обтесаннаго въ огромные кубы, повидимому неспособнаго къ разрушенію. Многія изъ этихъ зданій имѣютъ видъ дворцовъ, и до сихъ поръ хранятъ прежнее величіе, глядятъ какъ-то враждебно на человѣка, постоянно возбуждая въ немъ идею о бренности его и слабости.

— Поѣзжайте со мною въ Америку, сказалъ Кеніонъ своему товарищу. Тамъ каждое поколѣніе несетъ на себѣ только свои грѣхи и заботы, между тѣмъ какъ здѣсь все прошлое всею тяжестію своею давитъ настоящее. Если бы меня постигло здѣсь какое нибудь несчастіе, мнѣ кажется, я не въ состояніи былъ бы бороться съ нимъ при такой обстановкѣ — она убиваетъ всю силу духа.

— И самое небо, кажется, состарѣлось и потемнѣло отъ человѣческихъ беззаконій, отвѣчалъ графъ.

— О, бѣдный фавнъ! подумалъ Кеніонъ. Какъ ты измѣнился!

Города, подобные тому, о которомъ мы говоримъ, казалось срослись съ холмами, гдѣ они расположены и только одно землетрясеніе можетъ измѣнить ихъ наружный видъ, разрушивъ ихъ до основанія. Зато эти города богаты воспоминаніями, не только о бранныхъ подвигахъ, но и оболѣе тихихъ торжествахъ генія, плодами которыхъ мы до сихъ поръ пользуемся. Италія можетъ насчитать нѣсколько такихъ безжизненныхъ городовъ, которые четыре или пять столѣтій тому назадъ были мѣсторожденіемъ школы искусства. Они гордятся потемнѣвшими отъ време-

ни картинами, поблекшими фресками, и потому никогда не могутъ быть забыты.

Какъ истинный артистъ и знатокъ искусства, Киніонъ находилъ неисчерпаемое наслажденіе въ изученіи этихъ древностей, между тѣмъ какъ Донателло молился предъ алтарями. Въ нѣкоторымъ древнихъ соборахъ они находили живописныя окна, которыя скульпторъ разсматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ. И дѣйствительно, едва-ли какой родъ искусства можетъ сравниться съ этимъ величественнымъ изобрѣтеніемъ среднихъ вѣковъ. Особенность живописнаго окна состоитъ въ томъ, что свѣтъ, падающій на поверхность обыкновенной картины, проницаетъ стекло насквозь и одѣваетъ нарисованную на немъ фигуру естественнымъ живымъ сіяніемъ.

При выходѣ изъ каждой церкви нашимъ путешественникамъ представлялся удобный случай совершать подвиги милосердія — ихъ постоянно окружали рои нищихъ, которые по справедливости могутъ быть названы настоящими властителями Италіи. Отъ деревни до деревни бѣжали за ними мальчишки и дѣвочки. Важные господа и дамы, завидя ихъ издалека, принимали мѣры, чтобъ недопустить ихъ къ себѣ. А тутъ между тѣмъ на дорогѣ слѣпые показывали свои побѣлѣвшіе зрачки, женщины выставляли напоказъ неумытыхъ, нагихъ дѣтей, хромые всячески старались обратить вниманіе путешественника на свои изуродованныя или деревянныя ноги: дальше показывались руки безъ костей, исковерканныя спины, раздробленныя челюсти и всякія другія уродства, какія едва ли въ состояніи представить себѣ самая пылкая фантазія. На вершинахъ холмовъ, въ долинахъ ожидали ихъ группы нищихъ. Въ одной небольшой деревушкѣ Киніонъ сосчиталъ дѣтей, просившихъ милостыни — ихъ было болѣе сорока; но между ними стояли съ протянутыми руками нахмурившіяся матроны, здоровыя совершенно развитыя дѣвушки, дородные парни — одни жалобно умоляли путешественника, другія смотрѣли на него съ какой то странною улыбкою, какъ бы сомнѣваясь, осталось ли еще что нибудь въ карманѣ проѣзжаго синьора, уже опустошенномъ ихъ братьею въ предъидущихъ деревняхъ и городахъ. Если бы имъ позволили, они упали бы на колѣна и молились бы путешественнику или проклинали бы его, еслибъ онъ не развязалъ своего кошелька.

Но эти люди вовсе не были такъ бѣдны — у нихъ были дома, садики и огороды, наполненные разнаго рода питательною растительностью, свиньи, куры, цыплята, масло оливковое, вино и другія предметы если не роскоши, то по крайней мѣрѣ довольства. Но они не стыдятся просить и принимать милостыню, какъ не стыдятся иные люди принимать отъ ближняго помощь въ иномъ видѣ.

Донателло обнаружилъ необыкновенную благотворительность къ этой толпѣ грабителей и, повидимому, находилъ утѣшеніе въ ихъ молитвѣ. Въ Италіи ничтожная мѣдная монета полагаетъ различіе между проклятіями (умереть отъ апоплексическаго удара—самое любимое пожеланіе) и самыми теплыми молитвами; одни и тѣ же уста проговорятъ и то и другое, смотря по тому, даетъ ли путешественникъ деньги или нѣтъ. Донателло щедро откупался отъ проклятій, и теперь, стоя предъ живописнымъ окномъ, которое Киніонъ разсматривалъ съ большимъ интересомъ, раздавалъ милостыню семи или восьми престарѣлымъ женщинамъ, осыпавшимъ его благословеніями и шептавшимъ молитвы.

— Пойдемте, сказалъ Киніонъ, замѣтившій, что лицо графа стало покойнѣе; сегодня вашей лошади будетъ легко — эти дамы, кажется, порядочно опустошили ваши карманы.

— Развѣ мы поѣдемъ сегодня? спросилъ графъ.

— Поѣдемъ куда нибудь, отвѣчалъ скульпторъ. А завтра въ полдень я хочу быть у статуи папы Юлія въ Перуджіи.

Города Перуджіи, расположеннаго на весьма возвышенной мѣстности, путники достигли прежде, чѣмъ солнце лишилось своей утренней свѣжести. Съ полночи шелъ сильный дождь и освѣжилъ зелень и плодоносныя нивы, среди которыхъ лежитъ этотъ древній городъ. Киніонъ остановился у сѣрой городской стѣны полюбоваться прекраснымъ пейзажемъ, опоясаннымъ далекими горами, которыя какъ будто спали на солнцѣ, подъ покровомъ легкаго пара и серебристыхъ облаковъ.

— До полудня остается еще два часа, сказалъ скульпторъ своему другу, когда подъ воротами остановили ихъ часовые, разсматривавшіе паспорты. Пойдемте посмотрѣть фрески Перуджини.

— Старыя фрески наводятъ на меня тоску, отвѣчалъ графъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ въ церковь Св. Доминико, посмотримъ картины Фра-Анжелико. Онѣ исполнены религіознаго чувства.

— Я помню, вы когда-то показывали мнѣ его картины, отвѣчалъ Донателло. Его ангелы кажутся такъ святы, какъ будто никогда не слетали съ неба. Но эти картины не для меня.

— Такъ пойдемте бродить по городу.

Путешественники пошли по этимъ страннымъ, крутымъ проходамъ, которые въ Перуджіи называются улицами. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты аркадами, и напоминаютъ пещеры съ крутыми спусками; внутри ихъ господствуетъ постоянный мракъ и спустившись туда, вы почти теряете надежду снова увидѣть свѣтъ солнца. Здѣсь странники встрѣтили толпу оборванныхъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многія вели на помочахъ дѣтей. Отсюда они поднялись снова на гору, вступили на главную городскую площадь, обставленную величествен-

ными древними зданіями, торжественности которыхъ не могли подавить ни тривіальная обстановка, ни будничныя сцены, представляющіяся взору путешественника на площадяхъ каждаго города въ базарные дни.

— Когда мнѣ случается быть въ Перуджіи, я всегда посвящаю сколько могу времени на изученіе статуи папы Юліана, сказалъ ваятелю Средніе вѣка оставили для болѣе поучительныхъ произведеній, чѣмъ древняя Греція. Въ нихъ выражается нѣчто иное, выработанное христіанствомъ, чего нѣтъ въ искусствѣ древнихъ. Не хотите ли посмотрѣть эту статую?

— Охотно, отвѣчалъ графъ. Я отсюда вижу, какъ она благословляетъ, и чувствую, что могу принять это благословеніе.

Путники наши съ трудомъ прошли сквозь толпу и приблизились къ рѣшеткѣ, окружающей пьедесталъ статуи. Папа представленъ въ одеждѣ, присвоенной его сану, и въ тіарѣ, сидящимъ на бронзовомъ креслѣ. Правая рука его поднята, какъ бы для благословенія, которое, повидимому, можетъ успокоить всякую душевную тревогу. Статуя одушевлена патріархальнымъ величіемъ. Человѣку съ воображеніемъ можетъ показаться, что этотъ благословляющій, но грозный представитель божественнаго и человѣческаго авторитета поднимется съ своего бронзоваго кресла и жестомъ или даже пророческимъ словомъ остановитъ или ободритъ народъ, при первомъ великомъ общественномъ бѣдствіи. Но теперь онъ сидѣлъ спокойно, съ величественнымъ терпѣніемъ слушая рыночныя восклицанія.

— Кажется, замѣтилъ скульпторъ, глядя на своего друга, папское благословеніе падаетъ на васъ.

И дѣйствительно, въ лицѣ Донателло обнаруживалось болѣе веселое и спокойное расположеніе духа, чѣмъ то, которое имъ овладѣвало, когда онъ сидѣлъ въ своей печальной башнѣ. Перемѣна мѣста, отступленіе отъ обыкновенныхъ привычекъ и свобода произвели въ немъ реакцію, которая, можетъ быть, наступила бы, но только позже. А можетъ быть, онъ чувствовалъ присутствіе той, которая когда-то одна могла сдѣлать его счастливымъ. Какъ бы то ни было, а глаза Донателло, обращенные на бронзоваго папу, выражали спокойную надежду.

— Да, отвѣчалъ онъ на замѣчаніе скульптора. Я дѣйствительно чувствую въ душѣ это благословеніе.

Въ это время на башнѣ сосѣдняго каѳедральнаго собора колоколъ прозвонилъ двѣнадцать.

— Полдень, подумалъ Киніонъ. Это часъ, который назначила Миріамъ.

Когда прозвучалъ послѣдній изъ двѣнадцати ударовъ колокола, Кинiонъ внимательно сталъ смотрѣть на шумную рыночную толпу, надѣясь замѣтить въ ней Миріамъ. Онъ смотрѣлъ по направленію къ церкви, полагая, что она тамъ ожидала назначеннаго времени; но не найдя ея нигдѣ, обернулся назадъ и увидѣлъ незнакомую фигуру, которая, подобно ему и Донателло, стояла опершись на рѣшетку, окружавшую статую. За минуту передъ тѣмъ ея здѣсь еще не было.

То была фигура женщины, склонившей голову на руки, какъ будто чувствовавшей на себѣ вліяніе бронзоваго первосвященника, въ которомъ всякое истерзанное сердце должно признать отца.

— Миріамъ, сказалъ скульпторъ дрожащимъ голосомъ — это вы?

— Я, отвѣчала фигура. Я вѣрна своему слову, хотя и опасаюсь...

Она подняла голову и Кинiонъ — а можетъ быть и Донателло — увидѣлъ хорошо знакомыя черты. Она была блѣдна и изнурена; но черты ея оставались попрежнему прекрасны. Она дрожала и повидимому не въ состояніи была перенести предстоящую ей сцену, къ которой еще за минуту была совершенно готова.

— Здравствуйте, Миріамъ, сказалъ скульпторъ, видимо стараясь ободрить ее, въ чемъ она крайне нуждалась. Я надѣюсь, что результатъ этого свиданія будетъ самый счастливый. Позвольте мнѣ подвести васъ къ Донателло.

— Нѣтъ, Кинiонъ, нѣтъ, тихо проговорила она, отступая назадъ. Между нами не будетъ сказано ни одного слова, если онъ непроизнесетъ моего имени, если онъ не пожелаетъ, чтобъ я осталась. Я не изъ гордости говорю это. Во мнѣ теперь нѣтъ гордости.

— Что же останавливаетъ васъ? спросилъ Кинiонъ недовольнымъ тономъ, не понимая ея безразсудной боязливости. Вы такъ много предпринимали, теперь не время бояться. Если вы разстанетесь теперь, не сказавъ ни слова, послѣдній случай будетъ утраченъ.

— Правда, на всегда будетъ утраченъ, повторила Миріамъ печально. Но теперь необходимо предоставить полную свободу его сердцу, потому что отъ его свободнаго выбора зависитъ — полезна, или вредна будетъ ему моя преданность. Если онъ не чувствуетъ потребности во мнѣ, я буду для него тяжелымъ, гибельнымъ бременемъ.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Кинiонъ, конечно, вы лучше меня знаете, что дѣлать.

Во время этого разговора они отошли отъ рѣшетки, такъ что Донателло могъ ихъ слышать. Но не долго незнакомка оставалась незамѣченною на площади. Рыночная толпа скоро обратила на нее вниманіе. Очень возможно, что Миріамъ избрала это мѣсто для свиданія съ Донателло, съ цѣлью имѣть свидѣтелей. Взволнованный сильною страстью или глубокимъ чув-

ствомъ, человѣкъ часто сознаетъ, что уединенія вынести невозможно; онъ старается найти нѣчто посредствующее между собою и другимъ человѣкомъ, питающимъ соотвѣтственную страсть. Вотъ почему, какъ мы думаемъ, Миріамъ назначила это свиданіе на площади; кромѣ того, она руководствовалась суевѣрнымъ убѣжденіемъ, что благословляющая статуя будетъ оказывать на нее благодѣтельное вліяніе.

Донателло стоялъ недвижимо, опершись на балюстраду. Она не смѣла взглянуть на него, хотя ей очень хотѣлось узнать, что выражаетъ его лице—блѣдно ли оно и встревожено, или спокойно и холодно, какъ ледъ. Но она знала, что каждая минута теперь имѣла значеніе, что онъ долженъ назвать ее, сейчасъ же, или его голоса никогда больше не услышатъ ея уши.

Она опять обратилась къ скульптору и сказала:

— Я желала встрѣтиться съ вами по многимъ причинамъ. Я получила извѣстіе объ одномъ изъ нашихъ друзей; или лучше—вашихъ друзей. Я не смѣю называть ее своимъ другомъ, хотя когда-то она была моимъ самымъ дорогимъ другомъ.

— Вы говорите о Гильдѣ? воскликнулъ скульпторъ тревожно. Съ нею что нибудь случилось? По послѣднему извѣстію, дошедшему до меня, она была въ Римѣ.

— Она и теперь въ Римѣ, отвѣчала Миріамъ, и здорова, хотя очень упала духомъ. Она живетъ совершенно одна въ своей голубятнѣ, возлѣ ея нѣтъ ни одного друга, потому что, какъ вы знаете, въ Римѣ теперь остались только постоянные жители. Я боюсь, что она заболѣетъ отъ этого уединенія и тоски. Я говорю вамъ объ этомъ, потому что знаю, какой интересъ возбудили въ васъ ея достоинства.

— Я поѣду въ Римъ! вскричалъ взволнованный скульпторъ. Гильда позволила мнѣ быть ея другомъ, она не помѣшаетъ мнѣ хоть издали наблюдать за нею. Я ѣду сейчасъ же...

— Не оставляйте насъ! проговорила Миріамъ умоляющимъ голосомъ, взявъ его за руку. Еще минуту! Ахъ, у него нѣтъ для меня ни одного слова!

— Миріамъ! произнесъ Денателло.

Хотя это было единственное и первое слово, сказанное имъ, но оно обнаружило всю глубину грусти и нѣжности, наполнявшей его сердце. Это слово сказало Миріамъ много важнаго и прежде всего то, что онъ еще любитъ ее. Сознаніе ихъ общаго преступленія не изгладило въ немъ любви, потому что она была неизгладима. Сверхъ того тонъ, какимъ было произнесено это слово, показалъ какъ существенно измѣнился характеръ Донателло. Миріамъ поняла, что вмѣсто жи-

ваго, веселаго юноши, вмѣсто фавна, передъ нею стоялъ человѣкъ съ чувствомъ и умомъ.

— Вы меня звали! сказала она, обратясь къ нему.

— Я васъ звалъ, потому что мое сердце нуждается въ васъ! отвѣчалъ онъ. Простите мнѣ, Миріамъ, мою холодность и жестокость; разставаясь съ вами, я былъ пораженъ ужасомъ.

— Увы! я была тому причиною! Какое раскаяніе, какое сомоотверженіе можетъ загладить это зло! Въ вашей невинной, веселой, беззаботной жизни было что-то святое; счастливый человѣкъ — такое необыкновенное, такое святое созданіе въ этомъ печальномъ мірѣ. При встрѣчѣ съ вами я почувствовала глубокую симпатію къ вашей безгрѣшной жизни. Но я разрушила ее! велите мнѣ уйти, Донателло! Оттолкните меня! Никакое добро не уничтожитъ этого страшнаго зла!

— Миріамъ, сказалъ онъ; судьба соединила насъ, не правда-ли? Ради Бога скажите, должно-ли это быть иначе?

Видно было, что совѣсть Донателло была встревожена сомнѣніемъ — уничтожитъ-ли взаимность преступленіе, которымъ они запятнали всѣ инстинктивныя движенія своихъ сердецъ. Съ другой стороны, Миріамъ спрашивала себя — не есть-ли несчастье, въ которое впалъ Донателло по ея винѣ, предостереженіемъ, что она должна разстаться съ нимъ. Въ настоящую минуту оба они искали другъ друга, но подавленные тоскою и сознаніемъ преступности, не находили въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы протянуть другъ другу руку.

Скульпторъ съ участіемъ наблюдалъ эту сцену.

— Въ такія минуты, сказалъ онъ, вмѣшательство третьяго лица совершенно неумѣстно. Хотя я и посторонiй зритель, однакожъ вижу истину, скрывающуюся отъ васъ обоихъ, или по крайней мѣрѣ могу высказать нѣсколько мыслей, которыя вы не высказали бы другъ другу.

— Говорите, сказала Миріамъ, мы полагаемся на васъ.

— Говорите, сказалъ Донателло, вы правдивый и прямой человѣкъ.

— Я знаю, сказалъ Киніонъ, что едва-ли удастся мнѣ высказать тѣ немногія слова, въ которыхъ заключается рѣшительная истина. Но, Миріамъ, вы видите человѣка, котораго воспитало ужасное несчастіе, котораго оно вырвало изъ дикаго, счастливаго состоянія. Отвѣтственность за него лежитъ на васъ, и вы не можете отъ нея уклониться. Съ вашею судьбою, Донателло, связана теперь ея судьба. Она была причиною происшедшаго въ васъ переворота. Но она обладаетъ богатыми дарами души и сердца, всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь въ ва-

шемъ настоящемъ положенiи. Поэтому союзъ между вами истиненъ и никогда, никто, кромѣ Бога, разорвать его не можетъ.

— Онъ говоритъ правду! вскричалъ Донателло, схвативъ за руку Миріамъ.

— Да, мой другъ, отвѣчала она; онъ говоритъ истинную правду.

— Но помните, продолжалъ скульпторъ, боясь поступить противъ совѣсти, помните, что хотя вы любите другъ друга, но узы соединяющія васъ, персплетены такими черными нитями, что вы не должны смотрѣть на нихъ, какъ на узы, связывающія другія любящія души. Вашъ союзъ долженъ служить для взаимной поддержки, для взаимныхъ пожертвованій, но не для земнаго счастія. Если же вы ищете только такого счастья, то я совѣтую вамъ теперь же разстаться, потому что не будетъ благословленія на вашей брачной жизни.

— Не будетъ, мы это знаемъ! сказалъ Донателло, вздрогнувъ.

— Не будетъ, повторила Миріамъ.

— Потому вы подаете руку другъ другу, не для земнаго счастья, продолжалъ Киніонъ, но для того, чтобы взаимно возвышать и ободрять другъ друга въ этой тягостной жизни. Если вы трудомъ, пожертвованіемъ, молитвами, раскаяніемъ и постояннымъ стремленіемъ къ добру достигнете тихаго счастья, пользуйтесь имъ и благодарите за него Бога.

— Довольно, Киніонъ, сказала Миріамъ серьезнымъ тономъ. Въ вашихъ словахъ горесть сливается съ утѣшеніемъ.

— Одно слово, Миріамъ, сказалъ скульпторъ. Если въ вашей жизни, ваша обязаность потребуетъ, чтобы одинъ изъ васъ пожертвовалъ другимъ — покоритесь этой необходимости. Вотъ все.

Донателло слушалъ Киніона, стараясь усвоить высказанныя имъ идеи. Лицо его безсознательно приняло выраженіе, которое возвысило его красоту и дало ему видъ человѣка, занятаго глубокою, серьезною думою. Онъ все еще держалъ руку Миріамъ и толпа, глядя на эту прекрасную чету, вѣроятно воображала, что это помолвка, обѣщающая имъ долгое счастіе.

— Прощайте! сказалъ Киніонъ, я ѣду въ Римъ!

— Прощайте, мой искренній другъ! сказала Миріамъ.

— Прощайте! сказалъ Донателло. Будьте счастливы; на васъ нѣтъ никакого преступленія, вамъ нечего бояться счастья.

Въ эту минуту они всѣ трое взглянули на статую папы, величественная фигура котораго простирала надъ ними свою благословляющую руку и склоняла кроткое лицо къ преступной, но кающейся четѣ.

ГЛАВА V.

Гильда.

Гильда была намѣрена провести лѣто въ Римѣ; она предположила начать много работъ, которыя исполнила бы лучше въ то время, когда любимыя ею мѣста, занятыя толпою въ другое время года, опустѣютъ. Но надежда эта была обманута. Еслибъ она и не составляла никакого предварительнаго плана, едва-ли нашла бы въ себѣ достаточно энергiи, чтобы уѣхать изъ Рима. Оцѣпенѣнiе, до сихъ поръ неизвѣстное ровному, но спокойному ея темпераменту, овладѣло бѣдною дѣвушкою, подобно полумертвой змѣѣ сдавившей ее своими холодными кольцами. То было особеннаго рода отчаянiе, холодное, тяжелое, которое можетъ испытывать только невинная душа, хотя въ немъ скрывается много чертъ, характеризующихъ сознанiе преступности. То была та тяжелая увѣренность въ существованiи зла въ мiрѣ, которая становится частью нашихъ практическихъ убѣжденiй, когда прiобрѣтаетъ значенiе существенности въ преступленiи человѣка, пользовавшагося нашимъ довѣрiемъ и любовью.

Положенiе Гильды было тѣмъ болѣе тягостно, что она принуждена была таить въ себѣ всѣ чувства, томившiя ее. Мысль, что Мирiамъ преступна, производила на эту нѣжную, деликатную душу такое же дѣйствiе, какъ будто бы она сама принимала участiе въ преступленiи. Какъ бы легко ей было, еслибъ она могла кому нибудь передать эту тайну. Но Гильда была одна, и повсюду ее преслѣдовала мысль о преступленiи. Она страдала за чужiе грѣхи, какъ будто бы мертвое тѣло упало въ свѣтлый потокъ ея тихой, невинной жизни, лежало тамъ дни и ночи и заражало смрадомъ преступленiя и безобразной смерти.

Горесть, томившаясердце Гильды, наложила на ея лицо таинственный отпечатокъ и стала замѣтна въ ея прiемахъ. Молодой италiянскiй художникъ, часто посѣщавшiй тѣ галлереи, гдѣ Гильда проводила дни, былъ глубоко заинтересованъ этою странною перемѣною выраженiя ея лица. Однажды, когда она стояла предъ картиною Леонардо да Винчи—Iоанна арагонская, и не видѣла ея, потому что легкое сходство портрета съ Мирiамъ отвекло отъ картины всѣ мысли, художникъ украдкой набросалъ на бумагу черты и потомъ нарисовалъ оконченный

портретъ ея явился на полотнѣ въ изображенiи женщины которая съ ужасомъ смотрѣла на кровавое пятно, внезапно открытое на ея бѣломъ платьѣ. Картина привлекла общее вниманiе. Гравированныя копiи съ нея продавались въ лавкахъ на Корсо. По мнѣнiю многихъ знатоковъ, идея ея была внушена художнику лицомъ Беатрисы Ченчи; и въ самомъ дѣлѣ выраженiе картины имѣло нѣкоторое сходство съ выраженiемъ лица несчастной дѣвушки. Но новый артистъ рѣшительно отстаивалъ оригинальность своего произведенiя, точно также какъ чистоту сюжета, въ доказательство чего назвалъ свою картину — «Невинность, умирающая отъ кроваваго пятна.»

— Ваша картина, синьоръ Панини, дѣлаетъ вамъ честь, сказалъ торговецъ картинъ, купившiй ее у молодаго человѣка за пятнадцать скуди, и потомъ продавшiй въ десять разъ дороже; но она стоила бы гораздо больше, еслибъ вы дали ей болѣе понятное названiе. Глядя на лицо этой прекрасной синьорины, мы, кажется, совершенно ясно понимаемъ, что ее постигло одно изъ тѣхъ сердечныхъ бѣдствiй, которымъ слишкомъ часто подвергаются молодыя дѣвицы. Но что значитъ это кровавое пятно? И что общаго съ нимъ у невинности? Или можетъ быть она заколола булавкою своего вѣроломнаго любовника?

— Она совершила преступленiе!? вскричалъ художникъ. Какъ вы можете предлагать такiе вопросы, глядя на ея невинную тоску. Нѣтъ! я угадываю ея тайну: въ ея присутствiи былъ убитъ человѣкъ и кровь брызнула на ея платье.

— Такъ, во имя ея святаго патрона, отчего же она не отдастъ прачкѣ свое платье; за нѣсколько байоковъ та смыла бы это пятно. Нѣтъ, нѣтъ, любезный Панини, такъ какъ ваша картина теперь моя собственность, то я назову ее: мщенье синьорины. Она ночью заколола своего любовника и утромъ раскаявается въ преступленiи. При такомъ толкованiи картина будетъ понятна для всякаго и естественно будетъ представлять очень обыкновенный случай.

Такъ грубо толкуетъ свѣтъ всѣ горести, поражающiя его взоры; но онъ болѣе грубъ, чѣмъ золъ.

Но Гильда не искала у свѣта ни состраданiя, ни деликатности, и не думала о томъ, какъ онъ взглянетъ на ея тоску. Она скрыла эту тоску въ себѣ и, можетъ быть, однимъ только голубямъ, кружившимся вокругъ ея башни, передавала стоны свои.

Она ежедневно посѣщала какой нибудь изъ древнихъ палаццо — Памфили, Дорiа, Корсини, Скьярра, Боргезе или Колонна. Сторожа, какъ прежде, встрѣчали ее ласковымъ привѣтомъ, но качали головою и вздыхали, видя, съ какою грустью она поднималась по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы. Одинъ старый нѣмецкiй артистъ, часто встрѣ-

чавшійся съ нею въ галлереяхъ, однажды подошелъ къ Гильдѣ и, положивъ ей на голову свою почтенную руку, совѣтовалъ ей возвратиться на родину.

— Поѣзжайте скорѣе, сказалъ онъ добродушно, или вы ужъ никогда не возвратитесь туда. Если вы не хотите ѣхать домой, то покрайней мѣрѣ не оставайтесь цѣлое лѣто въ Римѣ. Здѣшнимъ воздухомъ такъ долго дышали, что онъ наконецъ сдѣлался вреднымъ для такого нѣжнаго иноземнаго цвѣтка, какъ вы, мое милое дитя.

— Всѣ мои занятія и обязанности здѣсь, отвѣчала Гильда. Древніе мастера не отпустятъ меня.

— Ахъ, эти древніе мастера! вскричалъ ветеранъ-художникъ, качая головою. Они тираны! Вы убѣдитесь, что въ нихъ скрытъ слишкомъ могущественный духъ, съ которымъ нечего дѣлать слабой рукѣ и нѣжному сердцу молодой дѣвушки. Помните только, что геній Рафаэля истощилъ этого божественнаго художника прежде, чѣмъ онъ достигъ половины жизни. Если вы такъ сильно можете чувствовать вліяніе генія что въ состояніи воспроизводить его чудесныя творенія, это чувство сожжетъ васъ, какъ огонь.

— Прежде, можетъ быть, мнѣ въ самомъ дѣлѣ угрожала такая опасность, отвѣчала Гильда; но теперь нѣтъ.

— Вы теперь именно находитесь въ такой опасности, утверждалъ старикъ, меланхолическимъ тономъ. Въ одно утро я приду въ ватиканскую Пинакотеку съ моею палитрою и кистями, буду искать тамъ мою маленькую американскую артистку, и что же найду? Кучу бѣлаго пепла на мраморномъ полу передъ Мадонной да Фолиньо Рафаэля, и только; вѣрьте моему слову! Огонь, который бѣдное дитя такъ живо чувствуетъ, сожжетъ все его сердце!

— Это было бы счастливое мученичество! сказала Гильда, слегка улыбнувшись; но я недостойна его! Меня тревожатъ теперь вовсе не такія мысли, какія вы предполагаете. Старые мастера меня еще удерживаютъ здѣсь, это правда; но они ужъ болѣе не согрѣваютъ меня своимъ вліяніемъ. Меня не сожигаетъ теперь пламя, но знобитъ какое-то холодное оцѣпенѣніе, которое можетъ сдѣлать меня несчастной.

— Такъ стало быть Рафаэль нашелъ соперника, сказалъ Нѣмецъ. Онъ былъ предметомъ вашей первой любви — но молодыя дѣвушки не всегда бываютъ постоянны, и одно пламя часто въ ихъ сердцѣ тушитъ другое.

Гильда покачала головою и отошла. Она сказала правду — дѣйствительно, ей слѣдовало опасаться этого холоднаго оцѣпенѣнія, не огня. Къ довершенію ея несчастія, въ эти печальные дни одиночества, проведенные въ Римѣ, она сознала, что утратила то эстетическое чувство,

которымъ прежде обладала въ такой высокой степени. Она лишилась способности оцѣнивать великія произведенія искусства, составлявшія прежде значительную долю ея счастья. И это неудивительно. Какъ бы хороша ни была картина, какъ бы ни была удивительна сила художника, отъ зрителя все-таки требуется, чтобы онъ самъ ей подчинился. Вы должны смотрѣть на картину вѣрующими глазами, иначе высочайшее совершенство ускользнетъ отъ васъ. Необходимо всегда помогать искусству живописца нашимъ собственнымъ воображеніемъ и чувствительностью. Въ этомъ заключалась причина, что Гильда была замѣчательною копіисткою великихъ древнихъ мастеровъ. И теперь ея способность къ душевнымъ движеніямъ была подавлена ужаснымъ опытомъ, и она тщетно искала въ своихъ друзьяхъ тѣхъ чудесъ, которыя прежде отыскивала въ нихъ безъ труда. Грустная и задумчивая, бродила она теперь по мозаичному полу длинныхъ уединенныхъ галлерей, и удивлялась, что сдѣлалось съ великолѣпіемъ, сіявшимъ нѣкогда съ ихъ стѣнъ. Съ печальнымъ чувствомъ она находила темныя стороны въ томъ, передъ чѣмъ прежде благоговѣла.

И теперь въ первый разъ во время продолжительнаго ея пребыванія въ Римѣ она ощутила въ себѣ тяжкое чувство тоски по родинѣ. Воображеніе рисовало ей живыя сцены ея родной деревни, съ высокими старыми вязами, чистенькіе, уютные домики, раскиданные вдоль широкой, окаймленной травою улицы, наконецъ дверь домика ея матери и свѣтлый ручеекъ, сохранившій свой золотистый цвѣтъ въ ея воспоминаніи. О, мрачныя улицы, дворцы, соборы и царственныя гробницы знойнаго, пыльнаго Рима, съ мутнымъ Тибромъ, пробивающимся между вами! Какъ грустно бѣдной дѣвушкѣ глядѣть на ваше разрушающееся великолѣпіе! какъ давите вы ея нѣжное сердце! Гильда всѣми силами души стремилась къ роднымъ, давно покинутымъ мѣстамъ, къ лицамъ, которыхъ всегда помнила, къ жизни, въ которой ни одинъ день не приноситъ никакого особеннаго событія, къ этой тихой, степенной жизни въ теченіе недѣли, заключающейся обычнымъ торжествомъ воскресенья.

Въ такія минуты, живѣе чѣмъ когда-либо, сознавая свое одиночество и потребность сочувствія, Гильда — мы должны сказать правду, хотя можетъ быть и не слѣдовало бы выдавать ея тайну — часто вспоминала о скульпторѣ. Еслибы она теперь встрѣтилась съ нимъ, можетъ быть, ея сердце не отдалось бы ему, но ея довѣріе полетѣло бы къ нему, какъ птичка къ своему гнѣзду. Въ одинъ лѣтній вечеръ особенно внимательно смотрѣла она съ вершины своей башни на далекія горы, за которыя уѣхалъ Киніонъ.

— О, еслибъ онъ былъ здѣсь! вздыхала она. Меня губитъ эта

ужасная тайна; онъ помогъ бы мнѣ переносить эту тяжесть. О, еслибъ онъ былъ здѣсь!

Гильда думала такъ въ тотъ самый вечеръ, въ который Киніонъ, стоя на вершинѣ башни Монте-Бени, смотрѣлъ на югъ и переносился въ Римъ душою и сердцемъ.

ГЛАВА VI.

Гильда и ея другъ.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ ощущеній, Гильда начала впадать въ мистицизмъ. Унылое расположеніе духа влекло ее въ римскія церкви, гдѣ она прежде могла бы найти высокое эстетическое наслажденіе. Но теперь мысли ея были заняты не тѣмъ. Она искала человѣка, которому могла бы высказать свое горе, и въ минуту такого настроенія рѣшилась прибѣгнуть къ католическому аббату, почтенная наружность котораго внушала довѣріе. Патеръ сѣлъ въ исповѣдническое кресло и сталъ внимательно слушать признаніе упадшей духомъ еретички. Когда исповѣдь кончилась, Гильда, не поколебавшаяся отъ убѣжденій перейти въ католичество, стоя на колѣняхъ, приняла благословеніе духовнаго отца. Она не знала, что эту сцену видѣло третье лицо, которое стояло опершись на мраморную балюстраду, предъ главнымъ алтаремъ, уставленнымъ сотнями свѣчъ. Этотъ человѣкъ сталъ здѣсь тогда, какъ Гильда подошла къ аббату, лицо его выражало удивленіе и боязнь за послѣдствія; но онъ спокойно дождался конца исповѣди.

Простившись съ патеромъ, Гильда медленно подошла къ главному алтарю. Стоявшій возлѣ человѣкъ, казалось, колебался подойти ли къ ней или нѣтъ; но когда, послѣ короткой молитвы она повернулась, глаза ея случайно встрѣтились съ глазами этого человѣка.

— Это вы, Киніонъ, вскричала она въ радостномъ изумленіи, я такъ счастлива!

— Да, Гильда, я вижу, что вы очень счастливы, отвѣчалъ онъ угрюмо, отдернувъ свою руку послѣ слабаго пожатія. Онъ дѣйствительно видѣлъ, что она сіяла какимъ-то не обыкновеннымъ счастьемъ; — что до меня, то я никогда не чувствовалъ себя такъ мало счастливымъ, какъ въ эту минуту.

— Что съ вами случилось? спросила Гильда съ участіемъ. Прошу васъ скажите мнѣ. Вы можете быть увѣрены въ моей симпатіи.

— Вы будете святая Гильда, отвѣчалъ скульпторъ съ принужденною улыбкою.

— О, вы не сказали-бы этого, еслибъ видѣли меня часъ тому назадъ, проговорила она. Я была такъ несчастна!

— Почему же теперь вы такъ счастливы? спросилъ онъ. Но прежде скажите мнѣ, почему вы были несчастны?

— Еслибы я встрѣтилась съ вами вчера, я сказала бы вамъ, отвѣчала Гильда; но теперь нѣтъ нужды говорить объ этомъ.

— Откуда же взялось ваше счастье? спросилъ скульпторъ также угрюмо, какъ прежде.

— Я сбросила съ себя тяжелое бремя, которое давило меня.

Они пошли изъ церкви. Изъ разговора Киніонъ съ удовольствіемъ узналъ, что Гильда не измѣнила вѣрѣ своихъ отцовъ и что усилія патера склонить ее къ католицизму остались тщетны.

Достигнувъ башни, Гильда простилась съ Киніономъ, и пошла наверхъ. Взглянувъ изъ окна на пыльную улицу, она увидала стоявшаго внизу скульптора и махнула ему рукою.

— Какъ онъ печаленъ, подумала она. О, еслибъ я могла узнать, что тяготитъ его душу!

— Это не женщина, а духъ, думалъ въ это время Киніонъ. Еслибъ я могъ подняться до высоты этого чистаго, благороднаго созданія, или привлечь его на землю!...

Время, когда художники и туристы возвращаются въ Римъ, еще не наступило; потому Киніонъ и Гильда чувствовали себя почти одинокими посреди вѣчнаго города. Замкнутая жизнь туземнаго населенія все болѣе и болѣе сближала ихъ, какъ будто они были вмѣстѣ выброшены на необитаемый островъ; или вѣрнѣе, путались въ какомъ-то непринадлежащемъ здѣшнему мѣсту городѣ, безъ населенія, съ улицами, обставленными пустыми дворцами, наполненными неисчислимымъ множествомъ прекрасныхъ вещей, наслѣдниками которыхъ были они одни.

Очень естественно, что при такихъ обстоятельствахъ Гильда вела себя очень осторожно, что превратило ихъ отношенія въ спокойныя дружественныя, хотя въ душѣ Киніона цвѣтъ любви давно уже разцвѣлъ. Но это не мѣшало имъ быть совершенно счастливыми. Оба они обратились къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ. Киніонъ, талантъ котораго, подъ незамѣтнымъ вліяніемъ Гильды, пріобрѣлъ болѣе деликатный характеръ, вылѣпилъ изъ глины статуэтку дѣвушки, собирающей подснѣжникъ; но не хотѣлъ вырѣзать ее изъ мрамора, полагая, что это слишкомъ легкое произведеніе должно утратить свою

прелесть, если его заключить въ несокрушимый тяжелый матеріалъ.

Гильда съ новою любовью принялась за свое прежнее занятіе; но едва ли она была теперь такою совершенною кокеткою, какъ прежде. Она чувствовала, что утратила способность такъ вполнѣ подчиниться оригиналу, что въ характерѣ ея явилась твердость и самостоятельность, которыя, не лишая ея способности вѣрно понимать произведеніе искусства, давали ей возможность открыть, что было въ немъ недѣйствительнаго. Таковъ былъ результатъ ея непродолжительнаго, но тяжкаго опыта.

Проходили мѣсяцы, и Римъ снова сталъ наполняться иностранцами. Англійскіе путешественники заняли отели; на Корсо снова слышался англійскій языкъ, сады Пинчіо снова наполнились дѣтьми британской породы. Приближалась зима, и въ одно утро пальцы Гильды, работавшей въ галлереѣ, такъ окоченѣли, что она принуждена была прекратить работу. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ дней она посѣтила мастерскую своего друга.

Между тѣмъ римскіе рабочіе Киніона заняты были его Клеопатрою. Египетская царица уже начинала пробиваться изъ камня, или вѣрнѣе, работники нашли ее въ массѣ мрамора, чудомъ какимъ-то заключенную туда, но еще дышащую полною жизнью.

— Мнѣ стыдно сказать, какъ я восхищена этою статуею, сказала Гильда. Этого не могъ бы сдѣлать ни одинъ скульпторъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это, отвѣчалъ Киніонъ. Итакъ какъ скромность удерживаетъ васъ отъ большихъ похвалъ, то я стану думать, что вы сказали все, что художникъ желалъ бы слышать.

— И все-таки вы не превзойдете моего мнѣнія.

— Ваши слова наполняютъ мою душу счастіемъ, отвѣчалъ скульпторъ, и я въ немъ теперь особенно нуждаюсь, ради моей Клеопатры. Теперь наступилъ этотъ неизбѣжный періодъ, когда мои статуи начинаютъ казаться бездушными камнями. Признаюсь, я съ удовольствіемъ ударилъ бы бѣдную Клеопатру по носу этимъ молотомъ.

— Такой ударъ, кажется, рано или поздно, долженъ постигнуть всѣ статуи, хотя и не отъ руки, изваявшей ихъ, сказала Гильда. Но упадокъ вѣры въ свои произведенія не долженъ лишать васъ надежды. Такое состояніе художника, въ какомъ вы теперь находитесь, есть только доказательство, что онъ можетъ идти дальше, задумать болѣе возвышенный планъ, который въ настоящемъ кажется неисполнимъ.

Въ такомъ случаѣ для художника остается одно утѣшеніе, сказалъ Киніонъ, что плохой образъ покажется порядочнымъ въ глазахъ тѣхъ, кто незнакомъ съ оригиналомъ.

— И еще одно утѣшеніе, прибавила Гильда — что есть люди,

которымъ симпатія поможетъ видѣть достоинства сквозь недостатки. Кто не можетъ найти въ произведеніи искусства больше, чѣмъ вложилъ въ него художникъ, тому, я думаю, не слѣдуетъ смотрѣть на картины и статуи, и не нужно читать поэтовъ.

— Вы, Гильда, единственный критикъ, которому я вѣрю, сказалъ Киніонъ. Еслибъ вы осудили Клеопатру — ни что не спасло бы ея.

— Вы налагаете на меня такую страшную отвѣтственность, что я не осмѣлюсь сказать ни слова о другихъ вашихъ произведеніяхъ, отвѣчала она.

— Покрайней мѣрѣ объ этомъ скажите, узнаете-ли вы этотъ бюстъ? сказалъ Киніонъ, указывая на бюстъ Донателло. То былъ не тотъ бюстъ, который онъ началъ въ Монте Бени, но воплощенное въ камень воспоминаніе скульптора, составившееея подъ вліяніемъ знакомства его съ исторіею фамиліи графовъ Монте Бени и наслѣдственномъ характерѣ послѣдняго ихъ потомка. Еще не совсѣмъ оконченный бюстъ стоялъ на деревянномъ пьедесталѣ, вокругъ котораго валялись отсѣченные куски мрамора и лежала толстымъ слоемъ пыль. Странно сказать, но этотъ бюстъ гораздо болѣе походилъ на Донателло, чѣмъ тотъ, который Киніонъ лѣпилъ въ замкѣ, имѣя предъ собою оригиналъ.

— При первомъ взглядѣ я не была совершенно увѣрена, что знаю это лицо, сказала Гильда. Сходство не поразительно; внѣшнія черты имѣютъ много общаго съ фавномъ Праксителя; но выраженіе совсѣмъ другое.

— Какое же? спросилъ скульпторъ.

— Я не могу точно опредѣлить его, отвѣчала Гильда. Чѣмъ больше я смотрю на это лицо, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что оно постепенно проясняется и производитъ впечатлѣніе постоянно усиливающагося сознанія и нравственнаго смысла. Въ лицѣ Донателло видна живость, способность наслаждаться; этотъ бюстъ представляетъ фавна, это правда, но фавна, сдѣлавшаго шагъ къ высшему развитію.

— Неужели вы все это видите, Гильда? воскликнулъ изумленный скульпторъ. Можетъ быть, у меня дѣйствительно была эта мысль, но я вовсе не думалъ, что осуществилъ ее въ мраморѣ.

— Извините меня, сказала Гильда; но я еще сомнѣваюсь, было-ли это вашею цѣлью; не есть ли это сходство простою случайностью, которое можетъ уничтожить одинъ ударъ рѣзца.

— Я думаю, что вы правы, Гильда, отвѣчалъ Киніонъ, задумчиво всматриваясь въ свою работу. Странно, что это именно то выраженіе, которое я старался дать глиняной модели, и не могъ. Пусть же этотъ бюстъ останется такъ, какъ есть; я его не трону.

Вслѣдствіе этого разговора бюстъ Донателло, подобно грубой необработанной массѣ микель-анжеловской головы Брута, находящейся во Флоренціи, остался неоконченнымъ. Многіе ошибаются, почитая его неудавшеюся попыткою скопировать черты праксителева фавна. Можетъ быть одинъ изъ тысячи зрителей находитъ въ немъ нѣчто болѣе, долго вглядывается въ него и, уходя, много разъ оборачивается назадъ. Наблюденіе надъ недоконченнымъ портретомъ Донателло возбудило въ насъ интересъ къ этому лицу и заставило узнать отъ Киніона исторію приключеній его друга.

ГЛАВА VII.

Воспоминанія о Миріамъ.

Разсматривая бюстъ Донателло, скульпторъ погрузился въ воспоминанія, вызванныя чертами друга.

— Вы давно не видѣли Донателло, и потому не знаете, какъ онъ перемѣнился.

— Не удивительно! воскликнула Гильда, поблѣднѣвъ.

Она вспомнило ужасную сцену на Тарпейской скалѣ, когда лицо Донателло вспыхнула кровожадностію.

— Не удивительно, говорите вы? повторилъ скульпторъ, въ которомъ это восклицаніе возбудило интересъ; но онъ не былъ удивленъ, потому что давно уже подозрѣвалъ, что Гильдѣ извѣстны событія, о которыхъ онъ только догадывался. Такъ вы знаете? вы слышали? но что вы могли слышать?

— Ничего, отвѣчала Гильда. До меня не доходило ни одного слова. Оставимъ этотъ разговоръ, и никогда не будемъ возобновлять его.

— И о Миріамъ также нельзя говорить? спросилъ Киніонъ съ возрастающимъ интересомъ.

— Тише! даже имени ея нельзя произносить. Старайтесь не думать объ этомъ. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія! проговорила Гильда тихимъ голосомъ.

— Неужели эта тайна была скрыта въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ въ вашемъ нѣжномъ сердцѣ! произнесъ Киніонъ, съ удивленіемъ

и глубокой симпатіей глядя на нее. Не удивительно, что жизнь ваша увядала.

— Дѣйствительно такъ было, сказала Гильда съ содроганіемъ. Теперь еще мнѣ становится дурно при одномъ воспоминаніи.

— И какъ-же вы все это могли узнать? продолжалъ скульпторъ— но впрочемъ оставимъ это! помните только, что ежели вамъ нужно будетъ облегчить свою душу, вы свободно можете говорить со мною объ этихъ воспоминаніяхъ, потому что сама Миріамъ желала, чтобъ вы ихъ мнѣ довѣрили.

— Она желала этого? воскликнула Гильда—да, я помню, она совѣтовала мнѣ передать вамъ эту тайну. Но мнѣ нѣтъ надобности теперь говоритъ объ ней. И неужели Миріамъ говорила съ вами! Какая же это женщина, если она можетъ говорить съ друзьями о своемъ участіи въ преступленіи!

— Ахъ, Гильда, отвѣчалъ Киніонъ, вы еще не знаете и не могли узнать, потому что сердце ваше слишкомъ чисто — вы не знаете, какъ странно добро и зло смѣшивается въ человѣкѣ, какъ величайшій преступникъ можетъ показаться вамъ вовсе не такъ виновнымъ, если вы станете смотрѣть на него съ его точки зрѣнія. Такъ и Миріамъ и Донателло. Они можетъ быть участвовали въ дѣлѣ, которое мы должны назвать страшнымъ преступленіемъ; но, признаюсь, когда я думаю о начальной причинѣ ихъ поступка, о побужденіяхъ и чувствахъ, о внезапномъ стеченіи обстоятельствъ, о рѣшительности минуты и высокомъ самоотверженіи, — я не знаю, какъ отдѣлить тутъ преступленіе отъ того, что свѣтъ называетъ героизмомъ. По моему мнѣнію, надъ ними можно произнести такой приговоръ: достоинъ смерти, но достоинъ и любви.

— Никогда! вскричала Гильда, это дѣло и его причины для меня тайна и должны остаться тайною; но я думаю, что оно можетъ быть либо правое, либо неправое и не понимаю, какъ двѣ такія противоположныя вещи могутъ смѣшиваться въ одномъ и томъ же поступкѣ. Я такъ думаю и если вы меня убѣдите въ противномъ, я собьюсь съ прямаго пути.

— Я всегда чувствовалъ, что вы слишкомъ строгій судья, сказалъ Киніонъ, улыбаясь при мысли о непрактической теоріи Гильды. Но вы сами не чувствуете надобности въ милосердіи и потому не знаете какъ показать его другимъ.

— Въ вашихъ словахъ звучитъ горькая насмѣшка, сказала Гильда, чуть не плача. Но вы никогда не будете въ состояніи разрушить моего убѣжденія.

Скульпторъ хотѣлъ повидимому еще что-то сказать, но уступилъ

настойчивости своего кроткаго друга. Она была очень печальна, потому что этотъ разговоръ вызвалъ всѣ мучительныя воспоминанія, помрачавшія ея свѣтлую душу. Она суше чѣмъ обыкновенно простилась съ Кініономъ и пошла въ свою башню.

Несмотря на ея усилія оторваться отъ этихъ предметовъ, мысли бѣдной дѣвушки постоянно вращались вокругъ Миріамъ и ея знакомства съ нею. Воспоминанія объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ привели наконецъ къ мысли, которую она выразила слѣдующими словами:

— Миріамъ меня очень любила, а я оставила ее, когда она всего болѣе во мнѣ нуждалась.

Гильда не ошибалась: Миріамъ дѣйствительно ее очень любила и успѣла возбудить въ спокойной и сдержанной Гильдѣ самую сильную привязанность, которая никогда въ ней не угасала и можетъ быть была причиною ея нравственныхъ страданій. Эта же привязанность привела ее теперь къ мысли, не виновата ли она передъ Миріамъ. Припоминая подробности послѣднихъ свиданій, она вдругъ вспомнила о запечатанномъ пакетѣ, который Миріамъ вручила ей, прося передать его по адресу, если она не потребуетъ его обратно до истеченія извѣстнаго срока. Гильда ускорила шаги, боясь, что срокъ уже прошелъ. Онъ еще не прошелъ: прочитавъ короткое наставленіе написанное на углу пакета, Гильда увидѣла, что его нужно отнести въ тотъ же самый день.

— Я чуть—было не нарушила моего обѣщанія! подумала она. Съ той минуты, какъ мы разстались, оно сдѣлалось для меня священнымъ, какъ завѣщаніе умершаго друга. Теперь нельзя терять ни минуты.

И Гильда немедленно отправилась въ ту часть города, гдѣ находится палаццо Ченчи. Ея самоувѣренность, развитая привычкою быть всегда самостоятельною, устранила въ настоящемъ случаѣ всякую мысль объ опасности. Она пошла теперь одна въ самую грязную часть Рима, гдѣ на маломъ пространствѣ столпились тысячи Евреевъ и живутъ тѣсно и неопрятно, какъ черви въ испорченномъ сырѣ. Она прошла мимо Гетто, гнѣзда Евреевъ, окружности котораго были тоже грязны и имѣли такую же наружность, какъ и оно. Здѣсь безпорядочно толпились отвратительные домишки, массивно нагроможденные изъ развалинъ прежнихъ вѣковъ; они выстроены безъ плана, какъ обыкновенно строятъ свои лачужки нищіе; и однакожъ мѣстами виднѣлись ворота съ арками, корнизами, колоннами, или разбитая аркада, которая могла бы служить украшеніемъ любому дворцу. Многіе изъ этихъ домовъ, дѣйствительно могли быть когда-то дворцами и до настоящаго времени хранили жалкіе остатки величія. Грязь была повсюду, на узкихъ улицахъ, на домахъ; она видна была въ окнахъ, лежала на

порогахъ и принимала образъ человѣческой жизни въ дѣтяхъ, которые, казалось, изъ нея родились, какъ будто отцомъ ихъ было солнце, а матерью — куча римской грязи.

Мрачный палаццо Ченчи, какъ жилище Беатрисы, имѣлъ для Гильды особенный интересъ, хотя недостаточно сильный, чтобы уничтожить непріятное впечатлѣніе, производимое его наружностью и привлечь на его порогъ. На сосѣдней площади, жалкой наружности, находилась одна только старая торговка, продававшая жареные каштаны и печеныя тыквы. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Гильду и спросила, не заблудилась-ли она.

— Нѣтъ, я ищу палаццо Ченчи, отвѣчала Гильда.

— Вотъ онъ, близко, прекрасная синьорина, сказала торговка. Если вы желаете отдать тамъ этотъ пакетъ, который я вижу въ вашей рукѣ, мой внукъ Пьетро сбѣгаетъ туда за одинъ байокъ; палаццо Ченчи не хорошее мѣсто для молодыхъ дѣвушекъ.

Гильда поблагодарила старую даму, но отклонилась отъ предложенія, сказавъ что ей необходимо лично отдать этотъ пакетъ. Она приблизилась къ палаццо Ченчи, который, несмотря на свою огромность, имѣетъ жалкую наружность, вовсе не приличную жилищу прекрасной тѣни Беатриче. Стоявшіе у портала солдаты смотрѣли на молодую дѣвушку съ удовольствіемъ, но не нарушили приличія. Гильда пошла по лѣстницѣ и должна была пройти три высокихъ этажа прежде чѣмъ достигла двери, которой искала.

На другой день утромъ Киніонъ, условившійся съ Гильдою при послѣднемъ свиданіи въ мастерской, посѣтить Ватиканъ, ходилъ по широкимъ заламъ, въ ожиданіи своего друга. Занятый мыслью о причинѣ неисправности Гильды, онъ ничего не видѣлъ, или лучше, смотрѣлъ на все разочарованными глазами. Величественныя созданія искуства казались ему бездушными истуканами и въ самомъ Аполлонѣ бельведерскомъ онъ видѣлъ однѣ внѣшнія формы, и ничего божественнаго, неземнаго, чѣмъ прежде столько разъ восхищался. Печальный, убитый духомъ, возвратился онъ въ свою мастерскую, принялся было за работу, но ничего не сдѣлалъ и пошелъ бродить по Корсо, наполненномъ въ это время толпами прохожихъ. Во время этой прогулки онъ встрѣтилъ кающагося.

То была фигура, одѣтая въ бѣлое платье, съ лицомъ, покрытымъ маскою, сквозь отверстія которой сверкали глаза. Такія фигуры часто встрѣчаются на улицахъ въ Италіи; обыкновенно это знатные люди, которые, оставивъ свои дворцы, удовольствія, роскошь и гордость, надѣваютъ на время одежду кающагося, съ цѣлью загладить какое нибудь преступленіе или мелкіе грѣшки свѣтской жизни. Они обыкно-

венно просятъ милостыни, и можетъ быть, продолжительность покаянія соразмѣряютъ съ суммою собранныхъ денегъ. Эти фигуры производятъ всегда странное впечатлѣніе не столько своею странною наружностью, сколько таинственностью и тѣмъ еще, что возбуждаютъ мысль о грѣхахъ, принудившихъ ихъ къ такого рода покаянію.

Въ настоящемъ случаѣ кающійся не попросилъ милостыни у Киніона, хотя и остановился предъ нимъ на минуту, такъ что скульпторъ успѣлъ разглядѣть его черные впалые глаза, сверкавшіе изъ-за маски.

— Все-ли у васъ хорошо? спросила фигура.

— Все хорошо, отвѣчалъ Киніонъ. — А у васъ?

Толпа раздѣлила ихъ въ эту минуту и кающійся, не успѣвъ отвѣтить, скрылся. Киніонъ хотѣлъ было поспѣшить за нимъ, но вспомнивъ принятый этикетъ, запрещающій узнавать людей подъ покрываломъ кающагося грѣшника, пошелъ въ другую сторону.

— Это Донателло! думалъ онъ. Что привело его сюда? Онъ съ такимъ отвращеніемъ говорилъ о Римѣ. Неужели и Миріамъ здѣсь?

Киніонъ шелъ дальше, думая о странной перемѣнѣ, происшедшей въ Донателло во время его знакомства съ нимъ.

Онъ взлянулъ на эту встрѣчу съ исключительной точки зрѣнія и принялъ ее за зловѣщее предзнаменованіе, хотя и не могъ опредѣлить, какое именно несчастье ему угрожаетъ. Тѣмъ не менѣе идея объ опасности, смѣшавшись съ мыслью о Гильдѣ, неявившейся въ Ватиканъ, повергла Киніона въ уныніе. Чтобы неоставаться въ неизвѣстности, ему слѣдовало бы пойти въ мастерскую Гильды и тамъ освѣдомиться о причинѣ, удержавшей ее. Но онъ этого не сдѣлалъ изъ досады, очень свойственной влюбленнымъ, увеличивавшейся вслѣдствіе того, что онъ намѣревался при этомъ свиданіи заговорить о предметѣ, о которомъ влюбленные готовы говорить вездѣ, лишь бы только на ихъ признаніе отвѣчали благосклонно.

Исполненный самыхъ разнообразныхъ мыслей и чувствъ, Киніонъ отправился въ café Nuovo, съ намѣреніемъ пообѣдать тамъ и выпить бутылку монтефіасконе; но вино не произвело никакого дѣйствія. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ театръ Арджентино, но вышелъ оттуда такимъ же угрюмымъ, какъ вошелъ.

Проходя по узкимъ улицамъ, онъ встрѣтилъ карету, въ которой газовый фонарь освѣтилъ лицо дамы, высунувшейся изъ окна и протянувшей къ нему руку. Киніонъ узналъ ее и быстро пошелъ къ каретѣ, которая остановилась.

— Вы здѣсь, Миріамъ! воскикнулъ онъ, а ваши друзья не знаютъ объ этомъ.

— Все ли у васъ хорошо? спросила Миріамъ. Этотъ вопросъ, сло-

во въ слово слышанный имъ отъ Донателло, крайне удивилъ его. Онъ началъ думать, что въ этихъ словахъ дѣйствительно кроется нѣчто зловѣщее.

— Кажется, все хорошо, отвѣчалъ онъ съ недоумѣніемъ. Я не знаю ни о какомъ несчастіи. Развѣ вы сообщите мнѣ что нибудь.

Говоря это, онъ пристально глядѣлъ на Миріамъ, какъ бы сомнѣваясь, дѣйствительно ли съ нею онъ говоритъ. Онъ нашелъ въ лицѣ ея перемѣну, которая можетъ быть происходила отъ ея богатаго наряда и драгоцѣннаго камня, сіявшаго у нея на груди.

— Говорите, пожалуйста, если вы можете сказать! сказать мнѣ что нибудь! вскричалъ Киніонъ съ нетерпѣніемъ. Двусмысленныя слова Миріамъ сильно взволновали его.

Вмѣсто отвѣта она жестомъ дала ему знать о присутствіи третьяго лица; въ каретѣ дѣйствительно сидѣлъ какой то италіянецъ, съ желтымъ лицемъ, котораго онъ не могъ разсмотрѣть.

— Я ничего не могу сказать вамъ сегодня, отвѣчала она наконецъ. Но вы не должны отчаяваться, если погаснетъ лампада.

Черезъ нѣсколько минутъ карета скрылась, а Киніонъ, волнуемый разными дурными предчувствіями, остался размышлять объ этомъ странномъ свиданіи, повергшемъ его еще въ большее недоумѣніе.

— Какой же я безпечный, нерѣшительный дуракъ! воскликнулъ онъ. Они вѣроятно знаютъ о какомъ нибудь несчастіи, а я упустилъ ихъ!

Сфера его жизни была такъ узка, что если въ ней могло случиться несчастіе, то хотя онъ и не могъ опредѣлить, въ чемъ оно зачалось, однакожъ не колеблясь могъ сказать, что оно касалось Гильды. Быстрыми шагами пошелъ онъ теперь къ Via Portoghese и скоро увидѣлъ предъ собою массивный палаццо, утонувшій во тьмѣ; только на вершинѣ его сіяла лампада, зажженная передъ образомъ Мадонны. Слабый лучъ ея освѣтилъ сердце скульптора; но вдругъ онъ увидѣлъ, что лучъ сталъ слабѣть, потомъ вспыхнулъ ярко и—погасъ. Башня Гильды скрылась въ темнотѣ.

ГЛАВА VIII.

Голуби Гильды разлетѣлись.

Киніонъ не вѣрилъ глазамъ своимъ; онъ даже остановилъ какого-то человѣка въ плащѣ и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Будьте такъ добры, синьоръ, посмотрите, горитъ ли тамъ наверху лампада передъ образомъ?

— Лампада, синьоръ, горитъ тамъ уже четыреста лѣтъ, отвѣчалъ тотъ, не давъ себѣ труда поглядѣть вверхъ.

— Посмотрите однакожъ, она, кажется, погасла, нетерпѣливо возразилъ скульпторъ. Добродушный Итальянецъ, приписывая, вѣроятно, этотъ вопросъ эксцентричности иностранца, взглянулъ вверхъ и воздѣвъ руки къ небу, вскричалъ отъ удивленія и испуга:

— Дѣйствительно погасла! она четыреста лѣтъ горѣла! это не къ добру! уйдите скорѣе отсюда, чтобы башня не обрушилась вамъ на голову.

Итальянецъ торопливо ушелъ, а Киніонъ рѣшился, несмотря на позднюю пору, удостовѣриться, въ башнѣ ли Гильда или нѣтъ. Пройдя подъ арками воротъ, которыя въ Римѣ не запираются ни днемъ, ни ночью, онъ засвѣтилъ восковую свѣчу и пошелъ по широкой лѣстницѣ. Достигнувъ двери, онъ постучалъ сначала очень тихо, потомъ сильнѣе, наконецъ очень громко и нетерпѣливо, но отвѣта не было. Ясно, что Гильды не было дома. Киніонъ пошелъ внизъ, останавливался въ каждомъ этажѣ и стучалъ въ двери, ни мало не думая, что тревожитъ сонъ. Онъ желалъ знать по крайней мѣрѣ, когда видѣли Гильду въ послѣдній разъ. Но на его стукъ ни кто не откликался. Оставалось уйти домой и ждать утра.

На другой день рано утромъ онъ опять началъ свои поиски въ башнѣ, которые на этотъ разъ были гораздо удачнѣе. Добрые Итальянцы съ такимъ искреннимъ участіемъ выслушивали его и, судя по ихъ словамъ, готовы были обыскать все дно морское, еслибъ Киніонъ имъ сказалъ, что Гильда могла туда укрыться. Но ихъ участіе ограничивалось одними громкими словами. Главная задача скульптора состояла въ томъ, чтобы узнать, когда видѣли Гильду въ послѣдній разъ. Англичанка, жившая во второмъ этажѣ палаццо, утверждала, что видѣла Гильду вчера утромъ съ альбомомъ въ рукѣ; но такъ какъ не была знакома съ нею, то не обратила на нее вниманія, а потому можетъ быть и ошибается. Какой-то графъ, жившій этажемъ выше, увѣрялъ, что два дня тому назадъ раскланялся съ Гильдой въ воротахъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, старая женщина, наблюдавшая прежде за лампой, объяснила, что въ лампу нужно наливать масло каждые три дня. Продавецъ фруктовъ при этомъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ Гильда вышла изъ воротъ съ конвертомъ и что съ того времени прошло уже дня два.

Сообразивъ всѣ эти толки, Киніонъ убѣдился, что Гильда не возвращалась домой съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ его мастерской. Ему

удалось найти жену того человѣка, у котораго Гильда нанимала квартиру, и убѣдить ее впустить его въ жилище молодой дѣвушки, такъ какъ у этой женщины былъ другой ключъ. При входѣ въ комнату, скульпторъ былъ пораженъ необыкновенною чистотою и порядкомъ, соединенными съ простою граціей. Въ эту минуту, въ его сердцѣ пробудилось болѣе ясное и болѣзненное сознаніе понесенной имъ потери.

— Вотъ, синьоръ, сказала старуха, по этой лѣсенкѣ синьорина поднималась зажигать лампаду.

Киніонъ по предложенію старухи поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ на столѣ передъ образомъ Мадонны тотъ самый букетъ, который онъ поднесъ Гильдѣ. Это открытіе тронуло его до глубины души.

— Не печальтесь, синьоръ, сказала Римлянка, замѣтивъ вздохъ, вырвавшійся изъ груди скульптора. Прекрасная синьорина, какъ добрая католичка, ухаживала за образомъ, и святая Дѣва не оставитъ ее: она воротится.

Проходя черезъ мастерскую, которая была скульптору хорошо знакома, онъ замѣтилъ, что на столѣ не было маленькой шкатулки съ письменнымъ приборомъ, гдѣ, какъ Киніону было извѣстно, Гильда прятала письма и другія маленькія вещи, имѣвшія въ ея глазахъ особенную цѣну.

— Гдѣ шкатулка? спросилъ онъ.

— Что? воскликнула старуха, вы думате, что здѣсь что нибудь украдено?

— Я самъ видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ на этомъ столѣ шкатулку, и теперь ея нѣтъ.

— Вѣроятно, синьорина взяла ее съ собой, отвѣчала Римлянка, овладѣвъ собою. Это хорошій знакъ: значитъ, скоро возвратится.

— Это странно! произнесъ Киніонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ синьорина ушла, вы никому не отворяли дверей?

— Сохрани Богъ! воскликнула Римлянка. Самая не входила, и никто не могъ войти, потому что въ цѣломъ Римѣ не найдете другаго ключа, который подошелъ бы къ этой двери. Тутъ старинный замокъ.

— Очень странно! куда же могла пропасть шкатулка! сказалъ Киніонъ, не имѣвшій основательной причины не довѣрять словамъ старухи, хотя впрочемъ зналъ, что ложь не составляетъ слишкомъ тяжкаго бремени для самой чувствительной совѣсти Итальянца.

— Дѣйствительно, это странно! подтвердила старуха, прямо глядя ему въ глаза. Всего вѣроятнѣе, что синьорина взяла ее съ собою.

Киніону нечего было больше дѣлать въ этомъ домѣ. Онъ ушелъ,

сказавъ хозяйкѣ, чтобъ квартира Гильды осталась въ прежнемъ видѣ и что онъ будетъ платить за нее.

Поиски и распросы, которымъ онъ посвятилъ весь этотъ день, ничего не открыли. Прошла недѣля — и всѣ возможныя средства объяснить тайну остались тщетны. Сначала онъ боялся сдѣлать исторію Гильды гласною; но потомъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи своихъ товарищей художниковъ, наконецъ обратился къ полиціи, хотя зналъ, что римская полиція въ частныхъ дѣлахъ не очень тороплива. Однакожъ полиція выразила сильную надежду на успѣхъ.

Теперь скульпторъ желалъ встрѣтиться съ Миріамъ, таинственныя слова которой не выходили у него изъ головы; но гдѣ и какъ встрѣтиться съ нею? Уходили дни за днями, а о Гильдѣ не было никакихъ вѣстей. Лампада у образа ужъ болѣе не зажигалась и въ теченіи всего этого времени нигдѣ, даже на небѣ несчастному влюбленному не сіялъ лучъ надежды. Несмотря на всю твердость характера, онъ упалъ духомъ и самыя пустыя обстоятельства теперь могли разстраивать его и встревожить. Прохаживаясь по улицѣ, гдѣ находилась башня Гильды, онъ замѣтилъ, что въ концѣ второй недѣли стая голубей начала уменьшаться, и вскорѣ и совсѣмъ разлетѣлась. Остался одинъ только голубокъ, вѣроятно любимецъ хозяйки. Киніонъ сравнивалъ эту стаю съ своими разлетѣвшимися надеждами. Но что означаетъ этотъ одинокій голубокъ? — Надежду или отчаяніе?

Однажды во время прогулки по извѣстной читателю улицѣ, Киніонъ встрѣтилъ почтеннаго аббата. Это былъ тотъ самый святой отецъ, къ которому когда-то въ минуту тоски и унынія обратилась Гильда за утѣшеніемъ. Киніонъ остановилъ его почти безсознательнымъ восклицаніемъ, съ которымъ готовъ былъ обращаться не только къ незнакомымъ людямъ, но даже къ неживымъ предметамъ.

— Она пропала, святой отецъ!

— Кто пропалъ, сынъ мой? спросилъ изумленный аббатъ.

— Та дѣвушка, которая приходила поговорить съ вами, отвѣчалъ онъ. Вы не могли забыть ее, потому что никто изъ исповѣдывавшихся у васъ не имѣлъ менѣе ея надобности каяться въ своихъ грѣхахъ.

— О, да, какъ же, помню, отвѣчалъ аббатъ. Хоть она и еретичка, однакожъ нашла успокоеніе въ исполненіи уставовъ нашей церкви — это великій примѣръ. Я намѣренъ на трехъ языкахъ изложить краткій разсказъ объ этомъ чудотворномъ дѣйствіи чистосердечной исповѣди, въ назиданіе другимъ еретикамъ и всего человѣчества. Оставивъ въ сторонѣ ересь, я соглашаюсь съ вами, что она точно была безукоризненна. — Чтожъ, она умерла?

— Избави Богъ! Нѣтъ! она не умерла, но пропала, неизвѣстно

куда. Не можетъ ли вашъ разговоръ съ нею объяснить эту ужасную загадку?

— Не можетъ, сынъ мой, не можетъ. Впрочемъ, вы должны радоваться теперь. Я увѣренъ, что эта дѣвушка не умретъ еретичкою; она обратится къ истинной вѣрѣ.

Аббатъ благословилъ скульптора и ушелъ, не сказавъ больше ни слова. Но слова его не произвели того утѣшительнаго дѣйствія на душу Киніона, какое предполагалъ патеръ; они дали только другой оборотъ его мыслямъ. — Ужъ не попала-ли она въ руки горячихъ пропагандистовъ, которыхъ такъ много въ Римѣ, и которымъ могла быть извѣстна ея исповѣдь. Но онъ былъ увѣренъ въ твердости Гильды и потому это отступленіе отъ общаго направленія его мыслей продолжалось недолго.

Встрѣча съ аббатомъ случилась въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ февральскихъ дней. Въ это время въ Римѣ ужъ наступаетъ весна и въ мѣстахъ, согрѣваемыхъ солнцемъ, начинаютъ появляться фіялки и маргаритки. Долго Киніонъ бродилъ безъ цѣли, наконецъ вышелъ за ворота Санъ-Себастіана и быстро пошелъ по Аппіевой дорогѣ. Вскорѣ онъ достигъ того мѣста, гдѣ не такъ давно стали открывать какія-то древнія развалины. Все это пространство, окруженное подземными стѣнами, походило на открытый сверху погребъ. Ничего впрочемъ здѣсь не было необыкновеннаго: всѣмъ извѣстно, что въ окрестностяхъ Рима стоитъ разрыть землю на нѣсколько футовъ и въ ней откроются куски мрамора, медали, кольца; станете рыть дальше и найдете богатыя фрески, украшающія какія-то залы, — это гробницы.

Киніонъ сѣлъ на каменный обломокъ, на краю ямы и вскорѣ замѣтилъ нѣчто похожее на мраморную фигуру. Онъ началъ рыть и мало по малу передъ нимъ сталъ обрисовываться торсъ женщины, принадлежащій, вѣроятно, греческому рѣзцу; головы и рукъ до локтей не было. Киніонъ продолжалъ рыть съ нетерпѣніемъ и нашелъ то и другое. Обчиствъ мраморъ, онъ сталъ складывать фигуру; оказалось, что это Венера. Онъ сѣлъ возлѣ мраморной женщины и долго смотрѣлъ на нее, помышляя о томъ, кому должна принадлежать она; потомъ эти мысли какъ-то странно соединялись съ мыслями о Гильдѣ, вмѣсто которой онъ нашелъ эту разбитую красавицу. И долго, можетъ быть, онъ просидѣлъ бы такъ, погруженный въ неопредѣленныя, ускользающія отъ сознанія мысли, еслибы къ ямѣ не подбѣжалъ маленькій мулъ и не заглянулъ въ нее. Появленіе этого посѣтителя вывело молодаго человѣка изъ задумчивости; онъ всталъ и увидѣлъ на краю ямы двѣ фигуры, одѣтыя въ крестьянское платье и усердно привѣтствующія его на италіянскомъ языкѣ. Въ этихъ фигурахъ, которыя, несмотря

на все безобразіе одежды, поражали своею красотою и граціею формъ, скульпторъ безъ труда узналъ Миріамъ и Донателло.

— Теперь карнавалъ! сказала Миріамъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ скульптора. Помните, какъ мы веселились въ прошломъ году въ это время?

— Теперь мы всѣ перемѣнились, возразилъ скульпторъ, на котораго веселый тонъ Миріамъ не произвелъ никакого дѣйствія.

Здѣсь приходится замѣтить одну странность, которой подвержены всѣ люди: когда имъ приходится говорить объ очень серьезныхъ вещахъ, они не вдругъ приступаютъ къ своему предмету и повидимому избѣгаютъ его, пока какъ нибудь случайно до него не договорятся. Такъ случилось и съ нашими друзьями.

— Какая красавица! сказала Миріамъ, указывая на статую. Она несравненно выше той Венеры, которую мы видѣли во Флоренціи.

— Да, она прекрасна, замѣтилъ Киніонъ. Когда-то одного взгляда на такую статую мнѣ было достаточно, чтобъ сдѣлаться счастливымъ на цѣлый день.

— А теперь? живо спросила Миріамъ. Я думала, что и теперь вы способны понимать прекрасное и душевно была рада за васъ, когда, нѣсколько дней тому назадъ, Донателло замѣнялъ эту статую.

— Благодарю васъ, Миріамъ; но теперь я охладѣлъ ко всему.

— Зачѣмъ вы такъ долго оставляете нашего добраго друга въ недоумѣніи, Миріамъ? сказалъ Донателло. Вы знаете, что его безпокоитъ, скажите же ему поскорѣе.

— Какъ вы спѣшите, мой милый другъ! тревожно возразила Миріамъ. Развѣ вы не видите, что мнѣ страшно говорить ему? Вы можете быть совершенно покойны, Киніонъ; но я медлю, колеблюсь, потому что каждое мое слово приближаетъ меня къ кризису, котораго я трепещу. Ахъ, Донателло, проживемъ еще нѣсколько дней, такъ какъ сегодня!

— Не смѣю, угрюмо отвѣчалъ Донателло, на лицѣ котораго скульпторъ замѣтилъ выраженіе, напомнившее ему печальные дни нравственныхъ мукъ въ Монте Бени. — Я рѣшился быть такимъ, какъ вы видите меня сегодня, только потому, что это не можетъ продолжаться.

— Еще одинъ день! умоляющимъ голосомъ твердила Миріамъ. Еще одинъ день проведемъ на свободѣ и будемъ счастливы!

— Я согласенъ; но только одинъ день, сказалъ Донателло, съ кроткою улыбкою, которая тронула скульптора. Но я не понимаю, отчего вы не говорите ничего Киніону — вѣдь онъ другъ нашъ.

— Ахъ! онъ можетъ пострадать еще не много! шутливо возрази-

ла Миріамъ. Вы вѣдь охотно пострадали бы за насъ еще денекъ? не правда ли?

— Скажите, что вы знаете о Гильдѣ, настаивалъ скульпторъ. Скажите, она въ безопасности?

— Гильда совершенно безопасна, отвѣчала Миріамъ. Все дѣло въ томъ, что одно ужасное происшествіе, одно преступленіе задѣло и вашу добродѣтельную Гильду; но теперь все равно, — вы получите вашу Гильду такою же, какъ была, а можетъ быть и болѣе нѣжною, чѣмъ прежде.

— Когда же она возвратится? спрашивалъ скульпторъ. Говорите ради Бога, когда, какъ?

— Терпѣніе, синьоръ, терпѣніе! говорила Миріамъ, полушутя, полусерьезно. Вамъ предстоитъ еще много времени, а намъ некогда. Слушайте, что я вамъ теперь скажу, только не о Гильдѣ. О ней поговоримъ послѣ.

И Миріамъ начала разсказывать свою біографію. По матери она была англійскаго происхожденія съ примѣсью еврейской крови; по отцу — италіянскаго и состояла въ родствѣ съ нѣсколькими знатными фамиліями южной Италіи, владѣющими большими богатствами и пользующимися значительнымъ вліяніемъ. Тутъ она назвала свое имя, при которомъ скульпторъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, потому что это имя нѣсколько лѣтъ тому назадъ повторялось повсюду и было связано съ таинственнымъ и ужаснымъ происшествіемъ. Читатель легко можетъ вспомнить настоящее имя Миріамъ, если задастъ себѣ трудъ припомнить обстоятельства странныхъ событій, о которыхъ еще не такъ давно перестали говорить.

— Мое имя испугало васъ? сказала Миріамъ.

— Нѣтъ, не имя ваше меня испугало, а страшная судьба, которая тяготѣетъ надъ вами, хотя вы были невинны.

— Да, я была невинна, но моя роковая судьба привела меня къ преступленію и я теперь виновна — это можетъ подтвердить Гильда.

Изъ дальнѣйшаго разсказа, Киніонъ узналъ, что Миріамъ еще въ дѣтствѣ лишилась матери.

Вскорѣ послѣ того, когда она еще была дитятею, ее помолвили за одного маркиза, представителя другой отрасли ея фамиліи. Въ этой помолвкѣ чувства не играли никакой роли, потому что маркизъ былъ вдвое старше своей невѣсты. Миріамъ — происхожденіе-ли было тому виною или естественное ея развитіе — отказалась отъ этого насильственнаго брака, хотя многія дѣвицы на ея мѣстѣ почли бы себя счастливыми. Здѣсь она распространилась о характерѣ маркиза и изъ словъ ея оказалось, что это былъ человѣкъ такой дикій, необузданный,

вѣроломный и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый, что уже самый характеръ его представлялъ непреодолимое препятствіе къ браку; подобныя явленія весьма не рѣдки въ старинныхъ фамиліяхъ, долгое время несмѣшивавшихся съ другою кровью. Когда пришло время заключить брачный контрактъ, Миріамъ рѣшительно отказалась отъ своего жениха.

Спустя нѣсколько времени случилось то страшное происшествіе, въ которомъ было замѣшано имя Миріамъ; ужасныя подробности его вѣроятно вспомнятъ многіе читатели, хотя можетъ быть не найдутъ удовлетворительнаго объясненія. Оно касается нашего разсказа только потому, что на Миріамъ пало подозрѣніе въ участіи въ этомъ таинственномъ преступленіи.

— Но вы знаете, что это подозрѣніе было неосновательно! сказала она, глядя въ лицо Киніона.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ онъ. Мое собственное сознаніе, привязанность и довѣріе къ вамъ Гильды убѣждаютъ меня въ этомъ; вы не пріобрѣли бы ихъ, еслибъ были способны къ преступленію.

— Это достаточное основаніе, чтобы объявить меня невинною, сказала Миріамъ со слезами на глазахъ.

Она продолжала свою исторію. Сильное вліяніе ея родныхъ и связи защитили ее отъ послѣдствій этого подозрѣнія; но оно привело ее въ отчаяніе и она рѣшилась бѣжать изъ дома, устроивъ все такимъ образомъ, чтобы могли подумать, что она лишила себя жизни. Миріамъ однакожъ не принадлежала къ слабымъ натурамъ, которыя ищутъ въ самоубійствѣ выхода изъ тяжкихъ житейскихъ обстоятельствъ. Она бросилась въ свѣтъ и скоро составила себѣ кружокъ въ новой сферѣ, гдѣ нѣжность Гильды, доброта и ясный умъ скульптора, простота и чистосердечіе Донателло доставили возможность испытать истинное счастье. Въ это время она встрѣтилась съ этимъ таинственнымъ человѣкомъ въ катакомбахъ, который былъ для нея олицетвореніемъ злой судьбы, преслѣдовавшей ее всю жизнь.

Тутъ она замѣтила, между прочимъ, что, припоминая подробности прошлыхъ происшествій, не можетъ не признать этого человѣка сумасшедшимъ, что сумасшествіе вѣроятно было въ его крови и усиливалось постоянно отъ дурныхъ поступковъ, въ которыхъ выказывался его злой характеръ и которые неизбѣжно влекли за собою угрызенія совѣсти. Въ жизни его ни что не было такъ странно, какъ покаяніе, потому что оно шло немедленно за преступленіемъ и повидимому влекло за собою новыя преступленія. Послѣ смерти его, Миріамъ узнала, что покаяніе привело его въ монастырь, гдѣ строгое и самоотверженное раскаяніе пріобрѣло ему репутацію несомнѣнной святости и доста-

вило ему право пользоваться большею свободою, чѣмъ обыкновенно дозволяется монахамъ.

— Нужно-ли вамъ еще прибавить что нибудь? Вы сами поймете, продолжала она, каково было мое положеніе, послѣ того, какъ я встрѣтилась съ нимъ въ подземельи;—онъ пошелъ туда каяться, а вышелъ съ новыми побужденіями къ преступленіямъ. Я тогда была въ его власти — онъ могъ тогда погубить меня, убить мою репутацію, унизить, очернить меня въ общемъ мнѣніи, въ вашемъ мнѣніи, въ мнѣніи Гильды. Вы всѣ, даже Донателло, отступились бы отъ меня съ ужасомъ.

— Никогда! сказалъ Донателло. Мой инстинктъ говорилъ мнѣ, что вы невинны.

— Мы оправдали бы васъ, сказалъ Киніонъ. Пусть бы свѣтъ говорилъ, что угодно; мы доказали бы, что онъ ошибается. Ахъ, Миріамъ, вамъ слѣдовало раньше разсказать намъ эту исторію!

— Я не разъ думала объ этомъ; мнѣ хотѣлось разсказать ее вамъ и особенно тогда, какъ я смотрѣла вашу Клеопатру. Моя тайна была уже на языкѣ; но я остановилась, потому что вы слишкомъ холодно приняли мое довѣріе. Еслибъ я тогда повиновалась моему побужденію, все было бы иначе.

— А Гильда? спросилъ Киніонъ. Какія ея отношенія къ этой печальной исторіи?

— Она сама вамъ лучше разскажетъ, отвѣчала Миріамъ. Изъ нѣсколькихъ источниковъ, которые я имѣю въ Римѣ, мнѣ извѣстно, что она внѣ всякой опасности. Дня черезъ два она къ вамъ воротится.

— Еще два дня! произнесъ угрюмо скульпторъ.

— О, вы теперь жестоки! воскликнула Миріамъ; болѣе жестоки, чѣмъ воображаете!

Киніонъ былъ теперь пораженъ странною истерическою веселостью, которая нѣсколько разъ пробавалась на грустномъ, даже унысломъ лицѣ Миріамъ во время ея разсказа.

— Пощадите вашихъ несчастныхъ друзей! воскликнула она съ глубокимъ чувствомъ.

— Я не знаю, что это значитъ, сказалъ Киніонъ.

— Вы послѣ узнаете, отвѣчала Миріамъ. — Но что вы думаете о томъ, что бѣднаго Донателло преслѣдуютъ угрызенія совѣсти и онъ хочетъ отдать себя въ руки правосудія? Онъ воображаетъ, хоть я стараюсь разубѣдить его въ этомъ, что тотъ, кто совершилъ преступленіе, необходимо долженъ явиться къ суду — это очень простодушно, не правда-ли? Я старалась убѣдить его, что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ такого правосудія, которое можетъ справедливо судить его.

— Оставимъ это, сказалъ Донателло. Я не умѣю возражать вамъ, но я понимаю такъ, это говоритъ мнѣ мой смыслъ, мой инстинктъ. Но вѣдь и говорить объ этомъ нѣтъ надобности — намъ остается еще два дня — будемъ же счастливы!

Въ эту минуту скульптору показалось, что онъ видитъ предъ собою живаго фавна, какимъ казался ему Донателло до роковой сцены на Тарпейской скалѣ, какимъ онъ былъ потомъ у подножія бронзоваго папы. Сердечная веселость и простота сверкала въ его взглядахъ, словахъ и даже мысляхъ.

— Какъ онъ прекрасенъ! сказала Миріамъ, замѣтивъ, что глаза скульптора съ восхищеніемъ остановились на лицѣ Донателло. Онъ повидимому перемѣнился; но въ существѣ своемъ остался все тотъ же. Онъ возвратился изъ тяжелаго, мучительнаго путешествія и принесъ съ собою запасъ знаній, пріобрѣтенныхъ горькимъ опытомъ. Мои собственныя мысли мучатъ меня! А между тѣмъ я должна вдуматься въ нихъ до конца. Не было-ли преступленіе счастьемъ для него, не ему ли обязанъ онъ тѣмъ состояніемъ сознательности, до которой онъ теперь достигъ?

— Вы затрогиваете очень опасный предметъ, прервалъ ее Киніонъ. Я не смѣю идти за вами въ эту неизмѣримую глубь, въ которую вы влечете меня.

— Но въ этой неизмѣримой глубинѣ есть своего рода наслажденіе. Это исторія паденія человѣка, которая повторилась въ нашемъ романѣ Монте Бени. Если слѣдовать за нею по аналогіи, то мы дойдемъ до паденія Адама, который грѣхомъ купилъ для насъ счастье на землѣ. — Спросите Гильду, что она объ этомъ думаетъ, прибавила Миріамъ, мысленно углубляясь въ свою теорію. Она вѣроятно скажетъ, что и грѣхъ зависитъ отъ благой воли небесъ, потому что ведетъ къ преобразованію и усовершенствованію нашего духа.

Она помолчала минуты двѣ и протянула Киніону руку въ знакъ прощанія.

— Теперь прощайте, сказала она. Послѣ завтра, за часъ до заката солнца приходите на Корсо, и станьте передъ пятымъ домомъ по лѣвую руку, за антониновой колонной. Тамъ вы узнаете о вашемъ другѣ.

Пожавъ Киніону руку, она кивнула ему головою и, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, ушла, улыбаясь — какъ можетъ улыбаться счастливый человѣкъ. Киніону показалось, что и Донателло былъ вполнѣ счастливъ.

— Сегодня они — фавнъ и нимфа, а завтра явятся они въ своемъ настоящемъ видѣ, и не увидятъ предъ собою ничего, кромѣ отворенныхъ дверей тюрьмы.

ГЛАВА VIII.

Сцена на Корсо.

Въ назначенный день Kиніонъ явился на Корсо часомъ раньше, чѣмъ нужно было.

Карнавалъ былъ въ полномъ разгарѣ. Пробираясь сквозь пеструю толпу къ колоннѣ Антонина, онъ замѣтилъ мужчину и женщину въ крестьянскихъ костюмахъ; они прошли мимо его, увлеченные общимъ потокомъ, такъ что онъ не успѣлъ разсмотрѣть ихъ. Когда прошла процессія сенаторовъ, толпа особенно засуетилась — началось снова бомбардированіе конфектами и букетами, снова возобновились разнообразныя шалости, допускаемыя карнаваломъ. Угрюмый и видимо озабоченный иностранецъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Его поминутно окружала толпа арлекиновъ, устремлявшихъ на него свои деревянныя шпаги, орангутанговъ, паяцовъ, лицъ съ огромными носами, съ собачьими головами; одни заглядывали ему въ лицо и дикими жестами обнаруживали участіе къ его горю, иные дѣлали предъ нимъ гримасы, обнаруживая испугъ и отчаяніе. То являлся предъ нимъ толстѣйшій человѣкъ, въ изношенномъ парикѣ, съ перомъ за ухомъ и съ чернильницей, называлъ себя нотаріусомъ и спрашивалъ, не угодно ли ему написать духовное завѣщаніе; то вдругъ подходилъ фельдшеръ и, вынимая свой двухаршинный ланцетъ, предлагалъ пустить ему кровь.

Эти сцены проходили предъ глазами Kиніона какъ горячечный сонъ и смѣнялись такъ быстро, что не успѣвали надоѣсть. Но вотъ потокъ отхлынулъ, и Kиніонъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова увидѣлъ предъ собою крестьянина и крестьянку, которые повидимому также мало принимали участія въ шумѣ карнавала, какъ онъ самъ. Ему показалось, что эти двѣ фигуры въ каждомъ своемъ движеніи обнаруживали грустное волненіе.

— Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ! сказалъ онъ.

Но маски посмотрѣли на него и не отвѣчали ни слова.

— Если вы знаете что нибудь о Гильдѣ, то скажите мнѣ.

Маски не отвѣчали.

— Вы очень жестоки! продолжалъ онъ, вы знаете причину моего безпокойства и не хотите мнѣ ничего сказать.

— Вы не знаете, до какой степени вы сами жестоки, сказала крестьянка съ живостью, которую онъ часто замѣчалъ въ разговорахъ съ Миріамъ. Но теперь въ ея тонѣ слышалась глубокая грусть и скульпторъ могъ заключить, что ея черная маска скрываетъ блѣдное лицо, омоченное слезами.

— Не становитесь между нами въ эту минуту, потому что даже во время карнавала могутъ быть священныя минуты, сказала она.

— Извините меня, произнесъ скульпторъ. Миріамъ и Донателло протянули ему руки въ знакъ прощанія.

— Прощайте, сказали они всѣ трое въ одно время и черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ ихъ снова кипѣло бурное море карнавала.

Это короткое свиданіе убѣдило скульптора, что ему слѣдовало ограничиваться уже полученными свѣдѣніями о Гильдѣ. Теперь ему ничего не оставалось дѣлать, какъ стать передъ пятымъ домомъ за колонною Антонина и ждать, что скажетъ вечеръ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ онъ наконецъ назначеннаго пункта и, обхвативъ рукою фонарный столбъ, чтобы не быть снова увлечену толпою, началъ осматривать окружавшую его обстановку. Прямо передъ нимъ былъ пятый домъ, огромное, высокое зданіе съ огромнымъ балкономъ надъ сведенными въ арки воротами. На балконѣ сидѣлъ полный, довольно пожилой мужчина, всею наружностью своею обличавшій британское происхожденіе; три-четыре дамы, сидѣвшія возлѣ него и наслаждавшіяся веселыми сценами карнавала, имѣвшими для нихъ всю прелесть новизны, казалось были также Англичанки. Позади этой группы, занятой въ настоящую минуту, (не исключая и пожилаго мужчину, сохранявшаго степенную важность,) киданіемъ конфектъ на проходящихъ, — виднѣлась въ тѣни широкая шляпа аббата, который, повидимому, старался укрыться отъ взоровъ публики.

Вооружившись тупымъ терпѣніемъ, Киніонъ рѣшился ждать хоть до утра. Онъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ проходившія мимо его фигуры, воображая, что Гильда можетъ быть вмѣшалась въ толпу и сама къ нему подойдетъ. Посыпавшіяся ему на голову конфекты заставили его посмортѣть вверхъ, и онъ не мало удивился, увидѣвъ, что обратилъ на себя вниманіе всего общества, сидѣвшаго на балконѣ, не исключая и почтеннаго аббата, который свѣсился внизъ

и дѣлалъ ему дружескіе знаки рукою. Киніонъ еще болѣе удивился, узнавъ въ этомъ аббатѣ того самаго, котораго онъ остановилъ на улицѣ вопросомъ о Гильдѣ.

Но теперь, неизвѣстно почему, съ личностью аббата вовсе не соединялъ мысли о Гильдѣ и снова началъ осматривать толпу. Въ это время въ массѣ народа, тѣснившагося на Корсо, произошла суматоха: жандармы арестовали кого-то. Киніонъ не обратилъ на то вниманіе, полагая, что арестовали какого нибудь нарушителя общепринятыхъ карнавальныхъ обычаевъ.

— Эта крестьянка въ черной маскѣ должно быть красавица! какая у нея прекрасная фигура! произнесъ кто-то возлѣ скульптора.

— А онъ еще лучше, отвѣчалъ женскій голосъ. Что, они настоящіе крестьяне?

— Нѣтъ, должно быть, замаскированные.

— За что же это ихъ арестовали, спросилъ женскій голосъ съ участіемъ.

Киніонъ не слышалъ, да и не старался слышать отвѣта, тѣмъ болѣе, что вниманіе его было отвлечено упавшимъ прямо на него букетомъ, брошеннымъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, ѣхавшимъ въ коляскѣ. Вслѣдъ затѣмъ небольшой розовый букетъ, полетѣвшій съ балкона ударилъ его по губамъ и упалъ ему въ руку. Онъ посмотрѣлъ на балконъ и увидѣлъ Гильду. Она была въ бѣломъ домино, нѣсколько блѣдна и совершенно безучастна къ карнавальной суматохѣ.

Англичанинъ и дамы смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ и, казалось, готовы были спросить, какъ смѣла она явиться незваная на ихъ собственномъ балконѣ. Но почтенный аббатъ отвелъ стараго джентльмена въ сторону и сказалъ ему что-то на ухо, послѣ чего тотъ посмотрѣлъ на Гильду благосклоннымъ, хотя все еще недоумѣвающимъ взглядомъ и предложилъ ей жестомъ быть совершенно свободной. Видно было, что молодой дѣвушкѣ, несмотря на всю ея скромность и застѣнчивость, и въ голову не приходило, что внезапное появленіе ея на чужомъ балконѣ могло показаться страннымъ и даже дерзкимъ.

— Гдѣ же она была? и какъ она явилась? спроситъ читатель.

Но мы въ настоящую минуту позволимъ себѣ уклониться отъ прямаго отвѣта. Довольно будетъ сказать, что Гильда изъ своего таинственнаго убѣжища таинственнымъ образомъ была приведена въ пятый домъ на Корсо, откуда предъ нею открылся шумъ жизни. Выйдя на балконъ, она увидѣла грустнаго скульптора и, схвативъ букетъ розановъ, бросила въ него.

Въ этотъ вечеръ передъ образомъ Мадонны опять теплилась лампа-

да и вершина башни всю ночь была озарена ея тихимъ свѣтомъ. Голубокъ, остававшійся вѣрнымъ своей госпожѣ, утромъ привѣтствовалъ ее и созвалъ разлетѣвшуюся стаю.

ГЛАВА

Миріамъ, Гильда, Киніонъ и Донателло.

Разговоры наши съ скульпторомъ уяснили намъ исчезновеніе Гильды, хотя все время, пока они оставались въ Римѣ, вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ даже самыми близкими ихъ друзьями. Требовали ли отъ нея молчанія, или собственное ея благоразуміе заставляло ее скрывать въ тайнѣ продѣлки какихъ-то властей — не знаемъ; можетъ быть, она сама не могла навѣрное сказать, кто задержалъ ее и гдѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной сцены, Гильда и Киніона, занятые живымъ разговоромъ, проходили мимо Пантеона.

— Войдемте на минуту, сказала она. Я всякій разъ, какъ мнѣ случается быть здѣсь захожу, чтобъ поклониться гробу Рафаэля.

Киніонъ охотно принялъ предложеніе и они вошли. Ни что въ мірѣ не производитъ такого торжественнаго и величественнаго впечатлѣнія на человѣка, какъ Пантеонъ. Высота его такова, что картонныя статуи, поставленныя на верхнемъ карнизѣ, не могутъ испортить общаго эффекта; предъ этими мраморными стѣнами, покрытыми пылью, гранитнымъ и порфировымъ поломъ съ трещинами, глубокими слѣдами прошлыхъ вѣковъ, открытымъ куполомъ, и древними алтарями, уставленными вокругъ обширнаго пустаго пространства, кажется, блѣднѣетъ и самая церковь Св. Петра.

Остановившись посрединѣ круга, Гильда увидѣла женщину съ лицомъ, плотно закрытымъ вуалью, стоявшую на колѣнахъ у главнаго алтаря.

— Не можетъ быть! Это невозможно! проговорила она тихо.

— Что съ вами? спросилъ скульпторъ. Вы дрожите?

— Посмотрите, я готова сказать, что эта женщина Миріамъ.

— Не можетъ быть! сказалъ скульпторъ. Вѣдь вы знаете, что случилось съ нею и съ Донателлою?

— Да, не можетъ быть, подтвердила Гильда.

Но она долго не могла оторваться отъ этой женщины, покрытой вуалью.

— Дѣйствительно-ли Донателло фавнъ? спросила она, какъ будто мысль о Миріамъ возбудила въ ней воспоминанія о прошломъ.

— Вы не сомнѣвались бы въ этомъ, еслибы изучили родословную графовъ Монте Бени, отвѣчалъ скульпторъ. Я убѣжденъ, что, кто бы онъ ни былъ — фавнъ или человѣкъ, — а все-таки онъ прекрасное созданіе, и еслибы всѣ люди были такіе, какъ онъ, то земля была бы раемъ.

Разговоръ продолжался въ этомъ направленіи; но когда они подошли къ мраморной Мадоннѣ, стоящей на гробницѣ Рафаэля, онъ принялъ другой оборотъ, и что здѣсь было сказано влюбленными, мы передавать не станемъ. Когда покрытая вуалью женщина встала и пошла къ выходу, они увидѣли, что это точно была Миріамъ; но не подошли къ ней, потому что протянутыя къ нимъ благословляющія руки ея, казалось, отталкивали ихъ. Сознателенъ или безсознателенъ былъ этотъ жестъ, но она выразила имъ ту мысль, что между ними и ею лежитъ бездна, которую не должно пытаться пройти.

Черезъ нѣсколько дней башня Гильды опустѣла — другая рука должна была зажигать лампаду, потому что Гильда, обожаемая супруга Киніона, жила въ другомъ домѣ и собиралась на родину. Передъ отъѣздомъ, она получила подарокъ, который заставилъ ее пролить слезы. То былъ драгоцѣнный браслетъ, составленный изъ семи этрусскихъ камней, найденныхъ въ семи этрусскихъ гробницахъ. О каждомъ изъ этихъ камней Миріамъ когда-то разсказывала таинственныя исторіи, въ родѣ той, въ которой сама была однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

— Гдѣ-то она теперь? гдѣ Донателло? какъ бы они могли быть счастливы? думала Гильда, разсматривая браслетъ.

Разсказъ конченъ, и я могъ бы положить перо, еслибы не былъ убѣжденъ, что читатель предложитъ нѣсколько вопросовъ, которые мнѣ самому пришли въ голову, когда я выслушалъ эту туманную исторію. Улучивъ удобную минуту, когда мы всѣ трое стояли на вершинѣ купола Св. Петра, то есть на такой высотѣ, что можно смѣло говорить обо всемъ, о чемъ на землѣ не всегда безопасно и думать, я предложилъ Гильдѣ прежде всего такой вопросъ:

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, что именно заключалось въ конвертѣ, который вы отнесли въ палаццо Ченчи?

— Не знаю, потому что не считала себя вправѣ вскрывать его.

— Объ этомъ нельзя говорить, перебилъ Киніонъ. Я могу ска-

зать только то, что у Миріамъ, казавшейся совершенно одинокою, въ Римѣ были родственники и одинъ изъ нихъ занималъ мѣсто въ папской службѣ; этимъ родственникомъ былъ вѣроятно Лука Барбони. За нею наблюдали, такъ что каждый шагъ ея былъ извѣстенъ правительству лучше, чѣмъ самымъ близкимъ ея друзьямъ. Надзоръ ей наскучилъ и, я думаю, она была намѣрена навсегда скрыться изъ Рима, а потому можно полагать, что въ конвертѣ заключались, кромѣ увѣдомленія объ этомъ, документы, которые родственники ея должны были получить, какъ бы по умершей.

— Это объясненіе не яснѣе лондонскаго тумана, сказалъ я. Но оставимъ это въ сторонѣ, если вы говорите, что бо̀льшихъ свѣдѣній нельзя добиваться. Скажите же, пожалуйста, отчего Гильда скрылась, послѣ того какъ отдала конвертъ.

— Очень просто, отвѣчалъ Киніонъ. Уѣхавъ изъ Рима, Миріамъ не оставила никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы узнать о ея дѣйствіяхъ; а въ это время узнали объ убійствѣ капуцина, которое имѣло явную связь съ нею; сверхъ того ее подозрѣвали въ участіи въ какой-то политической интриги, что кажется подтвердили бумаги найденныя въ конвертѣ; очень понятно, что Гильду слѣдовало задержать.

— Это понятно. Зачѣмъ же они оба возвратились въ Римъ? И съ кѣмъ ѣхала Миріамъ въ тотъ вечеръ, какъ погасла лампада?

— Съ родственникомъ своимъ. Что же касается до Донателло, то его привлекло въ Римъ раскаяніе и настоятельное желаніе предать себя въ руки правосудія, отъ чего не могли удержать его никакія просьбы Миріамъ. Здѣсь они узнали о томъ, что Гильда пропала, и Миріамъ устроила сцену на Корсо.

— Гдѣ же была Гильда? спросилъ я.

— Гдѣ ты была, Гильда? спросилъ скульпторъ.

— Въ монастырѣ Sacré Coeur, въ Frinita de'Monti; въ обществѣ тамошнихъ монахинь, подъ надзоромъ почтеннаго старика.

— Теперь для окончательнаго уясненія дѣла, остается открыть настоящее имя Миріамъ; причемъ я могу завѣрить васъ, что оно будетъ глубочайшею тайною, сказалъ я.

— Неужели вы не догадались, кто она? вскричалъ изумленный скульпторъ; подумайте немного и вы непремѣнно вспомните ея имя, потому что оно замѣшано въ одно изъ ужаснѣйшихъ и таинственнѣйщихъ событій нашего столѣтія и извѣстно всему свѣту.

— Гдѣ же теперь Донателло? спросилъ я послѣ глубокаго размышленія.

— Въ тюрьмѣ, отвѣчалъ Киніонъ съ сожалѣніемъ.

— Почему же Миріамъ не въ тюрьмѣ?

— Ея преступленіе заключалось только въ одномъ взглядѣ; вѣдь не она была убійцею.

— Позвольте еще одинъ вопросъ: дѣйствительно ли у Донателло уши были такія, какъ у праксителева фавна?

— Извините, отвѣчалъ скульпторъ, таинственно улыбаясь; хотя мнѣ и это извѣстно, но я позволяю себѣ не отвѣчать на вашъ вопросъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ИЗДАНІЯ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

МАКОЛЕЙ: полное собраніе сочиненій, т. 1. .	2 р. —	»
ЕГО-ЖЕ: idem — т. 2. .	1 р. 50	»
МОЛИНАРИ: курсъ политической экономіи. .	1 р. 75	»
МЕЙЕРЪ: русское гражданское право . . .	1 р. 50	»
ВЫЗИНСКІЙ: лордъ маколей (біографія). . .	— 60	»
русская лира, хрестоматія.	— 20	к.
МАРКО ВОВЧОКЪ: Повістки, съ малороссійско-русско-польскимъ словаремъ . .	— 50	»

Печатаются:

МАКОЛЕЙ: полное собраніе сочиненій, т. 6. (1 т. Исторіи Англіи).

КУРСЕЛЬ-СЕНЕЛЛЬ: трактатъ о политической экономіи.

Готовятся къ печати:

МАКОЛЕЙ: полное собраніе сочиненій, т. 3, 4 и слѣд.

ЮЛІАНЪ ШМИДТЪ: исторія французской литературы.

КОЛЬБЪ: руководство къ сравнительной статистикѣ.

КУНО ФИШЕРЪ: исторія новѣйшей философіи.

Цѣна назначена *безъ пересылки.* Лица, обращающіяся съ требованіями своими въ контору типографіи Н. Тиблена и К° (на Вас. Остр., въ 8-й л., № 25), пользуются 15% уступки.

Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для Юношества. Сост. Н. Крыловъ. Спб. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Калѣки перехожіе. Сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ. Выпускъ II-й съ рисункомъ слѣпцовъ съ вожакомъ и нотами для напѣвовъ. Собралъ и издалъ П. Безсоновъ. М. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Тоже выпускъ I-й Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сост. С. Соловьевъ. Томъ XI-й. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Той же исторіи X томовъ. Ц. 22 р. 50 к., съ пер. 26 р.

Полное собраніе сочиненій Маколея, перев. съ англійск. Спб. 1861. Томъ I-й съ портретомъ и біографіею Маколея, написанною Вызинскимъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Томъ II-й Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія Западной Римской Имперіи. Соч. Гизо, перев. подъ редакціею М. Стасюлевича. Томъ I-й. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Европѣ Соч. Гизо, перев. съ франц. Спб. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Старый порядокъ и революція. Соч. А. Токвиля, перев. Н. Кондырева. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Демократія въ Америкѣ. Соч. А. Токвиля, перев. Я. Якубовича. 4 тома. К. 1861. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Гегель и его время. Лекціи о первоначальномъ возникновеніи, развитіи, сущности и достоинствѣ Гегелевой философіи, читанные въ Берлинскомъ Университетѣ Р. Гаймомъ; перев. съ нѣмец. П. Соляникова. Спб. 1861. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

О формахъ промышлености вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышлености) въ Западной Европѣ и Россіи. Соч. А. Корсака. М. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 10-го мая 1861 года.

Цензоръ Ст. Лебедевъ.